Т7 6/100

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ СТАТИСТИКИ.
ТОМЪ XII.
изданный подъ редакціей д. чл. В. В. Морачевскаго.

Т 7 6/100

РУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ
И
ОСѢДЛЫЕ ИНОРОДЦЫ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

И. И. Майновъ.

Съ 16 отдѣльными рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1912.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ СТАТИСТИКИ.
ТОМЪ XII.
изданный подъ редакціей д. чл. В. В. Морачевскаго.

81
T 7 6/100

РУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ
И
ОСѢДЛЫЕ ИНОРОДЦЫ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

И. И. Майновъ.

Съ 16 отдѣльными рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1912.

БИБЛИОТЕКА
Государ...
№ 10923
"26/IV 1936.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Процессъ заселенія Сибири совершался, какъ извѣстно, двоякимъ путемъ: съ одной стороны, массы трудового и гулящаго люда, спасаясь отъ домашней тѣсноты и обиды, неудержимо стремились на востокъ и тамъ осѣдали на подходящихъ мѣстахъ, не только безъ поддержки, но даже вопреки строгимъ запретамъ и противодѣйствію властей; съ другой стороны, само правительство, основывая военно - административные центры въ новопокоренныхъ земляхъ, въ виду огромныхъ трудностей снабженія «провіантомъ» служилаго и ратнаго люда, переселяло крестьянъ въ окрестности сибирскихъ городовъ, нерѣдко на мѣста, недостаточно развѣданныя и неудобныя для земледѣлія, возлагая на переселенцевъ обязанность заводить пашню, какъ государственную повинность. Подобнымъ же образомъ правительство заселяло и пути сообщенія въ далекихъ и пустынныхъ краяхъ, основывая на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого поселки, всѣ жители которыхъ обязаны были служить государству въ качествѣ ямщиковъ и возчиковъ казенной клади.

Сообщеніе съ городами Якутской области, по ихъ отдаленности, было сопряжено съ наибольшими трудностями, и потому, вскорѣ же послѣ окончательнаго покоренія и усмиренія туземныхъ племенъ, правительство начало принимать мѣры къ установленію въ краѣ «русской осѣд-

лости». Главною цѣлью при этомъ являлась организація ленскаго тракта, такъ какъ тогдашніе якуты не умѣли обращаться съ упряжными лошадьми и вообще были недостаточно надежны. Заселеніе Якутской области русскими крестьянами совершалось такимъ образомъ по правительственному почину, исключительно въ виду административныхъ надобностей. Вольная крестьянская колонизація до Якутска не дошла, и кромѣ ямщицкихъ поселковъ, расположенныхъ по р. Ленѣ, во всемъ Якутскомъ краѣ до начала XX вѣка существовало только три русскихъ селенія, основанныхъ не ради организаціи почтовой гоньбы, а съ цѣлью введенія въ краѣ хлѣбопашества. Въ послѣдніе полвѣка возникло также десятка полтора селеній, жителями которыхъ являются ссыльные скопцы, духоборы и уголовные поселенцы, но такъ какъ обитатели такихъ колоній народъ неполноправный, то о нихъ будетъ упомянуто особо въ концѣ этихъ очерковъ. Во всякомъ случаѣ, недобровольность возникновенія «русской осѣдлости» составляетъ общую черту, характерную для всѣхъ крестьянскихъ поселеній Якутскаго края.

Особыя условія, въ которыя были поставлены переселенцы-ямщики, заставляли ихъ вплоть до самаго послѣдняго времени видѣть свой основной промыселъ именно въ почтовой гоньбѣ. Главное подспорье для нихъ составляло скотоводство по якутскому образцу, а земледѣліемъ крестьяне стали заниматься въ серьезъ лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Такимъ образомъ хозяйственный бытъ приленскаго населенія сложился вполнѣ своеобразно, отчасти подъ вліяніемъ инородческаго элемента, съ которымъ якутскіе крестьяне сильно перемѣшались по крови. Отсюда уже a priori можно ожидать, что въ хозяйственныхъ распорядкахъ и въ общественномъ укладѣ крестьянскаго міра здѣсь встрѣчается кое-что, заимствованное русскими у якутовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратно,—что присутствіе

русскихъ крестьянъ-общинниковъ среди населенія, еще не вполнѣ вышедшаго изъ стадіи родового быта, не остается безъ вліянія на мірскомъ укладѣ самихъ туземцевъ.

Наряду съ особенностями хозяйственнаго строя и общественнаго быта, своеобразныя стороны можно отмѣтить также и въ административномъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ Якутской области, т. к. въ этомъ устройствѣ наряду съ нѣкоторыми чертами, заимствованными изъ Положенія 1861 года, до послѣднихъ дней сохранялось многое изъ того порядка отношеній, который ранѣе былъ общимъ въ управленіи всѣхъ казенныхъ крестьянъ, но въ менѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ въ свое время исчезъ, уступивъ мѣсто общимъ началамъ Положенія 1861 года. Въ управленіи якутскихъ крестьянъ вплоть до нашего времени, если не de jure, то de facto, остаются въ силѣ архаическія установленія 1797 г., 1817 г. и 1822—24 г.г. Всѣ они проникнуты духомъ того времени, такъ какъ разсматриваютъ крестьянъ, какъ казенную собственность. Общественная организація «посельщиковъ» и личность каждаго изъ нихъ въ отдѣльности ставятся ими въ полную и безапелляціонную зависимость отъ ближайшихъ полицейскихъ властей. При полуторастолѣтнемъ господствѣ произвола, въ сельскомъ мірѣ Якутской области не могло выработаться ни прочнаго правосознанія, ни единообразныхъ порядковъ управленія, и къ концу XIX вѣка въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ сложился свой особый строй, основанный не столько на законѣ (какъ признавала сама администрація — слишкомъ устарѣломъ), сколько на мѣстномъ обычаѣ и на административной традиціи.

Между тѣмъ, еще съ 1866 года въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ было въ принципѣ рѣшено примѣнить Положеніе 1861 года къ государственнымъ крестьянамъ восточной Сибири; но Совѣтъ Главнаго Упра-

вленія Вост. Сибири, разсматривая вопросъ о способахъ осуществленія реформы въ различныхъ мѣстностяхъ, нашелъ, что «къ введенію общаго Положенія о кр. 19 февраля 1861 г. не представляется затрудненій только въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской (кромѣ Туруханскаго края) и въ Забайкальской области, въ областяхъ же Якутской, Приморской и въ Туруханскомъ краѣ введеніе означеннаго Положенія въ полномъ объемѣ не представляется возможнымъ, а должно быть предоставлено губернскому и областному начальствамъ руководствоваться имъ, насколько позволятъ будутъ мѣстныя обстоятельства, и съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора». Мнѣніе это, одобренное генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ, было представлено министру государственныхъ имуществъ 6 апрѣля 1871 г. и послѣ этого въ продолженіе девяти лѣтъ вопросъ о реформѣ крестьянскаго управленія въ Якутской области не двигался впередъ. Новый толчекъ дѣлу былъ данъ 16 января 1880 г. требованіемъ иркутскаго генералъ-губернатора доставить свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ примѣнимы къ крестьянамъ Якутской области правила, установленныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 21 ноября 1879 г. Якутскій губернаторъ генералъ-маіоръ Черняевъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, что онъ «по мѣстнымъ условіямъ не признаетъ возможнымъ примѣнить къ крестьянамъ Якутской области правила 21 ноября 1879 г. въ полномъ ихъ объемѣ, но полагаетъ въ управленіи крестьянскимъ населеніемъ руководствоваться сказаннымъ Положеніемъ настолько, насколько позволятъ будутъ мѣстныя обстоятельства, подъ руководствомъ областного начальства». Доставленныя сибирскими губернаторами въ отвѣтъ на запросъ изъ Иркутска, свѣдѣнія о казенныхъ крестьянахъ были обработаны ген.-губернаторомъ Анучинымъ и представлены министру внутреннихъ дѣлъ 22 марта 1881 г. Согласно

этому представленію, 27 апрѣля 1882 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ, между прочимъ, положено: «предоставить генералъ-губернатору восточной Сибири разрѣшать устройство сельскихъ обществъ и ихъ общественнаго управленія въ Якутской области примѣнительно къ началамъ, изложеннымъ въ ст.ст. 38—115 Положенія о крестьянахъ Закавказскаго края», причемъ преобразованіе должно было вводиться по усмотрѣнію ген.-губернатора, постепенно, «соображаясь съ мѣстными условіями, и съ порученіемъ дѣла на мѣстѣ ближайшему вѣдѣнію губернаторовъ и губернскихъ совѣтовъ». Въ силу такого рѣшенія журналомъ Якутскаго Областного Совѣта 27 іюня 1884 г. было предположено примѣнить къ крестьянамъ Якутской области Положеніе 1861 г. съ образованіемъ изъ существующихъ селеній четырехъ сельскихъ обществъ: Синскаго, Олекминскаго, Амгинскаго и Нюрьбинскаго. Журналъ этотъ, по докладу члена Совѣта Гл. Упр. Вост. Сибири Усольцева, былъ признанъ «лишеннымъ твердаго основанія и изслѣдованія», такъ какъ и на самомъ дѣлѣ якутская администрація того времени не имѣла почти никакихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи крестьянъ и образованіе именно тѣхъ, а не иныхъ, административныхъ единицъ въ журналѣ оставалось совершенно необоснованнымъ. Сами крестьяне, по предложенію окружныхъ исправниковъ, въ періодъ 7 марта—8 іюня 1884 г. обсуждали вопросъ о введеніи у нихъ Положенія 1861 г. на сельскихъ сходахъ, но какого рода было это «обсужденіе», видно изъ текста общественныхъ приговоровъ, изобилующихъ разнаго рода курьезами. Между прочимъ, въ Якутскомъ округѣ (предполагавшееся Синское общество), приговоръ составленъ яко-бы въ пользу реформы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вся административная и судебная власть была сосредоточена въ рукахъ мѣстнаго

старосты; а такъ какъ въ этой мѣстности существовалъ среди крестьянъ своего рода «некоронованный король», фактически давно сосредоточившій въ своихъ рукахъ всѣ виды власти—судебной, административной и экономической, то не трудно догадаться, что «общественный приговоръ» былъ просто продиктованъ этимъ лицомъ, а собственно общество едва ли принимало въ составленіи этого акта хоть какое-нибудь участіе... По резолюціи предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Гл. Управленія на докладѣ Усольцева постановленіе Якутскаго Областного Совѣта было отмѣнено и докладъ Усольцева былъ препровожденъ въ подлинникѣ якутскому губернатору съ предложеніемъ «введеніемъ реформы не спѣшить, а обратить особое вниманіе на ознакомленіе крестьянъ съ новымъ Положеніемъ». Послѣ этой неудачной попытки вопросъ замеръ еще на восемь лѣтъ. Вновь онъ былъ возбужденъ лишь въ 1890 году, при личномъ посѣщеніи Якутскаго края генералъ-губернаторомъ А. Д. Горемыкинымъ. По его иниціативѣ, но только черезъ два года, Якутскій областной Совѣтъ по журналу 26 фераля—6 марта 1892 г. вторично разсматривалъ вопросъ о реформѣ крестьянскаго управленія въ Якутской области и высказался за ея своевременность. Однако и это постановленіе было отмѣнено, такъ какъ «предположенная Совѣтомъ реформа во многихъ случаяхъ является несогласной съ ясно выраженными желаніями самого населенія; 2) необходимость реформы въ томъ видѣ, какъ она проектирована, ничѣмъ въ журналѣ не доказана; 3) о подробностяхъ существующихъ нынѣ въ области порядковъ крестьянскаго управленія въ журналѣ также нѣтъ никакихъ почти свѣдѣній, почему и нельзя судить, въ какомъ именно отношеніи нуждаются настоящіе порядки въ измѣненіи и въ ближайшемъ согласованіи съ общимъ о крестьянахъ положеніемъ; и 4) мѣстныя условія Якутской области, будучи весьма своеобраз-

ными, отнюдь не допускаютъ въ настоящее время примѣненія къ ней означеннаго общаго положенія въ полномъ его объемѣ [1])».

Въ виду двукратной неудачи, вызывавшейся въ обоихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же обстоятельствомъ—отсутствіемъ у якутской администраціи свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи мѣстныхъ крестьянъ, новый губернаторъ Якутской области В. Н. Скрипицынъ въ іюлѣ 1894 г. исходатайствовалъ разрѣшеніе командировать двоихъ лицъ для объѣзда крестьянскихъ селеній и представленія подробнаго отчета о судебно-административномъ устройствѣ русскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ и о хозяйственномъ бытѣ крестьянъ. Задача эта была возложена г-мъ Скрипицынымъ на чиновника особыхъ порученій Г. Л. Кондакова и на автора настоящихъ очерковъ, какъ на лицо, уже выполнявшее ранѣе нѣкоторыя работы для мѣстнаго Статистическаго Комитета. Въ концѣ 1894 г. и въ началѣ 1895 года названныя лица посѣтили всѣ селенія Якутскаго и Олекминскаго округовъ, разсмотрѣли мѣстные архивы и произвели подворную перепись, по возможности согласуя пріемы своихъ работъ съ методами статистиковъ министерства государственныхъ имуществъ, въ концѣ 80-хъ годовъ изслѣдовавшихъ подъ руководствомъ покойнаго Астырева и М. М. Дубенскаго крестьянское населеніе Иркутской и Енисейской губерній [2]). 9-го мая 1896 года Общее Присутствіе Якутскаго Областного Управленія, разсмотрѣвъ представленный Майновымъ и Кондаковымъ подробный отчетъ о положеніи

[1]) Въ этомъ пунктѣ, какъ видно изъ остальной переписки, подразумѣвалось неудобство образованія въ Якутской области крупныхъ общественныхъ единицъ съ полнымъ составомъ волостного управленія по образцу громадныхъ волостей Иркутской губерніи.

[2]) «Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній». Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду означать этотъ трудъ: «Мат . . . etc. . . по Иркутской и Енисейской губерніямъ».

мѣстныхъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ, высказалось за возможность и своевременность преобразованія крестьянскаго управленія въ Якутской области съ учрежденіемъ сельскихъ обществъ примѣнительно къ ст.ст. 38—115 Положенія о крестьянахъ Закавказскаго края. Журналъ Областного Управленія былъ своевременно представленъ иркутскому генералъ-губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, но въ эту пору въ высшихъ сферахъ былъ поднятъ вопросъ о коренной реформѣ всего крестьянскаго быта въ духѣ тѣхъ вѣяній, которыя получили такую силу въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ г-на Дурново, и вопросъ о примѣненіи реформы 1861 г. къ крестьянамъ Якутской области и черезъ 30 лѣтъ послѣ осуществленія этой реформы въ Россіи вновь затормазился на неопредѣленное время [1]).

Такимъ образомъ выполненная Майновымъ и Кондаковымъ работа практически не имѣла никакихъ послѣдствій, но тотъ матеріалъ, который былъ собранъ при изслѣдованіи, въ силу моего предварительнаго соглашенія съ г. Скрипицынымъ, остался въ моемъ распоряженіи для задуманной мною уже въ то время литературной обработки.

Матеріалъ этотъ состоитъ изъ статистическихъ таблицъ, записей, основанныхъ на опросѣ крестьянъ и якутовъ, и выписокъ изъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ.

При производствѣ подворной переписи мы располагались съ Г. Л. Кондаковымъ въ одной комнатѣ, за отдѣльными столами. Ко мнѣ подходили крестьяне, свободно владѣвшіе русскимъ языкомъ, а крестьяне, говорившіе только по якутски, направлялись къ г. Кондакову, который, какъ мѣстный уроженецъ, владѣлъ якутскимъ

---

[1]) Свѣдѣнія о позднѣйшихъ преобразованіяхъ административнаго устройства крестьянскихъ селеній Якутской области сообщаются въ дополненіяхъ къ главамъ I и IV—той и въ приложеніи I къ настоящему труду.

языкомъ въ совершенствѣ. Опросные листы сводились затѣмъ въ табличную форму и разрабатывались мною. Подлинные листы поселенныхъ записей были впослѣдствіи представлены при отчетѣ, составивъ отдѣльный томъ приложеній къ отчету, и въ настоящее время, вѣроятно, хранятся при архивѣ Якутскаго Областного Правленія, а копіи таблицъ остались у меня.

Что касается до архивной работы, то нами были использованы слѣдующіе мѣстные архивы: 1) архивъ Якутскаго Областного Правленія; 2) архивъ Олекминскаго Окружного Полицейскаго Управленія; 3) архивъ Амгинской Мірской избы, Якутскаго округа; 4) архивъ Олекминской инородческой волости; 5) Олекминскаго Крестьянскаго общества; 6) Общества 20-ти станцій Якутскаго округа и 7) шести родовыхъ управленій Олекминскихъ инородцевъ.

Къ сожалѣнію, для подробнаго изученія всего архивнаго матеріала у насъ не имѣлось достаточно времени, такъ какъ мы были связаны опредѣленнымъ срокомъ для представленія своего отчета, и нами разсмотрѣны безъ пропусковъ лишь тѣ дѣла, которыя сохранились отъ XVIII вѣка и отъ самаго начала XIX, а изъ дѣлъ позднѣйшей эпохи мы могли ознакомиться лишь съ тѣми, которыя по самому заголовку представлялись наиболѣе интересными. Въ силу этого въ предлагаемыхъ очеркахъ не возстанавливается полная исторія крестьянскаго населенія Якутской области во всѣхъ ея стадіяхъ, а лишь указываются критическіе моменты этой исторіи,—годы основанія селеній или перелома въ хозяйственномъ бытѣ и въ порядкахъ управленія.

За тѣ пятнадцать лѣтъ, которыя отдѣляютъ моментъ изслѣдованія отъ момента окончательной литературной обработки собраннаго матеріала, въ условіяхъ сельской жизни, даже и въ Якутской области, многое измѣ-

нилось. Въ частности всѣ цифры, касающіяся численнаго состава населенія, распредѣленія угодій, количества и распредѣленія скота у крестьянъ и т. п., теперь, конечно, уже не таковы, какъ въ 1895 году. Однако, существенныхъ перемѣнъ въ хозяйственномъ бытѣ крестьянъ, насколько мнѣ извѣстно, за это время не произошло и, впредь до появленія новѣйшихъ изслѣдованій, данныя девяностыхъ годовъ все-таки сохраняютъ нѣкоторое значеніе. Притомъ-же раньше никакихъ работъ подобнаго рода въ селеніяхъ Якутскаго края не производилось, какъ не бывало и повторныхъ обслѣдованій, а потому сообщаемые здѣсь факты и цифры составятъ едва ли не единственный матеріалъ, опираясь на который при будущихъ изслѣдованіяхъ можно будетъ установить характеръ и направленіе происходящихъ въ крестьянской жизни измѣненій къ лучшему или къ худшему.

Не имѣя предшественниковъ въ дѣлѣ изученія быта русскихъ крестьянъ Якутской области, я по необходимости долженъ былъ обратить усиленное вниманіе на прошлое изучаемаго населенія и, насколько это позволяли имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи данныя, стремился придать всему изложенію историческій характеръ, причемъ въ началѣ не предполагалъ идти въ своемъ повѣствованіи далѣе послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка. То обстоятельство, что приступить къ обработкѣ своихъ матеріаловъ я могъ лишь въ 1910 году, заставило меня обратиться къ совѣтнику Якутскаго Областного Правленія Андрею Иннокентьевичу Попову, бывшему въ девяностыхъ годахъ секретаремъ Якутскаго Статистическаго Комитета, съ просьбой освѣдомить меня о тѣхъ мѣрахъ, которыя принимались за послѣднія пятнадцать лѣтъ по отношенію къ крестьянамъ и осѣдлымъ инородцамъ якутской администраціей, а, если возможно, то доставитъ мнѣ и позднѣйшія изданія Якутскаго Статистическаго Комитета. Г. Поповъ былъ такъ любезенъ, что

выслалъ мнѣ въ Россію всѣ изданія Комитета по 1908 годъ, отчасти уже ставшія рѣдкостью, а помимо того въ своемъ письмѣ далъ весьма цѣнныя указанія, которыми я и воспользовался, составивъ на основаніи этихъ новѣйшихъ данныхъ особыя добавленія въ концѣ каждой главы. Уже въ то время, когда книга съ этими добавленіями печаталась, появился «*Справочникъ Якутской области на 1911 годъ*» и нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствуемыя изъ этого источника, мнѣ пришлось помѣстить не при соотвѣтственныхъ главахъ, а въ приложеніи въ концѣ книги. Туда же я отнесъ и цифровыя таблицы, слишкомъ громоздкія для помѣщенія ихъ въ текстѣ.

Прилагаемые къ тексту рисунки воспроизводятся съ фотографическихъ снимковъ, предоставленныхъ мнѣ владѣльцемъ существовавшей въ г. Якутскѣ фотографіи В. С. Келлерманомъ и занимавшимися фотографированьемъ моими товарищами: М. И. Сосновскимъ, В. Е. Гориновичемъ и Н. А. Виташевскимъ.

Общее редактированіе книги и наблюденіе за ея печатаніемъ не отказался принять на себя Виталій Виталіевичъ Морачевскій, при содѣйствіи котораго предлагаемый трудъ былъ представленъ авторомъ въ Географическое общество и получилъ возможность увидѣть свѣтъ.

Выражая А. И. Попову и В. В. Морачевскому, какъ ближайшимъ участникамъ въ подготовкѣ и въ опубликованіи этихъ очерковъ, свою искреннюю признательность, я считаю долгомъ съ благодарностью упомянуть и тѣхъ моихъ товарищей по Якутской области, которые оказали содѣйствіе моимъ работамъ сообщеніемъ свѣдѣній, передачей документовъ, а частью и личной помощью при изслѣдованіи: А. И. Бычкова, Н. А. Виташевскаго, Н. Л. Геккера, В. Е. Гориновича, В. С. Ефремова, В. М. Іонова, Ф. Я. Кона и Э. К. Пекарскаго.

И. Майновъ.

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе . . . . . стр. I—XIII.

Глава I. Заселеніе Якутскаго края русскими крестьянами стр. 1—9; ихъ первоначальное положеніе; стр. 10—15; перечень существующихъ крестьянскихъ селеній, стр. 15—16. Добавленіе, стр. 16—17 . . . . . 1—17

» **II. Составъ крестьянскаго населенія.** 1) Общая характеристика физическаго типа крестьянъ Якут. области, стр. 18—21. II) Численность и приростъ населенія: а) въ Амгинскомъ о-вѣ; б) въ о-вѣ 20-ти станцій Якут. округа; в) въ Олекминской крестьянской волости; стр. 21—27. III) Половой, возрастный и семейный составъ кр. населенія; сравнительныя данныя относительно якутовъ, тунгусовъ и крестьянъ-старожиловъ Иркутской губерніи, стр. 27—30. Добавленіе, стр. 31—32. . . . . 18—32

» **III. Школы и грамотность,** стр. 32—46. Добавленіе, стр. 46. 32—46

» **IV. Административное устройство и общественное управленіе.** I) Неопредѣленность закона и господство административнаго обычая; источники мѣстнаго административнаго обычая; несогласованность ихъ юридическихъ началъ, стр. 47—55. II) Разнообразіе въ порядкахъ управленія, въ судебныхъ обычаяхъ и въ обычномъ правѣ крестьянъ: а) въ Амгинскомъ о-вѣ); б) въ о-вѣ 20-ти станцій Иркутскаго тракта; в) въ Олекминской кр. волости, стр. 55—77. Добавленіе, стр. 77—78. . . . . 47—78

» **V. Осѣдлые инородцы.** I) Разселеніе якутовъ по Олекминскому округу; стр. 79—84. II) Численность якутскаго населенія Олекминскаго округа, стр. 84—88. III) Особенности якутскаго общественнаго строя; перечисленіе олекминцевъ изъ кочевыхъ инородцевъ въ осѣдлые, стр. 88—98. IV) Порядки. установившіеся въ Олекминской Инородческой волости, стр. 98—111. Добавленіе, стр. 111—113. 79—113

» **VI. Кредитныя учрежденія и хлѣбные запасы.** I) Частный кредитъ и кредитныя учрежденія: стр. 113—128. II) Продовольственное дѣло и сельскіе хлѣбо-запасные магазины, стр. 128—134. Добавленіе, стр. 134—135. . . . . 113—135

» **VII. Мірскіе промыслы и общественные доходы.** I) Ямская гоньба, стр. 136—149. II) Общественные подряды на извозъ, стр. 149—158. III) Прочіе доходы сельскихъ обществъ, стр. 158—161. Добавленіе, стр. 161. . . . . 136—161

Стран.

Глава VIII. **Платежи и повинности.** I) Казенные платежи, стр. 162—175. II) Мірскіе сборы, стр. 175—184. III) Натуральныя повинности, стр. 184—190. IV) Общественныя работы, стр. 190—194. Добавленіе, стр. 195—196. . . . . 162—196

» IX. **Надѣльныя земли.** I) Надѣленіе крестьянъ сѣнокосными и пахотными землями; площадь крестьянскихъ земель къ началу 1895-го года, стр. 197—206. II) Борьба якутовъ за землю, стр. 206—214. III). Сѣнокосы и пашни олекминскихъ якутовъ по даннымъ 1893-го года, стр. 214—217. Добавленіе, стр. 217- 219. . . . . 197—219

» X. **Земельные порядки.** I) Русскія селенія: а) общинно-отводный характеръ крестьянскаго землепользованія, стр. 219—223; б) эволюція общины въ Амгинской слободѣ, стр. 223—225; в) земельные порядки вь трехъ селеніяхъ бывшихъ аянцевъ, стр. 225—228; г) характеръ землепользованія на 43 приленскихъ станціяхъ, стр. 228—235; д) община въ двухъ центральныхъ деревняхъ Олекм. окр., стр. 235—242. II) Инородческая волость: а) особенности якутскаго землепользованія, стр. 242—248; б) преобразованія въ порядкахъ землепользованія олекминскихъ якутовъ въ 1891—93 годахъ, стр. 248—251. Добавленіе, стр. 251—253. 219—253

» XI. **Скотоводство и земледѣліе.** I) Относительное значеніе скотоводства и земледѣлія въ хозяйствѣ крестьянъ разныхъ районовъ, стр. 253—263. II) Составъ скота и сорта засѣваемаго хлѣба, стр. 263—266. III) Способы ухода за скотомъ и обработки пашенъ, стр. 266—271. IV) Аренда луговъ и аренда пашенъ, стр. 271—273. V) Продажа и покупка сельскихъ продуктовъ, стр. 273—276. VI) Наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, стр. 276—277. VII) Скотъ и посѣвы олекминскихъ якутовъ, стр. 277—282. Добавленіе, стр. 282—283. . . . . 253—283

» XII. **Отхожіе и мѣстные промыслы.** I) Извозъ; стр. 283—291. II) Отходъ на заработки, стр. 291—292. III) Звѣроловство и рыболовство, стр. 292—294. IV) Мелкіе промыслы, стр. 294—296. Добавленіе, стр. 296. . . . . 283—296

» XIII. **Скопческія селенія.** I) Возникновеніе скопческихъ селеній въ Якутской области; стр. 297—303. II) Половой и возрастный составъ скопческаго населенія, стр. 303—307. III) Обособленность скопческаго міра; управленіе, подати и мірскіе сборы, стр. 307—315. IV) Надѣльныя земли и земельные порядки; стр. 315—325. V) Хозяйственная и торговая дѣятельность скопцовъ, стр. 325—338. Добавленіе, стр. 338—339. . . . . 297—339

» XIV. **Поселки уголовныхъ ссыльныхъ,** стр. 340—354. Добавленіе, стр. 354—357. . . . . 340—357

Приложенія.

Стран.

I. а) Извлеченіе изъ «Инструкціи для сельскихъ управленій Якутской области», утвержденной 14 мая 1910 года; б) современное распредѣленіе селеній по отдѣльнымъ обществамъ; в) перечень нынѣ существующихъ въ крестьянскихъ селеніяхъ и въ Олекминской инородческой волости министерскихъ и церковныхъ школъ, врачебныхъ пунктовъ и почтово-телеграфныхъ отдѣленій . . . . . 1—6

II. Списокъ населенныхъ мѣстъ Олекминской инородческой волости съ указаніемъ ихъ разстоянія отъ г. Олекминска и численности ихъ якутскаго населенія по переписи 1897 г. и по свѣдѣніямъ 1902 г. . . . . 7—13

III. Поселенные итоги крестьянской переписи 1894—95 г. по Якутскому и Олекминскому округамъ съ указаніемъ численности всего русскаго населенія деревень по переписи 1897 г. . . . . 14—27

IV. Понаслежные итоги инородческой переписи 1893 г. по Олекминскому округу . . . . . 28—29.

Замѣченныя опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
6	Примѣчаніе	Д. №	Д. № 11.
14	19 сверху	год	годы
16	16 снизу	якутской	Якутской
19	4 сверху	зетеновато-сѣрые	зеленовато-сѣрые
»	13 снизу	окружащаго	окружающаго
23	13 сверху	и 27 женщ	и 27 женщ.
»	14 »	обнаруживаютъ.	обнаруживаютъ
»	4 снизу	за нами	за ними
44	9 сверху	агаусà	агà-усà
67	2 снизу	четвертыхъ	четверыхъ
74	3 снизу	старосты	старости
80	14 снизу	все трое	всѣ трое
82	10 сверху	управленія, т. е.	управленія (т. е.
101	15—16 сверху	подъ общиыы	подъ общины
124	7 сверху	1877 года	1887 года
144	14 снизу	24 пуда сѣна	24 воза сѣна
145	19 сверху	во всѣхъ 30 селеніяхъ	во всѣхъ 20 селеніяхъ
184	9 снизу	II)	III)
198	18 сверху	на глазахъ	на глазъ
220	8 сверху	характеризуетъ «терминомъ	характеризуетъ терминомъ
221	1 сверху	что: первоначальная	что «первоначальная
269	11 сверху	по 24 пуда	по 24 воза
294	11 сверху	Салянской	Солянской
302	1 сверху	от это	то это
334	5 сверху	граздо	гораздо
344	22 сверху	пахатной	пахотной
Приложеніе, стр. 17, примѣчаніе 1-е, ст. 2.			
		въ деревни	въ деревнѣ

Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области.

Глава I.

1. Заселеніе Якутскаго края русскими крестьянами. 2. Ихъ первоначальное положеніе. 3. Перечень существующихъ крестьянскихъ селеній.

Въ XVII вѣкѣ Якутская область носила названіе «Государевой Новой Сибирской земли, что на великой рѣкѣ Ленѣ» и южная граница этой новой земли пролегала въ предѣлахъ теперешней Иркутской губерніи. Въ 1639 году для управленія новозавоеваннымъ краемъ были отправлены первые воеводы: Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ; ихъ сопровождалъ военный отрядъ численностью въ 395 человѣкъ, а при отрядѣ шелъ обозъ съ военнымъ и хлѣбнымъ запасомъ, заготовленнымъ на три года. Передвиженіе хлѣба представляло громадныя трудности и московское правительство на первыхъ же порахъ приказало воеводамъ осмотрѣть мѣстности по рѣкѣ Ленѣ и ея притокамъ, удобныя для развитія хлѣбопашества и сѣнокосовъ, и сдѣлать соображеніе, сколько можно поселить на этихъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого приказанія Глѣбовъ и Головинъ послали для осмотра и описанія пашенныхъ земель пятидесятника Баландина, который представилъ имъ роспись слѣдующимъ мѣстамъ, удобнымъ для заселенія хлѣбопашцами: по обѣ стороны рѣки Илима до Ленскаго волоку, отъ устья Куты по рѣкѣ Ленѣ внизъ до устья Киренги, далѣе до Тунгусскаго волоку; а въ окружностяхъ Якутска, по донесенію Баландина, «хлѣбной пашни не чаять: земля и среди лѣта вся не растаиваетъ [1])».

[1]) Красовскій. «*Русскіе въ Якутской области въ XVII вѣкѣ*». Изв. Общ. Арх., Истор. и Этнограф. при Импер. Казанск. Унив. т. XII. Выпуска 2-ой. Статья К. составлена на основаніи «Дополненій къ актамъ историческимъ» преимущественно т.т. 3-го и 4-го, гдѣ помѣщены наказы якутскимъ воеводамъ.

Получивъ такія свѣдѣнія, Глѣбовъ и Головинъ обратились къ енисейскому воеводѣ, прося, «чтобы онъ велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ, на торгу и въ деревняхъ прокликать не по однажды: кто похочетъ изъ гулящихъ и промышленныхъ людей въ государеву пашню садиться на Илимѣ рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя отъ всей своей пахоты пятый снопъ, а на Ленѣ рѣкѣ, которые похотятъ же на пашню сѣсть, и тѣмъ изъ государевой казны на лошадь деньги не въ отдачу, и на другую лошадь дать деньги взаймы изъ государевой же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы и косы, и сошники и на государевы десятины сѣмянъ на всѣ годы государевы, а пахать имъ на государя до государеву указу съ перваго года седьмую десятину въ полѣ, а въ двухъ (т. е. въ озимомъ и яровомъ) по тому-жъ». [1]).

Первыми земледѣльцами, откликнувшимися на этотъ призывъ, были: знаменитый Ерофей Хабаровъ (впослѣдствіи покоритель Амурскихъ княжествъ), поселившійся на берегу рѣки Киренги, и Пантелей Устюжанинъ, избравшій себѣ мѣсто по Тунгузскому волоку [2]). Пантелею Устюжанину давалось отъ казны на лошадь и обзаведеніе 30 рублей не въ отдачу, и еще 30 рублей заимообразно на два года, а «пахать ему на государя съ перваго года—десятая десятина въ полѣ, а въ двухъ по тому-жъ, а сѣмена ржаныя и яровыя на ту десятину давать государевы». Новые поселенцы, явившіеся вслѣдъ за Устюжанинымъ, сверхъ обработки десятины на государя, должны были платить десятую часть урожая и со своихъ полей. «Эта часть бралась слѣдующимъ образомъ: весь сжатый хлѣбъ раздѣлялся на три сорта: лучшій, средній и плохой, и изъ каждаго сорта бралось по 10 сноповъ со 100; эти снопы должны были обмолотить пашенные люди и уже обмолоченный хлѣбъ поступалъ въ государевы амбары [3])».

Какъ ни значительны были тѣ льготы, которыя правительство сулило первымъ поселянамъ, но охотниковъ воспользоваться этими льготами находилось немного, и селились они гдѣ нибудь по южнѣй, на верховьяхъ Лены, въ предѣлахъ теперешней Иркутской губерніи.

Прошло цѣлое столѣтіе со времени завоеванія края, русская власть надъ Якутскими улусами успѣла вполнѣ упрочиться, а

---

[1]) Красовскій.

[2]) Нынѣ эти мѣстности принадлежатъ къ Иркутской губерніи.

[3]) Красовскій.

хлѣбопашцы все еще не рѣшались идти на дальній сѣверъ, и русское населеніе области въ началѣ XVIII вѣка по прежнему состояло только изъ служилаго и ратнаго люда, да изъ немногихъ купцовъ и промышленниковъ.

Отдѣльные опыты земледѣлія производились, между тѣмъ, не безъ успѣха еще въ XVII вѣкѣ; при монастырѣ, существовавшемъ ранѣе на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится селеніе Покровское (въ 86 верстахъ отъ г. Якутска), засѣвался ячмень и давалъ урожаи. Надежда на возможность хлѣбопашества, даже при климатическихъ условіяхъ Якутскаго края, не покидала администраціи, а съ открытіемъ Охотскаго порта къ первому побужденію, заставлявшему правительство поощрять переселенія пахотныхъ крестьянъ, прибавилось и другое: для постояннаго сообщенія съ отдаленнымъ портомъ и перевозки туда значительныхъ грузовъ требовалось установить правильный путь, т. е. провести дорогу и заселить ее, хотя бы мѣстами, надежнымъ осѣдлымъ элементомъ.

Въ виду этихъ соображеній еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка было рѣшено основать русское селеніе гдѣ-нибудь по пути между Якутскомъ и Охотскомъ. Мѣстность для этого была избрана по берегу рѣки Амги, за 178 верстъ къ юго-востоку отъ г. Якутска; но въ 1727 году, по указу Сибирской Канцеляріи, поселенцамъ велѣно было пашенъ не пахать «за неурожденіемъ хлѣба» и вносить лишь подушныя по 7 гривенъ и 4 гривны [1]). Въ 1731 году въ Амгѣ было, однако же, вновь поселено 50 крестьянскихъ семействъ, переведенныхъ изъ Илимска (Иркутской губ.) [2]). Какимъ пособіемъ эти семьи пользовались отъ казны, объ этомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, но въ архивныхъ дѣлахъ есть указаніе, что денежныя выдачи прекратились лишь въ 1781 году. Сами амгинцы нашего времени сохранили лишь смутныя воспоминанія о своихъ отдаленныхъ предкахъ и о первомъ періодѣ ихъ жизни въ новозаселявшемся краѣ. Отъ нѣкоторыхъ стариковъ мнѣ приходилось слышать, какъ темное преданіе, что нѣкогда якуты сильно тѣснили крестьянъ и постоянно угоняли скотъ и стада. Для охраны русскихъ жителей въѣздъ въ деревню былъ тогда загражденъ рогатками, при которыхъ день и ночь держали караулъ вооруженные казаки. Жилось плохо, хлѣба мерзли, и новоселы толпами раз-

---

[1]) Н. Бакай. «*Историко-географическіе матеріалы, относящіеся до Якутской области во второй четверти XVIII вѣка*». Статья составлена по рукописямъ Миллера. Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XXV, №№ 4 и 5.

[2]) Словцовъ. *Историческое обозрѣніе Сибири*, ч. I, стр. 253.

бредались въ разныя стороны. Одна группа бѣглецовъ отправилась куда-то на плоту, выплыла на Алданъ и осѣла тамъ, но, проживъ нѣсколько лѣтъ, разсѣялась опять: часть вернулась обратно на Амгу, а часть ушла въ Олекминскій округъ... Достовѣрныя свѣдѣнія о слободѣ и ея жителяхъ относятся лишь къ 1787 году. Тогда черезъ Амгу проѣзжалъ спутникъ Биллингса лейтенантъ Сарычевъ [1]), который насчиталъ тамъ всего 20 крестьянскихъ дворовъ; въ селѣ уже существовала церковь, а въ 4-хъ верстахъ находился небольшой выселокъ, состоявшій изъ 15 юртъ. Всѣ жители къ тому времени уже совершенно объякутились, но земледѣлія они все-таки не прекращали и сѣяли яровой хлѣбъ, вызрѣвавшій вполнѣ благополучно.

Черезъ полвѣка послѣ основанія Амгинской слободы, въ 1783 году администрація нашла нужнымъ заселить охотскій трактъ болѣе густо и съ этой цѣлью было рѣшено, на разстояніи 20—25 верстъ одна отъ другой, основать по всей линіи станціи, причисливъ къ каждой изъ нихъ по 10 крестьянскихъ семействъ. Поселенцами должны были явиться крестьяне, ссылаемые за провинности изъ внутреннихъ губерній. Проектъ заселенія началъ осуществляться лишь въ началѣ слѣдующаго столѣтія при иркутскомъ губернаторѣ Трескинѣ (1807—1817 г.г.), когда станціи были основаны на Алданѣ, Аллахъ-Юнѣ, Мундуканѣ, Мети и при Медвѣжьей Головѣ. Всѣхъ семействъ (частью русскихъ, а частью якутскихъ) было поселено 64; на обзаведеніе каждой семьи ассигновалось по 265 р. 11¼ коп. [2]), но опытъ колонизаціи на этотъ разъ оказался рѣшительно неудаченъ и въ настоящее время отъ перечисленныхъ станцій не остается уже никакихъ слѣдовъ.

Вѣроятно въ той же эпохѣ, т. е. къ концу XVIII вѣка, относится возникновеніе крестьянскихъ обществъ и въ сѣверныхъ округахъ Якутской области, но ни въ литературѣ, ни въ тѣхъ дѣлахъ мѣстныхъ архивовъ, съ которыми я имѣлъ возможность ознакомиться, мнѣ не удалось найти указаній о времени и условіяхъ водворенія русскихъ крестьянъ въ тундрахъ и болотахъ дальняго сѣвера.

Въ Колымскомъ округѣ потомки прежнихъ крестьянъ, которыхъ по 6-й ревизіи насчитывалось 70 мужчинъ и 71 женщина [3]) въ концѣ XIX вѣка были перечислены въ мѣщане.

---

[1]) Сарычевъ. «*Путешествіе по Съверо-восточной части Сибири*». Изд. 1802 г.

[2]) Андріевичъ. *Историческій очеркъ Сибири*. Т. II, стр. 14 и 321.

[3]) *Областной Архивъ*. Изъ дѣлъ Казначейства.

Въ Зашиверскомъ коммисарствѣ (въ предѣлахъ теперешняго Верхоянскаго округа), по ревизіи 1816 года значилось три пункта съ крестьянскимъ населеніемъ: зимовіе Усть-Янское и общества Шанское и Усть-Оленекское, съ общимъ числомъ жителей 58 мужч. и 41 женщина. Въ 1898 году, по оффиціальнымъ даннымъ [1]) въ Верхоянскомъ округѣ считалось 67 мужчинъ и 75 женщинъ, что показываетъ приростъ за 82 года лишь на 43%, но объ этихъ «крестьянахъ» надо сказать, что они почти ничѣмъ не отличаются отъ окрестныхъ инородцевъ и, подобно тѣмъ, ведутъ полукочевой образъ жизни, пропитываясь исключительно охотой и рыбной ловлей, а въ подспорье къ этому—промышляя мамонтову кость по устьямъ рѣкъ и по островамъ Ледовитаго океана.

Въ Вилюйскомъ округѣ до нашего времени сохранилось два поселенія: Нюрба и Сунтаръ съ населеніемъ въ 154 мужчинъ и 127 женщинъ (по даннымъ 1898 г.), тогда какъ въ 1816 г. тамъ было 110 мужчинъ и 97 женщинъ, такъ что за 82 года, несмотря на частыя причисленія уголовныхъ ссыльныхъ, крестьянское населеніе округа увеличилось всего на 40% [2]).

Въ Заленской части Якутскаго округа ненадолго возникли русскія селенія въ половинѣ XIX вѣка, къ юго-востоку отъ Амгинской слободы, по такъ называемому Аянскому тракту, соединяющему г. Якутскъ съ портомъ Аяномъ, лежащимъ у Охотскаго моря значительно южнѣе г. Охотска. Мысль о заселеніи этого тракта возникла въ 1851 году, такъ какъ опытъ Россійско-Американской Компаніи уже доказалъ къ тому времени преимущества Аянскаго порта передъ Охотскимъ. Побережья рѣкъ Алдана и Маи долго представляли собою пустыню и Амгинская слобода являлась единственнымъ населеннымъ пунктомъ на всемъ пространствѣ между Леною и Охотскимъ моремъ. Небольшія группы тунгусовъ забредали иногда въ этотъ край, ловили рыбу и промышляли звѣря, но ни постоянныхъ жилищъ, ни проторенныхъ дорогъ тамъ не было вовсе. Россійско-Американская Компанія, основавъ свою факторію на урочищѣ Аянъ, позаботилась вмѣстѣ съ этимъ и объ организаціи пути для перевозки своихъ грузовъ [3]). Дорога была проложена Компаніей отъ моря до мѣстечка Нельканъ, лежащаго на берегу рѣки Маи, впадающей въ могучій притокъ Лены Ал-

---

[1]) *Обзоръ Якутской области за 1898 г.* Изд. Статист. Комитета.

[2]) В. С. Ефремовъ. «*Вилюйскіе крестьяне*». Сибир. Сборникъ 1904 г.

[3]) *Архивъ Якутск. Областн. Правленія* 1895 г. Д. № 43.

данъ. Въ Нельканѣ товаръ грузился на карбазы и водою переправлялся въ Якутскъ, но изрѣдка амгинскіе крестьяне или якуты нанимались для доставки клади прямо съ устья Маи, и тогда весь товаръ перепаковывался во вьюки и шелъ сухопутьемъ по чрезвычайно топкимъ таежнымъ падямъ.

Въ 1845 г. Компанія исходатайствовала разрѣшеніе на основаніе по линіи тракта четырехъ постоянныхъ станцій, на которыхъ и было поселено нѣсколько якутскихъ семействъ. Сообщеніе между Аяномъ и Якутскомъ съ этого времени приняло болѣе правильный характеръ, а въ 1851 году администрація установила по новому тракту перевозку почты, возложивъ отправленіе гоньбы на обязанность якутовъ. Такая организація дѣла представляла большія неудобства и уже въ томъ же 1851 году тогдашній генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ рѣшилъ заселить весь трактъ русскими крестьянами [1]).

Охотники вызывались изъ числа свободныхъ крестьянъ Иркутской губ., Забайкальской области и другихъ мѣстностей Сибири. Администраціи всѣхъ городовъ и округовъ, черезъ которые должны были прослѣдовать переселенцы, предписывалось оказывать имъ въ пути «всякое законное содѣйствіе, доброхотство и покровительство». Въ частности мѣстныя власти должны были всюду обезпечить переселенцамъ пользованіе квартирами для отдыха и обывательскими подводами для передвиженія; захворавшихъ въ дорогѣ приказывалось отнюдь не оставлять безъ помощи, а помѣщать для излеченія въ больницы попутныхъ городовъ. На основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Комитета Министровъ, новоселамъ изъ уроженцевъ другихъ мѣстностей Сибири, а не Якутской области, предоставлялись слѣдующія льготы: 1) отчисленіе отъ прежнихъ обществъ безъ согласія послѣднихъ; 2) сложеніе прежнихъ недоимокъ; 3) освобожденіе отъ податей и повинностей до новой переписи, а по рекрутской повинности—освобожденіе какъ ихъ самихъ, такъ и дѣтей; 4) снабженіе въ теченіе перваго года отъ казны мукою въ размѣрѣ 2-хъ пудовъ на мужчину свыше 15-лѣтняго возраста и 1 пудъ на женщинъ и дѣтей; 5) безденежное снабженіе отъ казны сѣменами и огородными овощами, а также рыболовными и звѣроловными снастями [по 30 рублей на каждаго мужчину свыше 15-ти лѣтняго возраста; 6) безденежное снабженіе одеждою и скотомъ на 50 рублей на

---

[1]) *Архивъ Амгинской Мірской Избы* 1851 г. Д. № 7

каждую семью; 7) возмѣщеніе деньгами за предметы, недоданные казной по пунктамъ 5-му и 6-му.

Для уроженцевъ Якутской области льготы были нѣсколько уже: переселившіеся на Аянъ освобождались отъ податей до ревизіи и отъ рекрутчины—навсегда, а пособіе выдавалось имъ въ размѣрѣ 40 руб. на семью.

Уголовныхъ ссыльныхъ рѣшено было вызывать лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, съ предоставленіемъ, однако, и имъ нѣкоторыхъ льготъ.

На мѣстѣ, впредь до отвода 15-десятиннаго надѣла, поселенцамъ предоставлялось пользоваться всѣми окрестными землями, какія только для нихъ понадобятся.

Въ октябрѣ того же года дальнѣйшій пріемъ желающихъ переселиться на Аянъ былъ уже прекращенъ, такъ какъ охотниковъ оказалось не мало. Въ 1852 году мѣстная администрація закупила для переселенцевъ скотъ у якутовъ приамгинскихъ наслеговъ и отправила его на Маю подъ охраной казака и нѣсколькихъ амгинскихъ крестьянъ. Въ ноябрѣ трактъ было уже открытъ и станціи заселены крестьянами, которыхъ оказалось 102 семейства, включавшихъ въ своемъ составѣ 589 человѣкъ обоего пола. Главнымъ источникомъ существованія служила для нихъ почтовая гоньба, за которую ямщики получали отъ казны по 320—400 руб. на одну станцію [1]).

Въ 1867 году, съ прекращеніемъ дѣятельности Россійско-Американской Компаніи, почтовый трактъ на Аянъ былъ уничтоженъ, и въ томъ же году послѣдовалъ вызовъ желающихъ переселиться на Амуръ. Значительная часть аянцевъ, лишившись своего прежняго заработка, воспользовалась новыми льготами, предоставленными для отъѣзжающихъ на Амуръ. Осмотрѣвъ предварительно новый край черезъ троихъ выборныхъ ходоковъ, семей 50 навсегда покинуло Якутскую область. На мѣстѣ осталось лишь нѣсколько семействъ въ селеніи Усть-Майскомъ, въ 172 верстахъ отъ Амгинской слободы. Въ виду внезапной перемѣны ихъ быта съ уничтоженіемъ почтовой гоньбы, казна выдала имъ пособіе—по 95 руб. на каждую могучую душу. Семей десять, не рѣшаясь вновь отправляться въ невѣдомый край, нѣкоторое время перебивались кое-какъ на станціяхъ, но впослѣдствіи не выдержали и переселились въ деревню Новопокровскую, въ 20 верстахъ отъ Амги.

---

[1]) *Архивъ Областн. Правленія.* 1895 г. Д. № 43.

Эта деревня была основана одновременно съ заселеніемъ тракта, въ 1852 году, и первоначально въ ней жили старообрядцы, но послѣ уничтоженія тракта часть первыхъ засельщиковъ удалилась на Амуръ, а другая часть, покинувъ прежнее пепелище, основала новое селеніе — Павловское, на берегу Лены, въ 23 верстахъ отъ г. Якутска.

Въ 1872 году опустѣлая деревня была заселена ссыльными скопцами, но уже въ 1877 году скопцовъ перевели на Алданъ, а на ихъ мѣсто явились бывшіе ямщики Аянскаго тракта. При поселеніи они, какъ и майцы, получили пособіе въ размѣрѣ 380 руб. на семью.

Такимъ образомъ троекратныя попытки водворенія русскихъ крестьянъ въ географически обособленномъ Заленскомъ краѣ имѣли въ общемъ весьма слабый успѣхъ. Прочнѣе оказались результаты заселенія крестьянами главной артеріи всего края— рѣки Лены, или точнѣе—ея лѣваго побережья.

Необходимость поддерживать постоянныя сношенія съ центромъ уже издавна понуждала якутскую администрацію пользоваться Леной не только для лѣтняго сплава паузковъ, но также и для установленія зимняго пути. Выставлять на дорогу коней и возить путешественниковъ обязывались якуты, которые, однако, до начала девятнадцатаго столѣтія никакъ не могли освоиться съ этимъ дѣломъ. До прихода русскихъ они сами странствовали по тайгѣ либо пѣшкомъ, либо верхомъ; ѣзда на саняхъ съ непривычки вызывала у нихъ головокруженіе; искусство запрягать и править упряжными лошадьми имъ долго не давалось, да и кони мѣстной породы постоянно бѣсились, опрокидывали сани и рвали сбрую. Для роздыха на всемъ протяженіи ленскаго пути служили обыкновенныя юрты, отстоявшія на десятки и сотни верстъ одна отъ другой. Ѣзда съ такими ямщиками, на такихъ коняхъ и по такой дорогѣ, — загроможденной во многихъ мѣстахъ горами тороса,—являлась мученіемъ, о которомъ Сарычевъ говоритъ, какъ объ истой пыткѣ. Въ то же время и для якутовъ содержаніе гоньбы представлялось тяжелымъ бременемъ, требовавшимъ продолжительныхъ отлучекъ изъ дома и совершенно непривычной работы. Въ виду этого они сами обратились къ начальству съ просьбой о поселеніи по ленскому побережью русскихъ ямщиковъ, которые взяли бы на себя отправленіе гоньбы.

Въ 1773 году правительство приступило къ правильной организаціи почтоваго сообщенія и съ этой цѣлью между Витимомъ

и городомъ Якутскомъ было основано 23 станціи. Для заселенія этихъ станцій въ распоряженіе олекминскаго коммисара прислали нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, состоявшихъ по преимуществу изъ такихъ лицъ, которыя ссылались помѣщиками въ зачетъ рекрутъ или выселялись въ Сибирь за разныя провинности.

Матеріальные расходы по содержанію станцій оставались, однако, по прежнему на обязанности якутовъ, которые приписывались въ извѣстномъ числѣ къ той или иной станціи. Въ 1798 году, на олекминскихъ инородцахъ (къ которымъ въ то время причислялись и якуты Сунтарскаго улуса, теперешняго Вилюйскаго округа) лежало содержаніе 17 станцій, при чемъ на каждую изъ нихъ приходилось по 356 душъ ясачнаго населенія [1]).

На первыхъ порахъ ямщикамъ было оказано нѣкоторое пособіе и они были надѣлены скотомъ и даже сѣменами, но уже черезъ 7 лѣтъ выдача пособія прекратилась, а сѣмена не пошли въ прокъ [2]).

Черезъ 25 лѣтъ послѣ своего водворенія крестьяне еще не пользовались никакими угодьями, кромѣ выгона для почтовыхъ лошадей, и свое собственное содержаніе получали отъ князьцовъ. Перечисляя крестьянское населеніе, зависящее отъ Олекминскаго коммисарства, тогдашній коммисаръ Измайловъ упоминаетъ: Витимскую слободу (нынѣ Киренскаго уѣзда Иркутской губ.), деревню Орлинку (Кирен. уѣзда), деревню Амгинскую (одноименную съ слободой Якут. окр.) и Олекминскую (близъ города Олекминска) и «находящихся при отправленіи подводной гоньбы при двадцати трехъ станціяхъ посельщиковъ», экономическое положеніе которыхъ въ вѣдомости опредѣляется такими словами: «оные жительство имѣютъ при лежащихъ у самой рѣки Лены почтовыхъ станціяхъ у отправленія подводной гоньбы; отведенныхъ же пахотныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ не имѣютъ, а пропитываются съ имѣющихся у другихъ нѣсколькихъ семействъ, получаемымъ каждымъ отправляющимъ гоньбу отъ содержателей—якутскихъ князьцовъ — жалованьемъ: въ годъ по 23 пуда провіанта, да деньгами

---

[1]) *Архивъ Олекмин. Окр. Пол. Управл.* 1798 г. «Д. о постройкѣ почт. домовъ».

[2]) *Д. Якут. Статист. Комитета 1872 г. № 13.* «Извлеченіе изъ рукописи XVIII столѣтія, состав. коллежск. ассесс. Эверстомъ, бывш. въ Якутскѣ 10 л. расправнымъ судьей, и коллежск. ассесс. Гарновскимъ, бывш. въ Якутскѣ исправникомъ, начиная съ 1781 года».

на упряжь и одежду по соболю (т. е. по 7 руб.). Несутъ въ пропитаніи крайнюю нужду» [1]).

Хотя новые колонисты были обложены казенными податями, но, повидимому, при неисправности самихъ плательщиковъ, взысканіе обращалось на приписанныхъ къ станціямъ якутовъ, являвшихся какъ-бы поручителями за своихъ ямщиковъ. Въ 1797 г. на всѣхъ 23 станціяхъ числилось 208 душъ крестьянъ, годовой окладъ которыхъ въ платежныхъ вѣдомостяхъ указанъ въ суммѣ 988 руб. 66½ коп. Въ уплату этихъ денегъ въ первую половину 98 года, какъ доносилъ коммисаръ Измайловъ, было «собрано изъ прогоновъ и представлено отъ князьцовъ», т. е. старостъ инородческихъ наслеговъ, 309 руб. 46 коп., а по поводу недобранной суммы Измайловъ далъ такое объясненіе: «когда содержатели почтовыхъ станцій, Олекминскаго и Вилюйскаго округа князьцы, прибывшихъ посельщиковъ, въ почтовой гоньбѣ находящихся, памяти рубили въ январѣ мѣсяцѣ въ здѣшній Земскій Судъ внести долженствующія деньги, представятъ, и изъ Вилюйскаго округа таковыя же пришлютъ, то остаться должна, и то небольшая часть, на старыхъ и неимущихъ, которую тогда разложить на другихъ Олекминскій Нижній Земскій Судъ не оставитъ сдѣлать своего постановленія» [2]).

Расходы почтосодержанія настолько обременяли инородцевъ, что уже въ 1797 году якуты Сунтарскаго улуса подали Измайлову заявленіе такого рода: «Вслѣдствіе неурожая, по данному нами обязательству едва для доставленія находящимся на станціяхъ ямщикамъ положеннаго числа въ годъ провіанта и для лошадей фуража занять у постороннихъ людей за немалые проценты, а также и принадлежащаго количества лошадей для почтовой гоньбы быть долженствующихъ на станкахъ (по 12 почтовыхъ и 4 курьерскихъ), по неимѣнію оныхъ въ лучшей исправности въ наслегахъ нашихъ, взяли изъ другихъ мѣстъ, стало по нуждѣ за неумѣренную цѣну, и черезъ то мы съ родниками на будущее время почтовыхъ станковъ въ надлежащей исправности никакой надежды не предвидимъ».

Заявленіе заканчивалось ходатайствомъ сунтарцевъ объ отчисленіи отъ нихъ нѣсколькихъ станковъ къ Якутскому округу, такъ какъ тамъ «114 многолюдныхъ наслеговъ,—тѣ никакихъ тягостей,

---

[1]) *Архивъ Олекмин. Пол. Управл. 1798 г.* «Вѣдомость о платежахъ».

[2]) *Архивъ Олекм. Пол. Упр. 1798 г.* «Д. о недоимкѣ».

кромѣ поставки провіанта и другихъ подрядовъ за договорную плату — не имущихъ». Измайловъ поддержалъ это ходатайство и вскорѣ 12 сѣверныхъ станцій были дѣйствительно отчислены къ Якутскому округу, а вслѣдъ за этимъ все дѣло почтосодержанія преобразовано совершено иначе.

Населеніе 12 станцій увеличилось благодаря присылкѣ новыхъ посельщиковъ, которымъ отъ казны выдавались земледѣльческія орудія и денежное вспомоществованіе. Посельщики этихъ станцій образовали одно общество, имѣвшее своего «посельщичьяго старосту», и въ 1816 г. въ Якутскомъ округѣ на 12 станціяхъ числилось уже 199 м. и 183 ж.[1]).

Въ Олекминскомъ округѣ, несмотря на отчисленіе 12 станцій на сѣверѣ и двухъ (Витима и Орлинки) на югѣ, по ревизіи 1816 года оказалось уже 13 станцій съ населеніемъ въ 147 м. и 108 ж. и двѣ большихъ деревни, Амгинская и Олекминская, основанныхъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка съ цѣлью «водворенія русской осѣдлости и развитія въ краѣ хлѣбопашества». Повидимому, во все продолженіе XVIII вѣка, или по крайней мѣрѣ въ его послѣдней четверти, причисленіе къ этимъ деревнямъ посельщиковъ не прекращалось, такъ какъ за короткій періодъ 1791 — 1798 г.г. число жителей обѣихъ деревень возросло съ 175 муж. и 182 ж. до 228 м. и 222 женщинъ [2]). Въ промежуткѣ времени между VII и VIII ревизіями 45 олекминцевъ и 34 амгинца были перечислены на станціи, туда же водворялись въ довольно значительномъ числѣ «на пропитаніе» охотскіе каторжники, устарѣвшіе для работъ, и уголовные ссыльные, которые здѣсь, какъ и въ Якутскомъ округѣ, очень рѣдко осѣдали на мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ перечислялись въ крестьяне и отдѣльныя лица изъ мѣстныхъ инородцевъ, но цѣлая группа якутовъ лишь однажды пожелала выдѣлиться изъ своего рода, и это случилось уже въ 1861 г. Мотивъ, побудившій эту группу къ перечисленію въ крестьяне, состоялъ въ стремленіи укрѣпить за собою расчищенное нѣсколькими якутами 2-го Нерюхтейскаго наслега сѣнокосное мѣсто, за пользованіе которымъ родовичи хотѣли обложить расчистившихъ особымъ сборомъ. Перечислившіеся въ крестьяне инородцы, всего 18 ревизскихъ душъ, образовали станцію Инняхъ, въ 76 верстахъ отъ г. Олекминска.

---

[1]) *Архивъ Якутскаго Областн. Пр.* Ревизская сказка 1816 г.

[2]) *Архивъ Олекм. Полиц. Управл.* 1798 г. Вѣдомость коммисара Измайлова.

Послѣ полувѣкового пребыванія въ краѣ русскихъ крестьянъ инородцы спохватились, что упустили изъ своихъ рукъ небезвыгодное дѣло и накликали гостей, съ которыми теперь приходится дѣлиться угодьями, и въ 1818 году довѣренный кангаласскихъ тойоновъ князецъ Илья Шадринъ обратился въ Сенатъ съ просьбой объ удаленіи русскихъ ямщиковъ, какъ совершенно ненужныхъ, въ виду того, что и сами инородцы познакомились съ дѣломъ и могутъ отправлять гоньбу за меньшую цѣну. Помимо этого, Шадринъ указывалъ на то, что крестьяне пользуются якутскими землями, чѣмъ стѣсняютъ туземное населеніе.

По существу возбужденныхъ вопросовъ дѣло разсматривалось въ Сенатѣ двумя департаментами: 1-мъ и 4-мъ, и оба инородцамъ наотрѣзъ отказали. Мотивы со стороны 4-го департамента таковы: 1) якуты не имѣютъ никакихъ актовъ на тѣ земли, которыми они владѣютъ; 2) эти земли никогда не были отмежеваны; 3) ихъ площадь занимаетъ необъятное пространство; 4) посельщики водворены по просьбѣ ихъ самихъ; 5) «люди сіи, будучи введены въ окладъ, платятъ всѣ государственныя подати и повинности, но, по малоимѣнію удобной къ хлѣбопашеству земли, по весьма скуднымъ урожаямъ хлѣба, и притомъ будучи стѣсненными, пришли въ оскудѣніе до того, что начальство нашлось принужденнымъ принять со своей стороны особенныя мѣры объ улучшеніи ихъ состоянія, вслѣдствіе чего, по двухкратномъ обмежеваніи земель, владѣемыхъ ими, хотя удѣлена отъ смежныхъ съ ними якутовъ небольшая часть покосныхъ земель, однако-жъ, за всѣмъ тѣмъ, не всѣ вообще поселенцы удовлетворены законною пропорціей; 6) отправленіе почтовой и обывательской гоньбы за условленныя цѣны для поселенцевъ при таковыхъ неудобствахъ жизни въ краѣ, столь отдаленномъ и суровомъ, есть только одно средство къ пропитанію; но, напротивъ, якуты токмо по соперничеству и изъ корыстолюбивыхъ цѣлей стараются при торгахъ перехватить оную въ свои руки, съ тѣмъ, чтобы передавать поселенцамъ за половинную плату; въ случаѣ неудачи, они готовы положить цѣны до таковой суммы, за которую никто взять не въ силахъ, зная, что поселенцы отъ торговъ отстать не могутъ».

I-й департаментъ Сената въ своемъ отвѣтѣ Шадрину указывалъ, между прочимъ, на такія обстоятельства: при заселеніи тракта «всѣ поселенцы снабжены были нужнымъ для хлѣбопашества скотомъ и инструментами и всѣми пособіями и притомъ отрѣзаны и отведены имъ мѣста отъ наслеговъ якутскихъ сѣно-

косныя и къ хлѣбопашеству [1]); но таковое благое желаніе начальства и полезная для всѣхъ цѣль осталась тщетной сколько препятствіями тому самой природы, столько по тѣсному положенію мѣстъ заселенныхъ. Такимъ образомъ главное намѣреніе сего заселенія, не удовлетворясь, оставило посельщиковъ при одной гоньбѣ, ибо всѣ данные къ хлѣбопашеству инструменты, какъ ненужные, были ими обращены и распроданы». Въ виду этого, какъ напоминалъ департаментъ, еще 20 октября 1815 года иркутскій губернаторъ предписывалъ Областному Правленію: «1) ни подъ какимъ предлогомъ не устранять поселенцевъ отъ подрядовъ на почтовую гоньбу, и во-вторыхъ, если выпрошенныя цѣны не будутъ выгодны, переторговку дѣлать не въ Якутскѣ, гдѣ всегда найдутся охотники брать содержаніе гоньбы и потомъ передавать свою обязанность переселенцамъ за половинную цѣну, дѣлая такимъ образомъ сихъ послѣднихъ навсегда своими работниками и должниками, но на мѣстѣ, среди поселенцевъ другихъ станцій, и отнюдь не съ тѣми, кои ищутъ своихъ выгодъ на счетъ сихъ людей; въ семъ случаѣ начальство руководствовалось сколько обязанностью своею обезпечить бѣдное состояніе поселенцевъ,— но и паче тѣмъ, что якуты исправляютъ почтовую гоньбу самымъ худымъ образомъ, что и донынѣ продолжается». Приводя за этимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о непозволительно скверномъ состояніи станцій, содержимыхъ якутами, и—въ противоположность этому, объ исправности гоньбы у крестьянъ, 4-й департаментъ заканчивалъ постановленіемъ «оставить гоньбу за крестьянами, такъ какъ якуты стараются захватить таковое (дѣло) въ свои руки съ той единственно цѣлью, чтобы передать оное переселенцамъ за половинную плату». [2])

Какъ ни отрывочны всѣ эти указанія, но все таки, основываясь на нихъ, можно заключить съ достаточной увѣренностью, что за первые полтора вѣка своего пребыванія въ краѣ станочные крестьяне пережили три фазиса: съ 1773 года по 1781 годъ,

---

[1]) Изъ приводившихся выше данныхъ Олекминскаго Архива видно, что это утвержденіе слишкомъ категорично: по крайней мѣрѣ въ Олекминскомъ округѣ станціонные крестьяне не имѣли земель еще въ концѣ XVIII в.; но возможно, что на сѣверѣ, близъ Якутска, отводились какіе-либо участки нѣсколькимъ семьямъ, выселеннымъ на Лену изъ Якутска въ 1768 г., именно для занятія хлѣбопашествомъ. Въ упомянутой выше рукописи Эверста и Гарновскаго говорится объ этомъ опытѣ заселенія, какъ о совершенно неудавшемся.

[2]) *Архивъ Областного Правленія* 1822 г. Д. № 57.

когда ихъ только водворяли на новыя мѣста, имъ или только нѣкоторымъ изъ нихъ выдавалось какое то пособіе, которое, однако же, не помогло крестьянамъ стать на ноги. Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка мы видимъ ихъ пролетаріями, ютящимися маленькими кучками въ двѣ—три семьи по затеряннымъ среди приленскихъ скалъ почтовымъ станкамъ, на полномъ иждивеніи окрестныхъ якутовъ, на которыхъ содержаніе станцій и ямщиковъ было возложено, какъ повинность. Въ началѣ XIX вѣка эта повинность была съ инородцевъ сложена и станки сдавались уже казною съ торговъ, при чемъ нерѣдко въ роли вольныхъ почто-содержателей, выступали якутскіе тойоны, а русскіе крестьяне служили у нихъ наемными ямщиками. Приблизительно со времени ревизіи 1816 года наступилъ новый періодъ: въ дѣлахъ начинаютъ встрѣчаться указанія на надѣленіе станцій землею, и съ приведеннаго выше отвѣта Сената на прошеніе Шадрина (1822 г.) за крестьянами признается исключительное право на отправленіе гоньбы по вольнымъ цѣнамъ, размѣръ которыхъ устанавливается на торгахъ. Съ небольшими колебаніями этотъ порядокъ сохраняется до нашихъ дней и потому 1816—1824 год. можно признать начальной гранью современнаго періода, въ продолженіе котораго правовое и экономическое положеніе крестьянъ измѣнялось лишь постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ. Оффиціально якутскіе крестьяне въ своемъ управленіи и на исходѣ XIX-го вѣка были подчинены архаическимъ установленіямъ 1822 года, почтовая гоньба и теперь остается ихъ главнымъ промысломъ, но съ 1895 года, когда по Ленѣ на лѣтнее время было установлено правильное почтово-пассажирское сообщеніе на пароходахъ одного частнаго лица, значеніе этого промысла нѣсколько упало, тогда какъ роль земледѣлія въ хозяйственномъ обиходѣ приленскихъ крестьянъ уже съ конца 40-хъ годовъ XIX вѣка начала постепенно возрастать, а сокращеніе ямского заработка послужило сильнымъ толчкомъ къ его дальнѣйшему развитію. Въ силу этого, въ недалекомъ будущемъ можно было ожидать болѣе или менѣе крупныхъ измѣненій въ хозяйственномъ бытѣ притрактоваго населенія, а такъ какъ на ряду съ этимъ въ ближайшемъ времени ожидалась и административная реформа, то можно предположить, что послѣдніе годы XIX вѣка и въ частности—1895 годъ, составляютъ порогъ новаго періода, существенно отличнаго отъ прежняго.

Къ началу 1895-го года всѣ кр. селенія Якутскаго округа составляли два «общества», соотвѣтствовавшихъ по своему адми-

нистративному значенію волостямъ: Амгинское, и «Общество 20-ти станцій Иркутскаго тракта»; всѣ селенія, расположенныя въ Олекминскомъ округѣ, составляли «Олекминскую крестьянскую волость», и внѣ этихъ трехъ волостныхъ обществъ стояли только скопческія селенія, которымъ въ этихъ очеркахъ посвящается особая глава.

I. **Амгинское общество** состояло изъ трехъ селеній: 1) *Амгинской слободы*, на рѣкѣ Амгѣ, въ 178 в. къ юго-востоку отъ г. Якутска, гдѣ оказалось 100 крестьянскихъ дворовъ [1]); 2) селенія *Усть-Майскаго*, находящагося еще на 175 в. дальше, при впаденіи въ р. Алданъ р. Маи, и состоявшаго всего изъ 8 дворовъ, и 3) деревни *Новопокровской*, расположенной въ 11 в. отъ Амгинской слободы,—11 дворовъ.

II. Въ составъ «**Общества 20-ти станцій Иркутскаго тракта**» входило 20 селеній, возникшихъ около почтовыхъ станковъ, и расположенныхъ на западномъ берегу Лены по линіи длиною въ 420 в., въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная ближайшей къ г. Якутску: 1)*Табагинская*—30 дв.; 2) *Тектюрская* — 13 дв.; 3) *Улахъ-Анская* — 17 дв.; 4) *Покровская*—12 дв.; 5) *Бестяхская*—19 дв.; 6) *Булгунь-яхтахская*—13 дв.; 7) *Тоенъ-Аринская*—10 дв.; 8) *Еланская*—17 дв.; 9) *Титъ-Аринская*—25 дв.; 10) *Батамайская*—17 дв.; 11) *Синьская*—22 дв.; 12) *Атъ-Дабанская*—13 дв.; 13) *Ой-Муранская*—18 дв.; 14) *Журинская*—23 дв.; 15) *Крестяхская*—6 дв.; 16) *Иситская*—24 дв.; 17) *Чуранская* — 9 дв.; 18) *Малыканская* — 11 дв.; 19) *Еловская*—16 дв., и 20) *Саныяхтахская*—26 дв.

Кромѣ того, къ этому же обществу причислялось находящееся на восточномъ берегу Лены, въ 23 в. отъ г. Якутска, старообрядческое селеніе *Павловское*—25 дв., и сельцо *Доброе*, недалеко отъ Якутска,—поселеніе довольно страннаго характера, состоявшее изъ нѣсколькихъ дворовъ причисленныхъ въ крестьяне уголовныхъ ссыльныхъ, которые представляли собой элементъ крайне неустойчивый и ничѣмъ не связанный съ крестьянскимъ міромъ; большинство добровцевъ, числясь на бумагѣ крестьянами, постоянно находились въ безвѣстной отлучкѣ, а потому въ дальнѣйшемъ

[1]) Въ нашу перепись мы включали только коренныхъ крестьянъ, т. е. крестьянъ-старожиловъ и тѣхъ, весьма немногихъ изъ причисленныхъ ссыльныхъ, которые причислились съ согласія обществъ, пользовались надѣлами, и вели хозяйство обычнаго въ этой мѣстности крестьянскаго типа; по большей части такія лица оказывались женатыми на мѣстныхъ крестьянкахъ. Усадьбы постороннихъ крестьянскому міру лицъ въ нашъ счетъ не входили.

изложеніи я объ этомъ полу-фиктивномъ селеніи упоминаю особо въ главѣ XIV-той.

III. **Олекминская крестьянская волость** включала въ своемъ составѣ двѣ деревни, расположенныя въ нѣсколькихъ верстахъ отъ р. Лены, недалеко отъ г. Олекминска: 1) *Амгинскую*—83 двора, и 2) *Олекминскую*--100 дв., и 23 станціонныхъ селенія, растянувшихся по берегу Лены на 520 верстъ. Начиная отъ границы Якутскаго округа, эти деревни тянутся къ юго-западу въ слѣдующемъ порядкѣ: 3) *Мархачанская*—15 дв.; 4) *Мархинская*—17 дв.; 5) *Хатынъ-Тумульская*—10 дв.; 6) *Бѣлая*—5 дв.; 7) *Чекурская*—13 дв.; 8) *Русская-Рѣчка*—11 дв.; 9) *Наманинская*—13 дв.; 10) *Харьялахская*—12 дв.; 11) *Солянская*—21 дв.; 12) *Берденская*—17 дв.; 13) *Бирюкская*—7 дв.; 14) *Черендейская*—24 дв.; 15) *Дабанская*—10 дв.; 16) *Неленская*--12 дв.; 17) *Качегарская*—14 дв.; 18) *Дельгейская*—13 дв.; 19) *Инняхская*—10 дв.; 20) *Березовская*—16 дв.; 21) *Точильная*--11 дв.; 22) *Нохтуйская*—17 дв,; 23) *Жедайская*—19 дв.; 24) *Каменская*—7 дв., и 25) *Тинная*—8 дворовъ.

Помимо этихъ селеній, на восточномъ берегу Лены существовала раньше деревня *Курьинская*, но ея жители частью вымерли, а частью разбрелись, и отъ этой деревни къ 1895 году уцѣлѣлъ только одинъ дворъ.

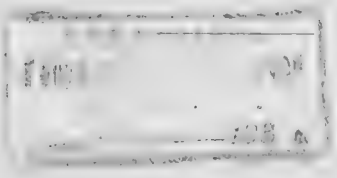
Такимъ образомъ почти все крестьянское населеніе якутской области разселено по западному берегу Лены, надъ самой рѣкой, въ небольшихъ поселкахъ, образующихъ цѣпь тысячеверстной длины. Взаимное общеніе при этомъ можетъ поддерживаться только между обитателями трехъ-четырехъ ближайшихъ одна къ другой деревушекъ, да и то разстояніе между крайними двумя деревнями и тутъ составитъ около ста верстъ. Лишенные какой бы то ни было культурной поддержки и даже элементарной грамоты, долгое время зависимые отъ якутовъ экономически и перемѣшавшіеся съ ними путемъ браковъ, русскіе крестьяне этого края неизбѣжно должны были при такихъ условіяхъ объякутиться, и въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, до какихъ предѣловъ къ началу XX вѣка дошло это объякучиваніе.

Добавленіе къ главѣ 1-й. Въ 1898 году прежнія «общества» были реорганизованы въ волости, причемъ въ Якутскомъ округѣ въ составъ *Амгинской* волости вошли тѣ-же селенія, какія ранѣе

состояли въ Амгинскомъ обществѣ. На лѣвомъ берегу Лены было учреждено 3 волости: *Покровская*, въ составѣ 10-ти селеній ближайшихъ къ г. Якутску; *Иситская* — въ составѣ 10-ти слѣдующихъ селеній и *Павловская*, въ которую вошли селенія: Павловское и Доброе, упомянутыя въ этой главѣ, Никольская слободка и Тулагинскій поселокъ, описываемые въ главѣ XIV настоящаго труда, и Владимірское селеніе, основанное позже.

Въ Олекминскомъ округѣ въ то-же время было образовано 3 волости: 9 сѣверо-восточныхъ станцій составили *Чекурскую волость*; двѣ центральныя деревни, деревня Курьинская и 5 ближайшихъ станцій — *Амгинскую волость*; и 9 юго-западныхъ станцій — *Ноктуйскую волость*.

Изъ «Обзоровъ» области за позднѣйшіе годы видно, что въ 1897 году изъ высланныхъ съ Кавказа духоборовъ было образовано селеніе *Ноторское*, при рѣкѣ Ноторѣ, близъ впаденія ея въ Алданъ, а весною 1901-го часть послѣдователей той-же секты была водворена недалеко оттуда въ новообразованныхъ селеніяхъ: *Отрадномъ*, по р. Амгѣ, въ 18 верстахъ отъ Амгинской слободы, и *Прохладномъ*, на урочищѣ Маганъ, въ 16 верстахъ отъ г. Якутска. Къ 1-му января 1905 года въ этихъ трехъ селеніяхъ числилось 74 мужчины, 40 женщинъ и 48 дѣтей, но въ 1905 году послѣдовало разрѣшеніе на выѣздъ духоборовъ изъ области, и селенія эти опустѣли, такъ какъ обитатели ихъ выселились въ Америку.



Глава II.

Составъ крестьянскаго населенія.

1. Общая характеристика физическаго типа крестьянъ Якутской области. 2. Численность и приростъ населенія: а) въ Амгинскомъ обществѣ; б) въ Обществѣ 20-ти станцій Якутскаго округа; в) въ Олекминской крестьянской волости. 3. Половой, возрастный и семейный составъ крестьянскаго населенія; сравнительныя данныя относительно якутовъ, тунгусовъ и русскихъ крестьянъ-старожиловъ Иркутской губерніи.

1. Древнѣйшимъ крестьянскимъ поселеніемъ въ Якутской области, какъ это упоминалось въ первой главѣ, была Амгинская слобода Якутскаго округа. Ея первоначальные засельщики были переведены туда изъ Илимска, а населеніе Илимска образовалось главнымъ образомъ изъ ссыльныхъ, переведенныхъ туда изъ Тюмени, которая, въ свою очередь, заселялась въ XVII вѣкѣ преимущественно ссыльными изъ Великаго Устюга[1]). Такимъ образомъ отдаленными предками амгинцевъ, какъ можно догадываться, были устюжане. Отсутствіе всякаго общенія съ другими русскими элементами и крайне низкій уровень собственной культуры уже въ концѣ XVIII-го вѣка привели амгинцевъ къ отмѣченному Сарычевымъ, бытовому и лингвистическому объякучиванію, а постоянные браки крестьянъ съ якутками и объякутившимися тунгусками совершенно измѣнили ихъ физическій типъ.

Ростъ амгинцевъ, хотя и выше роста якутовъ, ниже средняго роста россійскихъ уроженцевъ и приленскихъ крестьянъ той же Якутской области: для взрослыхъ, по измѣреніямъ Н. Л. Геккера[2]), онъ составляетъ лишь 163,6 сантиметровъ, и для призывныхъ, по разработаннымъ мною призывнымъ спискамъ, лишь 160,25 сант., что указываетъ между прочимъ, на позднее достиженіе полной физической зрѣлости. Изъ 86 домохозяевъ, отмѣ-

---

[1]) Словцовъ. Историч. Обзор. Сибири, т. I, стр. 253. Андріевичъ. Ист. Оч. Сибири.

[2]) Н. Л. Геккеръ. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. III, выпускъ 1-й. Иркутскъ. 1896 г.

ченныхъ мною по ихъ наружнымъ признакамъ при составленіи подворной переписи (мартъ 1895 года), русыхъ оказалось только 17 человѣкъ; всѣ остальные брюнеты или почти брюнеты съ очень смуглымъ лицемъ; свѣтлые и зетеновато-сѣрые глаза отмѣчены у 23 мужчинъ,—у всѣхъ остальныхъ глаза темно-каріе и почти черные; наконецъ, растительность на лицѣ почти у всѣхъ или отсутствуетъ или развита очень слабо.

По своему духовному складу амгинецъ такъ же далекъ отъ кореннаго великорусса, какъ и по своимъ физическимъ признакамъ. Въ извѣстномъ очеркѣ «Сонъ Макара» В. Г. Короленко ярко воспроизвелъ обликъ типичнаго амгинца и въ массѣ амгинскій крестьянинъ и позже, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того, какъ о немъ писалъ В. Г. Короленко, сохранялъ тѣ-же вѣрованія, понятія и обычаи, какъ и злосчастный «Макаръ», такъ краснорѣчиво защищавшійся передъ небеснымъ Тойономъ. Изъ 86 домохозяевъ, которые выше характеризованы по ихъ физическимъ признакамъ, 54 человѣка, какъ выяснилось при переписи, совершенно не понимали русскаго языка, 19 человѣкъ объяснялись съ трудомъ и понимали кое-какъ, и только 13 человѣкъ говорили по русски болѣе или менѣе сносно.

Въ обособленной географически Амгѣ, отстоящей отъ города за 178 верстъ, русскіе крестьяне въ результатѣ полуторастолѣтняго пребыванія въ краѣ оказались почти совершенно объякутившимися. На приленскихъ станціяхъ, возникшихъ позже и менѣе изолированныхъ, объякучиваніе не достигаетъ такой подавляющей силы, но оно и тамъ успѣло наложить на крестьянское населеніе рѣзкій отпечатокъ расоваго и бытоваго воздѣйствія, отовсюду окружащаго маленькіе крестьянскіе мірки сплошнаго инородческаго элемента.

По происхожденію своихъ предковъ приленскіе крестьяне почти всѣ великоруссы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда теперешніе обитатели станціонныхъ селеній еще помнятъ, откуда вышли первые засельщики, чаще всего приходится слышать указанія на губерніи: Петербургскую, Московскую, Симбирскую и Енисейскую. Малороссы, поляки и представители неславянскихъ народностей Россіи примѣшивались къ основному элементу лишь въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, благодаря осѣданію на мѣстѣ небольшой части уголовныхъ, и еще рѣже—политическихъ ссыльныхъ, потомки которыхъ входили въ составъ крестьянскаго населенія и въ настоящее время ничѣмъ не отличаются отъ

другихъ крестьянъ. Помимо деревенскихъ и семейныхъ преданій, фактъ однородности станочнаго населенія по его первоначальной крови подтверждается и тѣмъ, что весьма многія крестьянскія семьи носятъ одинаковыя фамиліи, а мѣстами (Олекминскій округъ), «родъ», какъ совокупность многихъ семей общаго происхожденія, и понынѣ сохраняетъ у крестьянъ нѣкоторое бытовое, и даже юридическое значеніе. Въ числѣ 342 семей кореннаго крестьянства въ обществѣ 20-ти станцій Якутскаго округа по переписи оказалось: 22 семьи Сухановыхъ, 18 семей Соколовыхъ, 16 семей Припузовыхъ, 16 семей Голиковыхъ, и т. п.; въ Олекминскомъ округѣ въ общемъ числѣ 483 семей станціонныхъ крестьянъ мы насчитали: 26 семей Яныгиныхъ[1]), 22 семьи Ипатовыхъ, по 20 семей Пшенниковыхъ и Копыловыхъ, по 18 семей Ершовыхъ и Борисовыхъ и т. д. Малочисленность своихъ женщинъ въ первомъ же поколѣніи вынуждала ямщиковъ-посельщиковъ жениться на якуткахъ, а затѣмъ подобные браки уже вошли въ обычай, и теперь мы встрѣчаемъ въ приленскихъ деревняхъ населеніе сильно метисированное и по своей культурѣ значительно, хотя и не вполнѣ объякутившееся. Въ Якутскомъ округѣ по моимъ записямъ совершенно не понимаютъ русскаго языка приблизительно 30—35% всѣхъ мужчинъ, но среди женщинъ этотъ процентъ гораздо выше. Па своему физическому типу на пяти станціяхъ ближайшихъ къ городу Якутску изъ числа 60 домохозяевъ оказалось 35 сохранившихъ русскую внѣшность и 25 якутоватыхъ; на пяти слѣдующихъ станціяхъ: Булгуньяхтахъ-Батамайская объякучиваніе проявляетъ наибольшую силу: тамъ изъ 75 домохозяевъ русскихъ отмѣчено только 27 и якутоватыхъ 48; далѣе на пяти станціяхъ: Синьская—Крестяхъ, изъ числа 60 человѣкъ, тѣхъ и другихъ оказалось по тридцать человѣкъ; и ниже, на пяти станціяхъ ближайшихъ къ Олекминскому округу: Иситъ-Саныяхтахъ, изъ 82 человѣкъ, якутоватыхъ отмѣчено только 14 и русскихъ 68. Въ Олекминскомъ округѣ шесть южныхъ деревень, начиная отъ границы Киренскаго округа Иркутской губерніи, совершенно свободны отъ объякучиванія, но далѣе къ сѣверо-востоку оно и тутъ бросается въ глаза, усиливаясь по мѣрѣ отдаленія отъ Иркутской губерніи къ границамъ Якутскаго округа. Въ этой части Олек-

[1]) Щукинъ. *Поѣздка въ Якутскъ.* Бывшій директоръ иркутской гимназіи Щукинъ дважды посѣтилъ Якутскъ въ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Въ описаніи своихъ путешествій Щукинъ упоминаетъ о первомъ Яныгинѣ и о его культурной дѣятельности въ дикомъ краѣ.

минскаго округа изъ 143 домохозяевъ якутоватыхъ отмѣчено 39 и русскихъ 104. Всего на 36 приленскихъ станціяхъ (начиная съ Дельгейской, и далѣе до города Якутска), въ числѣ 420 отмѣченныхъ крестьянъ якутоватые составляли 37, 14% и русскіе 62, 85%, т. е. болѣе одной трети крестьянъ оказались утратившими русскій типъ въ чертахъ своего лица.

Замѣчательно, однако, что по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, и прежде всего: по своему росту и по размѣрамъ головнаго указателя, то же самое населеніе, какъ показываютъ мои измѣренія мѣстныхъ солдатъ изъ уроженцевъ приленскихъ станцій и данныя призывныхъ списковъ [1]), унаслѣдовало особенности русскаго племеннаго типа, и ничѣмъ не проявляетъ воздѣйствія на него инородческаго элемента.

Характеризующіе этотъ фактъ цифры таковы [2]):

	Ростъ.	Головной указатель.
Якутск. округъ.		
Солдаты изъ приленск. кр-нъ . .	166,58 сант.	82,50
Призывные изъ кр-нъ.	164,39 »	
Олекм. округъ.		
Солдаты изъ приленск. кр-нъ . .	165,81 »	81,55
Призывные изъ кр-нъ.	163,44 »	

Такимъ образомъ метисація съ якутами повела, какъ видно, не къ полному усвоенію метисами того или иного изъ первоначальныхъ типовъ, а къ передачѣ потомкамъ продольныхъ размѣровъ тѣла и нѣкоторыхъ другихъ особенностей отъ русскихъ производителей, и группы другихъ, преимущественно лицевыхъ признаковъ отъ производительницъ-якутокъ.

II. Рождаемость и смертность этого метисированнаго населенія установить пока невозможно по отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ. Оффиціальныя цифры нерѣдко не совпадаютъ, и вообще заслуживаютъ мало довѣрія, а съ церковными данными еще хуже: со времени массоваго крещенія якутовъ (начало XIX

---

[1]) Въ продолженіи 1894—96 г.г., работая въ Якутской области какъ одинъ изъ членовъ Сибиряковской экспедиціи, организованной на средства И. М. Сибирякова Вост. Сибир. Отдѣломъ И. Р. Г. О., я получилъ разрѣшеніе мѣстныхъ властей на ознакомленіе съ призывными списками, которые и были мною использованы за двадцатилѣтній періодъ.

[2]) И. Майновъ. *Помѣсь русскихъ съ якутами.* Русскій Антропологическій Журналъ. 1900 г. кн. 4.

вѣка), почти всѣ они носятъ чисто русскія фамиліи (по большей части фамиліи крестныхъ отцовъ и начальствующихъ лицъ прежней поры), и въ церковныхъ книгахъ, помимо всѣхъ другихъ недостатковъ, прихожане далеко не всегда отмѣчаются по ихъ національности, такъ, что для цѣлей свѣтской статистики эти книги мало пригодны. Въ виду этого, въ настоящемъ очеркѣ, вмѣсто попытки пролить какой-нибудь свѣтъ на движеніе кр. населенія, я вынужденъ ограничиться простымъ сопоставленіемъ цифръ переписи, производившейся мною и Г. Л. Кондаковымъ, съ цифрыми прежнихъ ревизій [1]), сопровождая такую сводку разновременныхъ данныхъ лишь немногими соображеніями по поводу встрѣчающихся неясностей.

Наиболѣе запутаннымъ является вопросъ о дѣйствительной численности коренного крестьянскаго населенія Амгинской слободы Якутскаго округа и о причинахъ его несомнѣнной убыли.

Въ 1848 году, очевидно, еще по учету VIII ревизіи, въ Амгѣ считалось 284 ревизскихъ души, но по даннымъ IX ревизіи къ 1850 году тамъ было уже 353 мужчины и 313 женщинъ. Весьма вѣроятно, что въ числѣ мужчинъ тутъ указаны лица, приписавшіяся въ крестьяне изъ бывшихъ ссыльныхъ, или ихъ потомки, и вполнѣ несомнѣнно, что въ число женщинъ включены и якутки по рожденію, состоявшія въ замужествѣ за крестьянами. Благодаря недостаточному выдѣленію этихъ привходящихъ элементовъ, опредѣлить приростъ или убыль потомства первоначальныхъ засельщиковъ Амги оказывается совершенно невозможнымъ, и, говоря о «коренныхъ» амгинцахъ, постоянно приходится имѣть въ виду, что сами крестьяне, какъ и мѣстныя власти, считаютъ коренными крестьянами дѣтей и внуковъ разнаго рода лицъ, по временамъ причислявшихся къ амгинскому обществу. Что такія причисленія имѣли мѣсто уже съ давняго времени, доказывается хотя-бы данными VI-ой ревизіи (1816 г.), когда указано въ Амгѣ: крестьянъ мужского пола 196 и женскаго пола 212; и «вновь причислившихся въ крестьяне» (безъ означенія, откуда и изъ какихъ сословій,—не изъ числа-ли инородцевъ окрестныхъ наслеговъ?),— 4 мужчинъ; «алданскихъ крестьянъ, причисленныхъ къ слободѣ»—

---

[1]) Ревизскія сказки сохранились въ архивѣ Амгинской Мірской Избы, въ дѣлахъ 1850 и 1858 года, и въ Областномъ архивѣ,—дѣла казначейства; а по Олекминскому округу также и въ архивѣ Олекминскаго Окружнаго Полицейскаго Управленія.

1 мужчина и 5 женщинъ; и «приписныхъ городскихъ крестьянъ»— 9 мужчинъ и 10 женщинъ. Въ позднѣйшихъ данныхъ, относящихся къ однимъ и тѣмъ-же годамъ, число коренныхъ крестьянъ и причисленныхъ ссыльныхъ постоянно означается далеко не согласующимися цифрами, но по отношенію къ мужскому населенію 1853 г. нашлось одно косвенное указаніе, подтверждающее тотъ фактъ, что цифра IX ревизіи—353 мужчины—была для того времени довольно бзизкой къ дѣйствительности: по случаю состоявшейся переписи амгинцы въ 1853 году передѣлили свои сѣнокосы, причемъ раздѣлъ былъ произведенъ на 333 души, къ которымъ впослѣдствіи было прибавлено еще какихъ-то 4 души [1]).

Въ 1858 году по ревизскимъ сказкамъ крестьянъ значилось 379 мужчинъ и 390 женщинъ, а поселенцевъ 39 мужч. и 27 женщ По сравненію съ данными 1850 года цифры эти обнаруживаютъ. мало вѣроятный приростъ, а черезъ 11 лѣтъ Мірская Изба на запросъ Статистическаго Комитета показываетъ уже только 344 мужчины и 378 женщинъ [2]).

Въ исповѣдной росписи Амгинской церкви за 1895 годъ [3]) число крестьянъ указано всего въ 265 мужчинъ и 228 женщинъ, а по нашей переписи, коренныхъ крестьянъ оказалось въ этомъ году 213 мужчинъ и 192 женщины, а если прибавить къ нимъ 6 семей причислившихся съ согласія общества и пользовавшихся полнымъ надѣломъ поселенцевъ, то 226 мужчинъ и 208 женщинъ.

Помимо того, въ слободѣ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ селеній Якутской области, проживаетъ много иносословныхъ; въ 1893 году, по оффиціальнымъ даннымъ, такихъ лицъ въ Амгѣ было: 75 инородцевъ обоего пола, русскихъ другихъ сословій — 64, и разнаго рода ссыльныхъ—49 [4]).

Сами крестьяне въ мірскомъ приговорѣ отъ 23 ноября 1893 года, выясняя причины накопленія за нами крупный недоимки, указывали на то, что ко времени составленія этого приговора, изъ числа 404 платежныхъ душъ, установленныхъ съ X ревизіи по численности тогдашнихъ крестьянъ и обложенныхъ окла-

---

[1]) Арх. Амг. Мір. Избы. 1853 г. Д. № 12.

[2]) Ibid. Д. 1869 г.

[3]) Исповѣдныя росписи церквей Якутской епархіи были мною использованы въ помѣщеніи Якутской Духовн. Консисторіи, гдѣ, послѣ моего отъѣзда, продолжалъ ихъ разработку для надобностей сибиряковской экспедиціи одинъ изъ моихъ товарищей—В. С. Ефремовъ.

[4]) Арх. Якут. Област. Правленія. 1895 г. Д. № 24.

домъ поселенцевъ, теперь оставалось только 254 души, къ которымъ обществомъ было прибавлено 34 души, «малолѣтковъ», т. е. лицъ, родившихся уже послѣ ревизіи. Такимъ образомъ крестьянскій міръ считалъ у себя 288 окладныхъ душъ, т. е. платежныхъ единицъ, но изъ всего текста приговора очевидно, что это именно платежныя души, а не наличное мужское населеніе, и притомъ, что въ это число включены и причисленные къ обществу поселенцы. Дѣйствительныхъ плательщиковъ, какъ выяснилось при переписи, въ Амгѣ было 132 человѣка, т. е. число, почти вполнѣ соотвѣтствующее всему числу взрослаго мужского населенія по нашему подсчету: 107 мужчинъ въ возрастѣ 18—60 лѣтъ, и 33 мужчины свыше 60 лѣтъ.

Сопоставляя всѣ данныя о численности амгинскихъ крестьянъ, какія только можно было извлечь изъ архивовъ или изъ опроса жителей [1]), я прихожу къ тому заключенію, что убыль въ Амгѣ коренного населенія со времени X ревизіи составляетъ фактъ совершенно неоспоримый и что наша цифра населенія 1895 года является наиболѣе достовѣрной. Принимая число душъ, на какое въ 1853 году крестьяне подѣлили свои сѣнокосы—333, за наиболѣе вѣроятное число наличнаго мужского населенія той поры, и сопоставляя это съ нашей цифрой мужского населенія 1895 г.—213, мы найдемъ, что за 42 года мужское населеніе коренныхъ крестьянъ уменьшилось въ Амгѣ на 120 человѣкъ, т. е. убыло на 36,2%.

Такая убыль могла произойти либо отъ разброда населенія, либо отъ вымиранія, или, наконецъ, отъ дѣйствія обѣихъ этихъ причинъ вмѣстѣ. Въ оффиціальныхъ актахъ 90-хъ годовъ нерѣдко можно встрѣтить по отношенію къ амгинцамъ слово «вырожденіе», сами крестьяне въ цитированномъ выше мірскомъ приговорѣ 93-го года настаиваютъ на томъ, что убыль отъ смертности среди лицъ, занесенныхъ въ ревизскія сказки 1858 года, далеко не восполняется въ ихъ семьяхъ естественнымъ приростомъ; но можно-ли отнестись къ такимъ утвержденіямъ съ безусловнымъ довѣріемъ—это большой вопросъ, такъ какъ фактъ разброда многихъ коренныхъ крестьянскихъ семей изъ Амги является несомнѣннымъ. При глухомъ и отдаленномъ положеніи слободы тамошніе крестьяне не имѣютъ на мѣстѣ никакихъ вспомогательныхъ промысловъ, и

[1]) Въ 1898 году, находясь въ Иркутскѣ, я возбуждалъ ходатайство о разрѣшеніи мнѣ ознакомиться съ данными всеобщей переписи 1897 года по Якутской области, но высшая администрація края этого не разрѣшила.

достаточно одного-двухъ крупныхъ неурожаевъ или скотскаго падежа, чтобы крестьянская семья оказалась лишенной всякихъ средствъ къ существованію; уходъ на сторону въ такихъ случаяхъ составляетъ явленіе обычное, а тамъ, если крестьянину повезетъ на пріискахъ или въ иномъ мѣстѣ, куда онъ удалился со своей семьей, онъ сплошь да рядомъ исчезаетъ для своего общества, не давая о себѣ въ послѣдующее время никакой вѣсти. Настолько-ли часты подобные уходы, чтобы имъ однимъ приписать всю убыль амгинцевъ за послѣднія десятилѣтія, этого ни я, да вѣроятно и никто другой, сказать не можетъ; но несомнѣнно изъ наблюденія мѣстной жизни, что въ извѣстной мѣрѣ такой разбродъ имѣетъ мѣсто и что онъ не такъ ничтоженъ, чтобы не оказать своего вліянія на общей численности амгинскаго населенія.

Наряду съ этимъ нельзя, однако-же, не отмѣтить цѣлаго ряда признаковъ, съ полной несомнѣнностью указывающихъ на амгинцевъ, какъ на особый элементъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, наименѣе благополучный и жизнеспособный. Выше уже указывалось на то, что по своему росту они уступаютъ другимъ группамъ русскихъ крестьянъ Якутской области, но значеніе этого факта ослабляется тѣмъ, что столь-же низкій ростъ обнаруживаетъ населеніе и кое-гдѣ въ Европейской Россіи и что самъ по себѣ такой ростъ еще не является признакомъ физическаго вырожденія. Болѣе зловѣщій характеръ представляютъ цифры, выясняющія относительную численность дѣтей у амгинцевъ, относительную численность у нихъ женщинъ, средній составъ амгинской семьи, и обезпеченность семей взрослыми работниками. По всѣмъ этимъ признакамъ амгинцы, какъ видно изъ помѣщаемыхъ ниже таблицъ, обнаруживаютъ гораздо болѣе сходства съ инородцами, и въ частности съ якутами Олекминскаго округа (о якутахъ Якутскаго округа не имѣется свѣдѣній), чѣмъ съ русскими Якутской области и сосѣдней Иркутской губерніи.

Приленскіе ямщики, наоборотъ—по составу населенія оказываются вполнѣ сходными съ русскими крестьянами-старожилами Иркутской губерніи. Численность ихъ со времени X ревизіи не только не понизилась, но возросла въ такой степени, что объяснить это явленіе однимъ естественнымъ приростомъ для крестьянъ 20 станцій Якутскаго округа невозможно, и надо допустить, что въ этой мѣстности осѣдало нѣкоторое число приписываемыхъ къ обществу уголовныхъ ссыльныхъ, потомство которыхъ вполнѣ сливалось съ кореннымъ населеніемъ. По ревизіи

1816 года на 12 станціяхъ тогдашняго «посельщичьяго» общества Якутскаго округа насчитывалось 199 мужчинъ и 183 женщины; по ревизіи 1858 года въ обществѣ оказывалось уже 546 мужчинъ и 531 женщина; а по нашей переписи, производившейся въ этой мѣстности въ концѣ 1894 года, на 20 теперешнихъ станціяхъ мы насчитали 1015 мужчинъ и 957 женщинъ, что даетъ средній годовой приростъ мужского населенія +2,38, женскаго +2,23; и всего вообще +2,30.

Въ Олекминскомъ округѣ на 13 тогдашнихъ станціяхъ въ 1816 году было 147 мужчинъ и 108 женщинъ и въ лежащихъ въ сторонѣ отъ тракта деревняхъ Амгинской и Олекминской — 278 мужчинъ и 249 женщинъ, а всего 425 мужчинъ и 357 женщинъ. По ревизіи 1858 года мужчинъ въ Олекминской волости показано 875 и 872 женщины, а въ 1894 году, по нашей переписи, мужчинъ оказалось 1.254 + 71 = 1.325 человѣкъ [1]), и женщинъ 1.245+70=1.315, откуда годовой приростъ для мужского населенія за послѣдній періодъ опредѣляется въ + 1,43; для женскаго + 1,41; и для всего вообще + 1,42.

Въ общемъ коренное крестьянское населеніе обоихъ округовъ Якутской области со времени ревизіи 1858 года обнаружило за 36-лѣтній періодъ приростъ въ + 51,42% или средній годовой

[1]) Въ перепись кр. населенія, производившуюся мною и Г. Л. Кондаковымъ, въ Олекминскомъ округѣ не вошло 5 семей станціонныхъ крестьянъ, относительно которыхъ не отъ кого было получить свѣдѣній, такъ какъ въ этихъ семьяхъ въ моментъ переписи не было на лицо взрослыхъ членовъ, а сосѣди не могли точно указать ни числа дѣтей, ни возраста членовъ этихъ семей. Предположительно я принимаю численность этихъ семей въ 5×5=25 душъ обоего пола. На станціи Чекурской, кромѣ лицъ, внесенныхъ въ повозрастный списокъ населенія, домохозяевами указано еще 7 мужчинъ и 12 женщинъ неизвѣстнаго возраста. Въ деревнѣ Амгинской, по отсутствію въ надлежащій моментъ взрослыхъ членовъ, не внесено въ наши списки 4 двора, населеніе которыхъ я опредѣляю предположительно въ 4×5=20 чел. Въ деревнѣ Олекминской не описано 11 дворовъ, расположенныхъ далеко въ сторонѣ отъ селенія; населеніе этихъ дворовъ я опредѣляю предположительно въ 11×5=55 человѣкъ. Наконецъ, на другомъ берегу Лены существовала ранѣе деревня Курьинская, фактически покинутая своими жителями, разбредшимися кто-куда; въ этой деревнѣ по волостнымъ даннымъ числилось 12 мужчинъ и 10 женщинъ. Такимъ образомъ общій недочетъ населенія Олекминской волости по нашей переписи опредѣляется въ 141 человѣкъ обоего пола. Предполагая, что въ этомъ числѣ мужчинъ должно оказаться почти столько-же, сколько и женщинъ, я прибавляю къ получившейся у насъ цифрѣ мужского населенія волости—1.254 человѣка еще 71 муж. душу, и такимъ образомъ прихожу къ принимаемой мною цифрѣ—1.325 мужчинъ.

приростъ + 1,43, причемъ, какъ указывалось ранѣе, нѣкоторую часть этого прироста съ большой вѣроятностью слѣдуетъ отнести на счетъ причисленія къ крестьянскимъ обществамъ уголовныхъ ссыльныхъ. Хотя изъ массы оффиціально причисляемыхъ ссыльныхъ дѣйствительно осѣдаетъ на мѣстѣ, женится и даетъ начало новому крестьянскому роду лишь очень небольшое число лицъ, но, при малочисленности всего станочнаго населенія, достаточно и одной сотни такихъ случаевъ, чтобы это уже отразилось на высотѣ общаго коэффиціента.

Для крестьянскаго населенія Верхоленскаго округа Иркутской губ. Ю. Г. Григорьевымъ средній годовой приростъ опредѣленъ въ + 1,38 [1]), т. е. онъ почти таковъ-же какъ и въ Якутской области, и если принять для приленскаго населенія ту-же норму естественнаго прироста, какая принимается указаннымъ авторомъ для верхоленцевъ + 1,13, то на долю причисленій надо будетъ отнести + 0,30% ежегоднаго прироста.

III. Частью для сбереженія мѣста, а частью въ виду того, что цифры переписи 1894/95 года для настоящаго времени устарѣли и теперь представляютъ лишь историческій интересъ, я въ текстѣ настоящаго труда ограничиваюсь лишь немногими цифрами общаго характера и коротенькими табличками процентныхъ отношеній, представляющихъ собою величины болѣе постоянныя, чѣмъ въ дѣйствительности безпрерывно измѣняющіяся количества, подлежащія непосредственному учету. Въ началѣ 1895 года въ 50 крестьянскихъ селеніяхъ обоихъ округовъ Якутскаго и Олекминскаго, составлявшихъ три «общества», населеніе коренныхъ крестьянъ по своей численности и возрастному составу было таково:

	Мужчины.						Женщины.							
	До 7 л.	7–14	14–18	18–60	60...	Итого.	До 7 л.	7–14	14–18	18–60	60...	Итого.	Всего.	
I. Амгинское о-во.	59	29	26	125	40	279	56	34	14	128	23	255	534	
II. О-во 20 станцій.	259	160	84	524	84	1111	271	146	81	481	70	1049	2160	
III. Олекмин. крест. волость.	291	171	110	583	99	1254	296	202	136	525	86	1245	2499	
Итого. . .	609	360	220	1232	223	2644	623	382	231	1134	179	2549	5193	

Прибавляя къ окончательной цифрѣ населенія 141 душу обоего пола, составляющія, какъ пояснено въ примѣчаніи, нашъ недочетъ, мы получимъ общій итогъ 5.334 человѣка.

[1]) «Мат. . . . etc. . . .», т. II, в. 6. Ст. Ю. Г. Григорьева.

При распредѣленіи тѣхъ-же возрастныхъ группъ по ихъ процентному отношенію ко всему числу мужчинъ и всему числу женщинъ того-же общества, для ясности вывода, я исключаю двѣ маленькихъ деревеньки Амгинскаго общества: Устъ-Майскую и Новопокровскую, и замѣняю Амгинское общество Амгинской слободой, послѣ чего получается таблица, наглядно указывающая отличіе амгинцевъ отъ приленскихъ крестьянъ:

	Мужчины.					Женщины.				
	До 7 л.	7–14	14–18	18–60	60...	До 7 л.	7–14	14–18	18–60	60...
Амгинская слобода	19,0	9,7	9,3	47,3	14,6	20,7	11,5	5,8	51,9	9,6
		38,0					38,0			
О-во 20 станцій	23,1	14,4	7,8	47,1	7,4	25,7	14,1	7,8	45,7	6,6
		45,3					47,6			
Олекмин. крест. волость	23,2	13,7	8,2	46,5	7,9	23,8	16,2	10,9	42,2	6,9
		45,1					50,9			
Все крест. населеніе	23,0	13,6	8,3	46,6	8,5	24,8	14,9	9,0	44,5	7,0
		44,9					48,7			

Изъ этой таблички видно, что по относительной численности дѣтей и подростковъ обоего пола амгинцы далеко уступаютъ другимъ группамъ якутскихъ крестьянъ, тогда-какъ по численности старухъ, и въ особенности—стариковъ, они стоятъ на первомъ мѣстѣ.

Помѣщаемая ниже табличка показываетъ, что по этому признаку амгинцы приближаются къ инородческимъ группамъ Иркутскаго и Якутскаго края, тогда-какъ приленскіе крестьяне не уступаютъ, а даже превосходятъ крестьянъ-старожиловъ Иркутской губерніи [1]):

	Мужчины.					Женщины.
	До 7 лѣт.	7–14	14–18	18–60	60...	До 7 лѣтъ.
Русскіе 3-хъ округ. Иркутской губ.	20,4	15,0	7,6	49,0	8,0	21,4
		43,0				
» Верхоленскаго округа	19,5	14,0	8,1	51,8	8,6	21,3
		41,6				
Якуты Олекминскаго округа	18,3	13,7	6,0	53,2	8,8	18,0
		38,0				
Кочевые инородцы 3-хъ округовъ Иркутской губерніи	16,5	14,2	7,7	55,3	6,3	18,4
		38,4				
Кочевые инородцы Верхолен. округа	14,1	12,6	7,8	56,7	8,8	15,6
		34,5				

[1]) «*Матеріалы по изсл. земл.*» *etc.* . . т. II, В. 6-й. По отношенію къ женщинамъ сравнивать наши данныя невозможно по различію возрастныхъ группъ.

Крестьяне деревни Амгинской, Олекмин. округа.

По относительной численности мужчинъ и женщинъ приленскіе крестьяне точно также обнаруживаютъ большое сходство съ верхоленскими русскими, тогда-какъ амгинцы—съ кочевыми инородцами. Располагая различныя группы крестьянъ по высотѣ этого признака, мы увидимъ такую градацію:

Амгинцы.	на 100 мужчинъ	91,2	женщины.
О-во 20 станцій	»	94,28	»
Олекмин. крест. волость. . .	»	99,29	»
Всѣ въ общемъ . .	на 100 мужчинъ	96,4	женщинъ.

Сопоставляя съ этимъ данныя объ олекминскихъ якутахъ и о тунгусахъ, заимствуемыя ихъ моихъ работъ [1]), и свѣдѣнія о русскихъ и инородцахъ Иркутской губ. [2]), и располагая всѣ цифры въ томъ-же порядкѣ, мы увидимъ, что кочевые инородцы разныхъ мѣстностей и амгинцы въ этомъ отношеніи очень рѣзко отличаются отъ русскихъ крестьянъ и той части бурятъ (осѣдлые), которые усвоили крестьянскій образъ жизни:

	На 100 мужчинъ.	
Буряты Верхоленскаго округа.	89	женщинъ
» *кочевые* Балаганскаго округа . .	90	»
Тунгусы Якутскаго округа.	91,4	»
Буряты кочевые Иркутскаго округа. . .	92	»
» Нижнеудинскаго округа. . . .	92	»
Якуты Олекминскаго округа.	92	»
Русскіе крест. Якутской области	96,4	»
» » Верхоленскаго округа . .	98	»
Буряты осѣдлые Иркутскаго округа . .	98	»
» » Балаганскаго округа. .	99	»

Наряду съ меньшимъ числомъ дѣтей и женщинъ амгинцы отличаются отъ приленскихъ крестьянъ и стоятъ ближе къ инородцамъ также и по численному составу хозяйствъ, которыя у

[1]) *И. Майновъ.* «*Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края*». Труды Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. № 2. Иркутскъ. 1898 г. Свѣдѣнія объ олекминскихъ якутахъ извлечены мною путемъ разработки сырыхъ матеріаловъ подворной переписи, произведенной въ 1893 году самими олекминскими якутами для болѣе правильной разверстки платежей и земель. Подробнѣе говорится объ этой переписи въ главѣ V-й

[2]) «*Матеріалы по изсл. земл.*» etc. . . . т. III, вып. 2-й, стр. 106—108; т. IV, вып. 2-й, стр. 62—78.

амгинцевъ малочисленнѣй, чѣмъ у другихъ крестьянъ. Въ общемъ числѣ хозяйствъ каждаго общества мы находимъ въ %%:

	Одиночекъ.	2–4 д. об. п.	5–6 д. об. п.	7–10 д. об. п.	11 д. об. п.	Средняя.	Maximum.
Амгинское о-во	6,7	51,3	23,5	16,8	1,7	4,5	12 (1 случай)
О-во 20 стан. Якутскаго окр. . .	0,3	29,9	36,4	31,1	2,3	5,8	14 (2 случая)
Олекминская крест. волость . .	4,5	37,3	29,1	27,0	2,1	5,15	18 (1 случай)
Всѣ въ общемъ . . .	3,28	36,4	31,0	27,2	2,1	5,29	
Якуты Олекминскаго округа . .	7,6	54,3	25,6	11,7	0,7	4,15	20 (1 случай)
Тунгусы Якутскаго округа . . .	4,8	48,3	25,2	23,4	1,7	4,48	20 (1 случай)

Единственный признакъ, по которому не только амгинцы, но также и крестьяне Олекминской волости, замѣтно уступаютъ верхоленскимъ крестьянамъ и приближаются къ инородцамъ, это— обезпеченность хозяйствъ рабочей силой; въ о-вѣ 20 станцій Якутскаго округа и въ этомъ отношеніи удерживается полное сходство съ верхоленцами. Игнорируя такъ называемыхъ «полуработниковъ» и группируя хозяйства только по числу «бойцовъ», т. е. мужчинъ въ возрастѣ 18—60 лѣтъ (этотъ великороссійскій терминъ «бойцы» употребителенъ также и среди крестьянъ Якутской области), мы найдемъ такое распредѣленіе хозяйствъ по числу взрослыхъ работниковъ въ%%:

	Безъ раб.	съ 1 р.	съ 2 р.	съ 3 и болѣе р.
Амгинское о-во	20,2	63,0	13,4	7,02
Олекминское крест. о-во	10,8	65,4	18,4	5,4
О-во 20 станцій Якутскаго окр.	4,9	62,8	21,3	11,0
Всѣ въ общемъ . .	9,6	64,1	18,8	7,4
Крест. Верхоленскаго округа . . .	5,1	57,9	26,8	10,2
Якуты Олекминскаго округа . .	10,4	69,1	16,4	4,0

Въ общемъ выводѣ слѣдуетъ признать, что по составу населенія приленскіе крестьяне Якутской области совершенно сходны съ крестьянами верхней Лены (Иркутская губернія), а амгинцы— настолько-же сходны съ якутами. Примѣръ бурятъ: осѣдлыхъ и кочевыхъ, и тунгусовъ: бродячихъ и фактически ставшихъ осѣдлыми, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что половой и возрастный составъ населенія опредѣляются не столько расовыми различіями, сколько условіями хозяйственнаго быта. Подъ вліяніемъ тѣхъ-же условій объякучиванье, такъ рѣзко бьющее въ глаза при антропологическомъ изслѣдованіи приленскихъ крестьянъ, ничѣмъ не проявляетъ себя въ демографическихъ признакахъ того-же населенія.

Добавленіе къ главѣ II-й. По «Обзору» за 1908 г. крестьянъ числилось: въ Якутскомъ округѣ 2.246 м. и 2.012 ж., въ Олекминскомъ округѣ 1.976 м. и 1.948 ж., въ Вилюйскомъ округѣ—254 м. и 235 ж., и въ Верхоянскомъ округѣ—41 м. и 46 ж. По сравненію съ населеніемъ 1895 года по Якутскому округу оказывается приростъ около 70% и по Олекминскому около 57%. Такой приростъ за 13-лѣтній періодъ не могъ произойти не только естественнымъ путемъ, но и путемъ прибытія въ область вольныхъ переселенцевъ, число которыхъ, какъ это указывается ниже, было очень не велико; очевидно въ числѣ «мѣстныхъ крестьянъ» въ «Обзорѣ» усчитаны и крестьяне изъ ссыльныхъ, оффиціально причисленные къ крестьянскимъ обществамъ и въ 1895 году въ нашъ учетъ не входившіе. Объ этомъ элементѣ мѣстнаго крестьянства въ настоящемъ трудѣ говорится особо, въ главѣ XIV-й.

Что касается до вольнаго переселенія въ Якутскую область, то свѣдѣнія объ этомъ я нахожу въ двухъ источникахъ: въ изданіи Переселенческаго Управленія «Итоги переселенческаго движенія за время съ 1896 по 1909 годъ» г. *Н. Турчанинова*, и въ «Отчетѣ якутскаго губернатора *Крафта* за время управленія областью (1907—1908 г.г.)».

Изъ перваго источника видно, что 4 семьи переселенцевъ, въ составѣ 9 душъ, прошли впервые въ Якутскую область въ 1899 году и затѣмъ въ четыре послѣдующихъ года проходило: 2 семьи изъ 8 душъ, 5 семей изъ 13 душъ, 2 семьи изъ 5 душъ, и 5 семей изъ 16 душъ; въ 1906 году прошла 1 семья изъ 4 душъ, а всего прослѣдовало черезъ Челябинскъ 19 семей изъ 55 душъ. За то-же время прошло ходоками отъ своихъ семей 73 человѣка. Въ обратномъ направленіи прошло 5 семей изъ 25 душъ и 72 ходока, изъ которыхъ обезпечилъ себя землею на 2 души 1 ходокъ.

Въ «Отчетѣ» г. Крафта сообщается, что распоряженіемъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія отъ 10 января 1907 года открыты для заселенія Якутскій и Вилюйскій округа и переселяющимся туда предоставляются льготы и пособія, установленныя закономъ 27 апрѣля 1896 года. По предложенію генералъ-губернатора къ округамъ, открытымъ для заселенія, добавленъ и Олекминскій округъ. Мѣстная администрація намѣтила для переселенцевъ земли, принадлежавшія прежнимъ скопческимъ и духоборческимъ селеніямъ, изъ которыхъ сектанты выѣхали. Такихъ селеній оказалось 10: въ Якутскомъ округѣ—Хатынъ-Аринское,

Бологурское, Троицкое, Петропавловское, Отрадное и Ноторское, съ общей площадью 8.531 дес. 814 саж., въ Олекминскомъ округѣ—Иллюнское, Усть-Чаринское и Троицкое, площадью въ 1.494 дес. 210 саж., и въ Вилюйскомъ округѣ селеніе Антоновское — 388 дес. 420 саж. Помимо этихъ земель, въ Олекминскомъ округѣ, по линіи тракта, въ тайгѣ было признано пригоднымъ для заселенія пространство на 1.608 душевыхъ долей.

Въ 1908 г. областная статистика насчитывала переселенцевъ:

изъ Иркутской губерніи	— 62 семьи	. . . . .	303 души
» Тобольской	» — 1	»	1 »
» Симбирской	» — 4	»	14 »
» Воронежской	» — 2	»	7 »
» Подольской	» — 1	»	5 »
	70 семей	. . . . .	330 душъ.

О переселенцахъ этихъ говорится, что они обосновались частью въ опустѣвшихъ скопческихъ селеніяхъ, а частью въ селеніяхъ старожиловъ, причислившись по пріемнымъ приговорамъ.

Глава III.

Школы и грамотность.

Фактъ объякучиванья русскихъ свидѣтельствуетъ достаточно неопровержимо о томъ, каково въ Якутской области положеніе сельской школы. Министерство Народнаго Просвѣщенія до послѣдняго времени для борьбы съ объякучиваніемъ приленскихъ крестьянъ не дѣлало ровно ничего; кое-что и кое-какъ дѣлало духовное вѣдомство. Тѣ изъ крестьянъ, которые сознавали необходимость ознакомить своихъ дѣтей съ русской грамотой, были вынуждены обращаться преимущественно къ уголовнымъ ссыльнымъ или къ станціоннымъ писарямъ, рѣже — къ отдѣльнымъ лицамъ изъ духовенства. У такихъ лицъ иногда возникали домашнія школки, въ которыхъ преподаваніе велось по первой подвернувшейся книжкѣ, безъ какой-бы то ни было системы, и по большей части— почти безъ результата. Покойный Р. А. Стеблинъ-Каменскій имѣлъ,

между-прочимъ, въ своихъ рукахъ такой аттестатъ, выданный учителемъ-поселенцемъ окончившему «курсъ» ученику: «посылаю вамъ поклонъ, желаю вамъ добраго здоровію, хорошаго успѣха и затѣмъ уведомляю васъ первоначальнаго училъ я васъ въ 79 году по 81 года до 20 января учились очень быстровато сообщаю вамъ учились вы всего только два года у меня» и т. д. Только въ 70-хъ годахъ кое-гдѣ по деревнямъ начали возникать церковно-приходскія школы, очень несовершенныя сами по себѣ, но все-таки болѣе близкія къ обычному представленію о школѣ, чѣмъ поселенческія лачуги, въ которыхъ преподавалъ какой-нибудь «быстроватый» педагогъ.

О первомъ періодѣ существованія сельской школы въ Якутской области у меня имѣются свѣдѣнія, благодаря любезности бывшаго учителя Якутской прогимназіи К. К. Кокоулина, получившаго въ 1883 году нѣсколько отвѣтовъ на разосланные имъ по всѣмъ причтамъ Якутской епархіи опросные листы относительно постановки въ краѣ школьнаго дѣла и пріемовъ тогдашняго преподаванія; впослѣдствіи г. Кокоулинъ передалъ весь имѣвшійся у него матеріалъ въ мое распоряженіе, и приводимыя ниже свѣдѣнія о школахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ заимствуются мною изъ этого источника [1]). Школы, существовавшія въ русскихъ деревняхъ, и Кыллахское Инородческое Училище, въ 1894—95 году были посѣщены мною и Г. Л. Кондаковымъ и свѣдѣнія о нихъ приводятся здѣсь по нашимъ личнымъ наблюденіямъ и по сообщеніямъ учителей.

Наиболѣе стариннымъ учебнымъ заведеніемъ, которымъ могли пользоваться приленскіе крестьяне, и на которое они, во всякомъ случаѣ, производили денежные взносы, было какое-то училище, существовавшее въ г. Олекминскѣ еще въ началѣ XIX вѣка. Когда и какъ оно возникло, и было-ли впослѣдствіи уничтожено или переименовано,—все это совершенно неизвѣстно. О самомъ существованіи этого училища я узналъ, разыскивая въ Олекминскомъ архивѣ какія-либо данныя о дѣйствовавшихъ въ этой мѣстности общественныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ папкѣ дѣлъ 1823 г. нашлись при этомъ разрозненные денежные счета и другіе документы какого-то училища, существовавшаго въ г. Олекминскѣ уже

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ данными о казачьихъ и инородческихъ школахъ нѣсколькихъ округовъ Якутской области, уже приводились мною раньше въ статьѣ «Зачатки народнаго образованія въ Якутской области». «Сибирскій Сборникъ». Иркутскъ. 1897 годъ.

въ 1815 г. [1]). Какъ видно, въ то время Олекминское училище и мѣстная больница обладали однимъ, общимъ для обоихъ этихъ учрежденій капиталомъ, которымъ завѣдывалъ Олекминскій комиссаръ (полицейскій начальникъ). Больнично-училищный капиталъ находился въ постоянномъ оборотѣ, такъ какъ изъ него выдавались ссуды мѣстнымъ инородцамъ и заѣзжимъ торговымъ людямъ. Въ большинствѣ случаевъ размѣръ ссудъ не превышалъ нѣсколькихъ сотъ рублей, но временами заемщикамъ выдавались и болѣе крупныя суммы, доходившія до 3 тыс. рублей одному лицу. Всѣ выдачи производились подъ вексель изъ 12% годовыхъ, причемъ эти проценты поступали на содержаніе училища и больницы. Сверхъ процентовъ въ пользу этихъ учрежденій комиссары взимали съ заемщиковъ пожертвованія, какъ видно—не вполнѣ добровольныя, а также понуждали крестьянъ и инородцевъ къ ежегоднымъ взносамъ: крестьянъ по 50 рублей со всей тогдашней волости, а инородцевъ—по 100 рублей съ каждаго наслега. По числу наслеговъ всѣ пожертвованія обществъ должны были доставлять ежегодно по 550 рублей.

Въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, какъ великъ былъ доходъ отъ ссудныхъ операцій, но размѣръ училищныхъ расходовъ можно возстановить съ большою точностью; въ 1815 году учитель, священникъ Н. Поповъ, получилъ за свой трудъ 150 руб., сторожу школы было уплачено 60 руб., на ремонтъ и отопленіе зданія затрачено 157 руб., на выписку учебниковъ (черезъ иркутскаго директора училищъ)—10 руб. 10 коп., на письменныя принадлежности 32 руб., т. е. всего израсходовано 409 руб. 10 коп.

Съ половины 1816 г. въ школѣ появился свѣтскій учитель, состоявшій подъ наблюденіемъ смотрителя Якутскаго училища (которымъ былъ въ эту пору протоіерей Амосовъ) [2]). Наблюденіе, какъ можно догадываться, на дѣлѣ оставалось совершенно фиктивнымъ, т. к. въ 1818 г. новый учитель, Куличкинъ, препровождая смотрителю 15 руб., доносилъ, что онъ, Куличкинъ, при своемъ вступленіи въ должность, не нашелъ при школѣ ни одного кате-

---

[1]) Въ «Памятной книжкѣ Якутской области на 1867 годъ» открытіе въ г. Олекминскѣ приходскаго училища отнесено къ 1838-му году.

[2]) Гражданское уѣздное училище открыто въ г. Якутскѣ въ 1808 году, духовное приходское училище—въ 1819 году, и духовное уѣздное училище — въ 1823 году. «Памятная книжка Якутской области на 1867 годъ».

хизиса, ни одного учебника св. исторіи и ни единаго русскаго букваря.

Первая школа, возникшая въ селеніи собственно для крестьянскихъ дѣтей, образовалась въ 1862 г. въ деревнѣ Усть-Майской, но это было учрежденіе совершенно частнаго характера: 15 крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ обучались на дому у свящ. Николая Берденникова; священникомъ преподавались дѣтямъ чтеніе и письмо, часословъ, псалтирь и краткая св. исторія. Уже черезъ три года, съ переселеніемъ аянскихъ ямщиковъ на Амуръ, число учащихся началò быстро убывать, и въ 1871 г. эта небольшая школка окончательно прекратила свое существованіе.

Такъ-же недолго, — въ продолженіе лишь 1868 — 71-го г.г., существовала какая-то церковная школа въ Амгинской слободѣ, но въ 1871 г., по приговору слобожанъ и семи сосѣднихъ наслеговъ (инородческихъ обществъ), Батурусскаго улуса, въ Амгѣ было учреждено министерское училище, которое черезъ пятнадцать лѣтъ было, однако, переведено въ другую мѣстность (на Абагу), болѣе удобную для инородцевъ, доставлявшихъ главныя средства на содержаніе этого заведенія. Подъ школу общественниками былъ купленъ домъ за 180 руб., но т. к. это зданіе оказалось никуда негоднымъ, то вскорѣ-же, по предложенію директора училищъ, общество выстроило другое помѣщеніе, израсходовавъ на это 292 руб. На ежегодные расходы общества вначалѣ собирали по-душно по 360 руб. 13¼ коп., но впослѣдствіи этотъ сборъ былъ увеличенъ на столько, чтобы покрывать расходы на жалованье учителю—200 руб., отопленіе, освѣщеніе и наемъ сторожа— 125 руб. 13¼ коп., а позже — 200 руб. 22½ коп., и на выписку учебныхъ пособій — 35 руб. Число учащихся за всѣ годы колебалось въ предѣлахъ 18—31, причемъ кое-когда въ школу поступали и дѣвочки. Объ ихъ успѣхахъ учитель доносилъ, что дѣти инородцевъ «читать книги могутъ, но затрудняются передать прочитанное». Библіотека школы состояла изъ 50 книжекъ преимущественно учебниковъ, и отчасти—брошюръ религіозно-нравственнаго и популярно-научнаго содержанія. Какъ на главныя причины неуспѣшности занятій учитель указывалъ на: 1) крайне неаккуратное посѣщеніе школы учениками, 2) скудость библіотеки, 3) отсутствіе учебника, составленнаго на якутскомъ языкѣ, 4) отсутствіе попечителя и ничѣмъ неограниченную зависимость школы и воспитанниковъ отъ произвола старостъ, писарей и старшинъ; при существовавшихъ условіяхъ, по словамъ учителя, ему постоянно при-

ходилось обращаться по дѣламъ школы то къ тому, то къ другому лицу, ни отъ кого не получая удовлетворенія, т. к. всякій ссылался на другого.

Еще недолговѣчнѣй оказалось другое министерское училище, открытое въ 1877 г. въ селѣ Синскомъ. На пріобрѣтеніе школьнаго зданія крестьяне затратили 400 руб., и по 400 руб. вносили на школьныя нужды ежегодно. Расходъ этотъ распредѣлялся между всѣми двадцатью станціями Якутскаго округа, и съ каждой станціи жители, при открытіи училища, обязывались доставлять по одному ученику, но въ дѣйствительности за все время существованія школы въ ней обучался лишь одинъ мальчикъ-иноселецъ и одинъ-инородецъ; всѣ остальные ученики были изъ числа мѣстныхъ, т. е. синскихъ уроженцевъ. Къ 83-му году ихъ оставалось только 5 человѣкъ, тогда какъ раньше число воспитанниковъ колебалось отъ 10 до 12-ти. Въ томъ же году синское училище закрылось, по оффиціальной мотивировкѣ — вслѣдствіе крайняго обѣднѣнія крестьянъ, вызваннаго пониженіемъ въ тѣ годы платы отъ казны за содержаніе почтовой гоньбы, и затѣмъ передачей этой гоньбы въ руки инородцевъ-якутовъ [1]). Въ началѣ 70-хъ годовъ имѣла мѣсто, тоже безъ особеннаго успѣха, попытка самихъ крестьянъ основать у себя школу собственными силами: жители деревни Амгинской, Олекминскаго округа, въ 1872 г. вступили въ соглашеніе съ волостнымъ писаремъ Исаковымъ и назначили ему дополнительное вознагражденіе въ размѣрѣ 106 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ занялся обученіемъ грамотѣ крестьянскихъ дѣтей. Такъ какъ занятія происходили въ Мірской избѣ, и учитель постоянно отрывался отъ урока по своимъ писарскимъ дѣламъ, то, конечно, успѣхъ преподаванія былъ не великъ, и черезъ нѣкоторое время дѣло замерло; однако, тѣ крестьяне д. Амгинской, которые при нашей переписи оказались полуграмотными, почти всѣ принадлежали къ числу бывшихъ учениковъ Исакова.

Послѣ этого краткаго обзора немногихъ школъ, такъ или иначе возникавшихъ ненадолго въ русскихъ селеніяхъ до девяностыхъ годовъ XIX вѣка, я могу перейтти къ описанію тѣхъ училищъ, которыя существовали въ 94—95 г.г. и дѣйствовали болѣе или менѣе правильно.

---

[1]) Такое объясненіе приводится въ брошюрѣ о министерскихъ училищахъ въ Якутской области, составленной двумя авторами: бывшимъ директоромъ Якутскаго реальнаго училища Гадзяцкимъ и бывшимъ якутскимъ городскимъ головой Преловскимъ.

1) *Амгинская* церковно-приходская школа. Послѣ перевода въ 1885 г. министерскаго училища изъ Амгинской слободы на Абагу, въ Амгѣ еще въ 89 г. возникла вновь церковная школа, существовавшая, однако, до 92 г. болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, т. к. учителемъ былъ псаломщикъ, занятія велись кое-какъ, и крестьяне относились къ школѣ съ недовѣріемъ. Съ 92-го г., когда въ школу была назначена особая учительница, бывшая воспитанница Якутской женской прогимназіи, дѣло наладилось и пошло лучше; въ 93—94 учебномъ году воспитанниковъ было 19, въ возрастѣ отъ 8 до 16 лѣтъ, изъ нихъ мальчиковъ 14 и дѣвочекъ 5. Преподаваніе въ этой школѣ было приноровлено къ программѣ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ школьной библіотекѣ имѣлось 160 экземпляровъ разныхъ книгъ. По воскресеньямъ въ школѣ происходили бесѣды, на которыхъ присутствовали также и взрослые. Пользовавшихся книгами школьной библіотечки и обнаруживавшихъ охоту къ чтенію взрослыхъ крестьянъ учительница могла указать двоихъ.

Зданіе школы обошлось крестьянскому обществу въ 500 руб., да епархіальное вѣдомство добавило къ этому изъ своихъ средствъ 150 руб. Школа имѣла свой капиталъ, — впрочемъ болѣе номинальный, т. к. онъ заключался въ пожертвованныхъ разными лицами пустыхъ домахъ, оцѣненныхъ въ 400 руб., но дохода не приносившихъ. Земля для школы была отведена обществомъ во временное пользованіе, въ количествѣ одной десятины, причемъ $^1/_8$ этой десятины находилась подъ огородомъ. Вознагражденіе учительницы—300 руб. въ годъ—уплачивалось изъ средствъ епархіальнаго вѣдомства, а крестьянское общество нанимало для школы сторожа за 20 руб. въ годъ, 8 руб. общество выдавало на освѣщеніе, и натурою поставляло дрова и ледъ, что по моему разсчету составило-бы на деньги расходъ рублей въ 40.

2) *Усть-Майская* школа существовала при тамошней церкви съ 1892-го года и поддерживалась всецѣло энергіей священника Василія Мальцева, употреблявшаго на школьныя нужды собственныя средства. Учителемъ въ школѣ состояло лицо, причислившееся къ мѣстному обществу и получившее домашнее образованіе. Обученіе продолжалось два года и въ результатѣ давало сносное знаніе грамоты, молитвъ и св. исторіи, и кое-какія первоначальныя свѣдѣнія изъ арифметики. Книгъ для внѣшкольнаго чтенія имѣлось 80. Учениковъ было 9, изъ нихъ 5 мальчиковъ и 4 дѣвочки; всѣ дѣти

крестьянъ, кромѣ одного мальчика-тунгуса и одной дѣвочки изъ духовнаго званія.

3) *Табагинская* школа, на станціи ближайшей къ г. Якутску, основана въ 1890 году духовнымъ вѣдомствомъ и содержалась на его средства. Собственнаго зданія школа не имѣла и помѣщалась въ наемной квартирѣ, очень неприглядной и тѣсной. Квартира съ отопленіемъ обходилась школѣ въ 30 руб. въ годъ. Учитель получалъ 150 руб. въ годъ. Въ должности учителя состоялъ пожилой человѣкъ, получившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ. Въ зиму 94—95 года училось 9 мальчиковъ и три дѣвочки; изъ нихъ одинъ мѣщанинъ и одинъ—уроженецъ сосѣдней Тектюрской станціи; всѣ остальныя—дѣти табагинскихъ крестьянъ. По характеру преподаванія и по всей постановкѣ дѣла на эту школу можно смотрѣть лишь какъ на простую школу грамоты.

4) *Покровская* школа, въ 86 в. отъ г. Якутска, основана въ 87 году. Домъ для нея былъ пожертвованъ мѣстнымъ благочиннымъ о. Василіемъ Бережновымъ, а средства на ежегодные расходы доставлялись всѣми церквами благочинія, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ—епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. Учителемъ состоялъ мѣстный псаломщикъ, получавшій 120 руб. въ годъ. Остальные расходы школы слагались изъ жалованья сторожу—30 руб., отопленія — 25 руб., расходовъ на письменныя принадлежности—15 руб., и расходовъ на ремонтъ—рублей 50 въ трехлѣтіе. Со времени учрежденія школы до 94-го года въ ней окончило курсъ 11 человѣкъ, изъ числа которыхъ одинъ мальчикъ и одна дѣвочка продолжали образованіе въ городскихъ училищахъ. Въ 94 году обучавшихся было 6 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 крестьянина, 3 инородца, и 1 мальчикъ духовнаго званія. Уровень преподаванія стоялъ выше, чѣмъ въ Табагинской школѣ, т. к. псаломщикомъ былъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ мѣстной семинаріи. Въ школьной библіотечкѣ имѣлось всего 30 книгъ, исключительно религіозно-нравственнаго содержанія.

5) Семь сѣверныхъ станцій Олекминскаго округа обслуживаются школой, основанной въ 1893 году на ст. Чекурской. Эта школа помѣщалась въ домѣ кр. Иванова, состоявшаго ея попечителемъ. Школьная обстановка была пожертвована тѣмъ-же Ивановымъ. Епархіальный училищный совѣтъ выдавалъ ежегодно на нужды школы по 200 руб. и крестьяне семи станцій Наманинской—Мархачанской—по 210 р.; кромѣ того попечитель вносилъ ежегодно 50 р. Расходы школы состояли въ уплатѣ жалованья учи-

телю—300 р. въ годъ, сторожу—60 р., и въ уплатѣ за дрова—50 р. въ зиму. Внѣшность этой школы была неприглядна: зданіе тѣсное, темное, сырое и холодное (зимняя температура всего градусовъ 8), но постановка преподаванія тутъ оказалась лучше, чѣмъ въ какой либо другой изъ мѣстныхъ сельскихъ школъ, благодаря случайному присутствію любящаго свое дѣло и развитого учителя (изъ получившихъ образованіе мѣстныхъ казаковъ). Помимо русскаго языка, ариѳметики и закона Божія, онъ знакомилъ учениковъ съ элементарными свѣдѣніями изъ географіи (по Герду) и русской исторіи (пользуясь для этой цѣли разсказами Петрушевскаго). Изъ обучавшихся въ зиму 94/95 года 20-ти воспитанниковъ, мальчиковъ было 16 и дѣвочекъ 4; иносельцевъ въ числѣ мальчиковъ было пятеро; изъ нихъ трое жили при самой школѣ, уплачивая за свое содержаніе по 5 р. въ мѣсяцъ, а остальные помѣщались на квартирахъ у мѣстныхъ крестьянъ.

6) Послѣ неудачнаго опыта съ преподаваніемъ писаря Исакова, крестьяне деревни Амгинской, подъ городомъ Олекминскомъ, по убѣжденію городскаго протоіерея Л. Попова, согласились уплачивать ежегодно ту-же сумму, которую они ранѣе платили Исакову, т. е. 106 р. въ годъ, и сверхъ того вносить на отопленіе, освѣщеніе и наемъ сторожа по 101 р. 20 к., съ тѣмъ, что епархіальное вѣдомство будетъ добавлять отъ себя по 200 р.; при такомъ бюджетѣ школа могла-бы имѣть учителя съ жалованьемъ 300 р. въ годъ. Хотя крестьянинъ Г. Былковъ еще при самомъ возникновеніи этого предположенія въ 92 году, пожертвовалъ для школы домъ, но дѣло почему-то затянулось, и въ 95 году училища въ этой мѣстности все еще не было; жители, однако, надѣялись, что оно откроется съ осени 96-го года.

7) Въ центральной части Олекминскаго округа, въ селеніи Берденскомъ, церковная школа была открыта въ 88 году на средства крестьянскаго и инородческаго обществъ станціи Берденской и наслеговъ 1-го Меитскаго и 2-го Нерюхттейскаго. Школьный домъ (тѣсноватый и сыроватый), обошелся обществамъ съ перестройкой въ 700 р. Ежегодно расходовалось 300 р. на жалованье учителю, 68 р. на дрова и 96 р. сторожу. Попечитель школы купецъ И. Поповъ, ежегодно вносилъ на школьныя нужды по 5 р. Въ зиму 94/95 года учащихся было: 12 мальчиковъ, изъ которыхъ 4 якута, и 2 дѣвочки. Несмотря на довольно долгое существованіе, Берденская школа до 95-года не сдѣлала еще ни одного выпуска. Дѣтей, вышедшихъ до окончанія

курса, было 8. Повидимому, въ первые годы эта школа попала въ совершенно неподходящія руки, и преподаваніе въ ней велось по меньшей мѣрѣ—весьма своеобразно.

8) Семь верхнихъ станцій Олекминскаго округа составляютъ районъ съ чисто русскимъ населеніемъ. Этотъ районъ уже входитъ въ сферу пріисковыхъ вліяній, а селеніе Нохтуйское лежитъ противъ Мачи—резиденціи пріисковыхъ управленій. Благодаря этому Нохтуйское имѣетъ характеръ бойкаго торговаго центра и въ немъ пришлаго населенія больше, чѣмъ коренныхъ крестьянъ. Духовное вѣдомство основало тамъ школу въ 89 году. Домъ для нея былъ пожертвованъ богатымъ тунгусомъ Якоминымъ. Жалованье учителю 350 р. въ годъ, и всѣ прочіе расходы покрывались крестьянами. Учениковъ въ 94/95 году было 48, но много-ли въ ихъ числѣ собственно крестьянскихъ дѣтей, мнѣ узнать не удалось, т. к. въ моментъ моего пребыванія въ Нохтуйскѣ учитель находился въ отсутствіи.

9) Въ населеніи верхнихъ станцій, благодаря его большей культурности, потребность въ грамотѣ ощущалась сильнѣе, чѣмъ въ остальномъ крестьянствѣ приленскихъ станцій, и тутъ издавна станціонные писаря и уголовные ссыльные находили себѣ въ крестьянскихъ семьяхъ платныхъ учениковъ. На одной изъ станцій этого района въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ возникла даже на нѣкоторое время, по собственной иниціативѣ крестьянъ, передвижная школа, съ учителемъ поселенцемъ, переходившимъ поочередно изъ избы въ избу со своими учениками и получавшимъ вознагражденіе не отъ родителей, а непосредственно отъ общества. Эта школа вскорѣ-же захирѣла, т. к. уступая настояніямъ духовенства, крестьяне уже въ 91 году согласились на открытіе въ участкѣ семи верхнихъ станцій второй церковной школы, въ селеніи Березовскомъ. Мѣстный крестьянинъ В. Яныгинъ пожертвовалъ для школы домъ и 300 р. денегъ. Обществомъ уплачивалось 300 р. въ годъ жалованья учителю и 80 р. сторожу; дрова, въ зиму саженъ 30, поставлялись березовскими крестьянами натурой. Въ зиму 94/95 года въ этой школѣ было 15 учениковъ, въ томъ числѣ 10 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ; иноселецъ въ числѣ учениковъ былъ всего одинъ—съ сосѣдней Инняхской станціи. Учителемъ въ школѣ состоялъ молодой человѣкъ, не окончившій курса въ семинаріи. Въ обѣихъ послѣднихъ школахъ библіотекъ не оказалось. Зданія обѣихъ школъ очень плохи.

Сказать что-нибудь опредѣленное объ учебныхъ программахъ и о пріемахъ преподаванія, какіе примѣнялись въ перечисленныхъ церковныхъ школахъ, было-бы очень трудно, т. к. подборъ учителей въ нихъ зависѣлъ отъ разныхъ случайностей, лицъ съ педагогическимъ образованіемъ въ числѣ преподавателей не было ни одного, и вся постановка дѣла въ каждой школѣ мѣнялась съ перемѣной учителя.

Общей чертою, проявляющеюся повсюду, можно считать то, что сельское населеніе, какъ крестьянское, такъ и инородческое, при всей своей некультурности, охотно принимало на себя матеріальныя жертвы, а во многихъ случаяхъ даже давало инициативу учрежденія школъ, тогда какъ министерство народнаго просвѣщенія не считало нужнымъ идти на встрѣчу потребностямъ населенія, и кромѣ двухъ, очень вялыхъ и неумѣлыхъ попытокъ, въ Амгѣ и на Синьской, не сдѣлало для борьбы съ объякучиваніемъ русскихъ ровно ничего. Духовенство въ этомъ отношеніи оказалось активнѣй, но его участіе начало проявляться только въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, и выразилось въ учрежденіи небольшого числа школокъ очень невысокаго типа, содержимыхъ главнымъ образомъ на средства самого населенія и почти безпризорныхъ, т. к. приходы Якутской епархіи имѣютъ такое громадное протяженіе и рѣдкое населеніе въ нихъ такъ разсѣяно, что мѣстный священникъ имѣетъ еще меньше возможности наблюдать лично за ходомъ школьнаго дѣла, чѣмъ священникъ какого-нибудь россійскаго села.

10) Лучшею школою, какую мнѣ удалось видѣть въ Якутскомъ краѣ, оказалась школа, основанная олекминскими якутами («осѣдлые инородцы»), и въ 90-хъ годахъ уже состоявшая въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Въ это время она находилась въ г. Олекминскѣ и именовалась *Кыллахскимъ Инороднымъ Училищемъ*, но раньше ей приходилось кочевать съ мѣста на мѣсто и переживать очень критическія положенія. Нельзя сказать, чтобы въ 95 году существованіе Кыллахскаго училища можно было считать окончательно упроченнымъ: въ отчетахъ епархіальнаго училищнаго совѣта противъ него велся настойчивый походъ, мотивируемый тѣмъ, что принадлежащія школѣ средства, если-бы они перешли въ распоряженіе духовенства, могли-бы послужить для открытія, взамѣнъ министерской, новой церковной школы. Несмотря на полное отсутствіе для такой ломки какихъ-бы то ни

было основаній[1]), я не могу питать полной увѣренности въ томъ, что Кыллахское училище уцѣлѣло и до нынѣ въ томъ-же видѣ, въ какомъ я его засталъ въ 94 году.

Условія, при которыхъ оно возникло, и его дальнѣйшая исторія довольно своеобразны: большая часть якутскаго населенія въ олекминскомъ краѣ скучена на сравнительно тѣсномъ пространствѣ береговой долины и на большомъ ленскомъ островѣ Кыллахъ, имѣющемъ около 15 в. въ длину и до 5 в. въ ширину; въ приходѣ Кыллахской церкви около полуторы тысячи якутовъ обоего пола, и почти половина ихъ проживаетъ на островѣ, въ разстояніи отъ ¼ до 5 верстъ отъ церкви; третья часть прихожанъ имѣетъ жилища подальше, въ разстояніи 10-ти, 15-ти и 20-ти верстъ, и лишь немногіе, осѣвшіе по берегамъ рѣки Чары и ея притоковъ, удалены на разстояніе 30—400 в. отъ центра. Якуты олекминскаго края, благодаря близости пріисковъ и мѣстностей со сплошнымъ русскимъ населеніемъ (Киренскій уѣздъ, Иркутской губ.), культурнѣе своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ; лица, знающія русскій языкъ, среди нихъ встрѣчаются чаще. По сообщенію бывшаго настоятеля Кыллахской церкви о. Стефана Попова, въ 83 году въ его приходѣ было до 20 грамотныхъ якутовъ, изъ которыхъ одинъ окончилъ курсъ въ Иркутской Учительской Семинаріи; изъ числа троихъ должностныхъ лицъ наслега грамотны были двое. Въ силу этаго мысль объ основаніи школы возникла на Кыллахѣ среди самихъ инородцевъ еще въ 1863 году. Родовичъ 2-го Меитскаго наслега С. Корниловъ въ этомъ году соорудилъ на свой счетъ школьное зданіе размѣромъ въ 3½ кв. сажени. Обученіемъ въ школѣ занялось приходское духовенство. Учащихся бывало ежегодно человѣкъ по 5 и по 10. «Родители мальчиковъ,—говорится въ сообщеніи о. С. Попова К. К. Кокоулину,—содержали прислугу и отопляли зданіе безъ участія цѣлаго общества, обученіемъ же дѣтей, кромѣ священника, занимались подъ его руководствомъ нѣкоторые грамотные поселенцы и мѣщане, съ платою отъ родителей мальчиковъ по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Съ 1870 года мальчиковъ въ школу не стали посылать, какъ по отдаленности, такъ и по дороговизнѣ дровъ и найма сторожа, а приглашали учителя, съ дозволенія мѣстнаго священника, обу-

[1]) Болѣе подробно аргументація епархіальнаго отчета за 1893 годъ была мною указана и подвергнута критикѣ въ упомянутой раньше статьѣ «Зачатки нар. образ. въ Якут. обл.».

чать у себя на домахъ по-очереди. Если, напримѣръ, обучается 10 мальчиковъ, то учитель собираетъ дѣтей на квартиру одного изъ мальчиковъ, куда собираются прочіе ученики, большею частію живущіе въ весьма близкомъ разстояніи, и живутъ тутъ на готовомъ содержаніи, съ платою по 1 р. 50 к. съ ученика въ мѣсяцъ. По окончаніи мѣсяца учитель переѣзжаетъ на квартиру родителя другого мальчика, откуда, проживъ на вышеозначенныхъ-же условіяхъ, опять перетаскивается на квартиру третьей очереди и т. д.». Въ такомъ бродячемъ состояніи школа кое-какъ существовала до 1876-го года, когда, по почину бывшаго исправника Плетнева, инородецъ С. Идельгинъ и вдова построившаго школьное зданіе А. Л. Корнилова обязались въ продолженіе десяти лѣтъ вносить ежегодно, по 210 р. каждый, на жалованье учителю, опредѣленное въ размѣрѣ 420 р. въ годъ, причемъ учреждаемое училище пріобрѣтало оффиціальное наименованіе Олекминской Инородческой школы. Идельгинъ внесъ впередъ 1.400 р., которые были отправлены на храненіе въ Иркут. Отд. Гос. Банка. Въ 80 году, по убѣжденію того-же Плетнева, общество 2-го Меитскаго наслега надѣлило школу на все время ея существованія землею въ размѣрѣ ½ десятины пахотной и ½ дес. сѣнокоса. Отопленіе дома и наемъ сторожа общество приняло также на себя; расходы на освѣщеніе покрывались самимъ учителемъ, а письменныя принадлежности для учениковъ пріобрѣтались на сумму 25 рублей, выдававшихся Плетневымъ изъ источника для учителя неизвѣстнаго. Съ 78-го по 83 годъ въ этой возобновленной школѣ постоянно обучалось отъ 24 до 35 дѣтей, преимущественно мальчиковъ, но въ малой мѣрѣ и дѣвочекъ (1—3 въ годъ). О способѣ преподаванія учитель сообщалъ, что «при поступленіи въ школу новаго мальчика обученіе производится по старому методу, начиная заучиваніемъ по азбукѣ буквъ, а потомъ изученіе складовъ, а далѣе упражненіе въ чтеніи по складамъ и толкомъ», т. е. преподаваніе и теперь едва-ли многимъ отличалось отъ прежняго поселенческаго. На всю школу имѣлся въ этотъ періодъ всего одинъ экземпляръ руководства по закону Божію и одинъ экземпляръ ариѳметики. Для восполненія недостатка, ученикамъ, еще не усвоившимъ себѣ хорошенько русской грамоты, приходилось списывать съ тетради отрывки изъ этихъ единственныхъ экземпляровъ. Въ результатѣ 3—4-хъ-лѣтняго обученія мальчика, по свидѣтельству самого учителя, читать и писать могли «нѣкоторые свободно, но съ прочитаннаго не могли разсказать не токмо по русски, но и по

якутски», т. е. попросту произносили звуки словъ, не понимая ихъ смысла. Пансіона при школѣ не было и мальчики жили на частныхъ квартирахъ съ платою по 8—10 р. въ мѣсяцъ. Все это черты, общія всѣмъ казеннымъ училищамъ, существовавшимъ въ ту пору въ якутскихъ улусахъ, и послѣдней чертой, сближавшей эту школу съ остальными, была полуобязательная «поставка» учениковъ наслежнымъ обществомъ, разлагавшимъ эту повинность и связанный съ нею расходъ на содержаніе мальчиковъ по отдѣльнымъ родамъ (агаусá). Такимъ образомъ, въ силу особенностей, отличавшихъ казенную постановку школьнаго дѣла въ улусахъ, въ инородческомъ населеніи здѣсь, какъ и въ Якутскомъ округѣ, существовали одновременно и несомнѣнное стремленіе къ грамотности и столь-же несомнѣнное недовѣріе къ казеннымъ учрежденіямъ обычнаго въ ту пору типа, благодаря чему обитателями школьныхъ пансіоновъ, тамъ, гдѣ они были, являлись почти исключительно мальчики изъ улусной бѣдноты, а сыновья болѣе зажиточныхъ родовичей обучались чаще на дому у какихъ-нибудь случайныхъ педагоговъ.

Существенная перемѣна къ лучшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое переименованіе Олекминской Инородной школы произошло лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда родовичъ С. Идельгинъ пожертвовалъ для школы прекрасный домъ въ г. Олекминскѣ, куда школа и перевелась въ 88-мъ году, причемъ въ память прежняго, за ней осталось названіе Кыллахскаго Инороднаго Училища. Съ 87-го по 90-й годъ училище существовало на средства того-же Идельгина, а въ 90-мъ году состоялось рѣшеніе передать именно Кыллахскому училищу средства, собранныя ранѣе инородцами съ цѣлью учрежденія въ г. Олекминскѣ ремесленнаго училища. По указанію учителя въ 94 году капиталъ школы составлялъ уже 7.500 р. Проценты съ капитала шли главнымъ образомъ на уплату жалованья учителю, получавшему по-прежнему 420 р. въ годъ. Отопленіе, освѣщеніе и прочіе хозяйственные расходы были возложены обществомъ на содержателей училищнаго пансіона, который обходился обществу въ 1.440 р. въ годъ. Зданіе школы занимаетъ семь комнатъ, классная имѣетъ 3½ с. длины, 2 с. ширины и 4½ арш. высоты. Въ помѣщеніи мальчиковъ зимняя температура комнатъ оказалась 14°. Пансіонъ содержался въ опрятности, и вообще по внѣшнему благоустройству, чистотѣ и порядку Кыллахское училище въ 94 году представлялось единственнымъ въ краѣ.

Воспитанниковъ въ пансіонѣ было 12 человѣкъ, но учениковъ въ школѣ насчитывалось гораздо больше, а именно: 24 инородческихъ мальчика, 2 дѣвочки-якутки и 3 русскихъ мальчика изъ семей городскихъ жителей. Присутствіе въ школѣ не однихъ «поставныхъ», но и «вольныхъ» дѣтей можетъ служить доказательствомъ того, что школа успѣла заслужить довѣріе населенія; и на самомъ дѣлѣ, обученіе въ школѣ велось несравненно толковѣй и успѣшнѣй, чѣмъ въ другихъ училищахъ того времени. Должность учителя выполнялъ молодой инородецъ, окончившій курсъ въ Иркут. учительской семинаріи; въ пріемахъ преподаванія онъ руководствовался методой Бунакова, и мальчики, какъ я могъ въ этомъ убѣдиться, довольно толково разсказывали прочитанное и очень недурно рѣшали въ умѣ не особенно легкія ариѳметическія задачи. Учебныя пособія для воспитанниковъ пріобрѣтались на средства училища и на этотъ предметъ ежегодно расходовалось 16—20 руб. При школѣ имѣлась библіотека, заключавшая въ себѣ 256 книгъ для внѣкласснаго чтенія. Съ 88 по 94-й г. г. окончившихъ курсъ было 25 человѣкъ, вышедшихъ до окончанія— 80 человѣкъ.

При той запущенности и безпризорности школьнаго дѣла, какія выясняются изъ предыдущаго обзора, грамотность, разумѣется, стоитъ въ крестьянскомъ населеніи Якутскаго края чрезвычайно низко и по своей распространенности, и по своему качеству. Даже простое пониманіе русскаго языка въ центральной и въ сѣверной части Олекминскаго округа доступно далеко не всѣмъ крестьянамъ; въ обществѣ 20-ти станцій оно доступно лишь двумъ третямъ мужского населенія, а въ Амгѣ—лишь 13-ти взрослымъ мужчинамъ изъ 86-ти.

Причисляя къ грамотнымъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно опредѣляются какъ «полуграмотныя», я нахожу, что въ 1895 году они всѣ составляли среди мужского населенія лишь 12,5%, а учащіеся обоего пола по отношенію ко всему числу мальчиковъ и дѣвочекъ въ возрастѣ 7—16 лѣтъ (т. к. здѣсь посѣщаютъ школу именно въ этомъ возрастѣ), составляли 15,0%. Тѣ и другіе вмѣстѣ по отношенію ко всему населенію обоего пола составляли, приблизительно, 5,6%.

Какъ ни убога эта цифра, но къ удивленію, она весьма близка къ соотвѣтственной цифрѣ по Нижнеудинскому окр. Ир-

кутской губерніи—5,8% [1]), изъ чего можно сдѣлать тотъ выводъ, что постановка школьнаго дѣла, какую я видѣлъ въ Якут. области, не составляетъ для Сибири чего-нибудь исключительнаго.

Добавленіе къ главѣ III-й. Въ 1898 году изъ капитала, завѣщаннаго на дѣло народнаго образованія тайн. сов. И. И. Масловымъ, на долю Якутской области было выдѣлено 40.000 рублей, на проценты которыхъ открыто 4 школы, въ томъ числѣ двѣ въ крестьянскихъ селеніяхъ: Нохтуйскомъ, Олекм. округа, и Иситскомъ, Якут. округа. Послѣ этого вплоть до 1907 года число министерскихъ училищъ въ краѣ почти не измѣнялось, но въ 1907 г. М. Н. Пр. ассигновало на открытіе семи новыхъ училищъ 5.300 р. и школы возникли въ крестьянскихъ селеніяхъ: Ой-Муранскомъ, Мархинскомъ и Владимірскомъ, Якут. округа, и въ Чекурскомъ, Олекм. округа. Въ томъ-же году мѣстной администраціей было испрошено разрѣшеніе на постепенное открытіе министерскихъ школъ въ 26 селеніяхъ приленскаго тракта. Въ какой мѣрѣ это осуществлено до настоящаго времени, изъ имѣющагося у меня матеріала не видно.

Всѣхъ сельскихъ и улусныхъ начальныхъ училищъ въ двухъ южныхъ округахъ Якутской области, по «Отчету» г. Крафта, къ началу 1907 года состояло:

				Мальчик.	Дѣв.	Всего.
Якутскій округъ	министерскихъ	14	учащихся	267	37	304
(безъ города).	церковныхъ	24	»	283	94	377
Олекминск. округъ	министерскихъ	8	»	225	59	284
(безъ города).	церковныхъ	8	»	179	57	236

Къ началу слѣдующаго года, по «Обзору» за 1907 годъ, число министерскихъ школъ возросло, а число церковныхъ сократилось, и въ вѣдомости, приложенной къ «Обзору», указано:

				Мальчик.	Дѣв.	Всего.
Якутскій округъ.	министерскихъ	22	учащихся	458	76	534
	церковныхъ	22	»	226	122	348 [2])
Олекминск. округъ.	министерскихъ	8	»	206	55	261
	церковныхъ	7	»	172	65	237

По отношенію ко всему населенію 1907 года приходилось:

въ Якутскомъ округѣ 1 школа на 3.422 жит.; 1 учащійся на 171 чел.

въ Олекминск. округѣ 1 » » 917 » 1 » » 27 »

---

[1]) «Матеріалы по изсл. земл. etc.»... т. II, в. 6.

[2]) Число учащихся тутъ обозначено въ общей цифрѣ съ учениками 7-ми городскихъ школъ.

Глава IV.

Административное устройство и общественное управленіе.

I. Неопредѣленность закона и господство административнаго обычая; источники мѣстнаго административнаго обычая; несогласованность ихъ юридическихъ началъ. II. Разнообразіе въ порядкахъ управленія, въ судебныхъ обычаяхъ и въ обычномъ правѣ крестьянъ: а) въ Амгинскомъ Обществѣ; б) въ Обществѣ 20-ти станцій Иркутскаго тракта; в) въ Олекминской крестьянской волости.

1. Положеніе о крестьянахъ 1861-го года составляло актъ такой общегосударственной важности, что примѣненіе его въ Европейской Россіи къ помѣщичьимъ крестьянамъ не могло не оказать огромнаго моральнаго вліянія даже на администрацію отдаленныхъ окраинъ. Тамъ чиновничеству приходилось имѣть дѣло не съ помѣщичьими, а съ казенными крестьянами и одинаковымъ образомъ съ тѣми изъ инородцевъ, которые, перечисляясь въ «осѣдлые», de jure порывали съ родовымъ бытомъ и должны были переходить почти во всемъ на положеніе крестьянъ. Хотя оффиціально примѣненіе реформы къ государственнымъ крестьянамъ происходило съ большими оттяжками, и въ Иркутской губерніи послѣдовало лишь во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, а до Якутской области и совсѣмъ не дошло, но послѣ 61-го года нельзя было не чувствовать, что во взглядѣ законодателя на весь крестьянскій людъ и на его положеніе въ государствѣ произошла глубокая перемѣна, и что теперь прежняя «патріархальность» отношеній, т. е. попросту взглядъ на крестъянъ какъ на казенную собственность, является устарѣлымъ. Это сознаніе вело къ тому, что дѣйствовавшія ранѣе и формально все еще не отмѣненныя установленія крѣпостной поры утратили въ глазахъ опекавшей казенныхъ крестьянъ окраинной администраціи свой прежній авторитетъ и новый духъ началъ проникать въ старыя формы. Послѣднимъ актомъ, предшествовавшимъ по времени Положенію 1861-го года и, казалось-бы, впредь до своей отмѣны, съ формальной точки зрѣнія, наиболѣе примѣнимымъ къ управленію государственными крестьянами, былъ изданный въ 1857 году «Уставъ

о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», но общій характеръ этого Устава находился въ такомъ явномъ противорѣчіи съ духомъ Положенія 61-го года, что практически Уставъ 57-го года не успѣлъ оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на строй мѣстной крестьянской жизни, и ссылки на него встрѣчаются въ актахъ, исходившихъ отъ якутской администраціи, весьма рѣдко. Характерно, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія запоздалыя ссылки продолжали появляться въ постановленіяхъ Окружныхъ Полицейскихъ Управленій даже въ девяностыхъ годахъ, хотя въ это время Уставъ 57-го года въ цѣломъ уже считался отмѣненнымъ, за исключеніемъ статей 440—536, опредѣлявшихъ мѣру наказанія за разнаго рода проступки; несмотря на такія напоминанія, статьи эти ни въ одномъ изъ сельскихъ обществъ Якутской области на дѣлѣ никогда не примѣнялись, и упоминаніе о нихъ въ полицейскихъ актахъ оставалось не болѣе, какъ однимъ изъ оборотовъ канцелярской стилистики, что было хорошо извѣстно и самимъ чинамъ полиціи. Съ семидесятыхъ годовъ все чаще и чаще администрація мѣстныхъ учрежденій въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянскому міру начинаетъ ссылаться на различныя статьи Положенія 61-го года, а съ конца 80-хъ годовъ это Положеніе пріобрѣтаетъ извѣстность и въ кругу сельскихъ писарей, а затѣмъ и среди грамотныхъ крестьянъ. Источникомъ, изъ котораго чиновники и крестьяне одинаково черпали свои свѣдѣнія о дѣйствовавшемъ въ Россіи законѣ, служилъ «Сборникъ», изданный въ Иркутскѣ въ 1886 году по распоряженію тогдашняго генералъ-губернатора графа Игнатьева, и вторичнымъ изданіемъ появившійся въ 1889 году. «Сборникъ» этотъ имѣется во всѣхъ мѣстныхъ канцеляріяхъ и у нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ сельскаго міра, и въ девяностыхъ годахъ къ нему всѣ обращались за разъясненіемъ всевозможныхъ вопросовъ, касавшихся сельскаго быта. Однако, наряду съ постоянными частичными заимствованіями отсюда, сельское населеніе въ основахъ своего уклада продолжало придерживаться фактически сложившагося порядка, а чины полиціи продолжали слѣдовать прочно укоренившейся традиціи такого вмѣшательства во внутреннюю жизнь міра, которая не имѣла ничего общаго съ ролью мировыхъ посредниковъ и Присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, функціи которыхъ въ Якутской области выполнялись Окружными Полицейскими Управленіями и отчасти Областнымъ Правленіемъ. Въ очень многихъ случаяхъ эта традиція оказывалась сильнѣе какого-бы то ни было писаннаго закона и общій ходъ жизни опредѣлялся главнымъ образомъ ею.

Изслѣдуя порядки управленія, существовавшіе въ крестьянскихъ обществахъ Якутской области въ девяностыхъ годахъ, какъ въ характерѣ отношеній сельскаго міра къ своимъ должностнымъ лицамъ и въ объемѣ власти этихъ должностныхъ лицъ, такъ и въ полной зависимости органовъ сельскаго самоуправленія отъ полицейскихъ властей, нельзя не признать выжившихъ въ своихъ основныхъ очертаніяхъ вплоть до XX-го вѣка архаическихъ установленій конца XVIII-го вѣка и начала XIX-го. Если-бы, послѣ знакомства съ дѣйствительнымъ бытомъ якутской деревни, въ этомъ могло оставаться хоть какое-нибудь сомнѣніе, то оно должно окончательно исчезнуть передъ тѣмъ фактомъ, что именно Сенатскій указъ 24 августа 1797-го года, надолго опредѣлившій порядокъ управленія въ казенныхъ селеніяхъ, имѣется въ нѣкоторыхъ спискахъ того рукописнаго сборника—такъ называемой «Ясачной Выписки», — который долгое время служилъ для населенія Якутской области, какъ нѣкогда списки «Русской Правды» для обитателей кіевской Руси, главнымъ, а для большинства частныхъ лицъ и единственнымъ источникомъ ихъ юридическихъ познаній. Различные списки этого сборника нерѣдко и теперь можно встрѣтить у мѣстныхъ законниковъ; за отсутствіемъ или за крайней рѣдкостью печатныхъ пособій, имъ постоянно пользовались и частныя лица и должностныя, и включеніе какого-нибудь акта въ «Ясачную Выписку» можетъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что къ этому акту обращались въ жизни и что онъ не оставался невѣдомымъ для населенія [1]).

---

[1]) Такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, характеристики «Ясачной Выписки» въ общей литературѣ до сихъ поръ не появлялось, то я считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о возникновеніи этого сборника и о его содержаніи.

Въ 1766—68 годахъ въ Якутскомъ воеводствѣ работала Первая Ясачная Комиссія, и повидимому, именно ей принадлежалъ починъ въ составленіи такого сборника законовъ и касающихся мѣстнаго населенія правительственныхъ распоряженій, которымъ инородцы могли-бы пользоваться для ознакомленія со своими правами, постоянно подвергавшимися всевозможнымъ нарушеніямъ какъ со стороны ближайшихъ властей, такъ и со стороны всякаго рода лицъ русскаго происхожденія, задалживавшихъ инородцевъ, спаивавшихъ ихъ, и всячески эксплоатировавшихъ. Основной экземпляръ этого сборника, названнаго «Ясачной Выпиской», имѣлся въ Якутской Воеводской Канцеляріи, а многочисленные списки съ него, иногда сокращенные, а нерѣдко и пополненные позднѣйшими установленіями, получили въ Якутскомъ краѣ довольно широкое распространеніе; они имѣлись у всѣхъ мѣстныхъ законниковъ, у нѣкоторыхъ якутскихъ тойоновъ, и кое у кого изъ русскихъ обывателей. Наиболѣе полный списокъ, какой мнѣ пришлось видѣть и какимъ я могъ пользоваться при своихъ работахъ, принадлежалъ моему товарищу Н. А. Виташев-

Наряду съ сенатскимъ указомъ 1797-го года, въ мѣстныхъ канцеляріяхъ и въ библіотечкахъ частныхъ лицъ имѣлись и списки циркуляра московскаго генералъ-губернатора, изданнаго 12 февраля

скому, и былъ имъ пріобрѣтенъ у одного мѣстнаго старожила. Первоначальный экземпляръ, принадлежавшій Якутской Воеводской Канцеляріи, давно исчезъ, но въ архивѣ Якутскаго Областного Правленія имѣется копія съ какого-то позднѣйшаго экземпляра, также перешедшаго въ архивъ Областного Правленія при дѣлахъ бывшей Воеводской Канцеляріи. Копія эта, какъ видно изъ надписи, составлена уже въ 1875 году, и притомъ составлялась очевидно простымъ писцомъ, довольно малограмотно и небрежно. Этотъ экземпляръ «Ясачной Выписки» былъ въ моихъ рукахъ и у меня сохранилась запись съ заголовками тѣхъ актовъ, которые въ немъ приводятся. Для лицъ, работающихъ по сибировѣдѣнію, быть-можетъ, не безынтересно будетъ ознакомиться съ этимъ перечнемъ, и я привожу его здѣсь (фразы, заключенныя въ скобки, — мои собственныя примѣчанія, сдѣланныя когда-то мною для себя самого на память). Всѣхъ актовъ въ спискѣ Областного Правленія тридцать:

1) Глава 22 Генеральнаго Регламента Петра Великаго.

2) О взиманіи съ русскихъ людей пошлинъ, а съ иновѣрцевъ о невзиманіи (безъ даты).

3) О разбирательствѣ между ясачными въ малыхъ дѣлахъ своими начальниками (изъ инструкціи Саввы Владиславича Шиляеву, Фирсову и Михалеву, іюня 30-го 1725 г.).

4) О необязываніи русскихъ съ якутами никакими письмами безъ дозволенія ихъ шуленгъ и старшинъ и безъ объявленія въ командахъ. (Именной указъ имп. Елизаветы 30 іюля 1748 г.).

5) О взысканіи съ ясачныхъ за покраденную скотину по три головы (Указъ императрицы Иркутской Провинціальной Канцеляріи, полученный 9 іюля 1754 года).

6) О невзысканіи розданныхъ всякихъ чиновъ людьми ясачнымъ въ долгъ денегъ (Указъ 24 іюня 1764 года).

7) О необязываніи русскихъ съ братскими никакими займами безъ дозволенія ихъ шуленгъ и старшинъ, безъ объявленія въ командахъ, и собраніи съ нихъ сверхъ указанныхъ излишнихъ процентовъ (Предложеніе иркутскаго губернатора Фрауендорфа, 6 мая 1766 года).

8) О недержаніи въ наймахъ и работахъ и въ прочихъ услуженіяхъ безъ указанныхъ крѣпостей и неписаніи никакихъ заемныхъ и договорныхъ писемъ, крѣпостныхъ дѣлъ, и о прочемъ (Предложеніе Фрауендорфа 25 іюля 1766 г. Дѣло очень интересное въ бытовомъ отношеніи).

9) О высылкѣ всѣхъ праздношатающихся въ городѣ Якутскѣ безъ письменныхъ отъ надлежащихъ князьцовъ и старшинъ видовъ (Предписаніе Якутской Воеводской Канцеляріи по рапорту Ясачной Комиссіи, безъ даты, но можно думать что 1767—68 г.г.).

10) Переписка Воевоедской Канцеляріи съ Ясачной Комиссіей о погребальныхъ обычаяхъ якутовъ и объ ихнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ (декабрь 1767—январь 1768 г.г.).

11) О непокупаніи у ясачныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ и рыбныхъ ловель и о неприниманіи въ заклады, ни въ церковные приклады (Ясачная Комиссія, 10 декабря 1767 г.).

1817-го года по поводу замѣченныхъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ существенныхъ нарушеній сенатскаго указа, широкаго произвола должностныхъ лицъ сельскаго управленія, ихъ фактической без-

---

12) Постановленіе Ясачной Комиссіи о возвращеніи за засватанную ясачную дѣвку за калымъ (если она, сговорясь съ другимъ, убѣжала), того калыма съ ея отца и еще съ приплодомъ отъ скота, и о прочемъ (октябрь 1766 г.).

13) О бытіи сѣннымъ покосамъ во владѣніи за тѣми, за кѣмъ они состояли, и о невступаніи никого въ посторонніе покосы и угодья, и о прочемъ (Ясачной Комиссіи, 23 ноября 1766 г.).

14) Подтвержденіе со стороны Ясачной Комиссіи «о поступаніи въ разбирательствѣ между ясачными въ завладѣніи другъ у друга и русскихъ сѣнныхъ покосовъ».

15) О взысканіи за сговоренную невѣсту калыма, если она сбѣжитъ, не съ тестя, а съ того, кто, ее, подговоря, женится (Ясачная Комиссія, 26 сентября 67 г.).

16) «О поступаніи во взятье съ ясачныхъ иновѣрцевъ съ судныхъ дѣлъ по ихъ-же пониманію по мировымъ челобитьямъ, съ русскихъ людей въ казну пошлинъ по силѣ прописанныхъ указовъ и государственныхъ правъ» (Иркутск. Прав. Канц. 2 февраля 1753 г.).

17) О невзысканіи князьцами и старшинами со своихъ родниковъ и постороннихъ якутовъ своихъ и партикулярныхъ долговъ, не прося въ здѣшней канцеляріи у воеводъ (Ясачная Комиссія, безъ даты).

18) Предложеніе иркутскаго губернатора Бриля 26 апрѣля 1769 г. о подачѣ депутатомъ пяти подгородныхъ улусовъ Софрономъ Сырановымъ прошенія въ Сенатъ о предоставленіи сбора ясака князьцамъ, а не чиновникамъ, и о полномъ устраненіи русскихъ властей отъ разбирательства якутскихъ дѣлъ.

19) О непосылкѣ въ ясачные улусы для собиранія долговъ, привозѣ съ якутовъ съ сыскными памятами нарочныхъ, и о прочемъ (Резолюція иркутскаго губернатора?).

20) О нечиненіи разбирательства по дѣламъ о происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто до Ясачной Комиссіи (Иркутской Канцеляріи, 30 сентября 1772 г.).

21) О незабираніи ясачныхъ плательщиковъ въ судебныя мѣста, кромѣ ясаку и криминальныхъ дѣлъ (Иркутскій губернаторъ, 27 апрѣля 1773 г. Интересно въ бытовомъ отношеніи).

22) О запрещеніи, если кто изъ ясачныхъ окрестится, женъ ихъ отъ нихъ отнимать (Предложеніе Бриля, 15 ноября 1773 г.).

23) О взысканіи по судебнымъ дѣламъ съ русскихъ людей пошлинъ, и съ ясачныхъ о невзысканіи (Иркут. Губ. Канц., 9 января?... года).

24) «О разводѣ между ясачными и русскими въ ихъ правахъ, потребахъ и прочемъ, коимъ... обще съ шуленгами, и притомъ о учиненіи другъ другу вспоможенія по изысканію въ томъ виновныхъ» (Иркутскъ, 15 сентября 1766 г.).

25) О высылкѣ въ Охотскъ на поселеніе нетерпимыхъ въ городахъ ясачныхъ со всѣмъ скотомъ и семействомъ. (Иркут. Канц., 9 августа 1779 г.).

26) О изслѣдованіи по принесеннымъ отъ ясачныхъ жалобамъ кратчайшимъ способомъ, а не по формѣ суда. (Инструкція Щербачеву, 1 сентября 1780 г.).

27) О воровствѣ скота (Цедельманъ, 31 октября 1780 г.).

*

контрольности, и потакательства имъ со стороны ближайшей администраціи [1]). Копіи съ этого циркуляра иркутскія власти разослали для руководства во всѣ Земскіе Суды, приказавъ въ то-же время крестьянамъ «по предметамъ, составляющимъ общественныя повинности въ каждой волости и добровольныя денежныя складки, представлять смѣты на предварительное разсмотрѣніе и утвержденіе Губернскаго Правленія». Въ 1824 году Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири окончательно установилъ кругъ расходовъ, которые считались необходимыми для сельскихъ обществъ, и послѣ того въ оффиціальныхъ актахъ уже не встрѣчается ссылокъ на какія-нибудь позднѣйшія установленія общаго характера, которыя были-бы изданы въ промежутокъ времени между 1824-мъ и 1857-мъ годомъ и примѣнялись-бы къ крестьянскому управленію въ Якутской области.

Такимъ образомъ указъ 1797-го года въ продолженіе цѣлыхъ девяноста лѣтъ оставался тѣмъ актомъ, которымъ въ Якутской области опредѣлялись основныя черты крестьянскаго управленія, причемъ, однако, въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ частности не вполнѣ совпадали: должностныя лица съ одинаковыми функціями носили въ различныхъ обществахъ не одинаковое наименованіе, или наоборотъ—при одномъ и томъ-же званіи, пользовались не одинаковымъ кругомъ власти, и т. п. Практически всѣ эти различія имѣли ничтожное значеніе, и совершенно покрывались сходствомъ всѣхъ болѣе существенныхъ сторонъ общественнаго уклада, и прежде, чѣмъ приступить къ подробному описанію сложившихся порядковъ, я попытаюсь установить эти общія начала, проявлявшіяся повсюду.

Первое, что бросается въ глаза при ознакомленіи съ крестьянской общественной жизнью, это полная неопредѣленность въ

---

28) О разбирательствахъ между ясачными въ ихъ ссорахъ своимъ начальствомъ и о прочемъ (17 декабря 1780 г.).

29) О поступаніи во взысканіи съ инородцевъ долговъ по силѣ указа 1748 г.

30) О нечиненіи ясачнымъ переводовъ изъ наслега въ наслегъ впредь до переписи... и о прочемъ.

[1]) Очевидно, тѣ лица, которымъ заказывались новые списки «Ясачной Выписки», слѣдовали нѣкоторому общему шаблону, благодаря чему акты, касавшіеся исключительно крестьянъ, нерѣдко встрѣчались въ сборникахъ, принадлежавшихъ инородцамъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ актовъ были мнѣ сообщены Н. А. Виташевскимъ и Л. Г. Левенталемъ, которые находили ихъ именно въ архивахъ улусныхъ тойоновъ.

самомъ понятіи «сельскаго общества». Указъ 1797-го года обнаруживаетъ въ своихъ авторахъ преобладаніе заботы объ организаціи волостного управленія и о поддержаніи порядка въ волости. Въ первой-же его статьѣ предлагается, «чтобы для лучшаго порядка въ сельскомъ управленіи во всѣхъ волостяхъ не было болѣе трехъ тысячъ ревизскихъ душъ, и чтобы не разбивать пятисотныхъ участковъ, на кои по изданнымъ узаконеніямъ разнаго званія поселяне казеннаго вѣдомства раздѣлены»... и т. д. Въ Якутской области въ эпоху изданія указа не было ни одного селенія хотя-бы съ одной сотней рев. душъ, а слѣдовательно въ глазахъ мѣстныхъ властей «обществомъ» являлась лишь совокупность селеній, т. е. волость. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы видимъ и на самомъ дѣлѣ, что нѣсколько селеній заленскаго края составляли «Амгинское общество», приленскія селенія—«Общество 20-ти станцій». Наряду съ такимъ примѣненіемъ этого термина имъ-же означается и совокупность правомочныхъ обитателей отдѣльной деревни, и во многихъ случаяхъ какъ сами крестьяне, такъ и администрація, не одинаково рѣшали вопросъ о томъ, какой-же изъ этихъ двухъ единицъ управленія—сложной или первичной—принадлежатъ права, предоставляемыя «сельскому обществу», и притомъ такія существенныя, какъ напримѣръ—право пріема новыхъ членовъ и т. п.

Сбивчивость понятій въ этомъ отношеніи шла и дальше. Въ § 8 сенатскаго указа 1797-го года опредѣленно говорится, что земли принадлежатъ не волости, а отдѣльнымъ селеніямъ, вслѣдствіе чего раскладка платежей должна производиться по селеніямъ «и въ оное волостной голова вмѣшиваться не долженъ». Въ Якутской области дачи отводились также «обществамъ» отдѣльныхъ деревень, и поземельную общину всюду составляли домохозяева этой деревни, но тѣмъ не менѣе кое-когда «общество»—волость пыталось вторгаться въ область чисто хозяйственныхъ отношеній деревенской общины и распоряжаться ея надѣлами, оспаривая у деревенскаго міра права, принадлежащія «обществу». Конкретные примѣры такой сбивчивости будутъ приведены дальше, а такъ-какъ подобные примѣры не рѣдки и повсемѣстны, и по своему значенію въ деревенской жизни существенно важны, то именно эта черта и представляется въ моихъ глазахъ наиболѣе характерной особенностью общественнаго быта здѣшней русской деревни.

Такую-же неопредѣленность понятій и неясность границъ мы

встрѣтимъ и въ распредѣленіи функцій между должностными лицами сельскаго управленія, въ объемѣ ихъ власти, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и въ отношеніяхъ къ сельскому міру. При отсутствіи особыхъ судовъ или выборныхъ судей, разбирательство въ мелкихъ дѣлахъ обычно лежало въ здѣшнихъ обществахъ на сельскихъ властяхъ, которыя такимъ образомъ совмѣщали функціи судебныя и административныя. Указъ 1797-го года, совершенно въ духѣ того времени, надѣляя волостныхъ головъ и прочихъ представителей сельской власти чрезвычайно широкими полномочіями, вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ имъ въ обязанность всестороннюю опеку надъ крестьянской жизнью не только общественной, но и частной, и отголоски такого пониманія власти, хотя бы даже и возлагаемой самими крестьянами на своихъ односельцевъ, не исчезли въ приленскихъ деревняхъ до начала XX-го вѣка какъ у должностныхъ лицъ, такъ и у самихъ крестьянъ. Возникшее впослѣдствіи экономическое неравенство и обычная принадлежность старостъ и старшинъ къ числу богачей со временемъ подвели подъ колебавшіяся традиціи устарѣлаго закона новый, прочный фундаментъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть старостъ оказывалась на дѣлѣ почти деспотической. Когда въ 1884-мъ и 1890 годахъ крестьянамъ было предложено высказаться по поводу желательности или нежелательности для нихъ самихъ примѣненія къ нимъ Положенія 1861-го года, въ приговорахъ крестьянъ О-ва 20-ти станцій ихъ фактическая закабаленность нашла себѣ документальное выраженіе: 7 марта и 18/24 апрѣля 1884-го года и 5/13 сентября 1890-го года крестьяне составили приговора, въ которыхъ высказались за реформу, но съ тѣмъ, чтобы всѣ виды власти оставались сосредоточенными въ рукахъ старосты, а сельскій міръ превращался бы въ ничто; внушенность этихъ приговоровъ самимъ тогдашнимъ старостой была настолько ясна, что земскій засѣдатель Ф. Ф. Поповъ въ своемъ докладѣ губернатору не могъ воздержаться отъ такой характеристики: «немыслимо допустить существованіе общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ сотъ здравомыслящихъ членовъ, которые добровольно бы отдавали себя въ полное, неограниченное и безконтрольное распоряженіе одного изъ членовъ своихъ». Въ жизни это оказалось, однако, вполнѣ мыслимымъ по той простой причинѣ, что положеніе весьма близкое къ этому уже существовало на дѣлѣ, и крестьяне безпрекословно приложили руку къ приговору, выражавшему desiderata ихъ всемогущаго старосты.

Если, при общей смутности и неопредѣленности отношеній, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже простые старосты могли становиться своего рода «некоронованными королями» въ своихъ маленькихъ міркахъ, то ужъ нечего и говорить, что окружные исправники и земскіе засѣдатели, въ качествѣ органовъ контроля и несомнѣннаго «начальства», фактически были почти неограничены въ своей власти и пользовались ею, какъ богъ на душу положитъ.

Всѣ три указываемыя черты, не составляя исключительной особенности одной только Якутской области, нигдѣ не удерживались такъ долго и, быть можетъ, нигдѣ не проявлялись такъ неприкрыто, какъ здѣсь. Онѣ придавали мѣстной сельской жизни ея однородный общій колоритъ, а въ частностяхъ существовали различія, къ описанію которыхъ я и приступаю.

II. А) *Амгинское общество.* Обще-волостныя дѣла въ Амгинскомъ обществѣ рѣшаются [1]) на такъ называемыхъ «большихъ сходахъ», которые созываются, конечно, въ Амгинской слободѣ, два—три раза въ годъ, и имѣютъ составъ человѣкъ въ 30—40, со включеніемъ 3—4 новопокровцевъ, представительствующихъ и за отсутствующихъ усть-майцевъ, которые по отдаленности (178 в.) сами не являются. Такъ какъ населеніе этихъ двухъ деревенекъ образовалось изъ бывшихъ ямщиковъ аянскаго тракта, то въ глазахъ слобожанъ обѣ онѣ составляютъ одно «общество», несмотря на раздѣляющее ихъ разстояніе въ сто восемьдесять верстъ. Сходы этаго рода утверждаютъ смѣты, избираютъ должностныхъ лицъ и рѣшаютъ вопросы общаго значенія, какъ напримѣръ: участіе въ торгахъ на содержаніе станцій или на провозъ казенной соли, возбужденіе просьбы о хлѣбной ссудѣ и т. п. Нерѣдко бываетъ, что подобный сходъ, по представленію старосты, входитъ въ обсужденіе тяжбы или ссоры частныхъ лицъ, замѣняя собою въ такихъ случаяхъ несуществующій волостной судъ. Строгаго порядка въ дѣйствіяхъ схода, разумѣется, нѣтъ: говорятъ всѣ безъ очереди, нерѣдко заразъ, не рѣшивъ одного вопроса, обращаются къ другому и т. д. Все это общія черты, которыя наблюдаются не только въ Амгѣ, но и повсюду.

Въ противоположность «большимъ сходамъ» «малые сходы»

---

[1]) Извлекая изъ своихъ матеріаловъ, собранныхъ въ 94 — 95 годахъ, данныя о сельскомъ управленіи въ Якутской области, я во многихъ случаяхъ не замѣняю въ текстѣ настоящаго времени прошедшимъ, т. к. не думаю, чтобы описываемые порядки могли съ тѣхъ поръ существенно измѣниться. Когда такое измѣненіе болѣе вѣроятно, я веду изложеніе въ прошедшемъ времени.

собираются очень часто, въ зимнее время до 10 разъ въ мѣсяцъ, но ихъ приговора не записываются и самый предметъ обсужденія на такихъ сходахъ обыкновенно затрагиваетъ интересы не цѣлаго селенія, а лишь нѣкоторой части крестьянъ. Располагая значительнымъ досугомъ, амгинцы нерѣдко собираются въ Мірской Избѣ просто покалякать. Если сойдется человѣкъ 10—15 и кто-нибудь изъ нихъ поднимаетъ общеинтересный вопросъ, то стоитъ послать за старостой, и сходъ налицо. Такимъ образомъ малый сходъ почти совпадаетъ съ частною бесѣдой кружка крестьянъ и всѣ постановленія собравшихся имѣютъ обязательную силу только для участниковъ состоявшагося рѣшенія. Предметомъ такихъ рѣшеній всегда являются мелкія хозяйственныя дѣла или малозначущіе споры отдѣльныхъ общественниковъ. Иногда малые сходы представляютъ, впрочемъ, и нѣчто иное: они являются какъ бы самообразовавшейся комиссіей, подвергающей важные общественные вопросы предварительному обсужденію. Нѣсколько вліятельныхъ крестьянъ, столковавшись другъ съ другомъ и склонивъ на свою сторону старосту, предлагаютъ ему созвать на завтра общій сходъ, которому остается только санкціонировать вчерашнія постановленія вліятельнаго кружка. Если крестьяне называютъ такія совѣщанія все-таки «сходомъ», то это лишь потому, что на нихъ оффиціально присутствуетъ староста или другіе члены Мірской Избы, безъ которыхъ всякое собраніе получаетъ уже частный характеръ.

Изъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ амгинскимъ сходомъ, наибольшее значеніе имѣетъ староста, должность котораго, вообще говоря, соотвѣтствуетъ должности волостного старшины, отличаясь отъ нея главнымъ образомъ тѣмъ, что въ обязанности старосты входитъ, между прочимъ, и судебное разбирательство. До 81-го года старосты избирались на два года, и тогда нерѣдки бывали случаи переизбранія одного и того же лица на второй и на третій срокъ; въ 81 году начальство приказало увеличить срокъ службы до трехъ лѣтъ, и съ тѣхъ поръ до 95-го года вторичныхъ переизбраній не бывало. Крестьяне при моихъ распросахъ могли припомнить только троихъ старостъ, которые умѣли говорить по русски, двое изъ нихъ были притомъ и нѣсколько грамотны, всѣ же остальные объяснялись только по якутски. Въ помощь старостѣ, также на три года, избираются обществомъ (т. е. уже собственно амгинцами) трое старшинъ. На обязанности одного изъ нихъ лежитъ взиманіе податей; счетоводство ведется, разу-

мѣется, писаремъ, но книжка поступленій хранится у старшины. Обязанность другого—наблюденіе за хлѣбозапаснымъ магазиномъ, и третьяго—распредѣленіе очередей при отправленіи натуральныхъ повинностей и надзоръ за общественными работами. Двое послѣднихъ замѣняютъ для Мірской Избы скороходовъ (такъ въ якутскихъ Инородныхъ Управахъ называются разсыльные), которые въ другихъ обществахъ служатъ обыкновенно по найму. Вмѣстѣ со старостой и писаремъ старшины составляютъ Мірскую Избу, въ мѣстной жизни играющую роль волостного правленія. Служба этихъ лицъ безвозмездна, но отъ участія въ отбываніи повинностей члены Мірской Избы освобождаются на весь срокъ своего избранія.

Такой же привилегіей пользуется и еще нѣсколько должностныхъ лицъ, избираемыхъ, какъ и старшины, на три года: вахтеръ хлѣбозапаснаго магазина, четверо сѣнныхъ вахтеровъ (они же—«хозяйственные старосты»), пожарный староста и староста при ледникѣ.

Помимо безплатныхъ должностей, замѣщаемыхъ по выбору, есть и такіе роды общественной службы, которые выполняются разными лицами по найму: за жалованье 70 р. въ годъ въ 95 году служилъ сидѣлецъ общественнаго кабака, за 130 р. въ годъ двое трапезниковъ, за 20—25 р. въ годъ школьный сторожъ, и, наконецъ, за 50 р. въ годъ особый довѣренный, трижды въ годъ совершавшій поѣздки въ городъ для полученія казенныхъ денегъ за содержаніе станцій.

Особо отъ другихъ слѣдуетъ упомянуть оспеннаго ученика, родомъ—мѣстнаго крестьянина, который жалованье получаетъ отъ казны, но обществомъ освобождается не только отъ повинностей, но также и отъ платежа казенныхъ податей, хотя пользованіе надѣломъ за нимъ остается.

Весьма важное значеніе имѣетъ въ сельской жизни учрежденіе, введенное у себя амгинскими крестьянами по примѣру якутовъ—комиссія депутатовъ, состоящая изъ шестерыхъ лицъ, избираемыхъ обществомъ на трехлѣтній срокъ со внесеніемъ состоявшагося выбора въ письменный приговоръ. Прямая обязанность депутатовъ состоитъ въ учетѣ старосты и его денежныхъ операцій, что производится дважды въ годъ при составленіи смѣтъ. Бывали случаи, что учетъ обнаруживалъ небольшія растраты (однажды 200 р., въ другой разъ—300 р., и въ третій разъ—60 р.), но до начала девяностыхъ годовъ такія растраты обыкно-

венно вскорѣ же пополнялись виновниками и общество не доводило дѣла до суда; только въ 94 году одинъ староста, вслѣдствіе злостной растраты, былъ удаленъ отъ должности и надъ его дѣйствіями было наряжено судебное слѣдствіе. Однако же, какъ ни важенъ денежный контроль самъ по себѣ, но для общества представляетъ еще большее значеніе другой видъ дѣятельности депутатовъ,—разбирательство поземельныхъ споровъ, весьма нерѣдкихъ среди амгинскихъ крестьянъ. Такъ какъ работы депутатамъ не мало, то всѣ они на время своей службы освобождаются отъ личнаго отбыванія натуральныхъ повинностей. Кромѣ того имъ дозволяется въ случаѣ отлучки или болѣзни замѣщать себя какимъ-либо довѣреннымъ лицомъ по ихъ собственному усмотрѣнію; чаще, однако, замѣститель назначается усмотрѣніемъ старосты и подчасъ отсюда возникаютъ громкія нареканія на пристрастность къ одной изъ тяжущихся сторонъ. Отводы замѣстителей или самихъ депутатовъ по требованію одного изъ тяжущихся, тѣмъ не менѣе, случаются крайне рѣдко и мотивомъ для такого отвода допускается лишь близкое родство или завѣдомо тѣсная дружба отводимаго съ однимъ изъ противниковъ. Чаще бываетъ, что замѣститель отсутствующаго депутата назначается непосредственно самимъ обществомъ, т. е. малымъ сходомъ, который вообще остается далеко небезучастнымъ при дѣятельности комиссіи.

При разбирательствѣ дѣла депутатами всѣ присутствующіе обыкновенно вмѣшиваются въ пренія сторонъ и самый процессъ разбирательства по своимъ формамъ напоминаетъ обыкновенную сходку, на которой депутаты являются лишь наиболѣе почетными членами. При недостаточной опредѣленности своего личнаго состава, при отсутствіи точно установленныхъ пріемовъ дѣятельности и яснаго разграниченія между компетенціей депутатовъ, компетенціей старосты и правами самого схода, дѣятельность комиссіи не удовлетворяетъ крестьянъ и постоянно поддерживаетъ въ нихъ недовольство противъ ея членовъ. Нерѣдко недовольные рѣшеніемъ старосты или депутатовъ обращаются съ жалобами къ засѣдателю (становому приставу), который лично входитъ въ разсмотрѣніе дѣла и рѣшаетъ его иначе. Письменныя жалобы въ Окружную Полицію, по словамъ крестьянъ, у нихъ не въ обычаѣ, и случаевъ такого рода они могли указать только три—четыре.

Въ разрѣшеніи споровъ изъ-за движимаго имущества, а равно и во всѣхъ другихъ, не имѣющихъ прямой связи съ земле-

пользованіемъ, депутаты не принимаютъ никакого участія. Всѣ жалобы въ подобныхъ случаяхъ приносятся непосредственно старостѣ или сельскому сходу. Если дѣло требуетъ осмотра какой-нибудь мѣстности, то староста или сходъ уполномочиваютъ для этого старшину и нѣсколько другихъ крестьянъ, которые удостовѣряютъ фактъ безъ особыхъ формальностей.

Къ свидѣтельствованію по обычаю допускаются не только взрослые и полноправные члены общества, но также и малолѣтніе, и женщины, и ссыльные. Иногда одна изъ сторонъ заявляетъ требованіе, чтобы противникъ, или тѣ лица, которыя его поддерживаютъ своимъ свидѣтельствомъ, были приведены «къ присягѣ». Тогда въ Мірской Избѣ зажигается передъ образомъ свѣча, свидѣтель кладетъ три земныхъ поклона и, обращаясь къ обществу, торжественно обѣщаетъ говорить по сущей совѣсти. Ранѣе въ особенно важныхъ случаяхъ приглашался священникъ и присяга приносилась съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, какія установлены для совершенія этаго акта, но въ позднѣйшее время мѣстные засѣдатели настояли на отмѣнѣ такого обычая, и нынѣ для божбы не существуетъ опредѣленной формулы. При отсутствіи неопровержимыхъ доказательствъ противнаго, свидѣтельство, подкрѣпленное божбою, принимается за достовѣрное.

При жалобахъ на обиду, нанесенную словомъ или дѣйствіемъ, староста, если ему не удастся склонить противниковъ къ примиренію, докладываетъ о случившемся сходу и вмѣстѣ съ нимъ разбираетъ дѣло. Наказаніемъ для обидчика служитъ кратковременное заключеніе въ карцеръ (на однѣ сутки), но въ случаѣ какой-нибудь безобразной выходки виновнаго заставляютъ мести деревенскую улицу. Денежные штрафы у амгинцевъ не въ обычаѣ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ они говорятъ съ отвращеніемъ, вспоминая, однако, что «до второго Александра» розги примѣнялись и у нихъ, но, какъ кажется, не по мірскому приговору, а исключительно по приказу чиновъ полиціи.

Всего болѣе хлопотъ доставляютъ сходу семейныя ссоры, въ особенности ссоры отцовъ со взрослыми сыновьями. Раньше бывали случаи, когда къ обществу обращались и жены съ жалобами на мотовство или самоуправство мужей, но въ позднѣйшее время такихъ жалобъ уже не возникало, — какъ можно думать, благодаря совершенной безрезультатности прежнихъ обращеній. Въ распряхъ родителей съ дѣтьми поводомъ для жалобъ служатъ: буйство и неповиновеніе сына, мотовство отца и, — весьма не-

рѣдко,— изгнаніе сына изъ родительскаго дома безъ всякаго обезпеченія. Сельскій міръ не считаетъ себя вправѣ обязывать отца къ надѣленію сына и вмѣшательство общества въ пользу сына по существу имѣетъ не столько юридическій, сколько частный, такъ-сказать, сосѣдскій характеръ. По формѣ оно представляется, однако, какъ-бы судебнымъ разбирательствомъ: получивъ жалобу, староста черезъ сосѣдей и родственниковъ потерпѣвшаго собираетъ свѣдѣнія о мотивахъ изгнанія, сходъ выслушиваетъ взаимныя жалобы отца и сына и пытается склонить ихъ къ примиренію. Чаще всего это, наконецъ, удается, но, въ случаѣ упорства старика, сходъ признаетъ себя безсильнымъ, и сыну остается уйти въ городъ или поселиться у кого-нибудь изъ родственниковъ. Непочтительность сына къ отцу или къ матери также является предметомъ публичнаго обсужденія. По требованію схода сынъ часто принуждается тутъ-же, т. е. въ Мірской Избѣ, съ земнымъ поклономъ просить прощенія у родителей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и у цѣлаго общества.

Споры родственниковъ изъ-за имущества, а также и семейные раздѣлы почти всегда разрѣшаются не на сходѣ, а въ кругу самихъ семьянъ. Главная причина этого — широкая власть, которую мѣстный обычай признаетъ за отцомъ въ распоряженіи всѣмъ его достояніемъ. Самое имущество у большинства амгинцевъ настолько скудно, что во многихъ случаяхъ младшій изъ взрослыхъ сыновей наслѣдуетъ не только усадьбу и земельный надѣлъ, но и всю движимость, оставшуюся послѣ отца, включая сюда и скотъ. Обязанность воспитанія малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ лежитъ при этомъ на наслѣдникѣ, что-же касается до старшихъ, то они почти всегда въ моментъ смерти отца оказываются уже самостоятельными хозяевами.

Пріемыши (число которыхъ въ Амгѣ очень значительно), и незаконно-рожденные, если только они жили и работали въ домѣ скончавшагося наравнѣ съ родными дѣтьми, наслѣдуютъ какъ и родныя, и со стороны общества никакимъ ограниченіемъ въ своихъ правахъ не подвергаются. Самый актъ усыновленія раньше требовалъ, однако, согласія родныхъ братьевъ усыновителя, такъ какъ въ ревизскихъ сказкахъ семья писалась за-одно, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда взрослые сыновья главы семейства жили отдѣльно, имѣя свои особыя хозяйства. Умиралъ глава,— въ дѣйствительности оставалась нѣсколько вполнѣ независимыхъ семействъ, но всѣ вмѣстѣ они продолжали составлять одно подат-

ное тягло. Включеніе въ ревизскую сказку санкціонировало фактъ усыновленія, пріемышъ одного изъ братьевъ вводился въ общій семейный окладъ, и, въ случаѣ несостоятельности усыновителя, платежъ по этому окладу разлагался на другихъ семьянъ. Отсюда — право вмѣшательства братьевъ, а временами и право протеста [1]).

Послѣдняя ревизія происходила такъ давно, что съ тѣхъ поръ составъ семей совершенно измѣнился и нынѣ усыновленіе мальчика, а тѣмъ болѣе дѣвочки, совершается на дѣлѣ безъ всякихъ формальностей.

Заблаговременное выдѣленіе взрослыхъ сыновей упрощаетъ отношенія родственниковъ при дѣлежѣ наслѣдства, но въ тѣхъ случаяхъ, когда умирающій хочетъ такъ или иначе распорядиться остающимся въ его домѣ имуществомъ, онъ приглашаетъ одного или нѣсколькихъ «хорошихъ» свидѣтелей, т. е. людей болѣе или менѣе почтенныхъ въ глазахъ міра, и въ ихъ присутствіи словесно распредѣляетъ всѣ вещи по своему усмотрѣнію. Такія словесныя завѣщанія крестьянами чтутся и тяжебъ по ихъ поводу у наслѣдниковъ не возникаетъ.

Доли имущества, которыя достаются вдовѣ покойного, опредѣляются волей завѣщателя; если-же онъ не оставитъ никакихъ распоряженій, то вдова можетъ удержать за собою лишь часть своего собственнаго приданаго.

Еще не такъ давно у амгинскихъ крестьянъ практиковался якутскій способъ заключенія брака: невѣста сговаривалась еще маленькой дѣвочкой и тогда-же, или вскорѣ послѣ этого, переселялась въ домъ свекра. Нынѣ этотъ обычай уже вывелся, вѣнчаніе предшествуетъ фактическому браку, но отъ прежняго остается и теперь обязательная уплата калыма. Часть его вносится при самомъ сговорѣ, а часть передъ свадьбою. Деньги входятъ въ составъ калыма только у богатыхъ, у бѣдняковъ уплата производится скотомъ, иногда же въ добавленіе къ скоту дается и зерновой хлѣбъ. Самый меньшій калымъ представляетъ цѣнность рублей въ 40, но чаще онъ бываетъ значительно выше: 100—200 р., тогда какъ приданое, которое молодая приноситъ съ собою, у богатыхъ превышетъ цѣнность калыма вдвое, а у бѣдныхъ равняется или превышаетъ его слегка. По своему составу приданое нѣсколько отличается отъ калыма: часто молодая приводитъ съ собою въ домъ и скотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она обя-

---

[1]) Арх. Мір. Избы. 58 г. Д. о X ревизіи.

зательно приноситъ кое-что изъ домашней утвари и посуды, а также одежду и украшенія (кольца, бусы, мониста и т. д.) для самой себя.

По смерти мужа, если вдова остается бездѣтной, то обычай дозволяетъ ей вернуться къ роднымъ, захвативъ съ собой все свое приданое, если-же у супруговъ уже имѣлись дѣти, то вещи и одежда предоставляются вдовѣ, а изъ скота, который она когда-то привела съ собой, ей возвращается лишь нѣсколько штукъ; сколько именно и какихъ, это опредѣляется ея соглашеніемъ съ наслѣдниками.

Заботы объ имуществѣ малолѣтнихъ поручаются обыкновенно тому или другому лицу по соглашенію ближайшихъ родственниковъ и сходъ или сельскія власти не вмѣшиваются въ дѣйствія попечителя. Лишь изрѣдка случается, что родственники формально заявляютъ старостѣ о необходимости учредить опеку и тогда опекунъ назначается уже сельскою властью. Этимъ назначеніемъ Мірская Изба и ограничиваетъ свои заботы объ охраненіи интересовъ наслѣдника, затѣмъ уже наличное имущество никѣмъ не провѣряется, дѣйствія опекуна остаются совершенно безконтрольными, долги, числящіеся за разными лицами, пропадаютъ, и, наконецъ, опекунъ, если пожелаетъ, можетъ самъ передать опеку другому лицу.

Такъ-какъ въ архивѣ Мірской Избы сохраняется почти исключительно такая переписка, которая вызвана запросами Окружной Полиціи, т. е. переписка по чисто казеннымъ интересамъ, то въ Амгѣ, какъ и въ другихъ селеніяхъ Якутской области, для выясненія интересовавшаго меня юридическаго быта мѣстныхъ крестьянъ, я извлекалъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія путемъ опроса крестьянъ на сходѣ, причемъ Г. Л. Кондаковъ, владѣвшій якутскимъ языкомъ совершенно свободно, переводилъ мои слова и растолковывалъ ихъ крестьянамъ, которые повсюду отвѣчали на наши вопросы вполнѣ охотно и поясняли свои отвѣты конкретными примѣрами.

Въ Амгинской слободѣ, какъ и слѣдовало ожидать, якутскія вліянія успѣли отразиться самымъ явственнымъ образомъ и на мірскомъ строѣ (комиссія депутатовъ) и на обычаяхъ крестьянъ; въ двухъ другихъ деревенькахъ Амгинскаго общества: Усть-Майской и Новопокровской съ ихъ чисто русскимъ населеніемъ изъ бывшихъ ямщиковъ Аянскаго тракта такихъ вліяній незамѣтно. При крайней малочисленности населенія въ этихъ деревенькахъ

(въ одной изъ нихъ 8 дворовъ, а въ другой 10), управленіе въ нихъ въ высшей степени просто: хотя разстояніе между ними составляетъ около 200 верстъ, обѣ онѣ въ податномъ отношеніи числятся однимъ обществомъ, и новопокровскій старшина дважды въ годъ посѣщаетъ Усть-Маю. Въ пользованіи правами сельскаго общества новопокровцы и майцы по временамъ подвергаются однако стѣсненіямъ со стороны амгинцевъ, не всегда признающихъ за ихъ приговорами значеніе «общественныхъ» приговоровъ и требующихъ передачи нѣкоторыхъ вопросовъ внутренней деревенской жизни на обсужденіе амгинскаго схода. Благодаря различію новопокровцевъ и амгинцевъ въ языкѣ, а частью и въ культурѣ, здѣсь неопредѣленность границъ волостной и сельской компетенціи чувствовалась, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Б) Общество 20-ти станцій Иркутскаго тракта. Въ Обществѣ 20-ти станцій волостному сходу соотвѣтствовалъ «Съѣздъ выборныхъ» или «Трактовый съѣздъ», но въ силу особаго характера разселенія жителей этотъ съѣздъ, происходившій лишь одинъ разъ въ трехлѣтіе и преслѣдовавшій свои спеціальныя задачи, внѣ урегулированія основного промысла станочниковъ — почтовой гоньбы, оказывалъ на общественную жизнь лишь очень слабое вліяніе. Въ длинной цѣпи маленькихъ деревенекъ, изъ которыхъ самая большая въ 95 году имѣла лишь 30 дворовъ, не было такого села, которое по своему географическому положенію, по своей величинѣ и значенію играло бы роль естественнаго центра, а потому общественная жизнь приленскихъ крестьянъ проявлялась главнымъ образомъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ. Десятники этихъ селеній, отбывавшіе службу по-годно, съ соблюденіемъ очереди по дворамъ [1]), исполняли почти всѣ обязанности, какія въ Россіи лежатъ на сельскихъ старостахъ. Каждая деревня тутъ имѣетъ свой хлѣбозапасный магазинъ и своего вахтера, избираемаго обыкновенно на три года, а иногда и безсрочно. Деревенскій сходъ на каждой станціи собирается очень часто и, помимо хозяйственныхъ дѣлъ, обсуждаетъ всевозможные вопросы, какіе только возникаютъ въ мѣстной жизни. Семейныя ссоры, препирательства изъ-за почтовыхъ очередей, денежные иски, а, наконецъ, и просто предосудительное поведеніе какого-нибудь

---

[1]) Только на ст. Тектюрской очередь соблюдалась не по-годно, а пропорціонально числу ревизскихъ душъ всякой семьи: за каждую душу отбывался одинъ мѣсяцъ службы.

крестьянина,— все это обсуждается міромъ сообща и рѣшается авторитетнымъ голосомъ деревенскихъ стариковъ. Самый міръ на большей части станцій состоитъ изъ близкихъ родственниковъ и потому выраженіе новопокровскаго крестьянина «мы здѣсь все равно какъ забытая семья», вполнѣ приложимо и къ населенію приленскихъ деревушекъ. Прижатые громадной рѣкой къ каменистымъ кручамъ, убогіе ямщицкіе поселки приникли на пустынномъ берегу и отъ каждой кучи лачугъ на десятки верстъ въ обѣ стороны нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ утесовъ и дикой тайги.

Кромѣ жителей двухъ ближайшихъ селеній, сосѣдящихъ съ сѣвера и съ юга, другихъ своихъ однообщественниковъ станочный ямщикъ почти никогда не видитъ и никакихъ дѣлъ съ ними не имѣетъ. При такихъ условіяхъ деревенская жизнь получила по станкамъ замкнутый, патріархальный характеръ и для дѣятельности волостного схода остается мало задачъ.

Каждая станція, смотря по своей населенности, посылала на съѣздъ одного или двухъ выборныхъ, которымъ обыкновенно заранѣе указывалось деревенскимъ сходомъ, кого именно предлагать въ старосты, до какой цѣны спускать почтовую плату, и т. п. Выборные собирались не въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, разъ на всегда опредѣленномъ, а въ томъ или въ другомъ изъ трехъ селеній, которыя слывутъ наиболѣе хлѣбородными: въ Синьскомъ, въ Батамайскомъ или въ Титъ-Аринскомъ. Мѣстомъ для совѣщаній служилъ тотъ или другой домъ по особому соглашенію для каждаго раза. Останавливались пріѣзжіе также, гдѣ случится, по домамъ у знакомыхъ, и жили на ихъ содержаніи все время, пока тянулся съѣздъ, т. е. дня три—четыре. Помимо выборныхъ, при рѣшеніи вопроса объ участіи въ почтовой гоньбѣ, на съѣздѣ присутствовалъ и кто-нибудь изъ начальства: исправникъ или засѣдатель.

Избравъ должностныхъ лицъ — старосту и двоихъ старшинъ — съѣздъ устанавливалъ на три года смѣту общественныхъ расходовъ и размѣръ той платы, которую можно требовать за отбываніе гоньбы. Для заключенія съ казною контракта тутъ-же избирались двое особыхъ довѣренныхъ. Въ случаѣ равенства избирательныхъ голосовъ, одинъ голосъ предоставлялся троимъ членамъ общественнаго управленія, вообще-же всѣ вопросы рѣшались простымъ большинствомъ.

Закончивъ обязательныя, всегда повторяющіяся дѣла (выборы и т. п.), съѣздъ переходилъ къ частнымъ разбиратель-

Крестьянская изба мѣстнаго типа.

ствамъ, которыхъ случалось по два, по три на каждый разъ. «Соберутся,—тоже грозные бываютъ: одного собирались выдрать, другого собирались выслать...», говорилъ староста, описывая занятія съѣзда. Дѣйствительный случай высылки имѣлъ мѣсто однако всего одинъ разъ, да и то трудно установить, принадлежитъ-ли въ этомъ случаѣ иниціатива обществу или администраціи: еще въ 60-хъ годахъ староста Соколовъ былъ высланъ на Вилюй за растрату общественнаго хлѣба. Тѣлесныя наказанія, точно также, не практикуются съ давнихъ поръ, хотя ими, по старой памяти, еще угрожали иногда буянамъ или вообще провинившимся.

Изъ должностныхъ лицъ общественнаго управленія первая роль принадлежала старостѣ. Обязанность его на дѣлѣ сводилась главнымъ образомъ къ представительству крестьянскаго міра передъ властями. Станціоннымъ крестьянамъ иногда приходилось тягаться съ якутами изъ-за земель, иногда ихъ интересы по почтосодержанію сталкиваются съ интересами казны, и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ староста долженъ былъ отстаивать интересы крестьянъ противъ вліянія якутскихъ тойоновъ или другихъ значительныхъ лицъ. Для такой роли требуется лицо, сравнительно культурное и состоятельное, а т. к. подобныя лица въ обществѣ всегда были на перечетъ, то выборъ старосты представлялъ для крестьянъ очень трудную задачу и рѣдко бывалъ удаченъ. Въ 60-хъ годахъ однимъ старостой была совершена растрата на 4 т. р., упомянутымъ Соколовымъ — растрачено около 3 т. р., староста Козловъ былъ удаленъ за составленіе фальшивыхъ приговоровъ, староста Юрьевъ—за какія-то торговыя операціи нѣсколько темнаго характера и т. п. Зато, при отсутствіи черзчуръ рѣзкихъ поводовъ для устраненія самой администраціей, староста имѣлъ много шансовъ на вторичное и третичное переизбраніе, и случаи такого рода были весьма часты.

Пользуясь авторитетомъ волостного старшины и вмѣстѣ съ тѣмъ волостного судьи, староста 20-ти станцій оставался почти свободенъ отъ чисто административныхъ обязанностей своей должности, такъ какъ эти обязанности почти цѣликомъ лежали на двоихъ старшинахъ, избиравшихся по одному отъ каждыхъ 10-ти станцій. Старшины эти отличались отъ старосты нестолько объемомъ своей власти, сколько тѣмъ, что каждый изъ нихъ завѣдывалъ только своимъ «участкомъ«, т. е. тѣми 10-тью станціями, представителемъ которыхъ онъ былъ избранъ. Участковый стар-

шина сообщалъ населенію полученныя имъ черезъ старосту распоряженія администраціи, наблюдалъ за ихъ выполненіемъ, слѣдилъ за общимъ порядкомъ, а по временамъ и разбиралъ тяжбы. Изрѣдка случалось, что недовольный рѣшеніемъ старшины обращался къ старостѣ; обжалованье постановленій самого старосты случалось еще рѣже: въ 94-мъ году мнѣ былъ указанъ за весь годъ лишь одинъ случай обращенія въ Окружную Полицію, причемъ засѣдатель лишь подтвердилъ рѣшеніе старосты.

На рѣшенія деревенскаго схода, по сообщенію должностныхъ лицъ, жалобъ не приносилось никогда, такъ какъ въ подобномъ случаѣ жалобщика, какъ отщепенца, «заклюютъ свои старики». До сельскихъ властей тяжбы доходили лишь тогда, когда обиженный обращался непосредственно къ старшинѣ, минуя деревенскій міръ, а это случалось чаще всего при столкновеніи жителей разныхъ селеній, или при спорахъ крестьянина съ якутомъ или съ поселенцемъ. Поводомъ для пререканій въ этой мѣстности чаще всего служатъ закосы и зарубы. При зарубѣ мѣсто оставляется за первоначальнымъ владѣльцемъ и трудъ зарубившаго пропадаетъ; при сознательномъ закосѣ — дѣло рѣшается также, а при непредумышленномъ — сѣно дѣлится между владѣльцемъ мѣста и косцомъ исполу. Нерѣдко міру приходится разбирать дѣла о потравахъ, но въ этихъ случаяхъ обсуждается не самый фактъ, котораго обыкновенно виновный не отрицаетъ, а лишь сумма вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго.

Ссоры родителей съ дѣтьми улаживаются почти всегда по станціямъ и лишь очень рѣдко доходятъ до сельскихъ властей.

Всѣ рѣшенія деревенскихъ сходовъ и старшинъ постановляются словесно и никакихъ записей для тяжебныхъ дѣлъ по селеніямъ или по участкамъ не ведется, но рѣшенія старосты вносились въ небольшую книгу, въ которой за три года: 92-й—94-й было записано лишь шесть дѣлъ; изъ нихъ одно имѣетъ чисто мѣстный характеръ: покровскій крестьянинъ [1]) жалуется на своего отца, который удерживаетъ 1 р. 50 к. слѣдующихъ сыну прогонныхъ денегъ; отецъ объясняетъ, что деньги имъ удержаны, такъ какъ во время его отсутствія сынъ на почтовыхъ лошадяхъ возилъ проѣзжающаго, за что отецъ вычитаетъ теперь 50 к., а

---

[1]) Самъ староста жилъ тогда въ Покровскомъ селеніи, и, вѣроятно, именно благодаря этому такое мелкое дѣло дошло до его разбирательства.

рубль вычитаетъ за отказъ отъ слѣдующей очереди на одну конную подводу. Рѣшеніе: вернуть сыну 1 рубль.

Наказаніемъ за разнаго рода проступки служитъ обыкновенно только выговоръ стариковъ, но иногда примѣняется и кратковременный арестъ, на срокъ не свыше сутокъ. Къ сраму, по отзывамъ, станочные крестьяне очень чувствительны и потому арестъ нерѣдко продолжается всего часъ или два, лишь бы пристыдить виновнаго.

Семейная жизнь въ станочныхъ селеніяхъ имѣетъ настолько замкнутый характеръ, что изслѣдователю, который заѣзжаетъ въ деревню лишь на короткое время, трудно подмѣтить въ ней какія-нибудь своеобразныя черты. Въ общемъ, можно, однако, сказать, что усвоеніе якутскихъ обычаевъ въ сферѣ правовыхъ отношеній въ этой мѣстности если и существуетъ, то развѣ очень слабое, никакъ не бьющее въ глаза. Примѣромъ этого можетъ служить отсутствіе явнаго калыма, которому лишь до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ «вспоможеніе» со стороны будущаго свекра отцу невѣсты. Сами крестьяне при разспросахъ рѣшительно отрицали тождественность этого «вспоможенія» съ инородческимъ калымомъ, говоря, что оно дается «вродѣ подарка» и не имѣетъ строго обязательнаго характера.

Тяжебъ изъ-за недодачи условленнаго приданаго или изъ-за оставшагося наслѣдства въ селеніяхъ этого общества не бываетъ. Общій обычай таковъ, что имущество равными долями дѣлится между всѣми сыновьями, а домъ переходитъ къ младшему.

В) Олекминская крестьянская волость. Въ Олекминской крестьянской волости мы встрѣчаемъ два условія, вызывавшія въ строѣ мѣстной крестьянской жизни крупныя отличія отъ жизни сосѣдняго общества 20-ти станцій: большія деревни—Амгинская и Олекминская, расположенныя близь самаго города, составляли для олекминскихъ станочниковъ естественный центръ, вліяніе котораго кое въ чемъ отражалось и на внутренней жизни отдѣльныхъ селеній, а наряду съ этимъ,—подряды на почтосодержаніе здѣсь берутся не всѣмъ обществомъ заразъ, а каждымъ селеніемъ въ отдѣльности, а потому терминъ «Трактовый съѣздъ» тутъ не употребителенъ, и «Съѣздъ выборныхъ» отъ станцій, собиравшійся здѣсь, какъ и въ обществѣ 20-ти станцій, одинъ разъ въ три года, имѣлъ своей единственной задачей избраніе четвертыхъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ въ совокупности полное присутствіе Мірской Избы. Мѣстомъ собранія съѣзда выбор-

ныхъ служила всегда деревня Амгинская. Ближнія станціи посылали на съѣздъ по одному довѣренному отъ станціи, а дальнія— по одному отъ нѣсколькихъ. Счетъ голосовъ велся по числу представительствуемыхъ каждымъ довѣреннымъ дворовъ. Голосъ амгинцевъ и олекминцевъ имѣлъ на съѣздѣ рѣшительный перевѣсъ, и главныя двѣ должности: выборнаго и старосты, въ большинствѣ случаевъ, замѣщались уроженцами этихъ селеній, причемъ, въ силу существующаго между ними соперничества, съ давняго времени установился обычай замѣщать эти должности непремѣнно разносельцами: если выборный — амгинецъ, то староста—олекминецъ, и наоборотъ... Даже такое обще-волостное дѣло, какъ составленіе смѣты производилось у олекминцевъ не на «съѣздѣ выборныхъ», а на сельскомъ сходѣ крестьянъ двухъ большихъ деревень, собиравшемся обыкновенно въ Мірской Избѣ, въ центрѣ деревни Амгинской. Готовый приговоръ разсылался оттуда по станціямъ лишь для подписи и споровъ никогда не вызывалъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, амгинскій сельскій сходъ дѣйствовалъ въ качествѣ волостного. Иногда поводомъ для этого служило заявленіе или жалоба станочнаго крестьянина, прибывшаго по какимъ-либо частнымъ дѣламъ въ деревню Амгинскую и лично обратившагося къ сходу, а нерѣдко инициатива исходила и отъ самихъ амгинцевъ, привыкшихъ къ той мысли, что рѣшеніе ихъ схода обязательно для всей волости. Такой взглядъ вполнѣ опредѣленно выразился въ одномъ изъ очень немногихъ письменныхъ постановленій, внесенныхъ въ имѣвшуюся при Мірской Избѣ книгу мірскихъ приговоровъ. Содержаніе этого приговора (отъ 23-го февраля 1893 года) вкратцѣ таково: въ деревняхъ Амгинской и Олекминской рѣшено надѣлить землею всѣхъ 17-тилѣтнихъ мужчинъ, при недостаточности выморочныхъ надѣловъ урѣзывая нужную площадь отъ теперешнихъ владѣльцевъ, станочные же крестьяне этого не дѣлаютъ, вслѣдствіе чего волостное управленіе завалено жалобами недовольныхъ. Во избѣжаніе этого «къ улучшенію быта лишенныхъ надѣла земли, и пользуясь правомъ одной волости первенствующимъ центромъ, и голосами не какъ сельскаго, но какъ волостного схода», амгинцы постановляютъ: «ввести по упомянутымъ выше станціямъ тотъ, нами введенный, порядокъ и, кромѣ того, обгониванье почтовой и обывательской гоньбы уравнять по участкамъ на каждыя обоего пола души, какъ этимъ самымъ они обезпечиваютъ свое существованіе».

Изъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ съѣздомъ, наиболѣе почетнымъ являлся «выборный», должность котораго соотвѣтствовала по своему значенію должности «старосты» въ обществѣ 20-ти станцій. До конца шестидесятыхъ годовъ волостное управленіе олекминцевъ состояло только изъ выборнаго и старосты, но съ 68 года крестьяне начали избирать кандидата по выборномъ, а съ 78 года—кандидата по старостѣ. Это увеличеніе состава Мірской Избы находилось въ зависимости отъ входившаго въ жизнь все глубже и глубже раздѣленія волости на три, а позже—на четыре «участка», совершенно однородныхъ съ двумя участками общества 20-ти станцій. Оба «кандидата»,—иначе называемые старшинами,—избирались изъ уроженцевъ дальнихъ участковъ и по кругу своей дѣятельности ничѣмъ не отличались отъ выборнаго и отъ старосты, но каждый изъ нихъ дѣйствовалъ лишь въ своемъ участкѣ. Однако, по временамъ на ихъ постановленія приносились жалобы выборному или амгинскому сельскому сходу, а въ тѣхъ случаяхъ, когда выборнымъ оказывался не амгинецъ, а станочный крестьянинъ, всѣ должности окончательно смѣшивались и даже территоріальныя границы вѣдѣнія каждаго изъ членовъ волостного управленія теряли всякую опредѣленность.

На постановленія выборнаго или амгинскаго схода недовольные иногда приносили письменныя жалобы въ Окружное Полицейское Управленіе, но мѣстные исправники рѣдко имѣли время или охоту вдаваться въ мало интересныя для нихъ крестьянскія препирательства, и въ большинствѣ случаевъ, какъ я убѣдился, перечитывая переписку по такого рода дѣламъ, прошеніе отсылалось изъ полицейскаго управленія въ ту же Мірскую Избу съ приказомъ разсмотрѣть дѣло и «если жалоба правильна,— то удовлетворить просителя».

Въ силу непомѣрнаго протяженія всей линіи русскихъ селеній Олекминской волости (520 верстъ) и различія въ бытовыхъ условіяхъ отдѣльныхъ частей, общеволостныя учрежденія имѣли для крестьянъ мало значенія, и общественная жизнь крестьянскаго міра сосредоточивалась по участкамъ, фактически представлявшимъ собою почти обособленные мірки. Первый участокъ образуютъ деревни Амгинская и Олекминская. По волостнымъ свѣдѣніямъ въ этомъ участкѣ въ 1894 году числилось 199 дворовъ; наличное населеніе составляло 898 душъ; подати уплачивались съ 390 ревизскихъ душъ. Чтобы характеризовать бытовыя отличія этого уголка отъ участковъ, состоявшихъ изъ станціонныхъ селеній, я забѣгу

нѣсколько впередъ и приведу четыре цифры, относящіяся къ главнымъ сторонамъ хозяйственнаго быта мѣстныхъ крестьянъ: по даннымъ нашей переписи средній посѣвъ на 1 дворъ въ двухъ центральныхъ деревняхъ въ 94 году составлялъ 33,2 пуда, т. е. былъ въ полтора раза выше средняго посѣва крестьянъ семи среднихъ и девяти нижнихъ станцій—22,3 и 23,2 пуда; среднее количество крупнаго рогатаго скота на 1 дворъ—3,9—равнялось тому же количеству у крестьянъ среднихъ станцій и было немного ниже, чѣмъ въ участкѣ нижнихъ (болѣе сѣверныхъ) станцій; платы за почтовый обгонъ приходилось въ среднемъ на 1 душу наличнаго населенія: въ Амгинскомъ участкѣ—9 р. 09 к., въ участкѣ среднихъ станцій—64 р. 40 к., и въ участкѣ нижнихъ станцій—70 р.; прочихъ денежныхъ доходовъ на 1 душу въ тѣхъ же участкахъ: 29 р., 8 р. 05 к. и 10 р. 98 к.; то есть—главнымъ занятіемъ амгинцевъ, въ отличіе отъ станочниковъ, являлось земледѣліе, скотоводство стояло у нихъ на второмъ планѣ, почтовая гоньба имѣла въ ихъ обиходѣ небольшое значеніе, а постороннихъ заработковъ у нихъ было значительно больше, чѣмъ у станочниковъ.

Внутренніе порядки деревень Амгинской и Олекминской прямо обусловлены особенностями разселенія ихъ жителей. Ни та, ни другая изъ этихъ деревень не представляетъ сплошного поселенія, состоящаго изъ одной или нѣсколькихъ улицъ. Въ старину крестьяне строили себѣ усадьбы тамъ или здѣсь на всемъ пространствѣ отведенныхъ въ ихъ пользованіе земель, а такъ какъ надѣльныя земли тянутся подъ береговыми горами верстъ на девять, то вся «деревня» состояла когда-то изъ обособленныхъ хуторовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого обширными лугами и рощами. Подроставшій крестьянинъ, выдѣляясь изъ родительской семьи какъ самостоятельный хозяинъ, получалъ отъ отца землю и строился гдѣ-нибудь вблизи. Такимъ путемъ къ началу 60-хъ годовъ въ различныхъ пунктахъ крестьянскихъ земельныхъ дачъ успѣло образоваться нѣсколько поселковъ; иные изъ нихъ имѣютъ видъ какъ бы маленькихъ деревенекъ: дома стоятъ въ рядъ или даже въ два ряда, составляя улицу; чаще поселокъ представляетъ собой группу избъ и другихъ построекъ, разсѣянныхъ безъ всякаго порядка гдѣ въ одиночку, гдѣ по двѣ или по три рядкомъ. Сосѣдство опредѣлялось при такомъ способѣ разселенія кровнымъ родствомъ и поселки въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовали родовымъ группамъ. Въ 60-мъ году чертежникъ Сороковниковъ, работая въ этой мѣстности, означилъ всѣ поселки подъ особыми

названіями, частью заимствовавъ эти названія отъ самихъ крестьянъ, а частью установивъ ихъ самъ. Съ этого времени отдѣльныя группы дворовъ слывутъ подъ именами «деревень» или «родовъ»: Былковскаго, Тирскихъ, Акишевыхъ и т. д. по родовымъ фамиліямъ, или по названію урочищъ: Бѣлькей, Юнкюрь и т. п. Деревни или роды, намѣченные Сороковниковымъ, были слишкомъ незначительны по численности своихъ жителей для того, чтобы сыграть роль промежуточныхъ звеньевъ между всѣмъ сельскимъ міромъ и отдѣльными семьями, а между тѣмъ, распредѣленіе очередей для отбыванія натуральныхъ повинностей (починка дорогъ, городьба поскотинъ, общественная запашка), по мѣрѣ возрастанія общей численности деревенскаго населенія, становилось для крестьянъ затруднительнымъ и вызывало необходимость въ образованіи такихъ звеньевъ. Въ 1873 году, для того, чтобы избавить сходъ отъ возни съ подворной разверсткой работъ, въ обѣихъ большихъ деревняхъ крестьянами было учреждено по три «хозяйственныхъ участка», каждый изъ которыхъ включалъ въ себѣ группу хозяйствъ, уплачивающихъ подати приблизительно за 70 ревизскихъ душъ. Нѣсколько сосѣднихъ родовъ входило въ составъ такихъ группъ цѣликомъ, а если численность сородниковъ оказывалась недостаточной для образованія участка только изъ нихъ, то къ ихней группѣ причислялось и еще нѣсколько хозяевъ, жившихъ по сосѣдству, къ какому-бы роду тѣ ни принадлежали. Такимъ образомъ родовой укладъ, пустившій, было, въ этой мѣстности глубокіе корни и становившійся съ теченіемъ времени все въ большее противорѣчіе съ общиннымъ строемъ, подвергся ограниченію, и въ одной изъ важныхъ сторонъ своего быта многіе крестьяне оказались выдѣленными изъ рода и включенными въ новыя образованія, возникшія на основѣ простого сосѣдства и совпаденія хозяйственныхъ интересовъ.

Съ учрежденіемъ участковъ значительная часть тѣхъ дѣлъ, которыя ранѣе съ большой затратой времени и съ постоянными перекорами рѣшались сельскимъ сходомъ, перешла въ вѣдѣніе сходовъ участковыхъ. Участковымъ же сходомъ замѣщался и цѣлый рядъ мелкихъ должностей, составлявшихъ для крестьянъ повинность, для выполненія которой избранный могъ нанимать замѣстителя; таковы должности: хозяйственнаго старосты, который ведетъ запись очередямъ и слѣдитъ за благоустройствомъ дорогъ, сборщика податей, вахтера и надзирателя, являющихся помощниками смотрителя хлѣбо-запаснаго магазина. По участкамъ же

соблюдалась мѣсячная очередь для назначенія десятника (т. е. разсыльнаго) при Мірской Избѣ.

Станціонныя селенія Олекминскаго округа такъ малочисленны по своему населенію, что никакихъ внутреннихъ подраздѣленій въ нихъ не существуетъ.

Въ участкѣ девяти нижнихъ станцій жители мало отличаются отъ крестьянъ Якутскаго округа, и о ихъ общественномъ бытѣ можно сказать то же самое, что было сказано объ обществѣ 20-ти станцій. Въ каждомъ селеніи имѣется десятникъ и вахтеръ, и сельскій сходъ вездѣ вершитъ всѣ вообще дѣла, представляющія для крестьянъ какой-либо общій интересъ.

На семи среднихъ станціяхъ, болѣе близкихъ къ городу и къ Мачѣ, жизнь идетъ нѣсколько бойче, культурность населенія слегка повышается, но сама по себѣ она все таки очень невысока. По словамъ одного мѣстнаго старожила, въ главномъ селеніи этого района—Берденскомъ, въ 40-хъ годахъ умѣли говорить по русски лишь въ одномъ богатомъ семействѣ; при моемъ проѣздѣ (1894 годъ), болѣе или менѣе понимавшими русскій языкъ оказались почти всѣ, но правильно и бѣгло владѣли русскою рѣчью лишь очень немногіе. Благодаря сравнительной близости отъ волостного центра, жители среднихъ станцій чаще, чѣмъ на другихъ участкахъ, остаются недовольны рѣшеніями сельскаго схода и обращаются съ жалобами къ членамъ Мірской Избы или къ амгинскому сходу. Во всемъ остальномъ ихъ общественная жизнь такова же, какъ и на нижнихъ станціяхъ.

Участокъ верхнихъ станцій или Нохтуйскій участокъ, какъ это указывалось уже въ предыдущей главѣ, наиболѣе рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ; чисто русское населеніе и ясно чувствующееся на всѣхъ сторонахъ быта вліяніе золотыхъ пріисковъ Витимско-Олекминской системы сближаютъ южныя станціи Олекминской волости съ селеніями Киренскаго округа и не оставляютъ мѣста чертамъ, типическимъ для Якутской области. Средній посѣвъ на 1 дворъ въ этомъ районѣ еще ниже, чѣмъ на сѣверныхъ станціяхъ,—всего 19,9 пуда, но почтовой платы тутъ приходится на одну наличную душу 82 р. 77 к. и постороннихъ заработковъ—27 р. 24 к. На сѣверѣ, однако, границы этого участка обозначались не достаточно ясно: довольно неопредѣленное положеніе занимала уже станція Инняхская, которую Мірская Изба то вводила въ свои вѣдомости наряду съ другими крестьянскими селеніями, то выключала какъ инородческую, такъ какъ перво-

начальное населеніе Инняха составилось изъ группы якутовъ 2-го Нерюхтейскаго наслега, въ 1861 году перечислившихся въ крестьяне. Столь же неопредѣленнымъ оказывалось положеніе станціи Дельгейской, уже чисто русской; нохтуйцы считали Дельгей своимъ, а жители среднихъ станцій—своимъ, и оба старшины—нохтуйскій и берденскій, распоряжались тамъ, нерѣдко противорѣча своими распоряженіями одинъ другому.

Особаго старшину для Нохтуйскаго участка начали выбирать еще съ 1867 года, а въ 78 году въ общую волостную смѣту начали вводить расходъ въ 70 р. на наемъ для нохтуйскаго старшины особаго писаря.

Въ непосредственномъ вѣдѣніи старшины въ девяностыхъ годахъ оставались, однако, только сѣверныя станціи участка: Дельгей-Нохтуйскъ, а станціи—Жедайская-Тинная получили какъ бы родъ автономіи и для нихъ была учреждена должность «кандидата по старшинѣ», избираемаго изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Большее, чѣмъ въ Якутскомъ округѣ, развитіе отхожихъ промысловъ, сбытъ сельскихъ продуктовъ на сторону и другія черты болѣе культурнаго быта порождаютъ въ Олекминскомъ округѣ больше, чѣмъ на сѣверѣ, всякаго рода житейскихъ осложненій, а слѣдовательно и больше споровъ и тяжебъ среди крестьянъ. Но здѣсь, какъ и подъ Якутскомъ, крестьянинъ въ такой же мѣрѣ лишенъ судебной защиты своихъ интересовъ и бродитъ въ такомъ же туманѣ относительно всего того, что составляетъ, или вѣрнѣе—что должно было бы составлять, область лично ему принадлежащихъ правъ, правъ всего сельскаго міра, и способовъ ихъ легальной охраны. Судили и рядили по своему усмотрѣнію и сельскіе сходы, и выборный со старшинами, и самъ исправникъ съ засѣдателями, и амгинскій сходъ. Судили по большей части словесно и нерѣдко въ самомъ противоположномъ духѣ. Уловить въ этой разноголосицѣ что нибудь постоянное довольно мудрено. Привожу то немногое, что мнѣ удалось извлечь изъ пересмотра архивныхъ дѣлъ Мірской Избы и Окружной Полиціи и изъ опроса крестьянъ на сходахъ.

Всего болѣе споровъ вызываютъ поземельныя отношенія. Тяжебъ по нарушенію обязательствъ возникаетъ также не мало, но въ послѣднее время все болѣе входитъ въ обычай обезпечивать выполненіе договора неустойкой и брать съ обязавшагося расписку, которая и представляется какъ доказательство справедливости предъявляемой претензіи. Раньше, при отсутствіи сви-

дѣтелей или неопровержимыхъ данныхъ, въ качествѣ доказательства, съ согласія обѣихъ сторонъ, допускалась божба, для которой существовала опредѣленная формула: «харагымъ тестіинъ, оёгумъ, огобунъ, итяръ да сюссюбюнъ керюмюемъ!», т. е. «лопни мои глаза, не видать мнѣ ни жены, ни дѣтей, ни скота моего!» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтчикъ, сознавая нравственную необходимость удовлетворить истца, но въ то же время желая сохранить видимость правоты, въ заключеніе спора заявлялъ сходу, что, хотя искъ и не правиленъ, но онъ, отвѣтчикъ, «не желая грѣха» (то есть шума и раздоровъ), отдаетъ свои деньги Господу Богу, и если истецъ совершенно безсовѣстный человѣкъ, то пусть онъ ихъ беретъ отъ самого Бога; послѣ такого заявленія спорная сумма клалась на божницу. На мой вопросъ: бываютъ ли случаи, чтобы истецъ не рѣшился взять такихъ денегъ?—крестьяне отвѣчали, что такихъ случаевъ никогда не бываетъ,—всегда подходитъ и, перекрестившись, беретъ.

Повидимому, въ прежнее время на всѣхъ сородникахъ лежала круговая отвѣтственность по долговымъ обязательствамъ каждаго члена рода; какъ нравственный принципъ, сознаніе такой отвѣтственности не исчезло среди олекминскихъ крестьянъ даже въ девяностыхъ годахъ и не разъ оно проступало въ ихъ словахъ при бесѣдахъ, но реальную силу этотъ принципъ очевидно давно утратилъ. Примѣромъ этого отмиранія устарѣлаго обычая можетъ служить хотя бы такой отвѣтъ бывшаго выборнаго Иванова на мой вопросъ: чѣмъ обезпечивается полученіе имъ съ крестьянъ тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которыя, по его словамъ, были имъ внесены изъ его личныхъ средствъ въ уплату податей за несостоятельныхъ общественниковъ? Отвѣтъ былъ мною записанъ дословно: «да ужъ какая порука!.. Конечно, по настоящему,—долженъ былъ бы родъ заплатить... да какъ съ нихъ получишь!?»

Въ деревнѣ Амгинской крестьяне для разрѣшенія своихъ споровъ нерѣдко обращаются не къ членамъ Мірской Избы и не къ сходу, а къ третейскому суду, въ составъ котораго стороны вводятъ человѣка по два, непремѣнно изъ числа стариковъ. Точно также и сами члены Мірской Избы въ случаяхъ болѣе трудныхъ и запутанныхъ, для большей авторитетности рѣшенія, часто приглашаютъ участвовать въ разбирательствѣ дѣла нѣсколькихъ уважаемыхъ стариковъ. Вообще, авторитетъ старосты, и особенно—авторитетъ родителей, въ глазахъ міра стоитъ высоко и охраняется ревниво. Въ деревняхъ Амгинской и Олекминской, если

взрослый сынъ тяжко оскорбитъ отца или мать, то обиженный жалуется сходу и проситъ у него разрѣшенія публично наказать оскорбителя. При согласіи схода, десятникъ посылается за розгами, которыя и вручаются старику; выполнить наказаніе онъ долженъ собственноручно. Если обижена мать, то ликторомъ является ея родной братъ или другой ближайшій родственникъ. Постороннимъ обычай ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ ихъ замѣщать, т. к., по понятіямъ крестьянъ, это было бы слишкомъ унизительно для наказуемаго.

Однако, при всемъ своемъ уваженіи къ родительскимъ правамъ, въ случаяхъ изгнанія сына безъ всякаго выдѣла, міръ принимаетъ во вниманіе нравственныя качества обдѣленнаго и иногда беретъ его подъ свою защиту. Въ деревнѣ Амгинской мною записанъ, напримѣръ, такой случай: женатый сынъ ушелъ изъ родительскаго дома безъ согласія отца, взявъ съ собою своихъ собственныхъ коровъ (купленнныхъ имъ на заработанныя на сторонѣ деньги), и приданое жены; отецъ не далъ ему ничего, хотя сынъ ранѣе поддерживалъ все хозяйство; сходъ принялъ сторону сына и настоялъ, чтобы старикъ далъ ему одну лошадь.

По отношенію къ землѣ міръ признаетъ за отцомъ право безконтрольнаго распоряженія тѣми пашнями, которыя имъ самимъ были расчищены или куплены, но въ пашняхъ, доставшихся отцу по наслѣдству, по мѣстнымъ обычаямъ, отдѣляемый въ правѣ требовать долю и себѣ.

При наслѣдованіи послѣ умершаго отца раздѣлъ имущества совершается обыкновенно безъ осложненій, т. к. сыновья или уже выдѣлены, или получаютъ равныя доли, дочери—одну пятую или одну седьмую часть, смотря по соглашенію; вдова до женитьбы старшаго сына остается при сыновьяхъ, а послѣ этого можетъ, если пожелаетъ, и выдѣлиться, взявъ съ собою свое приданое и ничтожную часть изъ имущества мужа; послѣднее лишь по особому соглашенію. Пріемыши получаютъ свою долю въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ родными сыновьями покойнаго, но незаконнорожденные, если только они жили и работали при отцѣ, наслѣдуютъ наравнѣ съ другими, тогда какъ за побочными дѣтьми, жившими на сторонѣ, никакихъ правъ на имущество отца не признается.

Брачные обычаи олекминскихъ крестьянъ отличаются отъ обычаевъ крестьянъ Якутскаго округа. Уплата калыма здѣсь считается обязательной, но составъ его иной, чѣмъ въ Амгинской

слободѣ Якутскаго округа. Олекминцы вносятъ калымъ чистыми деньгами или сейчасъ же послѣ сговора, или въ два-три раза. Высота калыма у бѣдняковъ незначительна,—всего рублей 30, но чаще за выводъ дѣвушки уплачивается болѣе крупная сумма—рублей 50—150. О приданомъ невѣсты предварительнаго соглашенія у сватовъ никогда не бываетъ; исключеніе составляютъ только семьи богачей, у которыхъ приданое выдается деньгами; обыкновенно же молодая приноситъ платье и домашнюю утварь, да иногда приведетъ съ собою еще нѣсколько штукъ скота. У якутовъ изъ за недоплаты калыма происходитъ множество ссоръ и тяжебъ, но крестьяне говорятъ, что у нихъ, т. е. въ русскихъ деревняхъ, по этому поводу никакихъ недоразумѣній никогда не возникаетъ, т. к. и не бываетъ нарушенія свадебнаго договора: «кто же своей дочери врагъ?... я свата обману, а мою дочь въ мужниномъ роду клевать будутъ!?... у насъ этого нѣтъ».

За разнаго рода проступки крестьяне подвергаются аресту при Мірской Избѣ на срокъ отъ одного до семи дней, при отягчающихъ условіяхъ на хлѣбъ и на воду. Просмотрѣвъ книгу штрафовъ за 12 лѣтъ 83—94, я не встрѣтилъ ни одного случая денежныхъ взысканій, но нашелъ девять постановленій о заключеніи подъ арестъ: въ двухъ случаяхъ—за упорное неповиновеніе требованію выборнаго открыть проѣздъ по дорогѣ, неправильно загороженной виновными; въ одномъ случаѣ—за буйство въ Мірской Избѣ—3 дня; за нанесеніе побоевъ крестьянину Г.—3 дня; за нарушеніе обязательства служить тому же Г. ямщикомъ—3 дня; за истязаніе жены и «дерзкія возраженія противъ увѣщаній священника»—3 дня; 7 дней за кражу телки у вдовы и т. п. Денежный штрафъ налагается лишь въ томъ случаѣ, когда вызываемый на судъ не явится безъ уважительной причины на разбирательство; тогда за вторичный вызовъ въ пользу десятника взыскивается отъ 30 к. до 1 рубля, смотря по отдаленности усадьбы отвѣтчика.

Изъ разсмотрѣнныхъ мною дѣлъ, направлявшихся въ Мірскую Избу исправникомъ по жалобамъ потерпѣвшихъ непосредственно въ Окружную Полицію, мѣстный колоритъ имѣли лишь два дѣла, содержаніе которыхъ вкратцѣ таково:

1) Черендейскій крестьянинъ Иванъ Г. жалуется на свое общество: племянникъ жалобщика ушелъ изъ деревни и увелъ съ собою дочь крестьянина Федора Е., чтобы въ ближайшей церкви самовольно съ нею обвѣнчаться; онъ, Г., и дядя бѣглянки Алексѣй Е.

осѣдлали коней, чтобы скакать въ погоню, но пришли другіе крестьяне, въ томъ числѣ и отецъ бѣжавшей, и воспрепятствовали имъ ѣхать, избили, и въ заключеніе привязали къ столбу. Общество объяснило, что Иванъ Г. всегда былъ страшнымъ сутягой и надоѣлъ обществу своими дрязгами. Мірская Изба отказываетъ жалобщику.

2) Причисленный къ Солянской станціи крестьянинъ изъ поселенцевъ Егоръ Н. заявляетъ, что онъ около тридцати лѣтъ сожительствовалъ со вдовою Матреною С. и за это время расчистилъ изъ подъ лѣса нѣсколько десятинъ пашни и луга, увеличилъ количество скота, и справлялъ всѣ полевыя работы; теперь, по наущенію своей сестры, Матрена С. пожелала раздѣлиться и сельскій сходъ, состоящій почти сплошь изъ родственниковъ Матрены, удѣляетъ ему, Н., только третью частью имущества и половину хлѣба, тогда какъ онъ за свои труды въ правѣ требовать больше. Мірская Изба опредѣляетъ: отдѣлить Егору Н. изъ пашни мѣсто на 6½ пудовъ, а Матренѣ С. на $3^1/_2$ пуда, и изъ луговой расчистки: Н.—$1^3/_4$ десятины и С.—$^3/_4$ десятины.

Въ общемъ о жизни олекминскихъ крестьянъ можно сказать, что, несмотря на свою примитивность, она далека отъ господства въ ней прочной традиціи и сложившагося обычая. Въ сферѣ общественныхъ отношеній здѣсь все то, что могло бы стать традиціоннымъ по своей давности, слишкомъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни, а то, что могло бы имъ отвѣчать, не успѣло упрочиться, а частью—не успѣло даже и возникнуть.

Добавленіе къ главѣ IV-ой. Организуя въ 1895 году обслѣдованіе крестьянскаго быта, В. Н. Скрипицинъ предполагалъ воспользоваться полученными свѣдѣніями для обосновки проекта о преобразованіи общественнаго управленія крестьянъ Якутской области на началахъ Положенія 1861 года, но въ 1896 году въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ назрѣла мысль о коренной реформѣ всего общественнаго и хозяйственнаго быта русскихъ крестьянъ въ совершенно иномъ направленіи. Въ ожиданіи того или иного рѣшенія общаго вопроса, мѣстная администрація, въ видѣ временной мѣры, произвела въ 1898 году (уже послѣ моего выѣзда изъ области), преобразованіе волостного управленія, а въ своемъ отношеніи къ крестьянскимъ учрежденіямъ начала руко-

водствоваться непримѣнявшимся ранѣе въ Якутской области закономъ 1822 года, составляющимъ приложеніе къ ст. 70 Сибирскаго Учрежденія. Этотъ временный порядокъ просуществовалъ вплоть до 1910 года, когда М. Вн. Дѣлъ была утверждена «Инструкція для сельскихъ управленій Якутской области», срокомъ введенія которой въ жизнь былъ назначенъ 1911 годъ.

Въ нѣкоторыхъ сторонахъ сельскаго быта, упоминаемыхъ въ настоящей главѣ, за истекшіе со времени обслѣдованія годы произошли довольно существенныя измѣненія. Въ ряду такихъ измѣненій, прежде всего, слѣдуетъ указать организацію въ Якутской области совершенно отсутствовавшей ранѣе сельской медицины. Въ силу закона 29 мая 1897 года о преобразованіи сельско-медицинской части въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ, въ области должны были возникнуть 10 участковыхъ лечебницъ и пріемныхъ покоевъ; одна изъ нихъ должна была находиться въ Амгинской слободѣ. Постройка лечебницъ подвигалась медленно, но участковыми врачами былъ открытъ на мѣстахъ амбулаторный пріемъ больныхъ. Кромѣ того по округамъ было учреждено 10 самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ, подвѣдомственныхъ участковымъ врачамъ. Расходы по содержанію этихъ пунктовъ частью пополняются взносами сельскихъ обществъ. По даннымъ 1902 года, число обращавшихся за помощью, ежегодно составлявшее раньше по всей области 8—15 т. человѣкъ, послѣ введенія сельской медицины повысилось до 45.837 чел., но въ «Обзорахъ» позднѣйшаго времени мы видимъ цифры болѣе низкія: въ 1907 году—38.171 чел. и въ 1908 году—36.647 чел. Въ виду недостатка кандидатовъ для замѣщенія фельдшерскихъ вакансій, въ сентябрѣ 1906 года въ г. Якутскѣ учреждена фельдшерская школа, въ которой въ первый годъ было 22 учащихся. Въ 1907 году въ улусныхъ и сельскихъ мѣстностяхъ Якутской области состояло на службѣ 18 фельдшеровъ и 5 акушерокъ.

Съ 2-го іюля 1897 года въ Якутской области введенъ Мировой Судъ и образовано 7 мировыхъ участковъ, причемъ, однако, дѣятельность мировыхъ судей распространяется лишь на русское населеніе.

Глава V.

Осѣдлые инородцы.

1) Разселеніе якутовъ по Олекминскому округу. 2) Численность якутскаго населенія Олекминскаго округа. 3) Особенности якутскаго общественнаго строя; перечисленіе олекминцевъ изъ кочевыхъ инородцевъ въ осѣдлые. 4) Порядки, установившіеся въ Олекминской инородческой волости.

1) Исконными обитателями Олекминскаго края были тунгусы, не имѣвшіе постоянныхъ стойбищъ, но бродившіе въ одиночку или крошечными группами по неизмѣримымъ пространствамъ дикой горной страны, прорѣзанной сѣтью великихъ рѣкъ: Леной въ ея верхнемъ и среднемъ теченіи, Вилюемъ, Алданомъ, Олекмой и Витимомъ съ ихъ безчисленными притоками. Якуты появились близь устья рѣки Олекмы очень поздно—приблизительно въ первой четверти XVII-го вѣка, и вначалѣ составляли очень малочисленную колонію выходцевъ съ сѣвера, изъ предѣловъ теперешняго Якутскаго округа, гдѣ въ моментъ появленія русскихъ обитало все ихъ племя. Олекминскій острогъ былъ основанъ енисейскими казаками въ 1635 году и мѣстные инородцы позволили себя объясачить безъ всякой борьбы, но на сѣверѣ, въ окрестностяхъ Якутскаго острога, объясаченное десятью годами раньше якутское населеніе впервые возстало уже въ 1634 году [1]) и затѣмъ въ продолженіе всего XVII-го вѣка, наряду съ бунтами и всякаго рода волненіями, передъ натискомъ русскихъ происходило разбѣганье якутовъ цѣлыми массами во всѣ стороны, даже на дальній сѣверъ [2]). Весьма вѣроятно, что удаленіе на югъ произошло впервые тогда же и по тѣмъ же причинамъ, но сами олекминскіе якуты, хотя и относятъ время исхода своихъ предковъ съ прежней родины къ эпохѣ Тыгына, но объясняютъ бѣгство на югъ не страхомъ передъ русскими, которые тогда еще не успѣли нагрянуть, а стремленіемъ оградить свою независимость отъ самого Тыгына.

---

[1]) Щегловъ. *Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири.*

[2]) Сѣрошевскій. *Якуты.* Глава I и II, стр. 183—236.

Такое объясненіе не лишено правдоподобія, т. к. всѣ преданія свидѣтельствуютъ о томъ, что ко времени русскаго нашествія якутскія племена уже находились на пути къ объединенію подъ гегемоніей хангаласцевъ. По сказанію, записанному Худяковымъ въ Верхоянскѣ, при озерѣ Сайсары, близь теперешняго города Якутска, хангаласскій тойонъ Тыгынъ «жилъ-поживалъ, величаясь вольнымъ якутскимъ царемъ» [1]). Однако, изъ другихъ сказаній видно, что власть Тыгына признавалась еще не всѣми якутскими племенами и родовыми князьками. Привыкнувъ къ полной независимости, отдѣльные роды не легко примирялись съ преобладаніемъ хангаласцевъ. Борогонскій улусъ, повидимому, до конца не безъ успѣха отстаивалъ свою самостоятельность и тамошній тойонъ Лёгой въ былинахъ является соперникомъ Тыгына. Другіе улусы, менѣе могущественные, хотя и подчинялись, но лишь поневолѣ, въ виду невозможности открытой борьбы.

Въ Олекминскомъ округѣ, въ первый разъ со словъ инородца Кятчинскаго наслега Н. Васильева, при помощи Г. Л. Кондакова, мною было записано слѣдующее преданіе, которое впослѣдствіи приходилось слышать и отъ другихъ олекминцевъ съ варіантами лишь въ мелкихъ подробностяхъ.

Самовластіе Тыгына вызвало особенно сильное недовольство среди якутовъ Мегинскаго улуса, откуда и вышла первая толпа переселенцевъ въ Олекминскій край. Вожакомъ этой толпы явился одинъ шаманъ по имени Чалый (по другому варіанту: трое братьевъ, все трое шаманы). Сговорившись со своими единомышленниками, Чалый ранней весной отправился въ путь, на поиски новыхъ мѣстъ. Толпа должна была выступить позже, уже осенью, находя слѣдъ шамана по условленнымъ примѣтамъ. О благополучномъ исходѣ поисковъ всѣ могли догадаться по особымъ знаменіямъ: трава кругомъ пожелтѣла, а шаманова тропа оставалась зеленой, деревья и птицы также разными способами указывали путь, и по этимъ указаніямъ переселенцы съ женами, дѣтьми и скотомъ по возможности спѣшно двигались на югъ. Спѣшить заставляло ихъ опасеніе погони, т. к. Тыгынъ, считая себя «вольнымъ якутскимъ царемъ», на ихъ удаленіе не могъ смотрѣть иначе какъ на побѣгъ. Лишь по переходѣ черезъ рѣку Синюю (234 версты отъ Якутска), бѣглецы почувствовали себя повольнѣй и отсюда рѣшили итти менѣе торопливо. У нихъ явилась надежда,

[1]) Худяковъ. Сказки якутовъ Верхоянскаго округа.

что они смогутъ отбиться отъ дружины, которую Тыгынъ пошлетъ за ними въ слѣдъ, и въ знакъ своей рѣшимости выдержать бой, на южномъ берегу рѣки Синей удалявшіеся поставили чурбанъ, грубо обтесанный на подобіе человѣка; нѣсколько воиновъ выстрѣлили въ этотъ чурбанъ изъ луковъ такъ, что стрѣлы, вонзившись въ дерево, унизали его какъ бы лучами. Когда черезъ нѣсколько времени дружинники Тыгына, доскакавъ до Синей, увидѣли этотъ знакъ, то поняли, что бѣглецы не вернутся безъ жаркаго боя, и оробѣли идти дальше. Погоня прекратилась и мегинцы спокойно продолжали путь дальше, пока не осѣли окончательно неподалеку отъ теперешней Дурдусовской станціи, въ мѣстности, которая теперь называется Крестяхъ, и представляетъ собою невысокую релку, расположенную довольно близко отъ берега Лены.

Съ теченіемъ времени въ новый край стали переселяться выходцы изъ другихъ сѣверныхъ улусовъ, преимущественно изъ Борогонскаго, и часть якутовъ подвинулась дальше на югъ, облюбовавъ себѣ для постояннаго жительства островъ Кыллахъ (2-й Меитскій наслегъ). Другіе подвигались по рѣчкамъ, впадающимъ въ Лену съ сѣверо-запада, и постепенно заселили южную часть теперешняго Вилюйскаго округа. Сунтарскій улусъ благодаря этому вплоть до 1804 года причислялся къ Олекминскому округу.

Въ настоящее время большинство олекминскихъ якутовъ разсѣяно по долинѣ р. Лены, но нѣкоторые отдѣльные роды и семьи, удалившись на 200 и на 300 верстъ въ сторону, заняли побережья сѣверныхъ и южныхъ притоковъ рѣки. Съ развитіемъ въ краѣ земледѣлія образъ жизни здѣшнихъ якутовъ во многомъ измѣнился и перемѣна отразилась, между прочимъ, на характерѣ разселенія: главная масса инородцевъ и понынѣ живетъ въ юртахъ и избушкахъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ безъ всякаго порядка въ ½ верстѣ, въ 2-хъ верстахъ одна отъ другой, но значительная часть строится теперь деревеньками въ 5, въ 10 и даже въ 30 дворовъ. Такъ какъ обмежеванныхъ дачъ, находящихся во владѣніи инородцевъ, до сихъ поръ еще очень мало, то большая часть культурной площади, разрабатываемой олекминскими якутами, состоитъ изъ черезполосныхъ клочковъ, принадлежащихъ родовичамъ разныхъ наслеговъ, и указать сколько-нибудь опредѣленно границы отдѣльныхъ наслеговъ (сельскихъ обществъ) почти невозможно. По словеснымъ сообщеніямъ мѣстныхъ старожиловъ мнѣ удалось лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить тѣ районы,

въ которыхъ сгруппировано большинство инородцевъ того или другого общества. На очень далекое разстояніе отъ долины Лены якутскія жилища удалены лишь по тремъ линіямъ разселенія: по Вилюйскому тракту, по рѣкѣ Чарѣ, и по рѣкѣ Бирюкъ съ ея притокомъ Мяллячанемъ, а главная масса населенія скучена по слѣдующимъ поселкамъ и урочищамъ [1]):

Владѣнія якутовъ *1-го Нерюхтейскаго общества* тянутся по лѣвому берегу Лены верстъ на 13 узкой полосой въ 1½—2 версты ширины. Большая часть жилищъ отстоитъ на 50 саженъ, на 1 версту отъ ближайшей усадьбы, а отъ родового управленія, т. е. отъ дома, въ которомъ происходятъ общественныя собранія), верстъ на 7. Въ сторонѣ отъ этого центральнаго района у нерюхтейцевъ есть еще нѣсколько поселеній: по рѣкѣ Патомѣ, въ 230 верстахъ, живетъ 10 семействъ; на Мугдурдѣ, по Вилюйскому тракту, въ 170 верстахъ, семей 20; близь Черендейской станціи въ мѣстности Сирь-Юхтямить, живутъ деревенькой домовъ въ 10.

Раньше часть нерюхтейцевъ такъ-же, какъ и многіе якуты изъ другихъ наслеговъ, успѣла продвинуться на югъ и разселиться въ 350 верстахъ отъ Олекминска на рѣкѣ Анатарѣ, въ 390 верстахъ—на островѣ Атамаѣ, на рѣкѣ Нюѣ, въ 430 верстахъ, и вверхъ по теченію той-же рѣки еще за 200 верстъ; такимъ образомъ самыя южныя поселенія якутовъ отстояли на 620 верстъ отъ Олекминска и такая дальность настолько затрудняла сношенія, что еще въ 1823 году нюйцы просили администрацію о выдѣленіи ихъ въ особый наслегъ, и вскорѣ послѣ работъ Второй Ясачной Комиссіи (1828—1835 г. г.), они дѣйствительно были отчислены отъ Олекминскаго улуса и подчинены Киренскому Полицейскому Управленію.

---

[1]) Въ Олекминскомъ Окружномъ Полицейскомъ Управленіи въ девяностыхъ годахъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній о разселеніи якутовъ по округу и даже въ «Памятныхъ книжкахъ» Якутскаго Статистическаго Комитета» «населенными пунктами» назывались цѣлые наслеги. При своемъ посѣщеніи округа мы съ Г. Л. Кондаковымъ, частью по сообщеніямъ якутовъ-старожиловъ и частью по свѣдѣніямъ приходскихъ священниковъ, составили списокъ населенныхъ мѣстъ и нанесли всѣ деревеньки и урочища съ тремя и болѣе жилищами на особую карту, которая и была нами представлена при отчетѣ губернатору В. Н. Скрипицину. Само собой разумѣется, такая карта не можетъ претендовать на точность, но по своей полнотѣ она, вѣроятно, была для своего времени довольно удовлетворительной. Въ текстѣ настоящаго очерка упоминаются лишь нѣкоторые изъ числа всѣхъ существующихъ поселковъ.

Жилища якутовъ *2-го Нерюхтейскаго общества* расположены по лѣвому берегу Лены и тянутся верстъ на 9 въ длину и версты на 4 въ ширину. Въ 2-хъ верстахъ отъ родового управленія, въ горной мѣстности, на урочищѣ Бесь-Уса, находится довольно скученный поселокъ дворовъ въ 40; по Вилюйскому тракту разселилось у разныхъ рѣчекъ семей 30; вообще-же разстояніе жилищъ отъ родового управленія не превышаетъ 6 верстъ.

Владѣнія *1-го Меитскаго общества* (по словамъ якутовъ, древнѣйшаго и когда-то единственнаго олекминскаго наслега), настолько черезполосны съ владѣніями кятчинцевъ и другихъ якутовъ, что мои свѣдѣнія о территоріи, принадлежащей меитцамъ, ограничиваются очень немногимъ: главная масса меитцевъ заселяетъ все ту-же центральную часть округа, въ двѣнадцати мѣстахъ группируясь въ небольшіе поселки дворовъ въ 6—12. Самый большой изъ этихъ поселковъ—Бранскій—заключаетъ до 15-ти дворовъ, не образующихъ, впрочемъ, сплошной деревни. По рѣкѣ Чарѣ, въ 80-ти верстахъ отъ родового управленія, на урочищѣ Кюнда, проживаетъ 6 меитскихъ семействъ и на тридцать верстъ далѣе, при урочищѣ Бесь-Кюелля, 10 семействъ.

Центромъ разселенія якутовъ *2-го Меитскаго общества* является островъ Кыллахъ, гдѣ насчитывается до 170 дворовъ, расположенныхъ то въ одиночку, то группами усадебъ въ 5—6. Эти группы слывутъ у инородцевъ деревнями и имѣютъ свои названія: Тисъ, Хорло, 1-й Нахръ, 2-й Нахръ, Танхала, Эртю, Собулгалахъ, Ангалса, Кырынасъ и Намъ. Кромѣ того, этому-же обществу принадлежитъ островъ Кёрёбилля и нѣкоторыя мѣстности по рѣкѣ Чарѣ и по Давнаргѣ; по Чарѣ поселенія меитцевъ начинаются верстъ за 20 отъ устья и тянутся вверхъ на 350 верстъ. Всего причарскихъ меитцевъ, по слухамъ, насчитывается до 300 душъ мужского пола.

Мальжегарскій наслегъ раскинулся по обоимъ берегамъ Лены верстъ на сто, полосою верстъ въ 20—25 ширины. Усадьбы и группы усадебъ отстоятъ одна отъ другой версты на 2—3, а мѣстами верстъ на 15.

Кятчинскія земли черезполосно съ землями I-го Меитскаго наслега тянутся въ длину верстъ на 15 при ширинѣ версты въ 3. Дальнія поселенія: по Вилюйскому тракту, при урочищѣ Копасъ, въ 80 верстахъ отъ родового управленія, дворовъ 5; еще за 80 верстъ—урочище Кётетъ, гдѣ расположено 15 дворовъ, отстоящихъ на 1—5 верстъ; на 15 верстъ далѣе, въ мѣстности Сыръ-

Юряхъ находится 7 дворовъ, и, наконецъ, еще за 15 верстъ, мѣстность Тысагысъ—2 двора. Поселковъ, состоящихъ изъ 6—10 дворовъ кятчинцы насчитываютъ въ своемъ обществѣ 10, и самымъ большимъ изъ нихъ называютъ поселокъ Юрюэ, въ которомъ считается 13 дворовъ.

II) Оффиціальныя свѣдѣнія о численности инородческаго населенія въ девяностыхъ годахъ заимствовались окружной полиціей изъ волостныхъ данныхъ, а въ волости вѣдомости о численности жителей составлялись путемъ вычитанія изъ цифры населенія предыдущаго года числа умершихъ за годъ и прибавленія числа родившихся. Обѣ послѣднія цифры заимствовались отъ духовенства, и такимъ образомъ достовѣрность свѣдѣній находилась въ полной зависимости отъ достоинства церковныхъ данныхъ и отъ точности той первоначальной цифры, которая служила основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ вычисленій. Послѣдствіемъ подобныхъ пріемовъ учета явилась такая несообразность: по волостной вѣдомости за 1893 г. якутское населеніе Олекминскаго округа состояло изъ 5.444 м. и 4.940 ж„ а по переписи, производившейся въ томъ же году самими инородцами, у нихъ оказывалось только 3.952 м. и 3.636 ж. Разница этихъ цифръ настолько велика, что согласовать ихъ нѣтъ никакой возможности, и надо было либо забраковать и тѣ и другія, либо выбрать что-нибудь одно. Рядъ соображеній заставилъ меня отдать рѣшительное предпочтеніе цифрамъ инородческой переписи. Помимо всего другого, въ ея пользу говорило уже то, что инородцы произвели перепись въ 1893 году по собственному побужденію, въ цѣляхъ болѣе правильной разверстки земли и раскладки платежей. Ассигновавъ на это извѣстную сумму, они пригласили счетчиками мѣстныхъ грамотныхъ людей, которые работали во всѣхъ инородческихъ обществахъ округа совмѣстно съ тамошними старожилами якутами. Составленные такимъ образомъ списки провѣрялись затѣмъ на якутскихъ общественныхъ собраніяхъ и служили впослѣдствіи главнымъ основаніемъ при всѣхъ общественныхъ раскладкахъ и дѣлежахъ. Имѣя въ виду такой способъ составленія списковъ, и то, что перепись производилась отнюдь не съ цѣлью представленія по начальству, а исключительно для собственныхъ надобностей, я отнесся къ ея цифрамъ съ гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ какимъ-бы то ни было даннымъ оффиціальнаго происхожденія. Мы съ Г. Л. Кондаковымъ узнали о существованіи этого интереснаго матеріала при объѣздѣ инородческихъ обществъ, изъ бесѣдъ съ домохозяе-

вами-якутами, которые и разрѣшили намъ воспользоваться ихъ переписью для нашихъ цѣлей. Большая достовѣрность ея цифръ подтвердилась впослѣдствіи при всеобщей народной переписи: по «Обзору» Якутскаго Статистическаго Комитета за 1898 г. якутское населеніе Олекминскаго округа указано уже въ числахъ 4.487 м. и 4.627 ж., что гораздо болѣе согласуется съ данными инородческой переписи 1893 года, чѣмъ съ цифрами прежней оффиціальной статистики. Въ виду этого, я готовъ допустить большую долю истины въ словахъ проживавшаго въ девяностыхъ годахъ въ г. Олекминскѣ доктора П. Э. Абрамовича, который при бесѣдахъ со мной придавалъ большое значеніе тому обстоятельству, что въ моменты разгара нерѣдкихъ въ этомъ краѣ эпидемій, особенно оспенной, духовенство совсѣмъ не узнаетъ о многихъ смертныхъ случаяхъ, которые остаются незарегистрированными, почему и всѣ волостныя вычисленія давали, по его мнѣнію, самыя преувеличенныя цифры наличнаго населенія.

Извлекая изъ архива Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія данныя прежнихъ ревизій о численности мужскаго населенія и сопоставляя ихъ съ цифрами мужскаго населенія олекминскихъ наслеговъ за 1893 годъ, когда произошло перечисленіе въ «осѣдлые», можно составить такую таблицу прироста мужскаго населенія по наслегамъ:

	1796 г.	1829 г.	1858 г.	1893 г.
1-й Нерюхтейскій	572	1.004	643 [1])	620
2-й »	393	516	619	460
1-й Меитскій	656	935	711 [2])	607
2-й »	516	881	1.022	944
Мальжегарскій	495	861	1.065	972
Кятчинскій [3])	—	—	381	349
Всего по округу. .	2.632	4.197	4.441	3.952

Если принять населеніе 1796 г. за 100, то населеніе послѣдующихъ ревизій дастъ такія цифры: 159,1; 169,1 и въ 1893 г. 149,8.

[1]) Упадокъ численности объясняется выдѣленіемъ нюйцевъ.

[2]) Упадокъ численности объясняется выдѣленіемъ кятчинцевъ.

[3]) Кятчинскій наслегъ выдѣленъ изъ 1-го Меитскаго въ 1836 году.

Быстрое возрастаніе якутскаго населенія въ концѣ XVIII вѣка несомнѣнно объясняется продолжавшимся въ ту пору приселеніемъ въ олекминскіе наслеги выходцевъ изъ улусовъ Якутскаго округа. Несмотря на частичныя отчисленія, приростъ продолжался до 1858 года, но послѣ того по 93 годъ мужское населеніе, какъ оказывается, убыло на 489 человѣкъ или на 11,0% прежняго числа. Чѣмъ объясняется такое явленіе, безъ особаго изслѣдованія сказать нельзя. Мы съ Г. Л. Кондаковымъ были ограничены въ своихъ работахъ характеромъ поставленной передъ нами задачи и опредѣленнымъ срокомъ для представленія отчета, и потому при встрѣчѣ съ подобными явленіями могли только отмѣтить ихъ, но не изслѣдовать всесторонне. Между тѣмъ, убыль якутскаго населенія Олекминскаго округа послѣ X ревизіи бросалась бы въ глаза еще рѣзче, если бы она не затемнялась крупнымъ числомъ пріемышей въ мѣстныхъ инородческихъ семьяхъ. Большая часть этихъ пріемышей состоитъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ, родившихся въ Вилюйскомъ округѣ и уступленныхъ своими родителями по ихъ крайней бѣдности. По усыновленіи въ олекминскихъ семьяхъ, такія дѣти входятъ въ счетъ олекминскаго населенія, а какъ велико ихъ число можно судить по такому факту: просматривая бланки инородческой переписи 93 года, мы нашли лишь въ трехъ наслегахъ: 1 и 2 Меитскомъ и Кятчинскомъ, изъ общаго числа 858 семей, 193 семьи, включавшихъ въ своемъ составѣ 252 души (82 мальчика и 170 дѣвочекъ) воспитанниковъ и воспитанницъ. Значитъ изъ такихъ лицъ состояло не менѣе 15% всего якутскаго населенія Олекминскаго округа, и его дѣйствительная убыль, если только она не вызывалась эмиграціей, могла внушить серьезное опасеніе за будущность мѣстныхъ инородцевъ. Однако, послѣ отчисленія нюйцевъ, новыхъ отчисленій или выселеній якутовъ изъ области уже не было. Точно также не было эмиграціи въ Якутскій округъ. Единственной мѣстностью, куда могла бы передвинуться часть олекминцевъ, является Вилюйскій округъ. Сравнивая по «Обзорамъ» за 1894 и за 1898 годъ численность вилюйскихъ якутовъ до и послѣ всеобщей переписи, производившейся въ Якутской области въ 1897 году, мы увидимъ, что и тутъ обнаружилась преувеличенность прежнихъ исчисленій: за 1894 г. указано мужчинъ 36.719 и женщинъ 35.039, а за 98 г.—мужчинъ 32.127 и женщинъ—33.253. То же явленіе можно прослѣдить и по всѣмъ другимъ округамъ: въ Якутскомъ округѣ число якутовъ обоего пола по вѣдомости 98 года на 11.198 душъ меньше, чѣмъ указы-

валось въ 94 году, въ Верхоянскомъ округѣ на 1.832 души меньше, и въ Колымскомъ округѣ на 179 душъ меньше.

Это всеобщее и внезапное уменьшеніе объясняется, конечно, только внесеніемъ общей поправки въ цифры, получавшіяся ранѣе путемъ канцелярскихъ выкладокъ. Для того, чтобы судить о дѣйствительномъ приростѣ или убыли якутскаго населенія, надо сравнить цифры 1898 года непосредственно съ цифрами X ревизіи. Сопоставляя данныя за 1858 и за 1898 г.г., я получаю такой выводъ [1]):

	Населеніе 1858 г.		Населеніе 1898 г.		Приростъ въ %%.		Общій приростъ въ %%.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	
Якутскій округъ. .	62.776	61.824	64.116	66.525	+ 2,13	+ 7,60	+ 4,85
Олекминскій окр. .	4.441	4.154	4.486	4.627	+ 1,01	+ 11,38	+ 6,03
Вилюйскій » .	26.408	24.152	32.127	33.253	+ 21,66	+ 37,27	+ 29,27
Верхоянскій » .	5.230	4.892	4.569	4.839	− 12,64	− 1,08	− 7,05
Колымскій » .	1.532	1.615	1.612	1.767	+ 5,22	+ 9,41	+ 7,37
Все якутское населеніе . . .	100.387	96.637	106.910	111.011	+ 6,05	+ 14,87	+ 10,60

За сорокалѣтній періодъ второй половины XIX вѣка общій приростъ якутскаго населенія по всей области оказывается крайне слабымъ, и притомъ падающимъ главнымъ образомъ на женскую половину. Все мужское населеніе увеличилось за весь періодъ лишь на 6,5%. По Верхоянскому округу оно обнаружило убыль, по тремъ округамъ оказалось почти не измѣнившимся, и только по Вилюйскому округу наблюдается приростъ приблизительно въ +0,50% въ годъ.

Вторая половина XIX вѣка,—какъ это выяснится для насъ далѣе (главы IX, X, XI),—составляла для олекминскихъ якутовъ эпоху остраго экономическаго кризиса. По недостатку въ свободныхъ сѣнокосахъ, главная масса олекминцевъ приступила въ эту

[1]) Численность якутскаго населенія разныхъ округовъ въ 1858 году заимствуется мною изъ «Пам. Книжки» за 1870 годъ, гдѣ приведены по наслегамъ и родамъ цифры X ревизіи.

пору къ распашкамъ и посѣвамъ, а часть продвинулась къ границамъ Вилюйскаго округа. Возможно, что нѣкоторая другая часть перешагнула эти границы и разселилась среди вилюйскихъ якутовъ, причислившись къ тамошнимъ наслегамъ. Такое объясненіе полной пріостановки въ приростѣ олекминскихъ якутовъ именно въ годы крупной ломки ихъ прежняго быта представляется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ.

III) Основываясь на однѣхъ тѣхъ данныхъ, какія сохранились въ архивѣ Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія, трудно было бы сказать что-нибудь опредѣленное о формахъ управленія и общественномъ бытѣ олекминскихъ якутовъ до изданія инородческаго устава 1822 года. Отъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ въ архивѣ имѣются только рапорты якутскихъ и тунгусскихъ князьцовъ о сборѣ ясака, вѣдомости о числѣ людей погибшихъ отъ оспы, да свѣдѣнія о скотскихъ падежахъ. Князьцовская должность, какъ видно изъ этихъ рапортовъ, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, весьма часто, передавалась по наслѣдству въ одной какой-нибудь семьѣ. То же самое лицо оставалось князьцомъ десятки лѣтъ и, наряду съ нимъ, въ дѣлахъ только изрѣдка упоминаются «почетные родоначальники». Всѣ наслеги составляли въ то время независимыя административныя единицы, не объединенныя въ болѣе крупныя образованія, какимъ впослѣдствіи явился улусъ.

Несмотря на отсутствіе мѣстныхъ данныхъ, о характерѣ внутренней жизни олекминскихъ якутовъ въ давнемъ прошломъ можно, однако, составить себѣ довольно полное представленіе, такъ какъ все говоритъ за то, что общественный укладъ олекминцевъ былъ совершенно таковъ же, какъ и въ наслегахъ Якутскаго округа, гдѣ якутская старина служила предметомъ изслѣдованій Э. К. Пекарскаго, Л. Г. Левенталя, Н. А. Виташевскаго, В. Л. Сѣрошевскаго и цѣлаго ряда другихъ лицъ, участвовавшихъ въ сибиряковской экспедиціи, а частью работавшихъ и независимо отъ нея

Всѣ эти изслѣдованія устанавливаютъ тотъ фактъ, что ко времени прихода русскихъ тойонскія семьи фактически составляли туземное дворянство, причемъ каждая тойонская семья внутри своего рода пользовалась такой широкой властью, что русскіе дали тойонамъ оффиціальное наименованіе «князьцовъ». Во все продолженіе XVII и въ первую половину VXIII в.в. русская власть не ставила передъ собою въ Якутскомъ краѣ никакихъ культур-

Семейство знатнаго инородца.

ныхъ задачъ. Единственная забота воеводъ и прочихъ чиновъ состояла въ сборѣ ясака и въ охраненіи покорности объясаченныхъ племенъ. При такомъ взглядѣ на задачи управленія, всѣ явленія внутренней якутской жизни не представляли для тогдашней администраціи ни малѣйшаго интереса, и требовалось что-нибудь совершенно исключительное, напримѣръ — бунтовщическія дѣянія со стороны князьца, чтобы русская власть смѣстила князьца или какъ либо иначе вмѣшалась въ жизнь якутскаго рода или наслега. Такимъ образомъ, несмотря на гибель многихъ тойонскихъ семей въ эпоху бунтовъ и смутъ, аристократическое начало сохраняло въ якутской общественной жизни полную силу вплоть до 1767 года. Въ эту пору, разрѣшавшіеся прежде путемъ межродовыхъ войнъ, споры изъ-за земель и жалобы на неравномѣрность въ обложеніи ясакомъ побудили правительство къ образованію первой Ясачной комиссіи, оставившей своей дѣятельностью глубокій слѣдъ въ общественной жизни якутовъ на многіе послѣдующіе годы. Подробнѣе мнѣ придется коснуться дѣятельности Ясачной комиссіи при описаніи порядковъ землепользованія у якутовъ и ихъ способа раскладки платежей, а теперь, для характеристики прежняго общественнаго управленія у олекминцевъ я съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ приложимости позаимствую свѣдѣнія объ управленіи якутовъ Якутскаго округа, какимъ оно было въ XVIII вѣкѣ по описанію Э. К. Пекарскаго.

«Ближайшее завѣдываніе инородцами принадлежало нижнему земскому суду... Въ каждомъ улусѣ было нѣсколько наслеговъ, управлявшихся князьцами при помощи старшинъ, начальниковъ родовъ, изъ которыхъ состоялъ наслегъ. При головѣ и князьцахъ были писаря. Нижній земскій судъ отдавалъ свои приказанія головамъ, которые передавали ихъ князьцамъ. Первую административнополицейскую и судебную инстанцію представлялъ собою князецъ со старшинами. Князьцы по прежнему охраняли порядокъ внутри рода и являлись безапелляціонными судьями по менѣе важнымъ дѣламъ; имѣли право входить въ разбирательство семейныхъ несогласій, споровъ о семейномъ раздѣлѣ, жалобъ на отказъ родственниковъ въ помощи. Но права ихъ были существенно ограничены указомъ 1767 года, которымъ воспрещалось князьцамъ судить ихъ собственныя дѣла и приказывалось въ такихъ случаяхъ обращаться къ сосѣднимъ старшинамъ или князьцамъ, или въ Якутскую воеводскую канцелярію, если истецъ и отвѣтчикъ жили недалеко отъ Якутска. За нарушеніе запрещенія полагалось

лишеніе титула князьца и обращеніе въ разрядъ обыкновенныхъ якутовъ. Черезъ два года, указомъ 1769 года, права отвѣтчиковъ передъ своими князьцами расширены въ томъ смыслѣ, что они могли уже сами просить Воеводскую канцелярію о передачѣ ихъ дѣлъ постороннимъ князьцамъ. Въ случаѣ тяжбы между якутами разныхъ наслеговъ, въ рѣшеніи дѣла участвовали князьцы и старшины обоихъ наслеговъ. Иногда для рѣшенія тяжебъ избирались особые посредники изъ почетныхъ родовичей. Князьцы и старшины выбирались исключительно изъ родоначальническихъ поколѣній на неопредѣленное время, причемъ предпочтеніе отдавалось сыну князьца. При малолѣтствѣ кандидата, до совершеннолѣтія его, т. е. до 20-тилѣтняго возраста, наслегъ или родъ управлялся временно избраннымъ родоначальникомъ. Въ случаяхъ пресѣченія родоначальническаго поколѣнія, а также совершенной бѣдности или неспособности кандидата, родоначальники выбирались изъ почетныхъ, заслуживающихъ довѣрія родовичей. Во время болѣзни или отлучекъ князьцовъ и старшинъ ихъ замѣняли довѣренные изъ тѣхъ же почетныхъ родовичей. Вторую инстанцію составлялъ улусный голова, который выбирался на два года князьцами и старшинами всего улуса изъ князьцовъ, старшинъ или почетнѣйшихъ родовичей (улуснаго головы въ Олекминскомъ комиссарствѣ, повидимому, не было. И. М.). Наслежные и улусные писаря нанимались: первые—съ одобренія родовичей наслега; а послѣдніе—князьцовъ всего улуса. Голова, князьцы, старшины—жалованья не получали. Писарями въ первое время были исключительно русскіе—изъ отставныхъ чиновниковъ, казаковъ, мѣщанъ и крестьянъ. Изъ документовъ XVIII столѣтія видно, что въ высшее судебное учрежденіе, называвшееся верхней расправой, изъ среды якутовъ выбирались *кандидаты*, а въ нижній земскій судъ — *сельскіе засѣдатели*, которые исполняли разныя порученія земскаго суда и даже производили слѣдствія [1])».

Проступки уголовнаго характера, кромѣ смертоубійства, если потерпѣвшей стороной являлись тоже якуты, разбирались князьцами вполнѣ самостоятельно, и какъ велика была ихъ судебная власть, можно видѣть изъ того, что уже послѣ изданія инородческаго устава 1822 года областной начальникъ Мягкій потребовалъ разъясненія по такимъ вопросамъ: какъ поступать съ инородцами,

---

[1]) *Э. К. Пекарскій. Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ.* Памятная книжка Якутской области на 1896 годъ. Изд. Якутскаго Статистическаго Комитета.

совершившими кражу не въ стойбищѣ, а въ городѣ,—на основаніи общихъ законовъ, или по уставу объ инородцахъ; всѣ ли кражи, совершаемыя инородцами, хотя бы и на значительныя суммы, считать только исковыми; и «могутъ ли родоначальники своихъ родовичей, когда тѣ попадутся подъ сказанное преступленіе (т. е. учинятъ крупную кражу), отсылать для зарабатыванія покраденнаго въ казенные заводы, гдѣ тѣ должны работать вообще съ ссыльно-каторжными?» Послѣдній вопросъ явно указываетъ на то, что по установившейся къ тому времени практикѣ рѣшенія наслежнаго князьца было достаточно для того, чтобы отправить инородца въ каторгу. Уставъ 1822 года въ этомъ отношеніи измѣнилъ дѣло лишь очень мало. На только что приведенный вопросъ Мягкаго Совѣтъ Иркутскаго Общественнаго Губернскаго Управленія отвѣтилъ, что кражи инородцевъ должны и теперь разсматриваться не иначе, какъ въ исковомъ порядкѣ, и что только крещеные инородцы, если пожелаютъ, то могутъ не подчиняться родовымъ судилищамъ и переносить дѣло въ коронные суды [1]).

Понятно, что князьцы и «родоначальники» не имѣли никакого желанія поступаться своею властью, и въ 1818 году на запросъ иркутскихъ властей: желаютъ ли инородцы оставаться и впредь при своемъ самосудѣ?—по Якутской области всѣ отвѣты получились утвердительные. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1819 году, съ назначеніемъ на генералъ-губернаторскій постъ Сперанскаго, начались подготовительныя работы къ изданію общаго положенія объ инородцахъ и повсюду были образованы комиссіи для выясненія вѣрованій, обычаевъ и обычнаго права каждаго племени [2]). Работы этихъ комиссій послужили матеріаломъ при составленіи устава объ управленіи инородцевъ въ Сибири, утвержденнаго 22 іюля 1822 года. Что собранный комиссіями матеріалъ былъ крайне недостаточенъ, можно судить по тому, что въ только что

---

[1]) *Архивъ Олекм. Окр. Упр.* Списокъ съ постановленія Совѣта Ирк. Общ. Губ. Упр. отъ 5 сентября 1827 г. № 17-й.

[2]) Первыя попытки высшаго правительства къ выясненію особенностей инородческаго быта бюрократическимъ путемъ, черезъ посредство мѣстныхъ административныхъ учрежденій, возникли еще при Имп. Екатеринѣ II, когда Иркут. Намѣстнич. Пр. затребовало отъ исправниковъ свѣдѣній «о началѣ и происхожденіи иновѣрцевъ разныхъ племенъ, а также о достопамятныхъ между ними происшествіяхъ, равномѣрно о законѣ ихъ, о сохранившихся между ними преданіяхъ и т. д.». *Арх. Олекм. Окр. Пол. Упр. Предписаніе Иркут. Намѣстнич. Пр. отъ 23 ноября 1784 г.*

приводившемся постановленіи Совѣта Иркутскаго Губернскаго Управленія, т. е. уже въ 1827 году, высказывалась мысль о необходимости уясненія и кодификаціи инородческаго обычнаго права, а затѣмъ во все продолженіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по временамъ иркутскія власти возобновляли переписку о составленіи такого свода. Въ 1849 году, высшее правительство потребовало отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири заключенія о томъ, насколько примѣнимы составленные къ тому времени частичные своды, а послѣ этого вопросъ замеръ надолго, и самые своды инородческихъ обычаевъ, уже черезъ много лѣтъ, при частныхъ бумагахъ сенатора Грубе, перешли къ профессору Самоквасову, который и опубликовалъ ихъ въ Варшавѣ въ 1876 году. Появленіе сборника проф. Самоквасова послужило новымъ толчкомъ для высшей администраціи, и въ февралѣ 1877 года якутскому губернатору было предложено высказать свое мнѣніе о примѣнимости свода, но по отзывамъ, поступившимъ отъ всѣхъ исправниковъ края, Областной Совѣтъ высказался противъ кодификаціи [1]). За тѣ пятьдесятъ лѣтъ, которыя протекли со времени первоначальнаго составленія въ разныхъ мѣстахъ Сибири этихъ сводовъ до ихъ случайнаго опубликованія въ Варшавѣ, жизнь успѣла настолько измѣниться, что обычаи, включенные въ сборникъ пр. Самоквасова, когда-то, можетъ быть, и имѣвшіе силу, совершенно вывелись. Помимо того—подлинное значеніе этихъ обычаевъ, даже въ эпоху ихъ записи, по крайней мѣрѣ—по отношенію къ якутамъ, весьма сомнительно [2]). Такимъ образомъ инородческое обычное право и вообще — внутренній строй и общественная жизнь инородческаго міра до изслѣдованій послѣдняго тридцатилѣтія оставались почти совершенно неизвѣстными.

Между тѣмъ насилія и вымогательства сибирскихъ администраторовъ, ихъ необузданный произволъ и полная беззащитность населенія бросились въ глаза Сперанскому при самомъ въѣздѣ его въ Сибирь и произвели на него поистинѣ удручающее впечатлѣніе. Первоначальная надежда очистить атмосферу путемъ преданія суду и строгой кары изобличенныхъ скоро его оста-

---

[1]) *Арх. Якут. Обл. Пр. Д. 86 г. № 79.*

[2]) Занимавшіеся изученіемъ якутскаго обычнаго права Л. Г. Левенталь и Н. А. Виташевскій держались того мнѣнія, что якутскіе обычаи, какими они представляются по сборнику пр. Самоквасова, носятъ черезчуръ явные слѣды тойонской редакціи и выражаютъ не столько дѣйствовавшій въ жизни обычай, сколько юридическія чаянія тойонства.

вила, и потому при выработкѣ инородческаго Устава главную заботу законодателя составляло огражденіе инородческаго міра отъ вторженія въ его жизнь недобросовѣстнаго и во всѣхъ отношеніяхъ деморализованнаго тогдашняго чиновничества. Это стремленіе по возможности оградить и обособить инородческій міръ находило сильную поддержку въ идеяхъ Руссо и Рейналя, вліяніе которыхъ на Сперанскаго несомнѣнно, а также и въ общемъ для всей интеллигенціи той эпохи взглядѣ на инородцевъ, какъ на неиспорченныхъ сыновъ Натуры, и на цѣлые племена и роды, какъ на большія семьи, пребывающія въ милой патріархальности и нравственно вполнѣ единодушныя. Въ силу этого въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Уставъ 1822 года предоставлялъ сибирскимъ инородцамъ такую самостоятельность, о которой и мечтать не могли болѣе культурныя народности Европейской Россіи. На дѣлѣ эта самостоятельность нерѣдко весьма грубо нарушалась мѣстными чиновниками, т. к. привычка къ неограниченной власти въѣлась въ нихъ слишкомъ прочно, а способовъ обжалованія незаконныхъ дѣйствій съ ихъ стороны у якутовъ фактически почти не было. Но такія вторженія произвола имѣли болѣе или менѣе случайный характеръ, и по большей части своевременно предупреждались князьцами и тойонами путемъ надлежащихъ подношеній и періодическихъ даней, а въ повседневной жизни тойонство, отгораживая массу своихъ родовичей отъ непосредственнаго соприкосновенія съ русской администраціей, сохраняло за собою въ наслегахъ прежнюю власть, получившую теперь въ самомъ законѣ нѣкоторую гарантію своей неприкосновенности въ качествѣ «мѣстнаго обычая». Это служило для инородческой аристократіи нѣкоторымъ утѣшеніемъ послѣ тѣхъ неудачъ, которыя она потерпѣла въ попыткахъ добиться отъ правительства сословной организаціи и закрѣпленія въ законѣ фактически существовавшихъ преимуществъ своего положенія. Нововведенія, послѣдовавшія съ 1767-го года, не затрагивая этихъ преимуществъ по существу, кое въ чемъ ихъ все-таки ограничили; съ изданіемъ Устава 22-го года послѣдовали и другія ограниченія, чувствительныя если не для матеріальныхъ интересовъ тойонства, то для его самолюбія: наслеги перестали оффиціально именоваться «наслегъ князьца такого-то»; отнынѣ за каждымъ наслегомъ упрочивалось постоянное названіе: Нахрскій, Алтанскій и т. п.; званіе «князецъ» замѣнили менѣе громкимъ—староста; избранные всѣмъ тойонствомъ наслега или улуса старосты и улусные головы должны были по-

лучать утвержденіе въ своихъ должностяхъ отъ областного начальника... Примѣняясь къ обстоятельствамъ, тойонство сдѣлало тогда еще одну попытку создать органъ для послѣдовательнаго отстаиванья своихъ особыхъ интересовъ и въ 1825 году добилось отъ областного начальника Мягкаго изданія «Правилъ для единообразнаго учрежденія порядка по управленію инородцами Якутской области». Въ силу этихъ «правилъ» въ Якутскѣ возникла Степная Дума, сразу-же получившая чисто аристократическій характеръ, и на тринадцать лѣтъ совершенно отгородившая якутское населеніе Якутскаго округа отъ прямыхъ сношеній съ русскими. Съ уничтоженіемъ въ 1838 году Степной Думы по требованію высшаго правительства, тойонству ничего болѣе не оставалось, какъ еще болѣе цѣпко ухватиться за тѣ установленія и должности, которыя существовали по Уставу 1822 года, и, пользуясь хотя-бы ими, поддерживать свое господство надъ инородческой массой въ прежней силѣ. Такъ именно тойонство и поступило. И понынѣ въ якутскихъ улусахъ плебсъ остается на заднемъ планѣ, а всѣми мірскими дѣлами ворочаетъ тойонство, возвышающееся надъ массой не только знатностью и богатствомъ, но отчасти и культурой, все болѣе сближающей по своимъ формамъ верхній слой тойонства съ русскимъ купечествомъ, тогда-какъ якутскій плебсъ по вкоренившейся традиціи продолжаетъ смотрѣть на тойонство какъ на единственный щитъ, ограждающій инородческій міръ отъ насилій и вымогательствъ сверху.

Между тѣмъ фамильный составъ тойонства успѣлъ совершенно измѣниться не только со временъ Тыгына, но и со временъ его родного правнука Софрона Сыранова, добившагося при имп. Екатеринѣ II-й титула «общаго якутскаго головы всѣхъ улусовъ» и въ качествѣ представителя своего племени участвовавшаго въ знаменитой Екатерининской Коммиссіи. Уже въ ту пору, наряду съ порѣдѣвшей въ эпоху борьбы съ русскими родовою знатью, на князьцовскія должности, при содѣйствіи русскихъ, успѣвали иногда проникать новые люди, выдѣлявшіеся не родовитостью, а только богатствомъ, быстро пріобрѣтеннымъ благодаря извозу казенныхъ кладей и всякаго рода послугамъ русскимъ. Позднѣе число такихъ выскочекъ постоянно возрастало, а съ сороковыхъ годовъ XIX-го вѣка выдѣленіе этого элемента пошло особенно быстро именно въ Олекминскомъ округѣ, какъ ближайшемъ къ рѣкамъ Витиму и Олекмѣ, т. к. на ихъ притокахъ открылось богатѣйшее золото и возникли пріиски. Пріиски создали

спросъ на хлѣбъ, на масло, на мясо, на сѣно, на овесъ и на рабочія руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взамѣнъ прежняго провоза казенной клади, теперь возникло новое дѣло—провозъ пріисковыхъ грузовъ съ Витима и съ Мачи, куда они доставлялись сплавнымъ способомъ по Ленѣ, зимнимъ путемъ на Бодайбо́ — главный центръ пріисковаго міра. Организація извоза и всякаго рода поставки создали богатство цѣлаго класса подрядчиковъ, совершенно слившихся съ потомками князьцовъ поры Тыгына, т. к. тѣ и сами, если только имѣютъ средства, охотно занимаются тѣмъ-же дѣломъ. Представители этой среды имѣютъ европейски обставленные дома съ зеркалами и вѣнской мебелью; они по праздникамъ надѣваютъ сюртуки и дѣлаютъ визиты исправнику и отцу благочинному, а вечеромъ принимаютъ ихъ у себя и, послѣ нѣсколькихъ роберовъ крупной игры, угощаютъ ужиномъ съ коньякомъ и шампанскимъ высокихъ марокъ, съ омарами и съ заграничнымъ сыромъ. Экономическіе интересы этихъ лицъ нерѣдко находятся въ полномъ противорѣчіи съ интересами инородческой массы, т. к. на дѣлѣ одни составляютъ буржуазію, а другіе—трудовой людъ. Но якутская буржуазія отличается отъ русской тѣмъ, что въ глазахъ массы она остается прежде всего—аристократіей, о значеніи которой говорилось выше. Въ то-же время эта буржуазная аристократія или аристократическая буржуазія и по закону оказывается какъ-бы призванной представительствовать за весь инородческій міръ, совершенно заслоняя его собой, т. к. въ Уставѣ 22-го года «почетные люди» и «родоначальники» всюду разсматриваются какъ естественные выразители общаго, внутренно неразложимаго племенного или родового интереса. Теперь, когда идиллическіе «родоначальники» окончательно превратились въ прозаическихъ кулаковъ, Уставъ 22-го года составляетъ для нихъ превосходное прикрытіе, и понятно, что тойонство имъ очень дорожитъ, что-же касается до рядовой массы, то она еще не забыла тѣхъ пріемовъ массоваго истребленія, при помощи которыхъ ее когда-то подчиняли и усмиряли, и примиряется съ господствомъ тойонства, какъ съ наименьшимъ изъ возможныхъ золъ.

Въ виду всего этого, несмотря на свой осѣдлый образъ жизни, олекминскіе якуты еще въ 70-хъ годахъ XIX-го вѣка были вовсе не склонны перечисляться изъ «кочевыхъ инородцевъ», подчиненныхъ дѣйствію Устава 22-го года, въ «осѣдлые инородцы», къ которымъ примѣняются общія крестьянскія установленія. Ихъ настроеніе тогда вполнѣ совпадало съ настроеніемъ якутовъ

Якутскаго округа, отразившимся, между прочимъ, въ такихъ словахъ общественнаго приговора якутовъ Батурусскаго улуса отъ 2-го октября 1891-го года: «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что наша вѣчная и завѣтная мечта состоитъ въ томъ, чтобы оставаться въ строѣ настоящаго своего быта»... И однако, несмотря на весь страхъ передъ перспективой болѣе непосредственнаго подчиненія общимъ законамъ и будто-бы связанной съ этимъ возможностью введенія воинской повинности, олекминскіе якуты все-таки возбудили ходатайство о перечисленіи ихъ въ «осѣдлые» почти въ то-же самое время, когда ихъ батурусскіе родичи такъ энергично отстаивали свою «вѣчную и завѣтную мечту». О внутренней сущности Положенія 1861 года олекминцы не имѣли при этомъ ни малѣйшаго представленія. Побудительной причиной къ тому, чтобы добиваться перечисленія, у нихъ служила все возраставшая тревога якутовъ за свои земли, неоднократно и прежде подвергавшіяся урѣзкамъ, то въ пользу крестьянъ, то въ пользу казаковъ, то для надѣленія церковныхъ причтовъ. Съ начала 60-хъ годовъ XIX вѣка въ краѣ появился еще одинъ пришлый элементъ, въ пользованіе котораго власти стали отводить значительныя площади земель, наиболѣе пригодныхъ для земледѣльческой культуры. Олекминскіе якуты къ тому времени уже научились цѣнить такія земли. А между тѣмъ этотъ новый элементъ—ссыльные скопцы—представлялись якутамъ наиболѣе опасными сосѣдями, т. к. это были настоящіе земледѣльцы, сразу-же расчистившіе большія площади и склонные постоянно расширять свои запашки. Сколько ихъ пришлютъ еще, якуты не знали. Кромѣ того, успѣшное развитіе земледѣлія у скопцовъ вызывало въ инородческой средѣ опасенія дальнѣйшей колонизаціи края русскими, не ямщиками и не казаками, а заправскими пахарями. Уже въ семидесятыхъ годахъ окружная администрація извѣщала Областное Правленіе о томъ, что среди якутовъ распространяются нелѣпые слухи, будто-бы русскіе хотятъ окончательно вытѣснить изъ края туземцевъ и занять всѣ земли доступныя для хлѣбопашества [1]). Переходъ на положеніе крестьянъ, по мнѣнію инородцевъ, являлся единственнымъ средствомъ закрѣпить за собою землю и пріобрѣсти хоть какія-нибудь гарантіи противъ урѣзокъ въ будущемъ. Преобразованія своихъ внутреннихъ порядковъ во-

---

[1]) *Арх. Якут. Обл. Пр.* Донесеніе олекм. окр. исправника отъ 18 августа 1878 года за № 549.

жаки инородческой массы, т. е. тойоны, отнюдь не имѣли въ виду.

Лѣтомъ 1890-го года, при посѣщеніи Якутской области генералъ-губернаторомъ А. Д. Горемыкинымъ, олекминскіе якуты, черезъ посредство своего довѣреннаго Никифора Венедиктова, обратились къ нему съ ходатайствомъ о перечисленіи. 23-го августа 1891-го года состоялось по этому поводу постановленіе Якут. Обл. Совѣта; 6-го іюня 92-го года оно было утверждено генералъ-губернаторомъ, а фактически осуществить переходъ къ новому порядку было рѣшено съ 1-го января 1893-го года, причемъ обязанность ввести преобразованіе возлагалась на засѣдателя Нохтуйскаго участка. Этотъ полицейскій чинъ долженъ былъ замѣнять для инородцевъ мирового посредника, несмотря на то, что по своей прежней дѣятельности онъ не имѣлъ для выполненія такой роли никакой подготовки и проживалъ за 200 верстъ отъ Инородной Управы, продолжая все время выполнять свои прямыя обязанности земскаго засѣдателя, т. е. станового пристава и вмѣстѣ съ тѣмъ судебнаго слѣдователя. Понятно, что на практикѣ введеніе реформы такимъ образомъ оказалось предоставленнымъ самимъ инородцамъ, т. е. ихъ обычнымъ руководителямъ «почетнымъ людямъ» и вольнонаемнымъ писарямъ Инородной Управы. Руководствуясь только «Сборникомъ» графа Игнатьева, инородцы могли кое-какъ усвоить себѣ внѣшнія формы крестьянскаго управленія и ограничились этимъ однимъ, тѣмъ болѣе, что самый духъ Положенія 1861-го года совершенно противоположенъ всѣмъ традиціямъ и всему духу якутской сбщественности съ ея рѣзкимъ дѣленіемъ родовичей на два слоя и съ вошедшею въ нравы пассивностью массы. При введеніи Устава 22-го года порядки, существовавшіе ранѣе, измѣнились для олекминскихъ якутовъ мало чувствительнымъ образомъ: самаго быта и внутреннихъ отношеній инородческаго міра Уставъ не затронулъ. Главнымъ новшествомъ явилось тогда объединеніе наслеговъ въ одинъ улусъ и образованіе обще-улуснаго учрежденія—Инородной Управы, состоявшей изъ шестерыхъ членовъ (не считая писаря): головы и кандидата по немъ, двоихъ выборныхъ и двоихъ кандидатовъ къ нимъ. Всѣ эти лица избирались на три года и служили безплатно, нося разныя званія, но на дѣлѣ одинаково являясь помощниками и замѣстителями головы. Каждый изъ нихъ пользовался тѣмъ вліяніемъ, которое принадлежало и раньше ему лично, какъ болѣе или менѣе видному тойону, но сама Инородная Управа, какъ

учрежденіе составляла лишь придатокъ къ своей канцеляріи, въ которой всѣмъ завѣдывалъ писарь. Дѣятельность ея состояла въ томъ, что предписанія Окружной Полиціи переписывались въ пяти, а впослѣдствіи въ шести экземплярахъ, и разсылались по наслегамъ въ такъ называемыя «родовыя управленія»; предполагалось, что наслежный староста съ родовыми старшинами всѣ вмѣстѣ составляютъ такое коллегіальное учрежденіе; на самомъ-же дѣлѣ староста и старшины нерѣдко жили на многіе десятки верстъ въ сторонѣ другъ отъ друга и никакой коллегіи не составляли, а «родовымъ управленіемъ» якуты привыкли называть жилье старосты. Наслежные писаря, состоявшіе при каждомъ старостѣ, отписывались на бумаги Управы и доставляли ей требуемыя полицейскимъ начальствомъ свѣдѣнія, которыя въ Управѣ вновь переписывались и доставлялись въ Окружную Полицію. Этой механической работой роль Управы вполнѣ исчерпывалась, и вся общественная жизнь якутовъ сосредоточивалась внутри наслеговъ, а если случалось какое-нибудь общее дѣло, то оно обсуждалось и рѣшалось на частномъ собраніи вліятельныхъ людей совершенно помимо Управы. Ознакомившись со «Сборникомъ» гр. Игнатьева, перечислившіеся олекминцы съ 93-го года перемѣнили вывѣску на Инородной Управѣ и стали называть это учрежденіе «волостнымъ правленіемъ»; прежняго голову они стали именовать волостнымъ старшиной, а прежнихъ выборныхъ—засѣдателями. Сверхъ того они выбрали четырехъ волостныхъ судей, но авторитетность ихъ рѣшенія оставалась въ полной зависимости отъ ихъ личнаго вліянія, а большая часть споровъ и тяжебъ по прежнему разрѣшалась въ наслегахъ мѣстными тойонами. Наслеги по новому стали называться въ дѣловыхъ бумагахъ сельскими обществами... Такой перемѣной названій на дѣлѣ и ограничилось все «преобразованіе».

IV. Когда черезъ два года послѣ того, какъ состоялось перечисленіе, мы съ Г. Л. Кондаковымъ посѣтили Олекминскій округъ, то общественное управленіе якутовъ представилось передъ нами въ знакомыхъ для насъ обоихъ чертахъ обыкновеннаго якутскаго улуса, лишь съ нѣкоторыми мѣстными оттѣнками и съ кое-какими заимствованіями изъ Положенія 1861 года.

На волостной сходъ инородцы Олекминской волости собирались по два раза въ годъ, по одному человѣку отъ 20—30 дворовъ. Предметомъ занятій схода служило утвержденіе смѣты и раскладка по обществамъ податей и мірскихъ сборовъ, но было-

бы большой ошибкой судить о величинѣ общественныхъ платежей по волостнымъ смѣтамъ. На тѣ-же самыя нужды въ наслегахъ ассигновывались путемъ дополнительныхъ раскладокъ гораздо большія суммы, и общая волостная смѣта въ дѣйствительности составляла лишь дополненіе къ «сельскимъ», т. е. къ наслежнымъ. Самая волостная смѣта, конечно, заготовлялась заранѣе управскимъ писаремъ и, получивъ одобреніе нѣсколькихъ воротилъ, утверждалась сходомъ безъ преній. Подобнымъ же образомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда начальство требовало общественнаго приговора, вопросъ рѣшался по наслегамъ и на частныхъ совѣщаніяхъ вожаковъ, а на волостномъ сходѣ подтверждалось готовое рѣшеніе.

Совершенно подобнымъ-же порядкомъ составлялись приговора и въ «сельскихъ обществахъ». При разсѣянности жителей по всей береговой равнинѣ, ужъ не говоря объ обитателяхъ дальнихъ поселковъ, въ наслегахъ на «сельскій сходъ» обыкновенно являются всего три-четыре десятка человѣкъ, но и въ этомъ числѣ большинство хорошо понимаетъ свою роль театральнаго «народа» и держитъ себя соотвѣтственнымъ образомъ. Коснется дѣло какого-нибудь родовича лично,—онъ выйдетъ изъ толпы, поклонится тойонамъ, и начинаетъ говорить,—по большей части довольно толково и складно, иногда и не безъ ораторскихъ пріемовъ (якуты цѣнятъ краснорѣчіе и многіе изъ нихъ говорятъ на своемъ языкѣ очень гладко и красиво). Рѣшатъ на чемъ-нибудь «почетные люди»,—простой родовичъ опять поклонится и исчезнетъ въ толпѣ. Благодаря этому, по своему внѣшнему виду якутское собраніе (муньяхъ) представляетъ совершенно иное зрѣлище, чѣмъ русская мірская сходка съ ея неизбѣжнымъ галденіемъ и непрерывнымъ обмѣномъ ѣдкихъ остротъ и крупной ругани между міроѣдами и неуступчивой бѣднотой. Главнымъ предметомъ обсужденій сельскаго схода у олекминскихъ якутовъ служитъ раскладка податей и повинностей по отдѣльнымъ родамъ, между-прочимъ, распредѣленіе весьма чувствительной для населенія повинности доставлять въ опредѣленные пункты подводы при проѣздѣ губернатора или архіерея съ ихъ свитой и при передвиженіи партіи государственныхъ ссыльныхъ съ ея конвоемъ. Тяжбы и всякаго рода споры чаще всего разсматриваются на тѣхъ-же сельскихъ сходахъ, но и въ такихъ случаяхъ дѣйствительно судятъ «почетные люди», а толпа только присутствуетъ. Постановленія схода записываются писаремъ по обычной формѣ: «мы, такіе-то,

собравшись въ такомъ-то числѣ...», причемъ проставляется почти все число домохозяевъ наслега, а за всѣхъ отсутствующихъ прикладываются ихъ печати, хранящіяся обыкновенно у писаря.

Изъ существующихъ въ инородческомъ мірѣ должностныхъ лицъ наибольшее значеніе въ дѣйствительной жизни сохраняетъ прежній наслежный «князецъ», нынѣ—сельскій староста, который избирается сходомъ на три года и имѣетъ при себѣ помощника, замѣщающаго его при отсутствіи. Точно также сельскимъ сходомъ избирается попечитель кассы (см. главу VI),—должность очень почетная въ глазахъ инородцевъ; во всемъ же остальномъ сельское общество, какъ нѣчто цѣльное, слабо проявляетъ свое существованіе. Раскладка по семьямъ казенныхъ и общественныхъ платежей, дѣлежъ сѣнокосовъ и пашенъ, разверстка работъ при выполненіи натуральныхъ повинностей,—все это у якутовъ вѣдается не наслегомъ, а родомъ, и «сельское общество» является такимъ образомъ не совокупностью домохозяевъ, а совокупностью родовъ.

Родъ у якутовъ не только наиболѣе старинное общественное образованіе, но и наиболѣе устойчивое и жизнедѣятельное. Наслегъ составлялъ лишь позже возникшее объединеніе нѣсколькихъ родовъ, связанныхъ общей зависимостью отъ одного князьца и общей отвѣтственностью передъ русской властью за исправный взносъ ясака. Съ «хозяйственными участками», существующими у крестьянъ деревень Амгинской и Олекминской якутскій родъ представляетъ лишь поверхностное сходство: участокъ не играетъ никакой роли въ распредѣленіи общественныхъ земель, и каждый домохозяинъ получаетъ свой надѣлъ не отъ участка, а непосредственно отъ общества,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ,—принадлежность къ участку опредѣляется главнымъ образомъ сосѣдствомъ, тогда какъ у якутовъ ихній родъ—ага-уса—до сихъ поръ остается союзомъ кровнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у олекминцевъ онъ является и первичной яйчейкой поземельной общины. Отъ вполнѣ самостоятельной общины родъ отличается только тѣмъ, что основной принципъ разверстки угодій опредѣляется не самими родовичами, а сельскимъ сходомъ, но примѣненіе этого принципа предоставляется обществомъ уже со-родникамъ. Принадлежащія роду угодья подвергаются какимъ-либо урѣзкамъ въ пользу другого рода того-же общества весьма рѣдко, а въ приговорахъ позднѣйшаго времени (девяностыхъ годовъ), ясно просвѣчиваетъ стремленіе закрѣпить сѣнокосы за отдѣльными родами на возможно продолжительное время. Такимъ образомъ въ хозяйствен-

номъ отношеніи наибольшее сходство съ русскимъ сельскимъ обществомъ обнаруживаетъ не прежній наслегъ, а именно родъ, для котораго въ Положеніи 61-го года не имѣется соотвѣтственнаго обозначенія. Сами олекминскіе якуты, стремясь подвести явленія своей жизни подъ термины, привычные для русскаго слуха, въ письменныхъ приговорахъ послѣднихъ лѣтъ нерѣдко стали называть свои роды «деревнями», но въ дѣйствительности этимъ бумажнымъ «деревнямъ» соотвѣтствуютъ не селенія, а группы широко разсѣянныхъ юртъ и поселковъ, принадлежащихъ членамъ одного рода, причемъ пашни и сѣнокосы такихъ деревень по большей части не представляютъ собою сплошной территоріи, а разбросаны черезполосными клочками среди подобныхъ же клочковъ, находящихся во владѣніи родовичей другихъ «деревень».

Однако, функціями мелкой общины, или, такъ сказать, подъ общины значеніе рода въ общественной жизни олекминцевъ не исчерпывается. Какъ разнообразна сфера дѣятельности такой единицы, можно видѣть уже изъ одного перечня избираемыхъ родомъ должностныхъ лицъ. Для примѣра возьмемъ Мальжегарскій наслегъ. Въ немъ восемь родовъ, и въ каждомъ изъ нихъ имѣется свой «деревенскій староста». Должность деревенскаго старосты замѣщается родовичами по очередно, но къ участію въ очереди допускаются не всѣ хозяева, а только болѣе зажиточные. По кругу своихъ обязанностей деревенскій староста является прежде всего десятникомъ, затѣмъ хозяйственнымъ старостой, и наконецъ, въ маловажныхъ дѣлахъ даже судьей. Въ случаяхъ болѣе серьезныхъ онъ отправляетъ жалобщиковъ въ родовое управленіе, т. е. къ сельскому старостѣ. Подъ названіемъ «десятниковъ» въ каждомъ родѣ существуютъ особыя лица, которыя служатъ по найму рублей за 20—30 въ годъ; ихъ обязанность состоитъ во взиманіи податей и въ передачѣ собранныхъ суммъ старостѣ. Хлѣбные запасы у мальжегарцевъ хранятся въ 16 амбарахъ, по два амбара на каждый родъ, такъ что въ дѣйствительности у нихъ 8 магазиновъ, а не одинъ и, соотвѣтственно этому, 8 смотрителей. На должность смотрителя избираются люди зажиточные и обстоятельные, которые получаютъ за свой трудъ небольшое вознагражденіе, приблизительно рублей 20 въ годъ.

Другіе наслеги отличаются отъ Мальжегарскаго только тѣмъ, что въ нихъ тѣ же самыя должности слывутъ иногда подъ другими названіями. Такъ «деревенскій староста» у нихъ называется,

какъ и въ Якутскомъ округѣ, старшиной, а «десятникъ»—болѣе правильно — сборщикомъ податей. Кое-гдѣ, кромѣ смотрителя хлѣбо-запаснаго магазина, нанимается еще особый караульный; кое-гдѣ старшина является вмѣстѣ съ тѣмъ и сборщикомъ податей; но все это различія совершенно ничтожныя, и общій характеръ инородческаго управленія во всѣхъ шести обществахъ Олекминской Инородческой волости совершенно одинаковъ.

Благодаря описаннымъ особенностямъ, «сельскія общества» Олекминской инородческой волости соотвѣтствуютъ скорѣе маленькимъ волостямъ, чѣмъ русскимъ сельскимъ обществамъ. Каждое изъ нихъ подраздѣляется на такіе роды и «деревни»: *1 Нерюхтейское*—Тасъ-Аннà, Орто ага-уса и Юрахъ-Тёрдьё; *2 Нерюхтейское*—деревни Черендейская, Князь-Усовская, Холгинская и Бясь-Усовская; *1 Меитское*—роды Бордонскій, Бранскій, Орто, Мялля и Онисскій; *2 Меитскій*—Тысъ, Хорло, 1 Нахръ, 2 Нахръ, Танхалà, Эртю, Собулгалàхъ, Ангалсà, Кырынасъ и Намъ; *Мальжегарскій*—роды Сергютскій, Куртинскій, Мокутнинскій, За-амгинскій, Бетюнскій, Кеминскій, Бытайскій и Морокскій.

До преобразованія 1893-го года рѣшенія тойоновъ по искамъ и тяжбамъ родовичей не записывались, но съ переименованіемъ Управы въ Волостное Правленіе и съ учрежденіемъ волостного суда, при волостномъ правленіи была заведена книга для записи судебныхъ постановленій. За весь первый годъ въ эту книгу внесено было только 6 дѣлъ, тогда какъ за 10 мѣсяцевъ слѣдующаго 94-го года оказались записанными уже 22 постановленія. При разсмотрѣніи ихъ прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что волостной судъ сразу же получилъ у инородцевъ значеніе апелляціонной инстанціи. Почти всѣ прошенія представляютъ собой жалобы на постановленія сельскаго старосты или сельскаго общества. Такъ какъ всякое дѣло требуетъ разслѣдованія, а вызывать свидѣтелей въ волость по большей части изъ за дальности разстояній неудобно, то волостной судъ оказался учрежденіемъ далекимъ отъ жизни и почти бюрократическимъ по пріемамъ своей дѣятельности. Получивъ прошеніе, судъ письменно сносился съ родовымъ управленіемъ и требовалъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ дѣла отъ старосты. Въ результатѣ такого способа разслѣдованія получался приговоръ, подтверждающій прежнее рѣшеніе старосты или «общества», т. е. мѣстныхъ тойоновъ. Изо всѣхъ 28 дѣлъ, записанныхъ въ книгѣ, только въ одномъ случаѣ

судъ удовлетворилъ просительницу, не сославшись въ приговорѣ на свидѣтельство старосты.

Для характеристики тѣхъ житейскихъ отношеній, которыя восходили на разсмотрѣніе волостного суда, приведу нѣсколько примѣровъ.

1) Уроженка 1-го Меитскаго общества находилась въ замужествѣ за родовичемъ Бордонской деревни того же общества Павловымъ; по смерти мужа его надѣлъ остался за вдовою, а, между тѣмъ, необходимость заставила Павлову переселиться къ ея родному брату Д. Габышеву, проживавшему въ другой деревнѣ того же общества. Такъ какъ у Габышева земля имѣлась въ излишкѣ, то Павлова просила общество освободить ее отъ бордонскаго надѣла и надѣлить взамѣнъ тою землей, которую соглашается уступить Д. Габышевъ. Родовичи Бордонской деревни на это не соглашались, но волостной судъ постановилъ удовлетворить просительницу.

2) Инородецъ 1-го Меитскаго общества Семенъ Степановъ проситъ о возвращеніи ему земельнаго надѣла, который принадлежитъ его отсутствующему сыну Христофору и находится въ кортомѣ у инородца Романова. Романовъ представляетъ расписку отсутствующаго Христофора Степанова, изъ которой видно, что надѣлъ пахотной и сѣнокосной земли на три души Хр. Степановъ, уходя на пріиски, сдалъ Романову въ кортомъ на три года, получивъ за это единовременно 45 р.; сверхъ того, Романовъ обязался уплачивать за отсутствующаго всѣ казенные и общественные сборы, причитающіеся на три души, что и выполняетъ. Впослѣдствіи братъ ушедшаго Еремѣй Степановъ обратно окортомилъ у Романова одну душу, обязавшись уплатить за это по истеченіи срока 20 р. Согласно состоявшемуся ранѣе рѣшенію сельскаго старосты, Степанову судомъ въ искѣ отказано.

При склонности якутовъ къ всевозможнымъ оборотамъ и коммерческимъ сдѣлкамъ, почти всѣ они въ одной какой-нибудь мѣстности оказываются связаны и перепутаны другъ съ другомъ множествомъ разнообразнѣйшихъ имущественныхъ отношеній, и потому при тяжбѣ А. съ Б. нерѣдко въ ихъ споръ втягиваются и С., и Д. и Богъ знаетъ еще сколько народа, и дѣйствительнымъ отвѣтчикомъ по обязательству А. можетъ оказаться какой-нибудь Х. Эта особенность якутскаго быта отразилась и на нѣкоторыхъ дѣлахъ, восходившихъ на рѣшеніе волостного суда. Такъ напримѣръ:

3) Инородецъ 1-го Меитскаго общества О. Корниловъ взыскивалъ 30 р. съ инородца Осипова, обращая взысканіе на расписку нѣкоего Кисельцева, которою Осиповъ уполномочивался получить 30 р. съ инородца 1-го Нерюхтейскаго общества Старостина. Самъ Старостинъ на требованіе Корнилова объ уплатѣ денегъ отвѣтилъ, что у него съ Кисельцевымъ особые счеты, и потому онъ и разсчитываться будетъ съ самимъ Кисельцевымъ, а не съ кѣмъ-либо другимъ. Волостной судъ постановилъ: взыскать деньги для удовлетворенія Корнилова непосредственно съ Осипова, а въ пользу Осипова непосредственно съ Кисельцева, предоставивъ послѣднему предъявить особый искъ противъ Старостина.

Семейныя отношенія инородцевъ ускользаютъ отъ вѣдѣнія волостного суда, такъ какъ споры супруговъ и родителей съ дѣтьми разрѣшаются обыкновенно на мѣстѣ, т. е. въ наслегѣ. Въ крайнемъ случаѣ со ссорящихся тамъ же, въ наслегѣ, берется подписка о мирной жизни въ будущемъ. Насколько мнѣ извѣстно, только однажды общество пригрозило одной замужней женщинѣ за безнравственный образъ жизни выселить ее въ дальнюю мѣстность, да въ Мальжегарскомъ наслегѣ одинъ инородецъ дѣйствительно былъ выселенъ, такъ какъ иначе родовичи опасались кровопролитія, какимъ легко могли закончиться безпрерывныя драки между выселяемымъ и другимъ общественникомъ, съ женою котораго выселяемый находился въ связи. Постановленіе общества въ послѣднемъ случаѣ оформлено въ видѣ двухъ расписокъ, хранившихся въ сельскомъ архивѣ Мальжегарскаго наслега. Одна расписка выдана мужемъ и составлена такъ: «1894 года, іюня 6-го дня, я, нижеподписавшійся, инородецъ N., далъ сію расписку Мальжегарскому сельскому обществу въ томъ, что я жену свою Е. за побѣгъ ея съ родовичемъ моимъ С. прощаю и жаловаться начальству не буду, которую и принимаю къ себѣ на постоянное жительство, и прошу это дѣло оставить безъ послѣдствій, въ чемъ и подписуюсь». Другая расписка выдана любовникомъ: «я, нижеподписавшійся,.... признаю себя виновнымъ въ смущеніи и уводѣ жены инородца одного со мною общества N. на Вилюй для совмѣстнаго жительства съ нею, но поэтому, признавъ свою вину и испросивъ отъ N. прощенія, и онъ меня и жену свою простилъ, съ тѣмъ, чтобы я переселился въ отдаленную деревню, въ Харинцы; посему я упросилъ членовъ сельскаго управленія о поселеніи меня въ Харинское селеніе нашего же общества, и въ настоящее время

переселяюсь по своему желанію, и на свое начальство жалобы производить не буду въ переселеніи меня, въ чемъ и подписуюсь».

Въ практикѣ волостного суда случай разбирательства семейной неурядицы встрѣтился всего одинъ разъ, но и въ этомъ единственномъ случаѣ судъ уклонился отъ рѣшенія дѣла по существу, сославшись на то, что по ст. 81 «Сборника узаконеній по крестьянскому управленію» семейные раздѣлы совершаются сельскимъ сходомъ, почему волостной судъ и предложилъ спорящимъ отцу и сыну обратиться къ сельскому сходу. Между тѣмъ, ихъ споръ, какъ видно изъ переписки суда со старостой, возникнувъ именно передъ лицомъ старосты, былъ переданъ старостой на усмотрѣніе волостного правленія, а правленіемъ жалоба сына на отца и требованіе сыномъ выдѣла были переданы суду. Такимъ образомъ ни одна изъ инстанцій, черезъ которыя прошло это дѣло, не считала себя компетентной его рѣшать. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ тяжбы разрѣшаются у инородцевъ не только волостнымъ судомъ или сельскимъ старостой, представляющимъ собой тѣнь прежняго всевластнаго князьца, но и членами волостного правленія. Такъ, въ дѣлахъ 1-го Нерюхтейскаго общества я встрѣтилъ, между прочимъ, постановленіе одного изъ волостныхъ засѣдателей, касающееся чисто имущественнаго спора; сущность этого дѣла такова:

4) Инородецъ Николай Нечахтуровъ за плату въ 17 руб. нанялся работникомъ по доставкѣ тяжестей къ инородцу Ивану Дордоко, получивъ при заключеніи договора 7 р., а 10 р. оставивъ за Дордоко впредь до наступленія срока уплаты податей. Впослѣдствіи Н. Нечахтуровъ умеръ и Дордоко отказался выдать отцу покойнаго заработанныя Николаемъ деньги, сославшись на то, будто бы онъ еще ранѣе удовлетворилъ Николая переводомъ на нѣкоего Курчатова; Курчатовъ же заявилъ, что онъ уплатилъ Николаю по совершенно другому счету, а вовсе не по переводу Дордоко. Отцу умершаго для уплаты податей пришлось отдать въ кортомъ половину своего покоса, т. е. мѣсто на 6 возовъ, и потому онъ обратился къ старостѣ съ просьбой о взысканіи съ Дордоко 10 рублей, заработанныхъ сыномъ, и стоимости 6 возовъ сѣна. Староста постановилъ взыскать въ пользу Нечахтурова 34 р., но Дордоко остался недоволенъ. Дѣло перешло въ волостное правленіе, гдѣ засѣдатель Касьяновъ приказалъ Дордоко немедленно уплатить Нечахтурову 12 р. товаромъ и 22 р. деньгами. Этимъ рѣшеніемъ стороны остались довольны. Подобная же уплата

части присуждаемой съ отвѣтчика суммы деньгами и другой части товаромъ нерѣдко встрѣчается и въ другихъ постановленіяхъ должностныхъ лицъ и волостного суда Олекминской инородческой волости. Въ постановленіяхъ такого рода отражается одна изъ характерныхъ особенностей мѣстнаго якутскаго быта: почти всѣ сколько-нибудь зажиточные люди здѣсь участвуютъ такъ или иначе въ извозѣ пріисковой клади и расплачиваются со своими возчиками и конюхами частью деньгами и частью товаромъ (о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ главѣ VII). Понятно, что товаръ отпускается при этомъ по чрезвычайно повышенной оцѣнкѣ и потому расплата товаромъ облегчаетъ отвѣтчика.

По спорамъ изъ-за наслѣдства къ волостному суду было нѣсколько обращеній, исключительно со стороны представителей зажиточныхъ семей, и судъ всякій разъ отклонялъ такія дѣла по неподсудности, такъ какъ исковая сумма во всѣхъ этихъ случаяхъ превышала 100 рублей.

Одно изъ такихъ дѣлъ, не разрѣшенныхъ волостнымъ судомъ по существу, любопытно по мимоходомъ выраженному въ судебной перепискѣ взгляду якутскаго міра на юридическія послѣдствія гражданскаго брака по отношенію къ наслѣдованію имущества однимъ изъ супруговъ послѣ другого.

5) Послѣ скончавшагося инородца Капитонова имущество его перешло къ сыну покойнаго Адріану Капитонову. Гражданская жена скончавшагося Ирина Шараборина предъявила къ Адріану К. требованіе на сумму 443 р. 10 к. Адріанъ Капитоновъ со своей стороны требовалъ возврата ему Шараборино̀й разнаго рода вещей, захваченныхъ ею изъ имущества его покойнаго отца. Волостной судъ, отклоняя разбирательство по иску Шараборино̀й, какъ не подлежащее его компетенціи по высотѣ суммы, въ то же время по поводу встрѣчнаго требованія Адріана Капитонова высказался такъ: «Ирина Шараборина, дѣйствительно проживая въ качествѣ супруги у Егора Капитонова, хотя и незаконной, какъ овдовѣвшая послѣ третьяго брака, въ теченіе 22 лѣтъ считалась полной хозяйкой дома Капитоновыхъ и пользовалась въ обществѣ почестью какъ и законныя жены прочихъ инородцевъ, слѣдовательно, мелочи, найденныя Капитоновымъ, должны принадлежать ей, Шараборино̀й».

По отношенію къ незаконнорожденнымъ особенныхъ споровъ при дѣлежѣ наслѣдства у инородцевъ не возникаетъ, такъ какъ побочныя дѣти почти всегда формально усыновляются отцомъ или

другимъ родственникамъ. Въ сельскихъ архивахъ сохраняется много пріемныхъ приговоровъ, которыми общество вводитъ въ свою среду достигшихъ совершеннолѣтія воспитанниковъ мѣстныхъ родовичей. Такія лица надѣляются землей и по своимъ правамъ ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ общественниковъ.

Въ иномъ положеніи находятся «воспитанники», которые подъ видомъ пріема на воспитаніе въ сущности просто покупаются зажиточными хозяевами у бѣдняковъ. Спросъ на дѣтей въ Олекминскомъ округѣ настолько силенъ, что среди инородцевъ существуютъ особыя лица (преимущественно старухи), которыя занимаются дѣторговлей, какъ постояннымъ промысломъ. Наиболѣе ходко идутъ дѣвочки въ возрастѣ отъ 2—3 лѣтъ и до 14—15 лѣтъ. Цѣна на нихъ колеблется отъ 3 и до 30 р., въ зависимости отъ возраста, здоровья и пригожести ребенка. Поставляются дѣти и дѣвушки преимущественно изъ Вилюйскаго округа, откуда по первому зимнему пути ихъ привозятъ иногда цѣлыми партіями головъ въ 5—6. Мотивъ, который заставляетъ нѣкоторыхъ инородцевъ продавать своихъ дѣтей, понятенъ: это—крайняя нищета; что же касается до покупателей, то они распадаются на два разряда: одинъ,—и такихъ не мало,—по отсутствію собственныхъ дѣтей принимаетъ чужихъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно воспитать ихъ въ своей семьѣ какъ родныхъ; другіе, наоборотъ, пользуются тою же формой лишь для того, чтобы пріобрѣсти въ будущемъ даровыхъ работниковъ и рабынь. Иначе, какъ рабствомъ, положенія купленныхъ съ этою послѣднею цѣлью назвать нельзя. Ихъ держатъ постоянно впроголодь, съ ранняго дѣтства обременяя совершенно непосильной работой; обращеніе съ ними хозяевъ въ полномъ смыслѣ слова—варварское; подростающія дѣвушки изъ числа такихъ «воспитанницъ», само собой, или становятся наложницами своихъ хозяевъ или продаются на сторону.... Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы установить по документамъ, кто изъ пріемышей является воспитанникомъ, а кто рабомъ, такъ какъ сдѣлка въ обоихъ случаяхъ имѣетъ одинаковую форму. Приведу въ образецъ одну изъ многихъ расписокъ этого рода.

«1892-го года, октября 12-го дня, я, нижеподписавшійся, инородецъ Мальжегарскаго наслега Олекминскаго округа и улуса Христофоръ Дмитріевъ Жулевъ даю сію расписку крестьянину Олекминскаго округа, волости и деревни Олекминской-же, Еремѣю Антонову Шараборину въ томъ, что я, съ согласія законной жены

моей Аксиньи Сергѣевой, отданную нами вамъ въ январѣ 1891 года родную нашу дочь Ксенію 10 мѣсяцевъ на воспитаніе, которую въ настоящее время отдаемъ вамъ въ дочери навсегда и болѣе отъ васъ требовать не буду, а также никакого вознагражденія, и вы, господинъ Шараборинъ, имѣете полное право записать ее въ свою фамилію, въ чемъ и подписуюсь». (Расписка засвидѣтельствована въ родовомъ управленіи).

Пріемъ на воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ широко развитъ и среди русскихъ крестьянъ Якутской области, но у нихъ,— какъ и въ только что приведенномъ случаѣ,—дѣти вводятся въ семью и впослѣдствіи становятся заправскими крестьянами. Покупка дѣтей съ цѣлью обращенія въ рабство—явленіе чисто якутское. Обычай этотъ нерѣдокъ и въ Якутскомъ округѣ, а въ Олекминскомъ мнѣ называли нѣкоторыхъ богачей, у которыхъ имѣлся цѣлый гаремъ взрослыхъ «воспитанницъ».

Подсчитавъ число всѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, внесенныхъ въ бланки инородческой переписи по тремъ сельскимъ обществамъ, я нашелъ такія цифры:

Общества.	Всѣхъ семей по переписи.	Семей, имѣющихъ пріемышей.	Число воспитанниковъ.	Число воспитанницъ.
1-е Меитское. . . .	306	40	11	37
2-е Меитское. . . .	405	109	47	98
Кятчинское.	147	44	24	35
Итого . .	858	193	82	170

Изъ 109 семей 2-го Меитскаго общества, имѣющихъ пріемышей, оказалось 19 семей съ 2-мя воспитанниками или воспитанницами, двѣ семьи съ 3-мя, одна съ 5-ю и одна съ 7-ю. Въ 1-мъ Меитскомъ: 6 семей съ 2-мя, одна съ 3-мя. Въ Кятчинскомъ: 9 семей съ 2-мя и 3 семьи съ 3-мя. По своему имущественному положенію лица, воспитывающія по нѣсколько пріемышей, очевидно, стоятъ гораздо выше средняго уровня: общій подсчетъ по волости даетъ для платежнаго населенія въ среднемъ на одинъ дворъ 5,8 головы крупнаго рогатаго скота и 3,5 коннаго; между тѣмъ, у 8-ми родовичей, имѣющихъ наибольшее число пріемышей, въ среднемъ на одно хозяйство, по моему подсчету, оказалось почти по 16 лошадей и по 16,6 коровъ.

Между законными дѣтьми движимое имущество, обыкновенно, распредѣляется самимъ умирающимъ, но, въ случаѣ отсутствія словеснаго или письменнаго распоряженія, наслѣдники дѣлятся сами, руководствуясь мѣстнымъ обычаемъ. При опросѣ инородцы указывали мнѣ, какъ обычныя, такія доли: если наслѣдниками являются сынъ и дочь умершаго, то сыну $^2/_3$ и дочери $^1/_3$; если дѣлятся вдова и сынъ самостоятельнаго домохозяина, то матери $^1/_4$ и сыну $^3/_4$; если мать, сынъ и дочь, то матери и дочери по $^1/_4$ и сыну $^1/_2$. По характеру отвѣтовъ можно, однако, думать, что эти нормы весьма условны и подвержены большимъ колебаніямъ. Болѣе устойчивъ, повидимому, обычай, въ силу котораго вдова, послѣ смерти мужа, сохраняетъ свое приданое и можетъ выдѣлить его изъ семейнаго имущества и вернуться къ своимъ родителямъ.

Наказанія за разнаго рода проступки чаще всего налагаются по постановленію сельскаго старосты, а иногда по приговору «общества», т. е. почетныхъ людей. Поводомъ, вызывающимъ кару, среди олекминцевъ по большей части служатъ либо картежная игра, либо тайная продажа водки. На первый разъ у пьяницъ или у картежниковъ отбирается подписка въ томъ, что на будущее время они исправятся. Когда въ пьянствѣ, буйствѣ или азартной игрѣ участвуютъ посторонніе, т. е. проживающіе въ краѣ якуты Вилюйскаго или Якутскаго округовъ, то такихъ лицъ общество нерѣдко выселяетъ изъ предѣловъ наслега, къ своимъ же оно относится снисходительнѣй и подвергаетъ ихъ на первый разъ публичному выговору, а въ случаѣ повторенія проступка,— кратковременному аресту, на однѣ и на двое сутокъ, или денежному штрафу до 3 рублей. Въ Мальжегарскомъ наслегѣ родовичи иногда замѣняютъ арестъ наложеніемъ лишней очереди въ городьбѣ покосовъ.

Тѣлесныя наказанія у олекминскихъ якутовъ никогда не примѣнялись, но въ 80-хъ годахъ былъ однажды случай, когда общество постановило и выполнило смертный приговоръ. Поводомъ для этого послужилъ цѣлый рядъ самыхъ наглыхъ грабежей, производившихся уже нѣсколько лѣтъ сряду ссыльными татарами. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, татары сначала только воровали, а впослѣдствіи совсѣмъ разнуздались и перешли къ открытымъ грабежамъ. По словамъ старожиловъ въ первое время якуты были до такой степени напуганы отвагой и хищностью разбойниковъ, что не рѣшались оказывать имъ сопроти-

вленія. Двое-трое татаръ на виду у всѣхъ уводили скотъ, а въ сумерки подъѣзжали и взламывали амбаръ,—якуты запирались въ юрты и въ страхѣ отсиживались... Мало-по-малу дѣло дошло до того, что мѣстнымъ инородцамъ положительно не стало житья, а со стороны полиціи никакой защиты не было. Тогда одинъ вліятельный тойонъ убѣдилъ общество прибѣгнуть къ самосуду. Вскорѣ послѣ того, какъ состоялось это рѣшеніе, обитатели одной юрты рано по утру замѣтили у себя на дворѣ какую то подводу,—присмотрѣлись поближе и увидали, что въ саняхъ лежитъ навзничь мертвый татаринъ съ ножомъ въ груди. Понимая въ чемъ дѣло, хозяева поворотили коня, вывели его подальше и пустили по дорогѣ. Конь по привычкѣ шелъ, пока не почуялъ дыма, и тогда завернулъ къ слѣдующей юртѣ... Тамъ повторилось то-же... Такимъ образомъ трупъ странствовалъ по улуснымъ дорогамъ довольно долго, разнося по краю извѣстіе о совершившемся дѣлѣ.

На татаръ эта расправа произвела сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ поръ якуты стали смѣлѣе, а грабители потише.

Въ Олекминскомъ краѣ якуты подвергаются болѣе интенсивному воздѣйствію чуждой культуры, чѣмъ въ другихъ округахъ Якутской области, и здѣсь якутская старина быстрѣе идетъ на убыль. Частью по климатическимъ, а главнымъ образомъ по экономическимъ причинамъ (близость пріисковъ) тутъ земледѣліе привилось раньше и развилось шире, чѣмъ въ сѣверныхъ округахъ. Наряду съ этимъ сосѣдство русскихъ крестьянъ-общинниковъ познакомило родовичей съ формами другого быта, уравнительнаго по своимъ тенденціямъ, и не осталось безъ вліянія на эволюціи порядковъ инородческаго землепользованія. Въ то же самое время, благодаря пріискамъ, сюда проникло противоположное такимъ тенденціямъ вліяніе капитализма и нашло для себя благопріятную почву въ издавна существовавшемъ среди якутовъ рѣзкомъ экономическомъ неравенствѣ и въ ихъ торговомъ духѣ. Такимъ образомъ, въ общественномъ бытѣ инородческаго населенія на порогѣ XX вѣка тутъ встрѣтились и теперь дѣйствуютъ бокъ о бокъ архаическіе пережитки родовыхъ отношеній, общинныя тенденціи къ уравнительности, и капиталистическія тенденціи къ разслоенію и обособленію классовъ. Аристократическое начало до сихъ поръ еще крѣпко въ порядкахъ управленія; демо-

кратическое—постепенно крѣпло и отражалось на измѣненіи общиннаго уклада; плутократическое—легко привилось къ аристократическому и воспользовалось готовыми формами якутскаго строя, чтобы, безъ всякой ломки, приспособить эти старыя формы къ удовлетворенію своихъ новыхъ интересовъ. Въ продолженіе XIX вѣка жизнь и въ этомъ отдаленномъ уголкѣ не стояла на мѣстѣ и развивалась не по готовому шаблону, но создавала изъ комбинаціи разнородныхъ элементовъ прихотливыя формы, къ которымъ мало подходятъ установившіеся термины въ ихъ обычномъ значеніи.

Между тѣмъ, законъ по отношенію къ инородческому міру застылъ на Уставѣ 22-го года, какъ будто-бы инородческій міръ представлялъ собою нѣчто совершенно неподвижное и обособленное отъ всякихъ вліяній.

Когда для якутскаго населенія Олекминскаго округа стала не только очевидной, но и осязательной полная необезпеченность «кочевыхъ инородцевъ» въ пользованіи своими землями, то переходъ на положеніе «осѣдлыхъ инородцевъ» состоялся путемъ простого канцелярскаго перечисленія и никакихъ реальныхъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ якутовъ это бумажное преобразованіе не принесло. Подъ новыми названіями послѣ этого продолжали существовать прежніе порядки, дѣлающіе якутскій наслегъ одинаково непохожимъ какъ на патріархальный «родъ», какимъ онъ рисовался воображенію творцовъ Устава 1822 года, такъ и на прежній великорусскій міръ равноправныхъ домохозяевъ-общинниковъ. Тойонство новѣйшей формаціи, въ Якутскомъ округѣ искусно пользующееся въ своихъ видахъ Уставомъ 1822 года, въ Олекминскомъ краѣ сумѣло приноровиться и къ совершенно иному по своему духу Положенію 1861 г. При дѣйствіи того и другого закона оно съ одинаковымъ успѣхомъ поддерживаетъ въ неприкосновенности господство сплоченной улусной олигархіи.

Добавленія къ главѣ V-той. 1) Съ того времени, о которомъ говорилось въ этой главѣ, достигнуты нѣкоторые успѣхи въ ознакомленіи съ условіями разселенія олекминскихъ якутовъ и въ *„Памятной книжкѣ“ на 1902 годъ* перечислено въ 6-ти инородческихъ обществахъ 99 пунктовъ, съ населеніемъ отъ 3-хъ до 328 душъ въ каждомъ. Списокъ этихъ пунктовъ приводится мною въ Приложеніяхъ въ концѣ книги.

2) Въ 1911 году Академіей Наукъ изданъ трудъ *г. Патканова «О приростѣ инородческаго населенія Сибири»*; сравнивая численность якутовъ всей области по даннымъ переписи 1897 года съ ихъ численностью по даннымъ прежнихъ ревизій, авторъ приходитъ къ тому выводу, что средній годовой приростъ населенія об. пола съ VIII до X ревизіи составлялъ 0,60—0,59%, а съ 1858 г. по 1897 г.—0,30% (стр. 53). Цифра эта весьма близка къ полученной мною для всего послѣдняго періода: +10,60, что даетъ средній годовой приростъ 2,65 pro mille. Въ частности по отношенію къ Олекминскому округу *г. Патканов*ъ приводитъ цифру переписи 1897 года, по которой мужчинъ оказывалось 7.247 чел., причемъ изъ числа ихъ 2.469 проживало на пріискахъ (стр. 56). Съ другой стороны, въ «*Памятной книжкѣ на 1902 годъ*» приводится число обитателей каждаго изъ 99-ти населенныхъ пунктовъ въ отдѣльности и общій итогъ мужского населенія получается 4.128 м., а женскаго 3.819. Сопоставляя эти данныя, необходимо придти къ тому заключенію, что въ переписи 1897 года по Олекминскому округу указано все наличное населеніе округа, а не только приписное, такъ какъ иначе въ 1898 и послѣдующихъ годахъ число мужчинъ не могло-бы упасть съ 7-ми тысячъ слишкомъ—до 4-хъ тысячъ слишкомъ. Въ общемъ, опубликованныя позже данныя, какъ мнѣ кажется, вполнѣ подтверждаютъ точность инородческаго самоучета въ 1893 году.

3) Утвержденное генералъ-губернаторомъ Горемыкинымъ перечисленіе олекминскихъ якутовъ изъ кочевыхъ инородцевъ въ осѣдлые было признано неправильно состоявшимся и отмѣнено распоряженіями генералъ-губернаторовъ Пантелеева, отъ 1 марта 1903 года, и графа Кутайсова, отъ 19 декабря 1905 года. Однако Сенатъ, въ свою очередь, призналъ неправильными эти распоряженія и указомъ 30 іюля 1909 года отмѣнилъ ихъ и приказалъ считать олекминскихъ инородцевъ перечисленными въ разрядъ осѣдлыхъ съ 1 января 1893 года, съ начисленіемъ на нихъ податей по крестьянскому окладу съ 1 января 1909 года. Изъ сообщавшихся въ текстѣ этой главы свѣдѣній можно сдѣлать предположеніе, что всѣ эти преобразованія и контръ-преобразованія едва-ли отражались сколько-нибудь замѣтно на дѣйствительныхъ порядкахъ инородческаго управленія.

Въ 1910 году, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, мѣстная администрація занялась пересмотромъ положенія объ ино-

родцахъ Якутской области и выработала проектъ новаго преобразованія инородческаго управленія, примѣнительно къ общему Положенію о крестьянахъ, съ введеніемъ при этомъ института крестьянскихъ начальниковъ и съ подчиненіемъ имъ инородцевъ, кромѣ бродячихъ. Проектъ этотъ представленъ на утвержденіе министра въ апрѣлѣ 1910 года, но дальнѣйшая судьба его мнѣ пока неизвѣстна.

— — ——

Глава VI.

Кредитныя учрежденія и хлѣбные запасы.

I. Въ инородческомъ мірѣ тѣ же самыя лица, которыя стоятъ во главѣ общественнаго управленія, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ и экономическую власть надъ массой своихъ соплеменниковъ, причемъ по большей части каждый тойонъ имѣетъ болѣе или менѣе обширный кругъ постоянныхъ кліентовъ, которыхъ онъ «выручаетъ» при уплатѣ податей, и которымъ «помогаетъ» въ ихъ обыденныхъ нуждахъ. Выручка, или по характерному сибирскому словечку «покрута», состоитъ въ томъ, что богачъ уплачиваетъ за своихъ общественниковъ подати и получаетъ взамѣнъ сѣнокосныя мѣста бѣдняковъ, послѣ чего нерѣдко сдаетъ такія мѣста тѣмъ же лицамъ съ большой надбавкой или заставляетъ покрученниковъ отрабатывать долгъ косьбой, провозомъ кладей и т. п. «Помощь» оказывается чаще всего не деньгами, а продуктами: хлѣбомъ, коровьимъ масломъ, кирпичнымъ чаемъ и т. п. на опредѣленный срокъ, съ большою неустойкой при просрочкѣ, по цѣнамъ, превышающимъ рыночную стоимость тѣхъ же товаровъ процентовъ на 30—65. Такъ какъ своевременная расплата случается рѣдко, то, какъ общее правило, сумма неустойки съ истеченіемъ условленнаго срока причитается новымъ долгомъ къ основной суммѣ и на слѣдующій срокъ проценты начисляются уже на эту возросшую сумму. Такимъ образомъ—«коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть»,—заурядный якутъ почти всегда оказывается въ совершенно неоплатномъ долгу у какого-нибудь тойона.

Во многихъ случаяхъ ничтожный первоначальный долгъ наростаетъ въ такой чудовищной прогрессіи, что получается результатъ совершенно нелѣпый. Приведу два примѣра, извѣстные мнѣ изъ жизни якутовъ Якутскаго округа: инородецъ Борогонскаго улуса заимствовалъ у мѣстнаго богача одинъ возъ сѣна, съ обязательствомъ на слѣдующій годъ доставить въ возмѣщеніе долга два воза; черезъ годъ заемщикъ оказался несостоятеленъ и долгъ, за пересрочку на годъ, по обоюдному соглашенію сторонъ былъ увеличенъ вдвое... Черезъ пять лѣтъ кредиторъ обратился къ посѣтившему эту мѣстность чиновнику (Г. Л. Кондакову), съ просьбой взыскать съ должника 15 возовъ, тогда какъ по разслѣдованію оказалось, что должникъ въ разное время уже доставилъ кредитору взамѣнъ одного воза пять возовъ, и, тѣмъ не менѣе, по расчетамъ заимодавца, остается долженъ еще 15 возовъ... Другой случай имѣлъ мѣсто въ Батурусскомъ улусѣ: якутъ задолжалъ тойону 1 безмѣнъ масла (2½ фунта); черезъ 12 лѣтъ за должникомъ считалось по этому займу 162 пуда...

Задолженность крестьянскаго населенія хотя и не такъ безнадежна, какъ у якутовъ, но сама по себѣ, по мѣркѣ крестьянскихъ доходовъ, все-таки высока, и свободными отъ затяжныхъ долговъ, по заявленіямъ, полученнымъ при переписи, признали себя лишь немногіе домохозяева. При опросѣ мы, конечно, игнорировали мелкіе сосѣдскіе долги крестьянъ другъ другу, и предлагали заявлять лишь о долгахъ на сумму не менѣе 10 рублей.

Въ Амгинской слободѣ Якутскаго округа крестьяне должаютъ мѣстнымъ торговцамъ и торгующимъ поселенцамъ, а частью и окрестнымъ якутскимъ богачамъ. Помимо займовъ для уплаты податей, амгинцы пользуются кредитомъ при закупкѣ пищевыхъ продуктовъ и предметовъ обыденнаго быта. У якутовъ и переторговщиковъ прикупаются мука, мясо и масло; на одежду въ средней семьѣ расходуется 25—40 р. въ годъ; кирпичнаго чая уходитъ въ годъ 20—30 кирпичей, и только въ самой наибѣднѣйшей семьѣ—10 кирпичей. Кромѣ того и въ домашнемъ обзаведеніи даже у самаго бѣднаго крестьянина имѣются покупные предметы, которые по временамъ приходится обновлять: самоваръ у зажиточныхъ или, взамѣнъ его, мѣдный чайникъ у болѣе бѣдныхъ; каминные щипцы, сковороды, котелки, эмалированныя тарелки, болѣе дешевые сорта чайной посуды.

Такъ какъ въ половинѣ девяностыхъ годовъ при покупкѣ въ кредитъ обычныя цѣны въ Амгинской слободѣ были: одинъ

кирпичъ чая—1 р., одинъ фунтъ сахара—45—50 к., и одинъ безмѣнъ (2½ ф.) масла—80 к., то путемъ опроса многихъ крестьянъ я могъ приблизительно опредѣлить годичный лавочный заборъ средней крестьянской семьи:

15 кирпичей чая и 10 ф. сахара	20 р.
одежда	30 »
домашняя утварь	5 »
пищевые продукты	15 »
Итого	70 р.

Получившаяся сумма оказалась какъ разъ совпадающей со средней задолженностью крестьянской семьи этого уголка: 69 р. 70 к. Задолженныя хозяйства во всѣхъ трехъ деревняхъ общества составляли 70%. Максимальная сумма долга доходила до 300 р. на одно хозяйство.

Для населенія 20-ти станцій Иркутскаго тракта главными кредиторами являлись мѣстный староста и двое городскихъ торговцевъ. Тутъ, въ ямщицкомъ мірѣ, первоначальнымъ поводомъ для заключенія долга нерѣдко служитъ пропажа коня, причемъ на пріобрѣтеніе новаго коня сразу требуется крупная для крестьянина сумма—50—70 р. Обычный въ этой мѣстности процентъ при денежномъ займѣ 15% въ полугодіе.

Изъ общаго числа 342 переписанныхъ хозяйствъ задолженныхъ тутъ оказалось 91,0% всѣхъ хозяйствъ, на сумму 33.614 р., откуда средняя задолженность опредѣлилась въ 108 р. При группировкѣ хозяйствъ по задолженности видно, однако, что 65,5% всѣхъ задолженныхъ семей имѣли долги на сумму не свыше 100 р., 24,5%—отъ 100 до 300 р. и 0,9%—на большія суммы.

По Олекминскому округу наиболѣе высокой оказывалась цифра долговъ у крестьянъ девяти нижнихъ станцій. По восточной половинѣ участка большинство семей было въ долгу у своего выборнаго (т. е. старшины), который и самъ жилъ въ этой мѣстности, по западной — у олекминскихъ скопцовъ. Изъ 116 опрошенныхъ домохозяевъ (при общемъ числѣ хозяйствъ 121), свободными отъ долговъ заявили себя только трое, а на остальныхъ числились болѣе или менѣе крупныя суммы: minimum, весьма рѣдко встрѣчавшійся—20 р., наиболѣе же частыя суммы

200—300 р. и болѣе. Средняя сумма долговъ одной семьи тутъ была выше, чѣмъ гдѣ-либо — 290 р. и общая сумма 32.833 р.

Въ деревняхъ Амгинской и Олекминской, по ихъ близости къ городу, жители пользовались кредитомъ чаще всего у пригородныхъ скопцовъ селенія Спасскаго, но еще чаще они пріобрѣтали у скопцовъ необходимыя деньги, сдавая имъ въ кортомъ свои сѣнокосы; эта вынужденная сдача вліяла на хозяйство крестьянина не менѣе ослабляющимъ образомъ, чѣмъ и денежная задолженность, но за то цифра послѣдней тутъ оказалась ниже, чѣмъ гдѣ-либо, въ среднемъ всего 47 р. на семью, а на всѣ 183 опрошенныя хозяйства—8.544 р.

Крестьяне семи среднихъ станцій кредитовались частью у скопцовъ и частью у городскихъ лавочниковъ. Тутъ средняя задолженность составляла 115 р. на семью, при общей суммѣ долговъ 11.122 р.

Населеніе семи нижнихъ станцій имѣетъ больше доходовъ, чѣмъ другіе крестьяне Якутской области: нохтуйцы сдаютъ квартиры проживающимъ въ деревнѣ торговцамъ, многіе такъ или иначе пользуются отъ приходящихъ пріисковыхъ рабочихъ, и т. п. Въ силу этого изъ 88 опрошенныхъ домохозяевъ 27 заявили себя свободными отъ крупныхъ долговъ, но въ остальныхъ семьяхъ задолженность оказалась довольно высокой — въ среднемъ 184 р. на семью, что объясняется, скорѣе всего, болѣе высокимъ уровнемъ потребностей здѣшняго населенія, какъ наиболѣе культурнаго въ краѣ и чисто русскаго по образу жизни. Общая сумма долговъ по участку тутъ составляла 11.228 р. Кредиторами крестьянъ состояли мѣстные и мачинскіе купцы. Обычныя условія денежнаго займа въ Олекминскомъ округѣ въ тѣ годы составлялъ четырехмѣсячный срокъ при 15% роста.

Всѣ приведенныя здѣсь цифры вѣроятно ниже дѣйствительныхъ, т. к. при опросѣ крестьяне какъ бы нѣсколько стѣснялись высчитывать свои долги. Кромѣ того, многіе долги не уплачиваются, а прямо отрабатываются заемщикомъ, а при опросѣ домохозяевъ имъ предлагалось давать свѣдѣнія лишь о денежныхъ обязательствахъ, лежавшихъ на нихъ въ моментъ переписи, т. к. переводъ на деньги отработковъ крестьянина завелъ бы насъ самихъ на черезчуръ зыбкую почву.

Несмотря на всю обременительность условій частнаго кредита, отъ самихъ здѣшнихъ крестьянъ, а тѣмъ болѣе отъ инородцевъ, разумѣется, нельзя было бы ожидать почина въ организаціи ка-

кихъ-либо общественныхъ кредитныхъ учрежденій. И на самомъ дѣлѣ, всѣ тѣ немногія сельскія и наслежныя кассы, какія существовали въ краѣ, возникли по иниціативѣ сверху. Въ третьей главѣ уже упоминалось о «больничномъ капиталѣ», существовавшемъ еще въ началѣ XIX-го вѣка въ городѣ Олекминскѣ. Въ 1819 г. на пополненіе этого капитала было собрано по 100 р. съ каждаго наслега и 50 р. съ крестьянъ, но по размѣру выдававшихся ссудъ видно, что изъ этого источника кредитовались преимущественно торговые люди и якутскіе тойоны: размѣръ ссудъ составлялъ обыкновенно 300, 500, 1.000 р. и болѣе; такъ въ 1815 г. было возвращено тремя якутскими князьцами 2.817 р. и однимъ вологодскимъ купцомъ 3 т. р., и т. п. Притомъ же и самая цѣль этого капитала состояла въ поддержкѣ изъ его процентовъ училища и больницы, а вовсе не въ помощи сельскому населенію.

За невозможностью полной разработки олекминскаго архива, я не успѣлъ узнать, когда и какъ прекратились операціи больничнаго капитала, но, повидимому, находящійся нынѣ въ вѣдѣніи Окружной Полиціи «Благотворительный капиталъ» не имѣетъ съ прежнимъ никакой связи. По словамъ старожиловъ «Благотворительный капиталъ» былъ пожертвованъ какимъ-то фельдшеромъ въ неособенно далекое время. Въ сентябрѣ 1894 г. изъ этого капитала состояло въ наличности всего 20 р. 32½ к., да въ распискахъ имѣлось 445 р. Выдачи производились полиціей почти исключительно горожанамъ, и потому я могу не останавливаться на немъ долѣе.

А) Собственно для сельскаго и при томъ именно для инородческаго населенія округа Полиція имѣла въ своемъ распоряженіи другую сумму, изъ которой въ сентябрѣ 94 года было на лицо 39 р. 62½ к., тогда какъ въ распискахъ состояло 1.592 р. Этотъ капиталъ составлялъ мѣстное отдѣленіе «Ссудной Кассы Якутовъ», основанной на средства бывшей Россійско-Американской Компаніи. Сначала Касса существовала только въ Якутскомъ округѣ, но въ 1883 году Областное Правленіе нашло полезнымъ распространить ея дѣйствія и на другіе округа. Въ декабрѣ того же года для основанія отдѣленій въ Вилюйскѣ и Олекминскѣ туда было отпущено по 1.000 рублей, а въ Колымскъ и Верхоянскъ по 500 руб. Не далѣе какъ въ іюлѣ 1885 года Совѣтъ Главнаго Управл. Вост. Сибири уже былъ вынужденъ напомнить о необходимости соблюдать § 3 Устава Кассы, обезпечивающій ея сохранность, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ вся сумма была

израсходована безъ остатка; такъ въ Верхоянскѣ изъ 531 р. 80 к. на лицо значилось по отчетамъ лишь 1 р. 80 к. [1]).

Въ Олекминскомъ округѣ, наоборотъ, потребовалось нѣсколько лѣтъ для того, чтобы касса успѣла хоть чѣмъ-нибудь проявить свое существованіе. При основаніи отдѣленій, для руководства полицейскимъ управленіямъ, которымъ предоставлялось завѣдываніе суммами, въ дополненіе къ печатному уставу, утвержденному еще 20 ноября 1881 года, была издана особая инструкція. Копіи съ устава и инструкціи полиція должна была разослать во всѣ инородныя управы и родовыя управленія, а старостамъ и старшинамъ предписывалось прочитать эти копіи вслухъ на общественныхъ собраніяхъ. Въ январѣ 84 года Олекминское Окружное Управленіе распорядилось о разсылкѣ инструкціи по наслегамъ, но устава въ самой полиціи не имѣлось вплоть до апрѣля 87-го года и касса все это время совершенно бездѣйствовала. Въ январѣ 85-го года губернская администрація напомнила исправнику, что по уставу (§ 12) Окружныя Управленія должны ежемѣсячно отсылать отчеты Кассы въ Областное Правленіе, которое контролируетъ дѣйствія отдѣленій, а между тѣмъ до сихъ поръ изъ Олекминска еще не поступало никакихъ свѣдѣній. Исправникъ на это отписался, что «ссуды якутамъ не было произведено вслѣдствіе непоступленія требованій».

Чѣмъ обусловливалось «непоступленіе требованій», исправникъ не объяснялъ, но не трудно догадаться, что причина такой воздержности якутовъ состояла въ совершенной неизвѣстности для нихъ самаго факта существованія Кассы. Даже въ концѣ 94-го года, какъ я лично могъ убѣдиться при объѣздѣ округа, нашлось много инородцевъ, которые и не слыхивали о такомъ учрежденіи. Раньше всѣхъ о немъ узнали, конечно, вліятельные и зажиточные люди, которые по своимъ торговымъ дѣламъ часто бываютъ въ городѣ и водятъ знакомство съ чиновниками. Съ конца 80-хъ годовъ эти лица начали пользоваться кредитомъ изъ открывшагося передъ ними новаго источника, причемъ практика кассы сразу же приняла совершенно иное направленіе, чѣмъ это предполагалось по уставу. Первый же параграфъ устава гласитъ, что Касса основывается «для воспомоществованія якутамъ Якутской области въ случаяхъ физическихъ бѣдствій, для поддержанія и развитія ихъ домашняго хозяйства и промышленности, а также

---

[1]) Арх. Олекм. Окр. Пол. Упр. Д. о Ссудной Кассѣ.

для выдачи бѣднѣйшимъ изъ нихъ безвозвратныхъ пособій,.... преимущественно тѣмъ, которые будутъ нуждаться въ продовольствіи». Наивысшій размѣръ безвозвратныхъ пособій опредѣленъ въ 15 руб.; на суммы отъ 5 до 15 р.р. можетъ по уставу кредитоваться инородецъ, не имѣющій собственности, а на сумму 10—150 р.р. всякій инородецъ - домохозяинъ. Кредитъ оказывается Кассою самое большее на одинъ годъ и проценты взимаются въ размѣрѣ ½% въ мѣсяцъ. Желающій получить ссуду (§ 8) представляетъ при прошеніи: 1) удостовѣреніе наслежнаго старосты о своей личности; 2) ручательство трехъ почетныхъ родовичей-якутовъ въ томъ, что они, въ случаѣ неуплаты ссуды заемщикомъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, отвѣчаютъ за него своимъ имуществомъ; 3) свидѣтельство наслежнаго старосты, подтвержденное улуснымъ головою: а) о томъ, что заемщикъ и поручители дѣйствительно состоятъ въ числѣ родовичей того наслега и имѣютъ достаточно имущества для обезпеченія займа; б) о томъ, что заемщикъ не состоитъ поручителемъ по другимъ займамъ, а если состоитъ, то на какую сумму и в) что поручители не состоятъ должными въ Ссудную Кассу, а если должны, то въ какомъ размѣрѣ. Просящій безвозвратное пособіе долженъ представить удостовѣреніе наслежнаго старосты и трехъ почетныхъ родовичей о своей личности, принадлежности къ наслегу и безпомощной бѣдности. Примѣчаніе къ § 8-му требуетъ, чтобы всѣ прошенія о ссудахъ или пособіяхъ подавались на бумагѣ и чтобы листы были пронумерованы и скрѣплены на шнурѣ печатью старосты. Если прибавить къ этому, что въ силу устава Окружныя Управленія должны вести строгую отчетность, а Областное Правленіе, основываясь на отчетахъ окружныхъ управленій, должно ежегодно отсылать общій отчетъ генералъ-губернаторамъ, то, кажется, можно будетъ сказать, что съ формальной стороны уставомъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить для Кассы то, что на бюрократическомъ языкѣ называется «правильной дѣятельностью учрежденія» и что въ жизни обращается обыкновенно въ мертворожденность и неподвижность. И на самомъ дѣлѣ, получивъ отъ Областного Правленія напоминаніе о томъ, что Касса создана для того, чтобы дѣйствовать, а не для того, чтобы лежать безъ употребленія, Олекминское Окружное Управленіе поспѣшило раздать кассовыя суммы тѣмъ инородцамъ, которые ихъ раньше всего попросили, послѣ чего оставалось только своевременно записывать о полученіи съ такого-то долж-

ника такой-то суммы и о выдачѣ вновь тому же самому должнику той-же самой суммы. Просматривая отчеты Кассы по 1895-й годъ, я убѣдился, что почти всѣ ссуды были выданы въ суммахъ 50 р., 100 р. и болѣе, очень рѣдко встрѣчаются выдачи въ 25—40 р.р.; кругъ заемщиковъ изъ года въ годъ оставался однимъ и тѣмъ-же съ весьма незначительными перемѣнами, и въ этомъ узкомъ кругу красовались имена извѣстныхъ въ краѣ богачей и крупныхъ подрядчиковъ: Идельгина, Корнилова и т. п.

Б) Иначе организовано другое кредитное учрежденіе, существующее въ Олекминской инородческой волости подъ совершенно не подходящимъ для него названіемъ «Сберегательной Кассы». Это учрежденіе возникло по иниціативѣ бывшаго исправника Жуковскаго, управлявшаго округомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка. По разсказамъ старожиловъ, въ 62 году Жуковскій обратилъ вниманіе на обычную среди якутовъ сдачу бѣдняками своихъ сѣнокосовъ и предложилъ инородцамъ основать въ каждомъ наслегѣ особую кассу, которая могла бы ссужать небольшими суммами наиболѣе нуждающихся. Для первоначальнаго основанія кассы богатые родовичи дѣлали пожертвованія, а впослѣдствіи на пополненіе кассовыхъ средствъ инородцы употребили и тѣ суммы, которыя у нихъ получились отъ продажи хлѣба съ общественныхъ запашекъ. Каковъ былъ собранный такимъ образомъ первоначальный капиталъ, можно судить по сохранившемуся въ 1-мъ Нерюхтейскомъ наслегѣ списку лицъ, изъ взносовъ которыхъ образовалась касса этого наслега: богачъ Идельгинъ далъ обществу заимообразно на 5 лѣтъ безъ процентовъ 100 руб.; 34 лица пожертвовали деньгами отъ 2 до 5 р.р. каждый; и, наконецъ, само общество отъ продажи хлѣба со своей запашки выручило и внесло въ кассу 54 р. Всего было собрано въ наслегѣ 280 р. Дѣйствія наслежныхъ кассъ начались еще ранѣе выработки для нихъ особаго устава, и улусныя власти вначалѣ руководствовались словесными указаніями Жуковскаго, отъ котораго онѣ получили денежныя книги и нѣкоторыя наставленія. Въ 63 году въ порядкѣ счетоводства уже обнаружились неправильности, а въ октябрѣ того же года Инородная Управа получила отъ исправника такого рода предписаніе [1]):

«Существующая въ Олекминскомъ улусѣ Сберегательная Ссудная Касса, какъ замѣтилъ я при настоящемъ обозрѣніи ок-

[1]) Арх. Олекм. Ин. Пр. 67 г. Д. № 48.

руга, далеко не соотвѣтствуетъ своему назначенію: 1) кассою распоряжаются одни только старосты и по своему произволу выдаютъ деньги, часто не тѣмъ, которые дѣйствительно нуждаются въ ссудѣ, а тѣмъ, которые больше пользуются расположеніемъ старосты, тогда какъ при учрежденіи кассы въ каждомъ наслегѣ избиралось по два попечителя, которые вмѣстѣ со старостою обязаны наблюдать за правильностью ссудъ и сберегать кассу. 2) Деньги изъ кассы выдаются всѣ въ одно время, и большею частью по два и по три рубля; столь ничтожная ссуда едва-ли можетъ сколько-нибудь быть полезною для одолжающагося; выдавать всѣ деньги въ одинъ разъ также не слѣдуетъ. 3) Большею частью деньги выдаются однимъ и тѣмъ же лицамъ. 4) Ссудная касса учреждена съ цѣлью помогать бѣднымъ въ крайности, а между тѣмъ оказывается, что ею пользуются люди очень достаточные для торговыхъ оборотовъ, и уже не по два и не по три рубля, а сотнями; такъ напримѣръ, староста Кятчинскаго наслега Бартеньевъ во 2 Шологонскомъ наслегѣ занялъ 200 р., въ первой половинѣ сего года въ своемъ наслегѣ взялъ 50 р., а во второй уже 150 р.,—а я знаю достовѣрно, что есть крайне бѣдные якуты, которые продали свои покосы за годъ впередъ, чтобы избавиться отъ нужды. 5) Книги ведутся неправильно.... Передавая о вышеизложенномъ Инородной Управѣ, прошу улуснаго голову Антонова вмѣстѣ съ писаремъ Черепановымъ объѣхать всѣ наслеги и по общему согласію со старостами, старшинами и прочими почетными и разсудительными людьми установить правила, одинаковыя во всѣхъ наслегахъ, чтобы избѣжать замѣченныхъ мною неисправностей и упущеній. По моему мнѣнію можно сдѣлать такъ. ..».

Далѣе слѣдуютъ совѣты: вручить храненіе и распоряженіе средствами кассы мѣстнымъ старостамъ и особо избраннымъ попечителямъ, которыхъ должно состоять по двое въ каждомъ наслегѣ; предоставить каждому родовичу заимствовать изъ кассы безъ особыхъ поручителей суммы отъ 5 до 15 рублей, представляя въ обезпеченіе долга свой собственный покосъ; если деньги не будутъ своевременно уплачены, то разрѣшить старостѣ съ попечителями сдавать заложенное мѣсто въ аренду, удерживая должную сумму, а остатокъ платы выдавая владѣльцу; ограничить размѣръ ссудъ подъ поручительствомъ предѣлами 5—50 руб., установить 6% ростъ и 2 коп. съ рубля взимать на увеличеніе кассы; выдавать ссуды лишь на срокъ 4, 6 и 12 мѣсяцевъ, ни-

какъ не болѣе; не расходовать суммы, если въ кассѣ остается не болѣе 50 р.; постороннимъ производить выдачи лишь въ случаѣ отсутствія требованія отъ своихъ родовичей; не выдавать однимъ и тѣмъ же лицамъ вторичныхъ ссудъ, пока не уплачены прежнія; при встрѣчныхъ требованіяхъ отдавать преимущество бѣднѣйшимъ; и, наконецъ, ввести опредѣленный порядокъ въ счетоводство. Заканчивается это предписаніе словами, весьма рѣдкими въ устахъ сибирскаго администратора: «какъ Касса есть частная собственность общества, то и распоряжаться ею могутъ только сами общественники по своему согласію, поэтому изложенныя здѣсь мои предположенія по ихъ усмотрѣнію могутъ быть измѣнены, дополнены и такъ далѣе; я высказываю только свое мнѣніе и совѣтъ, а обществу предоставляю право сдѣлать такъ, какъ лучше для нихъ....».

Въ отвѣтъ на замѣчанія исправника улусный голова вскорѣ же донесъ, что онъ обревизовалъ состояніе кассъ, которыя въ 1-мъ Нерюхтейскомъ и во 2-мъ Меитскомъ наслегахъ оказались пусты, а въ четырехъ остальныхъ почти сполна разобраны. Формальный приговоръ объ учрежденіи наслежныхъ кассъ состоялся на общемъ улусномъ собраніи лишь 27 ноября 1865 года. Изъ этого приговора видно, что къ тому времени состояло денегъ: въ 1-мъ Меитскомъ наслегѣ 250 р., во 2-мъ Меитскомъ—390 р., въ 1-мъ Нерюхтейскомъ—590 р., во 2-мъ Нерюхтейскомъ—500 руб., въ Кятчинскомъ—400 р., и въ Мальжегарскомъ—850 р., а всего въ цѣломъ улусѣ инородцы считали 2.600 р., такъ-какъ наслежныя суммы означались въ круглыхъ цифрахъ, съ опущеніемъ мелкихъ остатковъ.

Въ основаніе устава улусное собраніе положило правила, рекомендованныя Жуковскимъ, съ нѣкоторыми, однако, отклоненіями: наивысшій размѣръ ссуды былъ опредѣленъ въ 25 р.; на ростъ рѣшено брать 6%; завѣдываніе кассой въ каждомъ наслегѣ поручалось одному выборному родовичу подъ наблюденіемъ родового управленія, а на случай неправильнаго отказа или неправильной выдачи обиженному предоставлялось приносить жалобу въ инородную управу, а при недовольствѣ ею,—окружному исправнику. При утвержденіи улуснаго приговора въ высшихъ инстанціяхъ возникъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли право инородцы такъ свободно распоряжаться своими мірскими капиталами, какъ это предполагали олекминскіе якуты, оставляя за собою право «въ случаѣ надобности для какихъ-либо общественныхъ расходовъ...

брать изъ сберегательной кассы деньги на извѣстный срокъ и съ платежемъ процентовъ», и даже, если признаютъ это за лучшее, право ликвидировать кассу съ разрѣшенія начальства и «деньги употребить, по согласію общества, куда заблагоразсудится».

Вопросъ этотъ восходилъ на усмотрѣніе Министра Государственныхъ Имуществъ, который, однако же, рѣшилъ его въ пользу инородцевъ [1]).

Съ 1866 года касса начала свое оффиціальное существованіе, но такъ-какъ учредитель ея Жуковскій вскорѣ же уѣхалъ на родину (въ Польшу), то дѣло осталось безъ призора, отчетовъ отъ родовыхъ управленій никто не требовалъ и старосты мало-по-малу перестали ихъ посылать. Только въ 1886 г. полиція вновь обратила вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій и затребовала о нихъ свѣдѣній отъ инородной управы. Къ 24-му февраля на лицо, какъ оказалось, во всѣхъ наслегахъ состояло лишь 759 р. 96 к., но въ долгахъ числились довольно значительныя суммы, а именно: въ 1-мъ Нерюхтейскомъ наслегѣ 1.383 р. 80 к., во 2-мъ Нерюхтейскомъ—1.370 р. 09 к., въ 1-мъ Меитскомъ—667 р. 07 к., во 2-мъ Меитскомъ 981 р. 68 к., въ Кятчинскомъ—737 р. 88 к. и въ Мальжегарскомъ—1.159 р. 23 к., т. е. всего касса имѣла уже 7.494 р. 71 к. Въ октябрѣ 1887 года, на требованіе болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о возникновеніи и оборотахъ наслежныхъ кассъ управа донесла, что «таковыхъ, за уничтоженіемъ въ 1881 году дѣлъ (вслѣдствіе пожара), въ управѣ не имѣется», а родовыя управленія дали свѣдѣнія очень неопредѣленныя, объяснивъ, однако, что касса «хранится у попечителя и расходуется по утвержденію на наслежныхъ сходкахъ, однимъ лишь бѣднѣйшимъ инородцамъ; цѣлость наличной кассы ежемѣсячно свидѣтельствуется членами родовыхъ управленій». Администрація не удовлетворилась такимъ отвѣтомъ, но Управа вторично указала на пожары, при которыхъ горѣли наслежные архивы, и уклонилась отъ болѣе точныхъ сообщеній.

Въ сентябрѣ 1894 года на нашу просьбу сообщить данныя о состоящихъ въ вѣдѣніи полиціи общественныхъ суммахъ окружное управленіе могло доставить намъ лишь дѣло о «Ссудной Кассѣ Якутовъ» (литера А) и ея книги. Кое-гдѣ въ этихъ книгахъ встрѣчались четвертушки бумаги съ какими-то цифрами: въ наслегѣ

---

[1]) Журналъ Совѣта Главн. Упр. Вост. Сибири отъ 26 ноября 1866 г., № 14.

такомъ-то состоитъ на лицо столько-то и въ долгахъ столько-то. Для того, чтобы выяснить: что это за суммы? какъ онѣ образовались? и каковы ихъ операціи? потребовалось личное посѣщеніе родовыхъ управленій,—изъ чиновъ окружнаго управленія никто въ эту пору уже и не помнилъ о существованіи какихъ-то кассъ по наслегамъ. Въ архивахъ Инородной Управы оказались цѣлехоньки и тѣ свѣдѣнія, которыя по донесенію 1877 года якобы сгорѣли еще въ 1881 году. Въ архивѣ 1-го Нерюхтейскаго наслега сохранялась и отчетность за все прежнее время. Изъ этой отчетности видно, что дѣятельность кассы развивалась, причемъ кругъ ея заемщиковъ въ концѣ періода оказывался значительно шире, чѣмъ это было вначалѣ. Постепенное возрастаніе кассы этого наслега и ея оборотовъ можно выразить такой табличкой:

Годы.	Сумма всѣхъ выдачъ. Р. К.	Размѣръ выдачъ. Руб.	Число заемщиковъ (человѣкъ).
1862	278 —	3—10	?
1867	333 70	1—15	?
1872	400 —	10—15	33
1877	853 —	5—30	102
1882	800 —	5—35	90
1887	1.008 —	5—20	160
1892	1.021 —	5—20	147

Въ послѣднихъ числахъ октября 1894 года, по провѣркѣ наличныхъ суммъ и отчетности шести наслежныхъ отдѣленій, общее состояніе улусной кассы оказалось такимъ:

	Въ ссудахъ. Р. К.	На лицо. Р. К.	Число заемщиковъ.
Въ 1-мъ Нерюхтейскомъ	1.710 —	201 90	140
» 2-мъ »	1.464 —	587 33	184
» 1-мъ Меитскомъ	1.030 —	86 47	169
» 2-мъ »	1.429 —	109 39	?
» Кятчинскомъ.	1.043 —	117 33	145
» Мальжегарскомъ.	1.797 66	55 59¾	360
	8.473 р. 66 к.	1.158 р. 1¾	
	9.631 р. 67¾ к.		

Такимъ образомъ, несмотря на совершенное отсутствіе какого бы то ни было контроля, касса, почти 30 лѣтъ остававшаяся всецѣло на попеченіи самихъ инородцевъ, не исчезла, и даже не бездѣйствовала, а капиталъ ея со времени основанія возросъ въ четыре раза. Однако, наряду съ такимъ благопріятнымъ общимъ

результатомъ, приходится отмѣтить и то, что самый способъ дѣятельности наслежныхъ кассъ все время составлялъ сплошное нарушеніе устава и имѣлъ мало общаго съ предположеніями, ради которыхъ касса основывалась. Прежде всего, никогда не примѣнялось рекомендованное Жуковскимъ обезпеченіе долговъ сѣнокосами: сѣнокосы по прежнему всюду сдавались богачамъ, а платежи по ссудамъ на бумагѣ обезпечивались скотомъ заемщика, на самомъ же дѣлѣ—зависѣли исключительно отъ его совѣсти. Чаще всего всѣ должники выдавали родовому управленію общую расписку, со взаимнымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ другъ за друга, но съ обозначеніемъ суммы, взятой каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, причемъ нерѣдко такіе долги очень долгое время пересрочивались изъ-года въ годъ. Въ сентябрѣ 1894 г. именно изъ подобныхъ расписокъ состояли денежные документы кассы въ наслегахъ: 1-мъ Нерюхтейскомъ—на 1.064 р., во 2-мъ Нерюхтейскомъ—на всю сумму долга, въ 1-мъ Меитскомъ—на всю сумму, во 2-мъ Меитскомъ—тоже; въ Мальжегарскомъ наслегѣ въ прежнее время заемщики записывались отдѣльно, въ 1870—74 г.г. расписки выдавались заразъ отъ цѣлыхъ родовъ, въ 1874—79 г.г. опять отдѣльно каждымъ, и, наконецъ, съ 1880 года и тутъ стала практиковаться общая, такъ сказать, круговая запись; въ Кятчинскомъ наслегѣ всѣ ссуды числились за родами. Если, несмотря на отсутствіе возврата ссудъ, касса, тѣмъ не менѣе, продолжала возрастать и кругъ ея кліентовъ постепенно расширялся, то это происходило исключительно благодаря неуклонности попечителей и старостъ во взиманіи процентовъ, которые тотчасъ же уходили въ новыя руки, и, такимъ образомъ, касса на бумагѣ успѣла учетвериться, тогда какъ ея наличность черезъ 30 лѣтъ послѣ фактическаго основанія все-таки оставалась совершенно ничтожной.

В) Въ крестьянскій міръ Олекминскаго округа мысль объ организаціи общественнаго учрежденія, въ которомъ можно было бы пользоваться кредитомъ на условіяхъ менѣе тяжелыхъ, чѣмъ у частныхъ лицъ, была внесена лишь въ 1890 году исправникомъ Б. Ф. Кочаровскимъ. Въ августѣ 1890 года имъ былъ выработанъ проектъ устава, получившій впослѣдствіи утвержденіе генералъ-губернатора. Сущность этого устава сводится къ слѣдующему: 1) путемъ отчисленія 2% съ получаемой крестьянами-почтосодержателями фуражной платы образуется основной капиталъ въ 5 т. р. для всей волости и не менѣе, какъ въ 200 р. для каждой отдѣльной станціи; 2) Касса принимаетъ отъ частныхъ лицъ

отдѣльные денежные вклады суммами не менѣе 10 рублей и уплачиваетъ по нимъ 4% въ годъ; 3) касса хранится и состоитъ въ вѣдѣніи окружнаго полицейскаго управленія; 4) кредитъ всѣмъ хозяевамъ каждой станціи не можетъ превышать 200 руб., т. е. суммы, принадлежащей собственно этой станціи; частными же вкладами полиція можетъ распоряжаться съ большею свободою, выдавая ихъ въ ссуду крестьянамъ даже и такихъ селеній, на которыхъ уже лежитъ долгъ въ 200 руб. По общему согласію всѣхъ станцій чистый доходъ можетъ обращаться на какое-либо общеполезное дѣло: въ случаѣ пожара или наводненія, также съ общаго согласія, изъ средствъ кассы можно оказать экстренную помощь жителямъ пострадавшаго селенія. Изъ чистой прибыли, по согласію хозяевъ одной какой-нибудь станціи, можно выдавать по 5 руб. безъ возврата какому-либо нуждающемуся; 5) отдѣльнымъ домохозяевамъ въ ссуду выдается отъ 5 р. до 50 р.; крестьянамъ, не имѣющимъ хозяйства,—5—20 р.; если же какая-нибудь станція увеличитъ свой взносъ, то и размѣръ выдачъ для крестьянъ этой станціи можетъ быть возвышенъ; 6) ссуды крестьянамъ выдаются не иначе, какъ съ согласія всей деревни, съ ручательствомъ нѣсколькихъ лицъ, каждаго не болѣе, какъ на 15 р.; 7) срокъ ссуды—самое большее—одинъ годъ; 8) процентъ по займамъ—12% въ годъ; 9) 10% роста идутъ на увеличеніе кассы и 2% на покрытіе расходовъ управленія; 10) окружная полиція ежегодно отправляетъ отчеты кассы на разсмотрѣніе областного правленія.

Существеннымъ недостаткомъ этого устава, какъ вскорѣ же показала практика, служила отдаленность мѣстонахожденія кассы отъ тѣхъ лицъ, нуждамъ которыхъ она должна была служить. Раньше уже упоминалось, что жители дальнихъ станцій почти никогда не бываютъ въ городѣ; кромѣ того, самая идея кассы, какъ органа самопомощи, оставалась для крестьянъ совершенно неясной. Повидимому, они вначалѣ отнеслись ко всему дѣлу довольно безучастно и нашли способы исполнить волю начальства формальнымъ образомъ, такъ, что въ 94 году это учрежденіе можно было назвать скорѣе бумажнымъ, чѣмъ существующимъ въ жизни. Опредѣленный уставомъ капиталъ въ 5 т. р. былъ собранъ уже къ марту 1893 г., и тогда же касса оффиціально открыла свои дѣйствія. Къ 1 января 1894 г. въ ея 22-хъ отдѣленіяхъ состояло деньгами 485 р. 58 к. и документами 4.990 р., а всего 5.475 р. 58 к. Однако, это вовсе не означало, чтобы сумма 4.990 р. была дѣйствительно роздана въ ссуды нуждаю-

щимся. Въ обходъ устава съ самаго же начала крестьяне стали практиковать такой способъ: деревенскій сходъ уполномачивалъ одного довѣреннаго на полученіе крупной суммы, испрашиваемой для такихъ-то и такихъ-то домохозяевъ, и сумма эта выдавалась изъ Окружной полиціи довѣренному подъ его расписку, а на мѣстѣ, т. е. въ деревнѣ, она подвергалась на сходѣ раздѣлу не между нуждающимися, а между всѣми членами общества, не по мѣрѣ ихъ нуждъ, а по мѣрѣ ихъ участія въ почтовой гоньбѣ, что практически было почти равносильно обратному полученію каждымъ домохозяиномъ той суммы, которую онъ внесъ на образованіе кассы.

Въ двухъ центральныхъ деревняхъ: Амгинской и Олекминской, не участвующихъ въ почтовомъ обгонѣ, извѣстіе о томъ, что по станціямъ учреждаются какія-то кассы, вызвало-было стремленіе къ подражанію, и на сходѣ 19 октября 1890 г. общественники постановили учредить кассу и въ своихъ деревняхъ, употребивъ на ея образованіе всю выручку отъ продажи хлѣба съ общественной запашки [1]). Однако, исправникъ предложилъ крестьянамъ указать другой источникъ, т. к. еще въ 87 году губернаторъ К. Н. Свѣтлицкій приказалъ употреблять урожай общественныхъ запашекъ на пополненіе числящейся за бѣднѣйшими крестьянами хлѣбной недоимки и частью на уплату за нихъ податей. Такъ какъ никакого другого источника амгинцы указать не могли, то на этомъ все дѣло у нихъ и заглохло.

Въ селеніяхъ Якутскаго округа предложеніе администраціи послѣдовать примѣру олекминцевъ было принято на сходѣ 17/26 февраля 93 года, но, принимая въ общемъ олекминскій уставъ, станочники сдѣлали оговорку о желательности для нихъ получать ссуды не въ городѣ, а при проѣздѣ черезъ какую-либо станцію должностныхъ лицъ, т. к. «разъ полученіе ссуды должно быть неминуемо сопряжено съ большими или меньшими расходами на поѣздку для этого въ городъ, она уже не будетъ представлять никакой выгоды для нуждающагося».

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что всѣ три кредитныхъ учрежденія, существовавшія въ русскихъ и инородческихъ селеніяхъ изслѣдованнаго района въ половинѣ девяностыхъ

---

[1]) *Арх. Олекм. Мір. Избы.* 90 г. Д. № 48.

годовъ, имѣли одну общую черту: ихъ капиталы обращались только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ почти всѣ они были разобраны по рукамъ и перечислялись долгомъ за одними и тѣми же лицами. Различія въ характерѣ дѣятельности мѣстныхъ кассъ сводились лишь къ тому, что Ссудною Кассою якутовъ воспользовался весьма ограниченный кругъ инородцевъ, преимущественно болѣе зажиточныхъ; средства наслежныхъ кассъ разошлись по рукамъ тысячи съ небольшимъ домохозяевъ и, наконецъ, взносы, изъ которыхъ составлялись крестьянскія кассы, послѣ каждаго полученія почтовой платы, вскорѣ же возвращались къ тѣмъ самымъ лицамъ, отъ которыхъ они поступали, т. е. ко всѣмъ домохозяевамъ общества.

Такимъ образомъ частный кредитъ и при существованіи подобныхъ учрежденій, продолжалъ дѣйствовать съ прежнимъ успѣхомъ и въ прежнихъ формахъ.

II. При слабомъ развитіи въ краѣ земледѣлія и при отдаленности хлѣбнаго рынка на тысячи верстъ отъ приленскихъ станцій, нужда въ продовольствіи нерѣдко чувствовалась у крестьянъ-станочниковъ чрезвычайно остро и вела за собой полное обнищаніе, но всѣ попытки общественной борьбы съ этимъ бѣдствіемъ, какъ и въ дѣлѣ организаціи денежнаго кредита, исходили до сихъ поръ только отъ администраціи и носили вполнѣ казенный характеръ. Если морозъ и засуха губили хлѣба и травы, то скотъ пропадалъ, всякія средства къ пропитанію исчезали, и жители обращались за помощью къ казнѣ. Правительство еще въ XVII вѣкѣ организовало доставку «хлѣбнаго провіанта» по р. Ленѣ для удовлетворенія служилыхъ людей; что же касается до прочихъ классовъ населенія, то въ прежнее время туземцы въ хлѣбѣ не нуждались, т. к. они его не употребляли, а немногочисленные русскіе не изъ числа служилыхъ пріобрѣтали муку и зерно частью изъ казенныхъ магазиновъ, а частью у вольныхъ торговцевъ. Съ развитіемъ земледѣлія въ верховьяхъ Лены, въ теперешней Иркутской губерніи, главная масса хлѣба шла въ Якутскъ оттуда, весеннимъ сплавомъ по р. Ленѣ, и русскіе крестьяне Якутской области въ обыкновенное время весь хлѣбъ, какой имъ былъ нуженъ, покупали съ паузковъ. Въ голодные годы, при усиленномъ падежѣ скота, нужда въ продовольствіи настолько увеличивалась,

что мѣстныя власти оказывались не въ состояніи удовлетворить требованія жителей, не прибѣгая къ исключительнымъ мѣрамъ: казенныхъ запасовъ не всегда хватало отъ весны до весны, т. к. зимнимъ путемъ подвоза не было (отъ Иркутска до Якутска около 3 тысячъ верстъ), и тогда власти принудительно отбирали хлѣбъ изъ купеческихъ запасовъ, «оставляя у торгующихъ такое количество, чтобы достало у нихъ къ прокормленію съ ихъ семействами до приплава по вскрытіи рѣки Лены новаго провіанта» [1]). Собранный такимъ образомъ хлѣбъ сдавался довѣренному лицу, на обязанность котораго возлагалась попудная распродажа по установленной администраціей цѣнѣ. Закупая хлѣбъ для казенныхъ магазиновъ, администрація XVIII вѣка имѣла въ виду исключительно русское населеніе области; инородцамъ, по воззрѣніямъ того времени, подобало питаться отъ своихъ стадъ, и потому закупка хлѣба якутами разсматривалась, какъ нѣчто нежелательное. Въ цитированномъ выше предписаніи 23 марта 1798 г. Балкашинъ, какъ бы въ собственное оправданіе, объясняетъ, что недохватъ хлѣба произошелъ «не отъ чего иного, какъ отъ употребленія якутами для корму скота и провизіи самихъ ихъ», т. к. изъ вѣдомостей видно, что запасовъ должно было бы хватить. [2])

Частная торговля хлѣбомъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка находилась почти всецѣло въ рукахъ киренскихъ купцовъ. По вѣдомости, составленной въ 1805 г. Олекминскимъ комиссаромъ въ отвѣтъ на запросъ иркутскаго генералъ-губернатора, весною этого года въ комиссарствѣ было распродано 14-ю торговцами 13.379 п. приплавного хлѣба; только одинъ изъ этихъ торговцевъ принадлежалъ къ числу мѣстныхъ олекминскихъ крестьянъ (Леонидъ Яныгинъ, продавшій 2.141 п.), одинъ означенъ въ вѣдомости якутскимъ купцомъ, а всѣ остальные—были купцы и крестьяне Киренскаго округа. Цѣны указаны въ вѣдомости (безъ означенія рода проданныхъ хлѣбовъ) отъ 85 к. до 1 р. 75 к. за пудъ. Сопоставляя данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ въ г. Иркутскѣ, сообщаемыя у Андріевича, съ тѣми свѣдѣніями, которыя сохранились въ Олекминскомъ архивѣ, можно сдѣлать

---

[1]) Арх. Олекм. Окр. Пол. Д. 1798 г. Донесеніе А. Балкашина отъ 23 марта 1798 года.

[2]) Въ 1797 году «для продовольствія народнаго съ іюля мѣсяца въ продажу употреблено было провіанта ржаного 13.900 пудовъ, сухарей ржаныхъ 70 пудовъ, пшеничнаго 800, крупъ 150, солоду 150, а всего 15.070 пудовъ».

тотъ выводъ, что ржаная мука въ среднемъ въ концѣ XVIII вѣка обходилась въ Якутскѣ вдвое дороже, чѣмъ въ Иркутскѣ, пшеничная — дороже почти на 85%; при колебаніяхъ, когда цѣны на ржаную муку въ Иркутскѣ поднимались на 40%, то въ Якутскѣ онѣ возрастали на 50%; пшеничная мука въ Иркутскѣ въ пятилѣтіе 1760—1764 г. г. поднялась на 23%, а въ Якутскѣ — на 54%.

Въ 1804 году, вслѣдствіе недостатка хлѣба, по распоряженію иркутскаго генералъ-губернатора, на Лену было отправлено спеціально для крестьянъ Якутскаго тракта 3 тыс. пуд. хлѣба, пріобрѣтеннаго на суммы Приказа Общественнаго Призрѣнія, и въ то же время послѣдовало распоряженіе объ основаніи запасныхъ магазиновъ [1]). Однако, уже въ 1818 году амгинскіе и олекминскіе крестьяне были освобождены отъ обязанности пополнять магазины, такъ какъ «климатъ тамъ есть непреодолимая препона для распространенія земледѣлія; жители отъ хлѣбопашества ни малѣйшей не получали пользы». Въ томъ же году не только русскимъ, но также и инородцамъ Якутской области и Камчатки было разрѣшено «во время худыхъ у нихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ» пользоваться хлѣбомъ изъ казенныхъ магазиновъ [2]).

Постановка продовольственнаго дѣла, существовавшая позже въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, получила начало въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка [3]), но въ селеніяхъ Якутской области никто изъ старожиловъ не могъ мнѣ доставить свѣдѣній о томъ, какіе запасы существовали ранѣе въ деревняхъ, какъ они пополнялись и расходовались, и когда именно исчезли. Въ проходившихъ черезъ мои руки архивныхъ данныхъ точно также не имѣлось по этому поводу никакихъ указаній. Нѣкоторые слѣды существованія въ прежнее время какихъ-то запасовъ оставались только въ мало вразумительныхъ цифрахъ старыхъ долговъ; такъ въ обществѣ 20-ти станцій Якутскаго округа всѣ крестьяне считали за собою, помимо текущихъ долговъ въ существующіе запасные магазины, какой то «старый долгъ», происхожденіе котораго самимъ жителямъ было совершенно неизвѣстно. На разспросы крестьяне объясняли, что когда-то, «еще при дѣдахъ», у нихъ были какіе-то запасы, но когда и какъ эти запасы исчезли, никто изъ живу-

---

[1]) *Андріевичъ.* Ист. Очеркъ Сибири.

[2]) *П. С. З.* XXXV 27.402 и 27.575.

[3]) Постановленія 5 іюня 1834 г., 16 января 1836 г., и журналъ Гл. Упр. Вост. Сибири 14 августа 1838 г.

щихъ не зналъ, и самый долгъ былъ разверстанъ по деревнямъ на всѣхъ домохозяевъ по числу ревизскихъ душъ каждой семьи, т. е. принятъ на себя непосредственно всѣмъ обществомъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, судя по «отчетамъ» якутскихъ губернаторовъ, въ деревняхъ опять существовали хлѣбо-запасные магазины, но уже въ половинѣ того-же десятилѣтія, когда въ этихъ магазинахъ ощутилась наибольшая нужда, никакихъ запасовъ на дѣлѣ не оказалось, и ихъ исчезновеніе осталось для меня такимъ же загадочнымъ, какъ и судьба ранѣе ихъ существовавшихъ учрежденій этого рода. Между тѣмъ, вслѣдствіе ряда неурожаевъ, ржаная мука поднялась въ эти годы въ частной продажѣ до 4 р. 75 к. за пудъ, и крестьянамъ пришлось обратиться за помощью въ казенные магазины, съ давнихъ поръ существовавшіе въ гор. Якутскѣ и Олекминскѣ и въ селеніяхъ Березовскомъ и Хатынъ-Тумульскомъ. Казенный хлѣбъ закупался для этихъ магазиновъ съ юга и обходился очень дорого; мука поставки 71, 73, 74 и 75 г.г. отпускалась въ восьмидесятыхъ годахъ по 3 р. 25½ к. и въ началѣ девяностаго года по 2 р. 50¾ к., а въ 91 г.—по 2 р. 09 к. Несмотря на такую дороговизну въ указываемый періодъ крестьяне рядомъ неурожаевъ и полной безкормицей были вынуждены неоднократно прибѣгать къ помощи казенныхъ магазиновъ, и въ іюнѣ 90-го года олекминскіе запасы Березовскій и Хатынъ-Тумульскій, по донесенію мѣстнаго исправника, оказались совершенно истощенными. Въ виду того, что нужда еще не миновала, исправникъ просилъ разрѣшенія закупить для этихъ магазиновъ въ Нохтуйскѣ 5 тыс. пуд. по цѣнѣ 1 руб. 60 к. и 1 р. 70 к., но областное правленіе отказало въ этой просьбѣ, мотивировавъ свой отказъ ссылкою на статью 305 Уст. Прод., такъ какъ, по толкованію совѣтника Кугаевскаго, въ силу этой статьи хлѣбъ изъ казенныхъ магазиновъ можно отпускать лишь «при недостаткѣ частной продажи, въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества». Исходя изъ такого толкованія 305 статьи, областное правленіе предупреждало, что «крестьяне не должны разсчитывать на помощь со стороны казны, а должны стараться о развитіи у нихъ земледѣлія» [1]).

Точно также не получило удовлетворенія возбужденное приблизительно въ то-же время ходатайство олекминскихъ крестьянъ о разрѣшеніи имъ пополнить заемъ 86 г. не деньгами, а хлѣбомъ.

---

[1]) Журналъ Обл. Пр. отъ 5 іюня 1890 г.

Воспрещеніе уплачивать натурой, удовлетворяя коммерческимъ интересамъ казны, на заемщиковъ ложилось въ подобныхъ случаяхъ очень тяжелымъ бременемъ. Примѣромъ того, насколько невыгодны бывали для населенія при этомъ условіи казенныя ссуды, можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ дѣятельности инородческихъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ, находившихся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у крестьянъ: въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ изъ запасовъ Олекминскаго улуса для казеннаго магазина въ г. Якутскѣ было позаимствовано 3 тыс. пуд. круглаго ячменя по мѣстной цѣнѣ 1 руб. 20 к. за пудъ; въ 87 году сами инородцы уже должны были обратиться за ссудой въ казну и получили 4.154 пуда такого же круглаго ячменя по цѣнѣ 2 р. 50¼ к. Въ апрѣлѣ того же года при уплатѣ инородческаго долга изъ общей его суммы 10.416 р. 15½ к. казною было скинуто 3.600 руб. за взятые ранѣе у инородцевъ 3 тыс. пуд., и взыскано 6.816 руб. 16 коп. и такимъ образомъ ссуженные якутами 3.000 пудовъ пошли взамѣнъ полученныхъ отъ казны 1.485 пуд. 28 фун. Продавая свой собственный хлѣбъ для уплаты казеннаго долга, инородцы и крестьяне, какъ видно изъ этого примѣра, въ нѣкоторыхъ случаяхъ за 1 пудъ заемнаго хлѣба должны были терять болѣе двухъ пудовъ, собственнаго.

Такія условія казеннаго воспомоществованія, казалось бы, давно должны были побудить крестьянскія общества къ образованію своихъ, общественныхъ запасовъ хлѣба, но тѣмъ не менѣе еще къ началу 1889 года никакихъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ въ деревняхъ не существовало, и мѣстной администраціи пришлось начинать дѣло ихъ устроенія съизнова, какъ будто бы раньше ничего подобнаго тутъ не бывало. Толчекъ для этого былъ данъ циркуляромъ генералъ-губернатора графа Игнатьева отъ 16 сентября 1888 г., разосланнымъ въ копіяхъ по всѣмъ сельскимъ обществамъ. Въ декабрѣ 88 года засѣдатель 1-го участка донесъ окружной полиціи, что крестьяне 20-ти станцій обязались засыпать въ хлѣбозапасные магазины 815 пуд. 16½ фун., разложивъ этотъ сборъ по ревизскимъ душамъ въ количествахъ отъ 1 пуда до 1 пуда 36¼ фун. Засѣдатель 2-го участка (Амгинское общество) въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ доложилъ, что амгинскіе крестьяне не могутъ и теперь пополнить запасовъ, такъ какъ они сами пользуются покупнымъ хлѣбомъ и благосостояніе ихъ находится въ полномъ упадкѣ. Въ январѣ 89 г. амгинцы постановили приговоръ, изъ котораго видно, что имъ слѣдовало имѣть 1.499 п.

30 ф., которыхъ, однако же, не было. Олекминская окружная полиція въ томъ же январѣ, вслѣдствіе понужденія со стороны областного начальства, приняла дѣятельныя мѣры къ пополненію хлѣбныхъ запасовъ и къ концу мѣсяца успѣла собрать 5.419 ч. 4 чк. $5^1/_2$ грн. съ инородцевъ и 295 ч. 1 чк. $1^1/_2$ грн. съ крестьянъ. Къ 1 января 1895 г. по оффиціальнымъ даннымъ [1]) на лицо состояло: въ обществѣ 20-ти станцій—524 ч. 1 чк. 3 грн., въ Амгинской сл.—20 ч. 3 чк. 4 г., въ двухъ центральныхъ деревняхъ Олекминскаго окр.—1.741 ч. 1 чк. 6 грн., на 22 станціяхъ—1.608 ч. 2 чк. 6 грн., и въ инородческой волости—15.582 ч. 7 чк. 4 грн. За 1894 годъ, по тому же «обзору», ссудъ было выдано: въ Якутскомъ округѣ—65 ч. 1 чк. 3 грн., въ олекминскихъ селеніяхъ—1.562 четверти, и въ инородческой волости—3.707 чет. 3 чк.

Такимъ образомъ съ внѣшней стороны въ продолженіе пяти лѣтъ 90—94 г.г. дѣло, казалось бы, наладилось; но заключать отсюда о его прочности и исправной постановкѣ было бы рано. Начать съ того, что отчетности по селеніямъ или вовсе не велось, или она велась очень небрежно, свѣдѣнія, препровождаемыя въ полицію, въ обществѣ 20-ти станцій составлялись писаремъ старосты, однимъ на всѣ станціи, а въ Олекминскомъ округѣ доставлялись Мірской Избой и цѣнность этихъ свѣдѣній весьма невысока. Способъ пополненія магазиновъ въ разныхъ обществахъ оказался по нашимъ наблюденіямъ неодинаковъ. Въ Олекминскомъ округѣ, согласно постановленію Сов. Гл. Упр. Вост. Сибири отъ 19 февраля 1854 года, при засыпкѣ за норму было принято 28 пуд. съ ревизской души, а въ Якутскомъ округѣ—по 12 пудовъ. Крестьяне с. Павловскаго до 1895 года засыпали въ свой магазинъ по 12 п. съ рев. души, но на будущее время рѣшили въ продолженіе 17 лѣтъ засыпать по 6 пуд. съ наличной мужской души, опредѣливъ на весь періодъ число душъ 73, имѣвшихся на лицо въ моментъ составленія приговора. Процентъ по ссудамъ былъ также не одинаковъ: отъ 1-го до 3-хъ фунтовъ въ различныхъ селеніяхъ. Обновлялся хлѣбъ рѣдко и кое-гдѣ залеживался, чему способствовало и очень плохое устройство почти всѣхъ магазиновъ, выстроенныхъ повсюду самими крестьянами, безъ всякихъ указаній какихъ-либо свѣдущихъ людей. На пяти станціяхъ магазиновъ не существовало и въ началѣ 95-го года. Удовлетворительное зданіе оказалось только въ селеніи Павловскомъ, гдѣ оно было

---

[1]) «Обзоръ Якутской обл. за 1894 г.

пожертвовано обществу мѣстнымъ богачемъ А. М. Кушнаревымъ. Всѣ остальные магазины Якутскаго округа не имѣли никакихъ приспособленій для просушки и для провѣтриванья зерна. Въ обоихъ округахъ только у 12 магазиновъ оказались потолки. Почти всѣ амбары были построены безъ мха, пазы въ нихъ прилажены плохо, а потому и дождь и снѣгъ свободно проникали внутрь помѣщенія; самыя крыши состояли частью изъ досокъ, а частью изъ корья и мелкаго лѣса, плохо засыпаннаго землей. Засѣки нашлись только въ двухъ магазинахъ, а въ остальныхъ ихъ замѣняли простыя перегородки безъ особаго испода.

Въ заключеніе можно добавить, что и точныя мѣры имѣлись только по Олекминскому округу, гдѣ наиболѣе благоустроенными оказывались магазины инородцевъ.

Общественная постановка кредитнаго и продовольственнаго дѣла въ послѣднихъ годахъ XIX-го вѣка являлась для якутскихъ крестьянъ еще чѣмъ-то новымъ. Самодѣятельность крестьянскаго міра въ этой сферѣ ничѣмъ не выразилась. Однако, при бесѣдахъ съ крестьянами мнѣ ни разу не пришлось повстрѣчаться съ принципіальнымъ отрицаніемъ необходимости именно общественныхъ, а не только казенныхъ учрежденій для борьбы съ нуждою. Олекминскіе якуты точно также достаточно разсудительны для того, чтобы оцѣнить пользу подобныхъ учрежденій и вести ихъ не хуже русскихъ. Если практика сельскихъ и наслежныхъ кассъ очень неудовлетворительна, то не надо забывать, что и дѣятельность «ссудной кассы якутовъ», состоящей всецѣло въ вѣдѣніи администраціи, удовлетворительна еще менѣе. Во всякомъ случаѣ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ наблюдалъ въ девяностыхъ годахъ, и кассы и хлѣбозапасные магазины осваивали населеніе съ мыслью о самодѣятельности и о самопомощи и въ этомъ смыслѣ были полезны; что же касается до ихъ практическаго значенія, то изъ сообщаемыхъ данныхъ очевидно, что оно было весьма ничтожно.

Добавленія къ главѣ VI-той. 9-го февраля 1901 года якутскій губернаторъ В. Н. Скрипицынъ представилъ на утвержденіе генералъ-губернатора вырабатывавшійся мѣстной администраціей еще съ 1895 года проектъ учрежденія въ краѣ сельскихъ кассъ на основаніи правилъ о сберегательныхъ и вспомогательныхъ кас-

сахъ, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1840 году, и нѣсколько видоизмѣненныхъ примѣнительно къ закону объ учрежденіяхъ мелкаго кредита (по прод. 1895 года). Въ 1899 году такая касса была учреждена при только-что образованномъ Нохтуйскомъ волостномъ правленіи. Капиталъ этой кассы при ея учрежденіи составлялъ 2.523 р. 80 к. Въ 1900 году возникла касса въ Амгинской слободѣ, а по «Обзору» за 1901 г. указано въ крестьянскихъ селеніяхъ: 3 кассы въ Якутскомъ округѣ и 6 въ Олекминскомъ,—послѣднія, какъ пополнявшіяся отчисленіями изъ фуражной платы, а Амгинская, какъ образованная изъ доходовъ общественной лавки и общественнаго кабака. Въ позднѣйшихъ «Обзорахъ» свѣдѣнія о кассахъ такъ отрывочны и неполны, что сказать что-либо о современномъ состояніи кредитнаго дѣла въ краѣ невозможно.

Съ конца 90-хъ годовъ кое-гдѣ по селеніямъ стали возникать и общественныя лавки, изъ которыхъ первая была учреждена въ Амгѣ, въ 1897 году. Въ 1902 году ея оборотъ составлялъ 2.500 р., а чистой прибыли поступило болѣе 200 р. Въ 1898 году общественныя лавки открылись въ селеніяхъ Чекурскомъ, Харьялахскомъ и Мархинскомъ Олекминскаго округа, а въ ближайшіе затѣмъ годы въ селеніяхъ Наманинскомъ и Солянскомъ. По «Обзору» за 1901 годъ чистый доходъ амгинской лавки показанъ въ 700 р., а капиталъ олекминскихъ лавокъ въ 8.378 р. 23¼ к.

Глава VII.

Мірскіе промыслы и общественные доходы.

1) Ямская гоньба; 2) общественные подряды на извозъ; 3) прочіе доходы сельскихъ обществъ.

Наиболѣе оригинальной чертой въ бытѣ русскихъ крестьянъ Якутской обл. является то, что они долгое время были только ямщиками, да и теперь остаются прежде всего—ямщиками. Ямское дѣло составляетъ у нихъ не промыселъ отдѣльныхъ лицъ, а какъ-бы натуральную повинность, возложенную правительствомъ на весь крестьянскій міръ. Однако, отъ другихъ натуральныхъ повинностей это дѣло отличается тѣмъ, что оно приноситъ крестьянамъ денежный доходъ, который распредѣляется среди общественниковъ по нормамъ, устанавливаемымъ самимъ обществомъ. Кромѣ того, и нѣкоторая часть требуемыхъ промысломъ расходовъ, выполняется не отдѣльными домохозяевами, а всѣмъ обществомъ заразъ, и, наконецъ, часть промысловаго обзаведенія точно также составляетъ собственность не отдѣльныхъ лицъ, а самаго общества или возникающихъ внутри него частныхъ артелей. Все это заставляетъ меня разсматривать ямскую гоньбу не какъ повинность, а именно какъ мірской промыселъ, являющійся крупнѣйшимъ источникомъ общественнаго дохода. Такой взглядъ кажется мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ прежнее время гоньба сдавалась казною якутамъ и частнымъ лицамъ, и тогда сами крестьянскія общества ходатайствовали о предоставленіи этого дѣла опять имъ, а слѣдовательно существенный для повинности элементъ принудительности въ этомъ случаѣ оказывается почти отсутствующимъ, и въ то время какъ отъ выполненія повинности крестьянинъ иногда откупается или нанимаетъ за себя замѣстителя, свою долю обгона онъ при желаніи уступаетъ другому за деньги, какъ и свой земельный надѣлъ.

Въ XVIII вѣкѣ, какъ это указывалось въ первой главѣ, ямщина составляла для крестьянина дѣйствительно повинность,

которую онъ отбывалъ своимъ трудомъ, тогда какъ приписанные къ станціямъ якуты несли на себѣ всѣ матеріальныя затраты. Однако уже въ началѣ XIX в. станки сдавались казною съ торговъ, но въ ту пору обществамъ, повидимому, еще было не по силамъ организовать дѣло мірскимъ способомъ и, если не всегда, то весьма часто, сами общества пересдавали взятый подрядъ частнымъ лицамъ, выгадывая для себя лишь небольшую разницу въ суммахъ, получаемыхъ съ казны и выплачиваемыхъ ими самими дѣйствительнымъ почтосодержателямъ. Казна заключала условіе съ цѣлымъ «обществомъ», т. е. съ волостью, а общество сдавало перегонъ на различныхъ станкахъ отдѣльнымъ подрядчикамъ изъ зажиточныхъ крестьянъ. Въ образецъ порядковъ того времени я могу привести договоръ олекминцевъ, заключенный ими 23 октября 1800-го года съ крестьяниномъ Егоромъ Ивановымъ Кривыхъ на содержаніе этимъ послѣднимъ Пеледуйскаго станка (теперь—Кирен. уѣзда Ирк. губ.):[1]) «за отправленіе почтовыхъ лошадей, за содержаніе работниковъ и всякой потребной надобности» Кривыхъ долженъ былъ получать отъ общества ежегодно по 1.700 р., изъ которыхъ 360 р. давались въ задатокъ «да по снисхожденію своему онъ, Егоръ, взирая на бѣдность нашего общества, изъ той договорной цѣны въ благодѣяніе уступилъ 100 р.». На обязанность Кривыхъ возлагалось содержаніе на станціи 16 лошадей, но далѣе въ договорѣ поясняется: «для прокорма же сѣномъ—собственно наше; въ случаѣ же недостатка сѣна, то нашей волости имѣть съ Вами, Кривыхъ, что будетъ на то израсходовано».... «Работниковъ же имѣть Вамъ шесть человѣкъ нашихъ; содержаніе, пища, одежда и обувь тоже наше, волостное, и быть онымъ рабочимъ у васъ въ повиновеніи и всякой послушности безъ всякаго ихъ ослушанія; въ случаѣ же,—что Боже сохрани,—кто либо изъ работниковъ помретъ или заболѣетъ, то Вамъ, Кривыхъ, нанять на счетъ нашъ въ полный комплектъ».... «Содержаніе почтоваго дома и пищи для проѣзжающихъ почтъ или эстафетъ—тоже полагается отъ общества, и за оный разгонъ рядимъ Вамъ, Егору Кривыхъ, платы 1.700 р.». «Оный разгонъ», какъ видно изъ договора, сводился къ тому, что Кривыхъ предоставлялъ для гоньбы своихъ лошадей и инвентарь, а всѣ расходы и трудъ принимало на себя общество. Какъ много уплачивалось тогда казною за со-

---

[1]) *Арх. Олекм. Мір. Избы.* Пачка дѣлъ 1801 года.

держаніе Пеледуйскаго станка, данныхъ не отыскалось, но изъ дѣлъ 1824 года видно, что въ первую половину этого года Олекминская волость получила съ казны 29.287 р. 50 к. ассигнаціями т. е. за весь годъ около пятидесяти восьми тысячъ, и что за содержаніе одной «пары», т. е. въ дѣйствительности четверки лошадей, уплачивалось тогда около 500 р. ассигнаціями. Отсюда можно заключить, что въ 1800 году за содержаніе на Пеледуйскомъ станкѣ 4-хъ «паръ» общество могло получить ни въ какомъ случаѣ не болѣе 2 тысячъ р. асс., а слѣдовательно, послѣ сдѣлки съ Кривыхъ, при указанныхъ въ договорѣ расходахъ самого общества, въ доходъ общества могла очиститься лишь очень ничтожная сумма.

Всегда ли договоры съ почтосодержателями имѣли именно такой характеръ, или въ другихъ случаяхъ подрядчики принимали на себя всѣ расходы дѣла, а общества являлись только посредниками между ними и казной, объ этомъ я ничего не могу сказать по неимѣнію данныхъ [1]). Въ позднѣйшее время роль простого посредника общество сохраняло за собою лишь въ Амгинской слободѣ Якут. округа, гдѣ ямщина никогда не составляла главнаго промысла и гдѣ она и теперь представляетъ для мѣстныхъ крестьянъ небольшое значеніе. Амга лежитъ въ сторонѣ отъ Иркутскаго тракта, на пути отъ Якутска къ Аяну. Почтовая гоньба существовала по этому пути лишь на участкѣ Якутскъ-Амга, а далѣе ѣзда происходила только на такъ-называемыхъ обывательскихъ лошадяхъ, и въ 1894 году амгинское общество брало съ торговъ почтовый обгонъ по станціямъ Крестовской и Амгинской, получая за это 235 р. и 180 р., и обывательскую гоньбу какъ на этихъ двухъ, такъ и на двухъ другихъ станціяхъ, лежащихъ по пути къ Аяну: Нотарской и Таргалахской, сдававшихся по 149 р., 160 р., 129 р., и 144 р., такъ что вся валовая сумма составляла лишь 997 р. При тѣхъ расходахъ, которыхъ требуетъ сколько-нибудь исправная постановка ямского дѣла, отбиваться отъ хозяйства ради такой выручки не стоило, а между тѣмъ якуты окрестныхъ наслеговъ охотно брались за гоньбу за гораздо меньшее вознагражде-

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подрядчики получали за содержаніе станковъ по 2 р. и по 2 р. 60 к. съ каждой ревизской души, такъ за Берденскій станокъ— по 2 р. 60 к., а всего 917 р. 80 к., за Хамринскій по 2 р. 60 к., и т. п., но изъ дѣлъ не видно, каковы были условія такихъ подрядовъ. (Приходо-расходная книжка головы Егора Рыбникова). *Арх. Ол. М. Избы.*

ніе, и потому у амгинцевъ содержаніе станцій имѣло характеръ простого барышничества. Взявъ подрядъ и заключивъ съ казною черезъ посредство особаго довѣреннаго два контракта на почтовую и на обывательскую гоньбу, общество уплачивало довѣренному условленное вознагражденіе за поѣздку въ городъ и затѣмъ вторично устраивало торги уже въ Мірской Избѣ, допуская къ участію въ нихъ только коренныхъ крестьянъ Амгинской слободы; ни новопокровцамъ, ни усть-майцамъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ не предоставлялось. Торги шли, конечно, на уцѣнку, и въ 94 году общество выгадало такимъ образомъ изъ суммы 997 р. въ свой доходъ 252 р. 17 к. На этомъ, однако, барышничество не останавливалось, т. к. и тѣ амгинцы, которые снимали отъ общества обгонъ какой-либо пары, переуступали дѣло инородцамъ за еще меньшую цѣну, а на станціи Таргалахской обгонъ былъ переданъ обществомъ кр. Пинегину, который переуступилъ его кр. Артемьеву, а тотъ, въ свою очередь, переуступилъ якуту.

Несмотря на то, что гоньба по Аянскому тракту для якутовъ гораздо сподручнѣе, чѣмъ для крестьянъ, администрація, желая поддержать амгинцевъ и доставить имъ лишній заработокъ, въ 94 году предложила сдать имъ на слѣдующее трехлѣтіе обгонъ 5 почтовыхъ и 12 обывательскихъ паръ. Новопокровцы рѣшительно уклонились отъ участія въ этомъ дѣлѣ, объясняя свой отказъ резоннымъ соображеніемъ: «либо мнѣ землю пахать, либо мнѣ почту гонять, а какъ я поспѣю и на станкѣ справляться и дома?»; усть-майцы по тѣмъ же соображеніямъ соглашались принять на себя обгонъ только одной обывательской пары на ближайшемъ станкѣ; амгинцы же, наоборотъ, выразили готовность взяться за обгонъ всѣхъ 17-ти паръ, и, послѣ долгихъ обсужденій, остановились на такомъ способѣ организаціи дѣла: всѣ крестьяне платящіе подати должны были разбиться на 17 мелкихъ артелей, и всякая артель должна была составиться такимъ образомъ, чтобы всѣ онѣ представляли приблизительно одинаковую хозяйственную силу и были равны, какъ единицы податного обложенія. Для этого въ составъ каждой артели должны были входить нѣсколько семей—одна или двѣ позажиточнѣй и двѣ или три побѣднѣй. Каждой такой артели имѣлось въ виду предоставить обгониванье одной пары, безразлично почтовой или обывательской, причемъ также безразлично предполагалось распредѣлять между артелями почтовую плату, соразмѣряя долю артели лишь съ протяженіемъ стан-

ціи. Подвергать раздѣлу предполагалось при этомъ не всю казенную сумму, а лишь остатки ея, за вычетомъ казенныхъ податей, причитающихся на ревизскія души всѣхъ артельщиковъ.

Не знаю, осуществился ли этотъ проектъ, но несомнѣнно, что переселяться на станки для личнаго выполненія рѣдкой гоньбы по захолустному тракту крестьянамъ было бы все-таки невыгодно, и потому предоставленіе этого дѣла непосредственно притрактовымъ якутамъ лично мнѣ казалось болѣе раціональнымъ. Если не ошибаюсь, то впослѣдствіи и администрація склонилась къ этому взгляду.

Въ обществѣ 20-ти станцій Якутскаго округа мы вступаемъ уже въ настоящій ямской міръ, въ которомъ порядки, наблюдавшіеся мною въ девяностыхъ годахъ, имѣли за собой почти вѣковую давность. Уже изъ договора олекминцевъ съ Кривыхъ можно видѣть, что, сдавая обгонъ подрядчику, общество далеко не устранялось отъ прямого участія въ дѣлѣ. Если оно соглашалось на такія невыгодныя для себя условія, на какихъ былъ заключенъ договоръ съ Кривыхъ, то очевидно лишь по неимѣнію у тогдашнихъ крестьянъ собственныхъ лошадей, ранѣе поставлявшихся на станки якутами, и по отсутствію средствъ для пріобрѣтенія собственныхъ лодокъ, саней и повозокъ. Въ архивныхъ дѣлахъ Олекм. Мір. Избы отъ пятидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка я встрѣчалъ уже не мало жалобъ станочныхъ крестьянъ на свои общества крестьянскому выборному съ указаніемъ на то, что жалобщикъ устраненъ отъ участія въ гоньбѣ «вопреки правильному расчисленію душъ участка»; слѣдовательно тогда обгонъ уже распредѣлялся подушно среди всѣхъ общественниковъ.

Въ девяностыхъ годахъ ямское дѣло имѣло у приленскихъ крестьянъ Якутскаго округа такую постановку: на условіяхъ, одобренныхъ Трактовымъ Съѣздомъ (см. главу IV), съ казною заключался контрактъ, и затѣмъ дважды въ годъ,—въ октябрѣ и въ мартѣ,—довѣренный отъ каждаго участка (т. е. отъ 10 станцій), получалъ фуражную плату, причемъ изъ нея тутъ-же, въ городѣ, вычитались казенныя подати. Остальную сумму довѣренный вмѣстѣ со старостой и писаремъ развозилъ по селеніямъ, гдѣ сельскій сходъ отчислялъ изъ выручки всю сумму причитающихся мірскихъ сборовъ и сумму, необходимую на покрытіе общихъ деревенскихъ расходовъ почтосодержанія, и въ дѣлежъ по рукамъ шелъ лишь этотъ вторичный остатокъ. Доля каждаго домохозяина опредѣля-

лась соразмѣрно его участію въ самомъ обгонѣ и исчислялась по «парамъ» и по дробямъ «пары»—½, 1/3, 1/4 и даже 1/16. Величина дроби, причитавшаяся на каждую семью, соразмѣрялась съ составомъ семьи, но самый этотъ составъ опредѣлялся въ разное время и въ разныхъ селеніяхъ не одинаковымъ способомъ: въ прежнее время всюду разсчетъ производился по ревизскимъ душамъ, впослѣдствіи по всѣмъ наличнымъ мужскимъ, а съ половины 80-хъ годовъ въ обществѣ 20-ти станцій повсемѣстно былъ принятъ способъ дѣлежа «по всѣмъ живымъ», т. е. по наличнымъ душамъ обоего пола. Въ Олекминской волости въ принципахъ распредѣленія обгона по тѣмъ или инымъ душамъ встрѣчалось больше разнообразія по отдѣльнымъ станціямъ. Тамъ и контрактъ съ казною заключался каждою станціею особо, и это вызывало сравнительно крупный расходъ на вознагражденіе довѣренныхъ, которымъ къ тому же и ѣздить въ городъ за полученіемъ платы приходилось не по два, а по три раза въ годъ, такъ что въ общемъ на оплату ихъ поѣздокъ всѣмъ 23-мъ станціямъ въ 94 году пришлось затратить 470 р. Въ остальномъ порядки олекминцевъ были таковы же, какъ и въ обществѣ 20-ти станцій, съ тѣмъ различіемъ, что подати тутъ не высчитывались изъ почтовой платы, а вносились особо. По общераспространенному обычаю, при полученіи крестьяниномъ причитающейся ему фуражной платы тутъ же, на сходѣ, съ него взыскиваются кредиторами и его долги по распискамъ, засвидѣтельствованнымъ сельской властью, и на практикѣ «получка» для иныхъ крестьянъ оказывается почти фиктивной.

Взамѣнъ практикуемой въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ сдачи въ кортомъ надѣльныхъ пашенъ, нѣкоторые изъ наиболѣе бѣдныхъ крестьянъ приленскихъ станцій, временно обезсилѣвъ, за извѣстную плату уступаютъ сосѣдямъ причитающуюся на ихъ семейство годичную долю обгона. Бываетъ и такъ, что бѣднякъ не сдаетъ своей доли опредѣленному лицу, а просто отступается отъ нея въ пользу общества. При такой сдѣлкѣ, въ Якутскомъ округѣ, отступающійся освобождается отъ платежа податей, т. к. онѣ уже взысканы со всего общества, значитъ, между прочимъ, и за него, и получаетъ деньгами небольшую плату,—по большей части 20 руб. за 1/8 пары. Число не гоняющихъ очень невелико; такъ въ зиму 94 г. на всѣхъ 20-ти станціяхъ Якутскаго округа ихъ оказалось только 12 человѣкъ, менѣе 3% всѣхъ домохозяевъ, причемъ двое изъ нихъ уклонились отъ участія въ обгонѣ не по бѣдности, а только потому, что проживали въ другихъ селе-

ніяхъ того же общества и потому не могли принимать въ дѣлѣ личнаго участія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не отказываясь отъ гоньбы вообще, крестьяне уступаютъ другъ другу небольшія доли обгона только для того, чтобы «не разбивать пару», т. е. съ цѣлью облегчить разсчеты. Такія уступки называются у ямщиковъ «отдачей въ накладку».

Поселенцы, хотя бы и причисленные съ согласія общества, по обычаю не участвуютъ въ почтовой гоньбѣ, которая считается какъ бы привилегіей коренныхъ якутянъ.

Для надзора за порядкомъ въ отправленіи гоньбы всѣ домохозяева поочередно исполняютъ обязанность «почтоваго старосты»; срокъ пребыванія крестьянина въ этой должности соразмѣряется съ числомъ «почтовыхъ душъ» его семейства по разсчету одинъ годъ службы съ полъ-пары обгона. Почтовый староста обязанъ встрѣчать и провожать каждаго проѣзжаго, слѣдить за порядкомъ очередей и за исправностью экипажей и сбруи. На старостѣ лежитъ ближайшая отвѣтственность передъ почтовымъ начальствомъ, которое, смотря по роду проступка, нерѣдко налагаетъ денежные штрафы либо на старостъ, либо на провинившагося ямщика.

Кромѣ старосты есть на каждой станціи еще два лица, которыя служатъ по найму, получая свое вознагражденіе изъ общей деревенской выручки: станціонный писарь, и такъ называемый каморникъ, т. е. сторожъ, на практикѣ являющійся обыкновенно и владѣльцемъ станціоннаго дома, благодаря чему вознагражденіе каморника включаетъ въ себѣ и плату за наемъ помѣщенія. Изрѣдка, впрочемъ, наемная плата исчислялась отдѣльно и составляла 20—25 р. въ годъ, а вознагражденіе за трудъ рублей 40—50, причемъ на обязанность каморника возлагалось отопленіе и освѣщеніе станціи, и также и услуженіе проѣзжающимъ. Въ центральной и южной части Олекминскаго округа, гдѣ всѣ цѣны выше, наемъ помѣщенія обходился до 120 р. въ годъ, а на ст. Нохтуйской достигалъ высоты 250 р. въ годъ. На станціи Хатынъ-Тумульской и кое-гдѣ еще услуженіе проѣзжающимъ выполнялось поочередно, по 20 дней съ полъ-пары обгона.

Особымъ станціоннымъ домомъ крестьяне владѣли только въ селеніи Титъ-Аринскомъ, гдѣ зданіе было пожертвовано обществу мѣстнымъ крестьяниномъ Сухаревымъ, а въ селеніи Каменскомъ станціоннымъ домомъ служили избы всѣхъ домохозяевъ по очереди.

Станціонный писарь такъ же, какъ и староста, подлежитъ кон-

тролю почтоваго начальства и въ случаѣ провинности подвергается штрафамъ и даже увольненію. Въ Олекминскомъ округѣ писарями часто служили грамотные молодые крестьяне, но въ Якутскомъ округѣ, при почти поголовной объякученности населенія, всѣ писаря набирались изъ разнаго рода неудачниковъ, по большей части остававшихся на своемъ мѣстѣ очень недолго, т. к. нанимало ихъ сельское общество, а увольняло и почтовое и даже полицейское начальство. Иногда случалось, что на должность писаря водворялся просто ставленникъ исправника, — какой-нибудь недоросль изъ числа пользующихся протекціей горожанъ, и крестьяне должны были терпѣть такое лицо скрѣпя сердце. Эта неопредѣленность въ служебномъ положеніи писарей отзывалась самымъ неблагопріятнымъ образомъ не только на нихъ самихъ, но косвенно и на крестьянахъ, и даже на ходѣ почтоваго дѣла. Вознагражденіе писарей на сѣверѣ составляло 120—160 р. въ годъ, а на югѣ возрастало, достигая максимума на ст. Нохтуйской, гдѣ писарь получалъ 300 р.

Помимо вознагражденія довѣренныхъ, каморниковъ и писарей, на обществахъ лежитъ расходъ по выправкѣ для станціонныхъ помѣщеній торговыхъ документовъ (свидѣтельство на мелочной торгъ, приказчичье свидѣтельство, и билетъ на торговое и промышленное заведеніе), всего, съ дополнительными сборами, на сумму 25 р. 40 к. на одну станцію.

Такимъ образомъ сами общества непосредственно несли на себѣ расходы предпринимательскіе или общеорганизаціонные, что же касается до расходовъ, вызываемыхъ собственно гоньбой,—расходовъ оборудованія,—то, какъ общее правило, они выполнялись отдѣльными домохозяевами, которые для пріобрѣтенія наиболѣе дорого стоящихъ предметовъ мертваго инвентаря—повозокъ и лодокъ,—по большей части соединялись въ небольшія артели, владѣвшія сообща всѣмъ мертвымъ инвентаремъ, необходимымъ для обгона одной пары.

Изъ этого правила иногда встрѣчались исключенія. Чаще всего по станціямъ обоихъ округовъ въ общей собственности всего селенія находились лодки, какъ предметъ, не требующій за собою особенно тщательнаго ухода. Въ Олекминскомъ округѣ, на станціяхъ: Наманинской, Качегарской и Березовской все общество владѣло и повозками; наконецъ, на станціи Инняхской (населеніе которой состоитъ изъ перечислившихся въ крестьяне якутовъ), весь мертвый инвентарь принадлежалъ обществу. Живой инвен-

тарь, т. е. лошади, повсюду составляютъ частную собственность ямщиковъ и содержатся по дворамъ, а не при станціи, т. к. уходъ за ними требуетъ такой заботливости, какой крестьяне не ожидаютъ другъ отъ друга по отношенію къ общественному добру. Полный инвентарь, необходимый для обгона одной пары, состоитъ въ слѣдующемъ:

возокъ—1	80 р.
лодка съ верхомъ—1	40 »
бечева	10 »
сбруя на 4 лошади по 10 р.	40 »
прочія принадлежности: сѣдла, вьюки, бичи и т. п.	30 »
Итого . .	200 р.
лошадей 4 по 50 р..	200 »
Всего . . .	400 р.

Срокъ обновленія инвентаря для разныхъ предметовъ, конечно, не одинаковъ, но крестьяне считаютъ, что конь можетъ выдержать почтовую службу три года, послѣ чего становится годенъ только для домашнихъ работъ, и при продажѣ идетъ уже не за 50 р., а за 30—40 р. Отчисляя въ общемъ на погашеніе живого и мертваго инвентаря хотя бы 10%, мы получимъ ежегодный расходъ на одну пару—40 р.

Годичный прокормъ одного коня Олекминская Мірская Изба въ 1859 году высчитывала по нормамъ: 24 пуда сѣна и 10 п. овса, что по тодашнимъ цѣнамъ составляло расходъ въ 580 р. асс. на одну «пару», т. е. на четверку лошадей [1]). Въ 1894 году кормовыя нормы въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ оказались совершенно различны: на сѣверѣ коней кормили исключительно сѣномъ, которое шло въ продажѣ по 2 р. за возъ; въ центрѣ, и особенно въ южной части Олекминскаго края, цѣна сѣна повышалась, доходя до 4 и даже до 6—7 р. возъ, и, кромѣ того, тамъ было принято почтовыхъ или извозныхъ коней непремѣнно подкармливать овсомъ; въ русской части округа кормовыя нормы были почти таковы-же, какъ и у возчиковъ Иркутской губерніи: 20—25 ф. сѣна и 10—15 ф. овса въ день, при цѣнѣ овса въ 70 к. пудъ. Годичный прокормъ одного почтоваго коня при такихъ нормахъ долженъ былъ составить въ Якутскомъ округѣ не менѣе

[1]) Арх. Олекм. Мір. Избы. 1859 г. д. № 17.

40 р. въ годъ, а въ южной части Олекминскаго 144 р., и даже нѣсколько болѣе.

Почтовое вѣдомство, учитывая эту разницу въ стоимости содержанія лошадей, несмотря на одинаковое протяженіе станковъ, уплачивало въ 1894 году за одну почтовую пару въ Олекм. округѣ въ среднемъ по 904 р. 46 к., а въ Якутскомъ по 487 р. 50 к.; за обывательскую пару платили: въ Олекм. окр. въ среднемъ по 1162 р. 50 к., и въ Якутскомъ по 887 р. 50 к. Вычисляя общій расходъ прокорма по всей Олекм. волости, я считаю наиболѣе правильнымъ принять среднюю величину между предѣлами 40 р. и 144 р., т. е. 92 р.

Трудъ гоньбы, т. е. собственно ямщина, почти всѣми крестьянами выполнялась лично и лишь очень немногіе хозяева побогаче держали наемныхъ работниковъ, которыхъ отправляли въ дорогу за себя. Работникъ у крестьянина является преимущественно батракомъ, помогающимъ хозяину въ полѣ и по домашности; иногда онъ садится на козлы и отвозитъ проѣзжающаго, но это еще не даетъ права называть его собственно ямщикомъ. Во всѣхъ 30-ти селеніяхъ Якутскаго округа по нашей переписи нашлось только 24 хозяйства, имѣвшихъ постоянныхъ рабочихъ (менѣе 8% всѣхъ хозяйствъ), а потому роль наемнаго труда въ отправленіи гоньбы надо признать совершенно ничтожной и случайной.

Изъ 24 наемныхъ рабочихъ 15 человѣкъ были якуты получавшіе крайне незначительное вознагражденіе: 40—60 р. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ; русскіе поселенцы, какъ люди болѣе сильные и ловкіе въ работѣ, получали нѣсколько больше, но плату въ 100—150 р. получали только трое человѣкъ. Въ среднемъ годичный трудъ мужчины, считая и жалованье и харчи, можно принять для этой мѣстности и для даннаго періода въ 150 рублей. На каждую почтовую пару по общепринятому разсчету требуется одинъ ямщикъ въ зимнее время и два ямщика лѣтомъ, когда передвиженіе совершается рѣкой, внизъ — на веслахъ, а вверхъ—лямочной тягой, причемъ гребецъ и кормчій остаются въ лодкѣ, а лямочными конями управляетъ верховой подростокъ. При такихъ условіяхъ трудъ обгона одной пары приходится оцѣнить по Якут. округу въ 200 р. въ годъ, а по Олекмин. округу въ 220 р. въ годъ.

Послѣднюю статью расхода составляетъ для ямщиковъ уплата штрафовъ, налагаемыхъ иногда почтовымъ начальствомъ за разныя неисправности. Изъ просмотра штрафныхъ книгъ за 93 и

94 годы я могу опредѣлить этотъ расходъ въ среднемъ въ 15 р. въ годъ на одну станцію.

Всѣ эти частные подсчеты даютъ основаніе для общаго исчисленія тѣхъ расходовъ, которыхъ требовало отъ крестьянъ ямское дѣло. Конечно такое исчисленіе можетъ претендовать лишь на приблизительное соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, т. к. оплата труда и цѣны на фуражъ по тысячеверстной линіи станціонныхъ селеній въ связи съ различіями во всемъ бытѣ населенія измѣнялись въ слишкомъ широкихъ предѣлахъ, и общій подсчетъ по одинаковымъ для всѣхъ селеній волости нормамъ необходимо долженъ оказаться нѣсколько схематичнымъ. Только расходы общественные, выдѣляемые мною въ особую рубрику, были установлены на основаніи переписи и ихъ цифры можно признать вполнѣ точными.

Такъ какъ въ Якутскомъ округѣ на 20-ти станціяхъ до 1895-го года содержалось по 4 почтовыхъ и по одной обывательской парѣ, т. е. всего 100 паръ, а на 23 станціяхъ Олекминскаго округа 96 почтовыхъ и 24 обывательскихъ, т. е. 120 паръ, то годичный расходъ всего крестьянскаго населенія въ 1894 году слагался изъ такихъ затратъ:

	Общество 20 станцій.	Олекм. кр. волость.	Итого.
	В ъ р у б л я х ъ.		
I. Расходы общественные.			
1) Уплата довѣреннымъ по заключенію контрактовъ.	— 80	— 470 =	550
2) Жалованье писарей	— 2.744	— 4.917 =	7.661
3) Уплата каморникамъ.	— 982	— 1.690 =	2.672
4) Выборка документовъ	— 508	— 584 =	1.092
Итого. . . .	4.314	7.661	11.975
II. Расходы частные.			
5) Уплата штрафовъ	— 300	— 345 =	645
6) Погашеніе инвентаря.	— 4.000	— 4.800 =	8.800
7) Прокормъ коней.	— 16.000	— 44.160 =	60.160
8) Личный трудъ.	— 20.000	— 26.400 =	46.400
Итого. . . .	40.300	75.705	116.005
В с е г о.	44.614	83.366	127.980

Изъ этого подсчета видно, что въ обоихъ округахъ почти 10% (9,7 и 9,2%) всѣхъ расходовъ почтоваго дѣла выполнялось непосредственно обществами и 90% лежало на отдѣльныхъ домохозяевахъ.

До 1895 года казна уплачивала на 20-ти станціяхъ Якутскаго округа за 20 обывательскихъ паръ 17.750 р. и за 80 почтовыхъ 39.000 р., а всего 56.750 р. Сюда слѣдуетъ прибавить прогонную плату и чаевыя, получаемыя ямщиками отъ проѣзжающихъ, но этотъ доходъ не поддается учету, тѣмъ болѣе, что многіе изъ проѣзжающихъ чиновниковъ, получая талоны, не имѣютъ привычки расплачиваться, и при совмѣстной поѣздкѣ съ Г. Л. Кондаковымъ мнѣ неоднократно случалось слышать, какъ станціонные писаря съ довольно робкимъ и неувѣреннымъ видомъ спрашивали моего спутника: «какъ, ваше благородіе, прогончики изволите платить?», причемъ бывали пріятно удивлены, получая отъ чиновника слѣдуемыя деньги, какъ отъ простого смертнаго. Такъ-какъ въ сѣверной части края платныхъ проѣзжающихъ бываетъ немного, то этотъ доходъ могъ достигать сколько-нибудь крупной высоты только подъ Нохтуйскомъ, а сѣвернѣе г. Олекминска онъ сразу понижается. Въ среднемъ я принимаю для одной станціи заработокъ на прогонахъ рублей въ 200, что дастъ для всего общества 20-ти станцій 4 т. р. Отсюда чистая прибыль крестьянъ этого общества опредѣлится суммами (56.750 р. + 4 т. р.) — 44.614 р. = 16.136 р., что дастъ въ среднемъ на 1 дворъ 47 р. 32 коп. Правильность этого подсчета находитъ себѣ подтвержденіе въ упоминавшемся выше фактѣ отказа нѣкоторыхъ крестьянъ отъ ихъ доли обгона за отступное въ 20 р. за 1/8 пары. Такая норма указываетъ на то, что сами крестьяне опредѣляли чистую прибыль дѣла въ 160 р. отъ одной пары, или въ 16 т. р. на все общество. По раздѣленіи на число дворовъ, это даетъ по 46 р. 92 к. на одинъ дворъ.

Присоединяя къ прибыли оплату личнаго труда, мы найдемъ, что денежная выручка средней крестьянской семьи отъ ямского дѣла, за вычетомъ промысловыхъ затратъ, въ 1894 году составляла въ Якутскомъ округѣ почти 106 р.

По Олекминскому округу за 24 обывательскихъ пары уплачивалось 27.900 р. 24 к. и за 96 почтовыхъ паръ 86.828 р. 23 к., т. е. всего 114.728 р. 47 к. Прибавляя къ этому 4.600 р. гадательныхъ прогоновъ и округляя получившуюся сумму, получимъ общую цифру валового дохода 119.330 р. За вычетомъ расходовъ,

чистая прибыль составляла 35.962 р., а на одно хозяйство (всего участвовало въ обгонѣ 316 семей)—113 р. 80 к. Съ добавленіемъ оплаты труда мы увидимъ, что весь денежный доходъ составлялъ для олекминцевъ 196 р. 40 к. на одинъ дворъ.

По Верхоленскому округу Иркутской губ. сходные порядки въ отправленіи гоньбы существовали только въ Усть-Илгинскомъ обществѣ, гдѣ, по вычисленіямъ И. А. Молодыхъ, въ восьмидесятыхъ годахъ чистый доходъ на одно хозяйство достигалъ высоты 198 р. 15 к., т. е. оказывался много выше, чѣмъ въ Якутской области [1]).

Крестьянскія общества двухъ центральныхъ деревень Амгинской и Олекминской не участвовали въ гоньбѣ, но двѣ станціи: Олекминская городская и Дордусовская снимались частными артелями крестьянъ этихъ селеній, причемъ отбывали гоньбу сами съемщики поочередно, и только въ лѣтнее время, при недосугѣ, иногда нанимали замѣстителей для лямочной тяги, уплачивая за одинъ путь 1 р.—1 р. 50 к.

Съ восьмидесятыхъ годовъ, когда по р. Ленѣ стало усиливаться частное пароходство, прибыльность гоньбы для крестьянъ начала понижаться, и въ 86 году, по иниціативѣ генералъ-губернатора гр. Игнатьева, олекминцамъ было предложено обсудить вопросъ о пріобрѣтеніи всею волостью для надобностей почтоваго дѣла общественнаго парохода. 8-го января 87 года этотъ вопросъ обсуждался по станціямъ,—по крайней мѣрѣ, приговоръ волостного схода подписанъ по-станціонно [2]),—и общество въ принципѣ согласилось съ предложеніемъ, но обставило свое согласіе совершенно непріемлемыми условіями. Оно выразило желаніе, чтобы «правительство» построило и передало крестьянамъ пароходъ въ 35—40 силъ и баржу на 2 т. п. груза, разложивъ уплату ихъ стоимости на 20 лѣтъ, начиная съ перваго рейса; расходы по ремонту и содержанію судовъ и содержаніе экипажа крестьяне принимали на свой счетъ. При этомъ они обязывались для надобностей мѣстной администраціи содержать на каждой станціи по одной обывательской парѣ, но требовали, чтобы зимняя гоньба оставалась непремѣнно за обществомъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Общественный пароходъ долженъ былъ совершать рейсы только на протяженіи Олекминской волости, принимая пас-

---

[1]) «Мат. et c... по Ирк. г.» т. II, в. 6, стр. 297.

[2]) Арх. Олекм. Мір. Избы.

сажировъ на своей границѣ и пересаживая ихъ на границѣ Якут. округа; баржа должна была идти на пролетъ, возвращаясь съ обратными пароходами. Наконецъ, въ приговорѣ высказывалось странное требованіе, чтобы всѣмъ другимъ пароходамъ было воспрещено ходить по Олекминскому плесу,—только ихнему, и тому только по этому плесу. Даже если предположить, что подъ всѣми другими пароходами подразумѣвались лишь пароходы другихъ кр. обществъ, то, и въ этомъ случаѣ, пароходное сообщеніе съ обязательной пересадкой пассажировъ на границахъ каждой волости на протяженіи двухъ тысячъ верстъ между Усть-Кутомъ и Якутскомъ представляло-бы не малый курьезъ, и дальнѣйшаго движенія этотъ проектъ не имѣлъ.

Между тѣмъ, частное пароходство по Ленѣ продолжало изъ года въ годъ развиваться, притягивая большую часть проѣзжающихъ въ Якутскъ или оттуда, и съ лѣта 1895 года казна вступила въ договоръ съ пароходствомъ Глотова, убавивъ лѣтній обгонъ по станкамъ Якут. округа на 6.499 р. 18 к. и по Олекминскому округу на 14.567 р. Такъ какъ зимній обгонъ остался прежнимъ, то сокращеніе на оборудованіи если и было возможно, то развѣ въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, а восполнить убыль почтовой платы доходомъ отъ другихъ заработковъ крестьянамъ было не на чемъ, по отсутствію въ краѣ достаточнаго требованія на рабочія руки. Это обстоятельство заставило крестьянъ призадуматься, и отъ многихъ изъ нихъ я слышалъ при бесѣдахъ, что теперь имъ будетъ необходимо усилить чистки и расширить свои посѣвы. Стремленіе къ увеличенію запашекъ росло у приленскихъ крестьянъ въ прямой зависимости отъ упадка доходности ямского промысла.

II. Общественная постановка ямского дѣла у русскихъ крестьянъ легко могла породить мысль о возможности подобной же организаціи извознаго промысла, имѣющаго огромное значеніе въ экономической жизни якутовъ Олекминскаго округа, т. е. главнымъ образомъ его центральной и южной части. О технической и чисто экономической сторонѣ этого дѣла будетъ говориться въ главѣ XII при описаніи частныхъ промысловъ населенія, а здѣсь я коснусь только попытокъ преобразовать частный промыселъ въ общественный. При этомъ необходимо, однако, хотя-бы бѣгло, упомянуть объ условіяхъ, при которыхъ возникли такія попытки, и дать общее представленіе о господствующихъ способахъ организаціи извоза.

Олекминскіе старожилы еще помнятъ то время, когда резиденты пріисковыхъ управленій или ихъ уполномоченные сами пріѣзжали въ Олекминскій округъ и тамъ, не безъ хлопотъ, успѣвали заподрядить маломальски надежныхъ возчиковъ. Агентамъ управленій было бы, конечно, неудобно вступать въ непосредственныя сношенія съ цѣлыми сотнями якутовъ, и потому договоръ на поставку всей клади заключался съ немногими инородцами побогаче, а богачи уже сами пріискивали возчиковъ среди своихъ родовичей. Провозная плата при такихъ условіяхъ опредѣлялась соглашеніемъ нѣсколькихъ тойоновъ и долгое время держалась на очень высокомъ уровнѣ: 2 р. съ пуда, 2 р. 25 к. и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ 2 р. 50 к.

Подрядившись поставить извѣстное количество тяжести по такой высокой цѣнѣ, богачъ-организаторъ старался возможно большую часть подряда выполнить на собственныхъ лошадяхъ, отправляя обозъ съ наемными конюхами. Лишь за неимѣніемъ достаточно многочисленныхъ табуновъ, онъ пересдавалъ значительную часть заподряженной клади возчикамъ изъ родовичей средней руки, удерживая въ свою пользу коммиссіонный процентъ.

Съ теченіемъ времени выгодность дѣла настолько заохотила олекминскихъ богачей къ занятію извозомъ, что пріисковымъ агентамъ уже не было надобности являться въ Олекминскъ, а подрядчики сами пріѣзжали на Мачу и на перебой предлагали свои услуги. Цѣны вслѣдствіе конкурренціи стали понижаться и въ 70—75 г.г. съ пуда уплачивалось уже 1 р. 70—1 р. 75 к., а съ открытіемъ пароходства по р. Витиму положеніе подрядчиковъ сдѣлалось еще менѣе выгоднымъ. Пониженіе цѣнъ продолжалось изъ года въ годъ, и въ 89 году провозная плата за пудъ упала до одного рубля, въ слѣдующіе годы до 95 к. и, наконецъ, въ 93—94 г.г.—до 90 к.

По мѣрѣ паденія цѣнъ измѣнялись и способы организаціи извознаго дѣла. Доставка тяжестей на собственныхъ лошадяхъ становилась менѣе выгодной и подрядчики постепенно сокращали численность своихъ табуновъ, предпочитая слагать весь рискъ и всѣ тягости промысла на мелкихъ возчиковъ. Пересдавая весь подрядъ небольшими частями отдѣльнымъ родовичамъ, подрядчикъ, во-первыхъ, удерживалъ въ свою пользу комиссіонный процентъ—по 5 к. съ пуда, и во-вторыхъ, пріобрѣталъ вѣрную выгоду, расплачиваясь съ возчиками на $^2/_3$ и $^3/_4$ товаромъ, тогда

какъ съ пріисковыхъ управленій онъ получалъ наличныя деньги. Сравнивая мѣстныя лавочныя и подрядческія цѣны, существовавшія въ 94 году, я пришелъ къ тому заключенію, что подрядчикъ, помимо своего комиссіоннаго пятачка, на этой разницѣ цѣнъ выгадывалъ не менѣе 20 к. съ пуда, и слѣдовательно главный интересъ дѣла для него состоялъ не въ организаціи извоза, а въ организаціи сбыта товаровъ привычному кругу своихъ кліентовъ—возчиковъ.

Сами эти кліенты по стародавней задолженности передъ какимъ-нибудь тойономъ составляли довольно постоянныя по своему составу группы лицъ, объединяемыхъ исключительно своей общей зависимостью именно отъ такого-то тойона-подрядчика, а въ выполненіи своихъ обязательствъ совершенно разобщенныхъ. Принимая на себя провозъ какой-нибудь сотни пудовъ тойонской клади, какъ одинъ изъ видовъ отработка долга, такой возчикъ везъ эту кладь на собственныхъ лошадяхъ или, при недостаткѣ собственныхъ, на арендуемыхъ имъ у сосѣда; весь извозный инвентарь принадлежалъ ему, и всѣ путевые расходы онъ производилъ за свой счетъ, безъ всякаго участія подрядчика. Если въ пути возчики соединялись ради удобства въ небольшія артели, то и это они дѣлали по собственному усмотрѣнію, причемъ товарищами по путевой артели могли оказаться возчики различныхъ подрядчиковъ. При подобныхъ условіяхъ организаторская дѣятельность подрядчика сводилась къ заключенію контракта съ пріисковыми управленіями и къ сохраненію за собой отвѣтственности за исправность доставки; но такую роль, казалось-бы, легко могло принять на себя, взамѣнъ нѣсколькихъ десятковъ частныхъ лицъ, и все общество въ цѣломъ; техника дѣла при этомъ не измѣнялась бы ни на іоту, а возчики могли разсчитывать на увеличеніе своего дохода. Такъ какъ отправляться въ путь для провоза клади въ количествѣ менѣе 100 пудовъ не достаточно выгодно, а при домѣ возчику тоже необходимо оставлять хотя бы одного коня, то заниматься промысломъ, не прибѣгая къ найму лошадей у сосѣдей, могли только хозяева, имѣвшіе не менѣе пяти коней; такихъ хозяевъ по инородческой переписи во всѣхъ шести обществахъ было только 24% всего числа. Въ 55% хозяйствъ имѣлось отъ 1-го до 4-хъ коней, и родовичи этого разряда или шли возчиками, принанимая одного-двухъ коней, или получали отъ извоза косвенную выгоду, сдавая своихъ коней возчикамъ «въ тѣло». Наконецъ, бѣднѣйшіе изъ якутовъ нанимались къ возчикамъ въ

конюхи, и такимъ образомъ, прямо или косвенно, но извозное дѣло затрагивало интересы почти всего инородческаго населенія.

Въ 1893 году, при посѣщеніи Олекминскаго округа губернаторомъ В. Н. Скрипицинымъ, олекминскіе якуты обратились къ нему съ ходатайствомъ о своихъ нуждахъ, причемъ ихъ особенныя сѣтованія вызывала именно постановка извознаго дѣла, паденіе провозной платы и барышническая дѣятельность подрядчиковъ [1]). В. Н. Скрипицинъ отнесся къ этимъ заявленіямъ сочувственно и въ апрѣлѣ того же года предложилъ горному исправнику Олекминской системы ходатайствовать передъ пріисковыми управленіями объ устраненіи отъ дѣла частныхъ подрядчиковъ и о повышеніи, если возможно, провозной платы. Въ то же время олекминскому окружному исправнику Б. Ф. Кочаровскому губернаторомъ было предложено выработать форму соглашенія обществъ съ пріисковыми управленіями, а когда, въ октябрѣ этого года, управленіе Ленскаго Товарищества,—самаго крупнаго изъ мѣстныхъ золотопромышленныхъ учрежденій,—выразило готовность передать въ видѣ опыта непосредственно обществамъ перевозку 10 тысячъ пудовъ клади, то вопросъ перешелъ на обсужденіе инородческихъ сельскихъ сходовъ, и во всѣхъ шести наслегахъ, при участіи Б. Ф. Кочаровскаго, были постановлены приговора совершенно однороднаго содержанія:

(Мы, такіе-то, собравшись въ такомъ-то числѣ на сельскомъ сходѣ, гдѣ намъ объявлено то-то), «поговоривъ между собою, пришли къ тому заключенію, что доставка клади на пріиски названнаго Товарищества самими обществами принесетъ намъ несомнѣнную пользу. Обсудивъ затѣмъ вопросъ, какъ лучше и безобиднѣе производить между собою разверстку заподрядовъ, мы по общему согласію постановили:

«1) Назначаемое намъ ежегодно Управленіемъ Ленскаго Т-ва количество клади на доставку на пріиски раздѣлить поровну на каждый родъ, по числу родовъ сельскаго общества.

«2) Избрать изъ среды нашей по общему согласію довѣреннаго отъ насъ, который являлся бы въ Управленіе пріисками какъ для соглашенія съ Управленіемъ о цѣнѣ доставки клади съ пуда, такъ и для заключенія контракта на доставку назначеннаго намъ

---

[1]) *Арх. Якут. Обл. Пр.* 1895 г. Д. № 44: «объ урегулированіи доставки тяжестей на пріиски и относительно попечительствъ на пріискахъ для рабочихъ и кордона».

Управленіемъ количества пудовъ клади, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы довѣренный нашъ, въ случаѣ пониженія Пріисковымъ Управленіемъ цѣнъ на доставку клади, вслѣдствіе конкурренціи, противъ нынѣ существующихъ, или же въ случаѣ такихъ народныхъ бѣдствій, какъ неурожай хлѣба и травъ въ округѣ, вступалъ въ подрядъ не иначе, какъ съ согласія сельскаго общества.

«3) Избранный нами довѣренный долженъ находиться на пріискахъ во время доставленія туда клади и въ присутствіи его должна быть принимаема отъ него кладь, а квитанціи въ принятіи таковой отъ него Управленіе пріисками имѣетъ выдать довѣренному, съ которымъ Управленіе должно вести расчетъ о количествѣ причитающейся намъ платы за доставку клади.

«4) Довѣренному нашему за труды его обязуемся назначить денежное вознагражденіе по обоюдному между нами и имъ согласію [1]).

«5) Причитающіяся намъ съ Управленія пріисками деньги,.... какъ задатокъ, такъ и за окончательную доставку клади, Управленіе имѣетъ выслать почтой на нашъ счетъ въ Олекм. Пол. Управленіе, откуда довѣренный нашъ долженъ получить деньги и произвести расчетъ съ нами при общемъ собраніи лицъ, доставившихъ кладь.

«6) Въ исправной доставкѣ на пріиски принятой нами клади всѣ мы, участвовавшіе въ доставкѣ таковой, должны обезпечить своимъ имуществомъ и отвѣтствовать другъ по другѣ, въ чемъ подписуемся».

30-го октября русскіе крестьяне не-ямщицкихъ деревень Амгинской и Олекминской также собрались на сходъ и представили начальству приговоръ, въ которомъ говорилось:

«Мы,.... ежегодно лишаемые промышленности по перевозу пріисковой клади на золотые промыслы Олекминской и Витимской системы по случаю односторонняго снятія таковыхъ одними почти инородцами Олекминской инородческой волости, отъ которыхъ хотя мы и перевозимъ названную тяжесть, но за плату противъ ихъ уменьшенную, и то большую часть товарами и непомѣрной цѣной, что не даетъ никакой пользы, кромѣ убытка,....пригово-

---

[1]) Въ приговорѣ Кятчинскаго общества вознагражденіе довѣреннаго прямо указано въ 5 к. съ пуда, т. е. въ томъ же размѣрѣ, какой установился у частныхъ подрядчиковъ.

рили.... просить его превосходительство о назначеніи на нашу волость.... въ операцію $^{94}/_{95}$ года перевозку тяжести въ количествѣ 30 т. пудовъ....»

Такъ какъ въ операцію $^{93}/_{94}$ г. общества выполнили поставку вполнѣ удовлетворительно, то на зиму $^{94}/_{95}$ г., по новому ходатайству В. Н. Скрипицина, Управленіе Ленскаго Т-ва передало обществамъ уже 40 т. пудовъ, изъ которыхъ 6 т. пудовъ было предоставлено администраціей крестьянамъ, а остальное количество на собраніи довѣренныхъ было распредѣлено по наслегамъ въ приблизительномъ соотвѣтствіи съ числомъ ревизскихъ душъ, а именно: 1-му Нерюхтейскому—5.500 п., 2-му Нерюхтейскому—5.500 п., 1-му Меитскому—6 т. п., 2-му Меитскому—7.000 п., Кятчинскому—2.500 п. и Мальжегарскому—7.500 п.

Пока, такимъ образомъ, дѣло какъ будто бы налаживалось, подрядчики со своей стороны принимали мѣры къ противодѣйствію и въ сентябрѣ 94 г. главноуправляющій пріисками Ленскаго Т-ва инженеръ Л. Ф. Грауманъ обратился къ губернатору съ письмомъ такого содержанія:.... «въ прошломъ году я обсудилъ вопросъ о передачѣ подрядовъ по перевозкѣ тяжестей на пріиски совмѣстно съ нѣкоторыми лицами, близко стоящими къ дѣлу перевозки, и пришелъ къ тому заключенію, что отказаться отъ подрядчиковъ и передать всю кладь семи сельскимъ обществамъ—равносильно сокращенію числа конкуррирующихъ лицъ до семи или даже до одного монополиста, т. к. у всѣхъ семи одинаковыя довѣренности отъ обществъ и, вѣроятно, обязательство не понижать цѣны безъ согласія другихъ обществъ.... Желая на сколько возможно помочь инородцамъ освободиться отъ кабалы, я въ то же время.... опасаюсь кулачества обществъ относительно пріисковыхъ управленій, и потому назначилъ къ отдачѣ обществамъ 40 т. п. клади, а остальную, большую, часть рѣшилъ передать подрядчикамъ, которые при постепенномъ сокращеніи подряда постепенно ликвидируютъ свои дѣла»....

Въ перепискѣ, возникшей по этому поводу между Л. Ф.Грауманомъ и В. Н. Скрипицинымъ, въ январѣ 96-го года принялъ участіе и генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ, поддержавшій ходатайство якутскаго губернатора, и въ февралѣ того-же года Л. Ф. Грауманъ отвѣчалъ ему, выражая согласіе увеличить количество клади, сдаваемой непосредственно обществамъ, а въ іюнѣ резидентъ Ленскаго Т-ва М. О. Чижикъ увѣдомилъ олекминскаго

исправника о готовности г. Граумана въ предстоящую зиму передать обществамъ уже ³/₄ всей пріисковой клади.

Такимъ образомъ съ внѣшней стороны, благодаря вмѣшательству представителей высшей администраціи края, дѣло повидимому окончательно упрочивалось. Однако, по другому пункту, детально обсуждавшемуся во всѣхъ этихъ письмахъ и отвѣтахъ,—именно по вопросу о высотѣ провозной платы, становившейся положительно убыточной для населенія,—даже предстательство такихъ лицъ, какъ губернаторъ и генералъ-губернаторъ, оказалось безсильнымъ, и г. Грауманъ, а вслѣдъ за нимъ и главные участники Ленскаго Т-ва (К. Ф. Винбергъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ и баронъ Г. Е. Гинцбургъ), въ очень прочувствованныхъ словахъ выражая свое участіе къ нуждамъ инородческаго населенія, остались все же при томъ убѣжденіи, что увеличеніе инородческихъ заработковъ ничуть не улучшитъ положенія инородцевъ, и въ какомъ бы то ни было повышеніи платы рѣшительно отказали. Взамѣнъ этого, «такъ какъ выдача преміи въ пять или въ десять коп. на каждый пудъ перевезеннаго груза врядъ-ли можетъ поддержать благосостояніе якутовъ», Ленское Т-во соглашалось прямо пожертвовать въ распоряженіе губернатора 10 т. р., которые Л. Ф. Грауманъ рекомендовалъ употребить на основаніе особой кассы для страхованія коней на случай падежа. Такое предложеніе вызывалось тѣмъ, что условія зимняго пути по совершенно дикимъ и незаселеннымъ мѣстамъ на Витимѣ страшно тяжелы и каждая извозная операція уноситъ у возчиковъ огромный процентъ гибнущихъ лошадей.

Мѣстная администрація заинтересовалась мыслью г. Граумана и вступила по этому поводу въ переписку съ Отдѣломъ Сельской Экономіи и Сельскохозяйственной Статистики при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ, но Отдѣлъ, упоминая въ своемъ отвѣтѣ о томъ, что страхованіе скота введено въ Россіи земствами: Московскимъ, Саратовскимъ, Владимірскимъ и Костромскимъ, могъ указать для образца лишь на уставъ добровольнаго взаимнаго страхованія скота, принадлежащаго жителямъ Гусевской фабрики Нечаева-Мальцева, и на предположенія коммисіи, состоявшей при Министерствѣ Путей Сообщенія по вопросу объ урегулированіи очередной конной тяги по Маріинской водной системѣ. Однако, рекомендованные Отдѣломъ образцы, по своеобразію мѣстныхъ условій, для Якутской области совершенно непримѣнимы. «Обзоръ» Якутской области за 1895 годъ опредѣляетъ годичную

убыль мѣстныхъ коней въ 15%, но если принять убыль хотя-бы десяти процентовъ, то и въ такомъ случаѣ для одного Олекминскаго округа, гдѣ извозомъ было занято до 8 тысячъ коней, при цѣнѣ 50 р. за лошадь, ежегодная выплата страхового учрежденія составляла-бы 40 т. рублей, а принимая во вниманіе расходы управленія и возможность болѣе крупныхъ падежей, ужъ не говоря объ эпизоотіяхъ, годичный расходъ кассы долженъ былъ составить не менѣе 50 т. р., а это предполагаетъ такую высоту страховыхъ взносовъ, которая совершенно непосильна ни для крестьянъ, ни для инородцевъ. Сами инородцы, узнавъ о предполагаемомъ пожертвованіи, на сходѣ 2 ноября 93-го года постановили ходатайствовать объ употребленіи всей жертвуемой суммы на образованіе стипендіи имени В. Н. Скрипицына при двухкласснomъ уѣздномъ училищѣ, объ основаніи котораго въ г. Олекминскѣ они въ это время хлопотали, но г. Скрипицынъ отклонилъ это ходатайство и отдалъ предпочтеніе проекту г. Граумана. Вышло-ли что-нибудь изъ этого проекта, были-ли предложенныя 10 т. р. дѣйствительно пожертвованы и какъ они употреблены,— объ этомъ, послѣ своего выѣзда изъ Якутской области, я уже не имѣлъ свѣдѣній.

Обращаясь къ внутренней сторонѣ дѣла общественныхъ подрядовъ и разслѣдуя постановку этого зарождавшагося дѣла на мѣстахъ, приходится отмѣтить тѣ-же самыя черты, которыя бросались въ глаза при знакомствѣ съ другими сторонами инородческаго общественнаго быта. Въ 1894 г. исправникъ Б. Ф. Кочаровскій былъ переведенъ въ другой округъ, а его преемникъ такъ же мало интересовался общественными подрядами, какъ преемники Жуковскаго наслежными кассами, и фактическими организаторами дѣла въ наслегахъ выступили все тѣ-же тойоны, т. е. тѣ именно подрядчики, интересамъ которыхъ это дѣло противорѣчило. Въ результатѣ—дѣйствительное распредѣленіе клади между родовичами осталось почти прежнимъ; въ лучшемъ случаѣ, бѣднякъ, на долю котораго приходились по разверсткѣ какіе-нибудь 10—12 пудовъ, отступался отъ нихъ за восьмушку кирпичнаго чая или за что-нибудь въ этомъ родѣ. Вознагражденіе довѣренныхъ почти всюду осталось прежнимъ,—тотъ-же пятачекъ съ пуда. Способы расплаты довѣренныхъ съ возчиками точно такъ же не измѣнились: только часть получаемой отъ пріисковаго управленія платы выдавалась возчику деньгами, а большая часть товаровъ по обычнымъ подрядческимъ цѣнамъ.

Въ такомъ положеніи находилось это дѣло у якутовъ, и почти въ такомъ-же у русскихъ. Подворная перепись показала, что довѣренный общества Ивановъ (онъ же и «выборный», т. е. волостной старшина, онъ же и крупный частный подрядчикъ), уплачивалъ возчикамъ общественнаго подряда изъ суммы, полученной въ задатокъ отъ пріисковаго управленія, отъ 12 р. 50 к. до 25 р. деньгами, а остальное товаромъ, чаще же всего половину деньгами и половину товаромъ по обычнымъ подрядческимъ цѣнамъ. Изъ 6 тысячъ пудовъ предоставленной кр. обществу клади одна тысяча была передана Ивановымъ нохтуйскому богачу О. Семенову, который попросту присоединилъ эту тысячу къ своему частному подряду и пересдавалъ ее по мелочамъ своимъ личнымъ кліентамъ, такъ, что общество оставалось при убѣжденіи, что крестьянамъ сдано не 6, а только 5 т. п. Вопреки правилу, выраженному въ нѣкоторыхъ общественныхъ приговорахъ: предоставлять участіе въ общественномъ подрядѣ «преимущественно тѣмъ лицамъ, кои не имѣютъ частныхъ подрядовъ», въ д. Амгинской, въ операцію 94/95 г., богачъ Рыбниковъ, поставлявшій на пріиски до 1 т. п. собственнаго сѣна, получилъ 300 п. общественной (по выраженію мѣстныхъ крестьянъ—«казенной»), клади, богачъ Г. Былковъ—получилъ 250 пудовъ и т. п. Всѣ такіе пріемы у инородцевъ практиковались ихними довѣренными еще откровеннѣе, чѣмъ у русскихъ, и вызывали въ якутской средѣ еще меньше протестовъ, чѣмъ въ средѣ крестьянъ, которые громко высказывали свое недовольство и хорошо понимали, что эта постановка дѣла совершенно искажаетъ смыслъ «общественныхъ подрядовъ» и оставляетъ извозный промыселъ попрежнему частнымъ дѣломъ.

Съ совершенно инымъ способомъ использованія и разверстки общественнаго подряда мнѣ пришлось ознакомиться въ другой части Якутскаго края—въ Амгинской слободѣ Якутскаго округа. Тамъ крестьянское общество всѣмъ міромъ принимало на себя доставку сорокаведерныхъ бочекъ со спиртомъ, перевозившихся изъ г. Якутска въ амгинскій винный складъ, принадлежавшій одному городскому коммерсанту. Соглашеніе на этотъ подрядъ съ довѣреннымъ склада заключалось каждый разъ особо, но всегда на одинаковыхъ условіяхъ: складъ уплачивалъ за провозъ 5 бочекъ по 50 к. съ пуда спирта (тара не въ счетъ). Право на провозъ одной бочки амгинцы уступали новопокровцамъ, взимая съ нихъ за это 6 р. въ доходъ общества, а въ провозѣ осталь-

ныхъ 4-хъ бочекъ принимали участіе всѣ домохозяева слободы по очереди. По оповѣщенію десятника въ Мірскую Избу собирались всѣ лица, ожидавшія своей очереди, амгинцы и новопокровцы, и метали жребій, которымъ опредѣлялось 10 человѣкъ. Каждой парѣ этого десятка предоставлялось право на вывозъ одной бочки, но такъ какъ для этой работы достаточно одного возчика, то оба товарища тутъ же вступали въ частное соглашеніе и дѣйствительнымъ возчикомъ оказывался лишь одинъ изъ нихъ, тогда какъ другой на этотъ разъ довольствовался небольшимъ отступнымъ, напримѣръ—кирпичемъ чая, однимъ—двумя рублями денегъ и т. п. Изъ 20-ти рублей, поступавшихъ за провозъ одной бочки, въ непосредственный доходъ общества удерживалось всего по 6 р., возчику доставалось 12 р., и его товарищу—2 р.

Въ 1894 году изъ этого источника въ непосредственный доходъ общества поступило въ Амгѣ 78 рублей [1]).

III. Въ обществѣ 20-ти станцій Иркутскаго тракта, какъ мы видѣли, всѣ казенныя подати и мірскіе сборы, причитавшіеся съ общественниковъ, покрывались изъ почтовой платы путемъ непосредственнаго вычета надлежащихъ суммъ казной и волостью. Другихъ источниковъ общественнаго дохода у крестьянъ Якутской области почти не существовало. Только два селенія: Амгинская слобода и станція Нохтуйская составляли въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ Амгѣ имѣлось пять видовъ общественнаго дохода, а въ моментъ моего посѣщенія (ранней весной 95-го года) намѣчался шестой, и притомъ самый крупный,—учрежденіе общественнаго кабака.

При существованіи въ Амгѣ виннаго склада (единственнаго на все зарѣчье), раздробительная торговля водкой, несмотря на отсутствіе кабаковъ [2]), практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и корчемство въ слободѣ процвѣтало издавна. Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда въ Амгѣ было поселено много ссыльныхъ татаръ (башкиръ) почти всѣ они торговали водкой. Коно-

---

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ Мірской Избы видно, что ранѣе бывали случаи, когда общество вступало въ договоры съ казной на провозъ до устья Маи казенной клади, направлявшейся изъ Якутска черезъ Аянъ въ Камчатку. Такъ, въ 1850 г. обществомъ было вывезено 1800 п. по 35 к. с. съ пуда. Какова была разверстка этого подряда, изъ дѣлъ не видно.

[2]) Въ сороковыхъ годахъ XIX в. кабакъ въ Амгѣ существовалъ, но въ 50 году онъ былъ закрытъ по сенатскому указу одновременно съ кабаками въ Удскомъ Острогѣ и въ Нижне-Колымскѣ. Арх. М. Избы.

крадство, корчемство и азартная игра доставляли этому элементу главныя средства къ существованію. По словамъ крестьянъ и окрестныхъ жителей, каждая татарская юрта представляла собою притонъ, почти постоянно переполненный посѣтителями: амгинскими крестьянами и инородцами окрестныхъ наслеговъ Батурусскаго улуса. Тамъ населеніе спаивалось, обыгрывалось, и пропитывалось вліяніями тюремнаго міра. Хотя впослѣдствіи, по настояніямъ общества, башкиры и были выселены, но и въ немногіе годы своего пребыванія они успѣли оказать глубокое вліяніе на мѣстные нравы. Алданскіе скопцы, прибывшіе въ край раньше башкиръ, единогласно подтверждали, что раньше и пьянство и картежничество далеко не имѣли въ Амгѣ такого развитія, какъ послѣ пребыванія башкиръ. Когда тѣхъ, наконецъ, удалили, корчемство составило какъ-бы привилегію амгинскихъ крестьянъ, т. к. они, благодаря близости склада, тотчасъ-же заступили башкиръ въ этомъ промыслѣ, а инородцы попрежнему толпами валили къ нимъ и нерѣдко пропивались чуть не до гола. Улусныя власти, и въ особенности бывшій батурусскій голова Николаевъ,—выдающійся общественный дѣятель якутскаго міра,—всячески пытались бороться съ этимъ зломъ, и путемъ убѣжденія родовичей, и путемъ ходатайствъ передъ администраціей объ удаленіи склада изъ Амги, но всѣ ихъ старанія были напрасны: складъ г. Астраханцева оставался и дѣлалъ прекрасные обороты, а инородцы безпрепятственно разорялись. При такихъ условіяхъ общественный кабакъ имѣлъ всѣ шансы сдѣлаться доходнымъ предпріятіемъ, и дѣйствительно,—открывъ свои дѣйствія 12-го января 1895 г. и потребовавъ отъ общества затраты въ 211 р. 35 к. на свое устройство, ровно въ два мѣсяца кабакъ уже окупилъ всѣ расходы, хотя такой успѣхъ не обошелся для крестьянскаго міра безъ жертвы: первый сидѣлецъ, вполнѣ трезвый раньше крестьянинъ, въ эти два мѣсяца допился до бѣлой горячки; его начали преслѣдовать какіе-то голоса и видѣнія, и онъ взмолился общественникамъ объ освобожденіи его отъ такой службы. Какъ только его уволили, онъ тотчасъ-же отслужилъ молебенъ, а всѣ его друзья убѣждали бѣднягу непремѣнно обратиться для окончательнаго исцѣленія къ шаману, т. к. отъ навожденія злыхъ духовъ, по мѣстному крестьянскому вѣрованію, можетъ спасти человѣка только шаманскій бубенъ [1]....

[1]) Описанный случай можетъ показаться фантастическимъ, но онъ происходилъ именно во время моего пребыванія въ Амгѣ, почти на моихъ глазахъ.

Относительно употребленія ожидавшейся выручки въ мартѣ 95 года у крестьянъ еще не было окончательнаго рѣшенія: одни предлагали до поры до времени откладывать получаемыя суммы въ городскую сберегательную кассу для образованія мірскаго капитала, другіе-же настаивали на дѣлежѣ всей выручки по рукамъ.... Во всякомъ случаѣ, при распространеніи на Якутскую область дѣйствія винной монополіи, кабакъ, какъ источникъ общественнаго дохода, могъ существовать лишь короткое время, чтобы уступить свое мѣсто и свои доходы казенной лавкѣ или воскресшимъ тайнымъ притонамъ.

Съ самаго склада въ доходъ общества поступало по 200 р. въ годъ, а остающіяся двѣ статьи доставляли лишь ничтожныя суммы: 11 р. 70 к. общество выручало отъ сдачи въ аренду желающимъ мелкихъ отрѣзковъ сѣнокосныхъ паевъ убылыхъ и отсутствующихъ ревизскихъ крестьянъ; главная масса такихъ паевъ шла въ нарѣзку общественникамъ, но остававшіеся при развертѣ клочки шли съ торговъ.

Такъ-какъ приблизительно половина всего слободского населенія состояла не изъ крестьянъ, а изъ «постороннихъ, т. е. якутовъ и русскихъ торговцевъ, то за пастьбу ихняго скота на общественномъ выгонѣ амгинцы рѣшили взимать по 20 к. съ головы, и за каждую сдѣлку на продажу скотины также по 20 к., но эти сборы поступали очень туго, т. к., по словамъ крестьянъ, «исправникъ не захотѣлъ», и въ 94 году они доставили лишь 7 р. 80 к. Весь доходъ Амгинскаго общества за 1894 г. слагался такимъ образомъ изъ слѣдующихъ статей:

1) отъ содержанія гоньбы по Аянскому тракту	252 р.	17 к.
2) съ виннаго склада	200 „	— „
3) отъ подряда на провозъ бочекъ	78 „	— „
4) отъ сдачи покосныхъ паевъ	11 „	70 „
5) за прописку скота	7 „	80 „
Итого . . .	549 р.	67 к.

На станціи Нохтуйской существовало два винныхъ склада и два частныхъ кабака, уплачивавшихъ нохтуйскому обществу до 1200 рублей; деньги эти дѣлились нохтуйцами по дворамъ и никакого общественнаго назначенія не имѣли.

Наконецъ, въ инородческихъ обществахъ, насколько я могъ выяснить, единственную доходную статью составляла сдача нѣко-

торыхъ сѣнокосовъ, производившаяся, повидимому, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ Амгинской слободѣ. Доходъ этотъ полностью поступалъ въ зачетъ внутреннихъ сборовъ, достигающихъ у олекминскихъ якутовъ огромной высоты.

Добавленія къ главѣ VII-мой. 1) По «Обзору» за 1908 годъ почтовая плата по станкамъ Якутскаго округа составляла 77.174 р. 12 к. и по Олекминскому 120.008 р. 77 к.; по сравненію съ 1894 г. плата увеличилась по Якутскому округу почти на 36% и по Олекминскому округу на 4,6%, что, вѣроятно, связано съ возрастаніемъ цѣны сѣна и рабочихъ рукъ. Объ организаціи гоньбы въ «Обзорѣ» говорится, что она по прежнему отбывается цѣлыми обществами.

2) Извозъ пріисковой клади съ упадкомъ ленской золотопромышленности совершенно упалъ и весь заработокъ олекминскаго населенія отъ этого дѣла, по «Обзору» за 1905 годъ, указанъ въ суммѣ 40—50 тысячъ рублей. Послѣдній общественный подрядъ былъ выполненъ инородческой волостью въ операцію 1901—1902 года, когда было доставлено 17.542 пуда.

3) Въ концѣ девяностыхъ годовъ, на ряду съ открытіемъ общественныхъ лавокъ, начали было открываться въ селеніяхъ и общественные кабаки. Въ 1901 году такія учрежденія существовали въ Нохтуйскомъ, Берденскомъ и Березовскомъ селеніяхъ Олекминскаго округа, гдѣ ихъ чистый доходъ составилъ 3.013 р. 29 к., а доходъ амгинскаго кабака за тотъ-же годъ—1.932 рубля. Казенная продажа вина, введенная въ Якутской области съ 1-го іюля 1904 года, должна была положить конецъ этому способу пополненія общественныхъ доходовъ.

Глава VIII.

Платежи и повинности:

1) Казенные платежи; 2) Мірскіе сборы; 3) Натуральныя повинности; 4) Общественныя работы.

1). До преобразованія почтоваго дѣла, послѣдовавшаго въ самомъ концѣ XVIII-го или въ первые же годы XIX вѣка, казенные платежи, начислявшіеся на станочниковъ въ размѣрѣ 4 р. 75 к. асс. на окладную душу, частью взимались изъ прогоновъ, но при недостаточности этого источника пополнялись князьцами тѣхъ наслеговъ, на которыхъ лежало содержаніе станковъ [1]). Съ освобожденіемъ якутовъ отъ повинности содержанія ленскаго тракта и съ передачей почтоваго обгона крестьянскимъ обществамъ, станочники очевидно были уравнены въ податномъ отношеніи съ прочими сибирскими крестьянами, и въ 1824 году ихъ платежи слагались изъ такихъ суммъ: подушныхъ по 10 р. 50 к. асс., на содержаніе дорогъ—по 25 к., на водныя сообщенія—по 5 к., земской повинности—по 4 р. 44 к., и «вновь наложенной оброчной подати»—по 50 к., т. е. почти по 4 р. 50 к. серебромъ на окладную душу [2]).

Въ девяностыхъ годахъ XIX в. съ одной окладной души въ Олекминскомъ округѣ у крестьянъ поступало по 5 р. 97 к. тѣхъ-же самыхъ платежей, какіе взимались и въ Иркутской г., гдѣ они составляли 5 р. 92 к. на одну душу; по Якутскому округу крестьянскіе платежи составляли въ этотъ періодъ по 5 р. 68 к. Къ основнымъ платежамъ, т. е. къ подушной и оброчной подати и къ губернскому сбору съ частной повинностью, какъ можно видѣть изъ смѣтныхъ исчисленій крестьянскихъ обществъ, вездѣ присоединялись и разные мелкіе платежи: въ пожарный капиталъ—по 4 к. и въ межевой капиталъ—по 3 к. съ души, ружный сборъ—по 15 к., на учебныя заведенія—по 15 к., а время отъ времени и другіе сборы, то появлявшіеся, то исчезавшіе въ смѣтахъ, какъ

---

[1]) См. главу I настоящихъ очерковъ, гдѣ приводится донесеніе комиссара Измайлова и выдержка изъ дѣла 1798 г. о недоимкѣ.

[2]) Арх. Ол. Окр. Пол. Вѣдомость о платежахъ 1824 года.

напримѣръ: на содержаніе архіерейскихъ домовъ, на «спасеніе погибающихъ на водахъ», и даже «на страждущихъ славянъ»— по 1 к. съ души.... Всѣ эти сборы были извѣстны по своимъ оффиціальнымъ обозначеніямъ только писарскому персоналу, а въ глазахъ самихъ крестьянъ, всѣ они сливались въ общемъ представленіи «казенныхъ податей», которымъ противопоставлялись свои «внутреннія раскладки», волостныя и сельскія.

Дѣйствительные платежи сельскихъ обществъ слагались, однако, не только изъ собственно крестьянскихъ окладовъ, но также изъ податей, начислявшихся на причисленныхъ къ обществамъ поселенцевъ полнаго и половиннаго оклада, т. к. огромное большинство такихъ лицъ отсутствовало и платить за нихъ приходилось крестьянамъ. Въ 1894 г. въ общемъ платежѣ Олекминской крестьянской волости—5.782 р. 32 к.—поселенческіе платежи составляли 614 р. 63 к. Въ обществѣ 20-ти станцій Якутскаго округа за тотъ-же годъ съ поселенцевъ причиталось 724 р. 55 к., въ Амгинскомъ о-вѣ уже по ревизіи 1858 года числилось поселенцевъ 39 м. и 27 ж., а послѣ того по 1894 годъ, насколько можно выяснить по даннымъ волостного архива, было причисленно, не считая башкиръ, еще 110 человѣкъ. Наконецъ, въ Олекминской Инородческой волости, въ 1894 году состояло въ окладѣ 50 человѣкъ русскихъ ссыльныхъ, 7 поселенческихъ сыновей, и 150 башкиръ.

Если въ Амгинскомъ о-вѣ съ 60-хъ годовъ на крестьянахъ начала накопляться недоимка въ силу особыхъ причинъ, независимо отъ начисленія поселенческихъ окладовъ, то въ другихъ обществахъ именно недоборъ этихъ взносовъ повелъ къ возникновенію довольно устойчивой по своимъ размѣрамъ недоимки окладныхъ сборовъ, по «Обзору» Якутской области за 1894 г., составлявшей къ 1-му января 1895 г. «на крестьянахъ и поселенцахъ»: по Якутскому округу 40.783 р. 59¾ к. и по Олекминскому округу— 5.944 р. 62¼ к., а по земскому сбору и сбору на частныя повинности: по Якутскому округу—7.198 р. 63¼ к. и по Олекминскому округу— 8.091 р. 83 к. Черезъ четыре года, какъ видно изъ «Обзора» за 1898 годъ, крестьянская и поселенческая недоимка по окладнымъ сборамъ осталась почти безъ перемѣны: по Якутскому округу— 38.824 р. 94¼ к. и по Олекминскому округу—5.624 р. 27¾ к., тогда-какъ недоимка по земскому сбору и по частной повинности за этотъ срокъ увеличилась по Якутскому округу—на 71% и по Олекминскому округу на 64%. У олекминскихъ инородцевъ недоимки по казеннымъ платежамъ почти не существовало, а по земскому

*

сбору и по частной повинности за ними числилось около 8 т. р., и сумма эта изъ года въ годъ измѣнялась очень мало.

Совершенно исключительной по своимъ размѣрамъ являлась недоимка на амгинскихъ крестьянахъ, за которыми уже въ началѣ 90-хъ годовъ состояло 10.450 р., при ежегодномъ окладѣ около 2.160 р. За новопокровцами, у которыхъ всѣхъ домохозяевъ было только 11 человѣкъ, значилось въ недоимкѣ 2.672 р. 72 к., [1]) причемъ ихъ окладъ исчислялся съ 86 ревизскихъ душъ, а окладъ амгинцевъ съ 404 ревизскихъ душъ. Какъ упоминалось раньше (глава II), одной изъ несомнѣнныхъ причинъ накопленія этой недоимки служило черезчуръ крупное несоотвѣтствіе между числомъ окладныхъ душъ и числомъ наличнаго мужского населенія Амгинскаго общества, но Министерство Финансовъ не теряло надежды взыскать съ крестьянъ все то, что за ними числилось по окладнымъ листамъ, и по его распоряженію еще въ 1889 году недоимка была отсрочена амгинцамъ лишь до октября 91-го года, послѣ чего ее предписывалось взыскать въ продолженіи семи лѣтъ. На дѣлѣ это оказалось невозможнымъ, и въ 1895 году мѣстная администрація имѣла въ виду ходатайствовать о сложеніи амгинской недоимки, какъ совершенно безнадежной. Сами амгинцы въ общественномъ приговорѣ 4 декабря 94 года опредѣляли свои платежи такимъ образомъ: 79 душъ убылыхъ они признали «міроплатимыми», съ тѣмъ, чтобы подати за нихъ пополнять, насколько это будетъ возможно, изъ общественныхъ доходовъ, а платежъ за 302 окладныя души амгинцы разложили на 132 общественниковъ, пользовавшихся земельнымъ надѣломъ, и такимъ образомъ высчитывали свои окладные платежи въ суммѣ 2.164 р. 08 к., тогда какъ по счетамъ казначейства съ нихъ слѣдовало 2.294 р. 72 к. и съ бывшихъ аянцевъ 488 р. 48 к., а всего 2.783 р. 20 к., что по числу наличнаго мужского населенія составляло-бы платежъ въ 9 р. 97 к. на одну душу.

Въ обществѣ 20-ти станцій въ 94 году съ коренныхъ крестьянъ окладныхъ платежей причиталось 4.311 р. 12 к. и слѣдовало съ поселенцевъ 724 р. 55 к., а всего съ общества 5.135 р.

---

[1]) *Д. Якут. Обл. Пр.* по описи 1895 г. № 24 (начато 22 февраля 89 г.): «о разсрочкѣ уплаты денежной и хлѣбной недоимки за кр. Амгинской слободы». Черезъ годъ въ волостныхъ дѣлахъ встрѣчались уже цифры еще болѣе высокія: 19.099 р. 60 к. за амгинцами, и 3.823 р. за бывшими аянцами. Противорѣчіе почти одновременныхъ цифръ въ этомъ случаѣ характерно вообще для счетоводства Амг. Мір. Избы и мѣстнаго казначейства.

67 к., что на одну душу наличнаго мужского населенія составляло 4 р. 62 к.,—вдвое меньше, чѣмъ у амгинцевъ.

Въ Олекминской крестьянской волости всѣ платежи—5.782 р. 32 к.—составляли на 1 душу наличнаго мужского населенія 4 р. 36 к. Въ среднемъ по всѣмъ обществамъ съ наличной мужской души причиталось по 5 р. 05 к.

Въ силу чрезмѣрности амгинскаго оклада казенные платежи якутскихъ крестьянъ въ концѣ XIX вѣка оказывались гораздо выше платежей крестьянъ Верхоленскаго округа Иркутской губерніи, гдѣ на одну наличную мужскую душу всего русскаго податного населенія всякихъ разрядовъ, по вычисленіямъ А. Н. Ушакова, падало по 4,2 рубля [1]).

Внутри обществъ казенные платежи разлагались крестьянами-станочниками «по обгону» и по участію въ пользованіи сѣнокосами, но такъ какъ самый обгонъ, какъ равно и пользованіе сѣнокосами, распредѣлялись не одинаково, то и основанія податной разверстки оказывались тоже неодинаковыми: въ Якутскомъ округѣ, гдѣ въ половинѣ 90-хъ годовъ гоньба снималась всей волостью заразъ, подати взимались казною сразу же изъ фуражной платы, въ Олекминскихъ селеніяхъ, вступавшихъ съ почтовымъ вѣдомствомъ въ особыя соглашенія, каждое селеніе только за себя, наблюдалось больше разнообразія: въ Нохтуйскѣ сохранялся старый способъ распредѣленія гоньбы и платежей по ревизскимъ душамъ, въ иныхъ мѣстахъ получилъ преобладаніе новѣйшій способъ распредѣленія по всѣмъ «бойцамъ», или даже по всѣмъ наличнымъ мужскимъ. Въ общемъ по всей Олекминской волости платежныхъ душъ въ 94 году насчитывалось 1.064, тогда какъ всѣхъ душъ мужского пола по нашей переписи оказалось 1.325.

Той тѣсной связи съ землепользованіемъ, какая наблюдается въ чисто земледѣльческихъ обществахъ, разверстка казенныхъ платежей у станочниковъ не имѣла, и земельные распорядки развивались въ ямщицкихъ общинахъ своимъ путемъ,—по существу совершенно сходнымъ съ путемъ развитія общины въ другихъ мѣстностяхъ Сибири,—независимо отъ способовъ начисленія на общество казенныхъ платежей, уплата которыхъ издавна связывалась у мѣстныхъ крестьянъ съ участіемъ въ ихъ основномъ промыслѣ, т. е. въ почтовой гоньбѣ.

[1]) «Мат... по Ирк. г.» т. II, в. 6, стр. 318.

Совершенно иные порядки и другой строй отношеній мы встрѣчаемъ, переходя изъ крестьянскаго міра въ инородческій. Вплоть до 1767 года взносы инородцевъ составляли не платежъ опредѣленной группы гражданъ на опредѣленныя государственныя и общественныя нужды, а просто дань покореннаго народа, вносившуюся не деньгами, а цѣнными мѣхами. Величина этой дани первоначально опредѣлялась исключительно границами фактической возможности взять именно столько, а не больше. О возникновеніи ясачнаго обложенія у якутовъ сохранилась легенда, будто бы русскіе, осѣвъ на мѣстѣ теперешняго города Якутска, протянули черезъ все озеро Сайсары съ берега на берегъ ремень и приказали якутамъ увѣсить этотъ ремень во всю его длину собольими шкурками, и такимъ образомъ установили ежегодный размѣръ ясака. При взиманіи ясака всякихъ чиновъ люди вымогали при помощи пытокъ и истязаній какъ можно больше мѣховъ не только въ доходъ казны, но и для самихъ себя, и уже въ 1733 году правительство было вынуждено издать указъ о командировкѣ въ Якутское вѣдомство и на Камчатку «нарочныхъ — особливыхъ честныхъ людей» для розыска по поводу разореній и притѣсненій, претерпѣваемыхъ инородцами отъ воеводъ, комиссаровъ и сборщиковъ. Правительство угрожало наиболѣе виновнымъ смертною казнью и предупреждало, что все излишне взятое будетъ отобрано и возвращено ограбленнымъ. Приказано было указъ этотъ вывѣсить не только въ Якутскѣ и въ Охотскѣ, но и во всѣхъ зимовьяхъ, и «вкопавъ столбы и накрывъ малой кровлей, прибить и хранить, чтобы всегда всѣмъ было извѣстно» [1]).

Въ 1753 году императрица Елизавета Петровна указала Сенату на неравномѣрность ясачнаго обложенія сибирскихъ инородцевъ, и Сибирскому Приказу было велѣно забрать по этому поводу справки и составить вѣдомость, а немного позже, указомъ 23 января 1761 года, предписывалось произвести перепись сибирскимъ инородцамъ, чего, однако, на дѣлѣ не послѣдовало. Но не далѣе, какъ въ 1762 году, императрицей Екатериной II было приказано Сенату «разсмотрѣть объ ясашныхъ народахъ и звѣриныхъ промыслахъ Сибири и установить окладъ», и въ силу этого приказанія возникла первая Ясачная Комиссія, дѣйствовавшая подъ общимъ руководствомъ лейбъ-гвардіи маіора Щербачева. Въ тѣхъ городахъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились инородцы, были образо-

[1]) *Андріевичъ.* «*Ист. Оч. Сибири*» т. II, стр. 284.

ваны подчиненныя Щербачеву комиссіи. Въ Якутскѣ начальствующимъ лицомъ Ясачной Комиссіи былъ назначенъ бывшій здѣшній воевода Миронъ Черкашенниковъ,—очень выдающійся для того времени администраторъ; память о его дѣятельности сохранилась у якутовъ понынѣ, и первая Ясачная Комиссія, слыветъ у нихъ и теперь подъ именемъ «Мироновой Комиссіи» [1]). Тогда только были установлены нѣкоторыя общія основанія для обложенія ясакомъ отдѣльныхъ родовъ, наслеговъ и улусовъ. Для каждаго инородческаго общества его окладъ опредѣлялся числомъ «работниковъ», т. е. мужчинъ въ возрастѣ отъ 16 до 50 лѣтъ, а платежъ каждаго работника въ различныхъ родахъ устанавливался не въ одинаковыхъ количествахъ, а въ зависимости отъ обилія и качества, принадлежавшихъ роду звѣроловныхъ угодій и пастбищъ. Всѣ плательщики одного какого-нибудь общества вносили ясакъ или собольими шкурками или лисьими, а потому и самые оклады различались на соболиный и лисичный, причемъ въ денежной оцѣнкѣ соболь былъ принятъ по цѣнѣ 1763 года въ 7 р. и лисица въ 2 р. При неуловѣ звѣря, князьцамъ было дозволено вносить ясакъ частью или даже полностью деньгами, а такъ какъ окладная сумма оставалась неизмѣнной, а рыночная цѣна мѣховъ постоянно колебалась, то князьцы вскорѣ же стали извлекать для себя изъ такой замѣны большія выгоды: они собирали ясакъ со своихъ родниковъ мѣхами и продавали эти мѣха на сторону, а казнѣ вносили деньги по фиксированному расчету 7 р. за соболя и 2 р. за лисицу. Вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали и другіе вліятельные и знатные родовичи, и такимъ образомъ сборъ ясака, возложенный Черкашенниковымъ на князьцовъ, послужилъ однимъ изъ первоначальныхъ способовъ обогащенія мѣстнаго тойонства. Въ главѣ I я уже ссылался на извлеченіе, сдѣланное въ 1872 году Д. Павлиновымъ изъ рукописи XVIII вѣка, составленной тогдашними чиновниками Эверстомъ и Горловскимъ; нынѣ это извлеченіе хранится при дѣлахъ Якутскаго Статистическаго Комитета, и имъ пользовались въ мое время всѣ лица, занимавшіеся изученіемъ Якутскаго края. Въ этомъ источникѣ указывается цѣлый рядъ плутовскихъ продѣлокъ, къ которымъ прибѣгали князьцы при сборѣ ясака: то они переводили родовичей по своимъ личнымъ соображеніямъ изъ соболинаго оклада въ лисичный и

---

[1]) *Э. К. Пекарскій. «Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ».* Пам. Кн. Як. Обл. на 1896 г.

наоборотъ; то выгадывали въ свою пользу трехлѣтнюю льготу отъ взноса ясака, предоставлявшуюся крестившимся, причемъ, однако, крестились не сами, а заставляли принять христіанство какого нибудь бѣднаго родственника; то, наконецъ, по-просту, подобно прежнимъ русскимъ сборщикамъ, произвольно увеличивали окладъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти злоупотребленія вызывали жалобы и обращенія къ русской власти или вели къ образованію недоимки, и тогда на мѣсто посылался сборщикъ изъ Якутска, какъ это было, между прочимъ, въ 1790 году въ Борогонскомъ улусѣ, гдѣ благодаря хищенію князьца, накопилась недоимка въ 469 рублей. Эту сумму, по сообщеніямъ Эверста и Горловскаго, взыскивалъ съ якутовъ казакъ Чупаловъ «съ великимъ принужденіемъ и пытками, отъ чего многіе навсегда разорились, другіе отдавали въ работу женъ и дѣтей и закладывали ихъ».

Дѣйствія «Мироновой Комиссіи» распространялись и на Олекминское коммиссарство съ подчиненными ему наслегами (иногда именовавшимися въ тогдашнихъ актахъ «волостями»), теперешняго Вилюйскаго округа. Въ поданномъ въ 1795 году «правящимъ должность князьцовскую» въ Нерюхтейскомъ наслегѣ Сунтарскаго улуса Егоромъ Гуринымъ рапортѣ [1]) указывается, что «государственный въ казну ясакъ, положенный въ 1767 году бывшею въ Якутскѣ о расположеніи ясаковъ комиссіей взносится съ состоявшихъ по прежней ревизіи 203 душъ (очевидно—окладныхъ душъ),— соболей 16, лисицъ красныхъ 65, за неуловомъ звѣря деньгами 244 рубля, въ Олекминское уѣздное казначейство въ декабрѣ, генварѣ, февралѣ и сентябрѣ каждаго года».

Изъ другихъ князьцовскихъ рапортовъ той же эпохи можно заключить, что именно въ тѣ мѣсяцы, когда происходила уплата ясака, въ наслеги наѣзжали русскіе купцы и всякаго рода барышники изъ Якутска, Олекминска и съ Оленска и скупали у инородцевъ пушнину и скотъ, сбывая имъ взамѣнъ свои товары и главнымъ образомъ—водку. Сами якуты, т. е. конечно—якутскіе богачи, совершенно подобнымъ же образомъ поступали по отношенію къ тунгусамъ, которыхъ они встрѣчали въ ноябрѣ мѣсяцѣ на отдаленныхъ урочищахъ, при выходѣ тунгусовъ съ пушниной изъ глубокой тайги, и тамъ спаивали и за безцѣнокъ пріобрѣтали у нихъ мѣха для перепродажи русскимъ. Въ 1796 году комиссаръ

---

[1]) *Арх. Олекм. Окр. Пол.* Дѣло 1794 года. «О топографическомъ описаніи Олекминскаго округа».

Измайловъ, выѣхавъ по одному уголовному дѣлу къ верховьямъ р. Олекмы, по его донесенію, «нашелъ тамъ подлинно якутовъ человѣкъ до сорока и везущихъ продукты лошадей до двухсотъ и совершенное тунгусовъ пьянство» [1]).

Такъ какъ для казны взносъ ясака мѣхами былъ выгоднѣе взноса деньгами по расцѣнкѣ 1763 года, то тѣмъ князьцамъ, которые производили «взносъ въ натурѣ», выдавались для поощренія особыя награды—по 20 р. съ тысячи. Такъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка были награждены, между прочимъ, олекминскіе князьцы: 1-го Нерюхтейскаго наслега Платонъ Корниловъ, 2-го Нерюхтейскаго—Василій Малышевъ, Мальжегарскаго—Николай Поповъ [2]).

Христіанскія имена и русскія фамиліи этихъ князьцовъ не совпадаютъ съ языческими именами князьцовъ тѣхъ же самыхъ наслеговъ, остававшихся въ своемъ званіи безпрерывно нѣсколько десятилѣтій въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Во всѣхъ другихъ актахъ этого періода князецъ олекминскаго 1-го Нерюхтейскаго наслега именуется неизмѣнно Болгуяръ Черной, князецъ 2-го Нерюхтейскаго—Килянь Чохинъ, и князьцы Мальжегарскаго наслега—сначала Морокой Бежисовъ, а затѣмъ Тартапынъ Нучуловъ. Это противорѣчіе позволяетъ думать, что названные Малышевъ, Корниловъ и Поповъ лишь незадолго до своего награжденія крестились, но по старой привычкѣ и сами они, и власти продолжали въ обыкновенныхъ случаяхъ называть ихъ прежними, якутскими именами. Благодаря тому, что крестившіеся на три года освобождались отъ платежа, дѣло религіознаго просвѣщенія якутовъ и тунгусовъ оказалось довольно тѣсно связаннымъ съ совершенно мірскимъ дѣломъ ихъ податнаго обложенія, и въ рапортахъ князьцовъ о взносѣ ясака ежегодно приводились свѣдѣнія о числѣ ихъ льготныхъ, т. е. крестившихся родниковъ, а къ 20-мъ годамъ XIX вѣка всѣ князьцы именовались уже Малышевыми, Торговкиными, Кудриными и т. д.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ работъ первой Ясачной Комиссіи численность и хозяйственная сила отдѣльныхъ родовъ успѣли настолько измѣниться, что съ разныхъ сторонъ опять посыпались жалобы на неравномѣрность обложенія и 26 мая 1786 года Иркут-

---

[1]) Полностью этотъ любопытный въ бытовомъ отношеніи документъ приведенъ въ моей книгѣ. «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края», стр. 25.

[2]) О подобныхъ же наградахъ и въ томъ же размѣрѣ сохранились свѣдѣнія въ дѣлахъ 1835 года, когда награды выдавались за безнедоимочный и своевременный взносъ деньгами.

ская Казенная Палата затребовала изъ Олекминска подробнаго отчета и описанія платежныхъ средствъ каждаго якутскаго рода въ отдѣльности, но вторая Ясачная Комиссія была образована лишь въ 1828 году и работала по 1835 годъ. Ея труды уже не внесли въ податное дѣло никакихъ принципіальныхъ измѣненій, хотя попытки къ этому со стороны комиссіи и были. Въ журналѣ Общаго Присутствія Якутскаго Областного Управленія отъ 16 марта 1896 года говорится по этому поводу: «...когда введены были первыя подушныя (1797 г.), ясачнымъ показалось тяжело: они рѣшили (внутри обществъ) подушныя разложить на всѣ ревизскія души, а земли все-таки удержали за собой, какъ исключительную привиллегію ясачныхъ. Но вторая Ясачная Комиссія поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы не взималось никакихъ платежей съ тѣхъ, кто не пользуется землей. Кромѣ того, всѣхъ родовичей она раздѣлила на два разряда: въ первомъ были платящіе ясакъ и повинности, а во второмъ—платящіе одни повинности. Въ ясачномъ разрядѣ она упразднила всѣ бывшіе до того классы. *Постановленія Комиссіи не имѣли, однако, реальныхъ результатовъ*: общества, опираясь на Уставъ 1822 года, предоставляющій самимъ обществамъ право распредѣленія земли и платежей, не приняли рекомендованнаго порядка, оставивъ по прежнему нѣсколько классовъ...».

Такимъ образомъ дѣятельность второй Ясачной Комиссіи свелась къ простому установленію новыхъ окладовъ, которые представляли такое разнообразіе, что въ концѣ концовъ администрація почти запуталась въ своемъ счетоводствѣ по инородческимъ платежамъ. Тогда, уже въ декабрѣ 1874-го года, журналомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири ясачные оклады по Якутской области были уравнены около максимальнаго средняго въ каждомъ изъ округовъ, кромѣ Вилюйскаго, гдѣ и въ послѣднихъ годахъ XIX вѣка примѣнялось около двадцати разныхъ окладовъ. Въ остальныхъ округахъ ясакъ составлялъ отъ 90 к, до 1 р. 05 к. съ работника, а въ Олекминскомъ округѣ было установлено два оклада: 1 р. 25 к. и 1 р. 29 коп. съ работника.

По имѣющимся у меня даннымъ, высота ясачнаго обложенія олекминскихъ якутовъ при расчетѣ на 1 наличную душу муж. пола въ абсолютныхъ цифрахъ (т. е. безотносительно къ цѣнности денежныхъ единицъ), измѣнялась въ продолженіе столѣтія такимъ образомъ: въ 1805 году—90 к., въ 1829 г.—1 р. 71 к., въ 1848 г.—

1 р. 45 к., и въ 1894 г. 71½ к. [1]). Ясакъ «бродячихъ инородцевъ», т. е. тунгусовъ, въ 1896 г. колебался по родамъ въ предѣлахъ 54 к.—1 р. 74 к. на наличную м. душу и въ предѣлахъ 1 р. 37 к.—3 р. 16 к. на работника [2]).

До самаго конца XVIII-го вѣка якуты не подвергались никакимъ другимъ узаконеннымъ сборамъ, кромѣ ясачнаго и сбора на содержаніе станковъ,—но послѣдній относился уже къ числу натуральныхъ повинностей. Лишь въ 1797 г. кочевые инородцы были обложены подушною податью, именовавшеюся «сборомъ на полковыхъ и подъемныхъ лошадей»,—по 26 к. съ души, а въ 1806 г. еще сборомъ «на содержаніе присутственныхъ мѣстъ»—по 18 к. съ души. Манифестомъ 2 февраля 1810-го года, одновременно съ повышеніемъ крестьянскихъ платежей и соляного налога, на ясачныхъ инородцевъ былъ наложенъ платежъ подушныхъ по 3 р. съ рев. души, но уже мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 27 марта 1812 года было постановлено освободить инородцевъ отъ этого платежа, исчисленнаго на 1812-й годъ въ размѣрѣ 457.083 р. по всей Сибири. Иркут. Губ. Пр., увѣдомляя объ этомъ постановленіи Олекминское коммисарство, приводило свѣдѣнія о поступленіяхъ отмѣняемаго сбора: «въ то число въ теченіе 1812 года поступило 430.282 р. 12 к., затѣмъ къ 1813 году оставалось 27.400 р. 88 к.; въ то число по мартъ мѣсяцъ сего года поступило 13.765 р. 26½ к.; затѣмъ оставалось 13.635 р. 61½ к. На 1813-й годъ—457.671 р., въ то число по мартъ 1813 г. вступило 44.530 р. 94¾ к., затѣмъ осталось къ поступленію 413,140 р. 54 к., а за два года осталось къ поступленію 426.775 р. 66¾ к.». Деньги уже собранные въ этотъ счетъ по указу Якут. Земскаго Суда, согласно распоряженію Казенной Экспедиціи, должны были пойти частью въ погашеніе недоимки по другимъ сборамъ, а частью въ зачетъ ясака и земской повинности на 2-ю половину 1813-го года. Упоминаемая здѣсь «земская повинность» вводилась вслѣдствіе положенія 22 мая 1805 года, впервые примѣненнаго только въ 1813 году; повинность эта исчислялась, какъ и позже, по трехлѣтіямъ, путемъ переложенія на деньги прежнихъ натуральныхъ повинностей, а каковъ былъ ея размѣръ въ первые годы, мнѣ неизвѣстно, но въ 1824 году она составляла для олекминцевъ 4 р. 44 к. асс. на душу. Въ 1816 году на инородцевъ

[1]) При опредѣленіи послѣдней цифры я дѣлю весь ясакъ 1894 года—2.882 р. 95 к. на число платежныхъ душъ, указанное въ наслежныхъ приговорахъ, въ 4028.

[2]) *И. Майновъ.* «Нѣкот. данныя о тунгусахъ Як. кр.», стр. 187.

былъ наложенъ сборъ «на содержаніе большихъ государственныхъ дорогъ»—по 25 к. съ души, а въ 1818 г.—«для образованія капитала на устройство водныхъ сообщеній»—по 5 к. съ души. Въ 1835 году два сбора, установленные въ 1797 и въ 1806 г.г. на сумму 44 к. съ души, были отмѣнены, но уже въ 1839, 40 и 41 годахъ были установлены четыре новыхъ сбора: въ продовольственный капиталъ,—срокомъ на 20 лѣтъ,—по 5 к. съ души,—по истеченіи этого срока продовольственный сборъ былъ продолженъ еще на нѣсколько лѣтъ въ размѣрѣ 3 к. съ души; частная земская повинность—по 4½ к. съ души; и наконецъ, разлагавшіеся не по числу душъ, а по числу работниковъ, сборы въ хозяйственный капиталъ—по 6 к., и въ межевой капиталъ—по 3 к. Въ 1864 г. введенъ «ружный сборъ»—по 26 к. съ души, а вскорѣ же, вмѣсто уничтоженнаго продовольственнаго сбора, введены «государственныя подушныя»—по 12 к. съ души.

Въ такомъ размѣрѣ и подъ такими наименованіями инородческіе платежи указаны въ цитированномъ мною выше журналѣ Общ. Пр. Якут. Обл. Упр. отъ 16 марта 1896 года, но въ смѣтныхъ приговорахъ Олекминской Инородческой волости дѣйствительные платежи олекминцевъ исчислялись по такимъ статьямъ: взимавшихся по ревизскому числу работниковъ—2.211 чел.,—три сбора,—ясакъ, на сумму 2.882 р. 95 к.; въ хозяйственный капиталъ,—по 5 к.,—110 р. 55 к., и въ межевой капиталъ, по 3 к.,—66 р. 33 к.; по числу ревизскихъ душъ (4.420) взималось подушныхъ, по 12 к.,—530 р. 40 к.; губернской земской повинности, по 1 р. 02 к.—4.508 р. 40 к.; частной земской повинности, по 4 к.,—176 р. 80 к,; и ружнаго сбора, по 20 к.,—884 р. Въ общемъ это составляло 9.159 р. 43 к.

При явной недостовѣрности оффиціальной цифры наличнаго населенія Олекм. Инор. волости, для опредѣленія размѣра окладныхъ платежей, падающихъ на 1 муж. душу, я опять воспользуюсь числомъ плательщиковъ, какое я находилъ въ общественныхъ приговорахъ 1894-го г.; по всѣмъ шести наслегамъ оно составляло 4.028 челов., такъ, что на одну муж. душу по этимъ даннымъ падало по 2 р. 27 к., т. е. болѣе чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ у крестьянъ, и слишкомъ въ полтора раза меньше, чѣмъ у инородцевъ, Верхоленскаго округа, гдѣ въ среднемъ на 1 наличн. м. душу инородцами выплачивалось по 3,6 рубля [1]).

[1]) «Мат. et c...» ст. Н. А. Ушакова.

Уже первая Ясачная Комиссія, какъ мы видѣли подраздѣляла плательщиковъ на два разряда: обложенныхъ соболинымъ окладомъ и лисичнымъ окладомъ. На практикѣ внутри инородческихъ обществъ раскладка ясака, а впослѣдствіи и всѣхъ вообще казенныхъ сборовъ, производилась такимъ порядкомъ: въ каждомъ наслегѣ плательщики разбивались на три, на четыре, и даже на пять «классовъ» [1]), причемъ платежи всѣхъ классовъ начиная съ низшаго, составляли ту или иную прогрессію, напримѣръ, при трехъ-классной системѣ: 1:2:3, или 1:1½3, или 1:2:4 и т. п. Чаще всего, повидимому, примѣнялась именно трехъ-классная система, и въ концѣ XIX-го вѣка она преобладала въ большей части наслеговъ Якутскаго округа. Однако и тамъ кое-гдѣ существовало только по два класса, а въ трехъ подгородныхъ наслегахъ Западно-Кангаласскаго улуса (близь города Якутска) этотъ порядокъ успѣлъ исчезнуть и подати (а также и земля) тамъ распредѣлялись подушно. Въ олекминскихъ наслегахъ трехъ-классная система уже съ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ (по словеснымъ сообщеніямъ старожиловъ), уступила мѣсто раскладкѣ по ревизскимъ или по ясачнымъ душамъ,—несомнѣнно подъ вліяніемъ того, что сѣно и продукты скотоводства здѣсь находили болѣе широкій сбытъ, земледѣліе развилось раньше, земля была цѣннѣй, и общественники съ большей настойчивостью добивались уравнительности землепользованія, а по связи съ этимъ — и участія въ платежахъ. Послѣдній шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1893 году, одновременно съ перечисленіемъ въ «осѣдлые», что въ глазахъ якутовъ было равносильно переходу на положеніе крестьянъ: опредѣливъ путемъ переписи численный составъ всѣхъ платежныхъ семей, родовичи всѣхъ олекминскихъ наслеговъ постановили ввести въ окладъ всѣхъ мужчинъ и всѣхъ дѣтей мужского пола, какіе окажутся окрещенными къ моменту раздѣла сѣнокосовъ. Такъ-какъ перепись производилась въ 1893 году, а окончательный подсчетъ плательщиковъ—весной 94-го года, то послѣднее число—4.028—естественно оказалось немного выше числа мужчинъ по переписи—3.952, а въ виду того, что сѣнокосы распредѣлялись по опредѣлившемуся числу душъ въ различныхъ наслегахъ на 3, на 5, и на 9 лѣтъ, и число пла-

---

[1]) Пяти-классная система устанавливалась упоминавшимися раньше «Правилами для единообразнаго порядка по управленію инородцами Якутской области», изданными обл. начальникомъ Мягкимъ, и вошедшими въ силу съ 1825-го года.

тельщиковъ въ этихъ наслегахъ фиксировалось приговорами 1894-го года на тѣ-же сроки.

Описанная эволюція въ способахъ раскладки платежей у якутовъ не лишена нѣкотораго теоретическаго интереса, т. к. въ этомъ случаѣ мы видимъ нѣчто совершенно противоположное извѣстнымъ ученіямъ о фискальномъ происхожденіи земельной общины: если у русскихъ крестьянъ-станочниковъ ихъ земельные порядки развивались только независимо отъ платежныхъ, то у якутовъ самымъ очевиднымъ образомъ именно преобразованія въ способахъ распредѣленія земли, обусловленныя не одинаковымъ развитіемъ культуры въ разныхъ частяхъ громаднаго края, прямо вліяли на измѣненія въ способахъ разверстки платежей. Благожелательныя настоянія администраціи 30-хъ годовъ (вторая Ясачная Комиссія), не вошли въ жизнь, и сами по себѣ оказались безсильны связать участіе въ платежахъ съ участіемъ въ землепользованіи. При господствѣ одной и той-же системы начисленія казенныхъ платежей тамъ, гдѣ весь складъ инородческаго быта оставался болѣе близокъ къ старинному, т. е. на сѣверѣ, до XX-го вѣка ненарушимо продержалось среди родовичей традиціонное неравенство въ землепользованіи и раздѣленіе плательщиковъ на классы; въ ближайшихъ окрестностяхъ города Якутска инородцы и безъ понужденій перешли къ разверсткѣ платежей и земель по ревизскимъ душамъ; а въ наиболѣе культурной части Якутскаго края, т. е. въ Олекминскомъ округѣ, переходъ къ разверсткѣ по рев. душамъ совершился уже давно, а теперь мы находимъ у олекминцевъ тѣ-же способы разверстки, какъ и у русскихъ крестьянъ...

При существованіи нѣсколькихъ классовъ плательщиковъ, въ каждомъ наслегѣ съ отдаленнѣйшихъ временъ все-таки оставалось не мало бѣдняковъ, стоявшихъ внѣ классовъ и вовсе не участвовавшихъ въ уплатѣ ясака и другихъ сборовъ. Въ нѣкоторыхъ наслегахъ Якут. округа областная статистика въ девяностыхъ годахъ XIX-го вѣка насчитывала до 30% такихъ лицъ, и кое какія соображенія заставляли меня допустить существованіе подобнаго элемента и въ олекминскихъ наслегахъ, но никакихъ указаній на это въ общественныхъ приговорахъ не имѣлось. При словесныхъ распросахъ олекминскіе родовичи категорически отрицали наличность у нихъ пролетаріата, стоящаго внѣ обложенія, и увѣряли меня, что земля и платежи распредѣляются у нихъ именно такъ, какъ означено въ приговорахъ. Не имѣя возможности производить въ Инородческой волости самостоятельныхъ изслѣдо-

ваній, я поневолѣ долженъ былъ оставить этотъ вопросъ открытымъ. Несомнѣнно, однако, что многіе родовичи только числятся самостоятельными плательщиками, а на дѣлѣ за нихъ изъ года въ годъ подати вноситъ, какой-нибудь тойонъ, который также неизмѣнно изъ года въ годъ пользуется взамѣнъ ихними сѣнокосами. Но эти отношенія лишь возникаютъ на почвѣ податныхъ нуждъ, а сами по себѣ оформливаются какъ аренда сѣнокосныхъ мѣстъ, и принадлежатъ уже къ другому кругу явленій.

II. Расходы обще-волостные, устанавливаемые въ волостныхъ смѣтахъ, уже въ 1816 году составляли у олекминскихъ крестьянъ сумму 1.250 р. 79 к. асс. [1]), причемъ главной статьею являлась уплата писарю—525 р. Въ Амгинскомъ о-вѣ, по рукописи Павлинова, къ началу семидесятыхъ годовъ общественное управленіе обходилось 912 р. 22 к.

Въ девяностыхъ годахъ общественные расходы Олекминской кр. волости составляли ежегодно около 2 т. рублей, въ Амгинскомъ о-вѣ около 1.100 р., и въ о-вѣ 20-ти станцій около 1 т. р., но часть этихъ расходовъ, именно: жалованье писарей и канцелярскіе расходы покрывались изъ земской повинности. Однако во всѣхъ обществахъ писарямъ выдавалось и добавочное содержаніе, покрывавшееся непосредственно изъ мірскихъ сборовъ. Фактически писаря получали отъ 450 р. въ годъ (въ Амгинской Мірской Избѣ) до 1.000 р. (въ Олекминской). Въ о-вѣ 20-ти станцій замаскированное жалованье получалъ и староста, которому ежегодно ассигновывалось по смѣтамъ по 100 р. на наемъ городской квартиры и по 100 р. на наемъ работника.

Въ Амгинскомъ о-вѣ часть смѣтныхъ расходовъ покрывалась изъ указанныхъ выше общественныхъ доходовъ, а остатокъ разлагался по числу плательщиковъ и составлялъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. на каждаго, или въ среднемъ около 1 р. 25 к. на наличную мужскую душу. Въ обществѣ 20-ти станцій часть волостныхъ сборовъ, причитавшаяся на каждое селеніе по числу его ревизскихъ душъ, удерживалась старостой при выдачѣ фуражной платы и на одну наличную мужскую душу платежъ составлялъ нѣсколько менѣе одного рубля. Въ Олекминской крестьянской волости волостной сборъ въ 1894 году разлагался по тѣмъ же 1.064 душамъ, на которыя раскладывались въ тамошнихъ селеніяхъ и казенные платежи, и составлялъ около 1 р. 25 к. на плательщика и почти 1 р. на наличную мужскую душу.

[1]) Арх. Ол. Окр. Пол. Д. безъ номера и безъ названія.

По отношенію къ окладнымъ платежамъ станочныхъ крестьянъ сборы по внутренней раскладкѣ составляли 20,0—25,0%%.

Большая часть общественныхъ нуждъ, хозяйственныхъ и культурныхъ, удовлетворялась у крестьянъ не изъ обще-волостныхъ, а изъ чисто мѣстныхъ, сельскихъ сборовъ, которые нигдѣ не записывались, а производились ad hoc, иногда каждымъ селеніемъ въ отдѣльности, а иногда, смотря по роду нужды, группами селеній, или однимъ—двумя крестьянскими селеніями и двумя—тремя инородческими или скопческими обществами совмѣстно. Свѣдѣнія о такихъ расходахъ мнѣ пришлось собирать путемъ опроса крестьянъ при производствѣ переписи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ оказалось, однѣ и тѣ же нужды въ однихъ селеніяхъ удовлетворялись посредствомъ сбора необходимой суммы, въ другихъ — посредствомъ доставки предметовъ или выполненія надлежащихъ работъ въ натурѣ. По своему назначенію всѣ сборы и работы такого рода можно подраздѣлить на четыре категоріи: *административныхъ*, т. е. имѣющихъ характеръ повинностей; каковы: между-дворная гоньба, прокормъ пересыльныхъ арестантовъ и содержаніе причисленныхъ къ обществамъ бездомныхъ поселенцевъ, содержаніе ледниковъ, розыски бѣглыхъ и т. п.; *церковныхъ*,—слагающихся изъ расходовъ на ремонтъ церковныхъ зданій и домовъ духовенства, на содержаніе сторожей и трапезниковъ, и сборовъ на общественные молебны; *культурныхъ*—подъ которыми я подразумѣваю расходы на школы, стипендіи, субсидіи учебнымъ заведеніямъ, на врачебное дѣло, на мѣстныя дороги, мосты и переправы, и на вспомоществованіе бѣднымъ своего же общества и, наконецъ, чисто *хозяйственныхъ*, каковы: жалованье вахтерамъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ, общественная очистка сѣнокосовъ или огораживанье поскотинъ, наемъ сельскаго пастуха, поддержаніе въ порядкѣ прорубей и т. п. Денежная оцѣнка работъ и поставокъ, выполняемыхъ въ натурѣ, по имѣвшимся у меня матеріаламъ, оказалась невозможной и о такихъ работахъ или расходахъ, я могу только упомянуть, указавъ на способъ ихъ разверстки, а въ подсчетѣ ежегодныхъ денежныхъ затратъ отдѣльныхъ селеній мною переводятся на деньги только поставки дровъ для школьныхъ зданій.

Денежный сборъ существовалъ во всѣхъ селеніяхъ на церковныя нужды. Особенной высоты онъ достигалъ на 7 верхнихъ станціяхъ Олекминскаго округа, гдѣ крестьяне были обложены взносами не только на сельскія церкви, но и на поддержаніе

Мачинской часовни, существующей близь Нохтуйска, въ центрѣ пріисковыхъ резиденцій — на Мачѣ. Въ самомъ Нохтуйскѣ сборъ на Мачинскую часовню составлялъ, по словамъ крестьянъ, очень высокую цифру — по 3 р. 02 к. съ ревизской души. Въ другихъ селеніяхъ церковные сборы были значительно ниже, — отъ 50 к. до 1 рубля съ небольшимъ, разлагавшихся по большей части по платежнымъ душамъ. Сборы на молебны часто разлагались не подушно, а подворно и были всего выше въ той же части Олекминскаго округа, т. к. тамъ помимо другихъ поводовъ, дважды въ зиму служились молебны о благополучіи возчиковъ, отправляющихся въ путь. Всѣ сельскіе сборы на церковныя нужды составляли въ о-вѣ 20-ти станцій около 300 р. въ годъ и въ Олекминской крестьянской волости около 600 р. въ годъ.

Хотя всѣ школы въ крестьянскихъ селеніяхъ—церковныя, но школьные сборы производились крестьянами почти повсюду независимо отъ церковныхъ. На семи верхнихъ и 9-ти нижнихъ станціахъ изъ почтовой платы вносилось на школы по 30 р. съ каждой станціи. Въ другихъ селеніяхъ Олекминской волости школьные сборы (и поставка дровъ въ школы) разлагались по всѣмъ платежнымъ, а гдѣ и по всѣмъ живымъ душамъ. По станціямъ Якутскаго округа расходы крестьянъ на школы сводились къ поставкѣ дровъ. Въ переводѣ на деньги это составляло для станочниковъ около 80 р. въ годъ, а въ Олекминскомъ округѣ—чистыми деньгами и натурой приблизительно 1.400 рублей въ годъ.

Всѣ остальныя повинности, какъ общее правило, выполнялись у крестьянъ натуральнымъ способомъ и такимъ же способомъ удовлетворялись общія хозяйственныя нужды селеній, но въ отдѣльныхъ случаяхъ изъ этого правила встрѣчались исключенія: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ производились сборы по-дворно или по количеству скота на наемъ пастуха—5 р.—10 р. въ лѣто,—и на наемъ прорубщика, обязаннаго поддерживать въ порядкѣ сельскія прорубы и подходы къ нимъ, за что уплачивалось отъ 8 р. до 16 р. въ зиму.

Въ двухъ селеніяхъ нанимались, съ разверсткой по обгону, рублей за 12 — 20 въ годъ, особыя квартиры для прохожихъ и пересыльныхъ.

Въ пяти селеніяхъ Якутскаго округа денежные сборы съ подушной разверсткой производились на пособіе бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ размѣрѣ 30—40 р. въ годъ въ каждомъ случаѣ; на ст. Еловской по мірскому постановленію мѣстному бѣдняку

выдавалось по 25 р. деньгами и по 10 пудовъ хлѣба. На ст. Батамайской денежные сборы производились для пособія двоимъ старымъ ссыльно-поселенцамъ на сумму около 20-ти рублей.

Наконецъ, каждой деревнѣ время отъ времени приходится покрывать путемъ подушнаго сбора расходъ на похороны умирающихъ поселенцевъ и прохожихъ, которыхъ въ окрестностяхъ Нохтуйска бываетъ очень много, но этотъ расходъ въ общемъ не поддается учету. Въ Нохтуйскѣ расходъ на каждое тѣло крестьяне опредѣляли въ 13 рублей.

Тамъ же, въ Нохтуйскѣ, существовалъ особый сборъ, распредѣлявшійся по обгону, на содержаніе караульнаго дома и ледника. Расходъ этотъ состоялъ изъ платы сторожу — 180 р. въ годъ, покупки свѣчей — 20 р. 25 к. и дровъ — 60 р., т. е. въ общемъ 260 р. 25 к.

Не вводя въ счетъ упомянутыхъ выше мѣстныхъ сборовъ на хозяйственныя и благотворительныя надобности, но присоединяя къ расходамъ по обще-волостнымъ смѣтамъ, какъ болѣе устойчивые и постоянные по своимъ размѣрамъ, сельскіе сборы на церковныя и школьныя нужды и на содержаніе Нохтуйскаго караульнаго дома, мы получимъ для всѣхъ трехъ крестьянскихъ волостей такія круглыя суммы ежегоднаго денежнаго расхода, покрывавшагося путемъ подушныхъ разверстокъ:

I.	1) Волостное управленіе, между-дворная гоньба при волости, ремонтъ и содержаніе общественныхъ зданій	3.180 р.	или	49,6%	всей суммы.
II.	2) Церковные расходы	1.400 »	»	21,8%	» »
III.	3) Школьные »	1.570 »	»	24.5%	28,6%
	4) Лечебное дѣло.	50 »	»	0,8%	
	5) Переправы черезъ рѣки	210 »	»	3,3%	всей суммы.
		6.410 р.			

На одну наличную мужскую душу эти сборы давали въ среднемъ по 2 р. 36 к., что по отношенію къ окладнымъ платежамъ составляло почти 45%.

Такой низкій размѣръ внутреннихъ сборовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что станочные крестьяне Якутской области самыя отяготительныя для нихъ повинности отбываютъ натурой. Если бы можно было сколько-нибудь точно перевести эти повинности на деньги, то оказалось бы, что на удовлетвореніе своихъ культурныхъ нуждъ крестьянскія общества затрачиваютъ

ничтожную часть общественныхъ средствъ и общественнаго труда по сравненію съ тѣмъ, во что обходится имъ выполненіе административныхъ требованій, какъ напримѣръ, перевозка арестантовъ, поимка бѣглыхъ и т. п.

У олекминскихъ инородцевъ выполненіе повинностей посредствомъ найма развито болѣе, чѣмъ у крестьянъ. Помимо того, во всѣхъ шести наслегахъ имѣлись свои сельскіе писаря и составлялись сельскія смѣты, съ которыми я и ознакомился за четырехлѣтіе 1891—94 г.г. Всѣ вообще внутреннія нужды инородческихъ обществъ покрывались у олекминцевъ тремя видами сборовъ, которые записывались въ приговорахъ подъ наименованіями: внутренней повинности, частнаго сбора по волостной раскладкѣ и расходовъ по сельскому обществу. Размѣръ и назначеніе сборовъ на внутреннюю повинность опредѣлялись волостнымъ сходомъ и вычисленную къ поступленію сумму сходъ разверстывалъ по наслегамъ пропорціонально числу ревизскихъ душъ. Изъ внутренней повинности покрывалась большая часть расходовъ по содержанію волостного правленія и важнѣйшія изъ нуждъ отдѣльныхъ наслеговъ, т. е., главнымъ образомъ, церковные расходы, школьные расходы, вознагражденіе сельскихъ писарей и смотрителей хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Такъ какъ суммы, вычисленныя въ смѣтахъ на внутреннюю повинность, всегда оказывались ниже дѣйствительно потребныхъ, то два раза въ году волостной сходъ составлялъ дополнительные приговоры, которыми утверждались добавочные сборы на тѣ же самыя или на совершенно подобныя нужды. Сборы эти взимались на мѣстахъ сборщиками податей и, одновременно съ казенными платежами, передавались старостамъ, которые часть ихъ пересылали въ волостное правленіе, а часть особо указанную въ волостномъ приговорѣ (на писарей и т. д.), удерживали для расплатъ у себя, отсылая въ волость лишь квитанціи получателей. Эти добавочные платежи на внутреннюю повинность назывались на языкѣ инородческихъ канцелярій «частнымъ сборомъ по волостной раскладкѣ».

Смѣта расходовъ по сельскому обществу составлялась уже независимо отъ волостного схода и собранныя по ней суммы оставались въ непосредственномъ распоряженіи старостъ, а правильность ихъ употребленія контролировалась лишь сельскимъ сходомъ. Нерѣдко, однако, сельскіе сборы взимались на добавочные платежи по статьямъ, уже вошедшихъ въ смѣты по внутренней повинности. Въ общемъ, кругъ расходовъ инородческихъ обществъ

было гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ крестьянскихъ и самые расходы въ нѣсколько разъ выше.

Убѣдившись изъ просмотра смѣтъ въ томъ, что разница по годамъ въ размѣрѣ суммъ, взимаемыхъ на одну какую-либо надобность, очень незначительна, я сосредоточилъ вниманіе на расходахъ 1894-го года, и сначала классифицировалъ ихъ по 33 столбцамъ, отмѣчая отдѣльно суммы, ассигнованныя на данную надобность по волостнымъ раскладкамъ, и суммы, ассигнованныя на тотъ-же предметъ каждымъ изъ наслеговъ въ отдѣльности [1]). Итоги по горизонтальнымъ графамъ оказались такими:

въ 1894 году по волостнымъ раскладкамъ было исчислено	14.247 р. 68 к.
по 1-му Нерюхтейскому о-ву	2.221 » 10 »
» 2-му » »	1.590 » 19 »
» 1-му Меитскому »	1.635 » 01 »
» 2-му » »	3.922 » 89 »
» Мальжегарскому »	1.218 » 38 »
» Кятчинскому »	546 » 14 »
Всего по волостнымъ и сельскимъ расладкамъ	25.381 р. 39 к.

Небольшая часть этихъ сборовъ покрывалась путемъ зачета внутренней повинности, а также изъ доходовъ отъ сдачи общественныхъ сѣнокосовъ. Но послѣдній источникъ, какъ кажется, былъ довольно значителенъ только во 2 Меитскомъ наслегѣ, гдѣ путемъ перечисленія на внутреннюю повинность, доходами отъ сѣнокосовъ и остатками разныхъ суммъ было покрыто 1.664 р. 53 к.; въ Мальжегарскомъ наслегѣ было перечислено на внутреннюю повинность всего 87 р. 92 к. Съ другой стороны, обществамъ несомнѣнно приходилось производить по временамъ сборы, не вошедшіе въ смѣты, а потому опредѣлившуюся выше сумму 25.381 р. 39 к. можно признать весьма близкой къ дѣйствительной суммѣ ежегодныхъ денежныхъ сборовъ, производившихся въ инородческихъ обществахъ Олекминскаго округа въ первой половинѣ 90-хъ годовъ.

Всецѣло изъ обще волостныхъ средствъ покрывались только слѣдующіе расходы: содержаніе волостного правленія съ его кан-

[1]) Матеріаломъ мнѣ при этомъ служили приговоры волостного схода отъ 16 февраля и отъ 1 іюня 1894 г. и 12 частныхъ приговоровъ и вѣдомостей сельскихъ обществъ, опредѣлявшихъ свой бюджетъ, какъ и волостной сходъ, по полугодіямъ.

целяріей и междудворной гоньбой при волости, ремонтъ общественныхъ зданій, расходъ на волостную лечебницу, на квартиру Нохтуйскаго засѣдателя, взносъ въ Иркутскую учительскую семинарію и розыскъ бѣглыхъ арестантовъ. Въ 1894 году на этотъ послѣдній предметъ было израсходовано только 360 р. 50 к., но въ нѣкоторые годы розыски обходятся инородцамъ гораздо дороже; такъ въ 1893 году поимка какого-то бѣглаго цыгана стоила олекминскимъ якутамъ 774 р. 25 к. [1]).

Изъ перечисляемыхъ ниже общественныхъ расходовъ заслуживаетъ особой оговорки расходъ на содержаніе волостного правленія. Канцелярія волости на самомъ дѣлѣ состояла изъ помощника письмоводителя, получавшаго 800 р. въ годъ и фактически бывшаго волостнымъ писаремъ, и двоихъ писцовъ съ ничтожными окладами. Но по обычаю, широко распространенному въ якутскихъ улусахъ, оффиціальнымъ письмоводителемъ,—т. к. это, по якутскимъ понятіямъ, должность очень почетная и очень вліятельная,—числился одинъ знатный и интеллигентный родовичъ, который не принималъ никакого участія въ канцелярскихъ работахъ волости и жилъ отъ нея въ 35 верстахъ, но нѣсколько разъ въ годъ присутствовалъ на волостномъ сходѣ и руководилъ его занятіями. Жалованье письмоводителя составляло 1.200 р. въ годъ, и, собственно говоря, письмоводительство въ инородческой волости составляло не столько должность, сколько почетную и доходную синекуру.

Группируя всѣ волостные и сельскіе денежные расходы олекминскихъ якутовъ за 1894-й годъ по намѣченнымъ мною выше четыремъ основнымъ подраздѣленіямъ, мы получимъ такія суммы:

I. Расходы административные:

а) *Волостное управленіе*: сюда входятъ: 1) жалованье письмоводителя и писарей—2.500 руб.; 2) канцелярскіе и мелкіе расходы волостного правленія—190 р. 76 к.; 3) содержаніе арестантовъ при волости—65 р. 82 к.; 4) междудворная гоньба при волости—1.008 р. 63 к.; 5) ремонтъ общественныхъ зданій—659 р. 95 к.; 6) на квартиру и разъѣзды нохтуйскаго засѣдателя—250 р.; 7) на разсыльныхъ и нарочныхъ—58 р. . . . . 4.733 р. 16 к.

---

[1]) Приговоръ волостного схода отъ 9 февраля 1893 года.

б) *Сельское управленіе*: 8) жалованье сельскихъ писарей—1868 р. 06 к.; 9) канцелярскіе расходы—510 р. 63 к.; 10) междудворная гоньба—1.615 р. 27 к.; 11) жалованье караульнымъ—231 р. 80 к.; 12) депутатамъ и довѣреннымъ при разныхъ случаяхъ—316 р. 50 к.; 13) десятникамъ и сборщикамъ податей—206 р. 50 к.; 7) на расыльныхъ и нарочныхъ—85 р.	4.833 р. 76 к.	
в) *Расходы по требованіямъ администраціи*: 14) на подводы при проѣздѣ губернатора—718 р.; 15) на подводы для чиновниковъ—667 р.; 16) на розыски бѣглыхъ—360 р. 50 к.; 17) на погребеніе поселенцевъ и постороннихъ—107 р. 69 к. . . .	1.853 » 19 »	
Всего по 1-й рубрикѣ . .	11.420 р. 11 к.	
—или 45% всѣхъ общественныхъ расходовъ.		
II. Расходы церковные: 18) приходскіе расходы—5.079 р. 33 к.; 19) молебны—151 р. 91 к.; [1]) 20) на подводы для священниковъ—45 р. [2]).	5.276 р. 24 к.	или 20,8%
III. Расходы культурные: а) *Учебное дѣло*: 21) на церковно-приходскія школы — 1.227 р. 10 к.; 22) на содержаніе 12 мальчиковъ въ Кыллахскомъ инородномъ училищѣ—1.884 р. 58 к.; 23) на ремонтъ училищъ—150 р.; 24) на Иркутскую учительскую семинарію—66 р. 30 к.; 25) на содержаніе двухъ воспитанниковъ въ Якутской духовной семинаріи—265 р.	3.592 » 98 »	» 14,1%

[1]) Расходъ на молебны былъ означенъ въ смѣтахъ лишь двухъ наслеговъ: Мальжегарскаго—на 20 р., и 2-го Меитскаго—на 131 р. 91 к. Изъ этого можно заключить, что дѣйствительный расходъ всѣхъ шести обществъ гораздо выше получившейся у меня цифры, т. к. молебны служились всюду.

[2]) Расходъ этотъ указанъ лишь въ четырехъ наслегахъ, въ суммахъ отъ 8 до 18 рублей въ каждомъ.

б) *Врачебное дѣло*: 26) на волостную лечебницу — 1.224 р. 60 к.; 27) оспеннымъ ученикамъ—313 р. 50 к.	1.538 р. 10 к.	или	6,0%
в) 28) *на мосты, переправы и дороги*	1.203 » 43 »	»	4,7%
г) 29) *на вспомоществованіе бѣднымъ*	400 » 94 »	»	1,5%
Всего по III рубрикѣ	6.735 р. 45 к.	или	26,5%
IV. Расходы хозяйственные: 30) жалованіе смотрителей хлѣбо-запасныхъ магазиновъ—1.116 р. 22 к.; 31) за отчужденіе мѣстъ для общественныхъ надобностей — 85 р.; 32) огораживанье и очистка покосовъ—302 р. 86 к.	1.504 р. 08 к.	или	5,9%
Сверхъ того: мелкихъ случайныхъ расходовъ—188 р. 96 к. и расходовъ, недостаточно опредѣленныхъ по своему назначенію—256 р. 55 к.	445 » 51 »		
Всего по волости и по 6-ти обществамъ	25.381 р. 39 к.		

Дѣля всю сумму общественныхъ денежныхъ расходовъ на число всѣхъ мужчинъ по переписи 1893-го года—3952, мы получимъ платежъ на наличную мужскую душу въ 6 р. 42 к. На каждый рубль окладныхъ платежей у инородцевъ приходилось почти по 2 р. 83 к. общественныхъ сборовъ, тогда-какъ у крестьянъ на 1 р. окладныхъ набиралось лишь 45 к. по внутреннимъ раскладкамъ. Подобное-же отношеніе, но только гораздо менѣе рельефно выраженное существуетъ и въ Верхоленскомъ округѣ, гдѣ, по вычисленіямъ А. Н. Ушакова, на 100 рублей окладныхъ платежей у русскихъ крестьянъ приходится 86 р. денежныхъ мірскихъ расходовъ, тогда какъ у инородцевъ 111 р.

Такъ-какъ у олекминскихъ якутовъ общественные сборы по разверсткѣ на наличную мужскую душу оказывались болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза выше, чѣмъ у крестьянъ, а ихъ подати болѣе, чѣмъ въ два раза, ниже, то средній денежный платежъ какъ по казеннымъ начисленіямъ, такъ и по мірскимъ расклад-

камъ вмѣстѣ, у крестьянъ и у якутовъ нѣсколько выравнивался и составлялъ 7 р. 40 к. у крестьянъ и 8 р. 74 к. у якутовъ [1]). Изъ этого вытекало одно послѣдствіе, весьма невыгодное для крестьянъ: мы видѣли раньше, что въ половинѣ девяностыхъ годовъ въ русскихъ селеніяхъ не существовало ни одного министерскаго училища; точно также не существовало въ селеніяхъ ни малѣйшихъ намековъ на медицинскую помощь [2]) (если не считать оспопрививателей изъ мѣстныхъ полуграмотныхъ и совершенно безграмотныхъ жителей); содержаніе въ относительномъ порядкѣ ленскаго тракта, какъ натуральная повинность, лежало всецѣло на крестьянахъ; такимъ образомъ на культурныя и на хозяйственныя нужды самого мѣстнаго населенія изъ вносимыхъ имъ окладныхъ платежей не возвращалось въ деревню въ какомъ-бы то ни было видѣ ни одной копейки, а изъ 13.701 р. 19 к. крестьянскихъ податей и 6.410 рублей ихъ общественныхъ сборовъ, т. е. изъ суммы 20.111 р. 19 к. на эти нужды расходовалось только 1.830 р. самими обществами. Значитъ, изъ каждаго рубля всѣхъ крестьянскихъ платежей на удовлетвореніе культурныхъ и хозяйственныхъ нуждъ мѣстнаго крестьянина оставалось только 9 копеекъ, а 91 к. уходили на общегосударственныя и церковныя потребности. По тому-же расчету у олекминскихъ якутовъ употреблялось на духовныя и матеріальныя нужды самого населенія изъ каждаго платежнаго рубля почти по 21 к. и на общегосударственныя и церковныя потребности по 79 к.

II). Наряду съ болѣе высокими казенными платежами на русскихъ крестьянахъ лежатъ и болѣе обременительныя натуральныя повинности, и прежде всего—*воинская повинность*, отъ которой свободны якуты. Крестьяне Якутской области отбываютъ ее на общемъ основаніи, и за двадцать лѣтъ, какъ видно изъ призывныхъ списковъ, къ призыву являлись 55 человѣкъ изъ уроженцевъ Амгинской слободы, 221 человѣкъ изъ приленскихъ крестьянъ Якутскаго округа, и 364 человѣка изъ крестьянъ Олекминскаго округа, а всего 640 крестьянъ, т. е. въ среднемъ

---

[1]) Для опредѣленія первой цифры я бралъ всю сумму казенныхъ платежей, проставляемыхъ въ волостныхъ смѣтахъ всѣхъ трехъ обществъ, со включеніемъ бывшихъ аянцевъ, и дѣлилъ ее на все число мужчинъ, оказавшихся по нашей переписи.

[2]) Въ 1894 году участковой медицины въ Якутской области еще не существовало и все сельское населеніе, русское и инородческое, оставалось въ этомъ отношеніи абсолютно безпомощнымъ.

по 32 человѣка въ годъ. Какая часть изъ нихъ была взята въ солдаты, объ этомъ я не имѣю прямыхъ свѣдѣній, но косвенно могу подойти къ числу такимъ образомъ: изъ «обзоровъ» Якутской области видно, что ежегодно призывалось по области 110—130 человѣкъ изъ разныхъ сословій, а дѣйствительно принималось на службу 25—35 человѣкъ; отсюда по пропорціи 120: 30=32: X можно предположить, что собственно мѣстныхъ крестьянъ ежегодно принимается 8 человѣкъ, а при шестилѣтнемъ срокѣ службы около 50 крестьянъ должны были постоянно находиться въ командѣ. Оцѣнивая рабочую силу каждаго хотя-бы въ 100 р., мы найдемъ, что воинская повинность ежегодно уменьшала трудовыя силы крестьянъ по крайней мѣрѣ на 5 тысячъ рублей. Но, помимо потери для населенія извѣстнаго количества рабочихъ силъ, съ отбываніемъ этой повинности связано много косвенныхъ расходовъ: поѣздки въ далекій городъ на призывъ, взятки нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ, и т. п. [1]). Въ старину этого рода накладные расходы были еще выше: такъ, въ дѣлахъ 1803 года я нашелъ счета тогдашняго выборнаго П. Рыбникова, изъ которыхъ видно, что ему въ этомъ году было внесено крестьянами на отдачу рекрутъ 261 р. 55 к. и «на случай недостачи»—125 р., а кромѣ того, «на пищу рекрутъ»—94 р. 07 к. и «зачтено» одному изъ рекрутъ 13 р. 62 к. Черезъ два года тому-же Рыбникову на отдачу троихъ рекрутъ было выдано 300 р., «да сверхъ того на внезапный расходъ»—175 р. При возвращеніи отдатчиковъ изъ города къ этому было добавлено еще 278 р. 19 к.... [2]).

По вызываемымъ затратамъ, наиболѣе тяжелой для приленскихъ крестьянъ является *подводная повинность*, тяжесть которой усиливается для нихъ притрактовымъ положеніемъ почти всѣхъ селеній. Въ Якутскую область ежегодно прибывало около 200 человѣкъ ссыльныхъ всякаго рода съ ихъ семействами. Лѣтомъ ихъ провозили на паузкахъ и мѣстные крестьяне должны были сопровождать эти паузки въ качествѣ лоцмановъ, отрываясь отъ полевыхъ работъ въ самое горячее время и нерѣдко подвергаясь

---

[1]) Въ мое время крестьяне жаловались на обременительность для нихъ обычныхъ тогда въ Якутской военной командѣ поборовъ масломъ, рыбой и деньгами, которымъ подвергались солдаты по всевозможнымъ поводамъ, преимущественно-же при предоставленіи имъ отпусковъ.

[2]) Арх. Ол. Мір. Избы.

крайне грубому обращенію со стороны конвоя [1]). При перевозкѣ ссыльныхъ зимнимъ путемъ крестьянамъ надо было выставлять лошадей и ямщиковъ, отводить для ночлеговъ партіи квартиры, а нерѣдко, въ добавокъ къ этому, доставлять и пропитаніе. Особенно часто это случалось по отношенію къ пересыльнымъ, слѣдовавшимъ не въ Якутскъ, а изъ Якутска на югъ, а такихъ лицъ ежегодно бывало тоже не мало. Во время ледохода и рѣкостава въ иной деревушкѣ, въ которой и всего-то десятокъ дворовъ, скоплялось по десятку и болѣе пересыльныхъ, выжидавшихъ пути по недѣлямъ и дольше. Такъ какъ караульный домъ имѣлся только въ Нохтуйскѣ, то всѣхъ этихъ людей крестьянамъ приходилось размѣщать у себя, чѣмъ-нибудь прокармливать, и какъ-нибудь удерживать отъ буйства, что съ подобнымъ элементомъ не такъ-то легко. Кромѣ арестантовъ, почталіоны, казаки и мелкіе служащіе во время своихъ путешествій, по установившемуся обычаю, также пользовались содержаніемъ отъ крестьянъ, и благодаря этому на очередного ямщика, а иногда на всю деревню заразъ, ложилось не только препровожденіе, но и прокормленіе какъ пересыльныхъ, такъ и многихъ изъ проѣзжающихъ по дѣламъ службы. Крестьяне считали, что ежегодно черезъ станки слѣдуетъ такихъ лицъ около двухъ сотенъ. Междудворная и обывательская гоньба на практикѣ сливалась въ приленскихъ селеніяхъ съ почтовой; съ арестантами или съ проѣзжающимъ чиновникомъ отправлялся очередной ямщикъ, а всего, по словесному сообщенію тогдашняго старосты о-ва 20-ти станцій г-на Припузова, за три года по его волости пошло до 15 тысячъ обывательскихъ лошадей, что даетъ по 250 лошадей въ годъ на одну станцію.

Особая *квартира* для пересыльныхъ и путниковъ содержалась крестьянами только на ст. Русская-Рѣчка, гдѣ за нее уплачивалось по 10 р. въ годъ. На ст. Солянской содержаніе такой квартиры входило въ обязанность охранителя деревенской проруби, получавшаго за то и другое вмѣстѣ 20 р. въ годъ. Въ остальныхъ селеніяхъ пересыльные и бродячіе путники находили пріютъ у очередного ямщика, а проѣзжающіе чиновники—въ станціонномъ помѣщеніи.

---

[1]) Между прочимъ крестьяне указывали на такой фактъ: какой-то лоцманъ не угодилъ офицеру и послѣдній задержалъ крестьянина на нѣсколько дней съ арестантами, а затѣмъ высадилъ его на совершенно пустынномъ берегу, откуда крестьянинъ долженъ былъ, еле живой отъ побоевъ и голода, брести пѣшкомъ по горамъ, чтобы вернуться домой.

Исходя изъ этихъ данныхъ, стоимость для крестьянъ подводной и квартирной повинности и связаннаго съ этимъ прокорма пересыльныхъ съ весьма грубымъ приближеніемъ можно оцѣнить для обѣихъ приленскихъ волостей такимъ образомъ: квартирныхъ 10 р.×43=430 р.; конныхъ поденщинъ, считая хотябы по 1 р., 250×43=10.750 р.; трудъ ямщиковъ и расходы на прокормъ—около 2 тыс. рублей; а всего не менѣе 13 тысячъ рублей.

Дорожная повинность имѣетъ у приленскихъ крестьянъ оригинальный характеръ: т. к. трактъ почти на всемъ своемъ протяженіи пролегаетъ ледянымъ полотномъ рѣки Лены, то одной изъ главныхъ заботъ по содержанію пути въ сколько-нибудь проѣзжемъ видѣ является выравниванье дороги и очистка ея отъ тороса, который на иномъ плесѣ тянется на нѣсколько верстъ и дѣлаетъ мѣстность похожей на развалины гигантскаго мраморнаго города [1]). Въ Якутскомъ округѣ крестьяне оцѣнивали эту повинность въ 30 р. для каждой станціи, въ Олекминскомъ—въ 40—60 р. Принимая среднюю стоимость—40 р., и помножая эту цифру на число станцій—43, мы получимъ общій ежегодный расходъ въ 1.720 р. Всѣ дорожныя работы на станціяхъ распредѣлялись по обгону, а въ деревняхъ Амгинской и Олекминской по платежнымъ душамъ. Въ этихъ двухъ деревняхъ крестьянамъ приходилось чинить дорогу на горномъ участкѣ и раньше это требовало большихъ трудовыхъ затратъ, но позже въ годъ достаточно было 30—40 поденщинъ.

На крестьянахъ Амгинской слободы лежала починка городского тракта на протяженіи 25 верстъ, аянскаго тракта, на протяженіи 7 верстъ, и дороги въ Балогурскій наслегъ въ двухъ участкахъ на протяженіи 7 и 5 верстъ. Всѣ дорожныя работы разверстывались амгинцами по дворамъ, независимо отъ числа душъ; каждый дворъ долженъ былъ выставлять одного человѣка, или одного коня, или одного рабочаго быка. Такъ какъ всѣ приамгинскія дороги пролегаютъ болотистой тайгой, то во многихъ мѣстахъ чинить требуется мосты и гати, а въ дождливые годы работа должна возобновляться по нѣсколько разъ въ лѣто. Былъ такой годъ, когда путешествіе до города, благодаря разливу водъ,

---

[1]) Благодаря внезапному наступленію крѣпкихъ морозовъ рѣкоставъ на Ленѣ нерѣдко происходитъ сразу, причемъ огромныя глыбы столкнувшихся льдинъ становятся ребромъ и замерзаютъ въ такомъ видѣ.

продолжалось 15 дней, и въ подобные годы стоимость дорожныхъ работъ для амгинцевъ при переводѣ на деньги должна была бы составлять нѣсколько сотенъ рублей, въ сухіе же годы стоимость работъ гораздо ниже, и опредѣлить среднія затраты общества на это дѣло очень трудно.

Еще труднѣе установить затраты и расходы, которыхъ требуетъ отъ крестьянъ возлагаемое на нихъ *содѣйствіе межевымъ чинамъ*. Уже въ 1805 году, при измѣреніи тракта геодезистомъ Пшеницинымъ, олекминцами было израсходовано на наемъ рабочихъ 35 р. 35 к. [1]). Впослѣдствіи всякаго рода межевыя работы всегда требовали отъ крестьянъ поставки рабочихъ, а нерѣдко къ этому присоединялись незаконные поборы и всякаго рода вымогательства, о которыхъ у крестьянъ сохранились очень яркія воспоминанія. Особенно памятны для нихъ остались шестидесятые и семидесятые годы XIX вѣка, когда межевыя работы нерѣдко сопровождались разгуломъ и оргіями самаго циничнаго характера, оплата которыхъ ложилась, конечно, на крестьянъ.

Послѣднимъ видомъ натуральныхъ повинностей является для крестьянъ и для якутовъ *призрѣніе бездомныхъ поселенцевъ*. Администрація, доставивъ этихъ людей на мѣсто ссылки, прекращаетъ всякія дальнѣйшія заботы объ ихъ участи. Предполагается, что они должны сами зарабатывать себѣ средства къ жизни. Но во-первыхъ, въ крошечныхъ селеніяхъ Якутской области спросъ на трудъ совершенно ничтоженъ, а во-вторыхъ, среди поселенцевъ не мало людей неспособныхъ къ сельскому труду, дряхлыхъ или больныхъ. По якутскому обычаю такіе ссыльные, такъ же какъ и мѣстные нищіе, переходятъ изъ юрты въ юрту, оставаясь и пропитываясь у каждаго родовича то или иное число дней, смотря по классу, къ какому принадлежитъ ихъ временный кормилецъ. Человѣкъ, находящійся въ такомъ положеніи, т. е. пропитывающійся поочередно по всѣмъ юртамъ наслега или рода, называется по якутски «кумаланъ», и такими же кумаланами становятся дряхлые, больные и просто бездомные поселенцы и въ русскихъ селеніяхъ Якутской области. Какъ велико ихъ число, опредѣлить невозможно, но что ихъ не мало, можно судить по тому, что всѣхъ ссыльныхъ въ Якутской области въ 1894 году считалось 4.950 мужчинъ и 983 женщинъ, всего 5.933 человѣка, а изъ нихъ въ Якутскомъ округѣ состояло на причисленіи 4.278 чело-

---

[1]) Арх. Олекм. Мір. Избы.

вѣкъ и въ Олекминскомъ 916 человѣкъ [1]). Изъ этой массы по меньшей мѣрѣ процентовъ 10, а вѣроятно гораздо больше, состояло, конечно, изъ людей по разнымъ причинамъ не работоспособныхъ, а между тѣмъ въ области существовало только два учрежденія, которыя могли бы оказать имъ помощь: въ концѣ 1889 года въ г. Якутскѣ была учреждена поселенческая богадѣльня на 25 человѣкъ, и тамъ же, въ Якутскѣ, существуетъ пріютъ для арестантскихъ дѣтей, въ которомъ къ 1 января 1895 года состояло 15 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Такимъ образомъ изъ шеститысячной массы поселенцевъ съ ихъ женами и дѣтьми, разсѣянныхъ по всему пространству Якутской области, могли получить помощь отъ администраціи только 50 душъ стариковъ и дѣтей, находившихся въ городѣ Якутскѣ. Тюремному Комитету содержаніе одного богадѣльщика обходилось ежегодно рублей въ 70 съ небольшимъ. У крестьянъ, судя по тѣмъ примѣрамъ, которые мнѣ извѣстны, годичное содержаніе одного кумалана можно оцѣнить рублей въ 40, и, если предположить, что въ каждой деревнѣ было хотя по одному такому лицу, ежегодный расходъ натурой на такую невольную благотворительность надо будетъ оцѣнить для всѣхъ 50 селеній въ 2 тысячи рублей.

Всѣ эти подсчеты, по отсутствію точныхъ данныхъ, совершенно гадательны. Но изъ приводившихся выше соображеній вытекаетъ съ полной несомнѣнностью тотъ общій выводъ, что натуральныя повинности, связанныя съ существованіемъ ссылки, ложатся на малочисленное крестьянское населеніе приленскихъ станцій непомѣрно тяжелымъ бременемъ. Иркутскіе статистики переводили на деньги стоимость службы на безплатныхъ должностяхъ: старостъ, десятниковъ, караульныхъ и т. п., и при всемъ томъ стоимость отбыванія всѣхъ натуральныхъ повинностей (кромѣ воинской), для крестьянъ Верхоленскаго округа выражена А. Н. Ушаковымъ отношеніемъ: на 100 рублей окладныхъ платежей, 105 рублей натуральными повинностями, и 191 рубль повинностями и мірскими сборами вмѣстѣ. Въ Якутской области, не считая стоимости всякаго рода службъ, стоимости для населенія воинской повинности, и какихъ-бы то ни было накладныхъ расходовъ, мы находимъ, что только подводная, квартирная и дорожная повинности, съ пропитываніемъ на мѣстахъ ссыльно-поселенцевъ,

[1]) «Обзоръ» Як. обл., за 1894 годъ.

требовали отъ крестьянства затратъ тысячъ на 17, что даетъ на 100 р. окладныхъ платежей 124 р. съ копейками натуральныхъ повинностей. Въ то время какъ въ Верхоленскомъ округѣ всѣ казенные и мірскіе платежи и повинности составляли у крестьянъ, въ среднемъ, по 11,3 рубля на одну приписную душу (безъ поселенцевъ), въ Якутской области по приводившимся подсчетамъ на одну наличную мужскую душу должно было падать по 13,7 р. платежей и повинностей, а при полной оцѣнкѣ послѣднихъ— рублей около 15-ти.

IV. Наряду съ повинностями, относимыми по требованіямъ администраціи, крестьяне выполняютъ всѣмъ міромъ нѣкоторыя работы для удовлетворенія своихъ общихъ хозяйственныхъ нуждъ.

Въ ряду такихъ работъ первое мѣсто по своему значенію могли бы имѣть *общественныя запашки.* На дѣлѣ, однако, постановка ихъ въ Якутской области носила казенный характеръ и сами крестьяне смотрѣли на общественныя запашки, какъ на повинность. Администрація нѣсколько разъ возобновляла свои настоянія и крестьяне, подъ вліяніемъ этихъ понужденій, отводили какой-нибудь клокъ земли и производили засѣвы и работы подворно, безъ всякаго общаго наблюденія и съ одинаковымъ общимъ нерадѣніемъ. У якутовъ, вѣроятно, въ силу ихъ большей дисциплинированности, дѣло это, вообще говоря, велось лучше, чѣмъ у русскихъ, и, какъ мы видѣли, въ 60-хъ годахъ часть дохода отъ общественныхъ запашекъ была ими употреблена на образованіе наслежныхъ кассъ; но это несомнѣнно произошло подъ прямымъ воздѣйствіемъ исправника Жуковскаго. По сообщеніямъ стараго крестьянина Г. Былкова, въ ту пору запашки производились и олекминскими крестьянами, и сборъ хлѣба (300 пудовъ), по продажѣ, доставилъ часть средствъ, употребленныхъ на постройку Олекминской Мірской Избы. Однако, вскорѣ же послѣ отъѣзда Жуковскаго, дѣло это прекратилось «за неполученіемъ пользы» и «пришло въ забвеніе».

То же самое было и въ Амгинской слободѣ. Тамъ запашки прекратились въ 70-хъ годахъ и вновь мысль о нихъ возникла только въ 93 году, подъ давленіемъ засѣдателя Астраханцева. Приговорами 10 и 12 марта амгинцы и новопокровцы постановили въ томъ же году засѣять 300 пудовъ въ Амгѣ и 50 пуд. въ Новопокровскомъ, причемъ испрашивали у казны ссуду на засѣвъ полей въ размѣрѣ 1.500 пудовъ. Получивъ только 1.345 пудовъ, уже 26 апрѣля, амгинцы постановили просить исправника объ

отсрочкѣ запашки до 1894 года, ссылаясь на изнуренность своего скота. Въ ноябрѣ они перерѣшили дѣло въ третій разъ и увѣдомили начальство, что въ 1894 году засѣютъ лишь 120 пудовъ, для чего, однако, имъ требуется новая ссуда, такъ какъ прежней они, «какъ неоплатные плательщики», вернуть не въ состояніи [1]).

Въ виду оттяжекъ и отговорокъ амгинскихъ крестьянъ, Якут. Област. Совѣтъ нашелъ нужнымъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ обязательной общественной запашкѣ, назначаемой согласно 51 и послѣдующихъ статей Уст. о Нар. Продовольствіи. Хотя эти статьи по изданію 1889 года были уже отмѣнены, Совѣтъ предположилъ, что «отмѣна послѣдовала для внутреннихъ губерній Европейской Россіи, гдѣ введены земскія учрежденія; въ Сибири-же, и особенно въ Якутской области, гдѣ не введено даже крестьянской реформы, означенными узаконеніями возможно руководствоваться».

Уступая настояніямъ мѣстнаго засѣдателя, крестьяне въ 1894 году приступили, наконецъ, къ работамъ. Мѣсто для запашки они отвели въ трехъ участкахъ изъ земель отлучныхъ; отчасти эти участки округлялись и полосками, урѣзанными изъ надѣловъ, но владѣльцы вознаграждались добавками изъ другихъ общественныхъ земель. Общее пространство всѣхъ трехъ участковъ позволяло засѣять на нихъ 128 п., и каждый плательщикъ обязывался дважды распахать соотвѣтственную площадь засѣять одинъ пудъ собственныхъ сѣмянъ, убрать, свезти и обмолотить собранное зерно. Отъ этой обязанности освобождались хозяева, не имѣющіе скота, а всѣ остальные работали независимо другъ отъ друга, на мѣстахъ, обмѣренныхъ и указанныхъ каждому хозяйственнымъ старостой. Общее наблюденіе за дѣломъ міръ возлагалъ на одного изъ старшинъ, а все получившееся зерно предполагалось раздѣлить на двѣ части: одну употребить на покрытіе долга казнѣ, а другую засыпать въ сельскій хлѣбозапасный магазинъ.

Въ обществѣ 20-ти станцій общественныя запашки были введены въ 1886 году по предложенію губернатора Свѣтлицкаго, но случился неурожай и дѣло захирѣло съ перваго-же года. Только на ст. Покровской опытъ былъ повторенъ и въ слѣдующемъ году, но опять безъ успѣха. Тутъ, какъ и въ Амгѣ, трудъ выполнялся каждымъ крестьяниномъ въ отдѣльности, но разверстывался среди общественниковъ по ревизскимъ душамъ.

---

[1]) Арх. Як. Обл. Пр. 95 г. Д № 24.

Приблизительно въ то же время возобновились запашки и въ Олекминскомъ округѣ, но и тутъ результатъ ихъ былъ повсюду неутѣшителенъ. Дольше, чѣмъ на другихъ станціяхъ, удержались запашки въ селеніяхъ Неленскомъ и Качегарскомъ. Въ первомъ изъ нихъ общество отвело мѣсто въ 9 верстахъ отъ деревни, пространствомъ десятины въ двѣ; пахота, бороньба и засѣвъ выполнялись наемнымъ работникомъ, вознагражденіе которому уплачивалось по-дворно, а для жнитва выходили единовременно сами крестьяне; они свозили и обмолачивали хлѣбъ, работая также по-дворно. Получившееся зерно по-дворно-же шло въ раздѣлъ. На Качегарской станціи запашка прекратилась лишь въ 1892 году. Тамъ для нея отгородили 2 десятины лѣсного мѣста и одну изъ нихъ вычистили, а другую только свалили, распредѣляя трудъ по платежнымъ душамъ. Зерно сначала ссыпалось въ запасный магазинъ, а впослѣдствіи дѣлилось по душамъ. Урожаи получались настолько слабые, что крестьяне признали дальнѣйшее существованіе общественной запашки безполезнымъ, объясняя бездоходность дѣла плохимъ качествомъ почвы: мѣсто оказалось солонцеватымъ.

Прочнѣе всего привилось дѣло въ двухъ центральныхъ деревняхъ Олекминской волости. Въ деревнѣ Амгинской подъ запашку ежегодно уступалось мѣсто отдѣльными домохозяевами, но впослѣдствіи было образовано особое поле, въ составъ котораго вошла часть одного выморочнаго надѣла и небольшія части, урѣзанныя отъ живыхъ владѣльцевъ. Вся площадь этого поля составляла 3 десятины. Пока запашка производилась на владѣльческихъ участкахъ, урожаи съ нея были достаточны и собранный хлѣбъ исправно поступалъ на пополненіе запаснаго магазина, но въ послѣднее (передъ изслѣдованіемъ) время урожаи понизились вслѣдствіе плохого качества отведеннаго мѣста. Въ 1894 году амгинцами было засѣяно 16 пудовъ ячменя и 5 пудовъ ярицы, собрать-же они разсчитывали не болѣе 60 пудовъ, что при общей урожайности этого лѣта было по крайней мѣрѣ вдвое ниже нормальнаго сбора. Способъ обработки поля у амгинцевъ былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ у станочныхъ крестьянъ; такъ-какъ вся деревня разбита на 3 хозяйственныхъ участка, члены которыхъ выполняли по очереди всякаго рода общественныя работы, то и трудъ по обработкѣ запашки былъ здѣсь введенъ въ общій кругъ очередей, а распоряженіе всѣмъ дѣломъ возлагалось на хозяйственнаго старосту. Внѣ очереднаго порядка справлялась только молотьба, за

которую желающіе взяться за этотъ трудъ получали въ собственность всю солому. Недостатка въ желающихъ, какъ говорили крестьяне, никогда не бывало.

Въ деревнѣ Олекминской до 92-го года подъ запашку было отведено луговое мѣсто, площадью десятинъ въ пять, но въ 92 году крестьяне перемѣнили это мѣсто на другое, горное, расчищенное изъ подъ лѣса 33 года тому назадъ, но все еще сохранявшее производительную силу. Въ 94 году на этомъ мѣстѣ было засѣяно 17 пудовъ ячменя и ярицы и снято 120 пудовъ.

Въ обѣихъ деревняхъ время полевыхъ работъ и число потребныхъ людей и коней назначалось сельскимъ старостой, опредѣлявшимъ мѣру участія въ общемъ трудѣ каждаго отдѣльнаго хозяйственнаго участка. Внутри участка трудъ разверстывался по дворамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ продолженіе года приняли участіе въ обработкѣ поля всѣ семьи участка. Равными трудовыми долями при такихъ разверсткахъ признавались: или вспашка и бороньба ⅛-ой десятины, или укатка ¼-ти десятины, или жнитво и свозка 50-ти суслоновъ хлѣба.

Пріемы обработки общественнаго поля были вездѣ таковыже, какъ и на частныхъ пашняхъ мѣстныхъ крестьянъ: половина земли ежегодно лежала подъ паромъ; пашня двоилась, но не удобрялась.

Общераспространеннымъ, и притомъ вполнѣ добровольнымъ видомъ общественныхъ работъ въ крестьянскихъ селеніяхъ Якут. края является *огораживанье деревенскихъ сѣнокосовъ или выгоновъ.* Въ Амгинской слободѣ городьба тянется вдоль рѣкъ Амги и Хамьяги, а частью и матерой землей, верстъ на 50, и трудъ огораживанья выполняется всѣми плательщиками пропорціонально числу сѣнокосныхъ паевъ каждаго изъ нихъ.

На приленскихъ станціяхъ луга огораживаются лишь кое-гдѣ, а чаще общими силами поддерживается поскотина, т. е. городьба вокругъ выгона, причемъ работа распредѣляется мѣстами по обгону, а мѣстами по числу сѣнокосныхъ паевъ каждой семьи. На станціи Крестяхъ починка изгороди выполняется крестьянами вмѣстѣ съ якутами сосѣдняго наслега, имѣвшими общій выгонъ съ крестьянами, причемъ какъ тѣ, такъ и другіе выставляли по 5 человѣкъ взрослыхъ работниковъ.

Въ Олекминскомъ округѣ почти повсюду производилась также *очистка душевыхъ сѣнокосовъ* отъ весеннихъ заносовъ. Эта работа разлагалась между семьями по числу сѣнокосныхъ паевъ.

Послѣднимъ видомъ мірскихъ работъ являлась зимняя *очистка деревенскихъ прорубей.* Забота объ этомъ почти повсюду возлагалась на всѣхъ домохозяевъ съ соблюденіемъ подворной очереди, независимо отъ состава семьи, но иногда равенство подворныхъ очередей уступало мѣсто опредѣленію продолжительности очереди сообразно количеству скота того или иного хозяина.

У олекминскихъ якутовъ существовали тѣ-же самые виды общественнаго труда съ добавленіемъ еще одного, выполнявшагося частными сообществами родовичей, владѣвшихъ пахотными землями вблизи отъ какого-нибудь общаго водоема,—*устройство оросительныхъ сооруженій.* Самое старое изъ нихъ возникло въ 70-хъ годахъ въ Кятчинскомъ наслегѣ, по иниціативѣ мѣстнаго тойона Антонова. Тамъ плотина загораживаетъ рѣку Хамыстахъ; большіе стоки идутъ на обѣ стороны рѣки саженъ на 80, а далѣе вода льется уже по отдѣльнымъ каналамъ. Большіе стоки ежегодно очищаются всѣми хозяевами орошаемаго участка сообща, причемъ трудъ распредѣляется соотвѣтственно количеству земли каждаго хозяина. Вся площадь, по которой были проведены канавы, охватывала въ этомъ мѣстѣ десятинъ 40.

Въ томъ-же наслегѣ въ началѣ 80-хъ годовъ каналъ былъ устроенъ при рѣчкѣ Тюра-Юряхъ. Длина его составляла саженъ 50, орошаемая площадь—20 десятинъ.

Въ 1-мъ Меитскомъ наслегѣ было устроено два стока съ рѣчки Чорохо, съ одной стороны версты на двѣ, съ другой—версты на полторы. Отводными канавами здѣсь орошалось до 100 десятинъ.

На рѣчкѣ Былыкъ въ 94 году еще только велись работы по устройству орошенія для площади десятинъ въ 10.

Такъ-какъ, по сообщеніямъ якутовъ, сооруженія эти, при всей ихъ примитивности, значительно повышали урожайность участковъ, то можно думать, что въ настоящее время число оросительныхъ сооруженій успѣло увеличиться. Что касается до техники оросительнаго дѣла, то въ этомъ отношеніи инородцы были предоставлены самимъ себѣ и всѣ такія сооруженія они устраивали по собственному почину и собственными силами.

Добавленія къ главѣ VIII-мой. Въ «*Отчетѣ якутскаго губернатора Крафта*» *за 1907—1908 г.г.* говорится по поводу числящейся за населеніемъ недоимки: «Недоимка здѣсь лишь въ видѣ исключенія числится за прямыми плательщиками,—обыкновенно она состоитъ за сельскими должностными лицами—старостами и старшинами, либо за сборщиками податей, главнымъ образомъ за мѣстными кулаками, обязующимися изъ личныхъ выгодъ платить подати за безденежную часть общества».

Далѣе въ «Отчетѣ» сообщается, что «въ интересахъ уравнительнаго распредѣленія податныхъ платежей въ соотвѣтствіи съ землепользованіемъ въ минувшемъ году, по предложенію Министра Финансовъ, Областнымъ Совѣтомъ разсмотрѣнъ вопросъ о переложеніи подушныхъ сборовъ на землю, причемъ признано цѣлесообразнымъ перейти къ этому способу обложенія, какъ узаконяющему фактически принятый самимъ населеніемъ порядокъ раскладки податей по количеству состоящей въ пользованіи каждаго плательщика земли, а потому практически вполнѣ осуществимому. Какъ видно изъ предложенія Министра Финансовъ отъ 9 февраля сего года за № 1320, предположенія Областного Управленія въ принципѣ одобрены, вызвавъ лишь частные вопросы относительно продуктивности и доходности пахотныхъ полей и сѣнокосныхъ угодій».

Въ томъ-же году между якутскимъ губернаторомъ и оберъ-прокуроромъ Св. Сунода происходилъ обмѣнъ мнѣній по поводу ружнаго сбора, взиманіе котораго вызывало осложненія въ отношеніяхъ прихожанъ къ духовнымъ лицамъ. Крестьяне просили объ освобожденіи ихъ отъ ружнаго сбора, такъ какъ они оплачиваютъ особо всѣ требы; мѣстная администрація предлагала отмѣнить ружный сборъ, увеличивъ взамѣнъ этого содержаніе духовенства изъ средствъ государственнаго казначейства; представитель духовнаго вѣдомства сочувственно отнесся къ послѣдней части этого предложенія, но высказался противъ первой, предложивъ со своей стороны установить новую расцѣнку ружнаго сбора и возложить взиманіе его и выдачу изъ этого источника дополнительнаго содержанія духовенству на гражданскую администрацію, «причемъ недоразумѣнія священниковъ съ прихожанами прекратятся».

Задуманное администраціей преобразованіе выполнено въ 1910 году и, какъ мнѣ передавали, встрѣчено крестьянскимъ и инородческимъ населеніемъ крайне несочувственно. Основанія

*

новаго способа разверстки опредѣлены журналомъ Общ. Присутствія Якут. Обл. Управленія отъ 17 сентября 1910 года [1]) такимъ образомъ: по межевымъ даннымъ всей «годной» земли числилось въ это время въ Якутской области лишь 614.328 десятинъ; незначительность этой цифры администрація объяснила лишь недостаточнымъ развитіемъ межевыхъ работъ во всѣхъ округахъ, кромѣ Олекминскаго, гдѣ, по мнѣнію Обл. Управленія, обмежеваны почти всѣ годныя земли. Исходя изъ имѣвшихся свѣдѣній о количествѣ принадлежащаго населенію скота и принимая за необходимое для одной головы скота 1 дес. покоса и $1^3/_4$ дес. выгона, Обл. Управленіе гадательно исчислило всю площадь «удобной» земли по области въ 1.011.323 дес. Въ Олекминскомъ округѣ «удобной» земли считалось 100.675 дес., а такъ какъ по всей области причиталось платежей на 236.638 р., то съ олекминцевъ пришлось бы взыскать 23.557 р. 95 к. вмѣсто 13.107 р. 96 к., уплаченныхъ ими въ 1909 году. Сумма эта была понижена администраціей до 15.728 р. 40 к., но и послѣ этого на одну голову крупнаго скота падало по 67,6 коп., т. е. на 27,6 коп. болѣе суммы, принятой за норму статьей 643 Устава о прямыхъ налогахъ.

Опредѣленная областной администраціей сумма платежей каждаго округа подлежитъ дальнѣйшей разверсткѣ между отдѣльными крестьянскими и инородческими обществами по усмотрѣнію раскладочныхъ комиссій чисто бюрократическаго состава: въ Якутскомъ округѣ комиссія состоитъ изъ предсѣдателя—податного инспектора и членовъ—исправника, помощника исправника и землемѣра, въ Олекминскомъ округѣ: изъ предсѣдателя—совѣтника Обл. Управленія и членовъ—исправника и помощника исправника. Эти лица должны разверстывать платежъ между обществами «по соображенію со свѣдѣніями о количествѣ и доходности находящихся въ пользованіи обществъ, земельныхъ угодій, о числѣ работниковъ, количествѣ скота, доходности мѣстныхъ заработковъ, задолженности плательщиковъ и т. п.». Изъ какихъ источниковъ будутъ получать г.г. члены раскладочныхъ комиссій столь детальныя свѣдѣнія, въ журналѣ Обл. Управленія не указано.

---

[1]) «*Справочникъ Якут. области на 1911 г.*». Изд. Якут. Обл. Статист. Комитета.

Глава IX.

Надѣльныя земли.

I) Надѣленіе крестьянъ сѣнокосными и пахотными землями; площадь крестьянскихъ земель къ началу 1895-го года. II) Борьба якутовъ за землю. III) Сѣнокосы и пашни олекминскихъ якутовъ по даннымъ 1894-го года.

I). Всѣ селенія ленскаго побережья, какъ мы видѣли, разрослись изъ почтовыхъ станцій, при которыхъ еще въ началѣ XIX-го вѣка ютилось всего по три, по четыре крестьянскихъ двора. Только двѣ центральныя деревни Олекминскаго округа—Амгинская и Олекминская—были основаны именно съ цѣлью введенія въ краѣ хлѣбопашества, но въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, были-ли этимъ деревнямъ при самомъ ихъ основаніи отведены опредѣленные участки земли, или,—что вѣроятнѣе,—крестьянамъ въ началѣ предоставлялось право распахивать всѣ окрестныя свободныя земли, какія могли для этого пригодиться. Въ сохранившихся дѣлахъ древнѣйшимъ актомъ, опредѣляющимъ отношенія крестьянъ къ землѣ, является указъ Иркутскаго Намѣстничества отъ 11-го октября 1787 года [1]), которымъ предписывалось, «чтобы имъ (крестьянамъ) нигдѣ ни малѣйшаго препятствія дѣлаемо не было въ распашкѣ земель въ пустѣ лежащихъ до тѣхъ поръ, пока не умножатся жители въ здѣшнемъ краѣ». Далѣе въ указѣ слѣдовала ссылка на порядокъ сельскій, установленный именнымъ указомъ 7-го августа 1722 года, и ставилось на видъ, что этотъ порядокъ, очевидно, не примѣняется, «доказательствомъ чему служатъ состоящія въ близости города здѣшнія селенія, кои ничего болѣе представить не могутъ, какъ совершенное безобразіе дворовъ, въ оныхъ построенныхъ». Послѣднее указаніе свидѣтельствуетъ о жалкомъ видѣ тогдашнихъ русскихъ селеній, состоявшихъ, судя по стариннымъ вѣдомостямъ, главнымъ образомъ изъ юртъ якутскаго образца и лишь въ небольшомъ числѣ изъ «рубленыхъ домовъ», т. е. изъ обыкновенныхъ избъ сибирскаго типа.

---

[1]) Арх. Олекм. Окр. Пол. Упр.

Станціонные крестьяне, какъ видно изъ цитированной въ началѣ этихъ очерковъ вѣдомости комиссара Измайлова отъ 1798 года, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ своего поселенія на станкахъ оставались все еще только ямщиками, получавшими всѣ средства къ жизни (по 24 пуда хлѣба и по 7 р. деньгами), отъ князьцовъ тѣхъ наслеговъ, на которые распространялась повинность содержанія ленскаго тракта (на 365 ревизскихъ душъ по 1-му станку). Въ вѣдомости Измайлова объ этихъ крестьянахъ прямо говорится: «отведенныхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ не имѣютъ.... несутъ въ пропитаніи крайнюю нужду».

Первая нарѣзка, о которой сохранились свѣдѣнія, была произведена въ 1814 году для крестьянъ двухъ центральныхъ деревень, имѣвшихъ при ревизіи 1816-го года «хлѣбопахотныхъ земель» 119 десятинъ одна, и 209 десятинъ—другая.

При станціяхъ, еще въ то время, когда ихъ содержаніе лежало на якутахъ, имѣлись небольшія пространства луговъ «для выпаса почтовыхъ лошадей». Луга эти по всей вѣроятности отводились на глазахъ самими якутами изъ принадлежавшихъ имъ угодій, и съ выдѣленіемъ крестьянъ въ самостоятельное «посельщичье общество» остались за станціями, а въ промежутокъ 1814—1816 г.г. всѣ олекминскіе станки впервые получили надѣлы, отмежеванные для нихъ землемѣромъ Дѣдовымъ. По этому межеванію для каждой станціи отводились изъ прилегающихъ якутскихъ земель угодья троякаго рода: сѣнокосы «ямскіе» въ размѣрѣ отъ 12 до 48 десятинъ на станцію; сѣнокосы «душевые»—въ размѣрѣ приблизительно 4¼ десятины на ревизскую душу; и земли «хлѣбопахотныя», т. е. очевидно лишь годныя подъ распашку, т. к. земледѣлія у станочныхъ крестьянъ въ то время почти не существовало и имъ занимались только единичныя лица въ видѣ рѣдкихъ и неувѣренныхъ опытовъ. Размѣръ нарѣзанныхъ Дѣдовымъ хлѣбопахотныхъ земель колебался въ предѣлахъ 4—33 десятины на одну станцію.

Въ 1824 году амгинцы и олекминцы уже обратились къ начальству съ просьбой о новомъ надѣленіи, а въ 1835 году такую-же просьбу подали всѣ крестьяне Олекминскаго округа. Въ пользованіи всѣхъ 18-ти тогдашнихъ селеній Олекминскаго общества всякаго рода «удобной» земли состояло тогда лишь 2.183 десятины, что по числу ревизскихъ душъ—530—давало всего по 4 дес. на душу. По станціямъ площадь пахотной земли относилась тогда къ площади сѣнокосовъ какъ 1 къ 6-ти и лишь

въ двухъ центральныхъ деревняхъ она была настолько значительна, что въ общемъ по волости пахотныя земли составляли 23,6% всей земли, причемъ, однако, остается неизвѣстнымъ, какая часть пахотной земли была дѣйствительно распахана [1]).

Двѣнадцати станціямъ Якутскаго округа земля отводилась въ 1817 году, по числу ревизскихъ душъ—199,—съ присоединеніемъ къ этому трехъ душъ вновь причисленныхъ поселенцевъ, на каждую душу по 15 десятинъ, изъ земель якутовъ Кангаласскаго улуса [2]). Такъ какъ никакихъ пашенъ у тогдашнихъ якутовъ не существовало, то несомнѣнно крестьянскіе надѣлы состояли первоначально изъ сѣнокосовъ и лѣсовъ, но сколько именно было въ общей площади сѣнокосовъ, объ этомъ свѣдѣній не сохранилось. До ревизіи 1835 года полный надѣлъ по такой нормѣ получили станціи: Табагинская, Улахъ-Анская, Бестяхская, Тойонъ-Аринская, Еланская (основанная въ 1830 году), Титъ-Аринская, Батамайская, Синьская, Ой-Муранская, Журинская, Иситская, Малыканская и Саныяхтахская.

Къ 1835 году крестьянъ мужского пола на этихъ станціяхъ числилось уже 285 душъ, и въ томъ-же году староста Мироновъ возбудилъ ходатайство о добавочной нарѣзкѣ сѣнокосовъ на прибылыя души, но по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ этой главы, просьба крестьянъ не получила удовлетворенія.

Послѣ этого въ продолженіи цѣлаго полустолѣтія, несмотря на безпрерывный ростъ населенія, земельные надѣлы крестьянъ увеличивались очень слабо и новыя нарѣзки производились лишь кое-когда, въ отдѣльныхъ случаяхъ. Только во второй половинѣ восьмидесятыхъ и въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ межевыми чинами былъ выполненъ цѣлый рядъ работъ по добавочному надѣленію крестьянъ, и къ 1895-му году владѣнія крестьянъ каждой станціи состояли изъ нѣсколькихъ дачъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ до десятка дачъ для одной станціи, обмежеванныхъ въ разное время и не всегда смежныхъ одна съ другой.

Такъ-какъ волостныя свѣдѣнія о крестьянскихъ земляхъ по провѣркѣ оказались устарѣлыми и совершенно непригодными,

---

[1]) *Арх. Олекм. Окр. Пол. Упр.* Д. 1835 года. Просьба крестьянъ о надѣленіи землей.

[2]) *Арх. Кангаласской Инор. Управы.* 1835 г. Д. 223. Документъ сообщенъ Л. Г. Левенталемъ.

то, съ разрѣшенія губернатора В. Н. Скрипицина, одинъ изъ моихъ товарищей В. Е. Гориновичъ взялъ на себя задачу разсмотрѣть весь архивъ Областной Чертежной, извлечь всѣ дѣла о разновременномъ надѣленіи крестьянъ, и свести ихъ во-едино по одной системѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Гориновичъ, работая въ помѣщеніи Областной Чертежной, составилъ въ двухъ-верстномъ масштабѣ сводные планы всѣхъ дачъ каждаго крестьянскаго селенія въ отдѣльности [1]).

Несмотря на всю тщательность работы В. Е. Гориновича, пользоваться ею можно лишь для общаго опредѣленія той площади, которая весьма условно признается «удобной», т. е. состоитъ изъ земель: усадебныхъ, сѣнокосныхъ, пахотныхъ, выгоновъ, кустарниковъ, допускающихъ расчистку подъ лугъ, и смѣшаннаго (т. е. лиственичнаго и березоваго) лѣса. Подраздѣленія надѣльной площади на всѣ такого рода угодья въ приленскихъ селеніяхъ еще менѣе надежны и устойчивы, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и въ этомъ были согласны и г. Гориновичъ и всѣ работавшіе въ то время въ области землемѣры (г.г. Рейхардтъ, Шанцевъ и Уткинъ). Особенно неустойчивы данныя относительно самой важной для мѣстныхъ крестьянъ части ихъ земель — ихъ сѣнокосовъ, которые расположены, главнымъ образомъ, на островахъ рѣки Лены, а мѣстами на ея противоположномъ берегу. Песчаные острова наноснаго происхожденія постоянно размываетъ водой и портитъ ледоходомъ; широкіе пласты берега рушатся и самый островъ часто совершенно исчезаетъ, оставаясь, однако, на планѣ и въ экспликаціи Областной Чертежной. Такъ, по сообщеніямъ крестьянъ, подтверждаемымъ хорошо знавшимъ этотъ случай г-номъ Шанцевымъ, въ половинѣ 80-хъ годовъ при ст. Батамайской, на островѣ Камчатномъ, имѣлось 64 десятины сѣнокоса, а черезъ 10 лѣтъ отъ нихъ оставалось только 4 десятины.... Хотя и въ меньшей мѣрѣ, но весьма измѣнчивы и ненадежны и всѣ другія подраздѣленія оффиціальной экспликаціи, а менѣе всего надежно признаніе «удобной» землей всей площади смѣшаннаго лѣса. По мѣстнымъ условіямъ лѣсъ самъ по себѣ служитъ крестьянину только для его домашнихъ построекъ и на топливо; сбывать его на сторону некуда, а для расчистокъ подъ пашню пригодна далеко не вся лѣсная площадь, а лишь нѣкоторые клочки, расположенные особенно выгодно. Много-ли въ

[1]) Работа г. Гориновича составила особое приложеніе къ нашему отчету.

надѣльныхъ земляхъ крестьянъ такихъ клочковъ, безъ особаго изслѣдованія сказать нельзя. Точно также и о качествѣ культивируемой площади я могъ собрать кое-какія свѣденія лишь отъ самихъ крестьянъ, т. к. объѣздъ селеній происходилъ зимой и никакихъ наблюденій, хотя-бы и поверхностныхъ, ни я, ни Г. Л. Кондаковъ производить не могли.

Въ Амгинской слободѣ и въ селеніи Новопокровскомъ крестьяне сильно жаловались на рыхлость и быстрое изсыханіе почвы. Верхній слой, глубиною около $^1/_2$ аршина, составляютъ тамъ черныя земли, ниже которыхъ лежитъ бѣлая глина и суглинокъ. Въ Новопокровскомъ,—какъ думаютъ крестьяне, благодаря обилію мелкихъ протоковъ,—хлѣба особенно часто подвергаются инеямъ. Въ Усть-Майскомъ селеніи преобладаютъ красныя «шибко жидкія» глины, составляющія пластъ въ аршинъ или въ 5 четвертей. Бываютъ случаи, когда подпочвенные льды на мѣстахъ оголенныхъ отъ лѣса оттаиваютъ и «пашня проваливается». Такихъ провалившихся мѣстъ въ Усть-Майскихъ надѣльныхъ земляхъ не мало, и крестьяне серьезно опасались дальнѣйшихъ проваловъ въ будущемъ [1]).

Въ надѣльныхъ земляхъ станціонныхъ крестьянъ Якутскаго округа значительная часть, по словамъ крестьянъ, непригодна для какой бы то ни было культуры по каменистости, а мѣстами по тундроватости. Почвы различаются здѣсь прежде всего тѣмъ, что одни лежатъ на склонахъ горъ, въ мѣстахъ таежныхъ, а другія внизу, въ долинѣ рѣки. По горамъ, почти всюду, гдѣ не обнажается камень и не застаиваются воды, подъ лиственичнымъ лѣсомъ

---

[1]) По даннымъ, извлеченнымъ изъ разныхъ авторитетныхъ источниковъ и скомбинированнымъ *М. И. Сосновскимъ* въ его статьѣ «*О климатѣ Якутской области*» въ «Пам. Кн.» на 1896-й годъ, слой вѣчной мерзлоты подъ Якутскомъ имѣетъ мощность отъ 600 до 1.000 футовъ и почва оттаиваетъ лѣтомъ на самыхъ высокихъ и теплыхъ мѣстахъ по р. Вилюю не болѣе какъ на 4 фута, а въ долинахъ, на менѣе теплопроводной почвѣ песчано-глинистаго наноса, лишь на 1 футъ. Средняя температура почвы на глубинѣ 7 футовъ—9° Р., и на глубинѣ 300 футовъ—3° Р. Наивысшая температура на глубинѣ 7 футовъ—3 Р. и наименьшая на той-же глубинѣ—17° Р. По наблюденіямъ 1886-го года, когда зима отличалась сравнительной мягкостью, колебанія температуры почвы по мѣсяцамъ на глубинѣ 2 футовъ были таковы: Янв.—12,15° Р.; Ф.—12,74°; Мр.—13,52°; Апр.—8,54°; Май — 2,06°; Іюнь + 0,02°; Іюль + 2,58°; Авг. + 2,44°; Сит. + 1,64°; Окт. + 0,23°; Нбрь—2,84°; Дкб.—9,24°.

залегаетъ слой красной глины, пригодной для распашекъ [1]). Въ долинѣ, на станціяхъ ближайшихъ къ городу, чаще всего встрѣчаются почвы солонцеватыя или черныя, соотвѣтствующія по описанію крестьянъ рыхлымъ, чернымъ землямъ Амгинской слободы. Въ юго-западной части округа береговая полоса суживается и горы подступаютъ къ самой рѣкѣ, обрываясь надъ водой въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, гигантскихъ колоннадъ (по мѣстному—«столбовъ») и утесовъ слоистаго строенія. Для одной станціи (Атъ-Дабанъ) внизу совсѣмъ не оказалось мѣста и деревня пріютилась на вершинѣ утеса. На ст. Ой-Муранской усадьбы лѣпятся у самаго подножья горнаго склона, по довольно крутой покатости, и тутъ бывали случаи обваловъ, разрушавшихъ жилища. Низовыя земли въ этой части округа болѣе или менѣе каменисты и песчаны, а прибрежные выгоны плохи по качеству и подвержены порчамъ: въ половодье ихъ размываетъ и заноситъ иломъ.

Почти тоже пришлось бы повторить о надѣльныхъ земляхъ по Олекминскому округу. Почти повсюду крестьяне жаловались на преобладаніе камня, песку и солонцовъ. На ст. Мархачанской картофель въ девяностыхъ годахъ почти перестали сажать, такъ какъ онъ постоянно «выгоралъ». На многихъ другихъ станціяхъ, въ виду песчаности почвы, крестьяне усиливали густоту посѣва значительно выше обычной нормы. Вообще,—по своимъ качествамъ здѣшнія крестьянскія земли могли бы представить для заправскаго пахаря мало корысти, и не мудрено, что въ первый вѣкъ своего пребыванія въ Якутскомъ краѣ станочники предпочли тяжелому труду корчеванія тайги и риску посѣвовъ на «проваливающихся» пашняхъ развитіе скотоводства по якутскому образцу и болѣе легкія расчистки острововъ подъ сѣнокосы.

Только имѣя въ виду всѣ эти особенности горнаго сѣвернаго края, можно надлежащимъ образомъ отнестись къ голымъ цифрамъ, опредѣляющимъ площадь крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Къ началу 1895 года по извлеченнымъ и провѣреннымъ В. Е. Гориновичемъ даннымъ областной чертежной крестьянамъ принадлежало «удобныхъ» земель по обоимъ округамъ:

---

[1]) Сосняк растетъ здѣсь на голыхъ пескахъ, ельникъ же въ болотистыхъ низинахъ, а потому площади сосняка и ельника не вводятся мною въ площадь удобныхъ земель, которая состоитъ здѣсь главнымъ образомъ изъ лиственичнаго лѣса и березняка.

Якутскій округъ *).

I.

			Въ среднемъ на 1 наличную муж. душу.
1) **Амгинская слобода,** основанн. въ первой половинѣ XVIII в., выходцами изъ Илима. .	6.262 д.	1.030 с.	29,4 дес.
2) **д. Новопокровская,** осн. въ 1852 г. ямщ. Аян. тр.	277 »	— »	8,7 »
3) **д. Усть-Майская,** тоже.	147 »	— »	7,0 »

II.

4) **Табага,** XVIII в., Костром., Енис., Каз. губ. .	3.380 »	1.482 »	37,1 »
5) **Тектюръ,** 1862 г., съ Табаг. станціи	769 »	818 »	17,1 »
6) **Улахъ-Анская,** XVIII в., россійск. выходцы .	1.463 »	1.350 »	33,3 »
7) **Покровская,** ?, съ Улахъ-Анской ст..	505 »	542 »	17,0 »
8) **Бестяхъ,** XVIII в., изъ Енисейск. губ.	3.027 »	480 »	59,3 »
9) **Булгуньяхтахъ,** 1868 г., съ Табаги, Титъ-Арин. и съ Бестяха.	464 »	696 »	14,0 »
10) **Тойонъ-Аринская,** XVIII в., росс..	642 »	164 »	25,7 »
11) **Еланская,** 1830 г., съ Табаги, Титъ-Арин. и Тойонъ-Арин.	639 »	2.293 »	17,4 »
12) **Титъ-Аринская,** XVIII в., росс.	1.683 »	2.370 »	22,4 »
13) **Батамайская,** XVIII в., изъ Моск. губ. . . .	583 »	100 »	11,2 »
14) **Синьская,** XVIII в., росс.	723 »	862 »	10,0 »
15) **Атъ-Дабанъ,** 1869 г., съ Ой-Мурана и Батамайской ст..	898 »	1.742 »	23,0 »
16) **Ой-Муранъ,** XVIII в., росс.	839 »	1.360 »	14,2 »
17) **Журинская,** XVIII в., росс.	1.251 »	984 »	18,7 »
18) **Крестяхъ,** 1869 г., съ Журинской ст.	189 »	2.368 »	13,6 »
19) **Иситская,** XVIII в., росс.	610 »	1.085 »	7,4 »
20) **Чуранъ,** 1865 г., съ Саныяхтаха, Исика и Еловки.	555 »	2.260 »	25,2 »
21) **Малыканская,** XVIII в., росс..	1.058 »	1.128 »	25,0 »
22) **Еловка,** 1850 г., съ Саныяхт. и Малык. . . .	298 »	2.257 »	8,3 »
23) **Саныяхтахъ,** XVIII в., Симбир. и Моск. губ..	1.358 »	418 »	16,5 »
24) **Павловское,** 1872 г., ямщ. Аян. тр.	2.012 »	2.043 »	27,2 »

Олекминскій округъ.

III.

25) **Мархачанская,** въ 30-хъ годахъ XIX в.. . .	938 »	449 »	22,3 »
26) **Мархинская,** XVIII в.	1.334 »	1.985 »	23,8 »
27) **Хатынъ-Тумульская,** XVIII в.	307 »	665 »	10,2 »
28) **Бѣлая,** въ 1832 г., съ Чекура и Мархи. . . .	487 »	580 »	6,9 »
29) **Чекурская,** въ 1824 г.			

*) Свѣдѣнія о времени основанія станцій и о родинѣ предковъ записаны мною со словъ крестьянъ.

			Въ среднемъ на 1 наличную муж. душу.
30) **Русская-Рѣчка,** въ 20-хъ годахъ XIX в. перенесена съ мѣстности Харабалытъ	709 д.	2.196 с.	19,7 дес.
31) **Наманинская,** XVIII в.	424 »	325 »	15,1 »
32) **Харьялахъ,** въ 1847 г., съ Солянской, Наманинской и Амгинской	389 »	1.605 »	13,4 »
33) **Солянка,** (прежняя Тастатская)	657 »	1.190 »	13,4 »
34) **Берденка,** XVIII в.	789 »	820 »	21,9 »
35) **Бирюкъ,** въ 50-хъ годахъ XIX в., съ Берденки	93 »	1.560 »	5,2 »
36) **Черендей,** XVIII в.	721 »	710 »	12,0 »
37) **Дабанъ,** въ 1888 г., съ Неленской и Черендейской	212 »	930 »	13,3 »
38) **Неленская,** XVIII.	255 »	1.700 »	8,0 »
39) **Качегарская,** въ 50-хъ годахъ XIX в., съ Неленской и Олекминской	201 »	580 »	4,8 »
40) **Дельгейская,** XVIII в.	257 »	1.343 »	8,6 »
41) **Инняхъ,** въ 1861 г., якуты 2-го Нерюхтей н. .	354 »	300 »	16,8 »
42) **Березовская,** XVIII в.	962 »	1.835 »	24,0 »
43) **Точильная.**	461 »	1.188 »	14,4 »
44) **Нохтуйская,** XVIII.	2.420 »	537 »	43,0 »
45) **Жедайская,** XVIII в.	732 »	710 »	15,2 »
46) **Каменка.**	488 »	860 »	24,4 »
47) **Тинная,** въ 1870 г.	352 »	473 »	17,6 »
48) **Курьинская**	95 »	2.265 »	8,0 »
49) **Амгинская.** . . . . } XVIII в.	6.060 »	1.196 »	13,0 »
50) **Олекминская.** . . . }			
Всего. . . .	49.650 д.	984 с.	18,3 дес.

Изъ 50-ти селеній края 12 имѣли не свыше 10 десятинъ на наличную муж. душу, 22—отъ 10 до 20 д., 12—отъ 20 до 30 д., и 4—свыше 30-ти.

Средняя надѣленность въ о-вѣ 20-ти станцій составляла 21,3 д. и въ Олекминской волости—15,2 д., что довольно близко къ средней надѣленности крестьянъ Верхоленскаго округа, колеблющейся въ предѣлахъ 17,9 д. на приписную душу, а въ общемъ составляющей 19,8 д. [1]).

О томъ, какъ не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ распредѣляется у якутскихъ крестьянъ вся надѣльная площадь на различнаго рода угодья, можно говорить только предположительно, такъ какъ показанія самихъ крестьянъ, не привыкшихъ въ этой мѣст-

[1]) «Мат. etc...» т. II, в. 6, стр. 91, ст. Е. А. Смирнова.

ности считать на десятины, очень сбивчивы. Помножая на два опредѣлившуюся при переписи посѣвную площадь 1894 года, я надѣюсь получить цифру, не очень далекую отъ дѣйствительности, и потому для опредѣленія пахотныхъ земель прибѣгаю къ этому пріему. Гораздо труднѣе подойдти, хотя бы косвеннымъ путемъ, къ опредѣленію площади крестьянскихъ сѣнокосовъ. Помимо луговъ душевыхъ и сѣнокосныхъ чистокъ по островамъ, у крестьянъ нохтуйскаго участка, въ виду выгодности сбыта сѣна на пріиски, существуютъ даже лѣсныя расчистки подъ сѣнокосъ, а по всей юго-западной части Олекминскаго округа у многихъ крестьянъ имѣются такъ называемыя «зимовья», т. е. утуги высокой доходности. Продажа сѣна на пріиски составляетъ одинъ изъ главныхъ промысловъ крестьянъ Березовскаго селенія, а въ деревнѣ Амгинской, несмотря на сдачу части своихъ сѣнокосовъ скопцамъ Спасскаго селенія, крестьянами, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, въ зиму 1894 года было продано сѣна почти на 1.500 р., т. е. въ дѣйствительности, конечно, на значительно большую сумму. Въ виду того значенія, которое имѣютъ въ здѣшнемъ краѣ луга, и тѣхъ споровъ, которые изъ-за нихъ ведутся, показанія крестьянъ по этому поводу были менѣе правдивы, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Особенно не искренни оказывались по провѣркѣ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщались домохозяевами о принадлежащихъ имъ чисткахъ, не подлежавшихъ ежегодному передѣлу. Во всемъ обществѣ 20-ти станцій по заявленіямъ крестьянъ чистокъ оказывалось только $409^{3}/_{8}$ дес. и душевыхъ луговъ $907^{3}/_{4}$ дес. Въ Олекминской волости, и притомъ именно въ тѣхъ селеніяхъ, которыя всего богаче лугами, показанія были еще менѣе достовѣрны. Въ виду этого, для полученія болѣе или менѣе правдоподобной цифры, какъ я думаю, надо увеличить получившіеся при переписи итоги по крайней мѣрѣ раза въ полтора. Иначе пришлось бы допустить, что въ мѣстности, въ которой у крестьянъ по ихъ собственнымъ заявленіямъ полученнымъ при переписи, имѣется въ среднемъ по 6,6 крупнаго рогатаго скота на одинъ дворъ и по 3,5 крупнаго коннаго, собирается сѣна всего по 1½ воза на голову, а все недостающее количество пріобрѣтается путемъ покупки у якутовъ или путемъ аренды сѣнокосовъ у тѣхъ же якутовъ. Между тѣмъ эти якуты сами неустанно вопіютъ о недостаткѣ у нихъ сѣнокосныхъ мѣстъ и жалуются на то, что лучшія мѣста отведены русскимъ, а кормовыя нормы ихъ собственнаго скота, какъ это вполнѣ удостовѣряется мѣстными изслѣдованіями, стоятъ гораздо ниже самаго

низкаго уровня, какой допускается требованіями маломальски сноснаго хозяйства.

При наличности такихъ условій живыя свидѣтельства заинтересованныхъ сторонъ также мало гарантируютъ изслѣдователя отъ крупныхъ ошибокъ, какъ и бумажныя данныя, и приводимыя ниже свѣдѣнія о распредѣленіи въ надѣльныхъ земляхъ площади сѣнокосовъ и площади пашенъ составляются мною при помощи указанныхъ выше пріемовъ и потому могутъ претендовать лишь на нѣкоторое приближеніе къ дѣйствительности, но отнюдь не на полную точность.

Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе разработаны земли старыхъ, не ямщицкихъ деревень Олекминскаго округа: Амгинской и Олекминской, затѣмъ по относительному количеству пашенъ слѣдуетъ не ямщицкое селеніе Павловское, далѣе идутъ не ямщицкія селенія Усть-Майское и Новопокровское, почти одинаковы съ ними станціонныя селенія Олекминскаго округа, ниже ихъ станціи Якутскаго округа, а послѣднее мѣсто въ этомъ ряду занимаетъ Амгинская слобода, въ которой послѣ неурожаевъ 86—89 годовъ площадь посѣвовъ сократилась втрое и многія старыя пашни успѣли одичать.

Въ общемъ пространствѣ надѣльныхъ земель.

	Пашни.	На 1 нал. м. д.	Сѣнокосовъ.	На 1 нал. м. д.
Деревни Амг. и Олекм.	1.565 д.—25,82%	3,38 д.	606 д.—10,0%	1,30 д.
Павловское.	322 »—16,3%	4,35 »	201 »—10,0%	2,72 »
Усть-Майск. и Новопокр. . . .	56 »—13,5%	1,07 »	64 »—15,0%	1,21 »
23 станц. Олекм. окр.	1.801 »—13,2%	2,23 »	2.047 »—15,0%	2,58 »
20 станцій Якут. окр.	2.506 »—11,8%	2,47 »	1.974 »— 9,29%	1,94 »
Амгинская слобода	505 »— 8,1%	2,23 »	752 »—12,0%	3,33 »

Въ двухъ самыхъ земледѣльческихъ селеніяхъ края культурная площадь составляла 36% всѣхъ надѣльныхъ земель, въ Павловскомъ (не считая огородовъ)—26%, въ Амгинской слободѣ лишь 20%, и въ станціонныхъ селеніяхъ отъ 20 до 30 процентовъ.

II. Первое общее надѣленіе крестьянъ сѣнокосными, а въ малой части и пахотными землями производилось, какъ мы видѣли, въ промежутокъ 1814—1817 г.г., а въ 1818 году довѣренный кангаласскихъ тойоновъ князецъ Илья Шадринъ уже возбудилъ передъ высшимъ правительствомъ ходатайство о выселеніи русскихъ

крестьянъ изъ Якутскаго края, указывая на то, что крестьяне пользуются якутскими землями и этимъ стѣсняютъ мѣстное населеніе [1]).

Въ то же самое время въ южной части края, гдѣ сами якуты являлись сравнительно недавними пришельцами, у нихъ возникла ожесточенная борьба съ крестьянами, преимущественно витимскими и жербинскими, изъ-за тѣхъ звѣроловныхъ угодій, которыя принадлежали тунгусамъ, но фактически нерѣдко находились въ пользованіи олекминскихъ якутовъ. Впослѣдствіи крестьяне, подобно якутамъ, начали проникать въ эти заленскія дебри небольшими охотничьими артелями; нѣкоторые изъ нихъ на окортомленныхъ тунгусскихъ ловахъ устраивали свои зимовья, а человѣкъ десять поселились тамъ надолго и явились опасными конкуррентами якутовъ въ дѣлѣ спаиванія тунгусовъ и пріобрѣтенія у нихъ за безцѣнокъ дорогихъ мѣховъ. Якуты тотчасъ же довели объ этомъ до свѣдѣнія властей, требуя выселенія русскихъ, т. к. еще въ 1800 году Олекминскій Земскій Судъ отвелъ всю мѣстность по лѣвому берегу рѣки Витима тунгусамъ Жеюганскаго рода. Возникъ многолѣтній споръ и въ 1835 году представитель якутскихъ интересовъ староста I-го Нерюхтейскаго наслега Иванъ Идельгинъ предъявилъ противъ тунгусовъ Жеюганскаго рода искъ съ требованіемъ взыскать съ нихъ 1.260 р. въ возмѣщеніе своихъ убытковъ, т. к. жеюганцы сдали русскимъ 12 рѣчекъ (т. е. ловы по склонамъ этихъ рѣчекъ). Жеюганскій староста возражалъ на это, что якуты не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ распоряженіе тунгусскими землями, что у тунгусовъ остается достаточно лововъ для того, чтобы удовлетворить своихъ якутскихъ кредиторовъ, и что 12 рѣчекъ сданы русскимъ въ уплату забора, сдѣланнаго тунгусами у крестьянъ въ 31 году при неуловѣ звѣря. Въ дѣйствительности, по всѣмъ видимостямъ, тунгусамъ приходилось одинаково круто и отъ русскихъ и отъ якутовъ и еще въ 1833 году тотъ же староста Жеюганскаго рода возбуждалъ ходатайство о томъ, «чтобы якутамъ и прочаго сословія людямъ» было воспрещено выѣзжать на ярмарки до сбора ясака, ввозить горячіе напитки и кортомить тунгусскія земли....[2]).

Съ еще бо̀льшимъ упорствомъ и взаимнымъ ожесточеніемъ велась борьба якутовъ съ крестьянами изъ-за обладанія пустовав-

---

[1]) Арх. Обл. Пр. 1822 г. № 57.

[2]) Арх. Ол. Окр. Пол. Упр. 1835 г.

шими въ то время сѣнокосами и ленскими островами, въ частности изъ-за Атамайскаго острова. Якуты обыкновенно въ доказательство своихъ правъ ссылались на давность владѣнія, а изрѣдка на произведенныя ими расчистки, гдѣ десятинъ 10-ти сѣнокоса, а гдѣ даже десятинъ двухъ пашни. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются указанія и на административные акты, въ силу которыхъ спорныя земли закрѣплялись за якутами: на указъ олекминскаго комиссара Звѣрева отъ 11 марта 1811 года и на указъ Иркутскаго Губернскаго Правленія отъ 1796-го года. Крестьяне въ своихъ возраженіяхъ въ одномъ случаѣ сослались на то, что какой-то якутъ Чороловъ въ 1817 году добровольно уступилъ имъ спорное мѣсто «во всегдашнее владѣніе», но чаще они оспаривали, какъ давность поселенія якутовъ на островахъ и дальнихъ рѣчкахъ, такъ и дѣйствительность произведенныхъ ими расчистокъ. Споры этого рода не всегда ограничивались обращеніемъ къ властямъ; иногда они сопровождались систематическимъ угономъ крестьянскаго скота, драками и цѣлыми побоищами, какъ это было, напримѣръ, въ 1833 году, когда якуты Татаханскаго рода, вооружившись пальмами [1]) и вилами, напали на кучку крестьянъ, выѣхавшихъ на лугъ съ казакомъ Бутаковымъ, и дѣйствовали такъ энергично, что, по донесенію засѣдателя Нечаева, «если бы при семъ случаѣ крестьяне съ Бутаковымъ не учинили побѣга, то вѣроятно нѣкоторые сдѣлались бы жертвою мщенія якутовъ». «Мысль якутовъ,—говорится далѣе въ томъ же донесеніи, — состоитъ въ томъ,... будто бы крестьянамъ... принадлежитъ только одна Лена съ текущею въ ней водой» [2]).

Когда въ 1835 году, т. е. при VIII ревизіи, всѣ приленскіе крестьяне возбудили ходатайство о надѣленіи ихъ добавочными сѣнокосами по новому числу душъ, кангаласскіе якуты воспротивились этому самымъ категорическимъ образомъ, причемъ въ ихъ объясненіяхъ явно сквозила та основная мысль, что всѣ необмежеванныя земли Якутскаго края составляютъ достояніе якутскаго племени, независимо отъ того, находятся ли онѣ въ данный моментъ въ пользованіи якутовъ или нѣтъ. Какъ высшее правительство, такъ и мѣстная администрація, смотрѣли на этотъ вопросъ совершенно иначе: по ихъ мнѣнію всѣ необмежеванныя земли края

---

[1]) Пальма—туземное оружіе,—массивный ножъ около аршина длиной, укрѣпленный на такомъ же длинномъ древкѣ.

[2]) Арх. Ол. Окр. Пол. Упр. 1835 г.

принадлежали непосредственно казнѣ и якутамъ допускалось лишь пользоваться разнаго рода угодьями до тѣхъ поръ, пока тѣ не потребуются для другихъ цѣлей. Изъ указа Иркутской Казенной Палаты отъ 18 мая 1832 года видно, что власти признавали въ то время за нормальный крестьянскій надѣлъ 15 дес. на душу, а для инородцевъ по 30 дес. на душу, но ни изъ чего не видно, чтобы эта норма по отношенію къ якутамъ дѣйствительно примѣнялась. Ясачныя Комиссіи облагали родовичей тѣмъ или инымъ окладомъ въ зависимости отъ доходности ихъ промысловъ, причемъ пространство владѣній само по себѣ не представляло существенной важности и принималось въ соображеніе лишь какъ одинъ изъ факторовъ доходности. Вторая Ясачная Комиссія въ 1835 году только что успѣла закончить переобложеніе якутовъ, сообразуя новые оклады съ количествомъ и съ качествомъ ихъ сѣнокосовъ, и въ этомъ обстоятельствѣ кангаласцы нашли серьезный доводъ противъ новыхъ урѣзокъ земли для крестьянъ. Областная администрація согласилась съ такимъ доводомъ и предложила крестьянамъ указать по сосѣдству съ ихъ владѣніями озера, удобныя для спуска воды, или пустолежащія земли, которыя можно было бы превратить въ сѣнокосы, но въ новомъ выдѣлѣ готовыхъ луговъ отъ якутовъ на этотъ разъ отказала.

Такъ какъ въ 30-хъ годахъ XIX вѣка почти все якутское населеніе Олекминскаго округа было сосредоточено на береговой равнинѣ и на ленскихъ островахъ, то понятно, что на этомъ узкомъ пространствѣ естественныхъ луговъ не вездѣ хватало и нерѣдко уже въ то время якуты прибѣгали къ спуску озеръ для искусственнаго образованія новыхъ сѣнокосовъ. Вскорѣ сама администрація признала фактъ недостаточной обезпеченности олекминскихъ якутовъ лугами и одно время предполагала отвести имъ изъ земель Вилюйскаго округа до 500 десятинъ покоса. Предположеніе это не осуществилось, а взамѣнъ этого съ начала шестидесятыхъ годовъ послѣдовалъ рядъ новыхъ урѣзокъ частью изъ пустовавшихъ земель, а частью изъ тѣхъ, которыя ранѣе находились въ пользованіи якутовъ, для образованія скопческихъ селеній. Якутскій міръ снова заволновался и снова каждый выдѣлъ влекъ за собою продолжительныя тяжбы, распри и столкновенія сначала якутовъ съ русскими, а затѣмъ и якутовъ одного наслега или улуса съ ихъ соплеменниками изъ другихъ улусовъ и наслеговъ. Такъ, въ 1876 году, при образованіи скопческаго селенія въ восточномъ зарѣчьѣ, при устьѣ впадающей въ рѣку Олекму

рѣки Чары, якуты Мальжегарскаго наслега тотчасъ же возбудили ходатайство о возвращеніи имъ этого мѣста, и отведеннаго скопцамъ острова Билиръ, какъ принадлежавшихъ имъ издавна. По разслѣдованіи этой претензіи якутская администрація пришла къ тому заключенію, что спорная мѣстность никогда якутамъ не принадлежала, въ покосныхъ вѣдомостяхъ Мальжегарскаго наслега не значилась и что самый искъ возбужденъ якутами единственно изъ опасенія новыхъ русскихъ поселеній и связанной съ этимъ возможности новыхъ урѣзокъ изъ якутскихъ земель. Мальжегарцы обжаловали это рѣшеніе генералъ-губернатору, но тотъ нашелъ ихъ доводы неосновательными и предложилъ жалобщикамъ, если у нихъ найдутся болѣе вѣскія доказательства ихъ правоты, перенести дѣло въ судъ согласно ст. 352, X т. I ч. 1857 г. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ мальжегарцевъ и въ 1879 году они направили свою жалобу уже министру внутреннихъ дѣлъ, но и тутъ не имѣли успѣха.

Въ приведенномъ случаѣ боролись только двѣ стороны: мальжегарцы и скопцы, или вѣрнѣе — не скопцы, а надѣлявшая скопцовъ якутская администрація. Въ такого рода борьбѣ положеніе якутовъ было довольно безнадежнымъ и, когда, несмотря на всѣ протесты, какой-нибудь наслегъ окончательно лишался части своихъ прежнихъ земель (или тѣхъ, которыя онъ считалъ своими), то нерѣдко отсюда возникалъ новый споръ, тянувшійся обыкновенно цѣлыми годами и притомъ по большей части совершенно безрезультатно. Обдѣленный наслегъ требовалъ возмѣщенія своего ущерба отъ сосѣднихъ наслеговъ, а иногда и цѣлый улусъ обращался съ такимъ же требованіемъ къ другому улусу. Въ основѣ подобныхъ обращеній лежалъ свойственный якутскому правосознанію взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всего якутскаго племени, почему всякое нарушеніе существовавшаго ранѣе распредѣленія угодій, хотя бы и вызванное чисто стихійными явленіями, каковы наводненія и т. п., служило поводомъ для возбужденія потерпѣвшими требованій объ удѣленіи въ ихъ пользу части сѣнокосовъ отъ смежныхъ наслеговъ или улусовъ. Требованія эти удовлетворялись путемъ добровольныхъ соглашеній весьма рѣдко и потерпѣвшая сторона, не добившись толка въ своемъ мірѣ, обращалась къ содѣйствію администраціи, которая, въ силу 849 ст. IX т. Св. З., обыкновенно рекомендовала инородцамъ произвести уравненіе, но никакихъ мѣръ къ дѣйствительному осуществленію такого совѣта не принимала и не считала себя въ правѣ принимать,

т. к. вошедшій въ IX т. Св. З. Уставъ объ управленіи инородцевъ въ § 27 опредѣленно говоритъ, что земельные споры инородцевъ должны разрѣшаться самими инородческими обществами «по жребію или по другимъ ихъ обыкновеніямъ».

Изъ многихъ длительныхъ споровъ этого рода, проходившихъ черезъ рядъ административныхъ инстанцій и закончившихся все-таки ничѣмъ, я могу привести для образца хотя бы такой случай: въ 1878 году, послѣ затопленія и порчи многихъ острововъ и части ленскаго берега, Восточно-Кангаласская Инородная Управа возбудила ходатайство объ уравненіи земель по своему улусу. Окружная полиція передала этотъ вопросъ на рѣшеніе улуснаго собранія, но изъ 12-ти наслеговъ 6 высказались противъ уравненія, предлагая отсрочить его до генеральнаго межеванія. Споръ тогда перешелъ въ Областное Правленіе, которое предложило улусу составить общественный приговоръ объ уравненіи. Противная сторона обжаловала это предложеніе генералъ-губернатору, но тотъ одобрилъ дѣйствія Областного Правленія, и тогда администрація вновь предложила кангаласцамъ, не дожидаясь межеванія, уравнять земли своихъ наслеговъ черезъ выборныхъ посредниковъ. Недовольные наслеги не сдались и на это вторичное предложеніе и перенесли дѣло въ Сенатъ, который, какъ и генералъ-губернаторъ, оставилъ ихъ жалобу безъ послѣдствій. Дальше идти было некуда и въ 1890 году, черезъ 12 лѣтъ послѣ возникновенія спора между наслегами, состоялось, наконецъ, соглашеніе,—но совсѣмъ не въ духѣ предложеній администраціи: земля осталась не уравненной.

Я выбралъ именно этотъ случай изъ многихъ другихъ потому, что тутъ съ одинаковой яркостью отразилась и фактическая трудность для обдѣленныхъ добиться уравненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ формальная ненарушимость основного принципа якутскаго правосознанія: наслеги, такъ упорно боровшіеся противъ уравненія, не оспаривали его по существу, а ссылались лишь на невозможность правильнаго раздѣла теперь и предлагали не совершенно отклонить требованія потерпѣвшихъ отъ наводненія, а лишь отсрочить поравненіе впредь до общаго межеванія.

Къ подобной же аргументаціи прибѣгли и якуты Намскаго улуса, когда родовичи Хатынъ-Аринскаго наслега при посѣщеніи края генералъ-губернаторомъ графомъ Игнатьевымъ обратились къ нему въ 1886 году съ просьбой о возмѣщеніи отъ сосѣднихъ наслеговъ 400 дес. земли урѣзанной у нихъ въ 1876 и 1883 годахъ

для образованія скопческаго селенія. На улусномъ собраніи 12 ноября 1888 года намцы постановили приговоръ о невозможности уравняться иначе, какъ «посредствомъ размежеванія черезъ землемѣровъ», причемъ выразили увѣренность въ томъ, что у Хатынъ-Аринцевъ и послѣ выдѣла все-таки остается много земли.

Въ томъ же 86 году другой намскій наслегъ—Хомогатинскій обратился къ якутскому губернатору съ просьбой о выдѣлѣ ему отъ сосѣднихъ наслеговъ Хомустатскаго и Мурчукинскаго по 19 десятинъ отъ каждаго, т. к. изъ земель Хомогатцевъ было урѣзано 58 десятинъ для образованія поселенческой Никольской слободки. Хомустатцы и мурчукинцы уклонились отъ этого, сославшись на то, что у нихъ самихъ незадолго передъ этимъ производились урѣзки для церковныхъ причтовъ и для скопцовъ.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ администрація не имѣла никакихъ или почти никакихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ обиліи или скудости удобныхъ земель у того наслега, изъ пользованія котораго навсегда отнималась какая-либо часть, и притомъ именно лучшая, какъ предполагалось,—наиболѣе удобная для земледѣлія. Подвергавшійся урѣзкѣ наслегъ всегда жаловался на малоземелье, а сосѣдніе наслеги нерѣдко оспаривали справедливость такихъ жалобъ и разобраться во взаимныхъ перекорахъ было невозможно, потому, что однѣ «покосныя вѣдомости», составляемыя по наслегамъ, — матеріалъ далеко недостаточный и даже не вполнѣ надежный, а межеванье охватило лишь ничтожную часть инородческихъ земель. Въ Якутской области обмежевывались главнымъ образомъ земли русскаго владѣнія—городскія, казачьи, церковныя, крестьянскія и скопческія. До 1896 года въ трехъ округахъ: Якутскомъ, Олекминскомъ и Вилюйскомъ, площадь которыхъ по Стрѣльбицкому составляетъ 1.937.000 кв. вер., было положено на планъ всякаго рода земель лишь 248.869 десятинъ, а изъ нихъ собственно инородческихъ — 148.012 десятинъ, т. е. процентъ совершенно скрупулезный [1]). Между тѣмъ всѣ необмежеванныя земли, а значитъ, въ числѣ ихъ и почти всѣ угодья, находившіяся въ пользованіи инородцевъ и мѣстами для нихъ дѣйствительно необходимыя, разсматривались администраціей почти какъ res nullius, а въ 1893 году такой взглядъ получилъ санкцію Прав. Сената. По жалобѣ якутовъ Мегинскаго улуса на отводъ земель подъ Павловское селеніе Сенатъ, указомъ отъ 31 мая

[1]) Журналъ Обл. Совѣта отъ 16 марта 1896 года.

1893 года за № 1027, разъяснилъ, что хотя § 31 Устава объ инородцахъ 1822 г. «строго воспрещается Россіянамъ самовольно селиться на земляхъ, во владѣніе инородцевъ отведенныхъ; хотя это... воспрещеніе... сохраняетъ свою силу и донынѣ, но, по удостовѣренію генералъ-губернатора, въ Якутской области земли во владѣніе кочевымъ инородцамъ никогда не отводились. Въ виду чего слѣдуетъ признать, что всѣ земли въ названной области, находящіяся нынѣ въ пользованіи инородцевъ, а равно право распоряженія этими землями, должно принадлежать казнѣ, отъ которой и зависитъ уже, впредь до окончательнаго устройства мѣстныхъ инородцевъ, отводить часть этихъ земель въ надѣлъ другимъ лицамъ».

Это сенатское разъясненіе представляло для края такую важность, что Областное Правленіе уже 4 марта 1894 года распорядилось оповѣстить о немъ всѣ улусы. Однако, и ранѣе этого административная практика была проникнута тѣмъ-же духомъ, но только кое-когда приходилось оформливать частичные отводы, примѣняясь, хотя-бы по видимости, къ требованіямъ Устава 1822-го года. Сама мѣстная администрація, въ только-что цитированномъ мною журналѣ Обл. Совѣта отъ 16-го марта 1896 года, говоритъ по этому поводу съ полной откровенностью: «разъясненіе... 31-го мая 1893 года было лишь санкціонированье существовавшаго на практикѣ порядка отчуждать по усмотрѣнію областного начальства земельные участки изъ владѣній инородцевъ для надѣленія церковныхъ причтовъ, крестьянъ и ссыльныхъ. Правда, при этомъ не рѣдко агенты исполнительной власти «склоняли» [1]) якутовъ къ добровольной уступкѣ извѣстнаго участка, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда не было въ наличности хотя-бы кажущагося добровольнаго согласія, администрація не останавливалась передъ категорическимъ предписаніемъ выдѣлить отъ такого-то наслега столько-то десятинъ земли».

Далѣе въ цитируемомъ источникѣ признается и то, что, производя отводы, администрація почти всегда принуждена была дѣйствовать съ закрытыми глазами. По этому поводу въ журналѣ говорится: «такъ-какъ относительное количество земель и качество ихъ не приведено въ извѣстность ни въ одномъ изъ трехъ южныхъ округовъ, равно характеръ землепользованія не обслѣдованъ вполнѣ даже въ одномъ Якутскомъ округѣ, то въ случаяхъ

---

[2]) Ковычки подлинника.

необходимости выдѣлить землю подъ поселенія скопцовъ или другихъ ссыльныхъ, администрація не имѣетъ въ рукахъ у себя никакихъ положительныхъ данныхъ для рѣшеніи вопроса, — въ какомъ округѣ, улусѣ и наслегѣ, отъ какихъ именно инородческихъ дачъ должно произвести необходимую нарѣзку земли подъ новое поселеніе».

Несмотря на это, отводы, какъ мы видѣли, производились и внутри страны, и въ особенности—въ долинѣ рѣки Лены, причемъ земли признавались «удобными» безъ всякихъ предварительныхъ изысканій, и «свободными» даже въ томъ случаѣ, когда онѣ явно кому-либо принадлежали.

Таково было положеніе инородческаго землевладѣнія въ Якутской области и освѣдомленность власти въ важнѣйшихъ сторонахъ инородческаго быта въ концѣ XIX вѣка, — послѣ двухсотъпятидесяти лѣтъ нашего господства въ этомъ краѣ.

III. Въ Олекминскомъ округѣ борьба за землю велась якутами съ такимъ-же упорствомъ, и въ общемъ—также безуспѣшно, какъ и въ Якутскомъ округѣ. Теряя многіе лучшіе участки въ долинѣ Лены, якуты отчасти возмѣщали свой ущербъ, продвигаясь по долинамъ ея притоковъ въ глубину страны, на прежнія территоріи бродячихъ тунгузскихъ родовъ. Въ центральной части края они усердно спускали озера и расчищали кустарники, а съ половины XIX вѣка принялись и за расчистку тайги подъ пашни. Какъ велико все лѣсное пространство, въ которомъ они фактически являются хозяевами, сказать нельзя; этого навѣрно и сами они хорошенько не знаютъ. Но лѣса сами по себѣ и для нихъ, какъ и для крестьянъ, не имѣютъ почти никакого хозяйственнаго значенія. Звѣроловство давно уже составляетъ для олекминскихъ якутовъ лишь подсобный промыселъ, а хозяйственными угодьями при теперешнемъ складѣ быта являются луга и пашни.

Документальными источниками для сужденія о количествѣ тѣхъ и другихъ могутъ служить только волостныя вѣдомости и приговоры о раздѣлѣ сѣнокосовъ. Въ послѣднихъ, однако, говорится лишь о душевыхъ сѣнокосахъ, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи общины, а между-тѣмъ у всѣхъ обстоятельныхъ домохозяевъ сверхъ того имѣются и чистки, о количествѣ которыхъ безъ особаго изслѣдованія ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Пахотныя расчистки по общему правилу находятся въ личномъ пользованіи дольше сѣнокосныхъ и имѣются такъ-же повсюду. Во всѣхъ наслегахъ, кромѣ Мальжегарскаго, въ періодъ

91—94 года старыя пашни пошли въ передѣлъ, и лишь въ Мальжегарскомъ наслегѣ (заленскомъ, т. е. глухомъ), гдѣ первыя чистки, по сообщеніямъ сторожиловъ, возникли только «при Жуковскомъ», т. е. въ 60-хъ годахъ, всѣ пашни и въ 94 году оставались еще въ частномъ пользованіи. Въ приговорахъ о пахотныхъ земляхъ, даже о такихъ, которыя уже перешли въ общину, обыкновенно совсѣмъ не упоминается и свѣдѣнія о нихъ можно найти только въ волостныхъ вѣдомостяхъ, но по вѣдомости 1894 года всей пашни во всѣхъ шести обществахъ указано только 6.412½ десятинъ. Между-тѣмъ, въ «Обзорѣ» Якут. области за 1894 годъ посѣвная площадь олекминскихъ инородцевъ указана въ 5.199¾ д., и эта цифра близка къ цифрамъ предыдущихъ лѣтъ; если она ошибочна, то скорѣе меньше, чѣмъ больше дѣйствительной, а значитъ вся площадь пахотныхъ земель должна составлять величину приблизительно вдвое большую, т. е. около 10.400 десятинъ,---на 62,2% больше, чѣмъ значится въ волостной вѣдомости.

Точно также и по отношенію къ сѣнокосамъ. Въ 1-мъ Нерюхтейскомъ наслегѣ по вѣдомости значилось 677 дес. сѣнокоса; по словеснымъ сообщеніямъ нерюхтейцевъ, у нихъ съ души накашивалось всего по 8 возовъ, и если это такъ, то всего по наслегу накашивалось при числѣ 621 платежной души—4.968 возовъ, что соотвѣтствуетъ площади въ 709 4/7 десятины; обѣ величины—677 д. и 709 д. настолько близки, что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что волостныя данныя имѣютъ въ виду (по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ), лишь душевые сѣнокосы. Если мы возьмемъ общій итогъ по наслегамъ—5.361 1/4 д. сѣнокоса и примемъ ихъ среднюю укосность по мѣстной нормѣ—7 возовъ съ десятины, то получимъ общій укосъ по улусу 37.529 возовъ. Между тѣмъ, по инородческой переписи 93-го года, въ волости имѣлось крупнаго скота: рогатаго — 9.755 головъ и коннаго 6.139, и мелкаго—рогатаго 3.954 и коннаго 588 штукъ. Если-бы волостныя данныя о площади сѣнокосовъ были вѣрны, то оказалось-бы, что всего улуснаго сѣна не хватаетъ на сносный прокормъ однѣхъ коровъ,—на нихъ приходилось-бы всего по 3,845 воза на голову, — а для лошадей и телятъ не оставалось-бы уже ни травинки... Въ виду такого очевиднаго неправдоподобія волостныхъ данныхъ, я полагаю, что указанную въ нихъ площадь сѣнокосовъ для приближенія къ истинѣ слѣдуетъ значительно увеличить, и лишь изъ осторожности готовъ принять и въ этомъ случаѣ тотъ-же коэффиціентъ, какой принимается мною для крестьянъ, и увеличивая

волостную цифру въ 1 ½ раза, гадательно опредѣляю все количество сѣнокосовъ въ 8.042 д. Однако, даже и при такомъ предположеніи, обезпеченность олекминскихъ якутовъ какъ пашней, такъ и сѣнокосами, все-таки окажется гораздо ниже, чѣмъ у бурятъ Верхоленскаго округа: пашни по этому разсчету у инородцевъ приходилось по 2,58 д. на муж. душу и сѣнокоса почти по 2 десятины.

Эти цифры весьма близки къ тѣмъ, которыя у меня получились путемъ такихъ-же пріемовъ исчисленія, для станціонныхъ крестьянъ Олекминскаго округа: пашни по 2,23 д. и сѣнокосовъ по 2,58 д.

Предполагая, что указываемыя въ волостныхъ вѣдомостяхъ количества пашенъ и сѣнокосовъ болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ тѣмъ площадямъ, которыя находились въ непосредственномъ распоряженіи общины, привожу данныя волостного правленія о распредѣленіи инородческихъ угодій въ 1893 году:

Общества.	Пашни.	Сѣнокосы.	Выгоны.	Усадьбы.
1-е Нерюхтейское	872½	677	194¼	160
2-е Нерюхтейское	922¼	745¾	197½	144
1-е Меитское	943	855	247	167
2-е Меитское	1.466¾	1.375½	293¾	304
Мальжегарское	1.656¾	1.250	387	270
Кятчинское	551¼	458	97¼	99
Итого. . . .	6.412½	5.361¼	1.416¾	1.144
Всего. .	—	—	—	14.334½

Съ какимъ бы сомнѣніемъ ни относиться къ подлиннымъ цифрамъ этой вѣдомости, но въ ней заслуживаетъ вниманія отношеніе площади пашенъ къ площади сѣнокосовъ: первая оказывается уже выше послѣдней.

По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ мною изъ архива Олекмин. Окр. Пол. Управленія и относящимся къ 1848 году, въ ту пору инородческія угодья оффиціально опредѣлялись въ такихъ количествахъ:

пашни—422 д.; сѣнокоса—4.469 д.; выгона—2.475 д., а всего 7.366 д.

Согласно этимъ даннымъ, по сравненію ихъ съ оффиціальными данными 93-го года, за сорокъ пять лѣтъ второй половины XIX в. площадь пашенъ увеличилась въ 15½ разъ, а площадь сѣнокосовъ увеличилась лишь на 20%, площадь-же выгоновъ сократилась на 43%. Сокращеніе площади выгона весьма естественно въ виду развитія хлѣбопашества, но увеличеніе сѣнокосовъ лишь на 20% можно признать правдоподобнымъ развѣ для центральной части округа; между-тѣмъ, за это время безостановочно продолжалось разселеніе части якутовъ по дальнимъ рѣчкамъ, и можно думать, что сѣнокосныя расчистки и захватъ вольныхъ луговъ вдалекѣ отъ центра составляютъ процессъ, совершенно ускользающій отъ оффиціальной регистраціи. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и упоминавшійся ранѣе фактъ отсутствія въ покосныхъ вѣдомостяхъ Мальжегарскаго наслега указаній на островъ Билирь и на мѣстность при устьѣ рѣки Чары, которую якуты оспаривали у скопцовъ; это умолчаніе показываетъ на то, что мальжегарцы или не пользовались тамошними лугами, или пользовались ими негласно, такъ, что вся площадь этихъ луговъ нигдѣ не означалась и для оффиціальной статистики ея не существовало. Между-тѣмъ, устье Чары лежитъ всего въ сорока верстахъ отъ города Олекминска, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ такое вольное пользованіе пустующими естественными лугами навѣрно происходитъ и теперь, и только такимъ путемъ якуты и могутъ восполнять явный недостатокъ того сѣна, которое они накашиваютъ для прокорма своего скота съ луговъ, принадлежащихъ имъ въ центральной части края.

Мы видѣли раньше, что у станціонныхъ крестьянъ Олекм. округа въ 1835 году площадь пашенъ относилась къ площади сѣнокосовъ какъ 1 къ 6-ти; у олекминскихъ якутовъ еще въ 1848 году это отношеніе составляло 1 къ 10,6. Въ девяностыхъ годахъ отношеніе обоихъ угодій у станціонныхъ крестьянъ и у якутовъ приблизительно выравнялось, изъ чего слѣдуетъ, что въ Олекминскомъ округѣ у якутовъ процессъ перехода къ земледѣлію шелъ быстрѣй и распашки производились интенсивнѣй, чѣмъ у станочниковъ.

Добавленія къ главѣ IX.

1) Въ періодъ 1895 — 1902 г.г. нѣкоторыя изъ приленскихъ станцій получили дополнительныя нарѣзки. По даннымъ моего времени, 43 станціямъ принадлежало 34.590 дес. удобной земли,

а по свѣдѣніямъ «*Памятной Книжки*» на 1902 годъ, въ надѣлѣ этихъ станцій означено:

пахотной земли. . . .	28.453 дес.
сѣнокосной	7.138 »
прочихъ угодій.	8.105 »
Всего . .	43.696 дес.

За семь лѣтъ надѣльная площадь увеличилась на 9.106 десятинъ, а лѣтомъ того-же 1902 года должна была состояться дополнительная нарѣзка земли станціямъ Бестяхской, Чекурской и Бѣлой. Имѣя въ виду эти позднѣйшія добавленія, всю площадь крестьянскихъ земель (не считая земли бывшихъ скопческхъ и поселенческихъ деревень), въ настоящее время можно опредѣлить, въ 60 тысячъ десятинъ.

2) По «*Отчету*» *г-на Крафта за 1907—1908 г.г.* общее количество земель, снятое на планъ, составляло въ эту пору въ Якутской области 665.265 дес. 1.559 саж., въ томъ числѣ инородческихъ 313.861 дес. 1.058 саж. За двѣнадцать лѣтъ, съ 1896 года, вся площадь съемки увеличилась на 416.396 дес., а площадь обмежеванныхъ инородческихъ земель на 165.849 десятинъ.

3) Противорѣчія въ толкованіи Сенатомъ права инородцевъ на самостоятельное распоряженіе своими землями и, въ противоположность этому,—права администраціи воздѣйствовать на инородческія общества при разрѣшеніи ихъ поземельныхъ споровъ, продолжали обнаруживаться и въ позднѣйшее время. Въ «*Отчетѣ*» *г-на Крафта* приведены такіе случаи: указомъ 12 февраля 1903 г. за № 1201, по дѣлу объ отрѣзкѣ части земель 3-го Хатылгинскаго наслега въ пользу сосѣдняго Телейскаго, Сенатъ находилъ, что «разбору административной власти могутъ подлежать лишь тѣ споры о землепользованіи, которые возникаютъ между отдѣльными группами родовъ и поколѣніями инородцевъ, дѣла-же, касающіяся внутренняго распредѣленія угодій между огдѣльными группами (наслегами) одного поколѣнія, должны быть разрѣшаемы путемъ соглашенія между сими группами, и административная правительственная власть, впредь до окончательнаго устройства кочевыхъ инородцевъ, не въ правѣ вмѣшиваться въ такіе споры». Г. Крафтъ совершенно справедливо указываетъ на сбивчивость этого толкованія съ его неясными и непримѣняемыми въ Якутской области терминами «отдѣльныя группы родовъ» и «поколѣнія инородцевъ»; наслегъ и представляетъ собой именно отдѣльную группу родовъ,

а подъ словомъ «поколѣніе» можно подразумѣвать и народность, и улусъ, и наслегъ, и даже отдѣльный родъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ указѣ очевидно стремленіе удержать мѣстную администрацію отъ вмѣшательства въ распри различныхъ наслеговъ и улусовъ. Пятью годами позже, по жалобѣ довѣреннаго отъ инородцевъ Намскаго улуса, Харитонова, на выдѣленіе нѣсколькихъ острововъ, съ цѣлью компенсаціи, въ пользу Дюпсюнскаго улуса, указомъ 3 мая 1908 года за № 2680, Сенатъ вернулся, однако, къ прежней точкѣ зрѣнія, выраженной въ указѣ 31 мая 1893 года, и призналъ за областной администраціей право распоряженія инородческими землями. Послѣднія десятилѣтія, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, не внесли въ дѣло большей опредѣленности, чѣмъ прежде.

Глава X.

Земельные порядки.

1. Русскія селенія: а) общинно-отводный характеръ крестьянскаго землепользованія; б) эволюція общины въ Амгинской слободѣ; в) земельные порядки въ трехъ селеніяхъ бывшихъ аянцевъ; г) характеръ землепользованія на 43 приленскихъ станціяхъ; д) община въ двухъ центральныхъ деревняхъ Олекминскаго округа. II. а) особенности якутскаго землепользованія; б) преобразованія въ порядкахъ землепользованія олекминскихъ якутовъ въ 1891—94 годахъ.

1. а) Земельные порядки русскихъ крестьянъ Якутской области въ продолженіи XIX-го вѣка находились въ процессѣ развитія, въ общемъ проходившаго черезъ тѣ-же фазисы, которые въ моментъ моихъ работъ (94—95 годы), уже были детально изучены и описаны рядомъ изслѣдователей. Въ частности, въ трудахъ А. А. Кауфмана по изслѣдованію общины въ западной Сибири,[1]) М. М. Дубенскаго—въ Енисейской губерніи,[2]) и Л. С. Личкова—въ Иркутской губерніи[3]) отмѣчены какъ существовавшія повсемѣстно въ Сибири всѣ тѣ формы землепользованія, которыя мнѣ пришлось

[1]) «Матеріалы по изслѣдов. Тобольской и Томской губ.».

[2]) «Матеріалы... etc... по Енисейской г.» т. IV в. 3-й.

[3]) «Матеріалы... etc... по Иркутской губ.», т. II, в. 8-й и т. II, в. 6-й.

наблюдать у крестьянъ Якутской области. Появившаяся въ 1897 году книга А. А. Кауфмана «Крестьянская Община въ Сибири» давала уже общую сводку опубликованнаго до того времени матеріала и намѣчала схему эволюціи сибирской общины, а въ 1900 году К. Р. Качоровскій въ первомъ томѣ своей «Русской Общины», въ главахъ второй, третьей и четвертой оперируя главнымъ образомъ сибирскимъ-же матеріаломъ, отчетливо выдѣлилъ въ процессѣ эволюціи общины тотъ его фазисъ, который онъ характеризуетъ «терминомъ «ограниченное семейно-захватное и общинно-отводное владѣніе». Въ земельныхъ распорядкахъ русскихъ крестьянъ Якутской области въ девяностыхъ годахъ XIX вѣка преобладали признаки, свойственные именно этому фазису, и не только формы землепользованія и техника сѣнокосныхъ передѣловъ, но даже и терминологія крестьянъ оказывалась на нижней Ленѣ такой-же, какъ и за тысячи верстъ отсюда,—на побережьяхъ Енисея и Оби. Земли крестьянъ здѣсь, какъ и тамъ, состоятъ изъ «душевыхъ», т. е. находящихся въ непосредственномъ распоряженіи общества, и «чистокъ», остававшихся, какъ общее правило (съ исключеніями въ отдѣльныхъ случаяхъ), въ родовомъ владѣніи. Изъ за перехода старыхъ чистокъ въ общество здѣсь, какъ и тамъ, внутри обществъ велась борьба, не одинаковая по своей напряженности въ разныхъ селеніяхъ. Сѣнокосы и въ Якутской области скорѣе и легче переходили въ общество, чѣмъ пашни, а принципъ распредѣленія общинныхъ угодій и здѣсь медленно видоизмѣнялся въ сторону приближенія къ уравнительности, причемъ, однако, до полной уравнительности въ ея высшихъ проявленіяхъ онъ нигдѣ не доходилъ.

По совокупности всѣхъ этихъ признаковъ русская община якутскихъ крестьянъ сполна укладывается въ схему К. Р. Качоровскаго, а послѣдовательный ростъ общиннаго начала въ ущербъ родовому, какъ обнаруживаетъ изслѣдованіе, шелъ въ Якутской области тѣмъ-же путемъ, какой обрисованъ А. А. Кауфманомъ въ главахъ второй, третьей и четвертой второй части его позднѣйшаго труда «Русская Община въ процессѣ ея зарожденія и роста».

При всей полнотѣ сходства въ основныхъ чертахъ, эволюція общины въ Якутской области представляла, однако, и кое-какія особенности. Исходный моментъ ея—родовое владѣніе («захватно-родовое» по терминологіи М. М. Дубенскаго), здѣсь не могло развиться такъ широко и достигнуть такой прочности, какъ въ южной Сибири. А. А. Кауфманъ изъ обзора огромной массы фак-

товъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что: первоначальная форма отношеній крестьянина-піонера, заселяющаго ту или другую изъ пустынныхъ окраинъ нашей страны,—это *вольная заимка* (курсивъ подлинника), всѣхъ необходимыхъ угодій, тѣсно связанная *съ заимочнымъ..... разселеніемъ*» [1]). Для якутскаго крестьянина-ямщика выселеніе на дальнюю заимку было неосуществимо, т. к. гоньба привязывала его къ станціи. Кромѣ того и самая возможность вольнаго захвата, особенно по отношенію къ сѣнокосамъ, ограничивалась, если не совершенно устранялась, ревнивымъ противодѣйствіемъ якутовъ, какъ мы уже видѣли, зорко слѣдившихъ за расширеніемъ крестьянскихъ владѣній. Въ силу этого «захвату» со стороны крестьянина тутъ подвергались только тѣ участки, которые находились въ чертѣ селенной дачи или лежали отъ нея неподалеку, на мѣстахъ, нарѣзки которыхъ обыкновенно уже домогалось сельское общество. Такимъ образомъ, по сравненію съ южной Сибирью, территоріальные размѣры возможнаго захвата тутъ съ самаго начала ограничивались довольно узкими предѣлами. Въ тоже время и юридическимъ владѣльцемъ окрестной земли, благодаря давнему надѣленію каждаго селенія въ отдѣльности, тутъ являлась не расплывчатая и мало проявляющая себя «волость» или еще менѣе осязательная «казна», а безспорно не кто иной, какъ сельское общество, получавшее притомъ-же ранѣе всего «выгонъ для почтовыхъ лошадей» и «ямскіе сѣнокосы», т. е. угодья, которыя очевидно должны были служить для обезпеченія самой станціи какъ цѣлаго. Сложный процессъ выдѣленія селенной общины изъ волостной въ Якутской области отсутствовалъ, и это, повидимому облегчало для крестьянскаго міра выработку взгляда на отношеніе къ землѣ сельскаго общества какъ на право владѣнія, и на отношеніе заимщика—какъ на право пользованія, хотя бы въ началѣ и не ограниченнаго никакимъ срокомъ.

Вѣроятно въ силу именно этихъ условій, самое содержаніе захватнаго права у крестьянъ Якутской области нѣсколько уже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, и отличіе его отъ права собственности очевиднѣй. Такъ какъ въ архивныхъ дѣлахъ нашлось лишь нѣсколько отрывочныхъ данныхъ пригодныхъ для выясненія земельныхъ порядковъ, то свѣдѣнія объ этой сторонѣ крестьянской жизни мнѣ пришлось собирать путемъ систематическаго опроса крестьянъ на сходахъ, и всѣ отвѣты, получавшіеся въ разныхъ

---

[1]) А. А. Кауфманъ. «Рус. Общ. въ проц. ея зарожд. и роста», стр. 245.

селеніяхъ, обнаруживали одинаковое пониманіе здѣшними крестьянами правъ захватчика и правъ его рода съ одной стороны, а правъ общества—съ другой. М. М. Дубенскій, характеризуя содержаніе захватнаго права, указываетъ какъ на одинъ изъ его признаковъ на то, что: «каждый владѣлецъ пашни можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію; онъ можетъ передавать ее въ чье-либо пользованіе на любой срокъ и можетъ продавать ее «навѣчно» не только своимъ односельчанамъ, но и постороннимъ». Точно также и А. А. Кауфманъ говоритъ не менѣе опредѣленно: «въ силу принадлежащаго ему права распоряженія землею, онъ (заимщикъ) можетъ продавать и сдавать землю въ аренду, дарить ее и передавать по наслѣдству какъ по завѣщанію, такъ и въ обычномъ порядкѣ законнаго наслѣдованія. Пользуясь такимъ образомъ правомъ пользованія, владѣнія и распоряженія, заимщикъ фактически является какъ будто-бы полнымъ, ничѣмъ неограниченнымъ собственникомъ захваченной имъ земли» [1]). Изъ отмѣченнаго мною выше факта очевидной принадлежности права владѣнія землей въ приленскихъ селеніяхъ самому обществу естественно вытекало, что и право распоряженія захваченнымъ подъ пашню участкомъ здѣсь могло принадлежать заимщику лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно не противорѣчило правамъ владѣльца, т. е. общества, а вслѣдствіе этого передача земли иносельцу должна была представляться въ здѣшнемъ крестьянскомъ мірѣ недопустимой. И на самомъ дѣлѣ,—всѣ отвѣты крестьянъ были въ этомъ отношеніи совершенно одинаковы: за расчистившимъ пашню всюду признавалось право передавать ее въ наслѣдованіе, хотя бы и съ устраненіемъ собственнаго сына, любому изъ со-родниковъ своего селенія, не устраняя отъ наслѣдованія и женщинъ (вдовъ и дочерей), но передача земли иносельцу подъ какимъ бы то ни было титуломъ (кромѣ краткосрочной аренды), всюду признавалась незаконной и возбранялась обществомъ. Характерно въ этомъ отношеніи одно постановленіе амгинскаго (Олекм. округа) сельскаго схода, состоявшееся въ 1883 году и указывающее, между-прочимъ, на то, какъ обходилъ сельскій міръ требованія власти въ тѣхъ случаяхъ, когда они шли въ разрѣзъ съ обычаемъ: послѣ умершаго крестьянина Полуектова оставалась расчистка и Окружная Полиція, утомленная жалобами безземельныхъ, въ виду того, что Полуектовъ «пользовался этой чисткой срокъ давности», предписала отобрать ее «въ общество», сходъ рѣшилъ: «такъ какъ

[1]) Ibid стр. 250.

дочь Полуектова замужемъ за иносельцемъ,—передать землю племяннику покойнаго». Въ этомъ случаѣ, не смотря на прямое вмѣшательство власти, родовой принципъ былъ охраненъ обществомъ, но въ мотивировкѣ сельскаго приговора, какъ и въ мотивировкѣ полицейскаго предписанія, ясно отразились ограниченія этого принципа въ правосознаніи мѣстныхъ крестьянъ и мѣстныхъ властей.

Таковы общіе признаки, характеристичные для крестьянскаго землепользованія въ Якутской области. Въ частностяхъ въ разныхъ селеніяхъ земельные порядки нѣсколько разнились: всѣ приленскія станціи можно разсматривать какъ одну группу; три селенія бывшихъ аянскихъ ямщиковъ, возникшія на своихъ теперешнихъ мѣстахъ уже въ 50-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка, образуютъ другую группу; составляющія сложную общину, деревни Амгинская и Олекминская, какъ не ямщицкія и чисто земледѣльческія, являлись ареной наиболѣе упорной земельной борьбы и земельные порядки въ нихъ были наиболѣе выработаны; наконецъ, Амгинская слобода и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, составляла особый мірокъ полуякутскаго типа.

б) Въ главѣ IV уже описывалась организація существующей въ Амгѣ, какъ постоянное учрежденіе, «коммиссіи депутатовъ», задача которой состоитъ въ ежегодномъ опредѣленіи качества сѣнокосовъ и въ разрѣшеніи поземельныхъ споровъ. Учрежденіе это—чисто якутское; такія же коммиссіи дѣйствуютъ и во всѣхъ якутскихъ наслегахъ. Точно также близокъ къ якутскому и амгинскій способъ пользованія душевыми сѣнокосами, но остальныя особенности амгинскихъ порядковъ обусловлены уже не инородческимъ вліяніемъ, а рѣзкимъ несоотвѣтствіемъ числа ревизскихъ душъ съ численностью наличнаго населенія. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ здѣшнихъ селеній, въ силу вымиранія и разброда многихъ прежнихъ хозяевъ, у амгинцевъ въ непосредственномъ распоряженіи общества оказался довольно большой запасъ пашенъ, сѣнокосовъ и даже усадебъ, которыми, въ виду непосильности связанныхъ съ этимъ окладныхъ платежей, не пожелали пользоваться со-родники убылыхъ.

Благодаря этому простору, усадьбы здѣсь имѣютъ неопредѣленную ширину,—отъ 15 до 30 саженъ при длинѣ въ 40—60 с., а новый хозяинъ, если не получитъ усадьбы отъ отца, безъ труда получаетъ мѣсто отъ общества.

Пахотныя земли до 1858 года состояли у амгинцевъ въ родовомъ владѣніи и чистки были совершенно свободны,—никакихъ

отводовъ отъ общества не требовалось, и всякій захватывалъ подъ чистку лѣсное пространство по своему усмотрѣнію. Однако, въ 1858 году общество рѣшило передѣлить всѣ старыя чистки по ревизскимъ душамъ и напередъ установить другой порядокъ: желающему произвести расчистку съ тѣхъ поръ выдается актъ, которымъ ненарушимость его правъ гарантируется на срокъ отъ 15 до 40 лѣтъ, смотря по густотѣ расчищеннаго лѣса. Послѣ этого никакихъ новыхъ передѣловъ уже не производилось, а роковое для Амги трехъ-лѣтіе 86—89 годы, въ корень подорвавъ благосостояніе жителей, не только прекратило дальнѣйшія расчистки, но повело къ одичанію части уже существовавшихъ пашенъ. Молодые крестьяне, ранѣе получавшіе землю только отъ родственниковъ и находившіеся въ полной имущественной зависимости отъ своихъ отцовъ и дядей, начали при этихъ условіяхъ обращаться съ требованіями надѣловъ непосредственно къ обществу, и въ 1893 году общество постановило—отнынѣ надѣлять пахотною землею всѣхъ «солдатъ», т. е. лицъ, достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста.

Вся площадь душевыхъ пашенъ, по заявленію крестьянъ, составляла у нихъ 264 десятины, т. е. приблизительно 41,5% всей пахотной земли, числившейся у амгинцевъ по свѣдѣніямъ Областной Чертежной.

По отношенію къ общественнымъ сѣнокосамъ, въ Амгѣ, повидимому, издавна существовалъ обычай производить коренной передѣлъ по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ при каждой ревизіи или нѣсколько позже ея [1]). Съ послѣдней ревизіи 1858-го г. такого передѣла уже не было ни разу, но порядокъ пользованія сѣнокосами съ тѣхъ поръ измѣнялся обществомъ трижды: въ продолженіи перваго періода, закончившагося въ 87 году, сѣнокосныя угодья оставались за ревизскими домохозяевами, которые никогда не обмѣнивались своими участками, но въ годы недорода травъ наиболѣе потерпѣвшіе хозяева получали прирѣзки изъ паевъ, принадлежавшихъ убылымъ. Вся площадь мірскихъ паевъ, остававшаяся послѣ такихъ нарѣзокъ въ излишкѣ, дѣлилась уже между всѣми ревизскими домохозяевами пропорціонально числу окладныхъ душъ каждаго. Въ нормальное время особыхъ нарѣзокъ никому не дѣлалось, а въ пропорціональный раздѣлъ между ревизскими домохозяевами шли всѣ мірскіе паи цѣликомъ. При такомъ

[1]) Арх. Амг. Мір. Избы.

способѣ пользованія сѣнокосами убылыхъ приходилось кромсать ихъ на множество клочковъ, а нѣкоторые клочки по неудобству своего положенія оставались вовсе безъ хозяевъ. Такіе остатки общество сдавало съ торговъ по цѣнѣ 1 р. и 1 р. 20 к. въ урожайные годы и 3—4 р. — въ плохіе.

Въ 87 году амгинцы измѣнили этотъ порядокъ, находя его слишкомъ неудобнымъ и безпокойнымъ, и перешли къ другому— совершенно якутскому: мірскіе сѣнокосы были разъ навсегда подѣлены по ревизскимъ душамъ, а въ случаѣ недорода потерпѣвшему предоставлялось заявлять объ этомъ коммисіи депутатовъ, которая производила осмотръ указаннаго мѣста и записывала количество возовъ, недостающихъ до нормальной доходности надѣла. Опредѣливъ затѣмъ общее число всѣхъ нуждающихся, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общую величину недохвата, депутаты отводили въ пользованіе нуждающихся два дальнихъ сѣнокоса, одинъ въ 30 верстахъ отъ слободы при рѣкѣ Туора-Хамьяга, а другой при озерѣ Нилга. Отводимое мѣсто раздѣлялось при этомъ на паи по числу тѣхъ паевъ, на которыхъ констатированъ недородъ. Такъ, если нуждалось 10 хозяевъ, за которыми числилось 20 ревизскихъ душъ, а недородъ опредѣлялся лишь на 12 паяхъ изъ 20-ти, то и дальніе луга дѣлились на 12 частей, причемъ величина каждой такой части находилась въ зависимости отъ размѣровъ недорода на томъ паѣ, который она восполняла.

Въ 1893 году, при общемъ надѣленіи «солдатъ», имъ были отведены и сѣнокосы, частью урѣзанные изъ выморочныхъ, а частью уступленные добровольно тѣми хозяевами, которые тяготились своими прежними платежами. Новонадѣленныхъ въ 93 году оказалось 16 человѣкъ, а для обезпеченія подростающихъ общество сохранило за собой нѣсколько участковъ, которые, впредь до требованія, сдавались съ торговъ за плату 2—4 руб.

в) Съ уничтоженіемъ въ 1867 году аянскаго тракта большинство аянскихъ ямщиковъ переселилось на Амуръ, причемъ лишь очень немногіе изъ нихъ могли продать кому-либо свои чистки, которыми иные успѣли обзавестись за 15 лѣтъ своего пребыванія на побережьѣ рѣки Маи [1]).

При станціи *Усть-Мая* крошечная кучка оставшихся на мѣстѣ крестьянъ тогда же подѣлила между собою по ревизскимъ душамъ

[1]) Трактъ былъ учрежденъ въ 1852 году, а уже въ 1854 году И. А. Гончаровъ, возвращаясь изъ своего знаменитаго путешествія на фрегатѣ «Паллада», мѣстами видѣлъ у майскихъ ямщиковъ хорошіе посѣвы.

всю культурную площадь, а впослѣдствіи, по общему согласію и безъ всякихъ споровъ, изъ той же площади были выдѣлены участки для вновь причислившихся: двоихъ новопокровцевъ и двоихъ ссыльныхъ. При крайней малочисленности жителей этой деревушки (всего 8 крестьянскихъ дворовъ) никакого движенія общинныхъ порядковъ тутъ не было.

Деревня *Новопокровская*, основанная какъ и Усть-Мая въ 1852 году, трижды мѣняла свое населеніе: первоначально тамъ жили старообрядцы, часть которыхъ впослѣдствіи ушла на Амуръ, а другая часть въ 72 году переселилась во вновь учрежденное селеніе Павловское, близъ города Якутска. Вмѣсто нихъ въ деревнѣ были поселены ссыльные скопцы, но и тѣхъ уже въ 77 году администрація перевела на Алданъ, а позднѣйшіе жители явились сюда съ различныхъ станцій заброшеннаго аянскаго тракта, гдѣ они сначала пытались обосноваться въ одиночку на прежнихъ станціяхъ. При переселеніи аянцы пріобрѣтали усадьбы у скопцовъ за деньги, а пашни къ нимъ перешли безвозмездно, такъ какъ и скопцы получили ихъ уже въ готовомъ видѣ отъ старообрядцевъ. Часть этихъ пашенъ новопокровцы оставили въ запасѣ на случай возвращенія кого-нибудь изъ своихъ, а другую часть подѣлили на 25 ревизскихъ душъ, числившихся тогда въ ихъ семействахъ. Послѣ тяжелаго періода 86—89 годовъ деревня на время почти опустѣла; всѣ разбрелись кто куда на поиски пропитанія, и у всѣхъ оставшихся, по словамъ крестьянъ, имѣлся тогда лишь одинъ конь, но впослѣдствіи многіе вернулись, подработавъ на сторонѣ немного денегъ, и въ мартѣ 95 года, когда я посѣтилъ эту деревню, въ ней оказалось уже 11 дворовъ, въ которыхъ обитало 32 мужчины и 31 женщина, а въ близкомъ будущемъ крестьяне ожидали возвращенія еще нѣсколькихъ отлучныхъ. Въ виду этого тутъ въ принципѣ было уже рѣшено произвести новый передѣлъ пашенъ по числу всѣхъ наличныхъ мужскихъ душъ, но выполненіе этого дѣла отсрочивалось новопокровцами до освобожденія ихъ отъ платежа податей за убылыхъ, добиться чего они надѣялись вскорѣ (см. главу VIII). Подати уплачивались новопокровцами съ 42 ревизскихъ душъ, и на это число они дѣлили свои сѣнокосы, ежегодно заново опредѣляя границы каждаго душеваго участка, такъ, чтобы всѣ они доставляли по равному количеству травы, и затѣмъ распредѣляли между собою эти участки путемъ жеребьевки, каждому хозяину по стольку паевъ, сколько за нимъ числилось ревизскихъ душъ. При предстоящемъ

передѣлѣ пашенъ крестьянами имѣлось въ виду измѣнить и число сѣнокосныхъ паевъ соотвѣтственно новому числу наличнаго мужского населенія. Техники ежегодныхъ переверстокъ при этомъ измѣнять не предполагалось, такъ какъ «если бы не дѣлиться, то этакъ иной въ который годъ и совсѣмъ бы остался безъ травы».

Надѣлять новопричисленнаго покровцамъ пришлось всего одинъ разъ: поселенецъ женился на дочери крестьянина и получилъ усадьбу и пашню отъ тестя, а общество удѣлило ему одну душу въ сѣнокосахъ.

Выгономъ новопокровцы пользовались совмѣстно съ амгинцами безъ всякихъ условій, ограничивающихъ свободу пользованія для отдѣльныхъ лицъ.

При основаніи селенія *Павловскаго*, въ 1872 году, земля для него была отведена отъ якутовъ Нерюхтейскаго наслега, а въ 85 году послѣдовала добавочная нарѣзка изъ земель Холгуминскаго наслега. Вся открытая площадь, пригодная для распашекъ, была подѣлена павловчанами по ревизскимъ душамъ, а для расчистокъ они пользовались небольшой, нѣсколько песчаной полоской у ската горъ, и такъ какъ мѣсто это не очень завидно, то никакихъ споровъ изъ за него не возникало и никакихъ правилъ пользованія чистками общество не выработало.

Въ 93 году, отчасти по собственному побужденію, отчасти подъ вліяніемъ администраціи, павловцы передѣлили всѣ открытыя пашни по наличнымъ мужскимъ душамъ, срокомъ на 17 лѣтъ, объясняя это рѣшеніе записанными мною словами: «никто не наплачется, какъ всѣхъ уравняемъ». Сѣнокосы павловчанъ расположены въ двухъ мѣстахъ: на клочкахъ среди пашенъ, и на берегу Лены, въ мѣстности Бестяхъ, гдѣ половодье сильно портитъ луга, а неравномѣрно разросшіеся кустарники требуютъ расчистки. До 1893 года порядокъ пользованія сѣнокосами у павловчанъ былъ таковъ же, какъ и въ Новопокровскомъ, но съ 93-го года, въ виду качественнаго различія полевыхъ и прибрежныхъ покосовъ, ежегодная жеребьевка была удержана только для первыхъ, а сѣнокосы на Бестяхѣ, съ цѣлью поощренія расчистокъ и болѣе тщательнаго ухода, были разверстаны по наличнымъ мужскимъ душамъ и закрѣплены за каждымъ владѣльцемъ на весь срокъ передѣла, т. е. на 17 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ передѣлѣ за нерадивымъ хозяиномъ оставалось его прежнее мѣсто, по урѣзкѣ изъ него той доли, какая опредѣлится измѣнившимся числомъ душъ.

Усадебными мѣстами новые хозяева надѣляются въ Павловскомъ изъ выгона, но кромѣ усадьбы въ этомъ селеніи для жителей имѣетъ большую важность и площадь, пригодная подъ огороды. Благодаря близости города (23 версты) и болѣе высокой культурности своего старообрядческаго населенія, Павловское является самымъ зажиточнымъ, самымъ земледѣльческимъ и во всѣхъ отношеніяхъ самымъ лучшимъ изъ здѣшнихъ русскихъ селеній. Средній посѣвъ на 1 дворъ у павловчанъ болѣе чѣмъ вдвое выше, чѣмъ на приленскихъ станціяхъ; огородничество на станціяхъ находится въ самомъ жалкомъ видѣ, а у павловчанъ оно даетъ крестьянамъ крупный доходъ и огородными мѣстами тамъ очень дорожатъ. Поэтому наиболѣе удобная для огородовъ мѣстность, — небольшая покатость позади усадебъ, спускающаяся къ ближнему озеру,—издавна подѣлена у павловцевъ на длинныя полосы въ 20 саженъ ширника, и въ 95 году у общества оставалось въ запасѣ только два такихъ участка.

Въ Новопокровскомъ и въ Павловскомъ, какъ въ селеніяхъ новѣйшаго происхожденія, никакихъ родовыхъ правъ не успѣло возникнуть, и идея коренного передѣла тамъ не встрѣчала со стороны общественниковъ сколько-нибудь упорнаго противодѣйствія. Какъ Амга является наиболѣе якутскимъ изъ русскихъ селеній, такъ эти двѣ деревни, — наиболѣе русскія по составу своего населенія,—въ то-же время оказываются почти россійскими по своимъ земельнымъ порядкамъ.

г) На *приленскихъ станціяхъ* до конца 40-хъ годовъ земли подъ пашню расчищались лишь кое-гдѣ и кое-кѣмъ изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, и, повидимому, никакихъ отводовъ отъ общества для расчистокъ въ то время не требовалось; но съ этой поры пашнями стали обзаводиться многіе, а впослѣдствіи уже всѣ или почти всѣ хозяева. Въ Олекминскомъ округѣ толчокъ для этого былъ данъ возникновеніемъ пріисковъ и высокими пріисковыми цѣнами на хлѣбъ и на овесъ. Но помимо этой, такъ сказать внѣшней причины, судя по многимъ указаніямъ, тутъ дѣйствовала и другая, — болѣе глубокая и всеобщая: къ этому именно времени въ обоихъ округахъ у береговъ Лены площадь естественныхъ луговъ была уже вся использована; населеніе какъ русское, такъ и якутское, съ усиленнымъ рвеніемъ занималось расчистками кустарниковъ подъ сѣнокосы, но и мѣстъ, пригодныхъ для искусственнаго образованія новыхъ луговъ оставалось близь Лены уже немного. Экстенсивное развитіе скотоводства въ

прибрежномъ краѣ почти достигло въ этотъ моментъ конечнаго предѣла, поставленнаго для него природою края, и жители, даже и безъ вліянія пріисковъ, необходимо вынуждались изыскивать новые способы пропитанія. Такъ какъ русскіе ямщики имѣли нѣкоторое подспорье въ получаемой ими почтовой платѣ, то кризисъ хозяйственнаго быта у якутовъ въ Олекминскомъ округѣ обнаружился острѣе, чѣмъ у русскихъ, и развитіе земледѣлія пошло у нихъ быстрѣе, что мы и видѣли въ предыдущей главѣ. Однако, и крестьяне, въ то время еще болѣе близкіе по своему быту къ якутамъ, чѣмъ теперь, не остались въ сторонѣ отъ движенія, и въ 50-хъ — 60-хъ годахъ пахотныя расчистки велись уже повсюду въ станціонныхъ селеніяхъ. Исправникъ Жуковскій, всячески поощряя это дѣло, требовалъ отъ крестьянскаго выборнаго ежегоднаго представленія ему поименнаго списка всѣхъ крестьянъ, производившихъ расчистки, съ указаніемъ площади, расчищенной въ этомъ году каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Просматривая такія вѣдомости, частью сохранившіяся въ архивѣ Олекм. Мір. Избы, можно видѣть, что въ 60-хъ годахъ ежегодно расчищалось при каждой станціи отъ 1 до 7 дес. пашни и отъ 2 до 9 дес. сѣнокоса, а при двухъ центральныхъ деревняхъ—десятинъ по 20—30 пашни и десятинъ по 10—20 луговъ. Далѣе, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось значеніе земледѣлія, вырабатывались мало-по-малу и порядки пользованія пашнями. Права расчистившаго или его потомковъ пользоваться чисткой формально не ограничивались, но, повидимому, сознаніе срочности этихъ правъ всегда было всеобщимъ. Въ дѣлахъ Мір. Избы отъ 1864 года я нашелъ уже общественное удостовѣреніе, выданное крестьянамъ Хатынъ-Тумульскаго селенія Перфильевымъ въ томъ, что такое-то мѣсто дѣйствительно расчищено ими, а потому должно принадлежать имъ «въ срочное владѣніе на вознагражденіе трудовъ и понесенныхъ на предметъ этотъ убытковъ». Такой актъ весьма похожъ на отводъ, хотя и не ограниченный точно указаннымъ срокомъ. Позже, — въ 80-хъ годахъ, — вошли въ обычай формальные отводы на сорокалѣтній срокъ, и въ 90-хъ годахъ въ Олекм. округѣ такихъ актовъ усиленно добивались уже сами заимщики въ обезпеченіе своихъ пашенъ отъ перехода въ общество. Наконецъ, на станціяхъ Якут. округа Атъ-Дабанской и Крестяхской, образованныхъ лишь въ 1869 году, вся надѣльная площадь сразу же была подѣлена на полосы равной ширины и каждому было предоставлено пользоваться его полосою во всю ея длину, не зарубаясь только въ

полосу сосѣда. Вольный захватъ лѣсной площади подъ пахотную расчистку въ девяностыхъ годахъ сохранился лишь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Якутскаго округа, тогда какъ въ Олекминскомъ онъ уже сталъ преданіемъ.

Совершенно другая форма вольнаго захвата пашенъ существовала на Табагѣ и въ немногихъ другихъ селеніяхъ того же Якутскаго округа, имѣвшихъ пашни на открытыхъ поляхъ береговой равнины: такъ какъ въ этой мѣстности еще не вывелась переложная система хозяйства, то каждый общественникъ могъ тамъ воспользоваться любымъ неогороженнымъ, т. е. заброшеннымъ участкомъ, и права его на пользованіе такимъ участкомъ сохранялись все то время пока была цѣла установленная имъ городьба; какъ скоро, съ истощеніемъ пашни, т. е. года черезъ два-три, городьба снималась, участокъ опять становился ничьимъ, и его могъ захватить любой общественникъ. Эта форма пользованія встрѣчается въ Якутской области весьма рѣдко, такъ какъ въ большинствѣ селеній открытыхъ полевыхъ пашенъ нѣтъ.

Наряду съ ростомъ общественнаго контроля за ходомъ расчистокъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ общество стало налагать свою руку на старыя чистки многоземельныхъ хозяевъ, не отбирая ихъ, но нѣсколько урѣзывая. «Если кто сильно обиженъ, то прибавляемъ другъ дружкѣ», — говорили крестьяне на ст. Еланской, Якут. округа. На ст. Нохтуйской, Олекм. округа, общество принудило одного богача удѣлить часть его пашни для новопричисленнаго крестьянина. На ст. Улахъ-Анской въ началѣ 80-хъ годовъ и на ст. Батамайской въ 92 году всѣ старыя чистки были пущены въ передѣлъ по наличнымъ мужскимъ душамъ «впредь до ревизіи». Въ Олекмин. округѣ такъ же поступили крестьяне-инородцы на ст. Инняхъ въ 89 году, а на ст. Неленской было рѣшено отобрать старыя чистки въ общество въ 95 году. Наконецъ, на ст. Тектюрской, Якут. округа, образовавшейся въ 1862 году, открытыя пашни передѣлялись по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ періодически, черезъ каждыя 7 или 10 лѣтъ. Во всѣхъ остальныхъ станціонныхъ селеніяхъ обоихъ округовъ душевыхъ, т. е. общественныхъ, пашенъ въ 1894 году еще не было и вся пахотная площадь состояла изъ чистокъ, остававшихся въ пользованіи отдѣльныхъ крестьянскихъ родовъ.

Однако, въ очень нерѣдкихъ случаяхъ спора со-родниковъ, обдѣленный чаще всего обращался съ жалобой именно къ сельскому обществу и обыкновенно общество такъ или иначе улажи-

вало дѣло, но когда вмѣшательство міра оставалось безсильнымъ, то обиженный шелъ дальше — въ волость и въ Окружное Управленіе, и по мѣрѣ того, какъ подростала молодежь, а земля становилась цѣннѣй и родники поступались ею все менѣе охотно, такихъ жалобъ (почти всегда безрезультатныхъ) накоплялось все больше и больше. Деревенскій миръ нарушался, въ семьяхъ шли раздоры, и подготовлялась почва для перехода къ новому принципу распредѣленія угодій, т. е. къ новому, и принципіально наиболѣе важному, проявленію правъ общества, какъ цѣлаго, въ ограниченіе традиціонныхъ правъ рода.

Удовлетвореніе требованій молодежи по отношенію къ сѣнокосамъ было легче, такъ какъ душевые сѣнокосы существовали всюду, а душевыхъ пашенъ, какъ мы только-что видѣли, не было почти нигдѣ. Требовалось прежде всего ихъ создать, а для этого самымъ простымъ средствомъ являлось воспрещеніе перехода въ родъ выморочныхъ земель, и въ Якутской области, какъ и всюду, борьба за землю направилась прежде всего въ эту сторону. Въ результатѣ двадцатилѣтнихъ домогательствъ подроставшихъ поколѣній въ 1893 году на верхнихъ и среднихъ станціяхъ Олекмин. округа въ принципѣ было принято на будущее время всѣ выморочные надѣлы отбирать въ общество и употреблять ихъ для постепеннаго надѣленія всѣхъ «малолѣтковъ», т. е. домохозяевъ, родившихся послѣ ревизіи и не имѣвшихъ надѣла отъ родниковъ. Такимъ образомъ, наряду съ возрастаніемъ значенія общества, но только болѣе медленно, возростало и число полноправныхъ общественниковъ, состоявшее ранѣе изъ однихъ ревизскихъ домохозяевъ и ихъ наслѣдниковъ. Юридическая единица — общество — обычнымъ путемъ превращалась въ хозяйственную единицу—общину, не только владѣвшую, но распоряжавшуюся и пользовавшуюся своей землей.

Въ Якутскомъ округѣ малолѣтки прежде всего добивались предоставленія имъ доли въ общественныхъ сѣнокосахъ и въ 91—93 годахъ, въ обществѣ 20 станцій повсюду совершился переходъ отъ прежняго распредѣленія луговъ по числу ревизскихъ душъ къ дѣлежу по наличнымъ мужскимъ душамъ, причемъ число паевъ, опредѣлившееся въ моментъ перваго передѣла, не должно было измѣняться въ продолженіе того или иного срока. На станціяхъ: Тектюрской, Титъ-Аринской, Тоенъ-Аринской и Ой-Муранской былъ установленъ срокъ въ 10 лѣтъ; на Табагинской, Улахъ-Анской, Покровской и Саныяхтахской — 17 лѣтъ; на всѣхъ осталь-

ныхъ передѣлъ луговъ совершился на неопредѣленное время «до ревизіи».

Въ Олекмин. округѣ, гдѣ всѣ вообще порядки разнообразнѣй и гдѣ земельная борьба упорнѣй, въ тотъ-же періодъ 92—93 г.г. всюду были приняты новые принципы распредѣленія сѣнокосовъ, гдѣ по «бойцамъ», а гдѣ по наличнымъ мужскимъ душамъ, но фактически въ 1894 году эти принципы были примѣнены еще не во всѣхъ селеніяхъ: на ст. Точильной къ моменту переписи только одинъ «подростокъ» успѣлъ получить надѣлъ; на ст. Березовской только одинъ оставался обдѣленнымъ, а всего по волости, при численности всего мужского населенія 1.325 душъ, плательщиковъ, т. е. иначе — лицъ, пользовавшихся сѣнокосными паями, было 1.065.

Способъ пользованія сѣнокосами во всѣхъ селеніяхъ находился въ зависимости отъ положенія этихъ сѣнокосовъ и ихъ естественныхъ качествъ. Иногда, какъ и въ Павловскомъ, одно и то-же общество къ разнымъ лугамъ примѣняло различные способы, но вообще ихъ было три: островныя мѣста, болѣе или менѣе густо поросшія тальникомъ, первоначально шли въ раздѣлъ по ревизскимъ душамъ, и находились въ пользованіи расчистившаго 10—30 лѣтъ, послѣ чего въ Якутскомъ округѣ переходили въ общество, а въ Олекм. округѣ, вообще говоря, еще оставались за первоначальными владѣльцами. Только на ст. Мархачанской, особенно бѣдной лугами, они всѣ были отобраны въ общество въ 90 году, да кое-гдѣ встрѣчались отдѣльные случаи такого перехода. На станціяхъ Титъ-Аринской и Тоенъ-Аринской Якутскаго округа, ради поощренія расчистокъ, всѣ паи закрѣплялись за владѣльцами до новаго передѣла, а на ст. Неленской Олекм. округа послѣ переверстки паевъ, состоявшейся въ 92 году, ихъ рѣшили закрѣпить на 10 лѣтъ. На мѣстахъ открытыхъ или давно расчищенныхъ паи переверстывались ежегодно, какъ въ Новопокровскомъ, или составляли постоянные участки, какъ въ Амгѣ, въ зависимости отъ того, насколько равномѣрно обмываетъ сѣнокосы весеннимъ разливомъ или губитъ лѣтней засухой. Тамъ, гдѣ всѣ участки терпятъ приблизительно въ равной мѣрѣ, переверстокъ не бываетъ и каждый остается до передѣла на своемъ участкѣ, лишь иногда по рѣшенію общества, слегка тѣснясь въ пользу сосѣда или забирая полоску отъ него для поддержанія случайно нарушеннаго равенства. Тамъ-же, гдѣ условія слишкомъ прихотливы, сѣнокосами верстаются по жребію: кому какой пай выпа-

детъ. Ежегодныя жеребьевки практиковались: на Табагѣ, Атъ-Дабанѣ, Крестяхѣ и Малыканѣ; на Бестяхѣ участками мѣнялись каждые три года; на остальныхъ станціяхъ Якутскаго округа—«послѣ порчи», т. е. не въ опредѣленные сроки, а смотря по надобности.

Въ Олекминскомъ округѣ ежегодная жеребьевка принята почти всюду, а такъ какъ деревенскіе покосы часто бываютъ разбросаны по нѣсколькимъ, отдаленнымъ одно отъ другого мѣстамъ, то процессъ дѣлежа нерѣдко оказывается очень сложнымъ и кое-гдѣ отнимаетъ дня по два, по три, а въ одной деревнѣ тянется дня четыре. Каждое отдѣльное урочище распредѣляется на площади равной доходности по всему числу надѣльныхъ душъ, такъ, что всякій пай состоитъ изъ 5 — 6 небольшихъ клочковъ воза на 2, много на 6 съ одного клочка. Распредѣленіе всюду выполняется у крестьянъ не депутатами, какъ у якутовъ, а всѣмъ обществомъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно на новыхъ станціяхъ, земельные порядки представляли ту особенность, что сѣнокосная община уже не совпадала съ сельскимъ обществомъ. На ст. Дабанъ, основавшейся въ 1888 году, станціонный сѣнокосъ находился во владѣніи лишь тѣхъ дабанцевъ, которые переселились сюда со станціи Неленской. Этотъ сѣнокосъ шелъ за одно съ другими неленскими покосами и дѣлился путемъ жеребьевки вмѣстѣ съ неленскими лугами, такъ, что пятеро дабанскихъ хозяевъ состояли членами неленской покосной общины, а пятеро другихъ, переселившихся съ Черендея, никакой доли въ дабанскихъ лугахъ не имѣли и продолжали пользоваться своими черендейскими паями. На ст. Бѣлой, существующей съ 1832 года, душевыхъ сѣнокосовъ нѣтъ вовсе, а потомки чекурскихъ выходцевъ сохраняютъ свои доли на Чекурской станціи, а потомки мархинскихъ—на Мархѣ. Наконецъ, на ст. Харьялахъ, возникшей въ 1847 г., до 94-го года харьялахцы сохраняли за собою право на нѣкоторую часть наманинскихъ сѣнокосовъ, которые и дѣлились ими на 17 паевъ, такъ-же, какъ и свои, харьялахскіе. Въ виду неудобства пользоваться такимъ отдаленнымъ мѣстомъ, харьялахцы, наконецъ, уступили его якутамъ Мальжегарскаго наслега, взявъ отъ нихъ взамѣнъ близь лежащій островъ.

У крестьянъ ст. Каменской сѣнокосы находились въ совмѣстномъ владѣніи съ крестьянами ст. Тинной, жители которой вышли съ Каменки въ 70 году. Такъ какъ въ краю, расположенномъ близъ Тинской, у каменцевъ издавна имѣлись «старые прокопы»,

т. е. сѣнокосныя расчистки, то тинскіе новоселы во время межевыхъ работъ чертежника Никитина хотѣли было отдѣлиться отъ каменцевъ, заполучивъ эти старые прокопы въ свой надѣлъ. Каменцы запротестовали и «послѣ большого шума» внесли въ письменный приговоръ, чтобы впредь имъ съ тинцами сѣнокосами никогда не дѣлиться. Съ тѣхъ поръ, по согласію обоихъ обществъ, способъ разверстки луговъ установился здѣсь такой: крестьяне распредѣляли всѣ большіе луговые участки, доставляющіе каждый не менѣе 10 возовъ сѣна, на 11 пайковъ, а малые клочки на всемъ пространствѣ владѣній обѣихъ деревень соединяли въ доли такой-же доходности, и затѣмъ метали жребій въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ деревенскія усадьбы. Такъ-какъ каждый пай представлялъ надѣлъ на двѣ души, то оба со-пайщика сговаривались уже полюбовно о дѣлежѣ доставшихся имъ мѣстъ между собою или производили свою частную жеребьевку. Со-пайщиками нерѣдко оказывались одинъ тинскій и одинъ каменскій, и такимъ образомъ обѣ деревни ставились въ пользованіи сѣнокосами въ совершенно одинаковыя условія. Такъ-какъ 22 участка — число вполнѣ соотвѣтствующее числу ревизскихъ душъ этихъ селеній, то очевидно, что описанный порядокъ распредѣленія паевъ съ надѣленіемъ малолѣтковъ долженъ былъ нѣсколько измѣниться и число паевъ—увеличиться (наличное мужское населеніе обѣихъ деревень въ 94 году составляло 40 душъ).

Приспособившись въ теченіе долгаго ряда лѣтъ дѣлить свои луга на неизмѣнное число паевъ, съ переходомъ къ новымъ числамъ разверсточныхъ единицъ крестьяне въ началѣ испытывали не малое затрудненіе, которое въ одномъ случаѣ привело ихъ къ такому усложненію стараго способа: на ст. Хатынъ-Тумульской Олекминскаго округа сѣнокосы разверстывались раньше по числу ревизскихъ душъ на 22 пая, а по числу «бойцовъ» ихъ пришлось дѣлить на 16 частей. Но хатынъ-тумульцы и теперь скомбинировали всѣ луговые клочки на привычные 22 пая и разобрали по жребію 16 паевъ, а оставшіеся 6 паевъ снова перекромсали уже на 16 частей и вторично распредѣлили ихъ между собой по жребію. На мой вопросъ: почему-же они сразу не дѣлили всѣхъ луговъ на 16 долей?—крестьяне отвѣчали, что они «ужъ такъ привышны», добавивъ вслѣдъ за этимъ: «однако, ужъ видно придется послѣ-то на 16,... а то бьемся-бьемся».

Выгономъ на станціяхъ служитъ окружающая тайга, которой крестьяне пользуются совмѣстно съ якутами, но у многихъ хо-

зяевъ имѣются съ разрѣшенія общества особые «телятники», огораживаемые преимущественно на приозерьяхъ; такіе телятники остаются въ подворномъ пользованіи.

Усадьбы, какъ общее правило, такъ-же не подлежатъ передѣламъ, но изрѣдка бывали отдѣльные случаи подравниванья усадебныхъ мѣстъ, скорѣе имѣвшіе характеръ добровольнаго соглашенія, чѣмъ общественнаго акта. Только на ст. Солянской двое причислившихся поселенцевъ и двое поселенческихъ дѣтей получили усадебныя мѣста отъ общества изъ одного выморочнаго надѣла; вообще-же новопричисленные пріобрѣтали усадьбы путемъ покупки мѣстъ у старожиловъ, а малолѣтки получали мѣста отъ родственниковъ или селились на выгонной площади.

Сравнивая между собой станціи обоихъ округовъ, можно придти къ тому заключенію, что порядки пользованія сѣнокосами болѣе уравнительны тамъ, гдѣ луговъ меньше и гдѣ площадь чистокъ гораздо меньше площади душевыхъ сѣнокосовъ. Имѣя въ виду, что указываемыя крестьянами при переписи количества принадлежавшихъ имъ чистокъ ужъ никакъ не больше, а конечно меньше дѣйствительныхъ, и суммируя получившіяся данныя, я прихожу къ тому выводу, что въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ преобладалъ принципъ распредѣленія по «бойцамъ», чистокъ и въ девяностыхъ годахъ оставалось гораздо больше, чѣмъ душевыхъ покосовъ, тогда какъ въ Якутскомъ округѣ, болѣе бѣдномъ лугами, отношеніе душевой площади и чисточной какъ разъ обратное, но тамъ и распредѣлялись душевые луга равномѣрнѣе: не по бойцамъ, а по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ. Только участокъ 7 среднихъ станцій Олекминскаго округа по распредѣленію душевыхъ покосовъ и чистокъ приближается къ участкамъ Якутскаго округа, а какъ разъ въ этомъ участкѣ луговъ было сравнительно мало и крестьяне ожидали добавочныхъ нарѣзокъ.

Въ процентахъ ко всей площади деревенскихъ покосовъ по даннымъ переписи оказывалось:

	Душевыхъ.	Чистокъ.
На 7 верхнихъ ст. Олекм. окр.	35,8	64,2
» 7 среднихъ » » »	61,3	38,7
» 9 нижнихъ » » »	38,9	61,1
» 10 верхнихъ » Якут. окр.	72,2	27,8
» 10 нижнихъ » » »	66,0	34,0

д) Въ деревняхъ Амгинской и Олекминской, какъ чисто земледѣльческихъ и возникшихъ еще въ XVIII вѣкѣ, душевыя

земли образовались съ незапамятныхъ временъ. Какъ распредѣлялись душевыя пашни до ревизіи 1858 года, этого теперешніе крестьяне уже не помнятъ, и въ архивахъ свѣдѣній объ этомъ я не нашелъ; но покосы очевидно съ самаго начала подвергались передѣламъ: въ 1802 году крестьянинъ Акишевъ жаловался въ Олекмин. Земскій Судъ на волостного голову;—«по раздѣлу общества прошлаго 1801 года» ему досталось въ двухъ мѣстахъ 2 десятины покоса, которыя онъ сдалъ въ аренду одному горожанину за 4 рубля, но голова воспрещаетъ тому косить...[1]).

Благодаря своей близости отъ города и тому, что земледѣліе составляло ихъ главный промыселъ, жители этихъ деревень чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, спорили изъ за земель и обращались съ жалобами непосредственно въ Окружную Полицію, а та, пользуясь правами, которыя предоставлялъ ей мѣстный административный обычай, предписывала обществу тотъ или иной способъ дѣйствій. По большей части крестьянскій міръ такъ или иначе обходилъ начальственное распоряженіе,—какъ это было, напримѣръ, въ приводившемся выше случаѣ съ наслѣдствомъ Полуектова;—еще чаще сами представители власти, тяготясь мужицкими дрязгами, передавали жалобу въ волость, чтобы тамъ разобрались, какъ сами знаютъ. Наибольшей энергіей и стремленіемъ къ всестороннему регулированію крестьянской жизни, насколько можно судить по документальнымъ даннымъ и по воспоминаніямъ олекминцевъ, отличался часто упоминавшійся въ этихъ очеркахъ исправникъ Жуковскій. Отъ эпохи его управленія округомъ въ волостномъ архивѣ сохранилось предписаніе, настолько характерное, что я приведу его здѣсь цѣликомъ: вознамѣрившись разъ навсегда установить у крестьянъ тотъ порядокъ землепользованія, какой представлялся ему наилучшимъ, 1 августа 1861 года Жуковскій далъ выборному такой приказъ:

«Постоянные споры и тяжбы существуютъ между крестьянами при раздѣленіи хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ; это происходитъ отъ того во 1-хъ, что для измѣренія и раздѣла душевыхъ участковъ назначаются люди не обществомъ, а отъ произвола старшины, въ чемъ я убѣдился изъ распоряженій бывшаго выборнаго Яныгина въ прошломъ году; во 2-хъ, нѣкоторые крестьяне, радѣя о своей пользѣ, трудятся—производятъ расчистки, а большая часть лѣнивцевъ выжидаютъ только случая, какъ бы поднять крикъ, шумъ въ обществѣ и воспользоваться

[1]) Арх. Олекм. Мір. Избы. Д. 1802 г.

чужими трудами; наконецъ, въ 3-хъ, позажиточнѣе крестьяне, имѣющіе болѣе вѣса въ обществѣ, подъ предлогомъ расчистокъ, захватываютъ огромныя пространства удобныхъ мѣстъ и пользуются оными съ обидою для общественниковъ.

«Чтобы положить конецъ такого рода безпорядкамъ, поручаю тебѣ: 1) въ настоящемъ году представить всѣмъ крестьянамъ пользоваться мѣстами, какъ кто владѣлъ до настоящаго времени, но на слѣдующій годъ всѣ безъ исключенія расчистки, на которыя владѣльцы не представятъ дозволительнаго свидѣтельства отъ своего общества или отъ окружнаго начальства, пустить въ раздѣлъ на общество; 2) выборные крестьяне, для измѣренія участковъ, чтобы назначались обществомъ, въ чемъ долженъ быть составленъ приговоръ; передъ началомъ раздѣла мѣстъ на твоей ужъ обязанности лежитъ привести избранныхъ крестьянъ къ присягѣ и напомнить имъ, какая отвѣтственность лежитъ на ихъ совѣсти; 3) хлѣбопахотныя мѣста, какъ требующія удобренія, должны поступать въ дѣлежку какъ можно рѣже и только въ крайней необходимости допускать это; дѣлежку покосныхъ мѣстъ, если возможно, производить въ два или въ три года одинъ разъ, но если это крестьяне сочтутъ для себя неудобнымъ, то производить и каждый годъ, но отнюдь не дожидаться, пока наступитъ время сѣнокоса, чтобы не было остановокъ въ работѣ, а слѣдуетъ заняться измѣреніемъ и дѣлежкой всегда заблаговременно, подъ строгимъ твоимъ наблюденіемъ; 4) если кто изъ крестьянъ пожелаетъ расчистить пустолежащее въ крестьянскихъ границахъ или казенное мѣсто, чтобы не было задержекъ въ столь похвальномъ предпріятіи, на первомъ же сходѣ составлять приговора и доставлять въ Окружное Управленіе для выдачи свидѣтельства на сорокалѣтнее владѣніе; 5) по окончательной уборкѣ сѣна и хлѣбныхъ полей, не позже 1 числа сентября сего года, приказать крестьянамъ цѣлымъ обществомъ приступить къ расчисткѣ сѣнокосныхъ мѣстъ, для чего каждый изъ нихъ, кто пользуется мѣстомъ, по числу ревизскихъ душъ, обязанъ представить своихъ рабочихъ; расчистка будетъ производиться уравнительно, подъ наблюденіемъ людей, которыхъ я назначу; тѣ изъ крестьянъ, которые не явятся для расчистки, смотря по уважительности причинъ не-явки, подвергнутся взысканію[1]) и лишатся права

[1]) По устному преданію, ужъ не знаю, насколько достовѣрному, Жуковскій ѣздилъ по округу всегда въ сопровожденіи двухъ казаковъ и воза съ готовыми розгами, и за всякую хозяйственную неисправность поролъ виновнаго безпощадно, часто прямо на дорогѣ или на пашнѣ. Вообще, устные разсказы о Жуковскомъ носятъ легендарный характеръ.

участвовать въ дѣлежѣ расчищенныхъ мѣстъ, и 6) настоящее мое предписаніе какъ можно внятнѣе и по нѣскольку разъ прочитать на сходкахъ, чтобы каждый крестьянинъ зналъ о сдѣланномъ распоряженіи, а въ особенности, чтобы не забывалъ о содержаніи этого предписанія ты самъ и помнилъ, что за неисполненіе сего отвѣтчикомъ будешь первый» [1]).

Послѣ этого приказа, 24 сентября того же года, общество постановило приговоръ, въ которомъ выразило готовность исполнить распоряженіе исправника «по силѣ возможности», но изъ дальнѣйшихъ дѣлъ видно, что сельская практика и въ послѣдующее время мало соотвѣтствовала регламенту Жуковскаго. Общественная расчистка сѣнокоса производилась, правда, въ ближайшую осень, но едва-ли она не осталась единственнымъ опытомъ въ этомъ родѣ [2]). Точно также и пахотныя расчистки богачей перешли тогда «въ общество» развѣ въ томъ же смыслѣ, какъ и наслѣдство Полуектова; по крайней мѣрѣ ни изъ чего не видно, чтобы количество душевыхъ пашенъ тогда быстро увеличилось, а требованія бѣдноты о переходѣ старыхъ чистокъ въ общество не прекращались во все послѣдующее время и начали получать реальную силу лишь съ 80 годовъ, да и то не вполнѣ.

Въ приказѣ Жуковскаго можно отмѣтить двѣ черты, характеризующія фактически существовавшіе въ то время порядки: душевыя пашни передѣлялись крестьянами; а такъ какъ дѣло происходило вскорѣ же послѣ ревизіи 1858 года, то можно думать, что здѣсь, какъ и въ Амгинской слободѣ, передѣлъ производился именно при ревизіяхъ; иначе трудно было бы объяснить отсутствіе всякихъ указаній на передѣлы пашенъ въ документахъ, тогда какъ передѣлы сѣнокосовъ оставили по себѣ слѣдъ даже въ дѣлахъ 1801 года, ужъ не говоря о постоянномъ упоминаніи о нихъ въ дѣлахъ позднѣйшаго времени. Вторая черта,—это намекъ на какое-то противодѣйствіе общества захвату богачами новыхъ мѣстъ «подъ предлогомъ расчистокъ». Вѣроятнѣе всего, что тутъ подразумѣвается зачерчиванье большихъ пространствъ для расчистки ихъ когда нибудь въ будущемъ. Если это такъ,—а что это такъ, сомнѣваться трудно,—то, очевидно,—уже въ 60 го-

[1]) Арх. Олекм. Мір. Избы. 1861 г. Д. № 32.

[2]) Общественная очистка сѣнокосныхъ мѣстъ отъ весеннихъ заносовъ составляетъ работу совершенно другого рода; такія очистки производятся ежегодно и теперь; но о расчисткахъ всѣмъ обществомъ новыхъ мѣстъ подъ сѣнокосъ въ обѣихъ деревняхъ нѣтъ и рѣчи.

дахъ общество пыталось ограничить вольный захватъ пространственно, также какъ сама полиція считала нужнымъ ограничивать его установленіемъ сорокалѣтняго срока. Несмотря на это, даже въ девяностыхъ годахъ далеко не всѣ богачи имѣли акты на владѣніе отцовскими чистками, но въ этотъ періодъ они уже спѣшили предупредить близкій переходъ такихъ чистокъ въ общество при помощи весьма простого пріема: Мірская Изба выдавала имъ «по знакомству» акты «на сорокалѣтнее владѣніе» ихъ старыми безотводными чистками такъ, какъ будто-бы это были новыя чистки, срокъ пользованія которыми начинался только теперь; мало того, и старые акты,—если вѣрить деревенскимъ протестантамъ, — также «по знакомству» переписывались иногда заново, какъ выдаваемые впервые... Несомнѣнно, что на почвѣ борьбы за такія чистки владѣльцы прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы удлинить срокъ своего владѣнія, и благодаря этому, по даннымъ нашей переписи, въ 1894 году въ деревнѣ Амгинской душевыя пашни составляли только 22,4% всей пахатной площади, а въ деревнѣ Олекминской 37,9%, такъ, что въ обѣихъ деревняхъ вмѣстѣ около трехъ четвертей всѣхъ пахотныхъ земель еще оставалось въ родовомъ пользованіи.

Болѣе успѣшны были домогательства деревенскихъ «малолѣтковъ», предоставленія именно имъ выморочныхъ надѣловъ. Переходъ такихъ земель въ общество для надѣленія малолѣтковъ былъ установленъ въ обѣихъ деревняхъ еще въ 80-хъ годахъ, — быть можетъ не безъ вліянія губернаторскаго циркуляра, явившагося и въ Якутской области, какъ и всюду въ Сибири, отголоскомъ извѣстнаго сенатскаго указа отъ 5 октября 1884 года. Однако, однихъ выморочныхъ надѣловъ было недостаточно для утоленія все возраставшихъ требованій, и въ началѣ 90-хъ годовъ общество признало, наконецъ, за всѣми малолѣтками принципіальное право на участіе въ пользованіи общественными пашнями, а въ февралѣ 93-го года постановило приговоръ о томъ, чтобы, «при недостаточности выморочныхъ надѣловъ надѣлять наравнѣ изъ имѣемыхъ нами земель урѣзомъ».

Для того, чтобы знать, у кого можно произвести такой «урѣзъ», требовался предварительный обмѣръ тѣхъ душевыхъ участковъ, которыми съ 61-го года безконтрольно владѣли «старожилы», т. е. ревизскіе хозяева и ихъ наслѣдники. Тѣ всячески оттягивали и затрудняли измѣреніе, но въ концѣ концовъ должны были уступить, и въ томъ-же году состоялся выборъ лицъ, которымъ обще-

ство поручило выполненіе этого щекотливаго дѣла. Такъ-какъ у обѣихъ деревень сѣнокосы общіе, но пашни отдѣльныя, то и коммисій было избрано двѣ: въ Амгинской деревнѣ мѣрилъ довѣренный В. Одинцовъ съ понятыми, а въ Олекминской И. Борисовъ, — люди, уважаемые міромъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказалось возможнымъ произвести частичныя урѣзки еще до окончанія всѣхъ работъ Одинцова и Борисова, а такъ-какъ претендентовъ на землю было гораздо больше, чѣмъ свободныхъ участковъ, то первыми кандидатами, которыхъ и надѣляли скорѣе другихъ, общество признало женатыхъ хозяевъ, достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста. Всѣ мужчины достигшіе 17 лѣтъ были поставлены во вторую очередь, и въ сентябрѣ 94-го года (когда я былъ въ этихъ деревняхъ), не имѣвшихъ надѣла оставалось изъ «бойцовъ» человѣкъ 20. Крестьяне заявляли, что дадутъ землю и тѣмъ не позже весны 95-го года.

По отношенію къ сѣнокоснымъ расчисткамъ заимочниковъ распоряженіе Жуковскаго повидимому имѣло временную силу и въ іюлѣ 62-го года общество постановило: «(такъ-какъ) мы, въ особенности бѣдность, имѣя нужду въ деньгахъ къ платежу государственныхъ податей,.. также и по домашнему быту, отдали въ кортомъ многія покосныя свои души, большею частію якутамъ, надѣясь на расчистки, отчего должны въ будущую зиму протерпѣть крайность въ продовольствіи скота, и какъ имѣются у насъ, кромѣ душевыхъ покосовъ, прежде расчищенныя многолѣтними трудами покосныя мѣста, и въ прошлую осень до 25 десятинъ въ Олекминской и до 15 въ Амгинской, почему всѣ мы единогласно положили: просить начальство къ отвращенію крайности въ прокормленіи скота дозволить намъ на каждого домохозяина оставить по одной десятинѣ, а остальную расчистку пустить въ общій раздѣлъ...». Жуковскій утвердилъ это постановленіе, «но съ тѣмъ, однако, чтобы подобный раздѣлъ существовалъ только въ настоящемъ году, а на будущее время руководствоваться непремѣнно предписаніемъ моимъ отъ 1-го августа 1861 года».

Въ дальнѣйшемъ сѣнокосныя расчистки въ неопредѣленные сроки переходили въ общество, и въ 1894 году, по заявленіямъ крестьянъ при переписи, распредѣленіе площади душевыхъ сѣнокосовъ и сѣнокосныхъ чистокъ въ обѣихъ деревняхъ оказывалось обратнымъ распредѣленію пашенъ: въ то время, какъ три четверти пашенъ состояло изъ чистокъ, двѣ трети сѣнокосовъ состояло изъ душевыхъ, что весьма близко къ распредѣленію луговъ на 7 сред-

нихъ станціяхъ Олекминскаго округа и на обоихъ участкахъ Якутскаго округа:

въ дер. Амгинской	сѣнокосовъ душевыхъ	—	65,7%	и чистокъ	34,3%
» » Олекминской	»	—	65,2%	» »	34,8%

Пользованіе душевыми сѣнокосами въ центральныхъ деревняхъ было уравнительнѣй, чѣмъ пользованіе пашнями: луга уже съ давняго времени дѣлились тутъ по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ, а такъ-какъ сѣнокосы у обѣихъ деревень общіе, то и способъ дѣлежа здѣсь былъ нѣсколько сложнѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе мелкихъ селеніяхъ. Вся луговая площадь не ежегодно подвергалась переверсткѣ между жителями обѣихъ деревень,—одни мѣста обыкновенно оставались за амгинцами, а другія за олекминцами, но такъ какъ олекминскіе покосы лучше и доходнѣй, то олекминцы обычно поступались въ пользу амгинцевъ нѣсколькими душевыми долями. Производилось это такимъ образомъ: около Ильина дня (раньше здѣсь неудобно косить благодаря большимъ разливамъ), собирались деревенскіе старики и выбирали троихъ человѣкъ отъ каждаго селенія; эти выборные обходили всѣ луга и прикидывали на глазъ качество травы на разныхъ урочищахъ, а дня черезъ три на общемъ деревенскомъ сходѣ докладывали о результатѣ своихъ наблюденій. Основываясь на ихъ сообщеніяхъ, сходъ распредѣлялъ всѣ луговыя угодья каждой деревни на 12 паевъ, а въ виду качественнаго превосходства олекминскихъ паевъ амгинцамъ предоставлялось отчислить душъ 8—10 своихъ для надѣленія ихъ олекминцами. Опредѣленіе числа такихъ накидныхъ душъ всегда сопровождалось большимъ шумомъ и спорами, но въ большинствѣ случаевъ дѣло заканчивалось какимъ-нибудь соглашеніемъ. Временами (раза 2 — 3 въ десятилѣтіе), случалось, однако, что крестьяне не сойдутся ни на чемъ, и тогда они прибѣгали къ общей переверсткѣ паевъ. Для этого клались въ миску жеребья, состоящіе изъ лоскутовъ бумаги съ названіями паевъ,—на каждомъ лоскуткѣ по два названія: одного олекминскаго пая и одного амгинскаго; особо избранныя отъ каждой деревни лица по очереди вынимали изъ миски жеребья, и такимъ образомъ во владѣніе амгинцевъ на этотъ разъ переходило 6 указанныхъ жребіемъ олекминскихъ паевъ и оставалось 6 прежнихъ, а во владѣніи олекминцевъ оказывалось 6 своихъ и 6 амгинскихъ паевъ.

По завершеніи раздѣла между деревнями, начинался у крестьянъ дѣлежъ паевыхъ участковъ между односельцами, которые для разбора отдѣльныхъ паевъ соединялись въ вольныя товарищества человѣкъ по 20. Всякое товарищество избирало одного «пайщика»; имена этихъ пайщиковъ записывались на жеребьевыхъ бумажкахъ, которыя свертывались и клались въ миску; въ другую миску опускались жеребья съ названіями паевъ; двое выборныхъ единовременно вынимали лоскутки изъ обѣихъ мисокъ и пай каждой группы опредѣлялся совпаденіемъ именъ и названій. Закончивъ эту операцію, каждое товарищество всей гурьбой отправлялось на свое мѣсто, и тамъ съ веревкой и саженью проходило его вдоль и на глазъ опредѣляло качество травы; возвращаясь тѣмъ-же путемъ, товарищи ставили тычки, которыми опредѣлялась ширина полосъ, составлявшихъ душевые участки; ширина эта была не одинакова, а соразмѣрялась съ длиной и укосностью мѣста. Душевые участки распредѣлялись между членами товарищества посредствомъ жребія, и выкашивались уже каждымъ владѣльцемъ въ отдѣльности.

Усадебными мѣстами новые хозяева надѣлялись обществомъ изъ деревенскаго выгона. Прежнія усадьбы занимали до 1 десятины; впослѣдствіи, съ сокращеніемъ выгонной площади, сокращались и размѣры выдѣляемыхъ усадебныхъ мѣстъ.

Изъ того-же выгона каждому желающему предоставлялось огораживать для себя и телятникъ, площадью до $^1/_4$ десятины.

Болѣе напряженная борьба за землю въ центральныхъ деревняхъ вызывала тамъ преобразованія земельныхъ порядковъ раньше, чѣмъ на станціяхъ, и своимъ исходомъ оказывала несомнѣнное вліяніе на мелкіе мірки станціонныхъ селеній. Судя по общему впечатлѣнію, получившемуся у меня при разговорахъ съ олекминскими якутами, крестьянскій примѣръ не остался безслѣднымъ и для инородческаго міра, но сами олекминскіе якуты пошли въ своихъ преобразованіяхъ дальше станціонныхъ крестьянъ и установили у себя порядки болѣе уравнительные, близкіе къ порядкамъ въ русскихъ селеніяхъ новѣйшаго происхожденія.

II. а) Взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всего племени, велъ за собою у якутовъ предоставленіе каждому пользованія землей, а при малочисленности населенія и широкомъ земельномъ просторѣ мѣра пользованія каждаго въ старину опредѣлялась лишь мѣрою его потребностей. Однако, уже въ отдаленнѣйшія времена стада родовичей были не одинаковы по своей численности, а потому и потребность въ пастбищахъ была тоже

не одинакова; одни роды пользовались болѣе обширными пространствами, другіе нуждались въ меньшихъ, а такъ какъ мѣстность представляла не сплошную степь, а систему обособленныхъ рѣчныхъ долинъ, раздѣлявшихся лѣсистыми возвышенностями, то и кочевые районы каждой племенной группы у якутовъ фактически давно обособились. Нарушать естественныя границы такихъ районовъ представляло смыслъ только при глубокомъ и внезапномъ потрясеніи сложившагося быта, какъ это бывало въ случаяхъ полнаго недостатка кормовъ въ какой-нибудь мѣстности отъ засухи, отъ наводненія и т. п. При такихъ исключительныхъ событіяхъ, какъ мы это видѣли въ предыдущей главѣ, дѣйствительно тотчасъ-же возникаютъ требованія поравненія между родами одного наслега, наслегами одного улуса и даже между различными улусами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія требованія удовлетворялись якутскимъ міромъ безъ вмѣшательства русской власти, въ другихъ, несмотря на настоянія власти, удовлетвореніе оттягивалось подъ разными предлогами, но ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ право пострадавшихъ на возмѣщеніе ихъ ущерба изъ общаго запаса національныхъ земель не отрицалось принципіально.

Подобнымъ-же образомъ и внутри рода общая родовая территорія служила для всѣхъ родовичей общимъ выгономъ въ лѣтнее время, но сѣнокосныя урочища, по которымъ отдѣльныя семьи заготовляли для своихъ стадъ зимніе запасы сѣна, обычно находились въ постоянномъ пользованіи именно этихъ семей, и древнѣйшею земельной мѣрой у якутовъ, повидимому, служило урочище, какъ у бродячихъ тунгусовъ и до сихъ поръ такой мѣрой является „рѣчка“. Наслѣдственное пользованіе одними и тѣми-же урочищами въ отдаленномъ прошломъ привело къ тому, что обладаніе ими становилось весьма похожимъ на dominium: урочища сдавались владѣльцами въ аренду, уступались въ приданое, даже продавались русскимъ. Такія продажи были воспрещены въ 1765 г., но мы видѣли, что еще въ началѣ XIX-го вѣка олекминскіе крестьяне ссылались въ доказательство своихъ правъ на спорную землю на продажу ея крестьянамъ какимъ-то якутомъ Чоруловымъ.

При такихъ условіяхъ родовичи одного наслега различными способами пріобрѣтали земли на территоріяхъ сосѣдей, а когда, съ появленіемъ русскихъ и съ наложеніемъ на роды и наслеги ясака, потребовалось болѣе точное установленіе родовыхъ владѣній, возникли споры и взаимныя жалобы, нерѣдко требовав-

шія вмѣшательства русской власти. По словамъ мѣстнаго лѣтописца І. С. Москвина, ко времени образованія Ясачной Комиссіи такихъ жалобъ накопилось уже очень много [1]). Въ 1766 году для провѣрки земельныхъ правъ вилюйскихъ якутовъ былъ отряженъ якутской администраціей сынъ боярскій Кычкинъ, выдававшій на владѣніе землей особые билеты, а въ Олекминскомъ округѣ, по свидѣтельству Эверста и Горловскаго, въ 1785 году, по уполномочію со стороны Олекминской Нижней Расправы, такіе-же билеты выдавались якутамъ князьцомъ Кривошапкинымъ, но случалось, что кычкинскіе отводы и кривошапкинскіе противорѣчили другъ другу, и путаница владѣній не прекращалась.

Вторженіе въ якутскую жизнь новаго фактора—ясачнаго обложенія—усиливая потребность въ болѣе точномъ разграниченіи владѣній между наслегами, въ то-же время повело къ еще большему углубленію существовавшаго ранѣе неравенства: во взносѣ ясака по своимъ средствамъ могли участвовать не всѣ якуты, а участники дѣлились на разряды: соболиный и лисичный; между тѣмъ податной единицей являлся цѣлый наслегъ, и состоятельные люди, уплачивая ясакъ за несостоятельныхъ, по сохранившемуся до настоящаго времени обычаю получали взамѣнъ въ свое пользованіе сѣнокосы бѣдняковъ. Павлиновъ (по Эверсту и Горловскому) указываетъ на то, что: „князьцы по своимъ видамъ не облагали ясакомъ родовичей, достигшихъ 30 лѣтъ, показывая ихъ въ числѣ подростковъ, старались замѣщать въ плательщики соболинаго оклада своихъ близкихъ родныхъ и воспитанниковъ, хотя-бы малолѣтнихъ, чѣмъ присваивали себѣ лучшія земли, — отъ 5.000 до 8.000 десятинъ, отдавая излишекъ земли отъ имени своихъ родныхъ въ аренду за высокую цѣну“.

Такимъ образомъ усиливалось неравенство въ землепользованіи отдѣльныхъ лицъ внутри рода. Бѣдняки, не участвовавшіе во взносѣ ясака, утрачивали свои исключительныя права на пользованіе наслѣдственными урочищами; люди, разжившіеся подрядами или извозомъ, за ихъ счетъ увеличивали свои сѣнокосы; а общество получало поводъ къ постоянному вмѣшательству въ поземельныя отношенія своихъ членовъ и къ регулированію этихъ отношеній въ своихъ видахъ. Ясачныя Комиссіи соразмѣряли высоту оклада въ каждомъ наслегѣ прежде всего съ доходностью наслежныхъ сѣнокосовъ; внутри наслега крупнѣйшими плательщи-

[1]) *Д. Павлиновъ.* Рукопись Якут. Стат. Комитета 1872-го года. Рукопись І. С. Москвина хранится при Академіи Наукъ, но выдержки изъ нея были напечатаны въ «Памятной Книжкѣ Якут. области на 1867 годъ».

ками являлись владѣльцы наиболѣе крупныхъ стадъ, всего болѣе нуждавшіеся въ сѣнокосахъ, и въ якутской средѣ, въ противоположность прежней тенденціи къ закрѣпленію права наслѣдственнаго владѣнія урочищами, съ конца XVII-го вѣка получила преобладаніе противоположная тенденція къ соразмѣренію землепользованія съ участіемъ въ уплатѣ ясака.

Первымъ послѣдствіемъ этого явилось совершенное устраненіе отъ участія въ пользованіи сѣнокосами лицъ, не вносившихъ ничего въ уплату родового оклада. За такими бѣдняками оставалось лишь право на пользованіе выгономъ, навсегда оставшимся общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго.

Далѣе, въ виду раздѣленія плательщиковъ по высотѣ ихъ взносовъ на нѣсколько классовъ (о чемъ говорилось въ главѣ VIII), соотвѣтственнымъ образомъ въ каждомъ наслегѣ стали распредѣлять и сѣнокосы, а это потребовало установленія менѣе расплывчатой земельной мѣры, чѣмъ прежнее «урочище», и въ общій обиходъ вошелъ терминъ «кюрюэ»—остожье, т. е. такое пространство, на которомъ можно накосить одинъ стогъ сѣна. Только въ позднѣйшее время, и въ наслегахъ съ болѣе развитыми порядками землепользованія, эта неопредѣленная единица стала замѣняться болѣе точнымъ измѣреніемъ на воза и даже на копны,—правда, весьма условные, значительно превышающіе по своимъ размѣрамъ реальный возъ и реальную копну.

Переходъ къ распредѣленію сѣнокосовъ по тѣмъ или инымъ нормамъ вызвалъ возникновеніе общественной регистраціи луговъ, а такъ какъ доходность каждаго луга ежегодно колебалась, то и повѣрка покосовъ стала повторяться каждую весну, и для выполненія этой важной функціи общества стали избирать цѣлыя комиссіи довѣренныхъ, такъ называемыхъ депутатовъ,—съ которыми мы уже встрѣтились у крестьянъ Амгинской слободы. Въ случаѣ рѣзкаго несоотвѣтствія въ количествѣ уродившейся на какомънибудь участкѣ травы съ тѣмъ ея количествомъ, какое предполагалось при весенней повѣркѣ, потерпѣвшій плательщикъ, въ виду того, что его доля платежей соразмѣрялась именно съ этимъ ожидавшимся укосомъ—«эльбюгэ»—душевой пай,—обращался къ обществу, указывая на родовича, накосившаго болѣе того, что ожидалось, и требовалъ возмѣщенія своего недобора изъ его избытка. Общество въ такихъ случаяхъ обыкновенно удовлетворяло требованіе въ размѣрѣ половины недобора, оставляя другую половину въ пользу косившаго, какъ вознагражденіе за его трудъ.

Таковы основныя и повсемѣстныя черты якутскаго землепользованія, какимъ оно сложилось съ эпохи ясачныхъ комиссій и какимъ оставалось въ большей части наслеговъ Якутск. округа до конца XIX-го вѣка. Входить въ детали мнѣ незачѣмъ, такъ какъ о якутскомъ землепользованіи только что появилась работа моего товарища по сибиряковской экспедиціи Н. А. Виташевскаго, изданная на правахъ рукописи Вост.-Сибирскимъ Отдѣломъ И. Р. Г. О., «Якутскіе матеріалы для разработки вопросовъ эмбріологіи права», а въ скоромъ будущемъ можно ожидать появленія давно подготовленной работы другого товарища—Л. Г. Левенталя «Подати, земля и повинности у якутовъ». Въ мою задачу входитъ только сжатый обзоръ основныхъ моментовъ въ развитіи якутской общины, такъ какъ безъ такого обзора земельныя преобразованія олекминскихъ якутовъ казались бы совершенно внезапными и почти произвольными. Въ дѣйствительности, наоборотъ, они являлись логически неизбѣжной ступенью общаго процесса, достигнутой въ Олекминскомъ округѣ ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ, въ силу того только, что тамъ общая культура выше и потребность общественниковъ въ землѣ напряженнѣй.

Чтобы отчетливо понять дальнѣйшій ходъ процесса, надо уяснить себѣ сущность классной системы распредѣленія сѣнокосовъ при помощи нагляднаго примѣра, и я воспользуюсь однимъ изъ примѣровъ, которые приводятся въ указанной выше работѣ Н. А. Виташевскаго [1]). Онъ беретъ наслегъ съ 20 плательщиками 1-го класса, 30-ю 2-го класса и 50-ю 3-го класса, при отношеніи ихъ платежей (платежный пай, какъ и надѣльный, по якутски называется эльбюгэ),—4 : 2 : 1. Принимая за единицу малый эльбюгэ, мы найдемъ, что всѣхъ такихъ паевъ въ наслегѣ 190. «Допустимъ далѣе,—говоритъ нашъ авторъ,—что въ этомъ гипотетическомъ наслегѣ депутаты опредѣлили урожай въ 1.900 возовъ. Такъ какъ намъ уже извѣстно, что всѣ надѣлы наслега въ совокупности сводятся къ 190 малымъ эльбюгэ, то на каждое изъ послѣднихъ придется 1900 : 190 = 10 возовъ, а на среднее эльбюгэ 10 × 2 = 20 возовъ, и на большее эльбюгэ—10 × 4 = 40 возовъ. Вся же земля распредѣлится между классами такъ:

20	хозяйствамъ	1-го	класса	придется.	20 × 40 = 800	возовъ.
30	»	2-го	»	»	30 × 20 = 600	»
50	»	3-го	»	»	50 × 10 = 500	»
100	хозяйствамъ	наслега		придется.	1.900	возовъ.

*) Н. А. Виташевскій «Матеріалы etc...», стр. 43.

Это, такъ сказать, нормальное неравенство, вытекающее изъ самаго существа классной системы, повсюду значительно увеличивалось разнаго рода мѣстными обычаями и вошедшими въ обычай злоупотребленіями: допущеніемъ пользованія однимъ лицомъ нѣсколькими эльбюгэ разныхъ классовъ на свое имя или на имя родственниковъ и кліентовъ, общественнымъ выдѣломъ нѣкоторыхъ участковъ въ наслѣдственное пользованіе старостамъ «указъ кюрюэ», и т. п. Ко всему этому слѣдуетъ добавить и то, что у зажиточныхъ родовичей нерѣдко имѣются въ ихъ исключительномъ пользованіи чистки или покосы, образованные путемъ спуска озеръ, и что они же (какъ съ другой стороны—круглые бѣдняки, не имѣющіе надѣла),—только не сами, а руками своихъ батраковъ и кліентовъ,—выкашиваютъ тѣ дальніе луга (вродѣ амгинскаго Туорà-Хамьягà), которые не входятъ въ покосныя вѣдомости наслега и считаются бросовыми.

Благодаря всему этому, неравномѣрность въ пользованіи сѣнокосными угодьями достигала у якутовъ такихъ размѣровъ, что разстояніе между тойономъ и бѣднякомъ было въ наслегахъ почти такимъ же, какъ и различіе между помѣщикомъ и бобылемъ. Но въ отличіе отъ пролетарія европейскихъ странъ якутскій родовичъ, какимъ бы то ни было способомъ поправившись, всегда сохранялъ за собою возможность предъявить свое право на долю въ платежахъ и въ покосахъ своего рода, а родъ не могъ ему отказать. Не всякій якутъ имѣлъ землю, но всякій сохранялъ свое право на землю, реализировать которое онъ могъ, доказавъ свою платежеспособность. Для опредѣленія этого момента якутская жизнь создала формулу: «Такой-то обзавелся своимъ домкомъ, имѣетъ жену и дѣтей, владѣетъ скотомъ». Формула эта въ примѣненіи къ какому-бы то ни было родовичу, по якутскимъ воззрѣніямъ, открывала ему доступъ къ пользованію общественными угодьями, но богачи, разумѣется, были вовсе не склонны поступаться своими лугами, и на этой почвѣ внутри наслеговъ возникала борьба, тѣмъ болѣе интенсивная, чѣмъ ближе находился наслегъ отъ города, отъ пріисковъ, отъ бойкихъ торговыхъ путеій.

Подъ вліяніемъ этой борьбы первоначально отпадали наиболѣе грубыя формы злоупотребленій, остающихся теперь въ обычаѣ только въ глухихъ наслегахъ. Затѣмъ сокращалось число классовъ, уменьшалась разница въ величинѣ душевыхъ паевъ сохранившихся классовъ, наконецъ, въ трехъ подгородныхъ наслегахъ Якутскаго округа исчезли и самые классы. Въ той-же

послѣдовательности сокращалось и число безземельныхъ. Въ трудѣ Н. А. Виташевскаго этотъ процессъ характеризуется очень наглядно: ссылаясь на свои собственныя изслѣдованія и на работы Г. Л. Кондакова по тремъ наслегамъ Якутскаго округа, г. Виташевскій даетъ такія цифры: — въ далекомъ отъ города 2 Игидейскомъ наслегѣ Баягантайскаго улуса 1 безземельное хозяйство приходится на 4,7 земельныхъ, а для всего Баягантайскаго улуса 1 безземельное хозяйство на 4,1 земельныхъ; въ болѣе близкомъ Борогонскомъ улусѣ—1 безземельное на 11,2 земельныхъ; и наконецъ, въ подгородныхъ: Орсютскомъ, Хоринскомъ и Багарадскомъ—классы отсутствуютъ и земля дѣлится по ревизскимъ душамъ. Между тѣмъ, въ этихъ-же трехъ наслегахъ въ 1835 году было 92 родовича 1-го класса, 277 родовичей 2-го класса и 284 безземельныхъ. Въ 1-мъ Оспетскомъ наслегѣ Дюпсюнскаго улуса въ 60-хъ годахъ XIX вѣка наибольшій участокъ относился по своимъ размѣрамъ къ наименьшему какъ 21 : 1, а въ 96 году это отношеніе составляло только 16 : 1, и т. п.

«Всѣ эти данныя,—говоритъ Н. А. Виташевскій,—приводятъ къ заключенію, что землепользованіе въ Якутскомъ округѣ демократизируется».

б) Отрывочныя данныя, какія мнѣ удавалось найдти въ мѣстныхъ архивахъ, и устныя сообщенія старожиловъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что олекминскіе якуты въ развитіи своихъ общинныхъ порядковъ въ свое время прошли черезъ всѣ тѣ ступени, которыя указаны въ предыдущемъ очеркѣ, но здѣсь еще до преобразованія общественнаго управленія классы уже давно исчезли и сѣнокосы, какъ и въ Багарадскомъ наслегѣ Якутскаго округа, дѣлились по ревизскимъ душамъ. Переходъ отъ этого порядка къ періодическимъ дѣлежамъ по наличнымъ мужскимъ, какъ это принято въ деревнѣ Амгинской и на большей части русскихъ станцій, являлся уже простымъ и естественнымъ. Точно также совершенно понятно и то, что олекминскіе якуты въ порядкахъ пользованія пашнями опередили олекминскихъ крестьянъ, такъ какъ и въ развитіи земледѣлія они уступаютъ лишь павловцамъ, но стоятъ гораздо выше станочниковъ: въ 1-мъ Нерюхтейскомъ наслегѣ, о которомъ у меня имѣлись свѣдѣнія, средній посѣвъ на 1 дворъ оказался почти въ полтора раза выше, чѣмъ у русскихъ ямщиковъ, и даже бѣдняки засѣвали въ этомъ наслегѣ не менѣе 10—15 пудовъ.

Основываясь на письменныхъ приговорахъ, хранившихся при

родовыхъ управленіяхъ, я могу установить главныя черты новыхъ порядковъ распредѣленія сѣнокосовъ, принятыхъ въ разныхъ инородческихъ обществахъ въ періодъ 91—94 г. О порядкахъ пользованія пашнями въ приговорахъ обыкновенно не упоминалось, и свѣдѣнія объ этомъ получены мною путемъ опроса старостъ.

Разверстывая свои луга по новому числу единицъ, общества, между прочимъ, ввели и ту новизну, что вмѣсто ежегоднаго обмѣна участками, въ цѣляхъ поощренія расчистокъ, установили для владѣнія каждымъ участкомъ тотъ или иной срокъ: 3 года, 5 лѣтъ и даже 9 лѣтъ.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ, наряду съ полными паями, въ небольшомъ числѣ встрѣчаются половинныя «души», — надѣлы вдовъ и сиротъ, которымъ по общеякутскому обычаю для поддержанія ихъ хозяйства удѣляется половинный пай въ сѣнокосахъ, причемъ съ нихъ взимается и половинная доля платежей.

Въ *1-мъ Нерюхтейскомъ обществѣ* три рода передѣлили между собою сѣнокосы по числу новоопредѣлившихся платежныхъ душъ каждаго на 9 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы роды отвели на такой-же срокъ своимъ членамъ особые душевые участки (по увѣренію нерюхтейцевъ у нихъ съ души накашивается всего по 8 возовъ). Если какой-нибудь хозяинъ окажется нерадивымъ и участокъ его долгое время останется не расчищеннымъ, общество постановило производить чистку участка наймомъ, за счетъ владѣльца. По истеченіи 5-ти лѣтъ приговоромъ вмѣнялось въ обязанность родамъ производить повѣрку наличнаго мужского населенія и передѣлять покосы по новому числу душъ, но между родами до истеченія 9-ти лѣтъ передѣлы уже не допускались.

Пашни въ этомъ наслегѣ еще въ 1892 году были подѣлены на неопредѣленный срокъ на 528 душъ (сѣнокосныхъ душъ въ наслегѣ 621), и, по словамъ якутовъ, на душу пришлось всего по $^3/_4$ десятины, но, помимо душевыхъ, въ наслегѣ имѣлось нѣсколько сотъ десятинъ пахотныхъ расчистокъ, отведенныхъ по актамъ въ 40-лѣтнее пользованіе своимъ владѣльцамъ.

Во *2-мъ Нерюхтейскомъ обществѣ* приговоромъ 1893 года передѣлъ совершенъ на 5 лѣтъ между «деревнями»: Черендейской, получившей надѣлъ на 41 душу, Князь-Усовской—на 142 души, Холгинской—на 93 души, и Бясь-Усовской—на 158½ душъ. Остальные общественники, по объясненіямъ якутовъ, пользовались землями какъ пахотными, такъ и сѣнокосными, въ дальнихъ мѣстностяхъ, лежащихъ по Вилюйскому тракту, и каковы формы земле-

пользованія въ этихъ дальнихъ поселеніяхъ, ничего опредѣленнаго узнать я не могъ.

Въ *1-мъ Меитскомъ обществѣ* по раздѣлу 94-го года родамъ отведены мѣста: Бордонскому и Бранскому на 161 душу, Орто и Мёлля—на 243 души, и Онисскому на 149½ душъ. Мѣста по Вилюйскому тракту отведены на 35½ душъ, и по рѣкѣ Чарѣ—на 68 душъ. На случай нерадивости къ расчисткамъ общество оговорило за собой право «съ виновнаго взыскать стоимость имѣемаго получиться съ того мѣста сѣна».

Пахотныя земли въ этомъ наслегѣ еще въ 93 году были подѣлены на 661 душу, причемъ на 1 душу пришлось, по мѣстному опредѣленію, «по 12 пудовъ 13 фунтовъ», т. е. почти по $1^1/_3$ десятины. Пахотныхъ чистокъ въ этомъ наслегѣ считалось не менѣе 500 десятинъ.

Во *2-мъ Меитскомъ обществѣ* какъ пашни, такъ и сѣнокосы въ 93 году раздѣлили на 941 душу, а новое опредѣленіе числа душъ было установлено производить по трехлѣтіямъ. Въ маѣ того-же года общество рѣшило передѣлить и выгонныя земли, но нѣкоторымъ почетнымъ и должностнымъ лицамъ были отведены въ пользованіе особые участки въ 3—4 десятины; такими лицами явились: староста наслега, церковный староста, содержатель междудворной гоньбы, волостные судьи, помощникъ старосты, попечитель кассы, оспенный ученикъ, смотритель хлѣбо-запаснаго магазина, сельскій писарь, перевозчикъ, вдова одного богатаго инородца, ссудившаго когда-то обществу 300 руб. безъ всякихъ процентовъ, и еще два—три человѣка. Въ октябрѣ 93-го года всѣ луга, по осмотру депутатами, были раздѣлены на четыре участка, а въ іюнѣ 94-го года на островѣ Кыллахъ весь выгонъ, кромѣ участковъ, отведенныхъ ранѣе, подѣлили на двѣ половины, такъ, что каждая принадлежитъ пяти «деревнямъ». Такимъ образомъ и тутъ общество, т. е. наслегъ, устанавливало разверсточный принципъ и производило раздѣлъ между родами (деревнями), или группами родовъ, а надѣленіе отдѣльныхъ лицъ возлагалось уже на роды.

Въ *Мальжегарскомъ наслегѣ* всѣ 8 родовъ подравнялись своими покосами по новому числу душъ въ 93 году, на трехлѣтній срокъ. Душевыя пашни въ этомъ зарѣчномъ наслегѣ еще не успѣли образоваться, и всѣ пашни состояли только изъ расчистокъ.

Въ *Кятчинскомъ наслегѣ* покосы передѣляются по трехлѣтіямъ, а пахотныя, выгонныя, и даже усадебныя земли были здѣсь передѣлены еще въ 91 году. Душевыхъ пашенъ и тутъ было все еще меньше, чѣмъ расчистокъ.

Фактъ передѣла во 2-мъ Меитскомъ и въ Кятчинскомъ наслегахъ выгонныхъ и даже усадебныхъ земель объясняется, какъ я думаю, тѣмъ, что площадь выгоновъ въ послѣднія десятилѣтія, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, постоянно сокращалась у олекминскихъ якутовъ, уходя подъ распашку, а многіе хозяева, при разбросанности жилищъ по равнинѣ, навѣрно заключали распаханный ими участокъ выгона въ свою усадебную городьбу, и такимъ образомъ передѣлъ выгоновъ и усадебныхъ мѣстъ близко примыкаетъ къ передѣлу пашенъ и служитъ лишнимъ подтвержденіемъ настоятельной потребности населенія въ пахотной землѣ.

Добавленіе къ главѣ X-ой. Жалобы якутовъ, не успѣвшихъ добиться земельнаго надѣла отъ своихъ обществъ, уже въ восьмидесятыхъ годахъ дошли до Иркутска и 22 іюля 1890 года генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ (предписаніе за № 115) предложилъ мѣстной администраціи разъяснить инородческимъ обществамъ, что «какъ распредѣленіе между инородцами земель, состоящихъ въ пользованіи общества, такъ равно податныхъ и повинностныхъ платежей, зависитъ отъ усмотрѣнія обществъ, которыя должны по большинству голосовъ на полныхъ общественныхъ собраніяхъ распредѣлять участки по домохозяйствамъ, отнюдь не лишая земли никого изъ однообщественниковъ; при этомъ обществамъ надлежитъ производить и раскладку всѣхъ платежей по наличнымъ душамъ». Хотя чинамъ полиціи предлагалось этимъ предписаніемъ наблюдать за примѣненіемъ рекомендуемаго способа во всѣхъ наслегахъ, но въ жизнь эта мѣра не вошла, и нѣсколькими годами позже, при объѣздѣ области, В. Н. Скрипицынъ былъ пораженъ бросившейся ему въ глаза неравномѣрностью распредѣленія земель и многочисленностью въ улусахъ безземельныхъ родовичей. Въ одномъ изъ наслеговъ Вилюйскаго округа, по наблюденіямъ г-на Скрипицына, безземельныхъ было такъ много, что въ ихъ семьяхъ насчитывалось до 1.000 душъ мужск. пола. Вопросъ о наиболѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ борьбы съ такимъ явленіемъ обсуждался областнымъ совѣтомъ 16-го марта

1896 года и журнальное постановленіе совѣта было представлено генералъ-губернатору, который высказалъ по этому поводу: а) «что классной системѣ, возникшей еще въ старину, несомнѣнно на почвѣ экономической, можно противопоставить только цѣлую систему строго продуманныхъ, осторожныхъ и крайне постепенныхъ мѣропріятій, основанныхъ на обстоятельномъ знакомствѣ съ условіями мѣстной экономической жизни и съ особенностями быта и культурнаго уровня мѣстнаго населенія, но никакъ не предположенное якутскимъ областнымъ совѣтомъ приведеніе земель въ извѣстность и закрѣпленіе ихъ опредѣленными нормами въ постоянное пользованіе наслежныхъ или улусныхъ обществъ, и б) что юридически въ настоящее время право пользованія землею должно быть признано въ равной мѣрѣ за всѣми инородцами, входящими въ составъ даннаго наслежнаго или улуснаго общества».

Помимо того пагубнаго вліянія, которое оказывала неравномѣрность землепользованія на экономическій бытъ главной массы населенія, захватъ лучшихъ покосовъ нѣсколькими богачами до крайности осложнялъ, а иногда дѣлалъ невозможнымъ, желательное при извѣстныхъ условіяхъ для тѣхъ или иныхъ родовъ, выдѣленіе ихъ изъ прежнихъ наслеговъ и образованіе новыхъ обществъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ (въ Чекырскомъ наслегѣ Батурусскаго улуса Якутскаго округа), побудилъ генералъ-губернатора предложить мѣстной администраціи выработку проекта уравненія земель въ наслегѣ. Воспользовавшись этимъ частнымъ случаемъ, г. Скрипицынъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ интеллигентныхъ якутовъ, составилъ проектъ общаго «Руководства сельскому сходу при производствѣ уравненія земель и податныхъ платежей», одобренный генералъ-губернаторомъ для передачи на обсужденіе сходовъ въ 1899 году.

Существенныя черты этого проекта сводились къ требованію точной описи всѣхъ угодій наслега и уравнительнаго ихъ распредѣленія по всѣмъ наличнымъ душамъ обоего пола. И то и другое изъ этихъ требованій вызвало бурные протесты со стороны владѣльческихъ элементовъ улуснаго населенія. Тойоны настаивали на томъ, что инородцы не обязаны составлять письменныхъ вѣдомостей своимъ землямъ и что распредѣленіе этихъ земель уставомъ 1822 года предоставлено всецѣло ихъ «обыкновеніямъ». Въ то-же время, съ цѣлью скомпрометировать губернаторскую инструкцію въ глазахъ темной массы, они умышленно истолковывали пунктъ о надѣленіи по числу душъ обоего пола въ такомъ

смыслѣ, какъ будто-бы инструкція предоставляла женамъ право покидать своихъ мужей и основывать независимыя хозяйства. Въ періодъ 1898—1902 г.г. борьба между безземельными и тойонами велась повсюду въ Якутскомъ и Вилюйскомъ округахъ съ большой страстностью. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой борьбѣ имѣются въ статьѣ А. С. Бѣлорусова, въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1903 годъ и въ «Памятной Книжкѣ» за 1902 годъ. Повліяла-ли «Инструкція» В. Н. Скрипицына, окончательно редактированная уже въ 1901 году, на дѣйствительное распредѣленіе земли въ инородческихъ обществахъ, объ этомъ я не имѣю свѣдѣній, но въ нѣкоторыхъ изъ станціонныхъ русскихъ селеній, какъ упоминается въ «Памятной Книжкѣ» за 1902 годъ, инструкція получила одобреніе крестьянъ на сходахъ и повела къ перераспредѣленію земли и фуражной платы по наличнымъ душамъ обоего пола.

Глава XI.

Скотоводство и земледѣліе.

1) Относительное значеніе скотоводства и земледѣлія въ хозяйствѣ крестьянъ разныхъ районовъ. 2) Составъ скота и сорта засѣваемаго хлѣба. 3) Способы ухода за скотомъ и обработки пашенъ. 4) Аренда луговъ и аренда пашенъ. 5) Продажа и покупка сельскихъ продуктовъ. 6) Наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. 7) Скотъ и посѣвы олекминскихъ якутовъ.

1) Въ концѣ XVIII вѣка въ Якутской области существовало только два поселенія, въ которыхъ жители занимались хлѣбопашествомъ: Амгинская слобода Якутскаго округа и деревни Амгинская и Олекминская (фактически составляющія одно цѣлое) въ Олекминскомъ округѣ. Амгинская слобода въ 80-хъ годахъ XVIII в. состояла изъ двухъ поселковъ, въ которыхъ лейтенантъ Сарычевъ насчиталъ 35 крестьянскихъ дворовъ [1]). Слобожане по его наблюденіямъ къ тому времени (черезъ 50 лѣтъ послѣ осно-

[1]) *Сарычевъ*. Путешествіе на сѣверо-востокъ Сибири.

ванія слободы) совершенно объякутились, но они сѣяли яровой хлѣбъ и получали хорошіе урожаи. Въ 1845 году, при общей сенаторской ревизіи Сибири, Амгу посѣтилъ сенаторскій чиновникъ кн. Голицынъ; по свѣдѣніямъ, доставленнымъ имъ сенатору, за девять лѣтъ: 35—43 г.г., у крестьянъ былъ одинъ полный неурожай, 3 посредственныхъ и 5 отличныхъ, такъ, что въ общемъ на 1 посѣянный пудъ крестьяне получили 4 пуда. Однако, въ 45—48 годахъ наступилъ періодъ сплошныхъ неурожаевъ и амгинцы обратились къ мѣстной администраціи съ просьбой о поддержкѣ путемъ сдачи имъ гоньбы по удскому тракту и провоза казенной клади въ Удскій край, на 100 лошадей ежегодно. Администрація отказала въ этой просьбѣ, сославшись на то, что, по заключенію сенатора: «крестьяне благоденствовали только во время бытности въ Амгѣ коммиссара, извлекая значительныя выгоды отъ продажи на базарѣ въ Якутскѣ хлѣба, между тѣмъ, какъ нынѣ хозяйство ихъ пришло въ упадокъ и они, бывъ лишены надзора, сдѣлались безпечными къ хлѣбопашеству и предались пьянству» [1]). Изъ этого отзыва очевидно, что половина 40-хъ годовъ XIX вѣка уже составляла въ жизни слободы эпоху упадка. Чѣмъ онъ былъ вызванъ, по отсутствію данныхъ, сказать трудно; но, извлекая изъ волостного архива свѣдѣнія о прежнихъ посѣвахъ, можно убѣдиться въ томъ, что «безпечность» не помѣшала крестьянамъ въ первые три года неурожайнаго періода поддерживать свои посѣвы на высотѣ около 16 пудовъ на одинъ дворъ, и только въ 48 году, вѣроятно—съ истощеніемъ прежняго запаса,—посѣвъ кростьянъ понизился до 5 пудовъ на 1 дворъ. Количество скота въ концѣ тяжелаго четырехлѣтія оставалось, однако, у амгинцевъ по россійскимъ понятіямъ не малымъ: на 1 наличную душу населенія обоего пола, по свѣдѣніямъ того же 46 года, приходилось по 1,2 рогатаго и по 0,4 коннаго скота.

Въ продолженіе слѣдующаго десятилѣтія посѣвы успѣвшихъ оправиться амгинцевъ, съ легкими колебаніями, продолжали возрастать: въ 1851 году они составляли 205 четвертей, а въ 1860 г. поднялись до 340 четвертей [2]). Въ первые четыре года этого періода урожаи стояли на высотѣ самъ 8—самъ $9^1/_2$; въ 54 г.—

---

[1]) Арх. Амгинской Міровой Избы 1849 г. Д. № 7.

[2]) Свѣдѣнія о посѣвахъ и о количествѣ скота въ періодъ 1851—73 г.г. заимствуются мною изъ неоднократно упоминавшейся рукописи бывшаго члена Якутскаго Статистическаго Комитета (областного прокурора) Д. Павлинова. Докладъ Якутскаго Статистическаго Комитета 72 г.

самъ 3; въ 55—58 г.г.—самъ $4^1/_2$—самъ $7^1/_2$; въ 59 г.—самъ $1^1/_2$, и въ 60 году—самъ 2. Затѣмъ послѣдовало 3 года полныхъ неурожаевъ, и въ 1864 году мы видимъ посѣвъ втрое меньшій, чѣмъ въ 60 году—всего 111 четвертей. Однако, вслѣдъ за какимъ-то огромнымъ урожаемъ 67-го года (указанъ урожай самъ 50: посѣяно 185 четвертей а снято 9.270 ч.), посѣвъ 68-го года составлялъ уже 329 четв., т. е. почти поравнялся съ посѣвомъ 60 года. Но тутъ опять начался періодъ неурожаевъ: въ 68 г.—самъ 1, въ 70 г.—самъ 3, въ 71 г.—0, въ и въ 73 г.г.—самъ 2, и посѣвъ опять сократился до 123 четв. Количество скота въ концѣ этого періода оказывается почти такимъ же, какимъ оно было 25 годами раньше: рогатаго по 1,1 на наличную душу, и коннаго по 0,6.

Въ продолженіе слѣдующихъ девяти лѣтъ, о которыхъ у меня не имѣется свѣдѣній, положеніе крестьянъ нѣсколько улучшилось, и посѣвъ ихъ въ 83 году, хотя и далеко отсталъ отъ посѣва 60 года, все-таки составлялъ 1.768 пудовъ. Урожай этого года далъ самъ 7,4 [1]), и посѣвъ 84 года возросъ до 2.444 пудовъ. Но тутъ, въ третій разъ за сорокалѣтній періодъ, наступило четырехлѣтіе сплошныхъ недородовъ, когда урожай выражался цифрами: самъ 1,8, самъ 1,4, полный 0, и самъ 1, и въ 88 году мы видимъ у крестьянъ совершенно ничтожный посѣвъ—393 пуда. Послѣ этого урожаи колеблются въ продолженіе шести лѣтъ, давая самъ 4,3, самъ 8,3, самъ 5, самъ 7,1, самъ 2 и самъ 1,3; въ той же мѣрѣ колеблются въ это время и посѣвы крестьянъ, возрастая съ 393 пудовъ 88 года до 1.840 пудовъ 93 года. Вслѣдъ за неурожаемъ этого года посѣвъ рѣзко понизился и въ 1894 году, по нашей переписи, составилъ только 1.179 пудовъ или 11 п. 32 фунта на 1 дворъ, причемъ получился урожай самъ 4. Но количество скота и по нашей переписи, производившейся въ мартѣ 95 года, дало цифры, поразительно совпадающія съ прежними: по разсчету на одну наличную душу обоего пола у крестьянъ оказалось: рогатаго скота по 1,5, и коннаго по 0,6.

Этотъ обзоръ за цѣлую половину вѣка указываетъ на чрезвычайную устойчивость крестьянскаго скотоводства по сравненію съ земледѣліемъ амгинцевъ, колебавшимся въ прямой зависимости отъ урожайности предыдущаго періода между посѣвомъ въ 340 четвертей и посѣвомъ въ 393 пуда. Абсолютное количе-

---

[1]) Архивъ Якутск. Обл. Пр. По описи 1895 г. Д. № 24.

ство скота за это время возрастало съ увеличеніемъ населенія и падало по мѣрѣ его убыли, но относительная обезпеченность скотомъ наличныхъ хозяйствъ въ концѣ каждаго неблагопріятнаго періода оставалась почти одинаковой. Легкое превышеніе нашей цифры 95 года сравнительно съ прежними едва ли можетъ свидѣтельствовать о ростѣ крестьянскихъ стадъ,—скорѣе эту разницу слѣдуетъ приписать большей тщательности нашей регистраціи, такъ какъ и въ другихъ обществахъ цифры нашей переписи вообще оказывались выше волостныхъ. Такимъ образомъ количество скота, обнаруженное нашей переписью 95 года, можно признать типическимъ для Амгинской слободы и мало измѣнчивымъ.

Получившаяся у насъ цифра обезпеченности амгинскаго населенія рогатымъ скотомъ—1,5 на наличную душу,—вдвое ниже соотвѣтственной цифры въ хозяйствѣ якутовъ изъ чисто скотоводческихъ мѣстностей края. По переписи, производившейся по иниціативѣ якутскаго статистическаго комитета въ 1892 году во 2 Игидейскомъ наслегѣ Баягантайскаго улуса, тамъ на одну душу населенія приходилось по 2,7 рогатаго скота, а по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ Н. А. Виташевскимъ изъ наслежныхъ вѣдомостей въ двухъ наслегахъ Дюпсюнскаго улуса въ 1894 г., тамъ оказывалось на одну душу 2,8 рогатаго скота въ одномъ наслегѣ, и 3,4—въ другомъ [1]). При ничтожной продуктивносги якутской коровы, какъ согласны въ этомъ всѣ изслѣдователи, скотоводство въ существующихъ размѣрахъ далеко не обезпечиваетъ жизненныхъ потребностей инородческаго населенія. Питаніе якута средняго достатка въ концѣ всякой зимы соотвѣтствуетъ по качеству питанію россійскаго крестьянина въ пору острой голодовки. Владѣя вдвое меньшимъ количествомъ рогатаго скота и уплачивая вдвое больше казенныхъ сборовъ, амгинецъ, очевидно, еще менѣе могъ бы поддерживать свое существованіе однимъ скотоводствомъ и оно, при невѣрности результатовъ посѣва, является для него лишь необходимой опорой хозяйства и единственнымъ спасеніемъ отъ гибели въ эпохи неурожая. Такія эпохи, какъ мы видѣли, чередуются довольно правильно, захватывая одно четырехлѣтіе въ продолженіе каждыхъ двѣнадцати-пятнадцати лѣтъ. Прежнихъ

---

[1]) Послѣднія двѣ цифры извлекаются мною изъ реферата, прочитаннаго Н. А. Виташевскимъ на собраніи участниковъ сибиряковской экспедиціи въ январѣ 1895 года.

запасовъ на такой долгій періодъ голоданія у крестьянъ не хватаетъ; посторонніе заработки въ Амгѣ ничтожны, а между тѣмъ, травы въ многоводномъ и болотистомъ краѣ не въ такой мѣрѣ страдаютъ отъ лѣтнихъ засухъ и морозовъ, какъ хлѣба, и въ плохой годъ приходится сокращать размѣръ стадъ и ухудшать ихъ обычное питаніе, но все-таки хоть что нибудь на ихъ прокормъ всегда найдется, тогда какъ хлѣбъ иногда гибнетъ, не возвращая даже сѣмянъ. При такихъ условіяхъ смѣшанный типъ хозяйства—скотоводческо-земледѣльческій является для Якутскаго края вполнѣ раціональнымъ, и къ такому типу постепенно переходятъ всѣ крестьянскія хозяйства области отъ прежняго—чисто скотоводческаго, образуя довольно правильную лѣстницу, въ которой Амгинская слобода занимаетъ послѣднее мѣсто по размѣрамъ посѣвовъ и второе мѣсто по количеству рогатаго скота. Такъ какъ крестьяне-станочники имѣютъ постоянное подспорье въ почтовой платѣ, а жители двухъ подгородныхъ деревень Олекминскаго округа въ трудную пору находятъ болѣе разнообразный и доступный для нихъ заработокъ въ г. Олекминскѣ и въ скопческомъ селеніи, то колебанія урожая отзываются на ихнемъ хозяйствѣ не такъ пагубно, какъ въ Амгѣ. Хотя земледѣліе у приленскихъ крестьянъ Якутской области начало понемногу развиваться только съ сороковыхъ годовъ XIX вѣка, когда амгинцы засѣвали по 16 пудовъ на 1 дворъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ средній посѣвъ станочниковъ Якутскаго округа составлялъ уже 19,43 п. въ 1-мъ участкѣ и 19,11 во 2-мъ участкѣ, тогда какъ у амгинцевъ онъ понизился на 25% противъ посѣва 45-го года. Наряду съ болѣе высокими посѣвами, и количество рогатаго скота у крестьянъ 1-го участка оказалось выше, чѣмъ въ Амгѣ, а во 2 участкѣ оно почти одинаково съ амгинскимъ: въ среднемъ на 1 дворъ крупнаго рогатаго скота: въ 1 участкѣ—6,6, во 2 участкѣ—4,8, и въ Амгѣ—4,55, а всего вообще рогатаго скота на наличную душу: въ 1 участкѣ—1,8, во 2 участкѣ—1,3, и въ Амгѣ 1,5. Даже въ самомъ земледѣльческомъ изъ крестьянскихъ селеній—въ Павловскомъ,—гдѣ средній посѣвъ почти впятеро выше амгинскаго, крупнаго рогатаго скота приходится на 1 дворъ по 4,0 головы, а всего рогатаго на 1 душу по 0,98. Такимъ образомъ изъ сопоставленія цифръ нельзя заключить, чтобы земледѣліе у крестьянъ Якутскаго округа непремѣнно вытѣсняло собою скотоводство; но въ то время, какъ дальнѣйшее увеличеніе стадъ встрѣчаетъ препятствіе въ отсутствіи свободныхъ луговъ, мѣста для пахотныхъ

расчистокъ еще остаются, и потому въ настоящее время изслѣдованіе почти навѣрно обнаружило бы у крестьянъ Якутскаго округа болѣе высокіе посѣвы, чѣмъ тѣ, какіе я отмѣтилъ въ 94 году, тогда какъ количество крестьянскаго скота за эти годы едва ли могло повыситься.

Въ Олекминскомъ округѣ земледѣліе возникло въ концѣ XVIII вѣка, но въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія оно не привлекало станочниковъ и существовало только въ двухъ центральныхъ деревняхъ, основанныхъ именно съ цѣлью введенія въ краѣ хлѣбопашества. Въ 1794 году комиссаръ Измайловъ на запросъ высшаго начальства увѣдомилъ, что въ другихъ селеніяхъ округа хлѣбопашества нѣтъ, а о посѣвѣ хлѣбовъ въ деревняхъ Амгинской и Олекминской онъ представилъ вѣдомость, въ которой указаны посѣвы ржи, пшеницы, овса и ячменя въ количествѣ 144 четвертей, что по числу «пахотныхъ душъ»—72, должно было составить приблизительно по 16 пудовъ посѣва на работника [1]). Свѣдѣній о колебаніяхъ въ высотѣ амгинско-олекминскихъ посѣвовъ въ позднѣйшее время въ моихъ рукахъ не было, и потому отъ указанной даты я долженъ перескочить черезъ цѣлое столѣтіе, прямо къ 1894 году и къ даннымъ нашей переписи. Эти данныя обнаруживаютъ, что посѣвы крестьянъ двухъ деревень за цѣлый вѣкъ увеличились только вдвое и въ 1894 году составляли 33,2 пуда на 1 дворъ и 33,8 п. на одного работника (т. е. мужчину 18—60 лѣтъ). Крупнаго рог. скота въ этихъ селеніяхъ оказалось по 3,9 на 1 дворъ, и всего рогатаго скота на 1 душу по 1,4. И скотоводство и земледѣліе, судя по этимъ цифрамъ, развиты здѣсь болѣе, чѣмъ на среднихъ и верхнихъ станціяхъ округа, а нижнія станціи, далеко уступая центральнымъ деревнямъ по размѣру посѣвовъ, приблизительно одинаковы съ ними по количеству скота.

По сравненію со станочниками Якут. округа олекминскіе ямщики повсюду засѣвали процентовъ на 20 больше разнаго рода хлѣба, а количество рогатаго скота у нихъ медленно, но весьма правильно понижается съ удаленіемъ отъ границъ Якутскаго округа къ границамъ Иркутской губерніи.

---

[1]) Арх. Ол. Окр. Полиц. Упр. Д. 1794 г. Черезчуръ правильное отношеніе: 72 работника—144 ч. посѣва, — наводитъ на сомнѣнія въ правдивости вѣдомости, но возможно, что тогдашнее начальство принуждало крестьянъ къ посѣвамъ опредѣленнаго размѣра;—это было совершенно въ духѣ того времени. Объ Амгинской слободѣ положительно извѣстно, что съ 1800 г. тамъ былъ водворенъ особый комиссаръ именно для принужденія слобожанъ къ хлѣбопашеству.

Послѣдовательность цифръ при этомъ такова:

	Средній посѣвъ на 1 дворъ.	Крупн. рог. скота на 1 дворъ.	Всего рог. скота на 1 душу.
9 нижнихъ станцій. . . .	23,5 пуда.	4,2	1,01
7 среднихъ » . . .	22,3 »	3,8	1,00
7 верхнихъ » . . .	23,3 »	3,3	0,94

Мы видѣли выше, что именно верхнія станціи всего богаче лугами, и потому сравнительно малое количество скота именно на нихъ объясняется особой причиной: замороженныя туши легко выдерживаютъ зимнюю перевозку на самыя дальнія разстоянія и огромныя количества битаго скота доставляются на пріиски якутами Вилюйскаго и Якутскаго округовъ; сѣно, какъ предметъ громоздкій и подвергающійся утрускѣ, труднѣе перевозить на очень далекія разстоянія, и крестьяне Нохтуйскаго участка, какъ ближайшаго къ пріискамъ, очевидно, предпочитаютъ сбытъ сѣна сбыту мяса и молочныхъ продуктовъ. Благодаря сравнительной доступности постороннихъ заработковъ, крестьяне верхнихъ станцій даютъ очень высокій процентъ лицъ, совсѣмъ не имѣющихъ скота, и исключительно высокій процентъ лицъ, не дѣлающихъ никакихъ посѣвовъ.

Сравнивая процентъ лицъ, не сѣющихъ и не имѣющихъ рогатаго скота, мы найдемъ, что безскотность всюду составляетъ явленіе болѣе частое, чѣмъ безпосѣвность. Единственное исключеніе составляетъ тотъ-же Нохтуйскій участокъ, въ которомъ безскотныхъ 11,3% и безпосѣвныхъ—17,0%. Въ двухъ центральныхъ деревняхъ безскотныхъ всего больше — 12,0%, а не сѣявшихъ только 4,9%. На среднемъ участкѣ безскотныхъ 8,7%, а сѣяли всѣ крестьяне безъ исключенія. Отсюда можно заключить, что въ центральной и юго-западной части Олекминскаго окр. въ концѣ XIX вѣка земледѣліе было для крестьянъ уже важнѣе скотоводства.

Нижнія станціи Олекминскаго округа въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, обнаруживаютъ большее сходство съ двумя участками Якутскаго округа, чѣмъ съ другими районами Олекминскаго края: процентъ безскотныхъ во всѣхъ этихъ участкахъ очень малъ: 3,3% въ участкѣ нижн. станцій, 3,4% въ пригородномъ участкѣ Якутскаго округа, и только 1,8% во 2 участкѣ. Однако и цроцентъ не сѣявшихъ на нижнихъ станціяхъ Олекминскаго округа и во 2 участкѣ Якут. окр. еще ничтожный: 1,7% и

0,6%, и только въ подгородномъ участкѣ Якут. окр. онъ нѣсколько выше — 4,0%. Въ Амгинской слободѣ, какъ самомъ бѣдномъ изъ русскихъ селеній, безскотныхъ всего больше — 14,0%, а не сѣявшихъ—5,0%.

Въ 1 участкѣ Якут. округа наиболѣе многочисленную группу составляютъ хозяйства, имѣющія отъ 5 до 10 штукъ рогатаго скота; такихъ тамъ оказалось 47,9% всѣхъ хозяйствъ; во всѣхъ остальныхъ участкахъ наиболѣе многочисленную группу составляютъ хозяйства малоскотныя, имѣющія не болѣе 4 штукъ, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенно высокъ этотъ процентъ въ Олекм. окр., гдѣ онъ колеблется по районамъ отъ 60,1% въ центральныхъ деревняхъ до 67,7% на среднемъ участкѣ. Въ Якут. округѣ эта группа хозяйствъ составляетъ отъ 34,1% до 51,2%. Болѣе 20 головъ рог. скота имѣютъ лишь очень немногіе изъ крестьянъ: въ Амгѣ, во 2 участкѣ Якут. окр., и въ Нохтуйскомъ участкѣ ихъ вовсе не оказалось, а въ другихъ районахъ они составляютъ отъ 1,0% до 2,9%. Такимъ образомъ, распредѣленіе скота по хозяйствамъ можно признать довольно равномѣрнымъ, а то количество рогатаго скота, которымъ владѣетъ большинство крестьянскихъ хозяйствъ, безусловно недостаточнымъ для обезпеченія продовольственныхъ нуждъ крестьянскаго населенія одними молочными продуктами.

Переходя къ распредѣленію хозяйствъ по размѣру ихъ посѣвовъ, мы увидимъ, что только въ Амгинской слободѣ болѣе половины всѣхъ хозяевъ—54,0% — засѣвали не свыше 10 пудовъ. На приленскихъ станціяхъ такой посѣвъ производили олекминскіе крестьяне въ концѣ сороковыхъ годовъ; по сообщеніямъ тогдашняго полицейскаго начальства (изъ дѣлъ 1851-го года), всѣ крестьяне и якуты «засѣвали поголовно отъ 4 — 5 до 10 пудовъ, а нѣкоторые, и то въ маломъ числѣ, до 50 пудовъ». По нашей переписи наиболѣе многочисленную группу среди станціонныхъ крестьянъ составляли хозяева, сѣявшіе отъ 11 — 20 пудовъ; процентъ ихъ колеблется отъ 28,4% въ Нохтуйскомъ участкѣ до 42,7% въ 1 участкѣ Якут. окр. Въ двухъ центр. деревняхъ Олекм. окр. наиболѣе многочисленна группа сѣявшихъ 21 — 30 пудовъ—25,7%, а въ Павловскомъ группа сѣявшихъ 31—50 пудовъ—34,8%. Болѣе 50 пудовъ сѣяло 15,8% всѣхъ хозяевъ въ двухъ центр. деревняхъ Олекм. окр. и 40,3% въ Павловскомъ. Въ Амгѣ большой посѣвъ (свыше 100 пудовъ) имѣлъ только одинъ хозяинъ, да и то не коренной амгинецъ, а причислившійся съ согласія общества торгую-

щій ссыльно-поселенецъ, коренные-же амгинцы сѣяли всѣ менѣе 50 пудовъ. На двухъ участкахъ Якут. округа сѣявшихъ болѣе 50 пудовъ было 2,1% и 0,6%, а на приленскихъ участкахъ Олекмин. округа 3,4%, 3,1% и 2,3%. Отсюда можно видѣть, что огромное большинство крестьянъ сѣютъ хлѣбъ не на продажу, а исключительно для собственнаго потребленія, такъ какъ при среднемъ урожаѣ въ самъ 4 крестьянинъ, посѣявшій 20 пудовъ, получитъ лишь 80 пудовъ, откуда, за вычетомъ сѣмянъ, у него останется для нуждъ его семьи лишь 60 пудовъ, т. е. менѣе 12 пудовъ на душу.

Для удобства обозрѣнія всѣ, получившіяся при разработкѣ данныхъ нашей переписи, относительныя числа можно сгруппировать въ двухъ небольшихъ табличкахъ, которыя пригодятся будущимъ изслѣдователямъ для сравненія съ ихъ собственными цифрами и дадутъ основаніе къ выводу заключеній о характерѣ дальнѣйшей эволюціи хозяйственнаго быта якутскихъ крестьянъ.

Скотоводство крестьянъ.

	Въ среднемъ на 1 душу об. п. всякаго вообще скота.	Въ среднемъ на 1 дворъ крупнаго рогатаго скота.	Въ среднемъ на 1 душу всего рогатаго скота.	Въ среднемъ на 1 дворъ крупнаго коннаго скота.	% хозяйствъ, имѣющихъ отъ .... до.... головъ.									
					Рогатаго.					Коннаго.				
					0	1—4	5—10	11—20	20....	0	1—4	5—10	11—20	20...
Амгинская слобода.	1,98	4,55	1,5	2,57	14,0	43,0	33,0	10,0	0	20,0	60,0	17,0	3,0	0
1-й уч. Якутск. окр.	2,56	6,6	1,8	3,5	3,4	34,1	47,9	12,1	2,9	6,9	79,7	7,5	4,6	1,7
2-й уч. Якутск. окр.	1,75	4,8	1,3	2,5	1,8	51,2	41,6	5,3	0	4,7	83,9	10,6	0,5	0
9 нижн. ст. Ол. окр..	1,79	4,2	1,1	3,8	3,3	63,8	28,4	3,3	0,8	5,1	73,3	18,1	2,6	0,8
7 средн. ст. Ол. окр.	1,94	3,8	1,0	3,5	8,7	67,7	20,8	2,1	1,0	4,3	67,6	26,0	2,1	1,0
7 верхн. ст. Ол. окр.	2,01	3,3	0,94	5,5	11,3	62,5	25,0	1,1	0	2,3	55,7	30,7	9,0	2,3
Центр. дер. Ол. окр.	2,07	3,9	1,4	2,9	12,0	60,1	24,0	2,6	1,0	10,9	68,8	16,9	3,3	0
Павловское. . .	1,71	4,0	0,98	4,1	4,4	65,2	17,7	8,7	4,4	0	69,5	17,7	13,0	0

Крестьянскіе посѣвы.

	Средній посѣвъ на 1 дворъ.	% хозяйствъ, сѣющихъ отъ.. до.. пудовъ.						
		0	до 10 п.	11—20 п.	21—30 п.	31—50 п.	51—100 п.	100 п. ....
Амгинск. слобода. . . .	11,77 п.	5,0	54,0	31,0	8,0	1,0	0	1,0
1-й уч. Як. окр.	19,43 »	4,0	17,3	42,7	17,3	16,7	1,1	1,1
2-й уч. Як. окр.	19,11 »	0,6	17,9	41,6	24,2	13,6	0,6	0
9 нижн. ст. Ол. окр. . .	23, 5 »	1,7	18,1	35,3	21,5	18,9	2,6	0,8
7 средн. ст. Ол. окр. . .	22, 3 »	0	21,9	36,5	22,9	15,6	1,0	2,1
7 верхн. ст. Ол. окр.. .	23, 3 »	17,0	18,2	28,1	15,9	18,2	2,3	0
Центр. дер. Ол. окр. . .	33, 2 »	4,9	7,5	22,9	25,7	23,5	12,0	3,8
Павловское.	57, 2 »	0	0	13,0	21,7	34,8	17,3	13,0

Если посѣвы станочниковъ Якут. округа выше амгинскихъ, то это явленіе объясняется всецѣло экономическими причинами, т. е. большей обезпеченностью станціонныхъ крестьянъ. Климатическія условія ленскаго побережья въ предѣлахъ Якут. округа можно назвать благопріятными для земледѣлія только по сравненію этой полосы съ нагорной тайгой, въ которой вымерзаніе хлѣба отъ лѣтнихъ инеевъ случается гораздо чаще. В. І. Іохельсонъ въ своей работѣ «Къ вопросу о развитіи земледѣлія въ Якутской области» [1]) приводитъ данныя объ урожаяхъ съ 1837-го по 1892 г.; данныя эти извлечены авторомъ изъ архива Западно-Кангаласской инородной управы, то-есть относятся къ той-же самой мѣстности, въ которой расположены и крестьянскія селенія. О девятнадцати годахъ, преимущественно изъ десятилѣтій 40-хъ и 50-хъ годовъ, свѣдѣній не оказалось, но съ 60-го года пробѣлъ составляютъ только годы 61-й и 62-й, а начиная съ 63-го года данныя г. Іохельсона образуютъ непрерывный рядъ. Въ этомъ ряду я нахожу три періода неурожаевъ: начало 60-хъ годовъ по 64-й г. съ урожаемъ 0—самъ 2; годы 79-й 82-й съ урожаемъ: самъ 1, самъ 3,5, самъ 1, и самъ 1,2; и годы 84-й 87-й съ урожаями: самъ 2,5, въ 84 году, и затѣмъ подрядъ три года по нулю. Самый высокій урожай за все время отмѣченъ въ 88 году—самъ 7,5. За всѣ 35 лѣтъ, о ко-

[1]) «Пам. Кн. Якут. обл.» на 1896 г.

торыхъ имъ собраны свѣдѣнія, г. Іохельсонъ насчитываетъ 19 неурожайныхъ (8 не возвратили сѣмянъ), 10 среднихъ (съ урожаемъ въ самъ 3—5), и только 6 лѣтъ—выше самъ 5-ти. Показанія эти таковы, что очевидно—въ долинѣ Лены, какъ и въ Амгѣ, земледѣліе, по своей рискованности, не можетъ являться для заурядnаго пахаря единственной основой существованія и необходимо должно совмѣщаться въ его хозяйствѣ съ другими промыслами.

Въ центральной и юго-западной части Олекминскаго края климатъ мягче, чѣмъ подъ Якутскомъ. По даннымъ, которыя приводятся въ упоминавшейся раньше статьѣ М. И. Сосновскаго, средняя температура различныхъ періодовъ года въ Якутскѣ и въ Олекминскѣ выражается такими цифрами (по Реомюру):

	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.	Средняя годовая.
Якутскъ.	—7,49	+11,96	—8,74	—30,52	—8,07
Олекминскъ. . . .	—5,52	+13,12	—5,34	—26,00	—5,94

Рѣка Лена бываетъ свободна отъ льда въ Якутскѣ 152 дня въ году, а въ Олекминскѣ 171 день.

Въ зависимости отъ меньшей суровости климата, полные неурожаи въ Олекминскомъ краѣ, повидимому, составляютъ явленіе менѣе частое, чѣмъ подъ Якутскомъ. Извлекая изъ «Обзоровъ» стат. комитета свѣдѣнія о посѣвахъ и о сборѣ хлѣбовъ олекминскихъ инородцевъ за 1881—1893-й годы (съ опущеніемъ 1884 года, о которомъ данныхъ не приведено), я нахожу за двѣнадцатилѣтній періодъ лишь одинъ годъ полнаго неурожая—1886-й,—когда не вернулось и сѣмянъ. Въ 81 г. и въ 87 годахъ урожай ячменя составлялъ самъ 3,6; въ 81 — самъ 4,3; во всѣ остальные годы—отъ самъ 5 до самъ 8,7. Урожаи овса по этимъ даннымъ обыкновенно слегка отставали отъ урожаевъ ячменя, а урожаи пшеницы тоже были нѣсколько ниже, но въ 89 году пшеница дала самъ 17. Въ виду такого различія между обоими округами, болѣе высокій размѣръ посѣвовъ олекминскихъ крестьянъ слѣдуетъ приписать не столько экономическимъ, сколько именно естественнымъ факторамъ и обусловленной ими меньшей рискованности земледѣлія въ этой части области.

II) Сравнивая крестьянскія хозяйства обоихъ округовъ по составу принадлежащаго крестьянамъ скота и по роду засѣваемыхъ хлѣбовъ, приходится, наоборотъ, отнести замѣчаемыя различія главнымъ образомъ къ вліянію экономическихъ условій, и особенно — къ вліянію пріисковъ. Въ связи съ развитіемъ извоз-

наго промысла, число лошадей у олекминскихъ крестьянъ выше, чѣмъ у якутскихъ, а въ Нохтуйскомъ участкѣ оно болѣе, чѣмъ вдвое больше, чѣмъ на 2 участкѣ Якутскаго округа.

На 100 штукъ всякаго вообще скота приходится

	Рогатаго.	Коннаго.
Амгинск. слобода	67,6	32,4
1-й уч. Якут. окр.	71,4	28,2
2-й » » »	74,4	25,6
Центр. дер. Олекм. окр.	66,3	33,7
9 нижн. ст. » »	62,0	38,0
7 средн. » » »	53,5	46,5
7 верхн. » » »	46,5	53,5
Павловское	57,7	42,3

Въ рогатомъ скотѣ крупный (свыше двухъ травъ) всюду составляетъ отъ 61,0% до 67,7%, и только на среднихъ станціяхъ Олекм. округа этотъ процентъ повышается до 71,5%. Въ конномъ скотѣ крупный почти повсюду составляетъ 90,0—95,4%; только во 2 участкѣ Якутскаго округа это отношеніе понижается до 85,0 и на среднихъ станціяхъ Ол. округа до 76,8%. Ремонтъ коннаго скота у крестьянъ производится главнымъ образомъ путемъ покупки лошадей изъ Вилюйскаго округа.

На сортахъ засѣваемаго хлѣба разница въ климатическихъ условіяхъ обоихъ округовъ почти не отражается: повсюду у крестьянъ больше половины посѣва приходится на ярицу, которая составляетъ отъ 52,8% на нижнихъ станціяхъ Олекм. округа до 74,3% всего посѣва въ 1-мъ участкѣ Якутскаго округа; только въ центральныхъ деревняхъ Олекм. округа на долю ярицы приходится лишь 41,5% всего посѣва. Слѣдующее за этимъ мѣсто занимаетъ ячмень, лишь въ Павловскомъ составляющій 12,6%, и на верхнихъ станціяхъ 18,4%, а во всѣхъ остальныхъ районахъ отъ 21,6% до 36,9%. Пшеница на станціонныхъ селеніяхъ занимала по размѣрамъ посѣва очень скромное мѣсто: на ея долю приходится отъ 2,6% до 7,4% всего посѣва, но въ не ямщицкихъ селеніяхъ обоихъ округовъ крестьяне удѣляютъ ей больше вниманія: въ Амгинской слободѣ пшеница составляетъ 12,5%, въ Павловскомъ 10,4% и въ центральныхъ деревняхъ Олекм. округа—10,3% всего посѣва.

Въ связи съ различіемъ въ количествѣ лошадей и съ разницей въ кормовыхъ нормахъ рабочей лошади, очень рѣзкая разница существуетъ между обоими округами въ посѣвахъ овса: въ

Бычекъ якутской породы.
(Амгинская слобода).

Лошадь якутской породы.

Якутскомъ округѣ крестьяне его почти не сѣютъ; только у павловцевъ, занимающихся между прочимъ зимнимъ извозомъ, овесъ составляетъ 8,1% ихъ посѣва; въ Олекминскомъ же округѣ посѣвъ овса правильно увеличивается съ сѣверо-востока къ юго-западу, возрастая съ 6,2% на нижнихъ станціяхъ до 23,1% въ Нохтуйскомъ участкѣ.

Озимая рожь засѣвается въ ничтожныхъ количествахъ очень немногими изъ крестьянъ въ Амгинской слободѣ, гдѣ она составляетъ 1,7% всего посѣва, и на нижнихъ станціяхъ Олекминскаго округа—0,5%.

Посѣвы олекминскихъ якутовъ чрезвычайно рѣзко отличаются отъ крестьянскихъ совершеннымъ отсутствіемъ ярицы и огромнымъ преобладаніемъ надъ всѣми другими хлѣбами ячменя, составляющаго у нихъ 86,9% всего посѣва.

Общія свѣдѣнія о крестьянскихъ посѣвахъ всего короче могутъ быть выражены въ такой табличкѣ:

	Весь посѣвъ. 1894 года.	% во всемъ посѣянномъ.					
		Рожь.	Ярица.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	
Амгинск. слобода. . . .	1.179 пуд.	1,7	56,0	12,5	29,9	0	По переписи 1894 года.
1-й уч. Як. окр.	3.441 »	0	74,3	3,2	21,6	0,9	
2-й уч. Як. окр.	3.258 »	0	59,0	5,1	34,9	1,0	
Павловское.	1.316 »	0	68,4	10,4	12,6	8,1	
Нижн. ст. Ол. окр. . . .	2.694 »	0,5	52,8	7,4	33,1	6,2	
Средн. ст. Ол. окр.. . .	2.205 »	0	53,8	3,6	32,1	10,5	
Верхн. ст. Ол. окр.. . .	1.665 »	0	55,9	2,6	18,4	23,1	
Центр. д. д. Ол. окр.. .	6.082 »	0	41,5	10,3	36,9	11,3	
Инородцы Ол. окр.. . .	4.266 четв. 2ч.	0	0	3,6	86,9	9,5	По «Обзору» Ст. К. за 1893 г.

За сто лѣтъ существованія земледѣлія въ центральныхъ деревняхъ Олекминскаго округа, судя по упоминавшейся вѣдомости комиссара Измайлова отъ 1794 года, родъ крестьянскихъ посѣвовъ измѣнился только въ томъ, что исчезли посѣвы ржи, составлявшей тогда 24,2%; посѣвъ ярицы былъ почти вдвое меньше теперешняго—28,7%; пшеницы—2,1%; ячмень занималъ почти такое-же мѣсто какъ и теперь—37,9%; а овесъ—6,9%.

Съ 1859-го года, какъ говоритъ Павлиновъ, начали разводить картофель въ Амгинской слободѣ. Можно думать, что и въ другихъ селеніяхъ знакомство съ картофелемъ возникло не раньше этого времени. Черезъ 35 лѣтъ картофель сажали уже повсюду, и въ 1894 году, по даннымъ переписи, въ среднемъ на 1 дворъ засаживалось: въ 1 участкѣ Якутскаго округа, на нижнихъ станціяхъ и въ центральныхъ деревняхъ Олекминскаго округа отъ 6 п. до 6 п. 30 фунтовъ, на среднихъ станціяхъ по 8 п. 7 ф., на верхнихъ—по 14 п. 10 ф. и въ Павловскомъ по 14 пудовъ. Только на 2 участкѣ Якутскаго округа посѣвъ картофеля составлялъ всего по 3 п. 28 ф. на 1 дворъ. Въ Павловскомъ селеніи картофель сбывался на продажу въ г. Якутскъ, изъ Нохтуйскаго участка шелъ на пріиски, а въ остальныхъ селеніяхъ потреблялся на мѣстѣ.

Въ селеніи Новопокровскомъ крестьянами производились ничтожные посѣвы конопли, которая тамъ родилась плохо; въ Амгѣ было засѣяно около 30 пудовъ овса и конопли, которые уродились сносно. Въ другихъ селеніяхъ, кромѣ указанныхъ выше хлѣбовъ, не сѣялось ничего больше.

Изъ скота, кромѣ коровъ и лошадей, у павловцевъ имѣлись свиньи и овцы, но у прочихъ крестьянъ свиней совсѣмъ не разводили, а овецъ имѣли лишь нѣкоторые хозяева, и то въ очень небольшомъ количествѣ, такъ, что въ общей экономіи крестьянскаго населенія этого рода мелкій скотъ не представлялъ никакого значенія.

III) Въ работѣ В. М. Іонова «Къ вопросу о скотоводствѣ у якутовъ Якутскаго округа», на основаніи многолѣтнихъ наблюденій чрезвычайно подробно и тщательно описана система ухода за скотомъ у современныхъ якутовъ, а въ статьѣ областного ветеринара С. Я. Дмитріева «Замѣтки по якутскому скотовѣденію[1])» указаны особенности якутскаго скота и приведены данныя для оцѣнки его продуктивности и работоспособности. Если прибавить къ этому свѣдѣнія, сообщаемыя г. Сѣрошевскимъ въ его книгѣ «Якуты» и статью ветеринарнаго врача Гольмана о якутскомъ коневодствѣ[2]), то можно будетъ сказать, что якутскій скотъ и техника якутскаго скотоводства въ настоящее время достаточно извѣстны. У русскихъ крестьянъ Якутскаго и сѣверо-восточной

---

[1]) Пам. Кн. Якут. Обл. на 1896-й годъ.

[2]) Пам. Кн. Якут. Обл. на 1871-й годъ.

части Олекминскаго округовъ какъ порода скота, такъ и техника скотоводства, имѣютъ совершенно якутскій характеръ. Поэтому я не вижу надобности вдаваться въ подробности и ограничусь немногими указаніями отличій крестьянскаго скотоводческаго обихода отъ якутскаго.

Первое, что бросается въ глаза уже въ Амгинской слободѣ, это нерѣдкая замѣна юртообразныхъ хотоновъ [1]) съ покатыми стѣнами прямыми срубами или хлѣвами. Такого жилья, которое составляло бы, какъ это бываетъ у якутовъ,—только часть хотона, и отдѣляется отъ помѣщенія скота лишь невысокой перегородкой, я у крестьянъ не видалъ, и, какъ кажется, этотъ типъ жилищъ въ русскихъ деревняхъ уже вывелся.

Кормовыя нормы скота указывались крестьянами въ количествахъ нѣсколько болѣе высокихъ, чѣмъ нормы, обычныя у якутовъ: по Іонову въ урожайный годъ «когда къ суррогатамъ прибѣгать не приходится», у якутовъ полагается на стельную корову 4 воза въ зиму, на стародойку—6 возовъ, и на пряглаго быка—7—9 возовъ; по заявленіямъ крестьянъ у нихъ въ хорошій годъ коровамъ скармливается по 5—8 возовъ и быку, смотря по работѣ, 8—12 возовъ.

Продуктивность крестьянской коровы или совершенно таковаже, или очень немногимъ выше, чѣмъ у якутской: зимою. когда доятъ дважды въ день, получается молока до 5 фунтовъ въ день и менѣе; весной и лѣтомъ, съ 9 мая по 1 августа, доятъ по четыре раза и получаютъ maximum до 10 фунтовъ въ день; съ 1 августа по 1 ноября доятъ по три раза, и получаютъ удои меньшаго размѣра.

Первый отелъ происходитъ у мѣстныхъ коровъ чаще всего по четвертому году, но изрѣдка бываетъ и по третьему. Производительная способность сохраняется у коровъ до 15—20 лѣтъ. Изъ рождающихся телятъ на первомъ-же году всегда гибнетъ больше половины. Теленка по рожденіи оставляютъ при матери на 1 сутки, послѣ чего берутъ въ избу, подпуская понемногу сосать раза 3—4 въ день. Черезъ двѣ недѣли его начинаютъ пріучать къ твердой пищѣ—травѣ или хлѣбу, хотя хлѣбъ (въ видѣ якутской лепешки) дается только у хозяевъ побогаче.

Наиболѣе распространенными болѣзнями являются у телятъ: поносъ, кашель и парша, отъ которыхъ амгинскіе крестьяне

[3]) Хотонъ—якутскій хлѣвъ, находящійся обыкновенно подъ одной крышей съ юртой.

лечатъ по своему: отъ поноса даютъ пить настойку изъ горѣлой глины; отъ кашля—заставляютъ проглатывать живьемъ маленькихъ лягушекъ; а отъ парши—смазываютъ больное мѣсто соленымъ лошадинымъ саломъ или наваромъ изъ тальника.

Крупный скотъ падаетъ чаще всего «отъ худобы»—при безкормицѣ, или отъ сибирской язвы карбункулезной и острой. Нерѣдки случаи, когда коровы объѣдаются растеніемъ cicuta verosa, или гибнуть отъ чрезмѣрнаго роста клыковъ, затрудняющаго пережевыванье травы.

Въ Амгинской слободѣ цѣна коровы составляла 10—20 р., пряглаго быка—20-30 р. Къ югу эти цѣны нѣсколько повышались.

Якутскій обычай сдачи болѣе зажиточными хозяевами бѣднякамъ дойныхъ коровъ въ «хасасъ», т. е. въ удой съ уплатою владѣльцу коровы къ опредѣленному сроку опредѣленнаго количества продуктовъ,—практикуется и среди крестьянъ, особенно въ Амгѣ. За пользованіе коровой съ 9-го мая по 1-е октября взявшій обязуется доставить владѣльцу 30 ф. масла и 10 п. тара[1]). За зимнее содержаніе коровы уплачивается взявшему до 8 руб.

Возъ сѣна въ урожайные годы стоилъ въ селеніяхъ Якутскаго округа 1—2 рубля и даже менѣе, но при безкормицѣ цѣна воза поднималась до 4 рублей и даже болѣе этого.

На нижнихъ станціяхъ Олекминскаго округа кормовыя нормы какъ рогатаго, такъ и коннаго скота, ничѣмъ не отличаются отъ сѣверныхъ, но въ центрѣ и далѣе коровамъ нерѣдко дается солома и мѣсиво съ небольшимъ количествомъ муки. Возъ соломы въ обыкновенные годы стоилъ подъ Олекминскомъ 50 к., но въ годы неурожая эта цѣна поднималась въ нѣсколько разъ. Возъ сѣна отъ 3 рублей у границъ Якутскаго округа измѣнялся въ цѣнѣ съ приближеніемъ къ пріисковому району, доходя до 6—7 р. въ Нохтуйскѣ (на пріискахъ сѣно принималось по 1 р. 50 к. за 1 пудъ, т. е. по 30 р. возъ).

Средняя цѣна лошади въ русскихъ селеніяхъ принималась въ 50 рублей.

Столѣтіемъ раньше въ Олекминскомъ краѣ рабочій конь оцѣнивался въ 26—31 р. на тогдашнія деньги;—такую именно цѣну вносили олекминскіе якуты нѣкоему дворянину Уваровскому въ 1787 году взамѣнъ лошадей, поставки которыхъ требовала

---

[1]) Таръ—закисшее снятое молоко въ замороженномъ видѣ.

отъ населенія администрація для содѣйствія экспедиціи Биллингса [1]).

О стоимости рогатаго скота и обычной цѣнности сѣна въ болѣе далекомъ прошломъ у меня не было свѣдѣній, но въ исключительномъ по неурожайности 1796 году олекминская полиція доносила властямъ, что якуты «по случаю оттепели и бывшихъ по осени дождей... десяти-саженный стогъ продаютъ между собою рублей по 60—70 [2])»

Въ 1859 году Олекминская мірская изба, высчитывая стоимость содержанія почтовыхъ лошадей, принимала такія нормы: тѣловыхъ за 1 лошадь по 10 рублей; на каждую лошадь сѣна по 24 пуда въ годъ, по 1 р. за возъ; на каждую лошадь въ годъ по 10 пуд. овса, по 50 к. за пудъ [3]). За 35 лѣтъ, судя по этой справкѣ, цѣна сѣна возросла въ Олекминскомъ краѣ по крайней мѣрѣ въ четверо.

Техника земледѣлія у крестьянъ Якутскаго округа и нижнихъ станцій Олекминскаго округа, какъ и слѣдовало ожидать, стоитъ на очень низкомъ уровнѣ. Въ селеніяхъ Амгинскаго района система обработки—двупольная, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно по свѣжимъ расчисткамъ, посѣвъ производится два и даже три раза подрядъ, послѣ чего на такой же срокъ полю дается отдыхъ. Главнымъ орудіемъ обработки повсюду является сабанъ, въ который впрягается пара коней, изрѣдка пара быковъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ одинъ конь или одинъ быкъ. При осенней вспашкѣ земля разворачивается на глубину до одной четверти, а при весенней до $2^1/_2$ вершковъ. Первой бороньбой сѣмя только слегка прикрывается, а дня черезъ два—три заборанивается окончательно.

Посѣвъ начинается обыкновенно въ первыхъ числахъ мая. На хозяйственную десятину высѣвается ячменя и ярицы пудовъ по 10 и овса пудовъ по 13—14. Сами крестьяне на сѣверѣ опредѣляютъ земельныя площади не десятинами, а «пудами», причемъ за одинъ «пудъ» принимается площадь, имѣющая по периферіи 100 саж.; такимъ образомъ квадратный участокъ со сторонами 25 с. $\times$ 25 с., т. е. площадь въ 625 кв. с. составляетъ одинъ

---

[1]) Всего было затребовано отъ якутовъ для провоза экспедиціонной клади въ Охотскъ до 1000 лошадей. Арх. Олекм. Окр. Пол. Упр. Д. 1789 г.

[2]) Арх. Ол. Окр. Пол. Упр. Д. 1796 г.

[3]) Арх. Ол. Мір. Избы. 1859 г. Д. № 17.

«пудъ», но и участокъ со сторонами 10 с. × 40 с. т. е. 400 кв. с., то же принимается за «пудъ», и мѣра эта очень далека отъ точности. Сборъ жатвы начинается въ первыхъ числахъ августа, но ячмень иногда вызрѣваетъ и въ концѣ іюля.

Амгинскіе крестьяне не удобряютъ своихъ полей, считая это излишнимъ и даже вреднымъ. Молотьба производится у нихъ цѣпами, а зерно мелется преимущественно на ручныхъ жерновахъ, хотя въ слободѣ существовали въ 95 году три конныя мельницы, изъ которыхъ одна принадлежала крестьянину, а двѣ—проживающимъ въ слободѣ торговцамъ. Пользовались этими мельницами главнымъ образомъ посторонніе обитатели слободы, — торговцы и поселенцы; за помолъ уплачивалось по 20 к. съ пуда.

На обоихъ участкахъ Якутскаго округа и на 9-ти нижнихъ станціяхъ Олекминскаго округа однообразной системы хозяйства не существуетъ. Тутъ въ одномъ и томъ же селеніи къ различнымъ участкамъ прилагаются разные способы эксплуатаціи и болѣе или менѣе правильное двуполье чередуется съ перелогами на разные сроки и съ оставленіемъ земли въ залежь на неопредѣленное время. Здѣшнія новины, вообще говоря, истощаются весьма быстро и по мѣрѣ ихъ истощенія увеличивается срокъ ихъ отдыха. Нерѣдко выпаханныя земли унаваживаются и идутъ подъ траву, т. е. обращаются въ утуги. Чаще онѣ просто пустуютъ и до поры до времени находятся въ полномъ забросѣ. На ст. Иситской землѣ совсѣмъ не давали отдыха, т. к. она еще не успѣла выпахаться, а новыхъ чистокъ у иситцевъ было мало. На ст. Батамайской крестьяне мнѣ говорили, что они стали парить пашни лишь съ 93-го года, «такъ-какъ теперь стало больше чистокъ». На ст. Еланской земля отдыхаетъ мало, «раньше вовсе не отдыхала, потому-что чистокъ не было». На ст. Малыканской сѣяли три года подрядъ и давали отдыхъ на 1 годъ. На ст. Титъ-Аринской сѣяли 3—4 года и оставляли на 1 годъ. На Тоенъ-Аринской отдыхъ продолжался 2 года. Въ Покровской и на Табагѣ сѣяли 2—3 года и оставляли на такое-же время. На ст. Тектюрской сѣяли два года изъ трехъ... Однако, посѣвы на старыхъ пашняхъ два-три года подрядъ, повидимому, составляли уже отживающій обычай и, чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ чаще приходилось встрѣчаться съ правильнымъ двупольемъ, какъ системой преобладающей.

Унаваживанье полей практиковалось далеко не вездѣ и то, насколько я могъ выяснить при опросахъ, лишь въ примѣненіи къ пашнямъ старымъ и расположеннымъ вблизи отъ селенія. На

ст. Еланской крестьяне объясняли свой обычай переселяться, подобно якутамъ, въ зимники, расположенные на горѣ, именно тѣмъ, что съ низу пришлось бы вывозить наземъ на большія крутизны. Удобреніе сѣнокосовъ развито, наоборотъ, во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ только есть удобныя для этого мѣста вблизи отъ селенія.

Въ центральной и въ юго-западной части Олекминскаго края унаваживанье примѣняется чаще. Крестьяне позажиточнѣй не разъ пытались въ этой мѣстности ввести въ своемъ хозяйствѣ улучшенныя орудія, которыя они видѣли у скопцовъ и даже улучшенные способы обработки земли, но, при совершенномъ отсутствіи знаній, такіе новаторы по большей части становились жертвой какого-нибудь шарлатана изъ поселенцевъ, бравшагося соорудить имъ молотилку или что-нибудь другое и, разумѣется, исчезавшаго съ полученнымъ задаткомъ или только портившаго матеріалъ.

Мукомольное дѣло въ центральной части Олекминскаго округа находилось въ рукахъ скопцовъ, имѣвшихъ въ Спасскомъ селеніи нѣсколько вѣтрянокъ и одну паровую мельницу небольшого размѣра. Водяныя мельницы существуютъ у олекминскихъ якутовъ на мелкихъ рѣченкахъ и крестьяне чаще всего мололи свое зерно у нихъ, нерѣдко совершая для этого поѣздки верстъ за 20 и болѣе. Однако, и ручные жернова не только въ сѣверномъ, но даже и въ центральномъ районѣ, не окончательно вывелись.

Въ урожайные годы крестьянскимъ хлѣбамъ сильно вредятъ несмѣтныя стаи какой-то мелкой пташки, налетающей полосами изъ тайги, а также и прожорливость бурундуковъ, которые въ нѣкоторые годы появляются въ огромныхъ количествахъ. Стада крестьянъ во 2 участкѣ Якутскаго округа и мѣстами въ Олекминскомъ округѣ много терпятъ отъ медвѣдей, а въ подгородномъ участкѣ Якутскаго округа огромный вредъ крестьянскому хозяйству наноситъ конокрадство, получившее здѣсь прочную организацію. Первоначально конокрадство составляло главный промыселъ ссыльныхъ татаръ, но впослѣдствіи шайки образовались и среди якутовъ. Центръ организаціи находился, конечно въ городѣ и состоялъ не изъ якутовъ, а дѣятельность шаекъ совершалась почти открыто и вполнѣ безнаказанно.

IV. Не смотря на то, что стоимость расчистки подъ пашню составляла 100—150 р. за десятину, а расчистка подъ сѣнокосъ только 15—20 р., аренда готовыхъ пашенъ почти отсутствовала въ крестьянскихъ селеніяхъ, тогда-какъ аренда сѣнокосовъ соста-

вляетъ явленіе очень распространенное. Это еще разъ подтверждаетъ, что мѣстъ, удобныхъ для сѣнокосныхъ расчистокъ остается уже очень мало.

Сдача крестьянами пашенъ отмѣчена при переписи только въ Амгинской слободѣ, гдѣ арендаторами являются проживающіе въ слободѣ посторонніе, и въ деревняхъ Амгинской и Олекминской, гдѣ сдача пашни всегда производилась или «по нуждѣ»,—преимущественно для уплаты податей,—или по маломочности семьи рабочею силой. На станціяхъ Якутскаго округа аренда пашенъ совершенно отсутствовала, а въ Олекминскомъ округѣ на всѣхъ станціяхъ было зарегистрировано только 13½ десятинъ сдававшейся и 30¼ дес. окортомленной пашни.

Въ центральныхъ деревняхъ Олекминскаго округа одна десятина пахотной земли безъ обработки шла по 8—10 руб. въ лѣто а десятина съ обработкой (двукратная вспашка и бороньба) по 15—16 р. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянинъ, не имѣвшій средствъ на обсѣмененіе своего поля, вступалъ въ сдѣлку со спасскимъ скопцомъ или другимъ зажиточнымъ человѣкомъ, ссужавшимъ его сѣменами за половину сбора. Всѣхъ хозяевъ, сдававшихъ свои пашни, въ обѣихъ деревняхъ было 20 человѣкъ; площадь сдачи составляла 66 десятинъ. Хозяевъ арендовавшихъ было 30 человѣкъ, а площадь арендованной земли—49 десятинъ.

Окортомливанье сѣнокосовъ отмѣчено у крестьянъ повсюду, причемъ кортомятся преимущественно якутскіе луга, тогда какъ свои собственные сѣнокосы крестьяне отдаютъ очень неохотно, только „по нуждѣ“. Сдававшихъ сѣнокосы въ Амгѣ оказывалось 15 человѣкъ и кортомившихъ—25 человѣкъ. На 1 участкѣ Якутскаго округа сдачи совсѣмъ не отмѣчено, а кортомившихъ было 83 хозяина, снимавшихъ въ общемъ 408½ десятинъ. На 2 участкѣ 13 чел. сдавали 45½ дес. и 63 человѣка кортомили 202 десятины. На станціяхъ Олекминскаго округа сдача имѣла ничтожные размѣры и вся ея площадь составляла только 43 десятины, тогда какъ снималось крестьянами 210 десятинъ. Толко въ двухъ центральныхъ деревняхъ 62 хозяина (т. е. треть всѣхъ хозяевъ) сдавали всѣ вмѣстѣ 120¼ десятинъ, но нѣкоторые изъ нихъ, сдавъ собственный сѣнокосъ въ февралѣ для уплаты податей, позже сами кортомили у кого-нибудь изъ своихъ или у городскихъ казаковъ. Арендовавшихъ сѣнокосы въ этихъ деревняхъ было 52 лица; площадь аренды—251¼ десятина.

Въ Амгинской слободѣ мѣсто на 10 возовъ сдавалось рубля

Перекочевка крестьянъ Амгинской слободы на лѣтники.

за 3, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ за ту-же цѣну сдавался покосъ возовъ на 17. На станціяхъ Якутскаго округа за годичное пользованіе мѣстомъ на 10 возовъ уплачивалось отъ 3 до 6 рублей, но иногда эта цѣна поднималась и выше, въ видѣ исключенія достигая даже до 10 рублей. Изрѣдка въ этой мѣстности сѣнокосы снимались крестьяниномъ у другого крестьянина исполу, у якутовъ же луга всегда арендовались за деньги. Близъ г. Олекминска годичная цѣна одной десятины сѣнокоса оченъ высока — 8—10 рублей на лугу обыкновеннаго качества, а на заливныхъ лугахъ даже 12—15 рублей.

V. Помимо аренды якутскихъ, а подъ городомъ Олекминскомъ и казачьихъ сѣнокосовъ, крестьяне почти всюду восполняютъ недостатокъ сѣна путемъ покупки его у якутовъ. Однако, у приленскихъ крестьянъ Олекминскаго округа часть покупаемаго сѣна несомнѣнно идетъ не на внутреннія нужды хозяйства, а на перепродажу пріисковымъ поставщикамъ, а у крестьянъ Якутскаго округа —на прокормъ лошадей, принадлежащихъ якутамъ-возчикамъ, препровождающимъ зимнимъ путемъ по Ленѣ мясо и масло на пріиски. Возчики соединяются въ дорогѣ въ большіе обозы и дѣлаютъ привалы у береговыхъ жителей — якутовъ и русскихъ. Въ Олекминскомъ округѣ крестьяне позажиточнѣй строятъ въ удобныхъ мѣстахъ (если таковыя у нихъ имѣются) небольшія „зимовья“ и водворяютъ тамъ какого-нибудь поселенца-дворника; на прилегающемъ къ зимовью участкѣ за зиму скопляется обильный запасъ назьма, который служитъ для образованія утуговъ. Крестьяне Якутскаго округа чаще принимаютъ возчиковъ у себя по дворамъ, причемъ получаютъ отъ нихъ плату не деньгами, а почти всегда замороженнымъ молокомъ, масломъ, хаякомъ [1]) и т. п. Такіе продукты у крестьянина побѣднѣй потребляются въ его семьѣ, а у болѣе зажиточнаго скопляются и продаются для сбыта на пріиски. Съ отпускомъ сѣна на прокормъ обозныхъ лошадей при дворничествѣ естественно соединяется и сбытъ хлѣба, преимущественно ячменя, который въ видѣ якутской лепешки идетъ на продовольствіе самихъ возчиковъ. Такимъ образомъ у приленскихъ крестьянъ Якутскаго округа и части якутовъ каждую зиму происходитъ оживленный обмѣнъ продуктовъ, причемъ вымѣнивается прямо продуктъ на продуктъ, а денежная цѣна лишь прикидывается въ умѣ, какъ мѣрило цѣнности. Подсчитать весь размѣръ такихъ оборо-

[1]) Хаякъ—замороженное слабо взбитое масло.

товъ, разумѣется, невозможно. Въ заявленіяхъ крестьянъ при переписи замѣчалась тенденція уменьшать величину своего отпуска, налегая больше на свои прикупки. Такъ, въ Амгинской слободѣ, гдѣ много сѣна продается проживающимъ здѣсь постороннимъ, по заявленіямъ крестьянъ, ими самими было куплено въ зиму 94—95 года 421 возъ и продано только 273 воза, чему повѣрить весьма трудно. Въ 1 участкѣ Якутскаго округа, по заявленіямъ, покупавшихъ сѣно было 99 человѣкъ и совокупность ихъ покупокъ—2.183 воза; во 2 участкѣ: покупавшихъ 43 человѣка; куплено 504 воза; отпущено-же, по этимъ показаніямъ, въ обоихъ участкахъ всего 432½ воза... Въ центральныхъ деревняхъ Олекминскаго округа крестьянами, по ихъ заявленіямъ, было продано на сторону 350 возовъ сѣна, въ селеніи Березовскомъ—110 возовъ, но эти цифры, несомнѣнно, ниже дѣйствительныхъ.

Точно также и отпускъ зернового хлѣба не поддается сколько-нибудь точному учету. Въ Амгинской слободѣ и по станціямъ Якутскаго округа продажа крестьянами зернового хлѣба составляетъ явленіе рѣдкое; чаще хлѣбъ вымѣнивается якутамъ на ихніе продукты; но въ Олекминскомъ округѣ хлѣбъ не только вымѣнивается, но и прямо продается. Въ деревнѣ Олекминской, какъ мнѣ было извѣстно частнымъ образомъ, одинъ богачъ имѣлъ до 5 т. п. зерна въ старыхъ кладяхъ, а десятка три хозяевъ хранили въ кладяхъ пудовъ по 100—600. Между тѣмъ, при переписи такія лица указывали, что они продали за весь годъ рублей на 50—70, и лишь одинъ указалъ продажу на сумму 500 р. Однако и въ Олекминскомъ округѣ, какъ мы видѣли, процентъ крестьянъ, дѣлающихъ большіе засѣвы, по станціямъ совершенно ничтоженъ и даже въ центральныхъ деревняхъ свыше 50 пудовъ засѣваютъ лишь 15,8% всѣхъ хозяевъ. Такимъ образомъ, продажа хлѣба можетъ доставить сколько-нибудь крупную выручку только очень небольшому числу наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ, преимущественно изъ Павловскаго селенія и деревень Амгинской и Олекминской. Изъ урожая 1894 г., за вычетомъ сѣмянъ, оставалось всякаго рода зернового хлѣба на 1 душу наличнаго населенія:

въ Амгинской слободѣ	по	8 п.	12 ф.
„ 1-мъ участкѣ Якут. округа	„	8 „	— „
„ 2-мъ участкѣ Якут. округа	„	10 „	16 „
на 9 нижн. ст. Олекмин. округа	„	14 „	7 „
„ 7 ср. ст. Олекмин. округа.	„	15 „	13 „
„ 7 верхн. ст. Олекмин. округа	„	10 „	— „
въ центр. д.д. Олекмин. округа . . .	„	26 „	37 „
„ Павловскомъ	„	20 „	3 „

Принимая за потребительную норму 13 пудовъ въ годъ на наличную душу, мы найдемъ, что крестьяне Якутскаго округа (за исключеніемъ павловцевъ), въ среднемъ по урожайности 1894 г., не могли продавать свой хлѣбъ безъ ущерба для собственнаго питанія и вынуждены были его покупать со стороны, а крестьяне Олекминскаго округа всѣ вообще могли продать лишь 12.038 пудовъ. На самомъ дѣлѣ продавалось, разумѣется, больше, такъ какъ и бѣдняки изъ нужды въ деньгахъ сплошь да рядомъ продаютъ свой хлѣбъ въ началѣ зимы, а затѣмъ сами покупаютъ или забираютъ въ долгъ по болѣе высокимъ цѣнамъ.

Въ Амгинской слободѣ изъ 100 домохозяевъ 60 прикупали хлѣбъ у мѣстныхъ торговцевъ, добавляя къ собственному отъ 7 до 30 пудовъ въ годъ. Въ 1-мъ участкѣ Якутскаго округа въ зиму 93/94 года обходилось собственнымъ хлѣбомъ только 16 семей, во 2-мъ участкѣ—52 семьи. Въ этой мѣстности всѣ, кто только въ силахъ, закупаютъ лѣтомъ сплавной хлѣбъ на паузкахъ, сразу пудовъ по 20—30 и болѣе, зимою-же покупаютъ по мелочамъ у мѣстныхъ торговцевъ, преимущественно въ долгъ, съ надбавкой къ рыночной цѣнѣ %% на 30. Въ селеніяхъ, не далекихъ отъ г. Якутска (Титъ-Аринская, Еланская и др.) въ годъ изслѣдованія долговая цѣна ячменя составляла 1 р. за пудъ (при покупкѣ за наличныя 80 к.), ржаной муки—1 р. 30 к. (рыночная—1 р. 18 к.). Въ дальнемъ краю округа (Саныяхтахъ) долговыя цѣны были значительно выше: ячмень 1 р. 30 к. и ярица 1 р. 50 к. Въ итогѣ всѣ заявленныя хлѣбныя покупки за годъ по обоимъ участкамъ составили 9.870 пудовъ, что, вмѣстѣ съ собственнымъ хлѣбомъ за вычетомъ сѣмянъ, давало въ среднемъ на 1 душу 14,3 пуда въ годъ. Такъ какъ часть хлѣба, какъ выше указывалось, вымѣнивается якутамъ на молочные продукты и на мясо, то дѣйствительное потребленіе хлѣба въ годъ средней урожайности на станціяхъ Якутскаго округа оказывается приблизительно равнымъ теоретической средней—13 п. на душу, причемъ собственный хлѣбъ во всемъ потребляемомъ составлялъ около 64,0 процентовъ.

Въ Олекминскомъ округѣ зажиточные хозяева, сбывая свой хлѣбъ на Мачу, соединяютъ его доставку на мѣсто въ одну операцію съ извозомъ, т. е., вмѣсто того, чтобы идти порожнякомъ, вывозятъ зерно, а на Мачѣ продаютъ его и берутъ пріисковой грузъ. Рядовые крестьяне здѣсь, какъ и въ Якутскомъ округѣ, чаще всего вымѣниваютъ свой ячмень по мелочамъ якутамъ, но только не мѣстнымъ, такъ какъ тѣ и сами сѣютъ, а прихожимъ

изъ Вилюйскаго округа. Въ обмѣнъ отъ вилюйцевъ, кромѣ молочныхъ продуктовъ, пріобрѣтается рыба и соль съ Кимпендейскихъ соляныхъ ключей. Въ годъ изслѣдованія ячмень шелъ при такомъ обмѣнѣ по 70 к. за пудъ, а съ другой стороны: пудъ топленаго масла по 10—13 рублей, пудъ хаяку—по 3 р. 50 к., пудъ замороженнаго молока по 1 р. 20 к., пудъ мяса по 4 р., и пудъ рыбы по 3 р. 50 к.—4 р. Въ то же время на всѣхъ 23 станціяхъ нашлось только 26 хозяевъ, которые не покупали-бы хлѣба и сами. Покупки эти совершались большинствомъ у скопцовъ, иными подъ отработки, иными за наличныя деньги или въ долгъ; въ послѣднемъ случаѣ ячмень ставился вмѣсто 70 к. въ 90 коп., а ржаная мука вмѣсто рубля въ 1 р. 20 к.

VI. При бѣдности амгинцевъ и ничтожномъ размѣрѣ ихъ запашекъ слобожане обходятся въ своемъ хозяйствѣ собственными силами, но многіе изъ нихъ сами нанимаются къ скопцамъ, къ торгующимъ и къ горожанамъ въ батраки, а на мѣстѣ выполняютъ по найму отдѣльныя работы для постороннихъ. Такія сдѣльныя работы не составляютъ для лицъ, которыя за нихъ берутся, постояннаго промысла, но перепадаютъ время отъ времени и даютъ десяткамъ тремъ амгинцевъ заработокъ отъ 20 до 60 рублей въ годъ на работника.

По станціямъ Якутскаго округа годовые работники оказались лишь въ 7% всѣхъ хозяйствъ, притомъ въ каждомъ лишь по одному человѣку. Изъ 24-хъ батраковъ 15 были якуты сосѣднихъ наслеговъ, получавшіе на хозяйскихъ харчахъ 40—60 рублей въ годъ. Русскіе ссыльно-поселенцы, какъ люди болѣе сильные и ловкіе въ работѣ, получали больше: не менѣе 60 рублей, а трое изъ нихъ даже 100—150 рублей. Русскій работникъ почти всегда нанимается съ опредѣленной цѣлью—вести расчистку таежныхъ мѣстъ подъ пашни. Значительная часть крестьянскихъ расчистокъ сдѣлана именно поселенческими руками.

Въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ многіе крестьяне занимаются извозомъ, а подъ Нохтуйскомъ также звѣроловствомъ и другими промыслами, продолжительное отсутствіе изъ дому хозяина нерѣдко вынуждаетъ и крестьянъ средней зажиточности имѣть годовыхъ работниковъ. Кромѣ того, тамъ есть три—четыре богача, имѣющихъ по 2 и даже болѣе постоянныхъ рабочихъ. Изрѣдка для ухода за скотомъ нанимаются и женщины-работницы,—исключительно якутки Вилюйскаго округа или окрестныхъ наслеговъ. Плата ихъ составляетъ 36—60 рублей въ годъ. Якуты—мужчины

нанимаются крестьянами въ батраки только на нижнихъ станціяхъ и кое-когда въ центральныхъ деревняхъ, вообще-же въ центрѣ Олекминскаго края и въ Нохтуйскомъ участкѣ крестьяне нанимаютъ только поселенцевъ изъ русскихъ или татаръ, причемъ ихъ плата составляетъ обычно 90—120 рублей въ годъ на хозяйскихъ харчахъ, тогда какъ якутамъ уплачивается отъ 60 до 100 рублей.

Всего шире пользованіе наемнымъ трудомъ развито въ Нохтуйскѣ, гдѣ въ моментъ переписи у мѣстнаго богача оказалось 6 человѣкъ годовыхъ работниковъ, а въ 16-ти остальныхъ хозяйствахъ селенія—10 человѣкъ. Во всѣхъ семи селеніяхъ участка, въ 88 хозяйствахъ, годовыхъ рабочихъ было 52 человѣка;—на семи среднихъ станціяхъ,—96 хозяйствъ,—батраковъ было 27 человѣкъ; въ двухъ центральныхъ деревняхъ—у одного богача три мужчины и одна женщина, всѣ якуты, а въ 182 остальныхъ хозяйствахъ—19 человѣкъ; на нижнихъ станціяхъ,—106 хозяйствъ, 44 человѣка; а всего по округу 146 человѣкъ.

Такъ какъ въ огромномъ большинствѣ крестьянскихъ семей въ составѣ ихъ членовъ имѣется лишь по одному взрослому работнику, то, помимо найма на цѣлый годъ, въ Олекминскомъ краѣ нерѣдко принанимается работникъ на зиму или только на одинъ—два мѣсяца, пока хозяинъ не вернется съ пріисковъ. При такомъ наймѣ уплачивается обыкновенно по 50 р. въ зиму или по 7 р. въ мѣсяцъ; въ лѣтній мѣсяцъ наемнику уплачивается подъ Олекминскомъ 15—20 рублей, но такой наемъ практикуется очень рѣдко; чаще на лѣтнія работы нанимаются поденно или сдѣльно. За косьбу одной десятины уплачивалось обыкновенно по 3 р., за вспашку 3—4 рубля, за жнитво—10—12 рублей. Плата поденщику колебалась отъ 50 к. до 1 рубля, а подростки и женщины получали по 30—50 коп.

Амгинскій богачъ, имѣвшій троихъ годовыхъ рабочихъ, лѣтомъ принанималъ человѣкъ 30; другіе зажиточные хозяева нанимаютъ человѣкъ по 5—6 поденщиковъ. Въ то же время бѣднѣйшая часть крестьянъ обѣихъ центральныхъ деревень, нанимаясь на полевыя работы къ скопцамъ, къ горожанамъ и къ своимъ односельцамъ, зарабатываетъ этимъ около 3 тысячъ рублей въ лѣто, и въ общемъ крестьяне этихъ двухъ деревень въ гораздо большей мѣрѣ отчуждаютъ свой собственный трудъ, чѣмъ пользуются наемнымъ трудомъ поселенцевъ или якутовъ.

VII. При переписи наличнаго населенія 1893 года олекминскіе инородцы заносили въ семейные бланки также и свѣдѣнія о

количествѣ и составѣ принадлежащаго данному семейству скота. Эти бланки послужили для меня матеріаломъ, который я впослѣдствіи свелъ и разработалъ по тѣмъ-же рубрикамъ, какъ и свои собственныя данныя о крестьянскомъ скотѣ. Относительно хлѣбопашества инородцевъ въ переписи не имѣлось никакихъ указаній, и потому о посѣвахъ якутовъ я могу говорить лишь на основаніи „Обзоровъ“ Стат. Комитета и кое-какихъ архивныхъ матеріаловъ.

Первое, что бросается въ глаза при сравненіи современныхъ данныхъ съ архивными, это—крупная убыль скота въ хозяйствѣ олекминскихъ якутовъ. Предполагать, что князьцы XVIII-го вѣка преувеличивали количество рогатаго скота у своихъ родовичей, разумѣется нельзя,—скорѣе можно допустить обратное. Что касается до свѣдѣній 1893 года, то ихъ не предполагалось представлять начальству, а потому я склоненъ приписывать имъ высокую степень достовѣрности, такъ какъ всѣ якуты слишкомъ хорошо знаютъ хозяйственныя силы сосѣднихъ семей и утаить свой скотъ отъ своихъ родниковъ труднѣй, чѣмъ отъ заѣзжихъ регистраторовъ.

Наиболѣе давнее указаніе на размѣръ якутскихъ стадъ, какое сохранилось въ Олекминскомъ полицейскомъ архивѣ, относится къ 1798 году; по случаю бывшаго передъ этимъ падежа князьцы всѣхъ пяти наслеговъ представили начальству вѣдомости; передъ началомъ падежа всего рогатаго скота во всемъ улусѣ оказывалось, по этимъ свѣдѣніямъ, 12.830 головъ. Шестью годами ранѣе, по случаю оспенной эпидеміи среди людей, князьцами были доставлены вѣдомости о числѣ жителей обоего пола въ ихъ наслегахъ; мужчинъ при этомъ указано 2.255 и женщинъ 1.566; т. е. всего 3.821, изъ которыхъ умерли 14 мужч. и 10 женщ. (при числѣ заболѣвшихъ 39 мужч. и 32 женщ.). Такая убыль легко восполнялась естественнымъ приростомъ, и черезъ 6 лѣтъ число жителей обоего пола должно было слегка превышать цифру 1792 года, а потому, дѣля 12.830 на 3.821, мы найдемъ число весьма мало уклоняющееся отъ истиннаго; число это — 3,3 на наличную душу обоего пола выражаетъ обезпеченность тогдашняго якутскаго населенія рогатымъ скотомъ. По даннымъ переписи 1893 года, въ трехъ наслегахъ: 2 Меитскомъ, Мальжегарскомъ и Кятчинскомъ на 1 наличную душу приходилось по 1,9 и въ трехъ остальныхъ наслегахъ по 1,6; въ общемъ—уменьшеніе почти вдвое.

По тѣмъ-же вѣдомостямъ 1798 года, у крестьянъ деревень Амгинской и Олекминской рогатаго скота приходилось по 2,6 го-

ловъ на душу; теперь-же у нихъ имѣется только по 1,4 на душу. Значитъ, въ продолженіе XIX столѣтія упадокъ скотоводства приблизительно одинаковъ какъ у олекминскихъ крестьянъ, такъ и у тамошнихъ якутовъ.

Въ административной перепискѣ девяностыхъ годовъ XVIII вѣка причина падежей указывалась въ томъ, что якуты „безъ крайней нужды продаютъ сѣно, и самые сѣнокосы отдаютъ постороннимъ людямъ въ кортому“ [1]). Изъ этого указанія можно заключить, что упадокъ начался еще ранѣе 1798 года, и что, слѣдовательно, когда-то прежде скота у якутовъ было еще больше.

Лошадей, по тѣмъ-же даннымъ, у якутовъ въ 1798 году было по 2,24 на душу, а у крестьянъ центральныхъ деревень по 0,8. Извлекая изъ вѣдомостей числа одного крупнаго скота и предполагая составъ инородческаго хозяйства того времени въ 4,5 души (нынѣ 4,15), а крестьянскаго въ 5 душъ, мы найдемъ, что крупнаго рогатаго скота приходилось у якутовъ по 7,5 головъ на 1 дворъ, и у русскихъ по 2,7; а крупнаго коннаго: у первыхъ по 7,5 и у крестьянъ по 2,9. Черезъ 100 лѣтъ въ среднемъ на 1 дворъ у олекминскихъ якутовъ оказывалось по 5,3 кр. рогатаго скота и по 3,5 кр. коннаго, а у крестьянъ двухъ деревень по 3,9 рогатаго и по 2,9 коннаго. Обезпеченность лошадьми у крестьянъ не измѣнилась, а у якутовъ упала болѣе, чѣмъ вдвое.

Въ 1893 году по количеству принадлежавшаго имъ скота хозяйства распредѣлялись такимъ образомъ (въ процентахъ):

	Рогатаго.					Коннаго.				
	0	1—4	5—10	11—20	20...	0	1—4	5—10	11—20	20...
1-й Нерюхтейскій н. .	15,0	36,7	42,7	9,2	0	22,7	59,0	17,9	0	0
2-й Нерюхтейскій. . .	8,4	48,8	37,7	4,0	0,9	12,9	64,0	19,1	4,0	0
1-й Меитскій.	15,7	40,8	36,3	6,8	0,3	30,1	50,0	16,0	3,6	0,3
2-й Меитскій.	11,1	28,1	46,6	12,8	1,2	14,3	49,3	26,4	7,6	2,2
Мальжегарскій	13,2	48,2	32,3	5,8	0,4	26,1	57,5	13,2	2,5	0,6
Кятчинскій.	9,8	26,0	45,1	16,2	2,8	14,8	54,2	21,8	7,7	1,3
Въ общемъ по улусу .	12,2	39,1	39,3	8,6	0,8	21,0	55,0	18,5	4,5	0,8

[1]) Секретный ордеръ Штевинга Измайлову. Арх. Ол. Окр. Пол. Упр. Д. 1798 года.

Хозяйствъ, не имѣющихъ ни коннаго, ни рогатаго скота, во всѣхъ наслегахъ оказалось 162, т. е. 8,9% всѣхъ хозяйствъ; по всей Олекмин. кр. волости такія хозяйства составляютъ лишь 3,3%. Хозяйства, не имѣющія рогатаго скота, у якутовъ составляютъ 12,2%, а у русскихъ Олекминскаго округа 9,1%; не имѣющія коннаго—у якутовъ 21,0% и у русскихъ 6,6%. Значитъ, распредѣленіе скота, въ особенности коннаго, у якутовъ менѣе равномѣрно и число пролетаризированныхъ семей почти втрое выше, чѣмъ у русскихъ.

Въ трехъ хозяйствахъ, обитающихъ на окраинахъ улуса, переписью отмѣчено по 8—10 оленей, что указываетъ на близость окраинныхъ жителей къ тунгусамъ. Въ общемъ данныя переписи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что олекминскіе якуты по количеству рогатаго скота по крайней мѣрѣ въ полтора раза бѣднѣе якутовъ Якутскаго округа. Во 2 Игидейскомъ наслегѣ Баягантайскаго улуса по тамошней переписи хозяйства, имѣвшія не болѣе 10 головъ скота, составляли 56,3%, а въ Олекминскомъ округѣ—89,6%; имѣвшихъ отъ 11 до 20 головъ у игидейцевъ было 30,3%, а у олекминцевъ только 8,6%; наконецъ; болѣе 20 головъ имѣли у игидейцевъ 13,4% и у олекминцевъ лишь 0,8% всѣхъ хозяевъ.

Въ противоположность этимъ отношеніямъ средній посѣвъ на 1 дворъ у игидейцевъ составлялъ всего 1 пуд. 11 фун., тогда какъ у олекминцевъ, по моему приблизительному подсчету, въ 93 году было засѣяно по 18 пуд. 5 фун. Якутская администрація съ давняго времени пыталась принудить якутовъ къ земледѣльческому труду путемъ предписаній; иногда населенію выдавались изъ казны сѣмена съ приказомъ непремѣнно произвести посѣвъ, но пока экономическая необходимость въ этомъ отсутствовала, бумажныя предписанія вызывали только бумажныя отписки инородныхъ управъ, съ неизмѣннымъ указаніемъ на «вымерзаніе», въ силу котораго сбора будто-бы не оказалось.

Точно также стояло дѣло и съ запасами сѣна на случай безкормицы. Такіе запасы администрація приказывала заготовлять еще въ XVIII вѣкѣ, но не только въ то время, но и столѣтіемъ позже, въ очень многихъ случаяхъ запасные стога существовали лишь на бумагѣ, и поэтому я о нихъ совершенно не упоминаю, хотя кое-гдѣ (у олекминскихъ якутовъ) сѣнные запасы и на самомъ дѣлѣ существовали. Съ возникновеніемъ жизненной необходимости въ новыхъ средствахъ пропитанія и съ появленіемъ вблизи выгоднаго рынка, земледѣліе сразу сдѣлало у олекмин-

скихъ якутовъ огромный скачекъ вверхъ: въ сороковыхъ годахъ, какъ мы видѣли изъ донесенія исправника, сѣяли понемногу уже всѣ олекминцы, а въ 1850 году, по полицейскимъ даннымъ, общій посѣвъ якутовъ составлялъ въ Олекминскомъ округѣ 544 четверти. Принимая этотъ посѣвъ за 100, мы найдемъ, что черезъ 12 лѣтъ онъ возросъ какъ 275, а принимая за 100 посѣвъ 1862 года, посѣвъ 1882 года составитъ 213. Послѣ этого темпъ развитія сталъ нѣсколько медленнѣй: посѣвъ 93 года по отношенію къ посѣву 82 года, принятому за 100, составлялъ уже только 125. У крестьянъ темпъ развитія въ первый періодъ былъ даже выше, чѣмъ у якутовъ: по тѣмъ-же полицейскимъ даннымъ ихъ посѣвъ 1862 года относился къ посѣву 1850 года, какъ 297 къ 100, но въ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ го́дахъ движеніе почти пріостановилось и посѣвъ 82 года относился къ посѣву 62-го, какъ 117 къ 100, а посѣвъ 93-го къ посѣву 82-го, какъ 116 къ 100. Это различіе, какъ я думаю, скорѣе всего слѣдуетъ приписать тому, что якуты не участвуютъ въ почтовой гоньбѣ, а слѣдовательно имѣютъ большую необходимость въ расширеніи своей сельско-хозяйственной дѣятельности.

Какъ распредѣляются инородческія хозяйства по размѣру посѣвовъ, объ этомъ у меня, къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ данныхъ. Однако, имѣя въ виду крупный процентъ родовичей, не имѣющихъ никакого скота, можно предположить съ большой вѣроятностью, что процентъ лицъ, по своей бѣдности ничего не сѣющихъ, у якутовъ значительно выше, чѣмъ у крестьянъ. Съ другой стороны, г. Іохельсонъ, долго жившій въ Олекминскомъ округѣ, а не посѣтившій его наѣздомъ какъ я, упоминаетъ въ своей статьѣ о мѣстныхъ тойонахъ—(г.г. Малышевѣ, Антоновѣ, Максимовѣ), имѣвшихъ запашки до 100 десятинъ, что соотвѣтствуетъ хозяйству помѣщичьяго, а не крестьянскаго типа. Между тѣмъ въ оффиціальныхъ данныхъ засѣвы г.г. Малышевыхъ и Антоновыхъ входятъ въ общую цифру инородческихъ посѣвовъ, и потому моя средняя—18 пуд. 5 фун.—вѣроятно, значительно выше средняго посѣва большинства якутскихъ хозяйствъ, и не только группа не сѣявшихъ, но и группа сѣявшихъ свыше 100 пудовъ у олекминскихъ инородцевъ, какъ можно догадываться, выше, чѣмъ у крестьянъ.

Если-бы посѣвы у якутовъ распредѣлялись равномѣрно и если-бы питаніе населенія обезпечивалось по нормѣ 13 пудовъ на наличную душу, то въ 1893 году инородцы могли-бы продать лишь 37.868 пудовъ хлѣба; въ дѣйствительности, въ виду избытка у

однихъ и настоятельной потребности въ деньгахъ у другихъ, продавалось, конечно, гораздо больше. У бѣднѣйшей части якутовъ, какъ и у русскихъ крестьянъ, ячмень не столько продавался сколько вымѣнивался вилюйцамъ на соль, на рыбу и т. п.

Сравнивая относительное значеніе скотоводства и земледѣлія въ хозяйствѣ олекминскихъ якутовъ, ясно, что скотоводство занимаетъ у нихъ теперь второстепенное мѣсто. Якутскій Статистическій Комитетъ, на основаніи изслѣдованій начала 90-хъ годовъ, пришелъ къ тому заключенію, что наименьшее количество рогатаго скота, необходимое для обезпеченія средней якутской семьи на обычномъ для нея жизненномъ уровнѣ, опредѣляется нормою въ 20 штукъ рогатаго скота, при томъ условіи, что въ этомъ составѣ должно находиться 9 коровъ, изъ которыхъ 7 дойныхъ. У олекминскихъ якутовъ, какъ мы видѣли, въ среднемъ на 1 дворъ приходится всего по 5,3 крупнаго рогатаго скота, включая въ это число и быковъ, а хозяйства, имѣющія свыше 20 головъ, составляютъ лишь 0,8%.

Въ общемъ—экономическое разслоеніе у олекминскихъ якутовъ глубже, число хозяйствъ средней силы меньше, и ихъ жизненный уровень ниже, чѣмъ въ средѣ приленскихъ крестьянъ.

Добавленія къ главѣ XI.

1. По даннымъ инородческой переписи 1893 года, у олекминскихъ якутовъ имѣлось 6.727 лошадей и 13.709 коровъ, а по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ „*Обзорѣ*“ Статистическаго Комитета за 1908 годъ, у этой группы населенія оказывалось только 5.745 лошадей и 10.686 коровъ. За 15 лѣтъ количество коннаго скота убыло на 14,6% и количество рогатаго на 22,0%. Въ 1893 году на 1 наличную душу приходилось по 1,8 головы рогатаго скота и по 0,9 коннаго, а въ 1908 году—по 1,3 рогатаго и по 0,7 коннаго.

Посѣвъ олекминскихъ якутовъ въ 1893 году составлялъ по 4,5 пуда на наличную душу, а въ 1908 году, по даннымъ „*Обзора*“, онъ поднялся съ 4.266 четвертей 1893 года до 5.141 четверти, что составляетъ по 5 пудовъ на наличную душу, а по сравненію съ 1893 годомъ даетъ увеличеніе высѣва на 20,5%, тогда-какъ населеніе за это время увеличилось лишь на 8,4%.

2. Скотъ и посѣвы крестьянъ указаны въ „Обзорѣ“ въ однѣхъ цифрахъ со скотомъ и посѣвомъ скопцевъ и ссыльныхъ и потому, основываясь на данныхъ „Обзоровъ“, можно сказать лишь прибли-

зительно, что среднія на 1 наличную душу какъ по высѣву, такъ и по числу лошадей и коровъ, по Олекминскому округу измѣнились у крестьянъ за 15 лѣтъ весьма слабо. О крестьянахъ Якутскаго округа по позднѣйшимъ даннымъ ничего нельзя сказать даже и гадательно.

3. Съ конца девяностыхъ годовъ въ Якутской области начали распространяться сельско-хозяйственныя машины: жнеи, плуги, бороны, молотилки и сноповязалки. Первыми стали обзаводиться ими скопцы, а затѣмъ и другіе зажиточные хозяева изъ горожанъ, и, быть можетъ, изъ крестьянъ. Въ „*Отчетъ*“ *г. Крафта* упоминается, что при его посредствѣ было выписано отъ Липгарта, со скидкою 20%, разными лицами машинъ на 3.900 рублей.

Глава XII.

Отхожіе и мѣстные промыслы.

1) Извозъ. 2) Отходъ на заработки. 3) Звѣроловство и рыболовство. 4) Мелкіе промыслы.

1. Среди высокихъ и дикихъ горъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ ближайшаго русскаго селенія, разсѣяны островками при безчисленныхъ ручейкахъ и рѣчкахъ этого края пріиски Витимской и Олекминской системъ. Въ половинѣ 90-хъ годовъ ихъ было около сотни, и на обѣихъ системахъ ежегодно добывалось пудовъ до 700 шлиховаго золота. Населеніе этого обособленнаго, таежнаго міра составляло въ общемъ до 20 тыс. человѣкъ, и все необходимое для существованія этихъ людей и для хода самихъ работъ доставлялось туда или изъ Иркутска, за 2 тысячи верстъ, рѣками Леной и Витимомъ, или изъ Якутской области, черезъ Мачу, расположенную наискось отъ Нохтуйска. Все количество грузовъ, вывезенное черезъ Мачу въ 1894 году, Якутскій Статистическій Комитетъ опредѣляетъ въ 400 тыс. пуд. Часть этихъ грузовъ состояла изъ товаровъ, закупленныхъ пріисковыми управленіями въ Иркутскѣ и доставленныхъ до Мачи на пароходахъ или на паузкахъ. Другая часть приходилась на сѣно, мясо, масло и рыбу, доставлявшіяся не съ юга, а съ сѣвера — изъ Олекмин-

скаго, Вилюйскаго, и даже болѣе отдаленнаго Якутскаго округа. По „Обзору“ Статистическаго Комитета за 1894 годъ, въ этомъ году было поставлено на пріиски изъ Якутской области 150.965 пуд. мяса, 2.687 пуд. рыбы, а въ общемъ всякаго рода припасовъ на 1.002.386 рублей.

О разновременныхъ измѣненіяхъ въ способахъ организаціи извоза и о теперешней постановкѣ этого дѣла говорилось въ главѣ VII: резиденты пріисковыхъ управленій сдаютъ провозъ большими партіями нѣсколькимъ десяткамъ подрядчиковъ, а тѣ пересдаютъ у себя на мѣстахъ по мелочамъ сотнямъ мелкихъ возчиковъ изъ родовичей средняго достатка. Подрядчики состоятъ главнымъ образомъ изъ якутскихъ богачей Олекминскаго округа. Среди крестьянъ достаточно богатыхъ людей мало, и наибольшій транспортъ богача-крестьянина въ 93 году составлялъ 12 тыс. пуд., тогда-какъ наибольшій транспортъ подрядчика-инородца (И. Корниловъ) достигалъ 23 тыс. пуд. Каждый подрядчикъ имѣлъ подъ своей рукой отъ 20 до 60 человѣкъ экономически зависимыхъ отъ него родовичей, которые и являлись его обычными возчиками. Русскіе крестьяне по большей части брали мелкіе подряды отъ тѣхъ-же якутскихъ капиталистовъ. Въ вѣдомости, составленной инородческой волостью въ 93 году, указано 26 подрядчиковъ Ленскаго Т-ва и при каждомъ изъ нихъ по 20 — 47 возчиковъ. Изъ этихъ 26-ти 6 доставили не свыше 1 тыс. пуд., 11 отъ 1 до 5 тысячъ пудовъ, 6 отъ 5 до 10 тыс. пуд., и 3—свыше 10 тыс. пуд. каждый. Всѣ они, безъ исключенія, помимо пріисковой клади, принимавшейся на Мачѣ, поставляли и собственные продукты—сѣно и мясо, въ количествахъ отъ 100 до 2.500 пудовъ каждый. Плату они получали съ пріисковыхъ управленій въ три срока: $^1/_3$ при заключеніи контракта, $^1/_3$ въ январѣ мѣсяцѣ, по доставкѣ половины заподряженной клади, и послѣднюю треть — лѣтомъ, во время ярмарки, по окончательномъ выполненіи всего подряда.

Въ главѣ VII указывалось на выгоды, какія получаетъ подрядчикъ, удерживая въ свою пользу коммиссіонный пятачекъ съ пуда и расплачиваясь съ возчиками на $^2/_3$ товаромъ. При гладкомъ ходѣ дѣла барышъ предпринимателя могъ-бы составить копѣекъ по 25 съ пуда и болѣе, но на практикѣ доходность промысла для подрядчиковъ нѣсколько сокращалась: солидныя золотопромышленныя учрежденія выдавали договоренную плату болѣе или менѣе акккуратно, но мелкіе промышленники, у которыхъ дѣло ведется азартно, и золото, по мѣстному выраженію, „моется не

водой, а спиртомъ“ [1]), часто банкротятся или надолго затягиваютъ платежи. Помимо этого, нѣкоторыя потери подрядчикамъ приходится нести на учетѣ векселей, на уплатѣ неустоекъ за несвоевременную доставку клади, и на штрафахъ за пропажу или порчу товаровъ въ пути. Старожилы говорятъ, что когда-то при провозѣ съѣстного со 100 пудовъ утрачивалось въ пути до 15 пудовъ, но въ позднѣйшее время возчики настолько дисциплинировались, что утраты этого рода стали довольно рѣдкими. Хотя въ большинствѣ случаевъ взысканіе за пропажу или порчу обращалось подрядчикомъ на провинившагося возчика, но иногда, при полной несостоятельности возчика, приходилось поплатиться и самому подрядчику. Въ концѣ концовъ, даже при всѣхъ подобныхъ потеряхъ, благодаря расплатѣ товарами, около полусотни человѣкъ подрядчиковъ получали отъ транспортировки кладей чистой прибыли копѣекъ по 20 съ пуда, а всѣ они въ совокупности до 80 тысячъ рублей въ годъ.

Совершенно иною оказывалась доходность промысла для самихъ возчиковъ. Въ то время, какъ подрядчикъ, если онъ пользуется кредитомъ, можетъ заключить контрактъ съ расходомъ лишь на поѣздку въ резиденцію, возчикъ долженъ имѣть наготовѣ лошадей и все путевое обзаведеніе. Расходъ на пищу во время пути, простой на резинденціи и на пріискахъ, уплата зимовщикамъ и нѣкоторые мелочные расходы почти одинаковы, идетъ-ли человѣкъ съ двумя или съ шестью возами; а такъ какъ одинъ человѣкъ можетъ сопровождать до шести подводъ, то выгоднѣе всего для возчика идти именно съ 6-тью подводами, т. е. брать на себя провозъ 150 пудовъ въ одинъ путь или 300 пудовъ въ зиму. Однако, хозяевъ, имѣющихъ 5 и болѣе лошадей, какъ мы видѣли раньше, во всей инородческой волости только 23,4% всего числа. Эта группа лицъ находится въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. Большинству, включающему 55,0% всѣхъ хозяевъ, имѣющихъ 1—4 лошади, приходится принанимать двѣ—три лошади у сосѣдей, уплачивая 15 руб. (иногда 12—17 руб., изрѣдка 20 руб.) за пользованіе конемъ въ одну поѣздку. За пользованіе въ продолженіе всей зимы, т. е. на два пути—ноябрьскій и мартовскій, уплачивается тоже 15 рублей, но въ этомъ случаѣ содержаніе коня въ теченіе не рабочихъ мѣсяцевъ (декабрь, январь, февраль) ложится уже на возчика. По обычаю тѣловая плата вносится на

---

[1]) Намекъ на скупку золота, украденнаго рабочими другихъ пріисковъ.

одну половину наличными деньгами, а на другую — товаромъ по той-же цѣнѣ, по какой товаръ полученъ самимъ возчикомъ отъ подрячика. Такимъ образомъ для большинства хозяевъ отправка въ путь вызываетъ необходимость въ наличныхъ деньгахъ для найма коней. Небольшого задатка, полученнаго отъ подрядчика, у многихъ возчиковъ для этого не хватаетъ, нерѣдко въ такой моментъ возчикомъ заключается новый заемъ, конечно—на болѣе или менѣе тяжелыхъ условіяхъ. Въ силу этого, доходъ, какой могъ-бы получить отъ провоза 150 пудовъ клади владѣлецъ шести собственныхъ лошадей, для огромнаго большинства возчиковъ понижается, и бываетъ тѣмъ меньше, чѣмъ бѣднѣе возчикъ.

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, каковы собственные расходы возчика и много-ли ему остается, надо познакомиться съ обстановкой и съ техникой дѣла. Ведется оно въ Олекминскомъ краѣ такъ: условившись съ подрядчикомъ и взявъ отъ него квитанцію на полученіе такого-то количества клади, возчикъ по первой зимней дорогѣ трогается въ путь съ 4-мя или 6-ю подводами. Такъ какъ до Мачи (250 верстъ отъ Олекминска) многимъ, кто не везетъ тойонскаго груза—сѣна или масла,—приходится идти налегкѣ, то каждый олекминскій якутъ, помимо пищи и конскаго фуража, старается захватить съ собой для продажи масла, рыбы и дичи, но количество продажныхъ припасовъ у большинства возчиковъ побѣднѣй оказывается настолько незначительнымъ, что рѣдкому изъ нихъ удается выручить больше 20 рублей.

Въ прежнее время, когда подрядчики отправляли большіе обозы на собственныхъ коняхъ, десятки легкихъ подводъ—до 200 коней, еще раньше выѣзда возчиковъ, по особому найму, выѣзжали впередъ налегкѣ для уминки горнаго пути по рѣкѣ Ботамѣ, но впослѣдствіи этотъ обычай вывелся. Олекминскіе возчики идутъ сами, небольшими артелями человѣкъ въ 5—12 (возовъ 20–60), каждый переѣздъ чередуясь мѣстами. «Хозяйскіе обозы», снаряжаемые непосредственно подрядчиками, идутъ подъ наблюденіемъ «старшаго», который указываетъ людямъ очереди, будитъ ихъ поутру, и вообще—слѣдитъ за порядкомъ; въ частныхъ артеляхъ старшаго не бываетъ, но зачатки организаціи все-таки существуютъ, т. к. и въ нихъ обыкновенно выбирается особый кашеваръ, освобождаемый товарищами отъ ухода за конями.

Въ русскія селенія олекминскіе возчики избѣгаютъ заѣзжать изъ опасенія «обиды». Сдѣлавъ дневной переѣздъ—«станокъ»—

верстъ въ 40—50, обозъ завертываетъ на ночлегъ въ ближайшее «зимовье», изъ тѣхъ, что понастроены по всему пути богатыми крестьянами. Чаще всего зимовье представляетъ собою тѣсную и грязную юрту, но у скопцовъ Иллюнскаго селенія для ночлежниковъ были устроены особыя помѣщенія, далеко уступавшія по удобству самому плохому арестантскому этапу.

Возчики на это, конечно, не взыскиваютъ; переночевавъ, они оставляютъ въ зимовьѣ небольшое количество захваченнаго съ собою изъ дома сѣна (для прокорма коней на обратномъ пути), вознаграждаютъ зимовщика краюшкой хлѣба, кускомъ чая, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, и до свѣта отправляются дальше.

По прибытіи на Мачу, каждый возчикъ предъявляетъ квитанцію подрядчика, получаетъ кладь съ надлежащей фактурой, и по этой фактурѣ сдаетъ свой грузъ на пріискѣ. Ѣхать отъ Мачи до промысловъ Ленскаго товарищества (по сообщеніямъ возчиковъ) приходится верстъ 400; разстояніе отъ Мачи до Бодайбо — центра Витимской золотопромышленности — опредѣляется ими въ 520 верстъ. Въ виду этого при поѣздкахъ на Бодайбо на коня налагается только 20 пудовъ чистой клади, а въ другихъ путяхъ по 25 пудовъ.

Въ прежніе годы весь путь на промысла и обратно продолжался болѣе мѣсяца, но позже, свыкнувшись съ дѣломъ, возчики сумѣли сократить этотъ срокъ дней до 25—30-ти. Главной причиной проволочекъ раньше служила неисправность упряжи: какъ и понынѣ у якутовъ Якутскаго округа, такъ раньше у олекминцевъ, лошади никогда не ковались; дуга употреблялась самодѣльная, тонкая, выгнутая изъ тальника; шлея считалась излишней; сбруя состояла изъ веревочекъ и ремешковъ; санки дѣлались хрупкія, легкія, безъ отводовъ и безъ желѣзныхъ подрѣзовъ. Наученные опытомъ, якуты стали понемногу улучшать свой инвентарь, и проволочки съ тѣхъ поръ сократились, а падежи нѣсколько поуменьшились. Однако и въ пору нашего изслѣдованія около 10% всѣхъ лошадей не выдерживало исключительнаго по своимъ тягостямъ пути по глубокимъ снѣгамъ и обледенѣлымъ кручамъ и гибло или калѣчилось: въ Олекминскомъ краѣ нерѣдко, при сильныхъ морозахъ, безснѣжица держится очень долго и возчикамъ въ такихъ случаяхъ приходится отправляться въ путь съ рискомъ поморить лошадей, поломать сани, и всетаки доставить кладь не вполнѣ своевременно. Глубокія наледи, затопляющія на Ленѣ обширныя пространства, соз-

дают другое препятствіе для правильнаго движенія обозовъ, а третьимъ, и едва-ли не худшимъ, являются хаотическія массы остраго тороса, который во многихъ мѣстахъ загромождаетъ путь на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Благодаря такимъ условіямъ, и люди и кони въ пути сильно изнуряются, инвентарь быстро отслуживаетъ, а выгоды поставокъ сильно уменьшаются крупной утруской сѣна.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ большому ущербу для возчика, срокъ поѣздки увеличивается вслѣдствіе промедленія при нагрузкѣ и пріемкѣ клади. Раньше за простой свыше трехъ сутокъ управленія обязывались уплачивать возчикамъ высокія суточныя и, хотя на практикѣ это условіе соблюдалось плохо, но все-же, какъ выразился одинъ изъ подрядчиковъ, оно служило нѣкоторой «острасткой;» въ девяностыхъ годахъ эта «острастка» окончательно утратила силу; простой на Мачѣ и на пріискахъ затягивался до недѣли и даже болѣе, т. к. управленія экономили на наймѣ матеріальныхъ, и наличному составу служащихъ, какъ-бы они ни работали, въ дни пріема и нагрузки не было возможности справиться въ положенный срокъ. Поддержаніе силъ въ тяжеломъ пути по якутскому морозу требуетъ для возчика огромныхъ количествъ мяса и жира. На вопросъ: какъ питаются возчики въ пути?,—иллюнскіе скопцы отвѣчали: «мяса ѣдятъ въ волю, хлѣба печенаго—въ волю, масла своего, якутскаго—въ волю... такъ. что мы даже удивляемся,—какъ оно все имъ идетъ... Ну да впрочемъ безъ этого, какъ онъ и самъ-то могъ-бы идти?..—вѣдь они по ночамъ почти не спятъ—боятся, чтобы не украли—а день—на ногахъ». Помимо необходимости усиленнаго питанія, количество забираемаго въ путь съѣстного увеличивается благодаря обычаю вознаграждать зимовщиковъ не деньгами, а продуктами, и въ силу всего этого олекминскими возчиками берется въ путь: $1^1/_2$—2 п. мяса, 1 п. хаяку, $^1/_2$ п. масла, 1 кирпичъ чая и 3 п. печенаго хлѣба, что по цѣнамъ 94-го года стоило въ общемъ 20 р. 50 к. На прокормъ одного коня въ пути шло по 4 пуда зерна и по одному возу сѣна, т. е. затрачивалось minimum 6 р. 80 к. На ремонтъ инвентаря, принимая въ разсчетъ срокъ службы каждой вещи, на одну подводу въ поѣздку, т. е. на 25 пудовъ клади, падало по 3 р. 79 к. [1]). На ремонтъ конскаго состава падало не

[1]) Обзаведеніе возчика составляютъ (на одну подводу); сани 1 р., дуга, хомутъ и сѣделка—6 р., шлея—3 р., черезсѣдельникъ—50 к., арканъ и передовка—1 р., недоуздокъ и поводъ—1 р., желѣзные подрѣза—6 р., подковы—1 р. 50 к.; расходъ на ковку—50 к.

Работы на золотомъ пріискѣ.

не менѣе 2 р. на подводу. Наконецъ, не малыхъ затратъ требовалъ отъ возчика ремонтъ путевой одежды; въ пути по снѣгамъ, наледямъ и торосамъ одежда мокнетъ, рвется и быстро изнашивается; чтобы идти въ ней пѣшкомъ въ лютые морозы, она должна быть очень легка и въ то же время достаточно тепла, и многолѣтняя практика выработала у якутовъ такой родъ одежды и обуви, который удовлетворяетъ обоимъ этимъ условіямъ. Стоимость полной путевой экипировки составляетъ 40 р. 50 к., а, по сроку службы каждой вещи, на одну поѣздку изъ этого расхода падаетъ по 7 р. 20 к.[1]).

Предполагая, что возчикъ идетъ съ 5-ю своими собственными лошадьми, и что никакихъ неблагопріятныхъ случайностей въ пути не было, мы найдемъ, что его собственный расходъ при попудной разверсткѣ (считая по 25 пудовъ на подводу), составитъ 72,52 коп.; получалъ-же возчикъ отъ подрядчика номинально 85 к., но изъ нихъ лишь 30 к. наличными деньгами, а на 55 к. товаровъ, отпускавшихся ему %% на 30 выше ихъ рыночной стоимости. Такимъ образомъ даже въ идеально благопріятномъ случаѣ, при провозной цѣнѣ 90 к. съ пуда, возчикъ работалъ въ ничью, а для большинства инородцевъ, которые шли въ путь, принанимая коней, промыселъ становился положительно убыточнымъ. Прекратиться сразу онъ, однако, не могъ, т. к. лошади и все обзаведеніе у инородцевъ уже имѣлось, и другого употребленія, кромѣ извоза, для нихъ не было; фуражъ и собственное продовольствіе возчики не покупали, а брали изъ дома, и затраты промысла этимъ нѣсколько маскировались; наконецъ, самое главное, всѣ возчики были въ долгу у подрядчиковъ и такъ или иначе, хотя-бы и въ прямой разоръ для себя, вынуждены были этотъ долгъ отрабатывать. При такомъ положеніи вещей еще въ 1894 году, въ своихъ сообщеніяхъ В. Н. Скрипицину, я высказывалъ полную увѣренность въ томъ, что въ ближайшіе годы, если провозная плата не повысится, должно будетъ послѣдовать общее ухудшеніе извознаго инвентаря и усиленная убыль лошадей. Повидимому, предсказаніе это оправдалось: по крайней мѣрѣ въ «Обзорѣ» за 1898 годъ указывается на то, что въ этомъ году

---

[1]) Въ составъ полнаго снаряженія возчика входятъ: рукавицъ 3 пары—5 р., шапка—2 р., рубашка—1 р. 50 к., нижніе штаны—1 р., штаны на ватѣ зипунные—5 р., доха—8 р., 3 пары этербесъ съ обутками—8 р., зипунъ и нагрудникъ—7 р., шаль—3 р. и кушакъ—1 р.; срокъ службы каждой изъ этихъ вещей колеблется отъ одной зимы до 10 лѣтъ.

провозная плата была повышена Ленскимъ Т-вомъ на 5 коп. съ пуда—чего не могло-бы случиться, если-бы въ этомъ не было абсолютной необходимости для самихъ золотопромышленниковъ.

Извозное дѣло затрагиваетъ жизненные интересы всего инородческаго населенія Олекминскаго округа; для крестьянъ почтосодержателей оно представляетъ лишь второстепенное значеніе. Число возчиковъ-крестьянъ оказалось при переписи высокимъ только въ двухъ не-ямщицкихъ селеніяхъ: 74 человѣка, т. е. 40,4% всѣхъ хозяевъ, и въ Нохтуйскомъ участкѣ, который, благодаря своей близости къ Мачѣ, даетъ возчикамъ особыя преимущества и сокращаетъ ихъ расходы; въ силу этого нохтуйскіе богачи значительную часть подрядовъ выполняютъ на собственныхъ лошадяхъ, отправляя обозы съ наемными конюхами, которымъ уплачивалось по 12—15 р. въ путь. Всѣхъ возчиковъ въ Олекминской крестьянской волости въ зиму 94—95 года было 140 человѣкъ или 29% всѣхъ хозяевъ волости. Ихъ валовой заработокъ составлялъ, по даннымъ переписи 48.975 р.; изъ этой суммы 17.755 р. пришлось на два не-ямщицкихъ селенія, гдѣ, кромѣ возчиковъ, участіе въ извозномъ дѣлѣ принимали еще 37 лицъ: 27 сдававшихъ своихъ коней въ тѣло и 10 нанимавшихся въ конюхи.

Въ Якутскомъ округѣ извознымъ промысломъ занимаются только павловчане и амгинцы. Въ зиму 94—95 года изъ 23 опрошенныхъ домохозяевъ Павловскаго селенія 10 хозяевъ брали на себя доставку изъ Якутска въ Олекминскъ мяса для пріисковъ; каждый провезъ отъ 80 до 200 пудовъ, а всѣ вмѣстѣ 1520 пуд. За доставку одного пуда въ этотъ путь уплачивалось 95 коп. Одинъ человѣкъ отправлялся обыкновенно при пяти коняхъ. Чистой клади полагалось на возъ 20 пуд. За тѣло коня въ олекминскій путь бралось 10 рублей.

Въ Амгинской слободѣ около трехъ десятковъ хозяевъ занимались извозомъ когда случится. Торговая дѣятельность въ этомъ краѣ развита такъ слабо, что возить по многу крестьянамъ не приходится. Раньше большіе грузы проходили черезъ Амгу въ Охотскъ и въ Удскій край, но уже лѣтъ пятьдесятъ, какъ отправка казенной клади по этимъ путямъ прекратилась, а частные товары шли въ небольшихъ количествахъ изъ Якутска въ Амгу, въ лавки мѣстныхъ торговцевъ, да изъ Амги на Усть-Маю, причемъ уплачивалось за городской путь по 30 к. съ пуда и за майскій копѣкъ по 30—40. Почти всѣ амгинскіе возчики брали на

себя доставку 100—200 п., не болѣе; только одинъ въ зиму 94—95 г. провезъ 300 пудовъ, да одинъ ходилъ съ кладью на Нимanскіе пріиски, получивъ за провозъ по рублю съ пуда.

Ранѣе, когда золото вырабатывалось на Аимѣ и Маймаканѣ, недурной заработокъ получали отъ извоза усть-майцы, но съ 87 года пріиски закрылись и деревня обѣднѣла. По наблюденіямъ сосѣднихъ скопцовъ, крестьяне успѣли свыкнуться съ прежнимъ образомъ жизни и «отстали отъ земли». Въ зиму 94 г. только одинъ майскій крестьянинъ вывезъ на Нельканъ 35 п. клади, получивъ за это по 1 р. 40 к. съ пуда. Остальные усть-майцы подрабатывали себѣ средства къ жизни другими промыслами.

II. Почтовая гоньба, извозъ, скотоводство и земледѣліе составляютъ главные промыслы крестьянскаго населенія. Большинство крестьянъ другихъ заработковъ не имѣетъ, а люди, почему-нибудь выбившіеся изъ колеи, или взрослые члены многочисленныхъ по своему составу семей, не смотря на дальность разстояній, вынуждаются уходить на сторону, чаще всего—на пріиски, а не то за предѣлы Якутской области.

Всего болѣе отхожіе промыслы развиты въ Амгинской слободѣ, но по даннымъ волостной канцеляріи было невозможно установить, какіе изъ отлучныхъ крестьянъ находились во временной отлучкѣ, а какіе въ безвѣстной. При отсутствіи на мѣстѣ спроса на трудъ, многіе амгинцы, окончательно обѣднѣвъ, удаляются изъ слободы со всею семьей; нѣкоторые изъ такихъ ушлецовъ впослѣдствіи возвращаются, а другіе исчезаютъ навсегда. Есть слобожане, которые одинъ годъ проводятъ на пріискахъ, а другой дома. Кое кому изъ пріискателей удается приносить «изъ тайги», т. е. съ золотыхъ промысловъ, довольно крупныя суммы: въ годъ изслѣлованія одинъ вернулся съ шестьюстами рублей, двое—съ пятьюстами, человѣка 4 прислали роднымъ рублей по 200—300, но въ общемъ такіе случаи рѣдки, и, какъ кажется, чаще бываетъ, что человѣкъ, которому на сторонѣ повезетъ, вызываетъ къ себѣ жену и дѣтей и совсѣмъ порываетъ связь со слободой.

На приленскихъ станціяхъ Якутскаго округа въ отходъ чаще всего отправляются вернувшіеся со службы солдаты и взрослые парни изъ большихъ семей. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ старостой, въ 1893—94 г. въ обоихъ участкахъ коренными крестьянами и бывшими солдатами изъ крестьянъ было выправлено билетовъ:

	1893 г.	1894 г.
За предѣлы области	32	30
Въ г. Якутскъ	6	4
Въ разные округа Якут. области	28	23
На пріиски Олекм. и Витимской системы	41	53
	107	110

110 человѣкъ составляютъ 10,8% всего мужского населенія и почти 23% мужчинъ рабочаго возраста. Молодые люди, уходя на пріиски осенью, возвращались весной и приносили домой рублей по 40—150. Въ Олекминской волости цифровыхъ данныхъ объ отходѣ крестьянъ мнѣ добыть не удалось, но и тамъ, навѣрно, процентъ уходящихъ на пріиски никакъ не менѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Годовое жалованье рабочаго на пріискахъ составляло отъ 200 до 900 рублей, но въ лѣтнее время всегда находилось много охотниковъ брать на себя «старательскія» работы, причемъ найденное золото сдавалось старателемъ пріисковымъ управленіямъ по цѣнѣ 2 р.—3 р. 50 к. за золотникъ. Высота старательскаго заработка опредѣляется всецѣло случаемъ, или, какъ говорятъ въ Сибири, «фартомъ», но чаще всего заработокъ въ среднемъ оказывается не великъ.

III. Нѣкогда для всего населенія Якутской области какъ инородческаго, такъ и русскаго, главнымъ занятіемъ являлось звѣроловство. Якутскій соболь былъ въ славѣ на всю Россію. Но это время давно прошло. Въ 1836 году на ярмаркѣ въ г. Якутскѣ было въ продажѣ 18.000 соболей, а въ 92 году только 80 шкурокъ; бѣлки, вмѣсто 615.000 шкурокъ 36-го года, въ 92 г. было 107.563; лисицъ, вмѣсто 16.000—4.049 и т. д.,[1]) да и въ этомъ сократившемся количествѣ всякой пушнины большая часть теперь доставляется населеніемъ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ. Русскіе крестьяне въ концѣ XIX вѣка во многихъ селеніяхъ совсѣмъ не занимались звѣроловствомъ, въ Амгѣ промышляли понемногу, преимущественно зайцевъ, и лишь въ Нохтуйскомъ участкѣ занимались этимъ дѣломъ въ серьезъ и получали отъ звѣроловства кое-какую выгоду.

Олекминскіе якуты, наоборотъ, даже съ развитіемъ среди нихъ земледѣлія, не оставили промысла, хотя всѣ его выгоды,

[1]) М. И. Сосновскій. «Очерки физической географіи Якут. области». П. Кн. 1896 г. Дѣйствительныя количества продававшейся пушнины были навѣрно значительно выше, но ихъ относительная высота можетъ характеризоваться и этими цифрами.

по ихъ словамъ, достаются «подторговщикамъ», у которыхъ кредитуется охотникъ, обязанный именно данному подторговщику сдавать всю свою добычу. Олекминцы отправляются на промыселъ чаще всего небольшими артелями въ 3—4 человѣка, причемъ везутъ съ собою на санкахъ съѣстные припасы. На одинъ мѣсяцъ забирается для одного охотника: ½ пуда масла, 1½ пуда муки, 1 кирпичъ чаю, 1 фунтъ сахару, и 3 ф. соли. Пороху и свинца въ мѣсяцъ выходитъ фунта по 2. При удачѣ, за это время случается добыть до 200 бѣлокъ, т. е. maximum до 30 рублей, если не посчастливится встрѣтить звѣря поцѣннѣй. При отсутствіи какихъ-бы то ни было письменныхъ данныхъ, я собиралъ свѣдѣнія о развитіи промысла среди олекминскихъ якутовъ путемъ опроса старожиловъ; по ихъ сообщеніямъ, въ Мальжегарскомъ наслегѣ, смотря по году, отправляется въ тайгу человѣкъ 150—200. Главнымъ предметомъ добычи служитъ для нихъ бѣлка, которой въ средній годъ добывается 20—30 тысячъ штукъ. Цѣна шкурки была въ тѣ годы 10—15 коп. Медвѣдей за зиму случается убить штукъ 10—15. Медвѣжья шкура шла рублей за 10—25. Въ 80-хъ годахъ въ краѣ развелось было много волковъ; за ихъ истребленіе была назначена премія въ 10 руб. за голову и черезъ нѣсколько лѣтъ волки уже исчезли. Въ 1-мъ Нерюхтейскомъ наслегѣ бѣлокъ добывалось, какъ мнѣ передавали, 10 тысячъ штукъ и медвѣдей штукъ по 10. Въ 1-мъ Меитскомъ—бѣлокъ тысячъ 5, лисицъ штукъ 30 (шли рубля по 3—4), медвѣдей штукъ 5, и горностаевъ штукъ 30 (цѣна 8—10 коп.). Въ Кятчинскомъ наслегѣ:—бѣлокъ 2 тысячи, лисицъ штукъ 10, медвѣдей штукъ 5, и горностаевъ штукъ 30. Всѣ эти цифры, конечно, приблизительны, но умышленной неправды въ сообщеніяхъ моихъ собесѣдниковъ, какъ мнѣ кажется, не было.

Хотя порохъ и свинецъ ссужаются инородцамъ изъ Окружной полиціи, но многіе якуты при бесѣдахъ выражали желаніе, чтобы размѣръ этихъ ссудъ былъ увеличенъ хотя-бы до 1-го фунта пороха и 1-го фунта свинца на каждаго человѣка.

Крестьяне Нохтуйскаго участка въ тайгѣ главнымъ образомъ «бѣлкуютъ», но охотятся также на медвѣдей и на сохатыхъ. На сохатыхъ, выслѣдивъ ихъ на пути къ солонцамъ, охотники роютъ ямы, глубиною приблизительно въ одну сажень; сверху такая яма заваливается деревьями и засыпается землей. Шкура сохатаго шла въ продажѣ рубля въ 3—4. На медвѣдей крестьяне строятъ лабазы на деревьяхъ или ходятъ зимой, отыскавъ предварительно

берлогу. Въ Якутскомъ округѣ крестьяне не только не промышляютъ медвѣдя, но питаютъ къ нему почти мистическій страхъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ 2-го участка всякое лѣто звѣрь давитъ штукъ по 8—10 скота почти у самой околицы и жители смотрятъ на это какъ на Божье попущеніе и боятся принимать какія-бы то ни было мѣры. Въ самомъ крайнемъ случаѣ они ждутъ прихода тунгусовъ и просятъ тѣхъ избавить ихъ отъ прожорливаго сосѣда. На мой вопросъ: да почему-же они сами не управятся?— слѣдовалъ смиренный отвѣтъ: «мы не привышны; мы боимся».

Рыболовство доставляетъ крестьянамъ сколько нибудь крупный доходъ только на станціяхъ Салянской и Харьялахской. Тамъ за годъ выручается отъ продажи рыбы рублей по 500—700. Въ меньшихъ размѣрахъ ловля производится, однако, повсюду, причемъ мелкая рыба, добываемая маленькими сѣтями стоимостью рублей въ 5, вся потребляется на мѣстѣ, а въ продажу идетъ преимущественно нельма, для лова которой употребляется неводъ стоимостью въ 60—90 рублей. Такіе невода имѣются лишь у немногихъ крестьянъ, владѣющихъ вмѣстѣ съ этимъ и лодками (лодка-пятерка оцѣнивается рублей въ 20—25). По большей части хозяинъ невода приглашаетъ четверыхъ товарищей и весь уловъ дѣлится по числу работающихъ плюсъ единица, такъ какъ одинъ пай по обычаю идетъ «на неводъ» (т. е. владѣльцу невода). Изрѣдка бываетъ, что хозяинъ на одинъ осенній мѣсяцъ нанимаетъ для лова работника, уплачивая ему за мѣсячный трудъ 15 рублей съ харчами отъ хозяина. Чаще, однако, неводятъ артелью и на всю артель налавливаютъ за лѣто пудовъ до 60-ти. На мѣстѣ пудъ нельмы сбывался подторговщикамъ рубля по 4—5, а въ городѣ продавался вдвое дороже.

IV. Горный характеръ мѣстности дѣлаетъ несомнѣннымъ существованіе въ Приленскомъ краѣ разнообразныхъ минеральныхъ богатствъ, допускающихъ разработку. Въ частности, существованіе серебра (между прочимъ, близь ст. Титъ—Аринской), давно извѣстно. Есть и мѣдь, и свинецъ, и богатѣйшія залежи соли, и превосходное по качествамъ желѣзо. Крестьяне говорятъ о слюдѣ и желѣзѣ по р. Синей, о свинцѣ и серебрѣ по мелкимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Лену... Обо всемъ этомъ знали русскіе еще въ XVIII вѣкѣ [1]), но всѣ богатства якутскихъ нѣдръ, кромѣ

[1]) Между прочимъ, въ донесеніи комиссара Измайлова Иркутскимъ властямъ отъ 1797 года уже указывалось на рѣки Олекму и Витимъ, на которыхъ «по доказываньямъ... примѣчанія достойныя горы, и по онымъ породы камней». Арх. Олекм. Окр. Пол.

одного только золота, и донынѣ покоятся также безмятежно и также безполезно для населенія, какъ и во времена Тыгына. Только на станціи Точильной крестьяне собственными силами добываютъ точильный камень и выдѣлываютъ жернова. Этотъ промыселъ не имѣетъ никакой организаціи и приноситъ небольшой доходъ.

На той-же Точильной, и въ сосѣднихъ селеніяхъ: Жедайскомъ, Нохтуйскомъ, и Березовскомъ съ конца 80-хъ годовъ, въ виду пріисковаго спроса, получило развитіе *огородничество*. На ст. Березовской, по заявленіямъ домохозяевъ, въ 94 году было продано овощей на 2220 рублей, а весь доходъ отъ этого дѣла по четыремъ названнымъ станціямъ составлялъ не менѣе 5 тысячъ рублей. Въ Павловскомъ селеніи огородничество можно назвать даже главнымъ промысломъ жителей. При переписи только пятеро домохозяевъ заявили свой доходъ отъ этого дѣла въ суммахъ не свыше 100 руб.; всѣ остальные выручали отъ продажи овощей въ г. Якутскѣ рублей по 200 и болѣе, такъ какъ общая выручка, по показаніямъ самихъ хозяевъ, составляла 3.480 руб. Техника огороднаго дѣла у павловцевъ стоитъ сравнительно высоко: огороды обильно удобряются, тщательно выпалываются, а для поливки у каждаго хозяина имѣется деревянное сооруженіе, при помощи котораго вода вычерпывается изъ озера и идетъ въ разливъ по грядамъ. Капуста и огурцы, повидимому, вполнѣ акклиматизировались въ этой мѣстности, такъ какъ крестьяне пробовали покупать сѣмена съ паузковъ, но не замѣтили въ родившихся овощахъ никакой разницы съ мѣстными. Средній кочанъ павловской капусты вѣситъ 6—8 фунтовъ, лучшій доходитъ до 12-ти. Кромѣ капусты и огурцовъ, павлочане разводятъ: морковь, рѣпу, рѣдьку, брюкву, лукъ, редиску, и въ маломъ количествѣ петрушку.

Въ меньшемъ и въ худшемъ видѣ огородничество существуетъ и на подгородныхъ станціяхъ Табагинской и Тектюрской. Тамъ оно приноситъ жителямъ рублей по 500 въ годъ.

На тѣхъ-же станціяхъ и въ Павловскомъ отъ продажи яицъ всѣ хозяйки выручаютъ отъ 6 р. до 25 р. въ годъ.

Мужчины подгороднаго района, особенно на Табагѣ, занимаются изготовленіемъ почтовыхъ возковъ и кошевокъ, которые раскупаются у нихъ ямщиками болѣе отдаленныхъ селеній. Этотъ промыселъ даетъ мастерамъ въ лучшемъ случаѣ до 300 рублей въ годъ.

Наконецъ, иные изъ крестьянъ 1-го участка зарабатываютъ рублей отъ 10 до 75 въ лѣто сплавомъ дровъ въ г. Якутскъ. Павловцы на рубкѣ и поставкѣ дровъ выручаютъ рублей по 10—40 на одинъ дворъ.

Кое-что случается зарабатывать приленскимъ крестьянамъ лоцманствомъ на паузкахъ, и амгинцамъ отъ найма судорабочими при лѣтнемъ движеніи товаровъ по рѣкамъ Алдану и Ленѣ, но эти заработки случайны и ничтожны.

Въ общемъ, опредѣляя стоимость зерна и молочныхъ продуктовъ по ихъ мѣстнымъ цѣнамъ, можно заключить, что только въ Павловскомъ селеніи годовой доходъ средней крестьянской семьи долженъ былъ составлять не менѣе 400 рублей; по станціямъ Якутскаго округа средняя семья могла вырабатывать отъ 150 до 200 руб. въ годъ, а въ Амгѣ—менѣе 100 руб. въ годъ. Подъ Олекминскомъ уровень крестьянской жизни повышался, и въ Нохтуйскомъ участкѣ онъ былъ ближе къ Павловскому, чѣмъ къ Амгинскому.

Добавленіе къ главѣ XII-й. Съ упадкомъ золотопромышленности извозъ пріисковой клади утратилъ для населенія Олекминскаго округа свое прежнее значеніе, хотя и теперь онъ, повидимому, не вполнѣ прекратился.

Звѣропромышленность области продолжаетъ идти на убыль, о чемъ можно судить по неуклонно понижающемуся въ «Обзорахъ» числу лицъ, занятыхъ промысломъ. Сами по себѣ эти числа, разумѣется, крайне сомнительны, но прогрессія, въ какой они убываютъ, заслуживаетъ вниманія: въ 1899 году число звѣропромышленниковъ указано для всей области въ 21.004 человѣка, въ 1901 году—въ 15.248 чел., въ 1905 г.—въ 19.165 чел., въ 1907 г.—въ 10.315 чел. и въ 1908 г.—въ 8.412 чел.

Прочіе промыслы, судя по всему, и теперь доставляютъ крестьянамъ такой-же ничтожный доходъ какъ и раньше. Если какое нибудь дѣло стало за эти годы болѣе доходнымъ, то развѣ поставка дровъ на ленскіе пароходы, но самъ по себѣ и этотъ заработокъ долженъ доставлять небольшую сумму.

Глава XIII.

Скопческія селенія:

I. Возникновеніе скопческихъ селеній въ Якутской области. II. Половой и возрастный составъ скопческаго населенія. III. Обособленность скопческаго міра; управленіе, подати и мірскіе сборы. IV. Надѣльныя земли и земельные порядки. V. Хозяйственная и торговая дѣятельность скопцовъ.

---

1) Наряду съ крестьянами, водворенными для отбыванія почтовой гоньбы, въ Якутскомъ краѣ съ давнихъ поръ существовалъ особый классъ «крестьянъ изъ ссыльныхъ» и ссыльно-поселенцевъ, частью осѣдавшихъ на мѣстѣ и растворявшихся въ крестьянской средѣ. До половины XIX вѣка въ общемъ составѣ ссыльныхъ крестьянъ выдѣлялись, какъ особый культурный элементъ, только духоборы, сыгравшіе замѣтную роль въ первоначальномъ развитіи мѣстнаго земледѣлія. Однако, до второй половины 90-хъ годовъ число ихъ было настолько незначительно, что они не составляли особыхъ обществъ, и только послѣ массовой высылки послѣдователей этой секты съ Кавказа, въ Якутской области возникли цѣлыя духоборческія селенія; но это произошло уже послѣ моего выѣзда изъ Якутска. До 1895 года въ ряду другихъ сектантовъ, по своей численности и по своему значенію для края, выдѣлялись только скопцы, которые жили въ обособленныхъ селеніяхъ и подчинялись особому управленію, совершенно независимо отъ общихъ крестьянскихъ установленій.

Съ 1847 года правительство, считая скопчество сектой особенно вредной, стало водворять осужденныхъ скопцовъ въ Туруханскомъ краѣ, т. е. за полярнымъ кругомъ, въ пустынной тундрѣ, въ которой ни земледѣліе, ни какая-бы то ни было другая культурная дѣятельность рѣшительно невозможны. Скопцы жили тамъ нѣсколько лѣтъ, испытывая величайшія лишенія, и, конечно, усиленно добивались перевода въ такое мѣсто, гдѣ можно было-бы жить и работать. Въ 1859 году генералъ-губернаторъ графъ Муравьевъ-Амурскій указалъ для водворенія скопцовъ другое мѣсто, не менѣе отдаленное, чѣмъ Туруханскій край, и тоже въ достаточной мѣрѣ «гиблое»,—какъ говорятъ въ Сибири,—побережья

рѣкъ Алдана и Маи, въ восточной части Якутскаго округа. Это край горный, каменистый и дикій. Населеніе его очень рѣдко и состоитъ частью изъ бродячихъ тунгусовъ-звѣролововъ и частью изъ объякутившихся тунгусовъ, имѣющихъ скотъ и перечисленныхъ въ кочевые. Повидимому, избирая эту мѣстность, Муравьевъ разсчитывалъ создать нѣкоторую культуру вблизи отъ Аянскаго тракта, устроеніемъ котораго онъ былъ тогда озабоченъ.

Изъ архивныхъ дѣлъ Олекминской окружной полиціи видно, что первыя партіи туруханскихъ переселенцевъ прибыли въ Якутскую область въ 1860 году въ числѣ 223 душъ обоего пола. Изъ нихъ 129 человѣкъ было доставлено на паузкахъ, а 95 человѣкъ, очевидно—обладавшихъ денежными средствами, прибыли на свой счетъ, что требовало, по тогдашнимъ условіямъ пути, расхода рублей въ 500 на человѣка.

Временно всѣ эти люди размѣстились близъ городовъ Якутска и Олекминска. а 20-го іюня 1861 года Якутское Областное Управленіе «въ видахъ облегченія инородцевъ, при затрудненіи въ собственномъ пропитаніи, и для избѣжанія несчастныхъ случаевъ при водвореніи скопцовъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ», постановило поселить прибывшихъ сектантовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія (финновъ и эстовъ) на урочищѣ Марха, въ 8 верстахъ отъ г. Якутска, на мѣстахъ, которыя ранѣе предназначались для водворенія лицъ, лишенныхъ духовнаго званія. Скопцовъ изъ православныхъ (великоруссовъ и малоруссовъ) было рѣшено разселить частью по Олекминскому округу, а частью въ дальнихъ мѣстностяхъ Якутскаго округа: на урочищѣ Таргалахъ, близъ станціи Учугей-Муранской, т. е. по Аянскому тракту, верстъ за 200 отъ Якутска, и на Алданѣ, близъ Старой Часовни, еще верстъ за 250 къ юго-востоку.

Въ теченіе позднѣйшихъ десятилѣтій неослабѣвавшее преслѣдованіе секты въ Россіи вело къ постоянному пополненію скопческаго населенія Якутской области и часть сосланныхъ направлялась администраціей даже въ дальніе округа: Вилюйскій, Верхоянскій и Колымскій. Большинству удавалось, однако, осѣсть въ Якутскомъ или въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ мѣстныя власти разселяли сектантовъ по тайгѣ небольшими колоніями въ 10—15 человѣкъ. Подборъ колонистовъ для каждой намѣченной деревни производился начальствомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣ колоніи представляли приблизительно одинаковую рабочую силу и не очень разнились одна отъ другой по числу дряхлыхъ стари-

ковъ. Каждая колонія составляла особое «общество», избиравшее изъ своей среды одного старосту, находившагося въ непосредственномъ подчиненіи у мѣстнаго засѣдателя.

Если въ шестидесятыхъ годахъ полицейскія управленія имѣли широкую дискреціонную власть надъ полноправнымъ крестьянскимъ населеніемъ, то по отношенію къ ссыльнымъ сектантамъ власть чиновъ полиціи была почти безгранична и давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Полиція не только избирала мѣста для поселенія, часто зная эти мѣста лишь по названію, не только тасовала поселенцевъ по своему усмотрѣнію, но и предписывала имъ порядокъ работъ, настаивая на точномъ выполненіи регламента, выработаннаго въ окружной канцеляріи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда избранная для поселка мѣстность казалась скопцамъ неудобной, они, конечно, пытались перепроситься въ другой пунктъ и не торопились приступать къ расчисткѣ лѣса и къ постройкѣ домовъ. Тогда ихъ принуждали къ работѣ суровыми мѣрами. Въ архивѣ Амгинской Мірской Избы сохранилась переписка, возсоздающая характерныя черты тогдашнихъ пріемовъ водворенія скопцовъ въ непоглянувшемся имъ мѣстѣ [1]): въ окрестностяхъ Амгинской слободы администрація рѣшила основать три скопческихъ поселка: во 2 Чекурскомъ наслегѣ, въ 4 верстахъ отъ слободы; во 2 Скороульскомъ, въ 35 верстахъ, при урочищѣ Боръ-Хая; и въ 1 Скороульскомъ, на 2 версты ниже, при урочищѣ Чарбога-Чаранъ. Избранному скопцами старшинѣ Дмитрію Гурченкѣ изъ Земскаго суда было дано письменное «Наставленіе», въ силу котораго онъ долженъ былъ заблаговременно отправиться въ улусъ съ двумя партіями скопцовъ, назначенныхъ для рубки лѣса, выкоса сѣна и приготовленія жилищъ, и «сдѣлать все то, что только предлежитъ добрымъ хозяевамъ». Для продовольствія скопцовъ, впредь до полученія ими урожая съ собственныхъ запашекъ, въ Амгѣ былъ тогда устроенъ особый магазинъ, въ которомъ хранилось 2.295 пудовъ казеннаго хлѣба. Однако, ни одинъ изъ трехъ приамгинскихъ пунктовъ водворенія не понравился скопцамъ и они уклонились отъ возведенія тамъ жилищъ. Тогда, въ сентябрѣ того же года, исправникъ предписалъ амгинскому сельскому старостѣ: «.....Находящіеся въ Амгинскомъ селеніи скопцы..... не произвели никакихъ работъ для будущихъ поселеній, кромѣ выкоса сѣна, а потому я приказалъ скопцамъ сегодня же отправиться

---

[1]) Арх. Амг. Мір. Избы. 62 г. Д. № 35.

26 человѣкамъ въ 1-й Скороульскій наслегъ и остальнымъ въ Чекурскій. Такъ какъ скопцы по упрямству противъ всѣхъ распоряженій начальства до сего времени не произвели никакихъ работъ для будущихъ поселеній на означенныхъ имъ мѣстахъ, то я нахожусь вынужденъ, впредь до особаго распоряженія начальства, поручить тебѣ: 1) приказать всѣмъ обывателямъ Амгинской слободы сегодня же отказать скопцамъ въ квартирахъ и послѣднихъ выпроводить изъ слободы; 2) имѣть строгое наблюденіе самому, чтобы скопцы производили до наступленія холоднаго времени назначенныя имъ работы, и неисполнившихъ это подвергать полицейскому наказанію, и 3) также приказать обывателямъ, чтобы они, до наступленія холоднаго времени или до разрѣшенія твоего, не принимали на квартиру ни одного скопца»... Въ силу этого распоряженія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда въ Якутской области бываютъ уже крѣпкіе заморозки, всѣ скопцы, не исключая стариковъ, должны были внезапно очутиться подъ открытымъ небомъ и жить въ тайгѣ, въ какихъ-нибудь самодѣльныхъ шалашахъ, пока не наступитъ полная зима... Несмотря на такую энергію полиціи, скороульскіе и чекурскіе скопцы не осѣли надолго на указанныхъ имъ мѣстахъ, а при первой возможности водворились въ селеніяхъ Новопокровскомъ и Петропавловскомъ, гдѣ они покупали усадьбы и пріобрѣтали готовыя пашни у отъѣзжавшихъ старообрядцевъ.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ скопческія селенія возникали по указаніямъ полиціи въ томъ или другомъ пунктѣ, но существовали недолго, такъ какъ ихъ обитателямъ удавалось въ концѣ концовъ перебраться въ селенія, расположенныя по долинѣ Лены, ближе къ городу.

По свѣдѣніямъ, записаннымъ мною со словъ скопцовъ-старожиловъ, такихъ недолговѣчныхъ поселковъ было девять: 1) на рѣкѣ Ноторѣ, въ 56 в. отъ Амги, въ 75 году было поселено 40 м. и 26 ж. Проживъ здѣсь четыре года, обитатели были переведены на Алданъ, въ селеніе Троицкое; покинутыя усадьбы «якуты поразвезли и пожгли», и черезъ 20 лѣтъ мѣсто бывшей деревни успѣло порости лѣсомъ и вновь задичать; 2) при станціи Учугей-Муранской—селеніе Нотаро-Воскресенское; его жители въ 77 году были переведены въ Хатынъ-Аринцы, на лѣвомъ берегу Лены; 3) по Алдану, верстъ на 300 вверхъ отъ д. Усть-Майской, въ 75 году былъ основанъ поселокъ Бельдичъ; тамъ жило человѣкъ 15; они пробовали сѣять, но безъ успѣха, и черезъ годъ пере-

просились въ Хатынъ-Аринцы; 4) по рѣкѣ Юдомѣ жило нѣсколько человѣкъ, возвращенныхъ изъ Колымска и Верхоянска; 5) и 6) по Аянскому тракту на станціяхъ Эльгонъ и Куманонъ съ 77-го по 87-й г.г. жило человѣкъ 14, впослѣдствіи перепросившихся на Марху; 7) и 8) жители Тастатскаго и Одейскаго селеній, на горахъ лѣваго берега, въ 60 в. отъ г. Якутска, въ виду постояннаго вымерзанія хлѣбовъ, въ 83 году были перемѣщены внизъ, ближе къ Ленѣ, въ селеніе Кильдемское; 9) Чурапчинское селеніе, по Охотскому тракту, въ 160 в. отъ города, было покинуто въ 88 году, такъ какъ обитатели его также постоянно жаловались на «вымерзаніе» хлѣбовъ. Въ этомъ случаѣ ссылка на морозы была невѣрна и въ дѣйствительности чурапчинскими скопцами руководило стремленіе жить поближе къ рынку. Якуты и политическіе ссыльные въ той же самой мѣстности получали нормальные урожаи, но тѣ сѣяли лишь для собственнаго потребленія, тогда какъ для скопцовъ земледѣліе служило единственнымъ, доступнымъ въ ихъ положеніи, средствомъ примѣненія ихъ трудовыхъ силъ и ихъ капиталовъ. Скопческіе посѣвы производились именно для продажи зерна, и отсутствіе рынка обрекало скопцовъ почти на полную бездѣятельность.

Уже въ первой партіи сосланныхъ, какъ мы видѣли, было 95 человѣкъ, ѣхавшихъ на свой счетъ, т. е., несомнѣнно, людей состоятельныхъ. Въ позднѣйшіе годы въ числѣ вновь ссылаемыхъ также нерѣдко прибывали люди со средствами, а нѣкоторые скопцы получали деньги отъ родственниковъ или друзей изъ Россіи. По свѣдѣніямъ обозрѣвавшаго скопческія селенія въ 1881 году штабъ-офицера для особыхъ порученій при Иркутскомъ генералъ-губернаторѣ маіора Калагеорги, черезъ Якутскую почтовую контору скопцами одного Якутскаго округа было получено: въ 1877 году—8.155 р. 70 к., въ 1878 г.—6.048 р., въ 1879 г.—9.425 р., и въ 1880 г.—4.448 р. Часть этихъ средствъ употреблялась состоятельными сектантами на пособіе неимущимъ и дряхлымъ товарищамъ, положеніе которыхъ на первыхъ порахъ, пока переселенцы не обстроились, было въ высшей степени тяжелымъ. Петропавловскіе старики передавали мнѣ, что въ эпоху ихъ стоянки таборомъ въ нерасчищенной тайгѣ они чувствовали себя, «какъ Израиль въ пустынѣ», и имъ казалось, что они достигли предѣла человѣческихъ бѣдствій. Перебились они тогда, по ихъ словамъ, только благодаря помощи ихъ богатаго единовѣрца М. Плотицына. Если скопцы успѣли въ общемъ довольно быстро спра-

виться съ невзгодами своего первоначальнаго положенія, от это произошло въ значительной мѣрѣ именно благодаря ихъ состоятельности, позволившей имъ въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться наемнымъ трудомъ тунгусовъ и якутовъ.

Къ началу девяностыхъ годовъ въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ существовало десять скопческихъ селеній, далеко превосходившихъ по своей зажиточности и культурности жалкія деревушки коренныхъ крестьянъ:

Въ Якутскомъ округѣ, 1) *Мархинское селеніе*, расположенное по теченію рѣки Мархи и ея притока Булунъ-Оломо, въ 8 верстахъ отъ города Якутска. Къ первоначальнымъ засельщикамъ изъ лютеранъ сюда вскорѣ же начали присоединяться и ссыльные изъ русскихъ, преимущественно изъ числа болѣе зажиточныхъ, такъ какъ близость отъ города давала обитателямъ Мархи разнообразныя преимущества и перевода сюда ссыльные добивались, не жалѣя затратъ. Въ 1895 году здѣсь проживало 183 м. и 192 ж.

2) *Селеніе Новониколаевское*, въ 15 верстахъ отъ города, при озерѣ Хамыстахъ. Оно образовалось въ 88 году, когда сюда были переведены сектанты съ Чурапчи. По переписи 95 года жителей здѣсь было 61 м. и 43 ж.

3) *Кильдемское селеніе*, въ 30 в. отъ г. Якутска, не берегу рѣки Кильдемки и озера Неджели; заселено въ 83 г. обитателями уничтоженнаго Тастатскаго селенія; жителей имѣло 63 м. и 49 ж.

4) *Хатынъ-Аринское селеніе*, въ 100 в. отъ города, въ Намской долинѣ; первые жители были переведены сюда въ 77 году изъ различныхъ мѣстностей заленскаго края; въ 95 году ихъ было 48 м. и 35 ж.

5) *Петропавловское селеніе*, на лѣвомъ берегу Алдана, въ 7 в. отъ д. Усть-Майской и въ 360 в. отъ г. Якутска; заселено скопцами въ 72 году, въ 95 году жителей было 36 м. и 29 ж.

6) *Троицкое селеніе*, образовано въ 79 году на правомъ берегу Алдана, въ 6 верстахъ отъ Петропавловскаго сел.; въ немъ насчитывалось 43 м. 21 и ж.

Въ Олекминскомъ округѣ,—7) *Спасское селеніе*, было основано въ 61 году и составляло непосредственное продолженіе города Олекминска, образуя его лучшую улицу; жителей въ 95 году считалось 160 м. и 86 ж. Въ Олекминскомъ округѣ Спасское играло такую-же роль, какъ Марха въ Якутскомъ,—сюда всячески стремились перевестись сектанты изъ дальнихъ поселеній.

8) *Селеніе Троицкое*, въ 15 верстахъ отъ Олекминска, близъ устья рѣки Олекмы; основано въ 62 году; населеніе 95 года—41 м. и 19 ж.

9) *Усть-Чаринское*, при устьѣ впадающей въ Олекму рѣки Чары, въ 40 верстахъ отъ города; основано въ 79 году; населеніе 95 года—17 м. и 20 ж.

10) *Иллюнское селеніе*, на лѣвомъ берегу Лены, въ 210 в. отъ города. Ранѣе здѣсь находилась резиденція какого-то пріиска, но въ 68 году на Иллюнѣ было поселено 50 душъ скопцовъ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи переселились, а иные бѣжали; въ 95 году оставалось 27 м. и 8 ж.

II. Высшее правительство, въ цѣляхъ репрессіи, стремилось разселять скопцовъ въ наиболѣе глухихъ и обособленныхъ мѣстностяхъ, но якутская администрація имѣла возможность скоро оцѣнить культурное значеніе скопцовъ, такъ какъ тѣ, поселяясь вблизи отъ городовъ, являлись для городскихъ жителей лучшими поставщиками хлѣба, огородныхъ овощей и доброкачественныхъ молочныхъ продуктовъ. Помимо этого, не малую роль въ пріобрѣтеніи благосклонности ближайшаго полицейскаго начальства играла, конечно, и «благодарность» со стороны состоятельныхъ сектантовъ, которымъ удавалось избѣгнуть отправки въ болѣе отдаленныя мѣста. Въ половинѣ 70-хъ годовъ иркутскія власти обратили вниманіе на возникновеніе скопческихъ селеній вблизи отъ городовъ и въ 81 году, для выясненія роли скопцовъ въ мѣстной хозяйственной жизни, въ Якутскъ былъ командированъ изъ Иркутска маіоръ Калагеорги,—одинъ изъ лучшихъ представителей тогдашней администраціи, оставившій по себѣ очень хорошую память среди рабочихъ и другихъ жителей пріисковаго района. Маіоръ Калагеорги вынесъ изъ обозрѣнія скопческихъ селеній самое лучшее впечатлѣніе; ему бросилось въ глаза ихъ процвѣтаніе, хозяйственное благоустройство, трезвость и другія положительныя качества самихъ сектантовъ; помимо этого, Калагеорги былъ человѣкъ гуманный, едва-ли сочувствовавшій неуклонному примѣненію къ мирнымъ и трудолюбивымъ людямъ репрессивной политики. Докладъ его оказался благопріятенъ для скопцовъ. Въ томъ же духѣ высказался и бывшій якутскій вице-губернаторъ Приклонскій, представившій по этому вопросу особый докладъ въ апрѣлѣ 84 года. Высшее начальство послѣ этого смотрѣло сквозь пальцы на существованіе скопческихъ селеній вблизи отъ городовъ, но вся жизнь скопцовъ, ихъ общественное самоупра-

вленіе, ихъ сельско-хозяйственная и торговая дѣятельность, и даже ихъ домашній бытъ были опутаны цѣлой сѣтью крайне стѣснительныхъ постановленій: скопцамъ оффиціально воспрещались отлучки изъ селенія, они были стѣснены въ правѣ распоряженія своимъ имуществомъ, въ правѣ имѣть у себя православныхъ рабочихъ, и т. д. и т. д. Если-бы всѣ эти правила примѣнялись въ точности, то скопцамъ оставалось-бы только сидѣть у себя по домамъ и укрѣпляться въ своемъ фанатизмѣ. На дѣлѣ, однако, чины полиціи не были въ этомъ случаѣ слишкомъ ретивы, и лишь благодаря этому, скопческая культура могла возникнуть и на нѣсколько десятилѣтій успѣла, было, даже упрочиться въ Якутскомъ краѣ.

При отсутствіи у скопцовъ естественнаго прироста, маіоръ Калагеорги высказывалъ опасеніе, что черезъ нѣсколько лѣтъ населеніе скопческихъ деревень будетъ состоять изъ однихъ старцевъ, но опасеніе это не оправдалось: высылки изъ Россіи время отъ времени пополняли убыль отъ смертности, и скопческое населеніе 1895 года—1.181 чел. по своей общей численности оказывалось совершенно равнымъ населенію 81 года—1.176 ч. Однако, составъ этого населенія за пятнадцатилѣтній періодъ успѣлъ измѣниться къ большой невыгодѣ для скопческаго хозяйства: въ 81 году мужчинъ было въ обоихъ округахъ 742 и женщинъ 434, т. е. мужчины составляло 63,1% всего населенія, а въ 95 году число мужчинъ уменьшилось до 679, а число женщинъ увеличилось до 502, и мужчины составляли лишь 57,5%.

Столь-же неблагопріятно измѣнился за эти 15 лѣтъ и возрастный составъ населенія. Въ 81 году, по свѣдѣніямъ Калагеорги, въ трехъ селеніяхъ: Мархинскомъ, Тастатскомъ и Хатынъ-Аринскомъ было 282 м. и 198 ж., распредѣлявшихся по возрасту на такія группы:

	Въ процентахъ:								
	До 20 лѣтъ.	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	90–100
Мужчины .	1 чел.	8,9	17,3	18,1	24,1	15,0	11,3	5,0	1 чел.
Женщины .	—	2,5	11,6	20,1	31,6	21,2	9,1	2,5	2 женщ.

Въ 1895 году въ селеніяхъ: Мархинскомъ, Николаевскомъ, Кильдемскомъ и Хатынъ-Аринскомъ, Якутскаго округа, Спасскомъ

Скопецъ въ зимнемъ костюмѣ.

и Троицкомъ, Олекминскаго, было 556 м. и 424 ж., и возрастный составъ ихъ оказывался:

	Въ процентахъ.				
	До 18 лѣтъ.	18–40	41–50	51–60	60....
Мужчины	1,0	16,0	23,4	21,2	37,4
Женщины.	0,7	21,4	23,1	19,1	35,6

Число стариковъ свыше шестидесятилѣтняго возраста увеличилось съ 31,4 до 37,4%%, а число старухъ съ 33,0 до 35,6%%.

Такъ какъ національный и сословный составъ скопческой среды былъ одинаковъ во всѣхъ округахъ, то для характеристики скопческаго міра въ этомъ отношеніи я считаю возможнымъ воспользоваться свѣдѣніями, извлеченными В. И. Іохельсономъ изъ олекминскаго архива о 344 тамошнихъ скопцахъ [1]). Выражая числа въ процентахъ, мы получимъ такое распредѣленіе по національностямъ: русскихъ—91,1%; финновъ—7,1%; и въ единичныхъ случаяхъ поляки и шведы.

По сословіямъ: крестьянъ—83,1%; мѣщанъ—8,1%; казаковъ—5,5%; по суду не выясненныхъ 1,8%; оскопившихся въ ссылкѣ—0,9%; и купцовъ—0,6%.

По мѣсту происхожденія: изъ Петербугской губерніи (главнымъ образомъ финны)—14,6%; изъ Таврической—12,0%; изъ Орловской—9,4%; изъ Сибирскихъ губерній—9,4%; изъ Рязанской—8,11%; изъ Семирѣченской области—5,0%; изъ Пермской и Уфимской по 4,4%; изъ Курской—4,8%; изъ Самарской—3,8%; изъ Калужской—3,2%; изъ Московской и Тульской по 2,3%; изъ Вятской—1,8%; изъ Воронежской—1,5%; изъ Оренбургской, Пензенской и Тамбовской по 1,2%; изъ Саратовской и Херсонской по 0,8%; изъ Каменецъ-Подольской, Смоленской и Тверской по 0,6%; изъ Бессарабской, Кіевской, Ковенской и Костромской по 0,3%; и, наконецъ, изъ Финляндіи—0,8% и съ Кавказа—3,9%.

Многіе изъ высылаемыхъ сектантовъ прибывали въ Сибирь одинокими, а такъ какъ хозяйство для одинокаго человѣка почти

[1]) *I—нъ. Олекминскіе скопцы.* «*Живая Старина*» *1894 г. в.в. III и IV.* Сословный составъ и мѣсто происхожденія выяснены г. Іохельсономъ для 344 человѣкъ, а національный составъ для 210 человѣкъ.

невозможно, то на мѣстѣ поселенія три четверти колонистовъ соединялись въ небольшія трудовыя товарищества изъ двухъ—трехъ человѣкъ, причемъ денежныя средства у каждаго оставались свои, но хозяйство велось товарищами сообща, на паевыхъ началахъ. Только богатые люди, рѣзко возвышавшіеся надъ среднимъ уровнемъ по своимъ средствамъ, принимали къ себѣ въ домъ по нѣсколько человѣкъ единовѣрцевъ, скорѣе на положеніи работниковъ, чѣмъ на правахъ товарищей. Тѣ-же богачи чаще всего давали у себя пріютъ и «сестричкамъ» рабочаго возраста, извлекая большія выгоды и удобства отъ примѣненія женскаго труда въ своемъ домоводствѣ, птицеводствѣ и огородничествѣ. Преобладающій типъ скопческаго «двора» всюду составляло хозяйство, состоящее изъ двоихъ пожилыхъ мужчинъ, или изъ двоихъ «братцевъ» и одной «сестрички». Въ одиночествѣ оставались преимущественно бѣдняки и старухи, а крупныя по своему численному составу хозяйства съ присутствіемъ нѣсколькихъ женщинъ приближались по своей экономической организаціи къ типу богатой фермы съ однимъ или двумя товарищами-хозяевами и съ нѣсколькими зависимыми отъ нихъ лицами, причемъ, однако, во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ такой фермы сохранялось больше равенства, чѣмъ въ обычныхъ отношеніяхъ хозяевъ и наемниковъ.

Въ 1895 году въ шести селеніяхъ Якутскаго округа и въ Спасскомъ селеніи Олекминскаго имѣлось 446 хозяйствъ, которыя по своему численному составу распредѣлялись такимъ образомъ:

	Одиночекъ.	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.
Число хозяйствъ	102	181	99	45	15	3	0	0	1
Въ %%.	22,8	40,6	22,2	10,1	3,4	0,9			

По составу своего населенія и по своей внутренней структурѣ скопческія общества, какъ выясняется изъ этихъ цифръ, представляли нѣчто совершенно своеобразное. Отсутствіе семьи и дѣтей, освобождая скопца отъ семейныхъ расходовъ и заботъ, оставляло въ его душѣ огромную пустоту, заполнить которую въ данныхъ условіяхъ можно было только усиленной хозяйственной дѣятельностью. Къ тому-же побуждала сосланнаго и неотступная мысль о томъ, что въ старости о немъ некому будетъ позабо-

титься. Главный стимулъ въ развитіи общинныхъ порядковъ,— забота о потомствѣ и стремленіе обезпечить отъ обезземеленія подростающія поколѣнія,—у скопцовъ отпадалъ и замѣнялся стремленіемъ извлечь изъ своего земельнаго надѣла лично для себя наибольшую денежную выгоду. Вся жизнь, домашняя и общественная, принимала въ скопческихъ селеніяхъ особый характеръ, тусклый и холодный, и вся она была проникнута преобладающимъ въ этой средѣ настроеніемъ вѣчнаго страха за свою безопасность въ настоящемъ и за свою участь въ будущемъ.

III. Мѣстное населеніе относилось къ скопцамъ недружелюбно и пренебрежительно. Вѣроученіе ихъ никого не интересовало, ихъ внѣшній видъ казался отталкивающимъ, а ихъ зажиточность колола глаза обывательской бѣднотѣ. «Ему хорошо,—онъ одинъ; а у меня семеро. Попробовалъ-бы онъ съ мое побиться, такъ небось—не былъ-бы такой гладкій»,—съ горечью говорилъ о скопцахъ новопокровскій крестьянинъ. Въ другихъ случаяхъ отъ крестьянъ и поселенцевъ приходилось слышать такіе отзывы: «какая отъ нихъ для общества польза?,—онъ не солдатъ; дѣтей у него нѣтъ; что копитъ,—то все для себя. Ни къ чему живутъ». Изъ самихъ сектантовъ поддерживали знакомство съ горожанами преимущественно люди богатые, которымъ это было нужно по ихъ торговымъ дѣламъ. Такіе по временамъ принимали у себя вліятельныхъ чиновниковъ и мѣстныхъ или пріѣзжихъ коммерсантовъ, но въ близкія отношенія съ посторонними не вступали и отнюдь не посвящали тѣхъ въ интимную жизнь своего міра. Другой элементъ, не чуждавшійся сношеній съ иновѣрцами, состоялъ изъ тѣхъ представителей сектантской «молодежи», т. е. въ дѣйствительности лицъ въ возрастѣ 30—40 лѣтъ, которые болѣе или менѣе разочаровались въ истинѣ своего ученія, но не утратили общихъ умственныхъ интересовъ. Такія лица имѣли знакомство въ интеллигентномъ кругу, охотно читали книги популярно-научнаго содержанія, и въ общественной жизни своего міра нерѣдко становились во главѣ протестантовъ, добивавшихся большей уравнительности въ распредѣленіи земель. Тѣхъ и другихъ, т. е. богачей-дипломатовъ, дружившихъ съ представителями чиновнаго міра, и полуинтеллигентовъ, поддерживавшихъ связи съ политической ссылкой, было немного. Точно также не велико было и число ренегатовъ, оффиціально отколовшихся отъ секты изъ житейскихъ соображеній и жившихъ послѣ этого въ городахъ или въ крестьянскихъ селеніяхъ. Иногда бывали случаи ухода изъ

скопческой среды молодыхъ женщинъ, не подвергшихся физическому оскопленію. Скопчихи пользовались репутаціей прекрасныхъ хозяекъ, а русскихъ женщинъ въ краѣ мало, и молодая скопчиха, при желаніи, легко находила себѣ мужа среди православныхъ. Угрюмый и замкнутый скопческій бытъ для здороваго молодого существа сплошь и рядомъ оказывался невыносимъ, но молодыхъ женщинъ и всѣхъ-то было мало, а потому и подобные случаи въ общемъ ходѣ жизни составляли все таки исключеніе.

Съ другой стороны такимъ-же исключеніемъ являлся среди обжившихся на мѣстѣ ссыльныхъ и религіозный фанатизмъ. Каждый скопецъ переживалъ когда-то моментъ высокаго энтузіазма, но это бывало обыкновенно еще въ молодости, до оскопленія, а позже начинали проявляться психо-физіологическія послѣдствія этого акта; духовно стремиться дальше было некуда; въ своей средѣ шли раздоры и дрязги; надвигалась старость;—и человѣкъ мало по малу душевно сохъ, уходя въ себя, и единственнымъ центромъ его помысловъ оставалась матеріальная обезпеченность для одинокаго угасанія въ покоѣ и съ удобствами.

Изо всѣхъ скопческихъ селеній Якутской области въ мое время только одно,—и притомъ самое глухое и дальнее,—селеніе Троицкое на Алданѣ, составляло въ этомъ отношеніи исключеніе. При посѣщеніи этой деревни я видѣлъ передъ собою толпу, явно охваченную какимъ-то общимъ психозомъ: нѣсколько десятковъ пожилыхъ людей, при такомъ сухомъ и прозаическомъ дѣлѣ какъ подворная перепись, проявляли непонятную восторженность и ребяческую смѣшливость. При отвѣтахъ они какъ-то подпрыгивали на мѣстѣ и со странными ужимками неудержимо ржомачили, стараясь говорить почти стихами. Общее впечатлѣніе эти люди производили крайне тяжелое и болѣзненное. Главнымъ условіемъ при возникновеніи такого психоза въ Троицкомъ, несомнѣнно являлась географическая и бытовая обособленность селенія и малочисленность его обитателей. Въ продолженіи многихъ лѣтъ они были дѣйствительно изолированы отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ (кромѣ тунгусовъ), и когда къ нимъ былъ высланъ вѣроучитель Л—нъ,—энтузіастъ и фанатикъ,—который въ торговой Мархѣ могъ-бы найти лишь немногихъ одиночныхъ послѣдователей, здѣсь около него быстро возникла цѣлая толпа истерически-восторженныхъ учениковъ и послѣдовательницъ. На Мархѣ, впрочемъ, былъ одинъ сектантъ, наборщикъ Лихачевъ, который пришелъ къ выводу о грѣховности не только продолженія рода, но и самаго

существованія человѣка на землѣ. Онъ былъ высланъ властями въ Колымскъ и тамъ, среди казаковъ, какъ кажется, примирился съ жизнью, но четверо его послѣдователей покончили съ собой, повѣсившись на большомъ деревянномъ крестѣ [1]). Другихъ послѣдователей, кромѣ этихъ четверыхъ, насколько мнѣ извѣстно, у Лихачева не было и на общественную жизнь села проповѣдь его никакого вліянія не оказала.

Огромное большинство скопцовъ обнаруживало совершенно противоположныя свойства: равнодушіе ко всякой догматикѣ, трезвое благоразуміе, и, по крестьянской мѣркѣ, очень высокій уровень умственнаго развитія. При производствѣ подворной переписи въ приалданскихъ селеніяхъ, изъ 79 мужчинъ 24 оказались грамотными и 15 полуграмотными; въ трехъ приленскихъ селеніяхъ, изслѣдованныхъ А. И. Бычковымъ, оказалось грамотныхъ 12 и полуграмотныхъ 130 мужчинъ, а во всемъ Якутскомъ округѣ совершенно безграмотные составляли среди скопцовъ лишь 53%, а 47% умѣли читать. Женщины пожилыя и среднихъ лѣтъ, правда, и въ этомъ мірѣ были безграмотны почти поголовно, но среди сектантокъ, сосланныхъ въ позднѣйшее время, т. е. болѣе молодыхъ, особенно въ Хатынъ-Аринскомъ селеніи, уже было нѣсколько грамотныхъ.

Наряду съ умѣньемъ читать среди скопцовъ существовала и склонность къ чтенію. Во всѣхъ скопческихъ селеніяхъ складывались компаніи, выписывавшія сообща дешевыя газетки, надо сказать—очень плохенькія: «Лучъ», «Свѣтъ», тогдашній «Сынъ Отечества». Еще шире этихъ газетъ были распространены иллюстрированныя изданія, преимущественно «Родина» и «Нива». Наконецъ, почти во всѣхъ селеніяхъ существовали и болѣе развитые люди, для которыхъ Окрейцевскій «Лучъ» составлялъ уже неподходящее чтеніе; такіе сектанты выписывали журналы: «Русскую Старину», «Вѣстникъ Европы» и «Русское Богатство». Отдѣльныя лица этой среды съ сознательнымъ интересомъ относились къ своему хозяйству и вели хозяйственныя и метеорологическія записи. Многіе любили беллетристическія произведенія, особенно такія, которыя трактовали или затрагивали вопросы брака и половой морали. Наиболѣе извѣстными въ этой средѣ писателями были: Толстой, Золя и Мопассанъ (послѣдніе, конечно, въ пере-

---

[1]) *А. И. Бычковъ. Скопцы въ ссылкѣ.* Иркутскъ. 1902 г.

водахъ), а самыми читаемыми произведеніями: «Нана» и «Крейцерова Соната».

Общая культурность скопческаго населенія проявлялась далеко не въ одной грамотности. Всѣ вообще скопцы отличались отъ рядовыхъ русскихъ крестьянъ гораздо болѣе развитымъ чувствомъ самоуваженія, внѣшней порядочностью поведенія и выдержанностью характера. Они очень любили чистоту и домашнее благоустройство, цвѣты, стѣнныя картинки, всякія рѣзныя вещицы и т. п. Не только у богачей, у которыхъ парадныя комнаты имѣли обстановку обычнаго купеческаго типа,—мягкіе диваны, ломберные столы и т. п.,—но у самаго скромнаго сектанта въ домѣ всегда было чисто, прибрано и по возможности комфортабельно.

Всѣ эти прекрасныя качества не обезпечивали, однако, въ скопческой средѣ внутренняго мира. Маіоръ Калагеорги восхвалялъ въ своемъ докладѣ духъ взаимопомощи и братское согласіе, царившее будто-бы въ скопческихъ общинахъ, но, къ несчастью, въ этомъ случаѣ почтенный изслѣдователь былъ введенъ въ заблужденіе благопристойной внѣшностью. При всемъ индифферентизмѣ большинства сосланныхъ скопцовъ къ вопросамъ вѣры, эти люди все-таки составляли секту, какъ и всякая другая секта, имѣвшую тенденцію подчинять личность своимъ традиціямъ, своимъ предразсудкамъ, своему общественному мнѣнію. Принадлежность къ сектантскому міру требовала отъ каждаго хотя-бы внѣшняго подчиненія традиціонной дисциплинѣ,—у скопцовъ очень строгой. Случаи нарушенія такой дисциплины, съ нашей точки зрѣнія совершенно невинные,—куреніе папироски, выпитая съ мороза рюмка коньяку или что нибудь подобное,—въ этой средѣ служили предметомъ общественнаго обсужденія и рѣзкихъ порицаній со стороны искреннихъ фанатиковъ и лицемѣрныхъ фарисеевъ. Отдѣльныя лица, въ качествѣ начетчиковъ и блюстителей правовѣрія, успѣвали пріобрѣсти въ своей общинѣ извѣстный авторитетъ, и нерѣдко пользовались имъ для мірскихъ цѣлей. Если авторитетное лицо принадлежало къ числу богачей-старожиловъ, захватившихъ землю, то въ жалобахъ обездоленныхъ постояннно указывалось на нравственный деспотизмъ такого вожака, являвшагося одновременно и духовнымъ главой и вершителемъ общественныхъ дѣлъ. Руководители богачей тоже не оставались въ долгу и къ борьбѣ за свои экономическіе интересы примѣшивали обвиненіе противниковъ въ ересяхъ и въ отступни-

чествѣ, а властямъ указывали на такихъ лицъ какъ на смутьяновъ и чуть-ли не соціалистовъ, добиваясь ихъ высылки въ отдаленныя мѣстности,—въ чемъ нерѣдко и успѣвали. На имя тѣхъ-же авторитетныхъ въ сектѣ лицъ иногда получались изъ Россіи денежныя суммы, высылавшіяся благотворителями для пособія бѣднякамъ. Распредѣленіе такихъ суммъ всегда вызывало множество нареканій, и споры изъ за земли переплетались у скопцовъ съ ихъ внутренними, сектантскими дрязгами и пріобрѣтали необыкновенно жгучій характеръ. Къ этому присоединялась ожесточенная грызня изъ за дѣлежа наслѣдства послѣ умирающихъ, нерѣдко на глазахъ самого умирающаго, и, наконецъ, распри и несогласія при раздѣлѣ имущества товарищами-сопайщиками, когда они почему-либо расходились врозь... Все это создавало въ скопческихъ селеніяхъ атмосферу, на рѣдкость напряженную и полную взаимной вражды и недовѣрія, лишь слегка прикрытыхъ отъ посторонняго взора обычной елейностью тона и благопристойностью обращенія.

Составъ управленія въ скопческихъ обществахъ отличался большой простотой. Во всякой деревнѣ ежегодно выбирался староста, подчиненный непосредственно окружной полиціи. Въ большихъ, богатыхъ селеніяхъ старосты служили безплатно, а въ малыхъ получали очень скромное вознагражденіе. Вся сумма, высчитанная сельскимъ обществомъ на административныя нужды, сдавалась старостѣ и тотъ уже отъ себя нанималъ писаря. Общественнымъ домомъ всюду служилъ домъ старосты и въ трехъ селеніяхъ, въ которыхъ старосты оффиціально не получали жалованья, за пользованіе помѣщеніемъ имъ уплачивалось по 65 руб., 90 руб. и 300 руб. въ годъ. Въ Мархѣ, кромѣ старосты, имѣлось также двое десятниковъ; въ этой должности всѣ общественники служили по очереди, смѣняясь черезъ полгода. Тамъ-же въ помощь вахтеру избиралось двое пріемщиковъ хлѣба, и двое лицъ служили довѣренными общества при заключеніи контракта съ пастухами. Оригинальной особенностью мархинскихъ порядковъ являлась правильная организація ночной охраны. Всѣ вообще скопцы жили, что называется, крѣпко: заборы въ ихнихъ усадьбахъ высокіе, засовы прочные, цѣпные псы рослые и отмѣнно лютые. Съ раннихъ сумерекъ въ скопческой деревнѣ всѣ дома уже на запорѣ, а всѣ жители по привычкѣ на сторожѣ. У мархинцевъ опасливость усиливалась близостью города и многочисленностью уголовныхъ ссыльныхъ, весьма часто совершавшихъ въ подгородныхъ

мѣстностяхъ грабежи и кровавые разбои. Обѣ части селенія, раздѣленныя пустыремъ приблизительно съ версту шириной, были разбиты въ видахъ лучшей охраны на 5 участковъ, и съ 1-го мая по 1-ое сентября пятеро наемныхъ караульщиковъ всю ночь ходили дозоромъ по улицамъ. Съ 1-го сентября, когда по ночамъ наступаетъ темень, имъ на подмогу назначались очередные отъ каждаго десятка жителей. Сверхъ того въ каждомъ десяткѣ избирался на это время (т. е. впредь до установленія зимы) особый десятникъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы слѣдить за порядкомъ очередей, а ночью провѣрять посты. По утрамъ всѣ десятники являлись къ старостѣ съ докладомъ о спокойствіи въ своихъ участкахъ.

Выборъ старосты составлялъ для скопческаго міра дѣло не легкое. Мало кому была охота брать на себя отвѣтственную и убыточную должность. Избранные обыкновенно долго отказывались и уступали только настойчивымъ требованіямъ односельцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ старосты увольнялись по требованію администраціи, такъ, напримѣръ: на Мархѣ въ 78 г. Евлампій Григорьевъ былъ смѣщенъ по обвиненію въ расхищеніи имущества скоропостижно умершаго скопца Хайкина; въ 83 г. тамъ-же былъ уволенъ староста Бродягинъ за поставку недоброкачественныхъ сухарей для экспедиціи Толя; въ Спасскомъ селеніи смѣщенія имѣли мѣсто дважды: въ 78 и въ 88 годахъ.

Сельскій сходъ собирался у скопцовъ изрѣдка и, кромѣ выбора должностныхъ лицъ и установленія смѣты, занимался также разбирательствомъ имущественныхъ споровъ и личныхъ недоразумѣній среди общественниковъ. Весьма часто, однако, сторона, считавшая себя обиженной, обращалась въ полицію и та оказывала сильное давленіе на весь ходъ общественной жизни въ скопческихъ селеніяхъ.

Писарями въ обществахъ служили свои-же общественники; при близкомъ сосѣдствѣ двухъ какихъ нибудь деревень, одинъ писарь обслуживалъ оба сосѣднихъ селенія. Благодаря высокому умственному уровню жителей, писаря въ скопческихъ обществахъ не имѣли и тѣни того вліянія, какимъ они пользовались у крестьянъ или у якутовъ.

Въ податномъ отношеніи скопческое общество не представляло такой слитной единицы, какъ сельское общество обыкновенныхъ крестьянъ, такъ какъ всѣ сосланные облагались въ раз-

личной мѣрѣ, въ зависимости отъ срока своего пребыванія на мѣстѣ, и самое «общество» являлось у скопцовъ лишь соединеніемъ отдѣльныхъ плательщиковъ, вносившихъ свои платежи черезъ общаго старосту. Скопцы, какъ и уголовные ссыльные, распадались на пять разрядовъ: въ первые три года по прибытіи въ край они пользовались льготой отъ всякихъ казенныхъ платежей; въ продолженіи слѣдующихъ семи лѣтъ числились «поселенцами половиннаго оклада»; черезъ 10 лѣтъ становились «поселенцами полнаго оклада» и получали право приписки въ крестьяне, а формально причислившись къ крестьянскому обществу, именовались уже «крестьянами изъ ссыльныхъ». Наконецъ, дряхлые старики освобождались отъ казенныхъ платежей, но перечисленіе въ этотъ разрядъ было сопряжено съ продолжительными хлопотами и даже съ расходами, и по этому поводу отъ старыхъ скопцовъ приходилось слышать частыя сѣтованія.

Поселенцы половиннаго оклада уплачивали (по свѣдѣніямъ 95 года): подушной и оброчной подати—1 руб. 78 коп., и въ экономическій капиталъ—15 коп., т. е. всего по 1 руб. 93 коп.

Съ поселенцевъ полнаго оклада взималось: 1) государственной подушной подати по 81 коп., 2) подушной—по 12 коп., 3) оброчной—по 2 руб. 74 коп., 4) губернской земской повинности—по 84 коп., 5) частной земской повинности—по 79 коп., и 6) сбора въ экономическій капиталъ—по 15 коп., т. е. всего по 5 руб. 45 коп.

Сектанты, перечисленные въ крестьяне, освобождались отъ сбора въ экономическій капиталъ, но взамѣнъ этого вносили: въ хозяйственный капиталъ по 5 коп., въ межевой капиталъ—по 3 коп., и въ пожарный—по 4 коп.

Подсчитывая число плательщиковъ разныхъ категорій, я нашелъ, что лица свободныя отъ обложенія составляли среди скопцовъ 21,7% всѣхъ мужчинъ; поселенцы половиннаго оклада—11,5%, поселенцы полнаго оклада—14,1%, и крестьяне—52,6%. Отсюда можно заключить, что по крайней мѣрѣ три четверти всѣхъ мужчинъ состава 1895 года состояло изъ лицъ, пробывшихъ въ ссылкѣ болѣе 10 лѣтъ.

Вся сумма казенныхъ платежей, ежегодно вносившаяся въ 90-хъ годахъ скопцами обоихъ округовъ, составляла около 2.500 руб.

Мірскіе сборы разверстывались у скопцовъ по совершенно инымъ основаніямъ: пропорціонально участію каждаго лица въ землепользованіи; безземельные отъ нихъ освобождались.

По своему назначенію сборы этого рода по всѣмъ десяти селеніямъ обоихъ округовъ въ 95 году располагались по такимъ рубрикамъ:

I.	а) наемъ общественнаго дома—455 р., б) жалованье старостъ—370 р., в) жалованье писарей—630 р., г) канцелярскіе расходы—26 р. 75 к., д) междудворная гоньба—482 р.	1.963 р. 75 к. или 84,3%
II.	а) жалованье вахтерамъ—90 р. 75 к., б) ремонтъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ—2 р. 40 к., в) городьба поскотинъ—21 р. 40 к., г) жалованье поскотникамъ—25 р., д) жалованье прорубщику—16 р.	175 „ 55 „ „ 7,5%
III.	а) починка дорогъ—51 р., б) пособіе дряхлымъ—140 р.	191 „ — „ „ 8,6%
	Итого .	2.330 р. 30 к.

Цифра—2.330 р.,—несомнѣнно, сотни на четыре ниже полной суммы всѣхъ мірскихъ расходовъ по указаннымъ выше рубрикамъ, такъ какъ по нѣкоторымъ селеніямъ свѣдѣнія, сообщенныя старостами, были, очевидно, не полны, а нѣкоторая часть хозяйственныхъ и благотворительныхъ расходовъ восполнялась натурой; такъ, въ селеніи Троицкомъ (на Алданѣ), прорубщики получали по 5 ф. муки съ человѣка и по 5 ф. съ каждой скотской головы. Денежные сборы производились повсюду на погребеніе умершихъ; денежные и хлѣбные на вознагражденіе пастуховъ; такъ, въ селеніи Новониколаевскомъ домохозяевами уплачивалось пастуху по 2 р. 50 к. и по 10 ф. хлѣба за коня и по 1 р. 50 к. и 5 ф. хлѣба за корову. Наконецъ, весьма часто помощь натурой оказывалась престарѣлымъ бѣднякамъ, но это дѣло было поставлено у скопцовъ крайне неудовлетворительно; особенно тяжело было положеніе старухъ, «братья» которыхъ умерли. По наблюденіямъ Ф. Я. Кона, имѣвшаго возможность близко присмотрѣться къ жизни скопцовъ Хатынъ-Аринскаго селенія, такія женщины представляли собой въ буквальномъ смыслѣ слова «выжатый лимонъ, за негодностью выброшенный».

Принимая во вниманіе всѣ такіе расходы, съ увѣренностью можно сказать, что явные мірскіе сборы превышали у скопцовъ ихъ казенные платежи процентовъ на 20.

Совершенно отдѣльно отъ явныхъ, во всѣхъ скопческихъ селеніяхъ время отъ времени производились сборы на негласные расходы, размѣръ которыхъ колебался, смотря по обстоятельствамъ. Принципъ раскладки такихъ сборовъ, какъ кажется, повсемѣстно былъ подворный. Собранныя суммы поступали въ распоряженіе старостъ и расходовались безконтрольно, такъ какъ всѣ сектанты заранѣе хорошо знали назначеніе сбора. Особенной высоты расходы этого рода достигали въ тѣ годы, когда въ селеніи происходило несчастье: убійство или самоубійство, а также въ случаяхъ поземельныхъ тяжебъ съ инородцами. Выяснить эту сторону скопческаго быта сколько-нибудь полно, разумѣется, было невозможно, но изъ сообщеній, исходившихъ отъ лицъ вполнѣ благонадежныхъ, мнѣ извѣстно, что въ одномъ изъ селеній темный сборъ составлялъ въ обыкновенные годы 300 р. Эта сумма вносилась жителями черезъ старосту, смотря по достатку каждаго; бѣднѣйшіе давали по 2—3 рубля, а богатые по 5 и по 10 руб. Въ томъ же селеніи въ 80-хъ годахъ былъ случай, когда потребовалось внести сразу 1.100 рублей. Изъ этой суммы 700 р. было внесено четырьмя лицами, наиболѣе заинтересованными въ благополучномъ исходѣ возникшаго дѣла, а 400 р. добавлено обществомъ.... По всему, что мнѣ извѣстно, можно думать, что постоянныя дани по всѣмъ 10-ти обществамъ должны были составлять деньгами и продуктами никакъ не менѣе 3 тысячъ рублей въ обыкновенный годъ, и, во всякомъ случаѣ, превышали сумму всѣхъ казенныхъ платежей.

IV. При возникновеніи въ Якутской области скопческихъ селеній у высшей администраціи возникъ вопросъ о размѣрахъ нормальнаго скопческаго надѣла, и 1-го мая 1868 года Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, въ виду безсемейности скопцовъ, установилъ для нихъ норму въ $7^1/_2$ десятинъ на мужскую душу. Первоначально, однако, даже по этой нормѣ надѣлялись далеко не всѣ сосланные, но впослѣдствіи скопцамъ почти всюду удавалось добиться добавочныхъ нарѣзокъ изъ земель сосѣднихъ якутовъ, а 21 декабря 1891 года предписаніемъ генералъ-губернатора (№ 10926), прежняя норма была замѣнена полной 15-ти десятинной. Предписаніе это было вызвано частнымъ случаемъ: просьбою сектантовъ Кильдемскаго селенія, долго тягавшихся съ якутами. Увеличеніе скопческихъ владѣній насчетъ якутскихъ генералъ-губернаторъ призналъ желательнымъ, такъ какъ «скопцы, за недостаткомъ земли, арендуютъ необходимую имъ для хлѣбо-

пашества отъ смежныхъ съ ними инородцевъ, а именно: у Кильдемскаго наслега 523¾ дес. и у Тулугинскаго 277¼ дес., а всего 801 десятину, и уплачиваютъ за аренду отъ 10 до 20 рублей за десятину». Мотивировка эта, какъ мы увидимъ дальше, могла бы вызвать серьезныя возраженія, но возражать было некому, такъ какъ съ доводами самихъ якутовъ мало считались, а мѣстная администрація почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ принимала сторону скопцовъ.

Къ 1895 году, по даннымъ областной чертежной, скопческія надѣльныя земли состояли изъ такихъ дачъ:

1) *Мархинское селеніе.* Первая нарѣзка произведена только въ 1866 году, въ размѣрѣ 1.599 дес. 1.480 саж. Добавочная нарѣзка послѣдовала въ 71 году, и къ 95 году при селеніи состояло всей «удобной» земли—2.782 дес. Въ этомъ количествѣ около 400 дес. лѣса расположено по горамъ, при урочищѣ Туранахъ, а всѣ остальныя земли лежатъ внизу, между горнымъ кряжемъ и берегомъ Лены. Кое-гдѣ равнина пересѣкается здѣсь небольшими релками и мелкими ручьями; мѣстами встрѣчаются озера и болота. Прежніе луга скопцами почти сплошь превращены въ пашню.

2) *Новониколаевское сел.* надѣлено землею въ 88 году. Пашни примыкали къ самому селенію и самыя дальнія находились за 2½ версты. Мѣстность ровная, слегка покатая съ запада на востокъ. Почва иловатая, рыхлая, лѣтомъ сильно изсыхающая. Лѣсъ крупный, до 6 четвертей въ срубѣ. Вся дача—3.331 дес. 747 саж.

3) *Кильдемское сел.* По первому отводу на мужскую душу приходилось по 4 дес. всей удобной земли, но послѣ нарѣзки 91-го года всей удобной земли считалось 960 дес. Качество дачи таково же, какъ и на Мархѣ. Луга и тутъ всѣ были распаханы.

4) *Хатынъ-Аринское сел.* Въ 77 г. первоначальнымъ засельщикамъ было нарѣзано по 7-ми десятинной нормѣ 381 дес. 1.591 саж. удобной земли, но въ 83 году, неизвѣстно какимъ образомъ, въ пользованіи хатынъ-аринцевъ оказалась не эта маленькая дача (планъ которой сгорѣлъ въ 79 году), а площадь гораздо большаго размѣра, и областное правленіе, опредѣляя скопческую дачу «по существующимъ межевымъ знакамъ», утвердило за хатынъ-аринцами уже 1.107 дес. 140 саж. удобныхъ земель. Тѣмъ не менѣе, въ томъ же году по усиленнымъ просьбамъ сектантовъ имъ была произведена надбавка и всѣ земли, арендованныя скопцами у инородцевъ Хатынъ-Аринскаго и Бетюнскаго наслеговъ, были оставлены въ пользованіи скопцовъ. Не удовольствовавшись этимъ,

хатынъ-аринцы и въ 88 году опять просили объ урѣзкѣ имъ земли отъ инородцевъ, но на этотъ разъ имъ было отказано. Въ 95 г. при селеніи числилось 1.300 дес. 1.186 саж. удобной земли.

5) *Петропавловское сел.* Всей удобной земли въ селеніи было 1.906 дес. 1.200 саж. Земля эта расположена по обоимъ берегамъ рѣки Алдана, не одинаковымъ по качеству: въ то время, какъ на лѣвомъ берегу преобладаетъ красная глина, почва праваго берега иловата или песчана. По словамъ скопцовъ, значительная часть ихней земли слишкомъ болотиста для расчистокъ и они добивались отвода имъ нѣсколькихъ сотъ десятинъ изъ владѣній тунгусовъ 2-го Эжанскаго рода. Однако, тунгусы эти и сами занимались земледѣліемъ, которое возникло у нихъ еще въ 50-хъ годахъ подъ вліяніемъ старообрядцевъ. Уже тогда родовичи: Петръ Березинъ, Николай Бубякинъ и Леонтій Трубачевъ, первые въ своей средѣ, приступили къ расчисткамъ и имѣли десятины по $2^1/_2$ и по $3^1/_2$ пашни. Съ тѣхъ поръ дѣло на столько подвинулось, что общество,—какъ сообщали мнѣ эжанцы, когда я посѣтилъ ихъ собраніе,—рѣшило въ ближайшемъ времени отобрать у владѣльцевъ старыя чистки и образовать изъ нихъ душевые надѣлы. Домогательства скопцовъ при такомъ положеніи вещей шли въ прямой разрѣзъ съ очевидными правами мѣстнаго населенія и на этотъ разъ имъ было отказано.

6) *Троицкое сел.* По отводамъ 79-го и 84 года удобныхъ земель при селеніи 1.452 дес. 2.294 саж. Почва—красная глина и сизый илъ. Покосы кочковатые и болотистые.

Въ Олекминскомъ округѣ: 7) *Спасское селеніе* получало земли въ 61, 70 и въ 83 г.г.; новая нарѣзка ожидалась въ 96 году. Часть земель, расположенная въ долинѣ Лены, считается лучшей по качеству, но и горные лѣса, по мнѣнію здѣшнихъ скопцовъ, вполнѣ допускаютъ расчистку подъ пашню. Всей удобной земли у спасскихъ было 562 дес. 1.177 саж.

8) *Троицкое сел.* Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ скопческихъ селеній, здѣшнія земли пріобрѣтены «покупкой». Площадь, въ которой по позднѣйшему измѣренію оказалось 632 дес. 2.330 саж., и въ томъ числѣ 25 десятинъ уже расчищенныхъ изъ подъ лѣса, была «куплена» скопцами у мальжегарцевъ за 300 рублей. Сумма эта такъ ничтожна, что, очевидно, она составляла только подарокъ инородческимъ вожакамъ, во избѣжаніе тяжбы, и якуты согласились на такую сдѣлку, такъ какъ иначе у нихъ все равно

отобрали бы эту землю даромъ. Удобной земли при селеніи считалось 605 дес. 1.800 саж.

9) *Усть-Чаринское сел.* Первоначально земля была предоставлена скопцамъ при устьѣ рѣки Чары «по словесному отводу» исправника Плетнева, безъ всякаго измѣренія, причемъ возникъ затяжной споръ съ якутами. Только въ 92 году произведено межеваніе, причемъ удобной земли отведено скопцамъ 593 дес. 1.770 саж. По словамъ жителей, въ этой мѣстности удобныя земли тянутся по обоимъ берегамъ р. Чары узкой лентой въ одну версту шириной верстъ на 12 вверхъ; по сторонамъ этой полоски—горы и камень.

10) *Иллюнское сел.* Удобныхъ земель при этомъ селеніи значилось 130 десятинъ. Часть ихъ состоитъ изъ каменистыхъ и песчаныхъ мѣстъ, и въ 69 году иллюнскіе скопцы просили о добавочной нарѣзкѣ, причемъ указали на подходящее, по ихъ мнѣнію, мѣсто; однако, сосѣдніе крестьяне сумѣли доказать, что на этомъ мѣстѣ уже давно существуютъ крестьянскія чистки, и скопцамъ было отказано.

Всѣхъ земель, числящихся по экспликаціи удобными, у скопцовъ Якутскаго округа въ 95 году было 11.733 дес. 627 саж., т. е. по 27,04 дес. на муж. душу, и въ Олекминскомъ округѣ 1.891 дес. 2.347 саж. или по 7,7 дес. на муж. душу, но по поводу этихъ цифръ пришлось бы повторить все то, что уже было сказано о крестьянскихъ надѣлахъ. Какая часть этихъ земель дѣйствительно допускаетъ расчистку подъ пашни, — совершенно неизвѣстно. Точно также и оффиціальное распредѣленіе земли по угодьямъ представляло для скопческихъ дачъ еще меньше реальнаго значенія, чѣмъ для крестьянскихъ. В. Н. Скрипицынъ имѣлъ въ виду подвергнуть скопческія селенія спеціальному обслѣдованію, но въ началѣ 95 года въ Якутской области получилось распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о временной пріостановкѣ всякихъ мѣстныхъ статистическихъ работъ, и произвести перепись въ олекминскихъ селеніяхъ въ силу этого не удалось, и дальнѣйшія свѣдѣнія о хозяйствѣ олекминскихъ скопцовъ заимствуются мной изъ отчетовъ и словесныхъ сообщеній старостъ. Въ Якутскомъ округѣ перепись была произведена еще до министерскаго циркуляра: въ Мархинскомъ, Николаевскомъ и Кильдемскомъ селеніяхъ А. И. Бычковымъ, и въ Хатынъ-Аринскомъ селеніи Ф. Я. Кономъ, а въ Троицкомъ и Петропавловскомъ—мною и Г. Л. Кондаковымъ. Заимствуя свѣдѣнія о площади пахотныхъ земель изъ

указанныхъ источниковъ и сопоставляя ихъ съ данными областной чертежной о всей площади удобныхъ земель, мы получимъ нѣкоторое,—весьма неточное,—представленіе объ отношеніи пашенъ и луговъ ко всей площади. По относительному развитію запашекъ и по количеству сѣнокосовъ скопческія селенія располагались въ такой рядъ:

	Пашни, во всей уд. з. %%.	Сѣнокосы %%.
Спасское с. Олекм. окр.	75,3	5,8
Мархинское с. Якут. окр..	53,6	—
Кильдемское » » »	39,2	—
Хатынъ-Аринское Якут. окр..	24,0	—
Иллюнское Олекм. окр.	11,5	3,8
Троицкое » »	10,0	7,0
Усть-Чаринское Олекм. окр.	9,0	5,9
Николаевское Як. окр.	8,0	—
Петропавловское на Алданѣ	6,3	2,7
Троицкое на Алданѣ	5,5	2,0

Въ этомъ ряду бросается въ глаза рѣзкое различіе между четырьмя подгородными селеніями, въ которыхъ % пашенъ составляетъ отъ одной до трехъ четвертей всей удобной земли, и приалданскими селеніями, гдѣ этотъ процентъ даже ниже амгинскаго. Производя хлѣбъ почти всецѣло на продажу, подгородные скопцы распахали всю землю, какую только было возможно, почти уничтоживъ прежніе сѣнокосы, тогда какъ въ болѣе отдаленныхъ селеніяхъ у нихъ не было побужденій для такихъ большихъ распашекъ, и тамъ ихъ посѣвы лишь немногимъ превосходили посѣвы мѣстныхъ крестьянъ.

При основаніи скопческихъ селеній способъ распредѣленія земли по дворамъ или по лицамъ въ различныхъ обществахъ былъ принятъ не одинаковый, какъ не одинаковы оказались и тѣ формы землепользованія, которыя развились впослѣдствіи. Общей чертой для всѣхъ многолюдныхъ селеній являлся только рѣзкій антагонизмъ старожиловъ и новоселовъ, т. е. лицъ, уже имѣвшихъ надѣлы, и сектантовъ, причисляемыхъ къ обществамъ вновь. Для того, чтобы получить землю, новоселамъ неоднократно приходилось обращаться къ прямому вмѣшательству администраціи, безъ воздѣйствія которой старожилы никогда не согласились бы на уступки. Главнымъ предметомъ споровъ служили обыкновенно выморочные надѣлы, такъ какъ новоселы желали бы установить, какъ общее правило, переходъ такихъ надѣловъ къ безземель-

нымъ, а старожилы подъ всевозможными предлогами старались присваивать выморочныя земли себѣ. Основаніемъ для этого всего чаще приводился или совмѣстный съ покойнымъ трудъ по расчисткѣ или денежный долгъ покойнаго. Новоселы во многихъ случаяхъ оспаривали справедливость такихъ доводовъ, громко обвиняя вожаковъ противной стороны въ своекорыстіи и въ кумовствѣ, тогда какъ старожилы, крѣпко отстаивая свои владѣнія, въ принципѣ отрицали за новоселами какія бы то ни было права на землю. По мнѣнію старожиловъ, всѣ лица, перечислившіяся въ общество изъ другихъ селеній, не могли требовать надѣленія, такъ какъ они уже имѣли землю въ мѣстахъ своего прежняго жительства и, съ переводомъ на новое мѣсто, продали ее болѣе или менѣе выгодно. Кромѣ того, многіе изъ жителей дальнихъ селеній, добиваясь перевода, прямо обѣщали не требовать надѣла на новомъ мѣстѣ и только подъ этимъ условіемъ были приняты обществомъ подгородной деревни. Безземельные не имѣли недостатка въ возраженіяхъ и указывали на два обстоятельства: во-первыхъ, далеко не всякому удавалось продать свою землю,—многіе бросали и пашню и усадьбу за отсутствіемъ покупателей и переселялись, не имѣя никакихъ средствъ; многіе другіе успѣвали продать только дворовое мѣсто, да и то съ большимъ убыткомъ. Если нѣкоторымъ удавалось получить сносную цѣну, то деньги давались въ этомъ случаѣ не за самую землю, а за вложенный въ нее трудъ, такъ какъ казна отводила лѣса, а въ продажу шли уже расчищенныя пашни. Во-вторыхъ,—добиваясь пріема или перевода полиціей въ подгородное селеніе, многіе сектанты обращались за протекціей къ вліятельнымъ старожиламъ; такимъ лицамъ нерѣдко вручались болѣе или менѣе крупныя суммы на негласные расходы по веденію дѣла; часть этихъ суммъ протежирующій, конечно, удерживалъ для самаго себя, обѣщаясь похлопотать и о томъ, чтобы проситель получилъ надѣлъ... Благодаря дѣйствительнымъ и фиктивнымъ долгамъ умершихъ и всѣмъ этимъ подачкамъ, обѣщаніямъ, всевозможнымъ ходамъ и запутаннымъ отношеніямъ зарящихся на освободившуюся землю „братцевъ“, разобраться во взаимныхъ обвиненіяхъ спорящихъ сторонъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было бы очень трудно. Въ общемъ, однако, результатъ долгихъ раздоровъ повсюду оказывался одинъ и тотъ же: земля постепенно сосредоточивалась въ рукахъ небольшого числа старожиловъ-богачей, безземельныхъ становилось слишкомъ много и они поднимали такой шумъ, что полиція

Скопческое селеніе Спасское близъ города Олекминска.

волей-неволей должна была вмѣшаться въ дѣло и серьезно „посовѣтовать“ старожиламъ сдѣлать какія-нибудь уступки противникамъ.

Вкратцѣ исторія поземельныхъ отношеній внутри скопческихъ обществъ была такова [1]):

Въ *Мархинскомъ селеніи* старожилы и новоселы pugnaverunt diu et acriter, и въ 92 году состоялся компромиссъ: старожиламъ было предоставлено выбрать самимъ и оставить въ своемъ пользованіи на будущее время опредѣленную часть (отъ 8 до 12 десятинъ) тѣхъ земель, которыми они владѣли въ этотъ моментъ. Остальныя земли перешли „въ общество“, присоединившее къ такимъ отрѣзкамъ солончаки, низины, прилѣски и т. п. Всѣ эти излишки пошли въ раздѣлъ между новоселами такъ, что каждому досталось по 6 десятинъ. Сверхъ того, за новоселами было признано право впослѣдствіи передѣлить между собою всѣ надѣлы, которые окажутся выморочными въ ближайшіе годы. Пока изъ нихъ не образуется площадь достаточнаго размѣра, такіе надѣлы рѣшено было сдавать съ торговъ и выручку употреблять на мірскія нужды. За два года изъ участковъ этого рода образовался запасъ настолько значительный, что новоселы получили полудесятинную надбавку къ своимъ прежнимъ надѣламъ. За то же время къ селенію было причислено нѣсколько новыхъ жителей и по отношенію къ нимъ прежніе „новоселы“ выступили уже въ роли старожиловъ. Новички заявляли притязаніе на пользованіе тѣми выморочными надѣлами, которые будутъ освобождаться впредь, но прежніе „новоселы“, ссылаясь на недостаточность своихъ участковъ, напирали на постановленіи 92 года, предоставлявшемъ пользованіе выморочными надѣлами именно имъ. Тѣмъ же постановленіемъ право на владѣніе землей было признано и за женщинами, которыя пріобрѣтали какъ усадьбы, такъ и пашни, путемъ покупки у первоначальныхъ владѣльцевъ. Земли, принадлежавшія женщинамъ въ моментъ передѣла 92 года, были оставлены за ними и на будущее время.

Незначительная площадь остававшихся при селеніи сѣнокосовъ дѣлилась у мархинцевъ между всѣми надѣленными разъ въ 3 года, а иногда разъ въ 5 лѣтъ.

---

[1]) Свѣдѣнія о селеніяхъ: Мархинскомъ, Кильдемскомъ и Николаевскомъ собирались А. И. Бычковымъ, и о селеніи Хатынъ-Аринскомъ—Ф. Я. Кономъ, отъ которыхъ я и получилъ готовый матеріалъ.

Въ селеніи *Николаевскомъ* при самомъ отводѣ дачъ (изъ прежнихъ казенно-оброчныхъ статей), скопцы распредѣлили всѣ пахотныя земли на два поля: посѣвное и паровое; въ каждомъ полѣ для каждаго десятка надѣляемыхъ отводилось путемъ жребія по три участка, а десятокъ, также посредствомъ жеребьевки, дѣлилъ площадь участка между своими членами на отдѣльныя полосы. Въ виду неодинаковаго качества почвы, душевыя полоски въ разныхъ мѣстахъ имѣли не одинаковую величину. Въ мѣстности, лежащей по дорогѣ къ городу, душевой пай занималъ площадь въ 7½×160 с.с.; по дорогѣ къ сосѣднимъ якутамъ пашни были подѣлены на паи въ 150×80 с.с., но въ третьемъ полѣ каждый получалъ по 4 пая въ „паровомъ битяѣ“ и по 5 паевъ въ „посѣвномъ битяѣ“ [1]). Такимъ образомъ надѣльныя земли каждаго общественника были разбросаны по 11 полоскамъ. Лѣсная площадь шла у николаевцевъ подъ расчистку участками не равной величины, въ зависимости отъ экономической силы отдѣльныхъ дворовъ, причемъ участки отводились обществомъ, а не захватывались самовольно. Въ 1895 г. значительная часть николаевскихъ лѣсовъ была уже расчищена, но еще не приведена въ полную готовность для посѣвовъ, и только поэтому процентъ пахотной земли въ этомъ селеніи оказывался такимъ небольшимъ; черезъ годъ—другой этотъ процентъ долженъ былъ сразу сдѣлать сильный скачекъ вверхъ.

Въ моментъ отвода—въ 88 году—земля у николаевцевъ дѣлилась между всѣми работоспособными мужчинами независимо отъ ихъ возраста и податного оклада, но вскорѣ и тутъ возникъ классъ безземельныхъ изъ вновь причисленныхъ. Такъ какъ въ недавно возникшемъ селеніи ихъ было гораздо меньше, чѣмъ на Мархѣ, то въ принципѣ было рѣшено впослѣдствіи отдавать освобождающіеся надѣлы новоселамъ полностью, не дробя ихъ, но впредь до отвода выморочные надѣлы сдавались николаевцами въ кортомъ такъ же, какъ и на Мархѣ.

Сѣнокосы въ этомъ селеніи были подѣлены между десятками на 12 лѣтъ, но въ каждомъ десяткѣ производилась ежегодная переверстка паевъ. Душевой пай давалъ ничтожное количество сѣна,—всего воза три.

Въ *Кильдемскомъ селеніи* въ 83 г. вся пахотная земля была раздѣлена на 55 душъ тогдашняго населенія. Прибывавшимъ впослѣдствіи новоселамъ общество предоставляло приписываться къ

---

[1]) Битяй—обрусѣлое якутское слово «бюттэ»—изгородь.

надѣлу кого-либо изъ старожиловъ, по вольному соглашенію между ними обоими, причемъ, по смерти старожила, его компаніонъ-новоселъ становился владѣльцемъ всего надѣла умершаго. Когда въ 93 году кильдемцамъ была произведена новая нарѣзка, то эта добавочная дача пошла въ раздѣлъ между всѣми наличными мужчинами поровну; такимъ образомъ остававшіеся въ живыхъ старожилы и ихъ замѣстители пользовались всѣмъ своимъ прежнимъ надѣломъ и сверхъ того долею въ новой дачѣ, а остальные новоселы—только послѣдней, и образовалось двѣ нормы надѣленности: въ два пая (по $2^1/_2$ десятины пай) для однихъ, и въ одинъ пай для другихъ. Надѣлы старожиловъ, не имѣющихъ со-пайщиковъ изъ новоселовъ, рѣшено было на будущее время дѣлить пополамъ и передавать каждую половину въ добавокъ къ ихъ прежнимъ половиннымъ паямъ двоимъ очереднымъ новоселамъ. Въ силу этого въ Кильдемцахъ вскорѣ же возникла и третья категорія общественниковъ: владѣвшихъ полуторнымъ паемъ, а со временемъ всѣ новоселы должны были перейдти въ эту категорію.

Кильдемскіе скопцы имѣли ясное представленіе о характерѣ своихъ правъ на надѣльныя земли: эти земли предоставлялись обществу на 60-тилѣтній срокъ, послѣ чего должны были перейти въ казну въ качествѣ оброчной статьи. Въ другихъ селеніяхъ сектанты по большей части не отдавали себѣ яснаго отчета о срокѣ своего владѣнія отведенными имъ дачами.

Въ *Спасскомъ селеніи* подъ Олекминскомъ, благодаря выгодамъ его положенія, скоплялось особенно много лицъ, которымъ удавалось перечислиться туда изъ глухихъ деревень, и здѣсь земельная борьба имѣла особенно ожесточенный характеръ. При отводѣ первой дачи (въ 71 году), земля распредѣлялась по дворамъ, безразлично къ численному составу хозяйствъ, и на каждый дворъ пришлось тогда по 2 дес. Между владѣніями отдѣльныхъ дворовъ тогда же были намѣчены межи, которыя съ тѣхъ поръ оставались неизмѣнными. Исключеніе составляли только тѣ надѣлы, совладѣльцы которыхъ впослѣдствіи раздѣлились, причемъ проводились новыя межи. Позднѣйшія нарѣзки производились уже по числу душъ и дѣлились тоже по-душно. Благодаря этому наиболѣе давніе засельщики имѣли по нѣсколько паевъ, менѣе давніе по одному, а 54 человѣка, т. е. ровно треть всѣхъ мужчинъ, въ концѣ 94-го года оставалась вовсе безъ земли. Выморочные надѣлы въ Спасскомъ всѣ были сосредоточены въ рукахъ немногихъ богачей, пользовавшихся покровительствомъ ближайшей

администраціи, и никакія настоянія новоселовъ не могли побудить старожиловъ къ уступкамъ. На всѣ требованія они отвѣчали обѣщаніемъ удѣлить новичкамъ паи изъ той дачи, которая уже была намѣчена властями для добавочной нарѣзки селенію. Дача эта находилась на горахъ, по качеству почвы уступала дольнимъ мѣстамъ, и главное—состояла изъ лѣса и требовала расчистки, т. е. денежныхъ затратъ, что не всякому изъ „молодыхъ“ было подъ силу... Чѣмъ кончились эти распри, я не могу сказать, такъ какъ при моемъ пребываніи въ Олекминскѣ (конецъ 94-го года), онѣ были въ полномъ разгарѣ.

Селеніе *Хатынъ-Аринское*, расположенное въ выгодной мѣстности, но не близкое отъ города (100 верстъ), составляло переходную ступень отъ описанныхъ бойкихъ пунктовъ, куда стремились новоселы, къ тѣмъ глухимъ деревушкамъ, откуда всѣ люди помоложе и побойче стремились вырваться. Въ Хатынъ-Аринцахъ при первоначальномъ отводѣ почти вся площадь состояла изъ лѣса; открытаго мѣста не всѣмъ хватало даже подъ усадьбы. Вся дача была тутъ раздѣлена по десяткамъ, а внутри десятка дѣлилась по жребію. Выморочные надѣлы въ Хатынъ-Аринцахъ, какъ и въ Кильдемцахъ, было рѣшено дѣлить пополамъ между очередными новоселами, открывая такимъ образомъ каждому надежду на полученіе въ будущемъ половиннаго надѣла.

Въ двухъ при-алданскихъ селеніяхъ: *Петропавловскомъ* и *Троицкомъ* первоначально всѣ мужчины получили паи въ трехъ участкахъ—лучшемъ, среднемъ и худшемъ. Впослѣдствіи многіе перечислились отсюда на ленское побережье и новоселы покупали у такихъ лицъ ихъ усадьбы и чистки; „одинъ пудъ“ чистки шелъ тутъ въ продажѣ за 10 рублей.

Сѣнокосами петропавловцы до 88 года верстались ежегодно, давая каждому хозяину по два пая,—въ мѣстахъ лучшихъ и въ худшихъ, но въ 88 г. луга были подѣлены навсегда. Въ Троицкомъ селеніи сѣнокосы дѣлились между хозяевами одинъ разъ въ пять лѣтъ.

Въ селеніи *Троицкомъ* Олекминскаго округа всю сумму, за которую была куплена у инородцевъ земля (см. выше), общество раздѣлило на 100 паевъ по числу тогдашняго населенія. Каждому (и мужчинамъ и женщинамъ) предоставлялось брать или цѣльный пай, внося 3 рубля, или часть пая до ¼. Высылки и перечисленія вскорѣ же повели къ оживленному торгу земельными паями, возраставшими въ своей цѣнности по мѣрѣ того, какъ подвигались

расчистки. Въ первое время одинъ пай шелъ за 5 рублей, впослѣдствіи за 10, а къ 80-му году цѣна поднялась до 30—40 руб. Вся пахотная земля путемъ такимъ сдѣлокъ перешла у троицкихъ въ частное владѣніе, а такъ какъ численность жителей въ этой деревнѣ постоянно уменьшалась, то споровъ и борьбы изъ за пашенъ тутъ не возникало. При моемъ посѣщеніи деревня эта съ ея дряхлѣющими и совершенно одряхлѣвшими обитателями производила впечатлѣніе какой-то заброшенной богадѣльни, едва-ли способной долго просуществовать безъ обновленія свѣжими элементами.

Сѣнокосы въ Троицкомъ дѣлились ежегодно между всѣми работоспособными мужчинами.

Въ селеніи *Усть-Чарскомъ* большая часть первоначальныхъ жителей была впослѣдствіи выселена на Вилюй или перечислилась въ Спасское. Выселявшіеся продавали свои паи какъ пахотные, такъ и сѣнокосные, по цѣнѣ до 260 р. за первые и до 50 р. за вторые. Путемъ скупки такихъ паевъ у нѣкоторыхъ хозяевъ образовались владѣнія десятинъ въ 10—12, но, по малолюдству селенія, споровъ изъ за земли тутъ не возникало. Сѣнокосныя чистки оставались у чаринцевъ въ единоличномъ владѣніи, а десятинъ 10 открытаго луга ежегодно дѣлились по десяткамъ, а десятинный пай иногда и выкашивался всѣмъ десяткомъ заразъ такъ, что въ раздѣлъ между хозяевами шли уже копны. Это единственный случай совмѣстной косьбы, какой мнѣ извѣстенъ въ Якутской области.

Иллюнское селеніе, какъ и два предыдущихъ, страдало отъ малолюдства, а не отъ переполненія, и выморочные надѣлы, если они не были заранѣе предназначены владѣльцемъ опредѣленному лицу изъ старожиловъ, переходили здѣсь въ общество и сдавались въ кортомъ.

V. При появленіи скопцовъ въ Якутской области почти весь хлѣбъ, потреблявшійся мѣстными жителями, пріобрѣтался съ пазковъ и хлѣбныя цѣны нерѣдко достигали въ ту пору 3-хъ, 4-хъ и даже 5-ти рублей. При такихъ условіяхъ производство хлѣба на мѣстѣ сулило крупныя выгоды. Между тѣмъ, у скопцовъ не только имѣлись для этого рабочія силы и денежныя средства, но въ ихъ положеніи подневольныхъ людей, безвыходно прикрѣпленныхъ къ мѣсту поселенія, ничѣмъ другимъ и нельзя было-бы заняться съ надеждою на барыши. Частью собственными руками, а главнымъ образомъ руками наемныхъ якутовъ, тунгусовъ и посе-

ленцевъ, скопцы быстро расчистили лѣса въ предоставленныхъ имъ, наиболѣе удобныхъ для земледѣлія, мѣстностяхъ. На городскихъ рынкахъ Якутска и Олекминска появился въ продажѣ скопческій хлѣбъ, а затѣмъ огородныя овощи и продукты парниковой культуры, вплоть до знаменитыхъ „скопческихъ арбузовъ“ (цѣною 2—3 рубля штука), которые при своемъ появленіи на олекминской пристани производили среди пароходной публики неописуемый эффектъ. Уже въ 70-хъ годахъ скопческія селенія оффиціально именовались „цвѣтущими“, а въ 80-хъ годахъ они совершенно плѣнили своимъ благоустройствомъ и зажиточностью оффиціальныхъ наблюдателей и пріобрѣли въ административномъ мірѣ горячихъ панегиристовъ скопческой культуры. Ея благодѣтельное значеніе для Якутскаго края казалось такимъ лицамъ неоспоримымъ, такъ какъ и на самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія интересовъ городского населенія, нельзя было не радоваться появленію на городскомъ рынкѣ невиданныхъ ранѣе продуктовъ. Однако, въ 90-хъ годахъ г.г. Сѣрошевскій и Іохельсонъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ дали скопческой культурѣ совершенно другую оцѣнку: по мнѣнію этихъ авторовъ, скопческое хозяйство носило въ значительной мѣрѣ хищническій характеръ и по своимъ конечнымъ результатамъ не соотвѣтствовало интересамъ коренного населенія улусовъ и деревень.

Такой выводъ дѣлался на основаніи цѣлаго ряда фактическихъ указаній: прежде всего,—въ мѣстномъ населеніи уже назрѣла потребность расширенія запашекъ; пригодныхъ для этого земель мало, и отводъ такихъ оазисовъ скопцамъ изъемлетъ изъ пользованія туземцевъ площади, въ которыхъ тѣ и сами нуждаются теперь или почувствуютъ нужду въ самомъ близкомъ будущемъ. Второе,—въ виду того, что наиболѣе выгоденъ сбытъ пшеницы, которая въ Якутскомъ краѣ даетъ хорошіе урожаи только по свѣжимъ почвамъ и болѣе всякаго другого хлѣба обезсиливаетъ землю, скопцы, не только на своихъ надѣлахъ, но и на участкахъ, арендуемыхъ ими у якутовъ, производятъ обширныя расчистки и быстро истощаютъ почву; казна и мѣстное населеніе получатъ со временемъ обратно скопческія земли уже ни къ чему не годными. Третье,—скопцы закабаляютъ окрестныхъ якутовъ и лишаютъ ихъ возможности самостоятельной хозяйственной дѣятельности. Наконецъ, четвертое,—явившись въ началѣ производителями хлѣба для мѣстнаго рынка, скопцы впослѣдствіи, съ развитіемъ земледѣлія среди туземцевъ, обнаружили тенденцію пе-

рейти на роль скупщиковъ, и путемъ всевозможныхъ уловокъ поддерживаютъ хлѣбныя цѣны на искусственной высотѣ.

Первый изъ этихъ аргументовъ совершенно неоспоримъ, и потому я не буду на немъ останавливаться. По отношенію ко второму доводу, для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо было бы спеціальное разслѣдованіе того, въ какой мѣрѣ выпаханы старыя скопческія пашни. Прямыхъ данныхъ объ этомъ перепись 95 года не доставила, но косвеннымъ подтвержденіемъ взглядовъ г.г. Сѣрошевскаго и Іохельсона можетъ служить тотъ фактъ, что скопческіе посѣвы пшеницы въ Якутскомъ округѣ съ половины 80-хъ годовъ рѣзко пошли на убыль, а это трудно объяснить чѣмъ-либо инымъ, кромѣ ослабленія производительности прежнихъ чистокъ и отсутствія мѣста для новыхъ.

Общій посѣвъ хлѣбовъ въ 1894 году, по даннымъ переписи 1895 года, составлялъ у скопцовъ шести селеній Якутскаго округа 17.441 п. 25 ф., а такъ какъ весь посѣвъ по Якутскому округу указанъ въ «Обзорѣ» за 1894 г. въ размѣрѣ 10.088 четвертей, то отсюда можно заключить, что скопческіе посѣвы въ началѣ 90-хъ годовъ составляли въ Якутскомъ округѣ около 22,0% всего посѣва. Въ Олекминскомъ округѣ, по вѣдомостямъ старостъ, скопческій посѣвъ 94-го года въ трехъ селеніяхъ составлялъ 4.233 пуда. Такъ какъ въ Иллюнскомъ селеніи, о которомъ не было доставлено свѣдѣній, сѣяли очень мало, а весь посѣвъ по округу опредѣлялся въ этомъ году въ 9.645 четвертей, то значитъ въ болѣе земледѣльческомъ Олекминскомъ округѣ скопческіе посѣвы въ 90-хъ годахъ составляли уже не болѣе 6,0% всего мѣстнаго посѣва.

Средній посѣвъ на одинъ скопческій дворъ въ Олекминскомъ округѣ оказывался гораздо ниже, чѣмъ въ Якутскомъ. Въ Спасскомъ селеніи онъ былъ не выше, чѣмъ въ двухъ центральныхъ крестьянскихъ деревняхъ,—всего 32 п. 08 ф.; въ Чарскомъ селеніи еще ниже—28 п. 12 ф., и въ Троицкомъ—лишь 15 п. 12 ф. Невысокій размѣръ этихъ посѣвовъ съ несомнѣнностью указываетъ на то, что въ описываемую эпоху скопческое хлѣбопашество уже не играло замѣтной роли въ общей производительности олекминскаго края и энергія тамошнихъ скопцовъ направлялась не только на земледѣліе, а также и на другія занятія. Въ Якутскомъ округѣ то же можно сказать о жителяхъ при-алданскихъ селеній: средній посѣвъ на 1 дворъ въ Петропавловскомъ составлялъ 20 п. 4 ф. и въ Троицкомъ—14 п. 32 ф., но въ четырехъ селеніяхъ при-

ленской долины земледѣліе и въ эту пору сохраняло для скопцовъ значеніе ихъ основного промысла и тамъ средній посѣвъ составлялъ: въ Кильдемцахъ 94 п. 12 ф. на 1 дворъ, на Мархѣ—65 п., въ Хатынъ-Аринцахъ—38 п., и въ Николаевцахъ—31 п. 21 ф.

Въ виду коренного различія въ самомъ составѣ двора у крестьянъ и у скопцовъ, относительное развитіе хлѣбопашества у тѣхъ и у другихъ, какъ мнѣ кажется, нагляднѣе всего выразится высотою средняго посѣва не на дворъ, а на мужскую душу въ возрастѣ свыше 18 лѣтъ. Группируя мужское населеніе этого возраста по географическимъ районамъ и сопоставляя цифры средняго посѣва крестьянъ и скопцовъ тѣхъ же мѣстностей, мы найдемъ два ряда такихъ цифръ:

Крестьяне.

Амгинская слобода	8,4 пуда.
О—во 20 станцій Якут. окр.	12,1 »
Павловцы	30,6 »
Кр. 23 олекминскихъ станцій	15,2 »
Кр. двухъ центр. деревень	24,3 »

Скопцы.

2 приалданскихъ селенія	13,7 пуда.
4 приленскихъ селенія	46,1 »
С.с. Чарское и Троицкое	11,9 »
Спасское с.	22,2 »

Изъ этого сопоставленія видно, что олекминскіе скопцы въ 90-хъ годахъ не только не превосходили, но даже уступали крестьянамъ по относительной высотѣ своихъ посѣвовъ, тогда какъ на сѣверѣ скопческіе посѣвы въ четырехъ селеніяхъ приленской долины были почти вчетверо выше посѣва крестьянъ-почтосодержателей и въ полтора раза выше посѣва павловцевъ.

По отношенію къ сортамъ засѣвавшагося хлѣба скопческое хозяйство рѣзко отличалось отъ крестьянскаго весьма слабыми посѣвами ячменя и большими посѣвами пшеницы. Въ то время, какъ у крестьянъ Якутскаго округа ячмень повсюду, кромѣ Павловскаго, составлялъ отъ 21,6 до 34,9%% всего посѣва, у скопцовъ того же округа на его долю приходилось лишь 8% всего посѣва, а у олекминскихъ скопцовъ лишь 1,8%. Пшеница у олекминскихъ скопцовъ составляла 51,6% ихняго посѣва, тогда какъ у крестьянъ-станочниковъ лишь 2,6—7,4%%, и въ двухъ централь-

ныхъ деревняхъ 10,3%. Въ скопческихъ селеніяхъ Якутскаго округа въ прежнее время пшеница составляла болѣе 40% всего посѣва, но впослѣдствіи ея посѣвы настолько сократились, что въ 94 году она занимала лишь 22,2%. Пользуясь данными, извлеченными Ф. Я. Кономъ изъ Хатынъ-Аринскаго архива, можно прослѣдить за колебаніями въ посѣвѣ пшеницы въ этой мѣстности съ 81 по 95 годъ. Селеніе было основано въ 77 году, а наибольшей высоты посѣвъ пшеницы достигъ въ 87 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ, когда на пшеницу пришлось 44,1% всего посѣва этого года. Послѣ этого посѣвы пшеницы стали не только относительно, но и абсолютно понижаться, и за пятилѣтіе 91—95 г.г. она составляла только 31,3%. Между тѣмъ, за тотъ же періодъ общая земледѣльческая производительность хатынъ-аринскихъ скопцовъ все время продолжала возростать и успѣла подняться съ 14,8 пуда посѣва на мужскую душу до 33,7 пуда. Главная доля посѣва у скопцовъ Якутскаго округа, какъ и у мѣстныхъ крестьянъ, въ девяностыхъ годахъ приходилась на хлѣбъ менѣе требовательный—на ярицу, составлявшую въ 94 году 66,3%. Въ виду существующаго въ Олекминскомъ округѣ усиленнаго спроса на овесъ, тамошніе скопцы сѣяли ярицы очень мало,—всего 12,1%, но за то овесъ составлялъ у нихъ 34,0% всего посѣва, тогда какъ у скопцовъ Якутскаго округа только 1,1%. Рожь въ обоихъ округахъ занимала ничтожное мѣсто: 1,3% на сѣверѣ и 0,5% на Олекмѣ.

Наряду съ существенными отличіями въ родѣ засѣваемыхъ хлѣбовъ, скопческое хозяйство обнаруживало бьющее въ глаза отличіе отъ крестьянскаго по высотѣ урожаевъ. Отчасти это объясняется именно обиліемъ свѣжихъ чистокъ, но частью и лучшей обработкой почвы. У приленскихъ крестьянъ Якутскаго округа средній урожай 94 года, по даннымъ переписи, составлялъ лишь самъ 3,8; возможно, что въ дѣйствительности онъ былъ нѣсколько выше, допустимъ—самъ 5; у скопцовъ же,—которые тоже едва-ли были въ своихъ показаніяхъ вполнѣ искренни,—средній урожай этого года составилъ самъ 7,5, при колебаніяхъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ и по различнымъ хлѣбамъ отъ самъ 6 до самъ 10,5 для ярицы, самъ 7,7—самъ 11,2 для пшеницы, и самъ 7,2—самъ 11,4 для ячменя. Что эти цифры не случайны, доказывается работой г. Кона, вычислившаго средній урожай разныхъ хлѣбовъ за все время существованія Хатынъ-Аринскаго селенія по 1895 годъ, т. е. за 18 лѣтъ. Среднія и крайнія, по этому автору, таковы:

Овесъ	самъ 7,5,	при колебаніяхъ		с. 1,5—с. 24; въ двухъ случаяхъ (Дмитрій Филоновъ, Петръ Лунинъ) самъ 25.
Ячмень	» 7,5	»	»	с. 3—с. 13,1; въ одномъ случаѣ (Дмитрій Филоновъ) с. 25, и въ 1 случаѣ (Новиковъ) с. 30.
Пшеница	» 7,2	»	»	с. 1,4—с. 14; въ одномъ случаѣ (братья Залепухины) с. 15,6.
Ярица	» 5,9	»	»	с. 1,1—с. 12,2; въ двухъ случаяхъ (Яковъ Крестовъ, Емельянъ Астаповъ) с. 15,6, и въ одномъ случаѣ (Петръ Ефремовъ) с. 18,8.

По сообщаемымъ А. И. Бычковымъ записямъ сектантовъ М. И. Конторщикова и Я. И. Ивлева на Мархѣ, за 17 лѣтъ съ 1878 по 1894 годъ, урожайность на поляхъ этихъ двоихъ хозяевъ была почти такою же, какъ и въ Хатынъ-Аринцахъ: для ячменя средняя самъ 7,2, при колебаніяхъ самъ 18,5—самъ 3,2; для ярицы—средняя самъ 7,3, при колебаніяхъ самъ 15,7—самъ 3; и для пшеницы—средняя самъ 7,8, при колебаніяхъ самъ 14,3—самъ 2,6.

Такимъ образомъ можно считать несомнѣннымъ, что скопческіе урожаи были въ общемъ по крайней мѣрѣ въ полтора раза выше крестьянскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенныя цифры указываютъ на высшій предѣлъ того успѣха, котораго могло бы достигнуть туземное земледѣліе, если бы инородцы и крестьяне были такъ же культурны, какъ и скопцы, и если бы они располагали такими же средствами.

Урожаи якутовъ Якутскаго округа, какъ можно думать, въ общемъ еще ниже крестьянскихъ, и потому не удивительно, что въ общей массѣ хлѣба, собраннаго, по «Обзору», въ Якутскомъ округѣ въ 94 году, скопческій хлѣбъ составлялъ 44,4%, тогда какъ скопческіе посѣвы, какъ мы видѣли, не превышали 22,0% всего мѣстнаго посѣва.

Въ виду строгаго вегетаріанства скопцовъ, потребительную норму хлѣба для нихъ слѣдуетъ принять болѣе высокую, чѣмъ для крестьянъ; если мы примемъ по 24 пуда въ годъ на каждую душу наличнаго населенія, то найдемъ, что, за вычетомъ сѣмянъ, сектанты Якутскаго округа въ 1894 году могли продать 95.175 пуд. хлѣба своего собственнаго производства. По мѣстнымъ цѣнамъ той поры это должно было доставить приблизительно 132.000 руб. денежной выручки, или около 305 рублей на наличную мужскую душу.

О производительности скопческихъ полей въ Олекминскомъ округѣ ничего опредѣленнаго сказать нельзя, такъ какъ въ вѣдо-

мостяхъ старостъ урожай всѣхъ хлѣбовъ указанъ въ самъ 6 и около этого, что, несомнѣнно, слишкомъ невѣрно. Во всякомъ случаѣ, и тамъ урожайность скопческихъ полей была никакъ не меньше, а вѣроятно даже выше, чѣмъ подъ Якутскомъ.

Посѣвъ картофеля составлялъ у скопцовъ подгородныхъ селеній въ среднемъ 14—20 п.п. на одинъ дворъ, и въ дальнихъ селеніяхъ 6—8 п.п. Урожай картофеля въ разныхъ селеніяхъ составлялъ самъ 4,4—самъ 7, т. е. въ общемъ былъ тоже выше крестьянскаго.

Присутствіе въ скопческой средѣ значительнаго числа дряхлыхъ стариковъ и безземельныхъ новоселовъ вело къ тому, что не всѣ скопцы поголовно занимались хлѣбопашествомъ. Небольшая часть стариковъ сдавала свои участки въ аренду новоселамъ, но это предложеніе не покрывало и двадцатой доли того спроса на землю, который исходилъ съ одной стороны отъ безнадѣльныхъ, и съ другой—отъ богачей, расширявшихъ свои чистки главнымъ образомъ путемъ аренды подходящихъ лѣсовъ у якутовъ. Въ дальнихъ селеніяхъ сдача пахотной земли отсутствовала, но въ Мархинскомъ, Николаевскомъ и Кильдемскомъ селеніяхъ 11,0% всѣхъ хозяевъ сдавали всѣ въ общемъ 142¼ дес. Аренда земли у инородцевъ, крестьянъ и казаковъ была, наоборотъ, распространена повсюду, но въ весьма неравной мѣрѣ: въ подгородныхъ селеніяхъ она практиковалась очень широко, а въ дальнихъ весьма слабо.

При арендѣ земли у якутовъ договоръ обыкновенно заключался на 1 годъ (когда бралась готовая пашня), на 3 года, или на 6 лѣтъ. За десятину уплачивалось въ годъ, смотря по качеству и свѣжести почвы, отъ 6 до 20 р. Весьма часто якутъ сдавалъ сектанту лѣсной участокъ на 6 лѣтъ, не взимая платы, но съ тѣмъ условіемъ, что скопецъ расчиститъ участокъ на свой счетъ и сниметъ съ него три жатвы. Расчистка одной десятины обходилась въ окрестностяхъ Хатынъ-Аринскаго селенія въ 72—128 р.; слѣдовательно, такія условія были почти равносильны арендной платѣ въ 12—20 р. въ годъ; между тѣмъ, чистка, уже побывавшая подъ тремя посѣвами, сдавалась по цѣнѣ 8—12 р. въ годъ, т. е. теряла не менѣе трети своей цѣнности. Этотъ фактъ подтверждаетъ быстрое истощеніе здѣшнихъ почвъ посѣвами пшеницы и, конечно, якуты соглашались на подобнаго рода сдачи лишь по недостатку средствъ для самостоятельныхъ расчистокъ. Что дѣло тутъ было не въ «лѣности инородцевъ», а именно въ

недостаткѣ средствъ, доказывается тѣмъ, что весьма часто тотъ же якутъ, который сдавалъ землю, самъ и расчищалъ ее по найму отъ арендовавшаго скопца, получая отъ него обычную плату.

По даннымъ переписи, въ четырехъ приленскихъ селеніяхъ 61,6% всѣхъ хозяевъ арендовали земли; общая площадь арендованной ими земли составляла 2.885 дес; средній размѣръ арендуемаго участка—17 дес. Въ двухъ при-алданскихъ селеніяхъ арендующихъ было только 9,8%; снималось ими всего 12 дес.; средній размѣръ арендуемаго участка составлялъ всего 2 дес.

Подъ Олекминскомъ спасскіе скопцы арендовали нѣсколько сотъ десятинъ у казаковъ, якутовъ и крестьянъ. Въ этой мѣстности лѣсныя площади часто снимались сектантами у владѣльцевъ на очень продолжительные сроки; 240 дес., по сообщенію старосты, было арендовано скопцами на 40 лѣтъ; въ другихъ случаяхъ срокъ устанавливался въ 20 и въ 30 лѣтъ, причемъ деньги уплачивались обыкновенно сразу на весь срокъ; плата при такихъ сдѣлкахъ была крайне незначительна, но въ отдѣльныхъ случаяхъ колебалась въ очень широкихъ предѣлахъ въ зависимости отъ нужды сдающаго. Въ деревнѣ Амгинской мною былъ записанъ случай, когда одна десятина была арендована скопцомъ у крестьянина на 30 лѣтъ за единовременную плату 20 рублей. При краткосрочной арендѣ готовыхъ пашенъ земля шла по обычнымъ олекминскимъ цѣнамъ: 8 р. за десятину или 16 р. за десятину съ обработкой крестьянина.

Для разработки всѣхъ надѣльныхъ и арендуемыхъ земель скопцамъ не хватало своихъ собственныхъ трудовыхъ силъ и они ежегодно нанимали въ лѣтнее время полевыхъ рабочихъ изъ поселенцевъ, крестьянъ и тунгусовъ. Якутовъ скопцы считали плохими работниками и пользовались ими главнымъ образомъ для выполненія разныхъ вспомогательныхъ работъ по хозяйству,—для возки дровъ, возки сѣна, очистки снѣга и т. п.; тунгусовъ, наоборотъ, очень хвалили, говоря, что «тунгусъ еще лучше иного русскаго»; изъ поселенцевъ разныхъ національностей предпочитали русскихъ и татаръ, а мѣстныхъ крестьянъ ставили, какъ работниковъ, ниже ихъ. Весь этотъ людъ нанимался скопцами сдѣльно, поденно и помѣсячно. Годовыхъ рабочихъ у нихъ было мало, да и тѣ состояли почти исключительно изъ своихъ же новоселовъ, получавшихъ 120—130 р. платы и жившихъ при домѣ на положеніи полу-товарищей. Число такихъ лицъ было велико только на Мархѣ, гдѣ на оплату годовыхъ рабочихъ домохозяевами при переписи

былъ указанъ расходъ въ 6.820 р.; въ другихъ селеніяхъ Якутскаго округа годовые рабочіе встрѣчались въ скопческихъ хозяйствахъ лишь въ единичныхъ случаяхъ, но наемъ лѣтнихъ рабочихъ примѣнялся даже въ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ селеніяхъ. На этотъ предметъ на Мархѣ въ годъ переписи было затрачено 20.456 р., а во всѣхъ шести селеніяхъ Якутскаго округа 33.710 р. Весь расходъ на наемъ рабочихъ, годовыхъ и лѣтнихъ, по заявленіямъ домохозяевъ составлялъ въ шести селеніяхъ 40.935 р., но въ дѣйствительности онъ былъ, вѣроятно, еще выше. Кромѣ того, въ эту цифру не вошла оплата труда якутовъ, работавшихъ для дома и весьма нерѣдко получавшихъ вознагражденіе натурой, преимущественно зерномъ, мукой и картофелемъ.

По денежному расходу на наемъ рабочихъ хозяйства четырехъ приленскихъ и двухъ при-алданскихъ селеній распадались на такія группы:

	Не нанимавшихъ.	Наним. на сумму до 100 р. въ г.	На сумму 100—300 р.	300—1.000 р. въ годъ.
4 приленскихъ с.. . .	25,1%	36,0%	23,3%	14,8%
2 приалданскихъ с.. .	30,6%	61,3%	8,0%	0,0%

Два хозяйства на Мархѣ затрачивали на наемъ рабочихъ болѣе, чѣмъ по 1 т. рублей.

Въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ не изъ собственной среды скопцы были чрезвычайно требовательны и строги. Опытнымъ глазомъ хозяинъ-сектантъ сразу же опредѣлялъ то количество рабочей силы, которое можно было извлечь изъ того или другого наемника, и это количество неуклонно извлекалось. Но, на ряду съ зоркимъ охраненіемъ своего хозяйскаго интереса, скопецъ не впадалъ въ мелкое скряжничество. Пища и содержаніе рабочихъ у сектантовъ были значительно лучше, чѣмъ въ извѣстныхъ мнѣ помѣщичьихъ хозяйствахъ Европейской Россіи. По словамъ павловскихъ крестьянъ, работавшихъ на Мархѣ, въ лѣтнее время дневной порядокъ былъ въ скопческомъ хозяйствѣ таковъ: люди вставали въ 3 часа утра и послѣ первой работы, т. е. часовъ въ 5, пили чай съ пшеничнымъ калачомъ; при этомъ давалась и закуска, состоявшая изъ рыбы или изъ вареной картошки. Въ 10 часовъ давался второй чай, опять съ закуской, и на этотъ разъ съ сахаромъ, по куску на человѣка. Въ два часа подавался обѣдъ: уха и каша гречневая или пшенная. Въ 5 часовъ слѣдовалъ вечерній чай съ калачемъ и съ сахаромъ, но безъ закуски, а въ 8 часовъ

ужинъ. Такимъ образомъ рабочій день продолжался 17 часовъ съ четырьмя перерывами, и чистаго труда приходилось не менѣе 12 часовъ, но за то всѣ продукты всегда были вполнѣ доброкачественны и хлѣба давалось всякому въ волю. Отношеніе хозяевъ скопцовъ къ рабочимъ русскаго происхожденія всегда было гораздо приличнѣй и культурнѣй, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ крупныхъ экономіяхъ, и несмотря на присутствіе среди рабочихъ ссыльнопоселенцевъ, никакихъ безпорядковъ, которые потребовали бы вмѣшательства полиціи, въ скопческихъ селеніяхъ, какъ кажется, никогда не бывало.

Что касается до самой техники земледѣлія, то она отличалась у скопцовъ большей тщательностью, чѣмъ у крестьянъ, но въ общемъ имѣла тотъ же характеръ. Главнымъ отличіемъ являлось повсемѣстное пользованіе удобреніемъ, которое въ Спасскомъ селеніи покупалось сектантами у жителей г. Олекминска по 5 к. за возъ. Въ своемъ собственномъ хозяйствѣ скопцы получали по 200 возовъ съ 6-ти головъ скота, и это количество удобренія считалось наименьшимъ, какимъ можно ограничиться для одной десятины, чтобы улучшить ея качество на три посѣва, т. е. на 6 лѣтъ. На Алданѣ скопцы считали за лучшую норму 40 пудовъ навоза на 1 пудъ земли, но и такого удобренія, по ихъ словамъ. хватало только на два посѣва.

Въ большихъ количествахъ производя хлѣбъ для рынка, скопцы естественно соединяли съ этимъ и покупку зерна для перепродажи. Нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя возможности выжидать выгодныхъ цѣнъ, якутъ или крестьянинъ чаще всего сбывалъ свои продукты по мелочамъ именно имъ, и уже въ 70-хъ годахъ скопцы являлись почти неограниченными господами мѣстнаго хлѣбнаго рынка. Въ цѣляхъ конкурренціи съ приплавнымъ хлѣбомъ, они нерѣдко во время ярмарки искусственно сбивали цѣны и черезъ подставныхъ лицъ скупали хлѣбъ съ паузковъ, а затѣмъ продавали его по повышеннымъ цѣнамъ, какъ собственный. Это барышничество скопцовъ служило одной изъ главныхъ причинъ недружелюбнаго отношенія къ нимъ мѣстныхъ жителей. Однако, ничего собственно «скопческаго» во всѣхъ подобныхъ уловкахъ не было: тѣ же самые пріемы спекуляціи практиковались еще въ античномъ мірѣ, и скопцы, которыхъ само положеніе вещей выдвинуло на роль хлѣботорговцевъ, оказывались только не лучше всѣхъ другихъ. Зная, сколько нареканій вызываетъ ихъ торговая дѣятельность, при переписи домохозяева, особенно богачи, явно

уменьшали количество своего отпуска и размѣръ покупокъ, но, тѣмъ не менѣе, А. И. Бычковымъ было записано на Мархѣ два случая покупокъ большими партіями: въ 5 тысячъ пудовъ и въ 2 тысячи пудовъ, а Ф. Я. Кону хатынъ-аринцами было заявлено мелкихъ покупокъ, начиная отъ 5 пудовъ, всего на 217 пудовъ въ зиму. На Алданѣ въ болѣе бѣдномъ селеніи Троицкомъ покупокъ было заявлено лишь на 55 пудовъ, но въ с. Петропавловскомъ на 1.217 пудовъ.

Въ двухъ приленскихъ селеніяхъ: Мархинскомъ и Хатынъ-Аринскомъ, и въ двухъ при-алданскихъ всѣ хозяйства по заявленнымъ самими хозяевами количествамъ проданнаго за годъ хлѣба распредѣлялись такимъ образомъ:

	Не продававшихъ.	Продано до 100 п.	101—500 п.	501—1.000 п.	1.000 пуд...
		В	ъ	%%:	
Марха и Хат.-Ар..	32,9	24,9	30,8	10,3	1,1
Петроп. и Троицк..	45,2	43,5	11,3	0,0	0,0

Для четырехъ приленскихъ селеній рынкомъ являлся преимущественно городъ Якутскъ, но отчасти скопческій хлѣбъ сбывался и улусному населенію. На Алданѣ покупатели состояли главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ инородцевъ и торговцевъ, отправляющихъ каюки до Нелькана. Спасскіе продавцы сбывали хлѣбъ не только въ городѣ Олекминскѣ и по всей его округѣ, но дѣлали поставки и на пріиски. Скопцамъ выѣздъ изъ города воспрещался, но мелкіе золотопромышленники пріѣзжали въ Олекминскъ сами; въ другихъ случаяхъ скопецъ отправлялъ хлѣбъ на Мачу съ наемнымъ татариномъ; но, конечно, при всемъ томъ, ограниченность правъ и невозможность собственныхъ разъѣздовъ очень тяжело отзывалась на коммерческихъ предпріятіяхъ сектантовъ и нерѣдко вела къ потерямъ и къ переплатамъ. Въ Чарскомъ и въ Троицкомъ селеніяхъ хлѣбъ не столько продавался, сколько вымѣнивался на пушнину бродячимъ тунгусамъ, выходившимъ въ лѣтнее время къ устьямъ р. Олекмы для сбыта своихъ мѣховъ.

По связи съ земледѣліемъ и хлѣбной торговлей у скопцовъ высоко стояло мукомольное дѣло. По переписи оказалось конныхъ мельницъ: на Мархѣ 23, въ Николаевскомъ 2, въ Кильдемцахъ 8, въ Хатынъ-Аринцахъ 6, въ Петропавловскомъ 4, въ Спасскомъ 9 и въ Чарскомъ 1. На Мархѣ и въ Спасскомъ имѣлось по одной паровой мельницѣ небольшого размѣра, а въ Спасскомъ кромѣ того и двѣ вѣтряныя.

Обмѣнъ хлѣба на пушнину, установившійся по рѣкамъ Алдану и Олекмѣ, втягивалъ тамошнихъ скопцовъ въ новую сферу дѣятельности и велъ за собою въ дальнѣйшемъ скупку пушнины на деньги и на разнаго рода товаръ: кирпичный чай, табакъ, дабу и т. п. Такъ какъ по дальности города всѣ этого рода товары идутъ въ улусахъ съ большой надбавкой, то болѣе или менѣе поторговываютъ почти всѣ зажиточные улусные обыватели, и скопцы отъ обычной въ улусахъ расплаты продуктами почти незамѣтно переходили къ мѣновой торговлѣ съ инородцами, причемъ лишь немногіе ставили дѣло открыто и основывали настоящія лавки. Такихъ лавокъ въ 95 году насчитывалось: на Мархѣ 4, въ Спасскомъ 3, въ Кильдемцахъ 3, въ Хатынъ-Аринцахъ 2 и въ Петропавловскомъ 2, но въ очень многихъ скопческихъ домахъ имѣлись въ запасѣ для обмѣна съ инородцами всѣ необходимые для нихъ предметы (кромѣ водки), и усчитать всѣ подобные обороты, разумѣется, невозможно.

Крупное значеніе въ хозяйственномъ обиходѣ подгородныхъ скопцовъ имѣло огородничество, которымъ они занимались съ большой любовью. Какъ въ выращиваньи, такъ и въ приготовленіи и въ консервированіи овощей, они достигли большого искусства. Главнымъ промысломъ огородничество служило для жителей Иллюнскаго селенія, по его близости къ Мачѣ. По словамъ иллюнцевъ за годъ ими сбывалось на Мачу, не считая всякой мелкой овощи, до 1 тысячи пудовъ капусты, до 3 тысячъ пудовъ картофеля и тысячи 4—5 огурцовъ (по счету на штуки). Съ доставкой прямо въ тайгу капуста шла по 3 р. 35 к. за пудъ, но провозъ туда обходился по 1 р. съ пуда и посуда (полубочья) стоила по 2 р. штука, такъ, что собственно заработокъ огородника сводился къ 2 рублямъ съ небольшимъ. Картошка съ доставкой на Мачу стоила 45 к. пудъ, но доставка обходилась коп. по 12—15 съ пуда. Огурцы шли по 3 р. сотня. По приблизительному подсчету общій доходъ отъ огородничества долженъ былъ доставлять иллюнцамъ тысячи двѣ съ половиной. Мархинцамъ, по ихъ показаніямъ при переписи, несомнѣнно приуменьшеннымъ, продажа овощей доставила за годъ 4.113 р., николаевцамъ 744 р. и кильдемцамъ 743 р.

Обитатели Мархи и Спасскаго селенія поставляли въ Якутскъ и въ Олекминскъ молочные продукты, далеко превосходившіе по качеству продукты якутскаго изготовленія, но въ другихъ селеніяхъ сбыта на эти вещи не было и скопцы держали рогатый скотъ въ очень небольшомъ количествѣ, и то почти исключительно

крупный. Во многихъ скопческихъ хозяйствахъ корова, переставшая доиться, тотчасъ же продавалась и замѣнялась новой, молочной. Благодаря этому во всѣхъ селеніяхъ Якутскаго округа среднее количество крупнаго рогатаго скота (т. е. почти исключительно дойныхъ коровъ) на одинъ дворъ составляло величину отъ 0,80 до 1,42.

Коннаго скота у скопцовъ было то-же немного. Значительная часть полевыхъ работъ выполнялась наемниками на ихнихъ лошадяхъ, и въ среднемъ на 1 дворъ у скопцовъ приходилось по 1,35—2,7 рабочихъ лошадей, а мелкихъ не было почти совсѣмъ.

Распахавъ почти всѣ свои сѣнокосы, подгородные скопцы предпочитали арендовать луга у якутовъ или покупать у нихъ готовое сѣно. Въ трехъ приленскихъ селеніяхъ 37,1% всѣхъ хозяевъ арендовали въ общемъ 189 дес. и на Мархѣ 50 хозяевъ снимали у якутовъ луговъ на 1.139 р. 50 к. въ лѣто (по разнообразію условій аренды опредѣлить въ этомъ случаѣ хотя бы приблизительно арендуемую площадь оказалось невозможно). Въ тѣхъ же четырехъ селеніяхъ за зиму было куплено сѣна на 8.184 рубля. Въ двухъ при-алданскихъ селеніяхъ 56,5% хозяевъ арендовали $123^1/_2$ дес. сѣнокосовъ, но только 2 хозяина прикупили на 38 р. въ зиму.

Въ скопческомъ населеніи около 20% всѣхъ мужчинъ были знакомы съ разнаго рода ремеслами и тѣ изъ ремесленниковъ, которые имѣли возможность жить въ городѣ, или, по крайней мѣрѣ, посѣщать городъ, получали оттуда заказы и зарабатывали недурно. Къ большой невыгодѣ какъ для самихъ скопцовъ, такъ и для городскихъ обывателей, многимъ изъ мастеровъ не удавалось, однако, добиться перевода изъ какой-нибудь глуши; ихъ техническія знанія пропадали безплодно, а между тѣмъ въ городахъ ощущался крайній недостатокъ въ ремесленникахъ. Среди скопцовъ состава 1895 года имѣлись: портные, сапожники, шорники, столяры, плотники, наборщики, переплетчики, и даже два фотографа.

Однако, общая физіономія скопческаго элемента, на взглядъ мѣстныхъ обывателей, опредѣлялась не такими лицами, а именно крупными хлѣботорговцами и предпріимчивыми, нѣсколько прижимистыми фермерами, какихъ не могло выдвинуть изъ своей среды коренное населеніе. Приложивъ свои капиталы къ землѣ, скопцы форсировали развитіе въ краѣ экстенсивнаго земледѣлія

со всѣми его выгодными и невыгодными сторонами, и въ этомъ смыслѣ сыграли крупную роль въ культурной исторіи Якутскаго края.

Добавленія къ главѣ XIII. 1) Указомъ Сената отъ 25 іюня 1905 года къ скопцамъ былъ примѣненъ манифестъ 11 августа 1904 года и сектанты въ послѣдующіе годы стали выѣзжать изъ Якутской области, ликвидируя свое хозяйство. Въ 1908 году, какъ видно изъ «Обзора» за этотъ годъ, скопцовъ оставалось: въ Вилюйскомъ округѣ 2 (въ 1905 году было 40), въ Якутскомъ округѣ 590 (въ 1905 г. было 766 обоего пола, изъ нихъ мужчинъ 424 и женщинъ 342), и въ Олекминскомъ округѣ 150 (мужчинъ 90 и женщинъ 60, тогда какъ въ 1905 г. считалось 290 душъ обоего пола). Всего по области (съ округами Верхоянскимъ и Колымскимъ, гдѣ проживало по 2—4 скопца) въ 1905 г. было 630 мужчинъ и 468 женщинъ, т. е. 1.098 душъ обоего пола. Съ 1881 по 1905 годъ общая численность скопческаго населенія оставалась почти неизмѣнной, составляя ежегодно около 1.100 человѣкъ на всю область. Въ продолженіе 3 лѣтъ, послѣдовавшихъ за манифестомъ, численность сократилась приблизительно на 32%.

2) Въ 1904 году посѣвъ скопцовъ Якутскаго округа—2.553 четверти составлялъ 25% всего посѣва по округу; за 10 лѣтъ со времени моихъ прежнихъ опредѣленій онъ абсолютно увеличился на 17,0% и относительно возросъ на 3%. Относительное возрастаніе его вызвано упадкомъ въ половинѣ того десятилѣтія, въ зависимости отъ тогдашнихъ неурожаевъ, инородческаго земледѣлія: въ 1901 году посѣвъ инородцевъ Якутскаго округа составлялъ 6.885 четвертей, а въ 1904 году—5.745 четвертей и въ 1905 году—5.635 четвертей. Въ послѣдующіе годы посѣвъ инородцевъ опять поднялся и въ 1908 году достигъ 8.282 четвертей. Весь посѣвъ 1908 года по Якутскому округу—13.780 четвертей на 34,6% выше посѣва 1894 года. По Олекминскому округу скопческій посѣвъ 1904 года составлялъ 8,0% общаго посѣва, а инородческіе посѣвы во все продолженіе десятилѣтія, судя по «Обзорамъ», тутъ продолжали падать; въ 1901 году мы видимъ у инородцевъ посѣвъ 7.453 четверти, почти на 48% выше 1891 года, но въ 1904 году величина посѣва инородцевъ понижается до 6.470 четвертей, а въ 1908 году возвращается почти къ величинѣ 1891 года и даетъ всего 5.141 четверть. По разсчету на наличную душу мужского пола посѣвъ скопцовъ Якутскаго округа за 10 лѣтъ слегка под-

нялся и въ 1904 году составлялъ 48 п. 24 ф., а въ Олекминскомъ округѣ онъ поднялся замѣтно — до 33 п. 15 ф., т. е. приблизительно въ полтора раза, сравнительно съ прежнимъ. Чѣмъ обусловлено такое различіе между обоими округами, изъ «Обзоровъ» не видно.

3) Въ распредѣленіи посѣва по роду хлѣбовъ за 10 лѣтъ—съ 1894 по 1904 годъ, произошли несущественныя измѣненія по обоимъ округамъ: посѣвъ пшеницы у скопцовъ Якутскаго округа опять повысился, хотя и не достигъ своей прежней высоты—44,0%; въ 1904 году величина процента, который занимала пшеница, оказывался на 10 единицъ ниже maximum'a прежнихъ лѣтъ, но на 12 единицъ выше цифры девяностыхъ годовъ. Въ Олекминскомъ округѣ, наоборотъ, этотъ процентъ понизился у скопцовъ почти на 3 единицы. Въ общемъ, характеръ посѣвовъ измѣнился мало и по даннымъ 1904 года давалъ для главныхъ хлѣбовъ такія отношенія:

Якутскій округъ.	Пшеница.	Ярица.	Ячмень.	Овесъ.
Скопцы	34,4	58,5	3,4	3,7
Крестьяне	15,4	56,8	20,2	7,4
Якуты	6,1	26,3	66,6	0,5
Олекминскій округъ.				
Скопцы	47,9	9,2	1,0	41,9
Крестьяне	10,5	44,9	22,2	22,4
Якуты	2,0	3,8	82,4	11,8

4) Въ 1899 году богатые сектанты собрали въ своей средѣ капиталъ въ 19.000 рублей и основали въ Мархинскомъ селеніи богадѣльню для призрѣнія своихъ дряхлыхъ единовѣрцевъ. Завѣдывалъ богадѣльней Совѣтъ изъ 12 попечителей, избираемыхъ сходомъ; должность смотрителя выполнялась однимъ изъ нихъ безплатно. Въ 1906 году въ богадѣльнѣ находило пріютъ 14 мужчинъ и 17 женщинъ. Нѣкоторымъ лицамъ пособія выдавались Совѣтомъ на домъ.

5) Кромѣ духоборовъ, о селеніяхъ которыхъ упоминалось въ добавленіяхъ въ главѣ I, въ 1897 году было водворено въ области 6 человѣкъ осужденныхъ въ Россіи *хлыстовъ*. Ихъ поселили на правомъ берегу р. Алдана, подлѣ Алданской станціи Охотскаго тракта. Въ 1900 году, по невозможности устроиться на мѣстѣ, эти люди получили разрѣшеніе уйдти на заработки въ города Якутскъ и Охотскъ и поселокъ (фактически едва ли даже успѣвшій возникнуть), съ тѣхъ поръ считается уничтоженнымъ.

*

Глава XIV.

Поселки уголовныхъ ссыльныхъ.

Полную противоположность сектантамъ представляетъ послѣдній элементъ сельскаго населенія Якутской области—уголовные ссыльные. Въ то время какъ скопцовъ, каковы-бы ни были ихъ внутреннія распри, все-таки связывала во-едино и обособляла отъ другихъ общность міросозерцанія и свойственный имъ высокій уровень интеллектуальнаго, а частью и этическаго развитія, шесть тысячъ уголовныхъ ссыльныхъ, числившихся въ 1894 году въ Якутской области, представляли собою въ полномъ смыслѣ слова человѣческую пыль, не только ничѣмъ не связанную, но и неспособную сложиться въ сколько-нибудь крѣпкое общество. Каждый скопецъ, прибывая на мѣсто ссылки, не выходилъ изъ своей привычной среды и сохранялъ во всей полнотѣ самоуваженіе и бодрость духа, т. к. судебный приговоръ являлся въ его глазахъ актомъ гоненія за вѣру, а не житейской катастрофой. Скопецъ на первыхъ порахъ такъ или иначе устраивался у своихъ, а иной прибывалъ и съ собственными деньженками. Поселенецъ, — если не говорить объ единичныхъ исключеніяхъ,—являлся въ Якутскъ морально разбитымъ, одинокимъ и нищимъ. Прямо изъ острога онъ попадалъ въ улусъ, въ инородческую среду, гдѣ все ему казалось дико и противно, и гдѣ самъ онъ внушалъ окружающимъ страхъ и отвращеніе. Покойный Р. А. Стеблинъ-Каменскій собралъ свѣдѣнія о положеніи уголовныхъ ссыльныхъ въ якутскихъ улусахъ и совмѣстно со мною обработалъ ихъ для «Памятной Книжки» Як. обл. на 1896 годъ, гдѣ наша статья была напечатана подъ заголовкомъ «Замѣтка о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ на якутское населеніе на правомъ берегу Лены». Здѣсь достаточно будетъ изложить сущность этой замѣтки въ нѣсколькихъ строчкахъ: огромное большинство поселенцевъ, въ виду полнаго отсутствія на мѣстѣ какихъ-бы то ни было заработковъ, не оставалось «въ якутахъ», а тотчасъ-же уходило куда глаза глядятъ. Нѣкоторымъ удавалось при этомъ получить съ инородцевъ «срывъ», т. е. отступное въ размѣрѣ отъ 15—20 руб. до 100 руб. и болѣе, смотря по тому, насколько опасенъ казался якутамъ поселенецъ, отъ котораго они такимъ образомъ избавлялись. Сравнительно

немногіе, оставшіеся на мѣстѣ, первоначально влачили существованіе «кумалановъ», т. е. поочередно пропитывались по нѣскольку дней у всѣхъ домохозяевъ наслега, переходя изъ юрты въ юрту. Это унизительное кочеванье служило источникомъ безконечныхъ осложненій, ссоръ и потасовокъ, нерѣдко завершавшихся тайнымъ или открытымъ убійствомъ невыносимаго гостя. Пытаясь обосноваться самостоятельно, поселенецъ почти неизбѣжно долженъ былъ прибѣгать къ кражамъ, мошенничествамъ и вымогательствамъ, т. к. иначе ему пришлось-бы умирать съ голода. При очень сильномъ желаніи осѣсть и утихомириться и при исключительной настойчивости, ссыльный изрѣдка успѣвалъ добиться того, что наслегъ отводилъ ему плохенькій надѣлъ, давалъ рабочаго быка, корову, кое-какое обзаведеніе, и даже «бабу», т. е. какую-нибудь безродную или гулящую якутку, не понимающую ни слова по русски. Положеніе такого «колонизатора» всегда оставалось до крайности непрочнымъ: достаточно было перваго-же недорода, пропажи быка, побѣга бабы,—какого угодно повода,—и хилое хозяйство сразу-же подкашивалось и гибло. Въ силу такихъ условій изъ 304 поселенцевъ, числившихся въ 93 году въ Мегинскомъ улусѣ, вело хозяйство на правомъ берегу Лены 11 человѣкъ, и въ Тулагинцахъ (о которыхъ дальше)—8 чел.; въ пяти при-амгинскихъ наслегахъ улусныя власти аттестовали какъ «способныхъ и усердныхъ къ труду»—5 чел., во всемъ Дюпсюнскомъ улусѣ имѣлъ хозяйство лишь одинъ человѣкъ, и т. п., а между тѣмъ въ одномъ Якут. округѣ въ 94 году числилось 4.278 ссыльныхъ об. пола....

Положеніе ссыльно-поселенцевъ причислявшихся въ русскія селенія, было немногимъ лучше. Мы видѣли, что въ лѣтнее время иные изъ нихъ, но далеко не всѣ, могли находить заработокъ на скопческихъ и частью на крестьянскихъ поляхъ, но зимнихъ работниковъ у крестьянъ немного, и большинство причисленныхъ толклось въ деревняхъ безъ всякаго дѣла. Въ обществѣ 20-ти станцій изъ 385 человѣкъ ссыльныхъ мы встрѣтили въ селеніяхъ только 13 человѣкъ имѣвшихъ осѣдлость, 154 человѣка находились въ легальной отлучкѣ, главнымъ образомъ на пріискахъ, а 218 человѣкъ пребывали неизвѣстно гдѣ. Во всѣхъ русскихъ селеніяхъ обоихъ округовъ состояло на причисленіи въ 94 году 823 человѣка, но поселенческихъ хозяйствъ мы насчитали не болѣе полусотни, т. е. всего 6,0%, да и тѣ въ большинствѣ не внушали полнаго довѣрія къ своей прочности. Почти неизбѣжныя случайности, которыя такъ разрушительно вліяютъ на зарождающееся улусное

хозяйство, съ тою-же силой висятъ и надъ поселенцемъ, осѣвшимъ въ русской деревнѣ. Ссыльныхъ, сравнявшихся въ благосостояніи съ крестьянами, можно было встрѣтить только на двухъ подгородныхъ станціяхъ, въ Амгинской слободѣ и въ деревнѣ Амгинской, но всѣ они разжились не земледѣліемъ, а мелочной торговлей, и число ихъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ не доходило даже до десятка.

Особую группу въ уголовномъ населеніи составляли башкиры, ссылавшіеся въ Якутскую область преимущественно за конокрадство изъ губерній Уфимской и Оренбургской. Объ олекминскихъ башкирахъ я уже говорилъ: пока они жили въ улусахъ, кражи служили для нихъ почти единственнымъ средствомъ существованія, но съ переводомъ въ городъ Олекминскъ, гдѣ нашлись кое-какіе заработки, они стали значительно смирнѣй. Въ Амгинской слободѣ, при появленіи башкиръ въ 1869 году, общество отвело имъ мѣста сѣнокосныя и пахотныя, а въ 78 году, когда число башкиръ дошло до 100 душъ, имъ былъ выдѣленъ крестьянами особый участокъ въ 1.500 дес., съ тѣмъ, чтобы всѣ магометане, включая и тѣхъ, которые будутъ причислены впослѣдствіи, получали надѣлъ изъ этой дачи. Однако, разбои и безчинства не прекращались, и со временемъ почти всѣ «татаре» были выселены администраціей въ другія мѣста. Въ 95 году подъ Амгой оставалось только 4 башкирскихъ семьи, сидѣвшихъ на отведенномъ имъ мѣстѣ и занимавшихся хозяйствомъ якутскаго образца.

Изъ той полусотни поселенцевъ, которые въ 94 году имѣли осѣдлость въ русскихъ деревняхъ, нѣкоторые навѣрно уже черезъ годъ-другой разорились и куда нибудь исчезли, а десятка три-четыре, поженившись на крестьянкахъ, мало по малу слились съ кореннымъ населеніемъ. Въ улусахъ такое сліяніе гораздо труднѣй благодаря расовому различію ссыльныхъ и якутовъ и ихъ глубокой взаимной антипатіи. Ссыльному трудно добиться отъ наслега надѣла, еще труднѣе найти сколько-нибудь хозяйственную и подходящую жену, и почти невозможно сблизиться вполнѣ съ инородческимъ населеніемъ и заслужить его довѣріе. Отсюда у поселенцевъ, застрявшихъ въ улусѣ, возникаетъ естественное стремленіе селиться поближе другъ къ другу и по возможности обособляться отъ якутовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ скучиванью ссыльныхъ содѣйствуетъ и то, что поселенческое хозяйство, по своей слабости, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нуждается въ опорѣ и легче всего оно зарождается и крѣпнетъ вблизи отъ

такого пункта, который можетъ служить подобной опорой. Всего чаще въ роли центральной клѣточки возникающаго скопленія является усадьба какого-нибудь имѣющаго хозяйство русскаго: священника, государственнаго ссыльнаго и т. п. При легкости возведенія якутской юрты, неподалеку отъ такой усадьбы быстро выростаютъ три-четыре жилья, въ которыхъ водворяется нѣсколько поселенцевъ и бѣднѣйшихъ якутовъ, подрабатывающихъ кое-что у зажиточнаго сосѣда. Прекращается почему-нибудь центральное хозяйство,—и весь поселокъ пустѣетъ, а его обитатели разбредаются розно.

Изрѣдка бываетъ, однако, и такъ, что случайно возникшее безформенное образованіе проявляетъ нѣкоторую устойчивость и существуетъ болѣе десятка лѣтъ какъ постоянный поселокъ, хотя и съ перемѣннымъ составомъ населенія. Жители такихъ поселковъ занимаются хлѣбопашествомъ и бытъ ихъ становится нѣсколько близокъ къ крестьянскому. Сколько подобныхъ зачаточныхъ деревенекъ возникало по улусамъ и каковъ средній срокъ ихъ существованія, сказать трудно, но при описаніи быта сельскаго населенія Якутской области было-бы упущеніемъ оставить ихъ совсѣмъ безъ упоминанія. Чтобы дать представленіе о строѣ хозяйственной жизни въ такихъ поселкахъ, я воспользуюсь сообщеніями Ф. Я. Кона и опишу одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ числу наиболѣе долговѣчныхъ.

Въ 110 верстахъ отъ Якутска, въ *1-мъ Модутскомъ наслегѣ* Намскаго улуса, на берегу озера Баралакы, было расположено болѣе десятка домиковъ и юртъ, въ которыхъ проживало нѣсколько государственныхъ ссыльныхъ и 9 поселенческихъ семействъ. Первымъ обитателемъ этого побережья былъ одинъ польскій повстанецъ 63-го года. Близъ него вскорѣ-же пріютился одинъ русскій поселенецъ. Впослѣдстіи они перевелись въ другую мѣстность, но обсиженное ими мѣсто облюбовали причисленные къ наслегу башкиры, а затѣмъ и другіе мѣстные ссыльные русскаго и польскаго происхожденія. Всѣ эти лица получали отъ якутовъ надѣлы въ разныхъ мѣстахъ и въ различномъ размѣрѣ, а выгономъ они пользовались совмѣстно съ якутами, откуда вытекало множество неудобствъ; пашни у каждаго были разбросаны въ 2-хъ—3-хъ и даже 5-ти мѣстахъ клочками, окруженными отовсюду общимъ выгономъ, и послѣдствіемъ этого являлись частыя потравы, уходъ поселенческихъ коней съ якутскими табунами, и всякаго рода пререканія съ якутами. Подчиненные непосредственно Мо-

дутскому родовому управленію, жители поселка не составляли никакого общества и въ случаѣ нарушенія ихъ интересовъ якутами не имѣли противъ нихъ никакой легальной защиты, т. к. Окружная Полиція слишкомъ далеко, а выполненіе ея постановленій лежитъ не на комъ иномъ, какъ на томъ-же родовомъ управленіи. На дѣлѣ, однако, страдательной стороной являлись не столько поселенцы, сколько сами хозяева-якуты. Независимо отъ того, что ежегодно на вспомоществованіе кое-кому изъ уголовныхъ ссыльныхъ наслегъ затрачивалъ рублей 40—50, существованіе поселка было вредно для якутовъ, т. к. нѣкоторые поселенцы, преимущественно татары, помогали себѣ сами своими обычными пріемами, т. е. продажей водки, обыгрываньемъ въ карты и т. п. Темные способы пріобрѣтенія средствъ не исчезли окончательно, но значительно сократились, когда, въ 80-хъ годахъ, въ этой мѣстности поселился и завелъ крупное по мѣстнымъ понятіямъ хозяйство государственный ссыльный А. А. Сиповичъ, засѣвавшій десятинъ по 20 хлѣба. Поселенцы при этомъ хозяйствѣ находили себѣ разнаго рода заработки и уже не въ такой степени какъ прежде нуждались въ рискованныхъ промыслахъ вродѣ кражъ и т. п

Въ 1895 году въ 9-ти поселенческихъ дворахъ поселка г. Конъ насчиталъ 28 жителей обоего пола; изъ нихъ мужчинъ 18 и женщинъ 10; въ рабочемъ возрастѣ: мужчинъ 8 и женщинъ 4. Пахатной земли въ пользованіи этихъ лицъ состояло около 28 дес., изъ которыхъ $3^{5}/_{8}$ дес. было расчищено самими поселенцами. Сѣнокоса въ надѣльныхъ земляхъ было $7^{1}/_{2}$ дес. $1^{1}/_{4}$ дес. пашни и $8^{1}/_{2}$ дес. сѣнокоса арендовалось поселенцами у якутовъ, а 4 дес. пашни и $1^{3}/_{4}$ дес. сѣнокоса сдавались. Не сѣявшихъ хлѣба было трое, не имѣвшихъ никакого скота — четверо жителей. Остальные поселенцы сѣяли преимущественно ярицу, отъ $4^{1}/_{2}$ до 12 пудовъ каждый. Въ общемъ ихъ посѣвъ въ 95 году составлялъ 66 пудовъ, а сборъ оказался очень хорошъ — 655 п., т. е. хлѣбъ уродился самъ 9,9. Во всѣхъ девяти дворахъ имѣлось 6 коровъ, 1 быкъ и 5 коней. У сосѣднихъ скопцовъ и государственныхъ ссыльныхъ жители зарабатывали рублей около 600 въ годъ. Урожай въ самъ 10—явленіе далеко не частое; сосѣдство работодателей то же составляетъ для улусныхъ поселенцевъ лишь счастливую случайность. И тѣмъ не менѣе, даже въ этой, исключительно благопріятной мѣстности и въ такой исключительно урожайный годъ, модутскіе поселенцы, при потребительной нормѣ 13 п. на душу, могли продать за вычетомъ сѣмянъ 225 пудовъ; при тогдашней

цѣнѣ зерна—1 р. 60 к. пудъ,—это могло доставить имъ 360 руб. Прибавляя 600 р. посторонняго заработка, мы найдемъ, что всѣ денежныя полученія жителей поселка за годъ могли составить 960 р., т. е. по 106 р. 66 к. на 1 дворъ или по 34 р. 28 к. на наличную душу. Этой выручкой модутцы должны были покрывать всѣ свои потребности, т. е. главнымъ образомъ потребность въ пищѣ и въ одеждѣ. Наблюдая бытъ осѣдлыхъ поселенцевъ въ сельцѣ Добромъ, А. И. Бычковъ установилъ ихъ средній годовой расходъ, оказавшійся въ нѣсколькихъ дворахъ довольно однообразнымъ.

Имѣя собственный хлѣбъ, осѣдлый поселенецъ ежегодно прикупаетъ: 6 кирпичей чая, 6 ф. сахара, $2^1/_2$ пуда мяса, 4 безмѣна (10 ф.) масла, рублей на 5 водки, и рубля на два махорки. Въ общемъ это составляетъ на одного взрослаго мужчину рублей по 20—25 въ годъ.

Расходъ на обычную для поселенцевъ одежду требуетъ тоже не менѣе 20 р. въ годъ на взрослаго мужчину, такъ какъ безусловно необходимыми считаются такія вещи:

Халатъ, служитъ 3 года, стоитъ 7 р., годичный расходъ	2 р. 33 к.
Шуба, » 3 » » 9 » » »	3 » — »
Валенки, » 2 » » 6 » » »	3 » — »
Шапка, » 2 » » 2 » » »	1 » — »
2 пары рукавицъ съ варегами	2 » — »
Шарфъ или шаль	1 » 30 »
Лѣтняя обувь	3 » — »
2 пары бѣлья	4 » 40 »
Теплые штаны	3 » — »
Прочія мелочи	2 » — »
Итого. . . .	25 р. 03 к.

Кромѣ того, нѣкоторый расходъ необходимъ на подновленіе сельскохозяйственныхъ орудій, на домашнюю утварь (таганъ, котелъ, мѣдный чайникъ, и т. п.), и, наконецъ, надо же какъ нибудь кормить и одѣвать жену и ребенка... Ясно, что заработка въ 34 рубля на наличную душу на все это далеко не достаточно, и слѣдовательно матеріальное положеніе обитателей поселковъ вродѣ Модутскаго, даже по понятіямъ людей ихъ собственной среды, остается совершенно неудовлетворительнымъ.

Въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ находились тѣ поселенцы, которымъ удалось получить назначеніе въ *Тулагинскій наслегъ* Ме-

гинскаго улуса. Этотъ наслегъ лежитъ на лѣвомъ берегу Лены и подходитъ почти къ самому городу Якутску. Русскій поселокъ возникъ тутъ еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка. Въ 12 верстахъ отъ города, при рѣчкѣ Мархѣ, въ ту пору лежали земли, которыми пользовался нѣкій купецъ Шиловъ, производившій расчистки и занимавшійся хлѣбопашествомъ. На земляхъ Шилова было поселено четыре семейства субботниковъ, братьевъ Шишлянниковыхъ. Такъ какъ мѣстность представляла для хлѣбопашества большія удобства, то субботники вскорѣ же начали расширять расчистки и усердно занялись земледѣліемъ. Урожаи на первыхъ порахъ были превосходные; въ 55 году, по словамъ одного изъ Шишлянниковыхъ, съ посѣва въ 5 мѣшковъ пшеницы и 6 мѣшковъ ярицы братья получили 94 мѣшка пшеницы и 123 мѣшка ярицы. Нѣсколько позже въ той же мѣстности были поселены молокане, которые также дѣятельно занялись расчистками и хлѣбопашествомъ. За молоканами въ гораздо большемъ количествѣ послѣдовали скопцы, основавшіеся почти рядомъ, въ Мархинскомъ селеніи. Съ одной стороны это было выгодно для обитателей Тулагинскаго поселка, такъ какъ обезпечивало имъ возможность заработка, но въ другомъ отношеніи ростъ скопческой Мархи совершался прямо на счетъ поселка, такъ какъ участки, освобождавшіеся послѣ смерти молоканъ, зачастую переходили къ скопцамъ, и со временемъ скопческія земли совершенно окружили поселенческіе надѣлы. Въ концѣ 60-хъ годовъ скопцы предлагали даже принять на себя всѣ расходы выселенія, лишь бы удалить сосѣдей и заставить ихъ перенести поселокъ въ другое мѣсто. Тулагинскіе якуты, наоборотъ, воспользовались естественнымъ образованіемъ особаго поселенческаго уголка и стали всѣхъ причисляемыхъ къ наслегу ссыльныхъ, требующихъ надѣла, направлять туда, обѣщая каждому новопоявляющемуся отвести ему первый же надѣлъ, какой освободится близь поселка. Въ виду близости города и Мархи, многіе поселенцы просились въ Тулагинцы хотя бы и безъ надѣла, такъ какъ надѣялись, что тамъ они сумѣютъ перебиться поденщиной и другими заработками, и благодаря этому въ поселкѣ никогда не было менѣе 8—10 усадебъ, въ которыхъ, помимо самихъ хозяевъ, всегда околачивалось десятка два квартирантовъ изъ безземельныхъ поселенцевъ. Какъ скоро какой-нибудь надѣлъ, за смертью или за выѣздомъ прежняго владѣльца, освобождался, соискатели являлись на поклонъ къ старостѣ и къ вліятельнымъ людямъ наслега, выставляли имъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ

одной до 10 бутылокъ водки, и кто-нибудь изъ нихъ успѣвалъ въ своихъ исканіяхъ и пріобрѣталъ осѣдлость. Получаемые такимъ способомъ надѣлы были очень не одинаковы по размѣрамъ и по качеству. Наименьшій участокъ составлялъ всего 4 дес. со включеніемъ усадьбы, наибольшій—10½ дес., а полный 15-ти десятинный надѣлъ имѣлъ только одинъ ссыльный. Пользовавшихся надѣломъ хозяевъ въ 95 году было 11 человѣкъ, а все населеніе поселка состояло изъ 40—50 душъ. Никакой общественной организаціи тутъ не было: своими угодьями каждый владѣлъ самъ по себѣ, а выпасъ былъ у тулагинцевъ общій съ мархинцами. Отъ мірскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, лежавшихъ на родовичахъ наслега, поселенцы были свободны, и только тѣ изъ нихъ, которые пользовались сѣнокосами, вносили по 30 коп. съ надѣла въ пользу такъ-называемаго «капрала», т. е. разсыльнаго родового управленія. Однако, подчиненность обитателей поселка якутскимъ властямъ была совершенно номинальной; не довѣряя безпристрастію старостъ и старшинъ, поселенцы во всѣхъ случаяхъ дѣйствительной или мнимой обиды обращались непосредственно въ полицію, и поселокъ, не составляя оффиціально ни селенія, ни общества, на самомъ дѣлѣ представлялъ собою обособленный мірокъ довольно своеобразнаго характера.

Мѣстная администрація только въ двухъ случаяхъ сама пыталась образовать изъ ссыльныхъ и изъ поселенческихъ дѣтей земледѣльческія колоніи, но обѣ эти попытки нельзя признать удачными.

Первый изъ такихъ пунктовъ—*Никольская слободка*, имѣетъ за собой уже вѣковую исторію [1]). Въ 1805 году князецъ Самсоновъ «по предписанію Иркутскаго Губернскаго Правительства и съ согласія своихъ родовичей» допустилъ чиновника Кычкина поселиться на территоріи Намскаго улуса, въ 80 в. къ сѣверу отъ г. Якутска, и «по близости отъ своего дома завести хлѣбопашество». Въ 1809 г. тотъ же Самсоновъ и другой князецъ Василій Мальцевъ,—по приказу земскаго исправника «уступили тому Кычкину, покуда въ улусѣ находиться будетъ, до 100 десятинъ земли, исключая изъ покосныхъ». Въ 1827 г. Якутскій земскій судъ объявилъ «заселявшимся и назначеннымъ по предположенію бывшаго чиновника Кычкина въ Намскомъ улусѣ, на мѣстѣ, называемомъ

[1]) Всѣ свѣдѣнія о Никольской слободкѣ получены мною отъ Ф. Я. Кона, производившаго тамъ перепись и работавшаго въ архивѣ Намской инород. управы.

Никольская слободка, крестьянамъ (названо четыре имени),—что они обязаны завестись домовою и нужной для хлѣбопашества постройкой, коей владѣя, мѣстами по усмотрѣнію Кычкина изъ стадесятинной пропорціи, съ тѣмъ, что по смерти или на всегдашній выѣздъ того Кычкина изъ Намскаго улуса, они будутъ вѣчно пользоваться всей стадесятинной пропорціей». Въ 1829 г. въ слободѣ считалось на водвореніи 16 м. и 13 ж., но въ дѣлахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, откуда явились эти поселенцы и каковъ былъ родъ ихъ занятій. Въ 46 году слободка (опустѣвшая?) была заселена ссыльными изъ раскольниковъ; сначала туда было назначено всего 7 м. и 4 ж., но вскорѣ число ихъ увеличилось, и въ 48 г. слобожанамъ было прирѣзано къ прежнимъ 100 десятинамъ еще нѣсколько земли отъ инородцевъ.

Администрація, возстановляя слободку, разсчитывала этимъ путемъ ознакомить якутское населеніе съ хлѣбопашествомъ, и Намской Инородной Управѣ изъ Земскаго Суда было послано такое предписаніе: «какъ распоряженіе начальства къ поселенію означенныхъ ссыльныхъ въ якутскіе улусы есть то, чтобы усилить хлѣбопашество, къ чему они могутъ быть хорошими руководителями въ земледѣліи для незнакомыхъ въ совершенствѣ съ этой лучшей отраслью продовольствія инородцамъ, которымъ препровождаемые ссыльные должны показывать, какъ заниматься хлѣбопашествомъ, то оныя Инородныя Управы обязаны указать имъ всевозможные способы къ посѣву хлѣба отводомъ земель, надѣленіемъ къ разработкѣ оной орудіями, лошадьми или быками, и хлѣбными для посѣва сѣменами». Однако, наряду съ раскольниками и польскими повстанцами, къ слободкѣ вскорѣ-же стали причислять и такихъ профессоровъ агрономіи какъ закоренѣлые бродяги, дезертиры и т. п. Большинство изъ нихъ предпочитало каѳедрѣ въ Никольской слободкѣ большую дорогу; на мѣстѣ осѣдали лишь очень немногіе; между послѣдовательными поколѣніями обитателей не существовало никакой связи, и въ 84 году въ слободкѣ было всего 11 жилыхъ дворовъ съ населеніемъ въ 34 души об. пола.

Тѣмъ не менѣе, еще въ 78 г., а затѣмъ въ 85 г. никольцамъ производились добавочныя нарѣзки земли, и къ 1895 году слободкѣ принадлежало уже 311 д. 1.068 с. удобной земли, въ томъ числѣ 157 д. 350 с. пашни и 22 д. 2.125 с. чистаго сѣнокоса. Въ 89 году слобожане опять просили добавки, но на этотъ разъ получили отказъ.

Эта жадность къ новымъ землямъ объяснялась всецѣло ихъ высокой урожайностью по сравненію со старыми пашнями, требовавшими удобренія. Сами никольцы ссылались на недостатокъ у нихъ назьма, но рядомъ-же, у якутовъ, наземъ сваливался въ овраги и пріобрѣсти его можно было-бы за безцѣнокъ. Никольцы, какъ и скопцы, находили болѣе выгодной привычную для нихъ экстенсивную систему земледѣлія, и пока было возможно держались ее, не переходя къ усовершенствованнымъ способамъ обработки.

Въ 1895 г. въ слободкѣ числилось 26 семей съ общимъ составомъ 71 душъ об. пола, но въ дѣйствительности имѣли усадьбы лишь 12 хозяевъ; семейства этихъ лицъ включали въ своемъ составѣ 48 чел., въ томъ числѣ мужчинъ 21 и женщинъ 27; мужчинъ рабочаго возраста 11. Всѣ хозяева занимались хлѣбопашествомъ, причемъ только двое довольствовались собственной землей, а остальные арендовали у якутовъ 27 дес. пашни и 9 дес. сѣнокоса. Посѣвъ никольцевъ, въ общемъ, составлялъ 529 п., преимущественно ярицы и нѣсколько меньше ячменя и пшеницы; овса было засѣяно только 22 п. Средній урожай всѣхъ хлѣбовъ оказался самъ 6,7. Наименьшій посѣвъ одного хозяина составлялъ 8 п., наибольшій 99 п., а въ среднемъ на 1 дворъ высѣвалось 44,1 п., т. е. болѣе чѣмъ вдвое больше, чѣмъ у крестьянъ. Картофеля было засажено 156 п., а снято 1.048 п. Хлѣбъ и овощи продавались слобожанами въ городъ и якутамъ, и весь ихъ хлѣбный отпускъ составлялъ около 1.500 п. въ годъ. Въ лѣтнее время слобожане принанимали рабочихъ и на это у нихъ расходовалось до 300 руб. въ годъ по всему поселку. Обходившихся безъ поденщиковъ было только двое хозяевъ, но годовыхъ рабочихъ не держалъ никто. Скота у никольцевъ, какъ и у всѣхъ вообще поселенцевъ, было сравнительно мало: на всю слободку 10 коровъ, 1 телка и 3 бычка, но лошадей имѣлось 20 штукъ. Безкоровныхъ было 4 семьи, безлошадныхъ только 2 семьи, а совершенно безскотныхъ—одна семья. Провозъ рыбы изъ подъ устьевъ Алдана въ г. Якутскъ и кое-какіе случайные заработки доставляли слобожанамъ рублей 400—500 въ годъ, и въ общемъ ихъ положеніе было несравненно лучше, чѣмъ положеніе поселенцевъ въ какой-бы то ни было другой мѣстности. Главной причиной такого преуспѣянія, помимо выгоднаго положенія слободки, служило то, что большинство слобожанъ въ эти годы состояло уже не изъ поселенцевъ, а изъ поселенческихъ дѣтей, которые если не родились

то по крайней мѣрѣ выросли въ слободкѣ, и по своему моральному типу приближались болѣе къ обыкновеннымъ крестьянамъ, чѣмъ къ обитателямъ тюремъ.

Такъ какъ слободка имѣла свою земельную дачу, то въ ней существовали и опредѣленные земельные порядки: чистки какъ и всюду, переходили здѣсь по наслѣдству, а душевыя пашни время отъ времени подравнивались между семьями примѣнительно къ числу взрослыхъ работниковъ. Новопричисленному пашня отводилась къ одному мѣсту, а всѣ прежніе хозяева и при этомъ случаѣ подравнивали свои участки. Сѣнокосы передѣлялись ежегодно между всѣми работниками. Подати въ принципѣ развертывались тоже по надѣленнымъ работникамъ, но на практикѣ случались и исключенія: иной работникъ еще не получившій надѣла, вводился въ окладъ, и одна вдова, по приказанію засѣдателя, сохраняла не только чистку, но и душевой надѣлъ своего мужа, хотя отъ платежей была свободна.

У никольцевъ существовали мелкіе общественные сборы: на поддержаніе изгороди, — сборъ покрывался всѣми владѣльцами скота по числу головъ; на наемъ пастуха, на починку моста и т. п. Сборы эти, смотря по надобности, производились прямо на сходѣ и тотчасъ-же употреблялись по назначенію. Изъ натуральныхъ повинностей никольцы отбывали воинскую повинность и междудворную гоньбу на протяженіи 6 верстъ въ сторону города и 10 верстъ по дорогѣ въ Намскую Управу.

Въ административномъ отношеніи слободка непосредственно подчинялась Намской Инородной Управѣ, но въ дѣйствительности никольцы избѣгали сношеній съ нею и держались совершенно обособленно отъ якутскаго міра. У нихъ была своя организація: дѣйствовалъ сходъ, и избирались должностныя лица— староста и вахтеръ; первый на 1 годъ, второй на 3 года; оба служили безплатно. Постановленія схода по выбору должностныхъ лицъ или имѣвшія характеръ судебный и нотаріальный, иногда записывались. Такъ напримѣръ, въ одномъ приговорѣ общество постановляло объ отводѣ новопричисленному надѣла умершаго домохозяина, съ тѣмъ, чтобы новый владѣлецъ прокармливалъ вдову умершаго и завѣдывалъ ея хозяйствомъ; въ другомъ приговорѣ тотъ-же новопричисленный приводился къ соглашенію и мировой сдѣлкѣ съ тою-же вдовою, обвинявшей его въ растратѣ имущества: въ третьемъ — общество допускало одного изъ домохозяевъ воспользоваться на одинъ посѣвъ землею, обра-

ботанной другимъ слобожаниномъ, впослѣдствіи отлучившимся, и т. п.

Тяготясь своей формальной связью съ инородческой Управой, никольцы въ 1892 году обратились къ областному начальству съ просьбой о выдѣленіи ихъ изъ Намскаго улуса и присоединеніи къ обществу крестьянъ 20-ти станцій. «Большинство изъ насъ,— писали просители,—какъ малолѣтніе сыновья ссыльныхъ, или какъ старые, давно отбывшіе опредѣляемый закономъ срокъ поселенцы, обладаетъ правами крестьянъ, платитъ крестьянскіе подати, отбываетъ военную службу и несетъ другія крестьянскія тяготы, но льготами, присущими этому сословію, до сихъ поръ не пользуется».

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего вторичнаго заселенія, Никольская слободка, дѣйствительно, успѣла превратиться въ обыкновенную деревеньку, но 12 семей ея обитателей отобрались изъ нѣсколькихъ сотенъ лицъ, побывавшихъ тутъ на причисленіи, и такой результатъ колонизаціонной попытки едва-ли можно признать особенно обнадеживающимъ.

Несмотря на это, въ 1873 году, въ 12 вер. отъ города Якутска, на берегу озера Бестяхъ, администрація образовала другое поселенческое селеніе—сельцо Доброе, для котораго была отмежевана земельная дача. Кромѣ того добринцамъ было предоставлено пользованіе находившейся по близости казенно-оброчной статьей, впослѣдствіи вошедшей въ надѣлъ новониколаевскихъ скопцовъ. Въ девяностыхъ годахъ, послѣ четырехкратныхъ нарѣзокъ и урѣзокъ, добринцы не знали, сколько собственно у нихъ земли и гдѣ лежатъ настоящія границы. По экспликаціи Областной Чертежной при сельцѣ въ 1895 году считалось 1.096 д. 1.340 с. всѣхъ удобныхъ земель, и въ томъ числѣ выгона 159 д. 480 с., но сами добринцы утверждали, что никакого выгона у нихъ нѣтъ и что ихъ скотъ пасется просто въ тайгѣ, благодаря чему нерѣдко бываютъ пропажи.

По вѣдомости старосты 20-ти станцій въ Добромъ числилось 122 мужчины и 44 женщины, но въ дѣйствительности А. И. Бычковъ, производившій въ этомъ селеніи перепись, нашелъ въ сельцѣ только 10 усадебъ, изъ которыхъ двѣ стояли заколоченными и были совершенно заброшены своими прежними обитателями. Жилыхъ дворовъ въ сельцѣ было всего 8, и населеніе ихъ состояло изъ 22 муж. и 15 женщ. (рабочаго возраста 10 муж. и 9 женщ.), т. е. всего изъ 37 душъ; но и въ этихъ восьми семьяхъ

не всѣ взрослые мужчины проживали дома: изъ 10 мужчинъ рабочаго возраста трое служили въ работникахъ на Мархѣ и одинъ поселенческій сынъ отбывалъ въ городѣ воинскую повинность. Такимъ образомъ всѣ наличныя рабочія силы Добраго состояли изъ шестерыхъ мужчинъ рабочаго возраста и изъ 27 женщинъ, дѣтей и подростковъ. Одна семья состояла изъ старика свыше шестидесятилѣтняго возраста, женщины и маленькаго мальчика. Эта семья не имѣла скота и сѣяла ½ п. ячменя и ½ п. ярицы. Въ остальныхъ хозяйствахъ имѣлось 18 штукъ рогатаго скота и 13 коннаго.

При своей маломочности, добринцы производили весьма мало расчистокъ и пахотной земли у нихъ было въ 94 году 69¾ дес., а сѣнокоса 10½ дес., но почти третья часть пашни сдавалась хозяевами въ аренду скопцамъ. Остальные двѣ трети служили для посѣва самимъ добринцамъ, и въ 94 году весь ихъ засѣвъ составлялъ 197 п. 13 ф., преимущественно ярицы, и отчасти ячменя и пшеницы. Сборъ всѣхъ хлѣбовъ доставилъ 1.222 пуда, т. е. урожай оказался самъ 6,5. Хозяевъ не сѣявшихъ въ сельцѣ не было, а самый крупный посѣвъ доходилъ до 50 пудовъ; въ среднемъ на 1 дворъ высѣвалось 23,4 п., т. е. нѣсколько больше, чѣмъ у крестьянъ-ямщиковъ. Картофеля было засажено 89 п. и собрано 465 п. За предыдущій годъ добринцы, по ихъ заявленіямъ, пропитывались собственнымъ хлѣбомъ, и продали въ городъ въ совокупности 303 п. Постороннихъ заработковъ у нихъ было рублей на 300 въ годъ, а въ общемъ экономическое положеніе сельца представлялось довольно непрочнымъ и уровень жизни его обитателей уступалъ никольскому.

Земельные порядки добринцевъ по отношенію къ пашнямъ отличались большой неопредѣленностью. При многочисленности лицъ, которыя только числились въ обществѣ, сами сельчане не могли точно установить, кому собственно принадлежатъ надѣльныя пашни: тѣмъ ли восьмерымъ хозяевамъ, которые фактически ими пользовались, или болѣе широкому кругу лицъ? На дѣлѣ восемь фактическихъ хозяевъ очень неохотно поступались пашнями въ пользу новопричисляемыхъ, а съ тѣхъ лицъ, которыя приписывались къ сельцу съ согласія общества, обыкновенно брали подписки о нетребованіи надѣла. Сѣнокосы добринцы дѣлили, однако же, ежегодно по числу взрослыхъ работниковъ.

Въ сельцѣ имѣлся свой староста и свой писарь, избиравшіеся на 3 года. Вмѣсто вознагражденія они получали по одному

лишнему паю въ сѣнокосахъ. Сельскій сходъ въ Добромъ проявлялъ себя очень слабо, такъ какъ общественность среди его случайно подобравшихся жителей была мало развита. Кромѣ ежегоднаго дѣлежа сѣнокосовъ, сходъ собирался почти исключительно для пріема новыхъ членовъ, съ которыхъ получалось при этомъ угощеніе и небольшая сумма, дѣлившаяся по рукамъ между наличными общественниками. Подати вносились добринцами черезъ старосту 20-ти станцій, такъ какъ сельцо числилось въ крестьянской волости, но никакого участія въ общественной жизни крестьянскаго міра добринцы не принимали и жили каждый самъ по себѣ, въ полной моральной и экономической разобщенности и отъ окружающаго населенія и другъ отъ друга.

Два десятка семей, осѣвшихъ въ Никольской слободкѣ и въ сельцѣ Добромъ, представляли собой отборную часть уголовной ссылки, наиболѣе степенную и хозяйственную. Если прибавить къ нимъ полсотни поселенцевъ, пытавшихся осѣсть и закрѣпиться въ русскихъ деревняхъ, да человѣкъ сотню сколько-нибудь обосновавшихся, или только пробовавшихъ обосноваться въ якутскихъ наслегахъ двухъ южныхъ округовъ, то мы увидимъ, что осѣдлую трудовую жизнь могли создать для себя въ Якутской области въ самомъ лучшемъ случаѣ никакъ не болѣе 4—5% переполнявшихъ край уголовныхъ ссыльныхъ. Вся остальная масса этихъ людей роковымъ образомъ вынуждалась или тотчасъ же уходить съ мѣстъ своего причисленія, или поддерживать свое существованіе попрошайничествомъ и всякими противозаконными средствами.

Перечисляя различные элементы, изъ которыхъ состоитъ земледѣльческое населеніе Якутской области, можно было бы упомянуть и еще объ одномъ элементѣ, именно—о государственныхъ ссыльныхъ, такъ какъ многіе изъ нихъ занимались хлѣбопашествомъ. Однако, общій складъ быта этихъ лицъ былъ настолько отличенъ отъ крестьянскаго и сельское хозяйство занимало въ ихъ жизни такое второстепенное мѣсто, что включать ихъ въ составъ «земледѣльческаго населенія» области было бы натяжкой. Но въ то же время, говоря о мѣстномъ крестьянствѣ, нельзя обойти этотъ элементъ молчаніемъ, такъ какъ занятіе земледѣліемъ и просто—пребываніе въ средѣ земледѣльческаго населенія—вызвало у многихъ изъ представителей политической ссылки интересъ къ вопросамъ мѣстнаго хозяйственнаго быта, побудило за-

няться изслѣдованіемъ этого быта, а впослѣдствіи повело къ появленію ряда печатныхъ работъ объ условіяхъ земледѣлія и о порядкахъ землепользованія въ Якутской области.

Не претендуя на полноту перечня, можно указать на такія статьи и работы лицъ этого круга по вопросамъ земледѣлія и землепользованія въ Якутскомъ краѣ: А. И. Бычковъ—статистическія работы и статьи въ «Вост. Обозрѣніи»; А. С. Бѣлоруссовъ—статья въ «Рус. Богатствѣ» за 1903 г.; Н. А. Виташевскій—статистическія работы и статьи въ «Извѣстіяхъ» Вост.-Сиб. Отдѣла Г. О-ва, въ «Сиб. Сборникѣ» и въ «Сиб. Вопросахъ»; П. И. Войнаральскій—завѣдываніе основанной администраціей земледѣльческой фермой и статья «Полярное земледѣліе»; В. С. Ефремовъ—статья о крестьянахъ Вилюйскаго округа (по матеріаламъ Г. Л. Кондакова); В. Е. Гориновичъ—работы по составленію плановъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель; В. М. Іоновъ—статья по якутскому скотоводству въ «Пам. Кн.» на 96 г.; В. И. Іохельсонъ—статьи въ «Пам. Кн.» и въ «Сиб. Сборникѣ»; В. П. Зубриловъ и П. А. Орловъ—работы по изслѣдованію мѣстныхъ почвъ; А. Н. Козыревъ—работы по акклиматизаціи растеній; Ф. Я. Конъ—статистическія работы и статьи въ «Пам. Кн.», въ «Сиб. Сборникѣ» и въ «Изв. В. С. Отд. Г. О.»; Л. Г. Левенталь—большая работа «Подати, земля и повинности у якутовъ», давно подготовленная къ печати; Э. К. Пекарскій—статистическія работы и статья въ «Пам. Кн.»; И. М. Соколовъ—статья «О земледѣліи въ Якутскомъ округѣ» въ «Сиб. Сборн.»; М. И. Сосновскій—двѣ статьи въ «Пам. Кн.» на 96 г.; Р. А. Стеблинъ-Каменскій—работа по изслѣдованію быта уголовныхъ ссыльныхъ для «П. К.» на 1896 годъ; и, наконецъ, В. Л. Сѣрошевскій, съ его книгой «Якуты».

Къ той же средѣ принадлежали лица, давшія художественныя изображенія крестьянъ и поселенцевъ Якутской области: А. Шиманскій и В. Л. Сѣрошевскій въ польской литературѣ, и В. Г. Короленко—въ русской.

Добавленія къ главѣ XIV.

1) Съ 1894 по 1900 г.г. въ Якутскую область ежегодно прибывало отъ 93 до 217 человѣкъ ссыльныхъ и наивысшее число состоявшихъ по спискамъ во всѣхъ пяти округахъ доходило до 6.191 человѣка, что составляло 2,4% всего населенія. Именнымъ Указомъ Правительствующему Сенату 12 іюня 1900 года ссылка въ Сибирь, включая и Якутскую область, отмѣнена, но послѣ

утраты нами южнаго Сахалина, со второй половины 1906 года, въ Якутскую область стали препровождать на водвореніе бродягъ, ранѣе назначавшихся на Сахалинъ. Однако, и до этого ссыльные въ Якутскій край ежегодно прибывали и въ 1904 году число ихъ, 269 чел., оказалось даже выше, чѣмъ когда либо ранѣе, а въ 1908 году прибыло 274 человѣка. Несмотря на это, общее число ссыльныхъ въ области все-таки сократилось, такъ какъ многіе изъ прежнихъ ссыльныхъ вымерли или получили разрѣшеніе на выѣздъ, и въ 1908 году, по «Обзору», указано въ округахъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
Якутскомъ. . .	1.407	421	1.828
Олекминскомъ.	667	36	703
Вилюйскомъ. .	163	27	190
Верхоянскомъ .	42	10	52
Колымскомъ. .	12	0	12
Итого . .	2.291	494	2.785

2) О послѣдствіяхъ, которыя имѣло для края водвореніе въ Якутской области бродягъ, и о заботахъ мѣстной администраціи по устройству быта этого элемента въ «*Отчетъ*» *г-на Крафта* говорится: «въ лицѣ этой группы ссыльныхъ область получаетъ дѣятельныхъ воспитателей въ населеніи отвращенія къ правильно организованной трудовой жизни и легкаго отношенія какъ къ правамъ сосѣда, такъ и къ обязанностямъ гражданина имперіи.

« .... Еще въ началѣ 1907 года, администрація, не усматривая возможности дѣйствовать согласно первоначальному плану разселенія бродягъ по верховьямъ р. Колымы, въ виду сопряженныхъ съ ними затрудненій, представляемыхъ отсутствіемъ путей сообщенія и трудностью надзора за ссыльными въ столь отдаленныхъ отъ центра области мѣстностяхъ,—избрала мѣстомъ для ихъ водворенія село Хатынъ-Аринское, отстоящее отъ города Якутска въ 110 верстахъ.

«Мѣра эта, облегчившая наблюденіе за ними, оказалась слабой въ другомъ отношеніи: бродяги приходили въ городъ и нарушали мирное теченіе его жизни разнообразными преступленіями.

«Затѣмъ, въ томъ же 1907 году, администрація остановилась на мысли объ устройствѣ для бродягъ работнаго дома, съ обращеніемъ ихъ къ принудительнымъ работамъ по добычѣ каменной и самосадочной соли въ Вилюйскихъ соляныхъ мѣсторожденіяхъ,

причемъ осуществленіе ея встрѣтило препятствіе, заключавшееся въ отсутствіи указаній со стороны дѣйствующихъ законоположеній на принудительныя работы для лицъ, ссылаемыхъ за бродяжество.

«Послѣдней попыткой со стороны мѣстной администраціи къ принятію мѣръ по устройству быта бродягъ въ области было предположеніе объ устройствѣ для нихъ колоніи при Кимпендейскихъ соляныхъ источникахъ, гдѣ они могли бы заняться добычей соли на условіяхъ вольнаго труда; это предположеніе не встрѣтило сочувствія со стороны генералъ-губернатора».

Прочитавъ въ «*Отчетѣ*» *г-на Крафта* эти строки, я пожелалъ сличить, какое число преступленій и проступковъ противъ личной безопасности и противъ имущества было совершено въ области до 1906 года и послѣ этого. Къ сожалѣнію, въ вѣдомостяхъ о преступности населенія указаны по ихъ званію лишь полноправные русскіе обыватели, а поселенцы, очевидно, означены въ рубрикѣ лицъ «другихъ сословій», къ которой отнесены и инородцы; такимъ образомъ выдѣлить въ числѣ правонарушителей собственно бродягъ и прочихъ поселенцевъ отъ якутовъ по вѣдомостямъ «Обзоровъ» нѣтъ возможности, но, предполагая, что преступность инородческаго населенія за смежные годы не могла рѣзко измѣниться, мы получимъ нѣкоторое указаніе на роль бродяжескаго элемента въ очевидномъ скачкѣ преступности по области въ 1907 и 1908 годахъ.

	Число преступленій.				Число осужденныхъ.				Въ ихъ числѣ изъ «др. сословій».			
	1904 г.	1905 г.	1907 г.	1908 г.	1904 г.	1905 г.	1907 г.	1908 г.	1904 г.	1905 г.	1907 г.	1908 г.
По Уложенію о наказаніяхъ:												
смертоубійство	18	16	41	51	8	8	18	23	5	7	10	11
нанесеніе ранъ и увѣчій	15	10	17	39	3	7	6	17	1	6	2	11
разбой	2	—	8	6	5	—	3	1	4	—	3	1
грабежъ	9	10	17	17	1	—	1	—	—	—	—	—
кража	34	46	68	58	14	20	16	21	9	14	8	10
По Уставу о наказаніяхъ:												
противъ личной безопасности	14	12	12	18	7	6	9	15	1	—	3	9
угрозы и насилія	50	86	87	69	15	14	81	29	27	5	42	17
кража	130	216	214	267	57	85	227	127	44	60	144	92
обманъ и мошенничество	18	43	30	42	8	6	26	17	6	3	12	12

3) Существовавшая съ 1889 года въ городѣ Якутскѣ поселенческая богадѣльня въ 1907 году была перемѣщена въ Хатынъ-Аринское селеніе, гдѣ постройки были куплены у отъѣзжавшихъ

скопцовъ и приспособлены для новой цѣли. Покупка и приспособленіе зданій обошлись администраціи въ 11.329 р. 71 к. Богадѣльня послѣ этого была значительно расширена и къ 1-му января 1908 года въ ней призрѣвалось 102 человѣка.

Въ Якутскомъ пріютѣ для арестантскихъ дѣтей къ 1-му января 1908 года содержались 10 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ.

Кромѣ этихъ учрежденій, помощь городскимъ поселенцамъ оказывается также Благотворительнымъ Обществомъ, существующимъ въ городѣ Якутскѣ. Съ 1-го октября 1906 года по 1-е октября 1907 года дешевой столовой Общества было безплатно отпущено въ поселенческую богадѣльню 2.719 обѣдовъ и выдано въ столовой даровыхъ обѣдовъ 3.512 и платныхъ—2.296; часть ихъ навѣрно была получена поселенцами.

Положеніе ссыльныхъ, разселенныхъ по улусамъ, повидимому, за эти годы не измѣнилось.

Приложенія.

I.

а) Извлеченіе изъ «Инструкціи для сельскихъ управленій Якутской области», утвержденной 14 мая 1910 г.

б) Современное распредѣленіе селеній по отдѣльнымъ обществамъ.

в) Перечень нынѣ существующихъ въ крестьянскихъ селеніяхъ и въ Олекминской Инородческой волости министерскихъ и церковныхъ школъ, врачебныхъ пунктовъ и почтово-телеграфныхъ отдѣленій.

II.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Олекминской Инородческой волости съ указаніемъ ихъ разстоянія отъ г. Олекминска и численности ихъ якутскаго населенія по переписи 1897 г. и по свѣдѣніямъ 1902 г.

III.

Поселенные итоги крестьянской переписи 1894/95 г. по Якутскому и Олекминскому округамъ съ указаніемъ численности всего русскаго населенія деревень по переписи 1897 г.

IV.

Понаслежные итоги инородческой переписи 1893 г. по Олекминскому округу.

I.

а) Утвержденная министромъ внутреннихъ дѣлъ 14 мая 1910 г. «**Инструкція для сельскихъ управленій Якутской области**» составлена примѣнительно къ ст. ст. 391—466 и 469—471 общаго Положенія и включаетъ въ себѣ 7 отдѣловъ и 77 параграфовъ. Инструкція предусматриваетъ образованіе сельскихъ обществъ какъ изъ отдѣльныхъ большихъ селъ, такъ и изъ нѣсколькихъ селеній, владѣющихъ землею каждое въ отдѣльности и пользующихся правомъ для разрѣшенія своихъ мелкихъ деревенскихъ дѣлъ созыва мѣстныхъ сельскихъ сходовъ, при участіи всѣхъ домохозяевъ селенія. «Сельскій сходъ» сложнаго общества созывается непремѣнно старшиной и состоитъ изъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія и выборныхъ отъ каждыхъ 10 дворовъ. Сужденію сельскаго схода подлежитъ довольно узкій кругъ вопросовъ, перечисленныхъ въ § 9 Инструкціи; «если же сходъ,—§ 10 Инструкціи,—будетъ имѣть сужденіе и постановитъ приговоръ по предметамъ, его вѣдѣнію не подлежащимъ, то приговоръ считается ничтожнымъ, а лица, участвовавшія въ составленіи онаго или въ самовольномъ созваніи схода, смотря по важности дѣла: или подвергаются взысканію по рѣшенію земскаго засѣдателя, или предаются суду».

Постановленія схода по болѣе важнымъ дѣламъ,—§ 16,—должны записываться въ особую книгу. Жалобы на рѣшенія сельскаго схода,—§ 17,—приносятся земскому засѣдателю для представленія Якутскому Областному Управленію. Сельскій сходъ избираетъ старшину и помощниковъ старшины; контроль за правильностью выборовъ принадлежитъ засѣдателю; старшина можетъ быть смѣщенъ съ должности Областнымъ Управленіемъ, а помощникъ старшины—засѣдателемъ. Увольненіе писарей предоставляется исправнику и засѣдателю. Засѣдатель можетъ налагать на должностныхъ лицъ сельскаго управленія и на сельскихъ судей,—§ 71,—штрафы до 5 р. или подвергать ихъ аресту на срокъ до 7 дней. Жалобы отъ обществъ и частныхъ лицъ на дѣйствія сельскихъ властей подаются засѣдателю,—§ 74,—а жалобы на засѣдателя,—§ 75,—Областному Управленію. Сельскому старшинѣ,—§ 26,—предоставляется право за маловажные полицейскіе проступки, совершенные лицами ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ денежному въ пользу мірскихъ суммъ взысканію или аресту на срокъ не болѣе двухъ дней; въ числѣ такихъ проступковъ упоминаются: «грубость и неповиновеніе работниковъ своимъ хозяевамъ», «пьянство, расточительность и вообще поступки, противные благопристойности

и чистотѣ нравовъ». Къ компетенціи сельскаго суда, избираемаго сходомъ на годичный срокъ въ составѣ 4—12 человѣкъ, Инструкція относитъ разбирательство крестьянскихъ тяжебъ на сумму не свыше 100 р. и уголовныхъ проступковъ, какъ-то кражъ на сумму не свыше 30 р. (за исключеніемъ кражи скота и лошадей). Сельскому суду предоставлено приговаривать виновныхъ къ штрафу до 3 р. или къ аресту до 7 дней, причемъ—примѣчаніе 2 къ § 38—рекомендуется примѣняться къ правиламъ, которыя были установлены для государственныхъ крестьянъ въ Сельскомъ Судебномъ Уставѣ 23 марта 1839 года. Рѣшенія сельскаго суда по всѣмъ предметамъ его компетенціи признаются окончательными и могутъ быть опротестованы заинтересованными лицами лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, причемъ въ качествѣ кассаціонной инстанціи выступаетъ Областное Управленіе. Однако,—§ 43,—«въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ по проступкамъ сельскій судъ явно превыситъ власть, предоставленную ему закономъ, земскій засѣдатель можетъ, если признаетъ нужнымъ по важности дѣла, представить черезъ окружнаго начальника въ Областное Управленіе объ отмѣнѣ приговора суда и безъ просьбы о томъ лица, до коего приговоръ касается».

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что Иинструкція 1910 года ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ дѣйствовавшихъ ранѣе установленій 20-хъ годовъ и принципіально построена на тѣхъ же началахъ.

б) При введеніи въ дѣйствіе Инструкціи 1910 года прежнія волости преобразованы въ «**сельскія управленія**», составъ которыхъ по «Справочнику Якутской области на 1911 г.» оказывается такимъ:

Якутскій округъ.

1) *Покровское*, включающее 10 станціонныхъ селеній, ближайшихъ къ г. Якутску; 2) *Мархинское*, въ составъ котораго входятъ селеніе Мархинское и Тулугинскій выселокъ; 3) *Ново-Николаевское*—селенія Ново-Николаевское и Прохладное; 4) *Иситское*—10 юго-западныхъ станцій; 5) *Павловское*, состоящее изъ одного этого селенія; 6) *Хатынъ-Аринское*—это селеніе и Никольская слободка; 7) *Кильдемское*—одно селеніе; 8) *Амгинское*, въ которомъ, кромѣ Амги и ея частей—Верхней и Нижней деревень, указаны селенія: Булунъ, Арылахъ, Ново-Покровское и Бологурское; и 9) *Петропавловское*, включающее при-алданскія и при-майскія селенія: Петропавловское, Троицкое, Усть-Майское и Нельканъ [1]).

---

[1]) Число жителей обоего пола во всѣхъ названныхъ селеніяхъ Якутскаго округа по «Справочнику на 1911 г.» составляетъ 4698 душъ; цифра, въ которую, очевидно, входятъ и причисленные къ обществамъ крестьяне изъ ссыльныхъ.

Вилюйскій округъ.

1) *Нюрбинское*—три селенія: Антоновское, Александровское и Амосовское съ населеніемъ 213 мужчинъ и 192 женщины; 2) *Сунтарское*—селенія Сунтарское и Ново-Александровское съ населеніемъ 57 мужчинъ и 50 женщинъ.

Олекминскій округъ.

1) *Амгинское*—селенія: Амгинское, Олекминское, Дордусовское и Курьинское; 2) *Спасское*—одно это селеніе; 3) *Бирюкское*—6 среднихъ станцій: Бирюкъ, Черендей, Берденское, Дабанъ, Неленъ и Качегаръ; 4) *Харьялахское*—четыре станціи: Харьялахъ, Солянка, Наманинская и Русская-Рѣчка; 5) *Чекурское*—станціи ближайшія къ Якутскому округу: Чекурская, Мархинская, Бѣлая, Хатынъ-Тумульская, Мархачанская и несуществовавшее ранѣе селеніе Круглое, въ которомъ указано 43 мужчины и 26 женщинъ; 6) *Дельгейское*—Дельгейское, Березовское, Инняхъ и Иллюнь; 7) *Нохтуйское* — это селеніе, Точильное, и несуществовавшее ранѣе Никольское, въ которомъ жителей 25 мужчинъ и 18 женщинъ; 8) *Жедайское*—это селеніе и станціи Каменская и Тинная; 9) *Троицкое*—селенія Троицкое и Усть-Чаринское; и 10) *Кеминское*, въ которомъ указаны несуществовавшія раньше селенія Кеминское и Морокское съ населеніемъ 159 мужчинъ и 156 женщинъ во второмъ и 157 мужчинъ и 151 женщинъ въ первомъ [1]).

в) Въ крестьянскихъ селеніяхъ, по указаніямъ «Справочника на 1911 г.», въ настоящее время существуютъ слѣдующія **училища:**

Якутскій округъ. Одноклассныя училища по инструкціи 1875 г.

1) Саныяхтахское, 2) Батамайское, 3) Иситское, 4) Ой-Муранское, 5) Владимірское, 6) Второе Мархинское, 7) Еланское, 8) Еловское, 9) Атъ-Дабанское, 10) Малыканское, 11) Чуранское, 12) Крестяхское.

Церковно-приходскія школы:

1) Табагинская, 2) Тектюрская, 3) Улаханская, 4) Синская, 5) Амгинская, 6) Усть-Майская, 7) Покровская, 8) Бестяхская, 9) Титъ-Аринская.

Олекминскій округъ. Одноклассныя по инструкціи 1875 г.

1) Нохтуйское, 2) Березовское, 3) Солянское, 4) Чекурское, 5) Точильное, 6) Русско-Рѣченское, 7) Бѣльское, 8) Качегарское, 9) Жедайское, 10) Дельгейское, 11) 3-е Мархинское.

Церковно-приходскія школы:

1) Неленская, 2) Олекминско-Амгинская, 3) Берденская.

---

[1]) Все крестьянское населеніе округа указано въ «Справочникѣ» въ числѣ 4260 душъ обоего пола. Объ этой цифрѣ слѣдуетъ повторить то же, что сказано о предыдущей.

Олекминская Инородческая волость. **Инородческія двухклассныя по правиламъ 1870 и 1907 г.г.:**

1) Олекминское, 2) Кятчинское.

Одноклассныя инородческія по правиламъ 1870 г.:

1) Чаринское, 2) Мальжегарское, 3) Юрьянское.

Церковно-приходскія школы:

1) Олекминская, 2) Харинская, 3) Кыллахская, 4) Идельгинская.

Врачебная помощь доступна крестьянамъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) *с. Покровское*—мѣстопребываніе врача I-го участка; площадь участка—160.000 кв. верстъ; наибольшее разстояніе границы отъ мѣстожительства врача—350 верстъ. Въ участкѣ имѣется въ *с. Иситскомъ*, за 250 верстъ отъ мѣстопребыванія врача, фельдшерскій пунктъ.

2) *с. Павловское* — и всѣ *крестьянскія селенія*, расположенныя *къ сѣверу отъ г. Якутска*, числятся во II-мъ врачебномъ участкѣ, площадь котораго составляетъ 230.000 кв. верстъ; врачъ проживаетъ при Намской инородной управѣ въ разстояніи около 100 верстъ отъ с. Павловскаго.

3) *с. Амга* и всѣ за-ленскія селенія принадлежатъ къ III-му врачебному участку, имѣющему площадь въ 75.000 кв. верстъ; врачъ проживаетъ въ Амгѣ.

Въ Олекминскомъ округѣ два врача, проживающихъ въ г. Олекминскѣ, и 2 фельдшерскихъ пункта въ селеніяхъ *Нохтуйскомъ* и въ *Нерюхтейцахъ*.

Почтово-телеграфныя отдѣленія имѣются въ селеніяхъ:

1) Чекурскомъ, 2) Нохтуйскомъ, 3) Качегарскомъ, 4) Саныяхтахскомъ, 5) Иситскомъ, 6) Синскомъ, 7) Покровскомъ и 8) въ Амгинской слободѣ.

II.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Олекминской инор. волости.

Источники: 1) «Памятная Книжка Якут. обл. на 1902 г.» Изд. Як. Обл. Ст. Ком.

2) «Справочникъ Якут. обл. на 1911 г.» Изд. Якут. Обл. Стат. Комит.

3) С. Паткановъ «Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ. (На основаніи данныхъ спеціальной разработки матеріала переписи 1897 г.)» т. III. Записки И. Р. Г. О. по отд. статистики т. XI, в. 3, СПБ. 1912 г.

4) Записи И. И. Майнова о дѣленіи наслеговъ на меньшія группы—«роды и деревни», составленныя на основаніи приговоровъ о раздѣлѣ сѣнокосныхъ мѣстъ на 1893 и 1894 г.г.

№№ по порядку.	Названіе поселковъ и обитаемыхъ урочищъ.	По переписи 1897 г.			По даннымъ 1902 г.		
		Число хозяйствъ.	Жителей якутовъ.		Разстояніе отъ гор. Олекминска (въ верстахъ).	Жителей якутовъ.	
			Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
	1-е Нерюхтейское О-во. (Роды: Тасъ-Анна, Орто-агауса и Юряхъ-Тердье).						
1	Орто-агà-усà	93+5	223	191	59	173	155
2	Куду	16	39	32	61	38	30
3	Боченой	2	6	7	108	8	4
4	Юряхъ-Тердье.	52	148	116	62	142	132
5	Островъ Черендей.	31	85	89	94	55	42
6	Сырь-Юктямить	17	33	40	77	32	28
7	Сарданахъ	2	8	3	60	8	6
8	Тасъ-Анна	52	116	126	48	105	90
9	Мурунъ-Тюбятя [1]).	7	21	25	—	—	—
10	Усть-Жуя.	—	—	—	508	10	6
11	Усть-Жуя по р. Чарѣ	—	—	—	513	8	7
12	Эргежей	10	22	15	359	22	20
13	Мундугда (Мугдурда?).	33+1	71	64	356	58	50
14	Патома по р. Патомѣ [2])	11	34	31	320	29	22
						688	592
						1.280	
	2-е Нерюхтейское О-во. (Деревни: Черендейская, Холгинская, Князь-Усовская и Бесь-Усовская).						
15	Хатынъ-Исѣ [3])	—	—	—	45	70	68
16	Хапталахъ	—	—	—	45	58	56
17	Бранъ-Юрдя 1-я	—	—	—	46	100	104
18	Ыренъ-Кута	—	—	—	46	52	51

[1]) Пробѣлъ въ трехъ послѣднихъ столбцахъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ указываетъ на то, что въ «Пам. Кн. на 1902 г.» этой мѣстности не означено. У г. Патканова упоминается «Мурунъ-Тюбятя и Усть-Жуя» какъ одна мѣстность, съ отмѣткою по рч. Чарѣ.

[2]) У г. Патканова очевидно та-же мѣстность названа: Большая Патома.

[3]) Пробѣлъ въ трехъ первыхъ столбцахъ указываетъ на то, что названной мѣстности у г. Патканова не упомянуто.

№№ по порядку.	Названіе поселковъ и обитаемыхъ урочищъ.	По переписи 1897 г.			По даннымъ 1902 г.		
		Число хозяйствъ.	Жителей якутовъ.		Разстояніе отъ гор. Олекминска (въ верстахъ).	Жителей якутовъ.	
			Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
19	Бранъ-Юрдя 2-я	—	—	—	38	52	50
20	Хара-Исѣ [1])	16+1	41	31	38	30	28
21	Соготохъ-Бесь	11+1	34	31	101	42	41
22	Островъ	—	—	—	98	10	9
23	Андылахъ, по Вилюйск. тракту .	17	44	46	178	15	16
24	Атахъ-Юряхъ, по Вилюйск. тр. .	12	27	32	183	20	18
25	Беттюмяляхъ, » » » .	12	27	32	183	20	18
26	Борунахъ, » » » .	—	—	—	188	13	12
27	Кенегтяхъ [2])	—	—	—	—	—	—
—	Холгинское урочище [3])	33+1	103	84	—	—	—
—	Князь-Усовское урочище	62+3	141	138	—	—	—
—	Бясь- » » . . .	68+2	169	156	—	—	—
						482	471
						953	
	1-е Меитское О-во. (Роды, иначе называемые деревнями: Бордонскій, Бранскій, Орто, Мялля и Онисскій).						
28	Кюндядя, по р. Чарѣ	—	—	—	123	22	16
29	Бесь-Кюэлля, по р. Чарѣ	—	—	—	153	56	50
30	Токо, по р. Чарѣ	41	122	119	263	5	4
31	Тяня, » » »	—	—	—	253	4	2
32	Усть-Жуя (Желендья?)	—	—	—	513	7	6
33	Оюнъ-уса	42+3	107	93	35	99	88
34	Онюгъ-уса	—	—	—	30	12	10
35	Бордонъ	29	93	72	34	65	60

[1]) По г. Патканову—Харья-Ися.

[2]) Кенегтяхъ указанъ лишь въ «Справочникѣ на 1911 г.» безъ означенія числа жителей.

[3]) То обстоятельство, что названія трехъ послѣднихъ урочищъ соотвѣтствуютъ родовымъ подраздѣленіямъ наслега и что такихъ пунктовъ не указано въ «Пам. Кн. на 1902 г.», заставляетъ думать, что перепись 1897 года, означивъ «роды» урочищами, показала тутъ жителей поселковъ: Бранъ-Юрдя, 1-я и 2-я, Ыренъ-Кута, Хатынъ-Исѣ и Хапталахъ, находящихся близъ города, но не упоминаемыхъ въ переписи. Объ этомъ можно только догадываться, т. к. распредѣленіе населенныхъ пунктовъ по отдѣльнымъ обществамъ волости въ опубликованныхъ данныхъ не указано.

№№ по порядку.	Названіе поселковъ и обитаемыхъ урочищъ.	По переписи 1897 г.			По даннымъ 1902 г.		
		Число хозяйствъ.	Жителей якутовъ.		Разстояніе отъ гор. Олекминска (въ верстахъ).	Жителей якутовъ.	
			Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
36	Бранъ-Анна	50+1	127	100	33	96	92
37	Орто-ага-уса	40+1	87	88	30	96	92
38	Менгеляръ	25	71	68	30	74	73
39	Тюбя	22	57	51	25	22	20
40	Оломъ, по Вилюйск. тракту . .	11	31	24	110	20	19
41	Хойголахъ, по Вилюйск. тракту.	1	2	4	125	2	1
42	Кетенѣ, » » » .	—	—	—	195	41	40
43	Сэ-Юряхъ, » » » .	4	13	9	230	2	2
44	Тысакисъ, » » » .	1	4	4	245	3	3
45	Тегень	—	—	—	—	—	—
						626	578
						1.204	
	2-е Меитское О-во. (Деревни: Тысъ, Хорло, 1-й Нахръ, 2-й Нахръ, Тангала, Эртю, Собулгалахъ, Ангалса, Кырынасъ и Намъ [1]).						
46	Эра-Кення . . . . Островъ	—	—	—	отъ 45—35	68	62
47	Кюндя-Кення . . . Кыллахъ.	—	—	—		71	68

[1]) По переписи 1897 г. «населенными пунктами» означены именно эти условныя «деревни». Въ книгѣ г. Патканова численность ихъ якутскаго населенія въ 1897 году указана такъ:

	мужчинъ.	женщинъ.
Хорло	93	83
Ангаджа	96	93
Эртю	85	80
Собулгалахъ . . .	83	82
Тисъ	99	86
1 Нахара	71	65
2 »	91	85
Намская	110	89
Танхала	74	65
Кырнасъ	68	72

Названныя мѣстности приведены у г. Патканова на стр. 817 подъ №№ 13—22, а на стр. 818, подъ № 45, указана деревня Долонъ—34 двора съ населеніемъ 103 мужч. и 87 женщ. Т. к. пункта съ такимъ названіемъ въ другихъ наслегахъ нѣтъ, то можно думать, что подъ № 45 означены у г. Патканова тѣ-же поселки, которые въ этомъ спискѣ занесены подъ №№ 49 и 50.

№№ по порядку.	Названіе поселковъ и обитаемыхъ урочищъ.		По переписи 1897 г.			По даннымъ 1902 г.		
			Число хозяйствъ.	Жителей якутовъ.		Разстояніе отъ гор. Олекминска (въ верстахъ).	Жителей якутовъ.	
				Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
48	Кылъ-Себатъ-Кенния . . .	Островъ Кыллахъ.	—	—	—	отъ 45 — 35.	65	61
49	1-й Долонъ		—	—	—		65	63
50	2-й »		343	973	887		74	69
51	Маганъ-Атъ-Баса		—	—	—		63	62
52	Кумухтаръ		—	—	—		67	68
53	Эря-Баса		—	—	—		62	60
54	Ойбонъ-Касанъ-Юрдя . .		—	—	—		76	73
55	Джалоко		—	—	—		69	72
56	Олбутъ, при р. Чарѣ		45	124	131	80	108	103
57	Джарханъ, при р. Чарѣ		24	52	49	75	61	60
58	Быйяктахъ, » » »		—	—	—	85	30	30
59	Молбо, » » »		27	70	55	180	41	40
60	Ха-уса, » » »		20	60	54	260	69	70
							989	961
							1.950	
	Кятчинское О-во. (Внутреннія подраздѣленія остались недостаточно выясненными).							
61	Кететъ, по Вилюйск. тракту . .		32	84	83	200	22	19
62	Буранъ-Анна [1])		—	—	—	20	36	32
63	Отолбо		—	—	—	20	30	27

[1]) Изъ всѣхъ дальнѣйшихъ названій, перечисляемыхъ въ «Пам. Кн. на 1902 г.» и въ «Справочникѣ на 1911 г.», въ переписи 1897 г. мы не встрѣчаемъ ни одного, но вмѣсто этого подъ №№ 47 и 48 у г. Патканова находимъ: кочевья Кятчинскаго рода—хоз. 55, мужч. 148, женщ. 111, и кочевья Хасатырскаго рода—хоз. 52, мужч. 152, женщ. 149. Имѣя въ виду, что родового названія «Хасатыръ» нигдѣ въ другихъ наслегахъ нѣтъ, и что число мужчинъ 300 и число женщинъ 260 въ этихъ двухъ родахъ весьма близко къ числу мужчинъ 327 и женщинъ—297—во всѣхъ поселкахъ Кятчинскаго о-ва здѣсь перечисленныхъ, за вычетомъ Кетета, особо обозначеннаго и въ книгѣ г. Патканова, можно предположить, что въ переписи 1897 года подъ «кочевьями Кятчинскаго и Хасатырскаго родовъ» подразумѣваются именно названные здѣсь поселки.

Названія поселковъ, число жителей которыхъ не указано, заимствуются мною изъ «Справочника на 1911 г.».

№№ по порядку.	Названіе поселковъ и обитаемыхъ урочищъ.	По переписи 1897 г.			По даннымъ 1902 г.		
		Число хозяйствъ.	Жителей якутовъ.		Разстояніе отъ гор. Олекминска (въ верстахъ).	Жителей якутовъ.	
			Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
64	Няхмосъ	—	—	—	20	30	28
65	Оргулъ	—	—	—	22	38	36
66	Антоновская	—	—	—	21	38	35
67	Юрюэ-Тердье	—	—	—	20	50	44
68	Илинь	—	—	—	20	30	28
69	Арга	—	—	—	20	25	22
70	Ольмскій	—	—	—	110	10	8
71	Максимовское	—	—	—	28	20	19
72	Тымпы	—	—	—	30	20	18
73	Са-Юряхъ	—	—	—	—	—	—
74	Богоналахъ	—	—	—	—	—	—
75	Тысакысъ	—	—	—	—	—	—
76	Хатынъ-Юряхъ	—	—	—	—	—	—
77	Аянъ	—	—	—	—	—	—
78	Аллара	—	—	—	—	—	—
79	Пельменевская	—	—	—	—	—	—
80	Столбы-Ыла	—	—	—	—	—	—
81	Синицинская	—	—	—	—	—	—
82	Бертелевская	—	—	—	—	—	—
83	Орто (Орто-Сюръ ?)	6	15	7	—	—	—
84	Кель-Иння	—	—	—	—	—	—
85	Оломъ-Долонскій	—	—	—	—	—	—
	Мальжегарское О-во. (Роды: Сергютскій, Куртинскій, Мокутнинскій, За-амгинскій, Бетюнскій, Кеминскій, Бытайскій и Морокскій [1]).					349	316
						665	
86	Джанхалахъ	7+3	17	10	8	14	12
87	Кысъ-Оломъ	42+1	88	84	20	87	82

[1]) Почти всѣ родовыя названія олекминскихъ якутовъ по своему значенію распадаются на три группы: въ первой изъ нихъ родовое или деревенское имя заимствуется отъ мѣстности; таковы названія: Черендейская деревня, За-амгинскій родъ и т. п. Въ большинствѣ олекминскихъ родовыхъ названій повторяются названія наслеговъ и улусовъ Якутскаго округа; таковы: Намъ, 1-й и 2-й Нахръ, Бетюнскій, Бытайскій, Морокскій роды и т. д. Наконецъ, названія: Орто-ага-уса значитъ—коренной родъ; Бесь-уса—пять родовъ; Князь-уса—княжій родъ.

№№ по порядку.	Названіе поселковъ и обитаемыхъ урочищъ.	По переписи 1897 г.			По даннымъ 1902 г.		
		Число хозяйствъ.	Жителей якутовъ.		Разстояніе отъ гор. Олекминска (въ верстахъ).	Жителей якутовъ.	
			Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
88	Кута-Келюя	13	40	31	23	23	20
89	Куталахъ	24	58	44	30	59	52
90	Туранахъ	21	56	41	23	65	58
91	Терють	11+1	33	24	15	30	29
92	Мунду-Кюэль	4	5	6	15	6	5
93	Мырай	1	3	1	130	3	2
94	Диринь-Юряхъ	4	9	11	57	8	5
95	Тустахъ-Баса	1	8	5	30	9	5
96	Элень	22+3	43	39	30	38	30
97	Крестяхъ	18+2	42	46	13	31	25
98	Дженку	10+1	28	28	20	25	18
99	Бетюнь	31+4	87	67	2	70	61
100	Тюбя [1])	—	—	—	15	24	18
101	Куду-Кюэль	2	7	8	290	5	4
102	Этъ-Кюэль	5	8	11	100	6	4
103	Тигиляхъ	13	20	36	60	27	24
104	Хоро	37	90	77	60	92	88
105	Эгяри	7	15	15	40	16	15
106	Мякиндя	4	11	11	90	13	12
107	Чогойдахъ	18	37	47	55	48	46
108	Балаганнахъ	23+3	46	45	60	47	46
109	Сагынахтахъ	11	24	29	8	30	29
110	Кулусуннахъ	14	29	19	10	34	35
111	Орто-Кюэль	17	30	31	8	47	42
112	Ары-Титъ 1-й	—	—	—	10	13	12
113	Ары-Титъ 2-й	9	19	15	10	38	37
114	Аласъ	6	21	10	12	20	20
115	Юнкюрь	33+1	59	55	5	66	65
						994	901
						1.895	
	Сверхъ того по переписи 1897 г. неизвѣстно гдѣ, но повидимому въ Мальжегарскомъ О-вѣ:						
116	Вершина Харьялаха	16	36	36	—	—	—
117	Харьялахъ-Юнкюрь	4	15	9	—	—	—
118	Чогочанъ	5	9	8	—	—	—
119	Хойголахъ	5	14	11	—	—	—
120	По р. Мархѣ (неизв. о-ва)	3	11	7	—	—	—
—	Инняхское селеніе(крестьянское).	15	36	44	—	—	—
		1.896+40	4.876	4.445	—	4.128	3.819
			9.321			7.947	

III. Поселенные итоги крестьянской переписи

№№ по порядку.		Разстояніе отъ города (въ верстахъ).	Число кр. дворовъ.	Крестьянское					
				Мужчины.					
				До 7 лѣтъ.	7—13 л.л.	14—17 л.л.	18—60 л.л.	60....л.	Итого.
		1	2	3	4	5	6	7	8
	Якутскій округъ.								
	I. Амгинское О-во.	Отъ Якутска.							
1	Амгинская слобода	180	100	43	22	21	107	33	226
2	Новопокровская деревня	200	11	10	3	3	12	4	32
3	Усть-Майская деревня	347	8	6	4	2	6	3	21
	Итого	—	**119**	**59**	**29**	**26**	**125**	**40**	**279**
	II. О-во 20 станцій Иркутск. тракта.								
4	Табагинская ст.	25	30	26	7	6	41	11	91
5	Тектюрская ст.	42	13	9	9	5	18	4	45
6	Улахъ-Анская ст.	63¾	17	13	2	6	19	4	44
7	Покровская ст.	82¼	12	3	4	3	18	2	30
8	Бестяхская ст.	106¼	19	15	7	2	23	4	51
9	Булгуньяхтахская ст.	121¾	13	11	5	1	13	3	33
10	Тоенъ-Аринская ст.	136¾	10	5	3	0	16	1	25
11	Еланская ст.	158¾	17	18	11	2	21	2	54
12	Титъ-Аринская ст.	180¾	25	14	14	4	37	6	75
13	Батамайская ст.	205¼	17	10	7	6	24	5	52
14	Синьская ст.	233	22	16	12	4	36	4	72
15	Атъ-Дабанская ст.	251¾	13	10	6	4	19	0	39
16	Ой-Муранская ст.	268¼	18	10	9	7	30	3	59
17	Журинская ст.	294¾	23	14	14	3	32	4	67

[1]) Къ Амгинскому О-ву по переписи причислены селенія Булунъ и Арылахъ,

	мужчинъ.	женщинъ.
Булунъ . . .	11	5
Арылахъ . .	11	8
	22	13

Если причислить ихъ къ Амгинскому населенію, то получится 433 души

$18^{94}/_{95}$ г. по Якутскому и Олекминскому округамъ:

населеніе $18^{94}/_{95}$ г.							Всѣхъ русскихъ по переписи 1897 г.			Численный составъ семей $18^{94}/_{95}$ г.					
Женщины.						Всего обоего пола.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	Одиночекъ.	2—4 души.	5—6 душъ.	7—10 душъ.	11 душъ.	Всего вошедшихъ въ перепись.
До 7 лѣтъ.	7—13 л.л.	14—17 л.л.	18—60 л.л.	60...л.	Итого.										
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
44	24	12	108	20	208	434	221	177	398[1])	6	55	24	13	2	100
8	7	1	13	2	31	63	41	41	82	—	5	1	5	—	11
4	3	1	7	1	16	37	11	8	19	2	1	3	2	—	8
56	**34**	**14**	**128**	**23**	**255**	**534**	**295 +22**	**239 +13**	**534 +35**	**8**	**61**	**28**	**20**	**2**	**119**
18	7	3	37	8	73	164	106	80	186	—	15	9	6	—	30
7	3	4	17	2	33	78	45	41	86	—	4	4	5	—	13
10	8	3	20	2	43	87	40	44	84	1	3	10	3	—	17
11	1	3	16	1	32	62	34	33	67	—	5	4	3	—	12
21	4	3	25	4	57	108	59	62	121	—	6	7	6	—	19
9	8	4	14	3	38	71	38	34	72	—	4	4	5	—	13
2	4	1	11	3	21	46	25	28	53	—	5	4	1	—	10
13	6	2	22	3	46	100	50	44	94	—	6	4	6	1	17
23	9	6	28	8	74	149	63	76	139	—	6	9	10	—	25
9	3	4	26	2	44	96	43	42	85	—	7	5	4	1	17
17	4	6	28	3	58	130	79	67	146	—	8	5	7	2	22
7	3	2	18	0	30	69	40	34	74	—	3	6	4	—	13
12	6	5	19	4	46	105	55	56	111	—	5	9	3	1	18
18	10	7	30	6	71	138	64	69	133	—	6	9	6	2	23

въ которыхъ указано жителей русскихъ:

обоего пола.

№№ по порядку.		Разстояніе отъ города (въ верстахъ).	Число кр. дворовъ.	Крестьянско					
				Мужчины.					
				До 7 лѣтъ.	7—13 л.л.	14—17 л.л.	18—60 л.л.	60...л.	Итого.
		1	2	3	4	5	6	7	8
		Отъ Якутска.							
18	Крестяхская ст.	314¼	6	6	2	0	5	1	14
19	Иситская ст.	332	24	20	15	9	33	5	82
20	Чуранская ст.	350¾	9	2	3	1	14	2	22
21	Малыканская ст.	376¼	11	7	5	6	20	4	42
22	Еловская ст.	401¼	16	7	3	4	17	5	36
23	Саныяхтахская ст.	426¼	26	19	9	7	42	5	82
24	Павловское селеніе	18	25	18	11	2	36	7	74
25	Доброе сельцо	14	8	6	2	2	10	2	22
	Итого	—	**374**	**259**	**160**	**84**	**524**	**84**	**1.111**
	Олекминскій округъ.	Отъ Олекминска.							
26	Амгинская деревня	8	87	41	22	16	78	32	189
27	Олекминская деревня	17	112	54	37	24	122	18	255
28	Мархачанская ст.	210½	15	13	3	3	21	2	42
29	Мархинская ст.	188	18	13	7	3	30	3	56
30	Хатынъ-Тумульская ст.	165¾	12	10	5	1	9	5	30
31	Бѣлая ст.	148¾	5	5	5	6	9	2	27
32	Чекурская ст.	131¾	12	10	2	1	19	5	37
33	Русская-Рѣчка ст.	100¼	11	13	6	2	12	3	36
34	Наманинская ст.	72¼	15	6	4	2	14	2	28
35	Харьялахская ст.	48¼	11	9	3	5	15	2	34
36	Солянская ст.	26	22	11	6	3	25	4	49
37	Берденская ст.	38	17	8	6	2	17	3	36
38	Бирюкская ст.	58	7	5	2	1	10	0	18
39	Черендейская ст.	80½	23	15	9	6	25	5	60
40	Дабанская ст.	98	10	5	0	1	10	0	16
41	Неленская ст.	113	12	7	5	4	16	0	32

[1]) Наличное населеніе деревни Олекминской по переписи указано въ 361 м. Очевидно, въ переписи произошла ошибка, быть можетъ вызванная якутскимъ 256 женщ., что невѣроятно.

[2]) Тутъ-же въ переписи указано урочище Мундыкъ съ русскимъ населеніемъ

населеніе $18^{94}/_{95}$ г.							Всѣхъ русскихъ по переписи 1897 г.			Численный составъ семей $18^{94}/_{95}$ г.					
Женщины.						Всего обоего пола.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	Одиночекъ.	2—4 душъ.	5—6 душъ.	7—10 душъ.	11 душъ.	Всего вошедшихъ въ перепись.
До 7 лѣтъ.	7—13 л.л.	14—17 л.л.	18—60 л.л.	60....л.	Итого.										
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
7	7	0	9	1	24	38	16	22	38	—	1	3	2	—	6
15	13	8	28	5	69	151	90	74	164	—	5	9	10	—	24
7	2	4	14	1	28	50	21	35	56	—	2	4	3	—	9
9	10	3	19	1	42	84	44	39	83	—	1	3	6	1	11
11	13	2	20	2	48	84	42	48	90	—	3	10	3	—	16
20	14	5	37	4	80	162	96	100	196	—	7	6	13	—	26
21	10	6	34	6	77	151	86	90	176	—	7	8	9	1	25
4	1	0	9	1	15	37	21	19	40	—	—	—	—	—	—
271	**146**	**81**	**481**	**70**	**1.049**	**2.160**	**1.157**	**1.137**	**2.294**	**1**	**109**	**132**	**115**	**9**	**366**
48	21	19	70	18	176	365	202	193	395	6	36	30	11	—	83
46	43	18	95	19	221	476	64	65	129[1])	4	46	27	22	1	100
8	8	5	16	1	38	80	47	45	92	—	5	7	3	—	15
11	3	11	28	1	54	110	53	60	113	—	5	6	6	—	17
9	4	3	13	3	32	62	40	33	73	—	2	2	6	—	10
5	7	0	8	1	21	48	28	22	50	—	—	—	4	1	5
8	4	3	16	4	35	72	66	68	144	—	—	6	5	2	13
9	4	4	13	4	34	70	45	41	86	—	5	—	5	1	11
9	1	1	15	2	28	56	47	36	83	1	8	2	2	—	13
8	7	3	10	2	30	64	36	32	68	1	2	4	2	2	11
15	11	4	20	6	56	105	69	63	132	1	7	7	6	—	21
4	3	4	23	7	41	77	67	59	126	—	11	3	3	—	17
6	1	2	7	1	17	35	23	22	45	—	3	3	1	—	7
11	12	5	27	2	57	117	53	59	112	2	8	6	7	1	24
14	4	2	10	0	30	46	22	14	36[2])	—	5	2	3	—	10
11	4	3	15	2	35	67	43	36	79	—	3	6	3	—	12

и 312 женщ., т. е. въ 673 души, тогда-какъ число „русскихъ“ несообразно мало. языкомъ крестьянъ; „якутовъ“ въ деревни перепись насчитываетъ 291 мужч. и

11 мужчинъ.

№№ по порядку.		Разстояніе отъ города (въ верстахъ).	Число кр. дворовъ.	Крестьянское					
				Мужчины.					
				До 7 лѣтъ.	7—13 л.л.	14—17 л.л.	18—60 л.л.	60...л.	Итого.
		1	2	3	4	5	6	7	8
		Отъ Олекминска.							
42	Качегарская ст.	134	14	11	6	3	21	1	42
43	Дельгейская ст.	154	13	2	0	7	19	2	30
44	Инняхская ст..	176	10	5	2	3	10	1	21
45	Березовская ст.	193½	16	10	8	2	19	1	40
46	Точильная ст..	215½	11	8	8	3	12	1	32
47	Нохтуйская ст.	245½	17	13	11	3	26	3	56
48	Жедайская ст.	275¼	19	7	10	6	22	3	48
49	Каменская ст..	298½	7	6	1	0	12	1	20
50	Тинная ст.	319½	8	4	3	3	10	0	20
	Итого	—	**504**	**291**	**171**	**110**	**583**	**99**	**1.254**
51	Курьинская деревня	18	0	—	—	—	—	—	—
	Пропущенныхъ при переписи.	а) въ деревнѣ Амгинской 4 двора,—пред б) въ деревнѣ Олекминской 11 дворовъ в) на ст. Чекурской 7 муж. и 12 женщ. г) на станціяхъ Олекминской волости							
	Итого по Олекминской волости	—	—	—	—	—	—	—	—

[1]) Инняхское селеніе перепись засчитываетъ въ числѣ якутскихъ поселеній, 5 мужч. и 1 женщ.

населеніе $18^{94}/_{95}$ г.							Всѣхъ русскихъ по переписи 1897 г.			Численный составъ семей $18^{94}/_{95}$ г.					
Женщины.						Всего обоего пола.									
До 7 лѣтъ.	7—13 л.л.	14—17 л.л.	18—60 л.л.	60....л.	Итого.		Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	Одиночекъ.	2—4 душъ.	5—6 душъ.	7—10 душъ.	11 душъ.	Всего вошедшихъ въ перепись.
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
15	5	6	16	1	43	85	55	56	111	—	3	5	6	—	14
5	6	3	17	2	33	63	44	53	97	—	6	4	3	—	13
7	5	5	9	2	28	49	—	—	[1])—	—	6	3	1	—	10
11	10	5	16	0	42	82	72	51	123	3	2	5	6	—	16
9	10	2	15	2	38	70	58	47	105	—	3	3	5	—	11
4	11	8	22	0	45	101	127	107	234	1	6	4	5	1	17
8	8	11	22	4	53	101	55	55	110	3	5	4	7	—	19
4	5	4	11	2	26	46	24	31	55	—	2	1	4	—	7
11	5	5	11	0	32	52	20	28	48	—	2	1	5	—	8
296	**202**	**136**	**525**	**86**	**1.245**	**2.499**	—	—	—	**22**	**181**	**141**	**131**	**9**	**484**
—	—	—	—	—	—	12	4	7	11						
положительно						20	—	—	—						
—предположительно						55	—	—	—						
неизвѣстнаго возраста (дѣти)						19	—	—	—						
на 5 дворахъ.						25	—	—	—						
—	—	—	—	—	—	**2.640**	**1.375 +11**	— **1.293**	— **2.668**						

причемъ указываетъ въ немъ жителей якутовъ 36 мужч., 44 женщ. и русскихъ

№№ по порядку.	Посѣвъ 1894 года въ пудахъ.											
	Рожь.		Ярица.		Пшеница.		Ячмень.		Овесъ.		Всего.	
	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.
	25		26		27		28		29		30	
1	20	—	659	30	148	20	351	5	27	20[1]	1.206	35
2	—	—	199	—	29	30	18	—	2	—[2]	248	30
3	29	—	72	—	13	30	8	—	—	—	122	30
	49	**—**	**930**	**30**	**192**	**—**	**377**	**5**	**29**	**20**	**1.578**	**15**
4	—	—	562	—	38	10	77	—	17	—	704	10[3]
5	—	—	211	—	18	—	30	—	3	—	262	—
6	—	—	271	—	8	20	83	—	4	—	366	20
7	—	—	126	—	7	20	29	20	—	—	163	—
8	—	—	237	—	4	30	69	—	—	—	310	30
9	—	—	175	—	10	—	48	35	—	—	233	35
10	—	—	135	—	6	—	59	—	—	—	200	—
11	—	—	234	—	6	20	52	—	3	20	296	—
12	—	—	379	—	6	10	98	—	—	—	483	10
13	—	—	229	—	2	20	196	—	1	—	428	20
14	—	—	285	—	20	—	242	—	2	—	549	—
15	—	—	96	—	7	30	87	—	—	—	190	30
16	—	—	161	—	21	10	36	20	—	—	218	30
17	—	—	122	—	18	20	307	—	2	20	450	—
18	—	—	72	—	2	—	35	—	—	—	109	—
19	—	—	256	—	8	30	125	—	12	—	401	30
20	—	—	152	—	7	—	27	20	1	—	187	20
21	—	—	160	—	10	—	117	—	6	—	293	—
22	—	—	127	—	7	20	50	20	—	—	185	—
23	—	—	492	—	63	20	117	—	10	—	682	20
24	6	—	900	—	137	—	166	—	107	—	1.316	—
25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	6	**—**	**5.382**	**—**	**411**	**20**	**2.052**	**35**	**169**	**—**	**8.031**	**15**
26	—	—	1.170	20	320	30	827	—	388	—	2.741	10
27	—	—	1.342	—	302	20	1.405	—	291	20	3.341	—

[1]) Было посѣяно 27 п. 20 ф. овса и конопли. [2]) 2 п. конопли. [3]) Въ нѣко отдѣльнымъ хлѣбамъ; такія количества введены прямо въ итогъ, который и оказы

Картофель.		Распредѣленіе хозяйствъ по размѣру посѣвовъ.									
Пуд.	Ф.	Хозяйствъ не сѣявшихъ.	Сѣявшихъ до 10 пудовъ.	Сѣявшихъ по 11—20 пудовъ.	Сѣявшихъ по 21—30 пудовъ.	Сѣявшихъ по 31—40 пудовъ.	Сѣявшихъ по 41—50 пудовъ.	Сѣявшихъ по 51—100 пудовъ.	Сѣявшихъ по 101—200 пудовъ.	Сѣявшихъ болѣе 200 пудовъ.	Средній посѣвъ на хозяйство.
31		32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
—	—	5	54	31	8	—	1	—	1	—	12,07
—	—	—	1	4	4	1	1	—	—	—	22,50
—	—	—	2	5	1	—	—	—	—	—	13,75
—	—	**5**	**57**	**40**	**13**	**1**	**2**	—	**1**	—	—
242	—	2	8	10	4	3	1	1	2	—	22,7
128	—	1	1	4	4	3	—	—	—	—	20,2
54	—	—	2	8	6	—	—	1	—	—	21,5
48	—	3	2	6	—	1	—	—	—	—	13,6
201	—	1	2	10	5	1	—	—	—	—	16,4
51	—	—	5	3	1	4	—	—	—	—	18,0
20	—	—	2	4	1	2	1	—	—	—	20,0
57	20	—	6	6	1	4	—	—	—	—	17,4
144	—	—	1	16	5	3	—	—	—	—	19,3
98	—	—	1	7	3	6	—	—	—	—	25,2
80	—	—	3	8	5	1	5	—	—	—	25,0
26	30	—	2	9	2	—	—	—	—	—	14,3
52	20	—	9	8	1	—	—	—	—	—	12,2
51	—	—	4	8	9	2	—	—	—	—	19,6
9	—	1	1	2	1	1	—	—	—	—	18,1
88	10	—	3	15	5	1	—	—	—	—	16,7
36	20	—	2	1	3	2	—	—	—	—	20,8
52	—	—	—	4	4	—	3	—	—	—	26,6
48	—	—	6	10	—	—	—	—	—	—	11,6
180	—	—	3	5	9	6	2	1	—	—	26,2
362	—	—	—	3	5	2	6	4	3	—	57,2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.029	**20**	**8**	**63**	**147**	**74**	**42**	**18**	**7**	**5**	—	—
560	—	6	7	21	21	11	3	10	3	1	33,0
673	—	3	7	20	26	18	11	12	3	—	33,4

торыхъ случаяхъ крестьяне указывали размѣръ всего посѣва, не распредѣляя его по
вается въ такихъ случаяхъ больше суммы слагаемыхъ.

№№ по порядку.	Посѣвъ 1894 года въ пудахъ.											
	Рожь.		Ярица.		Пшеница.		Ячмень.		Овесъ.		Всего.	
	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.
	25		26		27		28		29		30	
28	—	—	183	—	—	—	71	—	—	—	254	—
29	15	—	246	—	19	—	124	—	13	20	417	20
30	—	—	160	—	10	20	113	—	—	—	283	20
31	—	—	102	—	4	—	25	—	—	—	131	—
32	—	—	437	—	28	—	62	—	20	—	547	—
33	—	—	58	—	2	20	89	—	—	—	149	20
34	—	—	11	—	2	—	131	—	4	—	148	—
35	—	—	49	—	10	—	110	20	55	—	224	20
36	—	—	175	—	124	—	166	—	74	—	539	—
37	—	—	293	—	49	—	319	—	36	—	697	—
38	—	—	78	—	—	—	50	—	21	—	149	—
39	—	—	168	—	22	20	162	—	67	—	434	20
40	—	—	68	—	—	—	45	—	20	—	133	—
41	—	—	78	—	2	—	63	—	18	—	161	—
42	—	—	257	—	4	20	50	—	34	—	345	20
43	—	—	244	—	2	—	18	—	36	—	300	—
44	—	—	75	—	1	—	41	—	41	—	158	—
45	—	—	143	—	—	—	—	—	5	—	148	—
46	—	—	219	—	1	—	58	—	46	30	324	30
47	—	—	96	—	3	—	11	—	65	—	175	—
48	—	—	217	—	2	—	86	20	66	—	371	20
49	—	—	89	—	23	30	59	—	98	—	269	30
50	—	—	93	—	12	—	51	—	62	—	303	—
	15	—	**6.051**	**20**	**946**	—	**4.137**	—	**1.461**	**30**	**12.746**	**10**

Картофель.		Распредѣленіе хозяйствъ по размѣру посѣвовъ.									
Пуд.	Ф.	Хозяйствъ не сѣявшихъ.	Сѣявшихъ до 10 пудовъ.	Сѣявшихъ по 11—20 пудовъ.	Сѣявшихъ по 21—30 пудовъ.	Сѣявшихъ по 31—40 пудовъ.	Сѣявшихъ по 41—50 пудовъ.	Сѣявшихъ по 51—100 пудовъ.	Сѣявшихъ по 101—200 пудовъ.	Сѣявшихъ болѣе 200 пудовъ.	Средній посѣвъ на хозяйство.
31		32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
6	—	—	4	7	4	—	—	—	—	—	16,9
45	—	—	1	8	3	5	1	—	—	—	23,2
55	—	—	—	2	5	2	1	—	—	—	28,3
48	—	—	—	1	3	1	—	—	—	—	26,2
176	—	—	—	2	3	2	3	1	1	—	45,6
50	—	—	4	6	1	—	—	—	—	—	13,5
39	—	—	8	4	1	—	—	—	—	—	11,4
97	—	—	4	3	1	2	1	—	—	—	20,4
230	—	2	—	8	4	4	1	2	—	—	25,7
111	—	—	1	5	4	2	2	1	2	—	41,0
27	—	—	—	4	2	1	—	—	—	—	21,3
70	—	—	4	10	7	2	—	—	—	—	18,9
71	—	—	6	2	2	—	—	—	—	—	13,3
93	—	—	6	4	1	1	—	—	—	—	13,4
174	—	—	1	6	3	2	2	—	—	—	25,4
236	—	—	3	4	3	2	1	—	—	—	23,1
91	—	—	3	5	1	1	—	—	—	—	15,8
256	—	7	3	3	2	1	—	—	—	—	9,2
162	—	—	—	2	4	2	3	—	—	—	29,5
216	—	8	4	3	—	1	1	—	—	—	13,0
304	—	—	6	6	3	2	2	—	—	—	19,5
86	—	—	—	3	1	1	—	2	—	—	38,4
137	—	—	—	3	3	1	1	—	—	—	37,9
4.013	—	**26**	**72**	**142**	**108**	**64**	**33**	**28**	**9**	**1**	—

№№ по порядку.	Количество скота къ началу 1895 года.								
	Рогатаго.				Коннаго.				
	Коровъ.		Быковъ.						Хозяйствъ не имѣющихъ никакого скота.
	Большихъ.	Малыхъ.	Большихъ.	Малыхъ.	Коней.	Жеребцовъ.	Кобылъ.	Жеребятъ.	
	42	43	44	45	46	47	48	49	50
1	386	150	69	62	151	16	90	24	11
2	17	8	—	3	9	—	2	1	—
3	12	9	—	2	9	—	1	1	—
	415	**167**	**69**	**67**	**169**	**16**	**93**	**26**	**11**
4	113	66	35	31	56	5	42	20	—
5	60	30	20	20	32	2	21	10	—
6	107	56	39	31	35	3	46	28	—
7	70	24	21	14	33	2	24	8	—
8	104	47	21	24	40	2	10	3	—
9	115	44	18	19	32	3	37	15	—
10	56	16	18	19	26	2	18	11	—
11	63	27	21	16	34	—	4	3	—
12	126	52	32	35	48	1	1	1	—
13	89	36	19	29	37	1	9	8	—
14	99	61	33	29	39	1	13	9	—
15	41	21	15	12	26	3	1	—	—
16	85	37	21	20	36	—	5	2	—
17	101	42	18	25	48	2	14	7	—
18	23	7	3	2	12	1	1	—	—
19	94	52	16	35	50	—	6	1	
20	39	21	7	11	21	2	4	3	
21	54	22	6	21	37	1	6	2	
22	53	26	4	9	29	2	—	—	—
23	88	48	7	14	54	2	8	6	—
24	99	31	11	17	79	8	17	5	
25	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1.679	**766**	**385**	**433**	**804**	**43**	**287**	**142**	**—**
26	212	134	49	42	179	14	63	27	
27	378	188	73	78	213	14	59	15	—

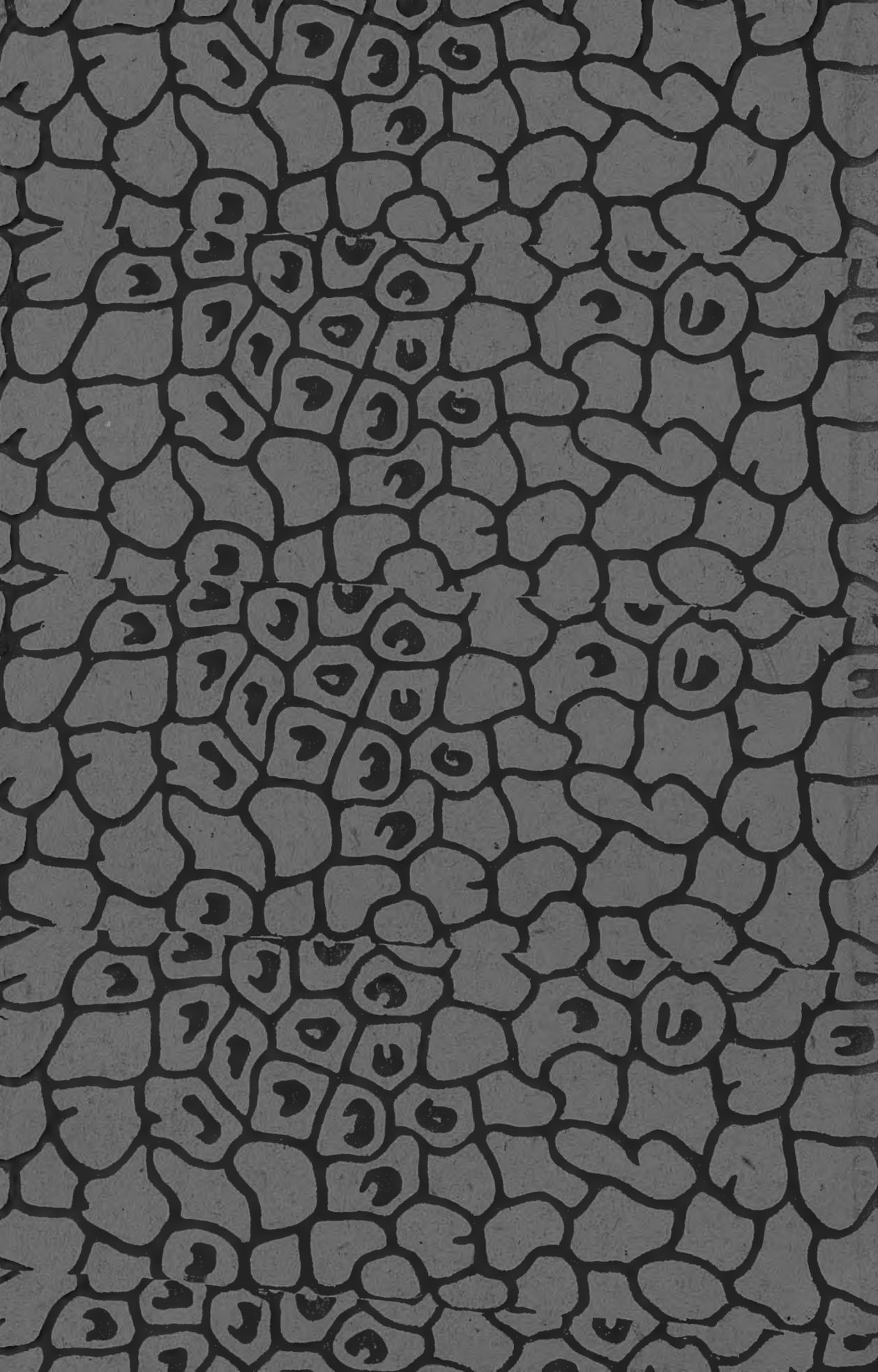
Распредѣленіе хозяйствъ по количеству скота.										Въ среднемъ на 1 дворъ.	
Рогатаго (старше 2 травъ).					Коннаго (старше 2 травъ).						
Не имѣющихъ.	Имѣющихъ отъ 1 до 4 головъ.	Имѣющихъ отъ 5 до 10 головъ.	Имѣющихъ отъ 11 до 20 головъ.	Имѣющихъ отъ 21 до	Не имѣющихъ.	Имѣющихъ отъ 1 до 4 головъ.	Имѣющихъ отъ 5 до 10 головъ.	Имѣющихъ отъ 11 до 20 головъ.	Имѣющихъ отъ 21 до	Рогатаго.	Коннаго.
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62
14	43	33	10	—	20	60	17	3	—	4,55	2,57
—	11	—	—	—	2	9	—	—	—	1,3	0,8
1	7	—	—	—	1	7	—	—	—	1,5	1,1
15	**61**	**33**	**10**	**—**	**23**	**76**	**17**	**3**	**—**	**—**	**—**
—	13	18	—	—	3	23	4	—	1	4,8	3,3
1	6	3	3	—	2	9	—	2	—	6,2	4,2
1	2	12	1	1	—	14	2	—	1	8,6	4,9
2	2	5	2	1	1	9	1	—	1	7,6	4,9
1	7	7	4	—	—	17	2	—	—	6,6	2,7
—	3	5	2	3	2	7	1	3	—	10,2	5,6
1	3	4	2	—	2	4	2	2	—	7,4	4,6
—	10	6	1	—	1	15	1	—	—	5,0	2,2
—	5	19	1	—	1	24	—	—	—	6,3	2,0
—	8	4	5	—	—	16	—	1	—	6,4	2,8
—	9	9	4	—	2	17	3	—	—	6,0	2,4
—	8	5	—	—	1	11	1	—	—	4,3	2,2
1	8	6	3	—	1	15	2	—	—	5,9	2,3
—	10	12	1	—	—	19	4	—	—	5,2	2,8
—	3	3	—	—	—	5	1	—	—	4,3	2,3
1	10	13	—	—	2	20	2	—	—	4,6	2,3
—	4	5	—	—	1	7	1	—	—	4,2	3,0
1	4	5	1	—	—	8	2	1	—	5,4	4,0
—	11	5	—	—	—	16	—	—	—	3,6	2,0
—	19	7	—	—	1	23	2	—	—	3,6	2,5
1	15	4	2	1	—	16	4	3	—	4,8	4,5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	**160**	**157**	**32**	**6**	**20**	**295**	**35**	**12**	**3**	**—**	**—**
10	60	10	2	1	10	57	11	5	—	3,2	3,1
12	50	34	3	1	10	69	20	1	—	4,5	2,9

№№ по порядку.	Количество скота къ началу 1895 года.								
	Рогатаго.				Коннаго.				
	Коровъ.		Быковъ.		Коней.	Жеребцовъ.	Кобылъ.	Жеребятъ.	Хозяйствъ не имѣющихъ никакого скота.
	Большихъ.	Малыхъ.	Большихъ.	Малыхъ.					
	42	43	44	45	46	47	48	49	50
28	47	16	3	6	34	—	1	—	—
29	54	21	3	5	32	3	9	1	—
30	50	29	3	9	24	2	12	6	—
31	19	14	1	3	19	1	5	2	—
32	86	39	10	4	59	4	26	6	—
33	38	13	3	4	28	1	3	1	—
34	38	19	5	1	18	1	6	1	—
35	43	15	6	10	50	2	7	—	—
36	68	63	12	6	50	12	28	13	—
37	79	11	25	1	67	11	24	14	—
38	19	11	—	1	23	1	3	—	—
39	68	30	2	7	60	2	14	3	—
40	17	7	1	1	20	3	5	3	—
41	47	12	2	4	23	3	23	6	—
42	40	23	3	6	30	5	26	6	—
43	54	25	6	6	36	3	17	10	—
44	34	13	1	1	31	3	10	2	—
45	50	26	8	9	82	6	21	16	—
46	36	16	6	7	37	1	6	1	—
47	24	14	5	10	110	7	27	13	—
48	58	27	8	16	50	3	12	8	—
49	28	21	6	2	32	1	12	10	—
50	21	12	6	5	29	2	5	2	—
	1.608	**799**	**247**	**244**	**1.336**	**105**	**424**	**166**	**16**

Распредѣленіе хозяйствъ по количеству скота.										Въ среднемъ на 1 дворъ.	
Рогатаго (старше 2 травъ).					Коннаго (старше 2 травъ).						
Не имѣющихъ.	Имѣющихъ отъ 1 до 4 головъ.	Имѣющихъ отъ 5 до 10 головъ.	Имѣющихъ отъ 11 до 20 головъ.	Имѣющихъ отъ 21 до	Не имѣющихъ.	Имѣющихъ отъ 1 до 4 головъ.	Имѣющихъ отъ 5 до 10 головъ.	Имѣющихъ отъ 11 до 20 головъ.	Имѣющихъ отъ 21 до	Рогатаго.	Коннаго.
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62
—	12	2	1	—	—	15	—	—	—	3,3	2,3
1	14	3	—	—	1	16	1	—	—	2,2	2,4
—	4	6	—	—	—	7	3	—	—	5,3	3,8
—	3	2	—	—	—	3	2	—	—	4,0	5,0
—	4	6	1	1	1	7	2	1	1	8,0	7,4
—	7	4	—	—	—	10	1	—	—	3,7	3,0
—	10	3	—	—	1	11	1	—	—	3,3	2,0
3	3	5	—	—	3	4	2	2	—	4,5	5,4
—	17	2	2	—	—	12	9	—	—	3,8	4,4
3	5	7	1	1	2	9	4	1	1	6,1	6,0
—	6	1	—	—	—	5	2	—	—	2,7	4,0
2	17	4	—	—	2	16	5	—	—	3,0	3,8
1	9	—	—	—	—	8	2	—	—	1,8	2,8
—	10	2	—	—	—	8	4	—	—	4,1	4,1
1	11	2	—	—	—	9	4	1	—	3,1	4,4
1	7	4	1	—	—	9	4	—	—	4,7	4,3
—	8	2	—	—	—	7	3	—	—	3,5	4,4
3	9	3	1	—	—	7	6	2	1	3,6	6,8
1	4	6	—	—	—	8	3	—	—	3,8	4,0
4	13	—	—	—	1	6	5	4	1	1,7	8,5
2	11	6	—	—	1	12	6	—	—	3,5	3,5
—	4	3	—	—	—	3	3	1	—	4,9	6,3
—	6	2	—	—	—	6	1	1	—	3,4	4,5
44	**304**	**119**	**12**	**4**	**32**	**324**	**104**	**19**	**4**	—	—

IV. Понаслежные итоги инородческой

Олекминская инородческая волость.	Число ревизских душъ по волостнымъ даннымъ.	Число платежныхъ душъ по сельскимъ приговорамъ 1893/94 г.г.	По переписи на						
			Число хозяйствъ.	Жилища.		Мужчины			
				Домовъ.	Юртъ.	До 7 лѣтъ.	7—13 лѣтъ.	14—17 лѣтъ.	18—59 лѣтъ.
1-е Нерюхтейское о-во.	643	621	263	151	96	129	80	40	296
2-е » »	619	480	225	208	96	88	68	22	248
1-е Меитское »	711	642	306	254	76	97	98	41	322
2-е » »	1.022	957	405	419	50	178	115	58	527
Мальжегарское »	1.065	968	483	510	102	164	128	57	522
Кятчинское »	381	360	147	122	92	68	51	18	188
Всего по волости.	**4.441**	**4.028**	**1.829**	**1.664**	**512**	**724**	**540**	**236**	**2.103**

переписи 1893 г. по Олекминскому округу.

п и с и 1893 г о д а.									Скотоводство.				
с е л е н і е.									Лошадей.			Коровъ.	
н ъ.		Ж е н щ и н ъ.						Всего обоего пола.					
60 лѣтъ и болѣе.	Итого.	До 7 лѣтъ.	7—11 лѣтъ.	12—15 лѣтъ.	16—54 лѣтъ.	55 лѣтъ и болѣе.	Итого.		Рабочихъ.	Нерабочихъ.	Жеребятъ.	Большихъ.	Малыхъ.
75	620	96	48	55	274	69	542	1.162	750	33	53	1.403	498
34	460	85	54	43	234	58	474	934	583	133	92	1.082	534
49	607	111	68	44	284	83	590	1.197	717	93	70	1.439	461
66	944	137	100	72	443	89	841	1.785	1.670	303	146	2.735	745
101	972	172	72	55	437	111	847	1.819	864	396	187	2.071	1.399
24	349	53	55	24	166	44	342	691	468	129	40	1.025	317
349	**3.952**	**654**	**397**	**293**	**1.838**	**454**	**3.636**	**7.588**	**5.052**	**1.087**	**588**	**9.755**	**3.954**